

Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

А. М. Мехнецов

Народная Традиционная Культура

Статьи и материалы

К 150-летию
Санкт-Петербургской консерватории

Нестор-История
Санкт-Петербург
2014

УДК 78(091)
ББК 85.311/313
М55

Рецензенты:

доктор искусствоведения *Т. С. Рудиченко*
кандидат искусствоведения *Е. И. Якубовская*
кандидат искусствоведения *Н. А. Брагинская*

М55 Мехнецов А. М.

Народная традиционная культура : Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории / сост. Е. А. Валевская, К. А. Мехнецова; Вст. ст. Г. В. Лобковой. — СПб. : Нестор-История, 2014. — 440 с.

ISBN 978-5-4469-0207-1

Анатолий Михайлович Мехнецов (1936–2008) — русский учёный-этномузыколог, собиратель фольклора, педагог, общественный деятель. Настоящее собрание статей, материалов и документов впервые объединяет работы А. М. Мехнецова, ранее публиковавшиеся в различных научных изданиях. В сборник вошли теоретические статьи, касающиеся основных вопросов и проблем этномузыкологии, определения ключевых понятий науки, а также методические разработки и другие документы, свидетельствующие о многогранной профессиональной деятельности А. М. Мехнецова. Ряд материалов публикуется впервые.

Издание адресовано специалистам в области этномузыкологии, работникам сфер культуры, науки и образования, студентам, а также всем, кто видит своё призвание в сохранении, познании и достоверной передаче новым поколениям сокровищ народной памяти.

УДК 78(091)
ББК 85.311/313

ISBN 978-5-4469-0207-1

© А. М. Мехнецов, наследники, 2014
© Е. А. Валевская, К. А. Мехнецова, составление, 2014

Оригинал-макет *К. А. Мехнецова*
Дизайн обложки *А. С. Вересов*

*Текст настоящего издания приводится
без издательского редактирования*

Подписано в печать 26.12.2013. Формат 70 × 100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 35,6. Тираж 200 экз. Заказ № 3690

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru; www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01-23

Содержание

От составителей.....	5
<i>Г. В. Лобкова</i> . Основные методы и результаты исследования традиционной народной культуры, представленные в научных трудах А. М. Мехнецова	7

Теоретические статьи

Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры	17
Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы)	23
Типическое в природе и формах фольклора	27
Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры	54
О задачах комплексного исследования фольклора	68
Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования	79
Проблемы системного изучения явлений фольклора. Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы	84
Архаические формы русской хореографии	91
Русские гусли	95
Русские гусли в собрании Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова	110
Заметки о репортажах	116

Региональные исследования

Об особенностях песенного стиля старожилы Томского Приобья	120
Свадебный фольклор Томского Приобья	138
О сибирских лирических песнях	149
Песни Средней Сухоны	163
Народная традиционная культура Вологодской области	182
Традиции народной культуры Вологодской области: итоги и перспективы комплексного изучения (по результатам экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра)	197
Е. Э. Линёва и современные экспедиционные исследования фольклорных традиций Белозерья	206
Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России (поминальные, «урочные дни»)	211
Устьянские песни. «Молодецкая лирика»	224
Устьянские песни. «Девья» лирика	231

Народные песни Ленинградской области.	
Старинная свадьба Сланцевского района	241
Песни Псковской земли	252
Народная традиционная культура Псковской области	260
Результаты экспедиционной деятельности Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра на территории Смоленской земли (1964–2004).....	299

Образовательные программы

Музыкально-этнографическая практика.....	309
Музыкально-этнографическое отделение консерватории:	
программа подготовки фольклористов.....	320
Программа подготовки специалистов в области этномузыкологии.....	328
Программа Специальных классов	
Фольклорно-этнографического центра.....	335
Проект создания Государственного института русского фольклора: концепция, программа деятельности, пути реализации проекта	342

Программы сохранения и возрождения народной традиционной культуры

Традиционная народная культура: программа сохранения, защиты и возрождения	354
Фольклор и этнография: Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры Вологодской области	358
Русская фольклорно-этнографическая экспедиция:	
Программа создания фундаментального научного собрания фольклорно-этнографических материалов по русской народной традиционной культуре как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций.....	371
Концептуальные положения Программы восстановления цикла русских национальных праздников, связанных со сменой времён года «Солнцеворот»	374

Документы

Народные песни в записи А. С. Пушкина	384
Гусли – русский народный музыкальный инструмент.....	391
Экспедиционные исследования А. М. Мехнецова.	
<i>Сост. Е. А. Валевская</i>	397
Список научных трудов А. М. Мехнецова. <i>Сост. Е. А. Валевская,</i> <i>К. А. Мехнецова</i>	425

От составителей

Публикуемое издание содержит разнообразные документы, свидетельствующие о многогранной профессиональной деятельности Анатолия Михайловича Мехнецова, основными направлениями которой являлись:

- исследование региональных традиций (научная подготовка и проведение экспедиций; создание фонда собранных материалов по фольклору и этнографии местных культурных традиций; научный анализ собранного и систематизация материалов);
- подготовка и издание результатов научного изучения фольклорных традиций (общетеоретические статьи, сборники народных песен, подготовка коллективных монографий, издание грампластинок);
- разработка образовательных программ с целью подготовки высококвалифицированных кадров в области этномузыкологии;
- подготовка программ возрождения фольклорных традиций;
- творческая деятельность как исполнителя, как художественного руководителя Фольклорного ансамбля Санкт-Петербургской консерватории и Президента Российского фольклорного союза.

Издание содержит теоретические статьи, касающиеся основных проблем фольклористики и этномузыкологии – таких как «традиция»; «стиль»; «фольклорно-этнографический текст»; проблемы «типического» и «опознавательных признаков» тех или иных сторон традиций народной музыкальной культуры, отдельных жанров фольклора; вопросов комплексного исследования местных традиций.

Региональные исследования являлись областью основных научных интересов А. М. Мехнецова. Именно им он отводил главное место в своей собирательской, исследовательской и издательской деятельности. Экспедиционной работой была охвачена территория Русского Севера (Архангельская, Вологодская области), Северо-Запада (Ленинградская, Псковская, Новгородская области), Центральной России (Тверская, Смоленская области), Западной Сибири (Томская, Тюменская, часть Кемеровской, Новосибирской и Омской областей), районов Алтайского и Красноярского краёв. Беспрецедентная по масштабу собирательская работа А. М. Мехнецова представлена в публикуемом списке экспедиций и стационарных записей (с перечнем всех населённых пунктов, где работу проводил лично А. М. Мехнецов).

Издания, подготовленные А. М. Мехнецовым, свидетельствуют о глубине и тщательности проработки материалов – как во время проведения полевых исследований, так и на этапе их научного изучения и систематизации. Конечной целью региональных исследований в сотрудничестве (или в параллельной работе) с другими научными организациями А. М. Мехнецов видел создание фольклорно-этнографического атласа традиций народной музыкальной культуры России.

Его аналитические статьи, предшествующие сборникам песен и коллективным монографиям, раскрывают особенности исследуемых традиций. В этих статьях содержатся ссылки на конкретные образцы, представленные в изданиях. Поскольку эти издания не всегда могут быть доступны читателю, составители приводят нотные примеры песен, которые анализирует или на которые ссылается А. М. Мехнецов.

Большого внимания заслуживают документы, касающиеся разработки образовательных программ и программ возрождения традиций народной культуры. Этим вопросам А. М. Мехнецов также уделял много времени и сил, сознавая острую необходимость принятия экстренных мер в деле спасения национальной культуры.

Публикуемые материалы призваны осветить основные приоритеты научного наследия выдающегося собирателя и исследователя, каким был А. М. Мехнецов.

Встречающиеся в текстах статей и документах ссылки на *Фольклорно-этнографический центр, Российский фольклорно-этнографический центр* требуют пояснения с тем, чтобы избежать лишних повторов.

Фольклорно-этнографический центр (ФЭЦ) создан в 1991 году на базе Лаборатории народного музыкального творчества Ленинградской государственной консерватории (в рамках Научно-исследовательского сектора вуза). С 1997 года стал самостоятельной организацией федерального подчинения (Федеральное государственное учреждение культуры «Фольклорно-этнографический центр»). В 2005 году получил статус «Российский фольклорно-этнографический центр» (РФЭЦ). С 2007 года вновь вошёл в состав Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова как её структурное подразделение (ФЭЦ СПбГК). В 2010 году решением Учёного совета вуза Центру было присвоено имя его создателя – Анатолия Михайловича Мехнецова.

Выходные данные опубликованных работ приводятся в первом примечании к каждой статье. Курсивом в подстрочнике выделены примечания составителей, содержащие ссылки на статьи настоящего издания (в случаях, если автор ссылается на свои публикации), ссылки на Список научных трудов, а также варианты, выявленные при сопоставлении публикаций с исходным авторским текстом.

Е. А. Валевская, К. А. Мехнецова

Основные методы и результаты исследования традиционной народной культуры, представленные в научных трудах А. М. Мехнецова

Анатолий Михайлович Мехнецов (1936–2008)¹ является основателем этномузыкологической школы Санкт-Петербургской государственной консерватории в современном её виде. Приступив к работе в Консерватории в 1976 году, он более 30 лет посвятил делу собирания, изучения и введения в образовательный процесс материалов по народной традиционной музыкальной культуре. Неразрывность и взаимосвязь научно-исследовательского, художественно-творческого и образовательного направлений отличают характер деятельности А. М. Мехнецова, за время которой были созданы: фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории (1976), музыкально-этнографическое отделение (1989, с 2003 – отделение этномузыкологии), кафедра музыкальной этнографии и древнерусского певческого искусства (1992, с 2005 – кафедра этномузыкологии), Фольклорно-этнографический центр (1991).

В области музыкальной фольклористики А. М. Мехнецов выделяет сферу полевых исследований в качестве приоритетной, что обусловлено критическим состоянием, в котором находится народная традиционная музыкальная культура на протяжении последних десятилетий. Участие в одной из псковских экспедиций 1965 года под руководством Н. Л. Котиковой стало поворотным событием в жизни А. М. Мехнецова, и он, оставив композиторское поприще, продолжил обучение в консерватории как музыковед-фольклорист под научным руководством Ф. А. Рубцова. Начальный период его научной деятельности связан с исследованием песенных традиций Западной Сибири (11 самостоятельных экспедиций, 1966–1977 годы). С 1976 года А. М. Мехнецов возглавляет экспедиционную работу студентов и сотрудников Консерватории, которая с этого времени приобретает планомерный и масштабный характер (участие большого коллектива, протяжённые сроки, охват обширных территорий). Под его началом и при непосредственном участии состоялось более 100 экспедиций, в результате которых фронтальным способом был обследован ряд ключевых для истории русской культуры территорий: Вологодская (1976–1993, 2000), Архангельская (1977–1983), Псковская (1981–2002), Новгородская (1985–1992), Тверская (1985, 1988–1997), Смоленская (1993–2005) области (карта 1), кроме того были соверше-

¹ Биографические сведения о А. М. Мехнецове приводятся во вступительной статье к изданию: *Мехнецов А. М.* Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 3–7.

ны повторные поездки в Тюменскую область и Ханты-Мансийский автономный округ (1995, 1997, 2001), организован ряд экспедиций в Ленинградскую, Ярославскую, Брянскую области, Краснодарский край². Благодаря этой работе сформированное в Санкт-Петербургской консерватории документальное собрание фольклорно-этнографических материалов многократно пополнилось и составило к 2008 году более 18000 единиц хранения: аудио-кашук (кассет, дисков), видеокассет, музыкальных инструментов (прежде всего — новгородских и псковских гуслей), образцов материальной культуры, папок с рукописными и фотографическими документами.

Наряду с проведением полевых исследований А. М. Мехнецов определяет следующие ведущие направления деятельности этномузыкалогической школы:

- разработка и совершенствование теоретической и методологической научной базы;

Карта 1. Территория, обследованная фольклорными экспедициями Санкт-Петербургской государственной консерватории и Фольклорно-этнографического центра с 1976 по 2005 год под руководством А. М. Мехнецова

² Список экспедиций см.: *Наст. изд. С. 397–424.*

- организация архивного хранения звуко-, видеозаписей и других экспедиционных коллекций;
- издание фольклорно-этнографических материалов (книжные публикации, грампластинки, музыкальные телефильмы, аудиодиски; информационные системы в формате мультимедиа);
- подготовка специалистов; учебно-методическая работа;
- практическое освоение песенных и инструментальных традиций – область аутентичного исполнительства.

Основные научные труды и издания материалов, подготовленные А. М. Мехнецовым, направлены на целостное представление этнокультурных комплексов, выявленных в ходе фольклорных экспедиций. В ряду первых работ, созданных в 1970–1980-е годы по материалам собственных экспедиций, – научная статья «Об особенностях песенного стиля старожилов Томского Приобья» (1978),³ диссертационное исследование «Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири» (1983),⁴ сборники хороводных (1973), свадебных (1977) и лирических (1986) песен Томского Приобья.⁵ В этих научных трудах и во вступительных статьях к сборникам А. М. Мехнецов делает акцент на историко-типологической оценке документальных экспедиционных материалов, проводит сравнение сибирских и северно-русских традиций народной культуры (на уровнях обрядовой системы, жанрового состава, структурных и стилевых характеристик песенных форм), что даёт возможность обоснованно выделить признаки старожильского пласта русской народно-песенной культуры Сибири.

В те же годы по результатам коллективной экспедиционной работы в районах Вологодской, Архангельской, Ленинградской и Псковской областей под руководством А. М. Мехнецова подготовлены к изданию сборники, в которых системно представлены песенные традиции Средней Сухоны (1981), устьянские лирические песни (1983, 1984), свадебная обрядность Сланцевского района (1985), псковские календарно-обрядовые песни (1989).⁶ Ограниченность объёма вступительных статей к сборникам не позволяла полноценно осветить особенности местных песенных традиций и описать содержание обрядов. В настоящем издании эти статьи приводятся в дополненном виде. Научное значение первых сборников состоит не только в том, что в них опубликован не известный ранее материал, но и в строгом соблюдении типологического

³ См. *Наст. изд.* С. 120–138.

⁴ Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири. Автореферат...; см. также публикацию: Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова* – *Наст. изд.* С. 425–440.

⁵ Хороводные песни, записанные в Томской области...; Свадебные песни Томского Приобья...; Лирические песни Томского Приобья... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*.

⁶ Народные песни Вологодской области...; Устьянские песни...; Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района...; Песни Псковской земли... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*.

принципа подбора и расположения вариантов напевов и текстов. Включение в издание наиболее характерных образцов даёт представление о показательных свойствах и стилевом своеобразии песенных форм, распространённых в той или иной традиции.

А. М. Мехнецов считал, что только на фундаментальной фактологической базе в процессе сотрудничества различных научных и творческих коллективов возможно осуществление программы по созданию «Фольклорно-этнографического атласа России». В статье «О задачах комплексного исследования фольклора» (2005) он изложил основную концепцию «Фольклорно-этнографического атласа», который должен представлять собой «систематизированное по документальным источникам, обобщённое на уровне типологически значимых признаков описание явлений народной традиционной культуры, принадлежащих самостоятельным историко- или этнокультурным комплексам в соотнесённости с их территориальным расположением».⁷ При разработке атласа во главу угла ставятся следующие задачи:

- выявление границ распространения определённой традиции как целого и отдельных её элементов;
- учёт статистических показателей и типологических характеристик фактов народной традиционной культуры (критерии собственно местного, регионального, национального);
- изучение процессов формирования и динамики исторической эволюции важнейших компонентов содержания, форм и языка фольклора.⁸

Изложению методов всестороннего ареального изучения этнокультурных традиций посвящены также научные статьи А. М. Мехнецова «Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования» (2007)⁹ и «Проблемы системного изучения явлений фольклора. Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы» (2009).¹⁰ В этих работах А. М. Мехнецов, опираясь на основные принципы типологического изучения фольклорного наследия, представленные в работах Б. Н. Путилова,¹¹ вводит понятие «опознавательные признаки фольклорной традиции». К опознавательным относятся *признаки типического* — «универсально повторяемого» в масштабах «родового» единства отдельных видов, средств и форм выражения», а также и «*черты отличительного*, своеобразии которых складывалось в местных традициях в силу тех или иных обстоятельств».¹² А. М. Мехнецов указывает на то, что необходимо избегать абсолютизации структурных показателей в качестве признаков типического.

⁷ См. *Наст. изд.* С. 73.

⁸ См. *Наст. изд.* С. 71.

⁹ См. *Наст. изд.* С. 79–84.

¹⁰ См. *Наст. изд.* С. 84–91.

¹¹ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976; Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

¹² См. *Наст. изд.* С. 81.

При изучении фольклорных явлений, как отмечает исследователь, «к ряду опознавательных признаков вместе с комплексом знаково-выразительных средств относится и обширная область устойчивых образно-смысловых значений, которые являются опорными точками сознания, направляющим, морфологически значимым звеном содержательной стороны фольклорного текста, образуя собственный ряд – “понятийный уровень” структуры художественной формы».¹³

В большей степени соответствуют концепции «Фольклорно-этнографического атласа России» коллективные научные труды, выполненные под руководством А. М. Мехнецова в 2000-х годах: «Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра» (в 2 томах, 2002) и «Народная традиционная культура Вологодской области: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» (вышло две части 1 тома; 2005, 2009).¹⁴ Эти издания направлены на максимально полное представление содержания этнокультурных традиций, но имеют различную структуру и принцип изложения материала.

Так, первое издание охватывает все экспедиционные материалы Санкт-Петербургской консерватории, собранные в Псковской области (1978–1999). Во вступительной статье¹⁵ А. М. Мехнецов раскрывает границы и определяет опознавательные признаки восьми местных культурных традиций, выделенных в результате фронтальных полевых и всесторонних аналитических исследований. Каждой из обозначенных традиций посвящена одна из частей издания, где по единому плану даётся подробное описание этнокультурного комплекса. При этом для публикации выделяются наиболее показательные образцы напевов и поэтических текстов, наигрышей, остальные записи учитываются в многочисленных перечнях.

При издании материалов по Вологодской области избран другой путь: ставится задача свода всех имеющихся материалов по одной из местных культурных традиций. Планируется многотомное издание, и для первого тома избраны традиции, имеющие распространение в деревнях, расположенных в среднем течении реки Сухоны (Нюксенский район и прилегающие сельские округа Тарногского и Тотемского районов). В двух частях издания удалось объединить данные, полученные в ходе экспедиций Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории, Вологодского государ-

¹³ См. *Наст. изд.* С. 85.

¹⁴ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов...; Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга...; Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.*

¹⁵ См. *Наст. изд.* С. 260–299.

ственного педагогического института (университета), Вологодского областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации, районных центров традиционной народной культуры, и образцы, опубликованные в изданиях XIX века. Как отмечает А. М. Мехнецов во введении к первому выпуску издания, «сравнительное изучение записей, выполненных со столетним масштабом сопоставления на территории распространения однородной системы местных форм культурной традиции, позволяет проследить направления, характер, динамику процессов эволюции элементов содержания, структуры, назначения, функций отдельных жанров, той или иной группы текстов, сюжетов, языково-выразительных комплексов и других типологически определённых явлений фольклора».¹⁶ Избранный путь свода материалов оказывается весьма трудоёмким и сложным, однако представляется наиболее перспективным для решения задач создания «Фольклорно-этнографического атласа России».

В ходе экспедиционной работы коллектива под руководством А. М. Мехнецова были исследованы малоизученные и открыты неизвестные явления песенного, инструментального, хореографического фольклора, принадлежащие к раннему в историко-стилевом отношении пласту народных традиций:

- записаны непесенные и песенные формы календарно-обрядового фольклора в районах Русского Севера и Северо-Запада (такие как, например, вологодские подблюдные песни; новгородские масленичные, пасхальные обрядовые песни и протяжные формы ауканий; календарные песни южных районов Псковской области);

- осуществлён большой объём записей сольных и групповых причитаний (в том числе открыты гдовские пастушеские и жатвенные причитания-«лелёкания», детально исследован комплекс псковских и вологодских свадебных и похоронных причитаний);

- изучена псковская традиция «вожоканья» — вокализации без слов (ранее представленная в публикациях только единичными записями);

- обнаружены и подробно зафиксированы эпические традиции Смоленщины (духовные стихи, баллады);

- выявлен значительный пласт лирических песен («девья» и молодецкая лирика);

- максимально полно изучены традиции инструментальной музыки Псковской и Новгородской областей (наигрыши на рожках, скрипках, гуслях, балалайках, различных разновидностях гармонике);

- планомерно исследованы традиционные формы мужской и женской старинной пляски («кружок», «по половицам», «ломание»).

Часть из этих новых, имеющих большую ценность для науки материалов представлена в научных трудах А. М. Мехнецова: во вступительных статьях и

¹⁶ См. *Наст. изд.* С. 186.

разделах сборников; отдельных исследованиях: «Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры» (узкообъёмная «девья» лирика, 1985);¹⁷ «Подблюдные песни Белозерья» (1985),¹⁸ «Архаические формы русской хореографии» (1995);¹⁹ «Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России (поминальные, “урочные дни”)» (1993–2003).²⁰

В ряде научных статей А. М. Мехнецов даёт теоретическое обоснование комплексному методу исследования музыкального фольклора как части традиционной народной культуры: «Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры» (1985);²¹ «Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры» (1999);²² «Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы)» (2004);²³ «Типическое в природе и формах фольклора» (2004).²⁴ А. М. Мехнецов указывает на социально-экологическое значение этнокультурных систем в современном мире, неоднократно возвращается к основным понятиям («народная традиционная культура», «фольклор», «культурная традиция») и уточняет их. Так, согласно одной из последних формулировок, «...фольклор преобразует в формах и средствами художественного круг представлений, принципов и норм жизни и самый характер внутри- и межсистемных связей, отношений этнической общности людей с действительностью».²⁵

А. М. Мехнецов разрабатывает методы системного структурного анализа художественной формы. В этих целях он вводит понятие «фольклорно-этнографический текст» — структурно-семантическая единица в поле культурной традиции — «каждый законченный в функционально-содержательном и композиционном отношении фрагмент народной традиционной культуры, сущность которого в той или иной степени передаётся художественными средствами выражения».²⁶ Большое значение в постановке проблемы и развитии методов системного анализа имел опыт творческого общения А. М. Мехнецова с В. Е. Гусевым, в своих трудах последовательно раскрывшим новое видение многосоставной структуры фольклорных явлений как комплекса музыкально-вербально-хореографических форм.²⁷

¹⁷ См. *Наст. изд.* С. 54–67.

¹⁸ Подблюдные песни Белозерья... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.*

¹⁹ См. *Наст. изд.* С. 91–95.

²⁰ См. *Наст. изд.* С. 211–224.

²¹ См. *Наст. изд.* С. 54–67.

²² См. *Наст. изд.* С. 17–22.

²³ См. *Наст. изд.* С. 23–27.

²⁴ См. *Наст. изд.* С. 27–53.

²⁵ Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Музыка устной традиции: Материалы Международной конф. памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 179. См. также: *Наст. изд.* С. 18.

²⁶ Там же. См. *Наст. изд.* С. 19.

²⁷ Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб,

Обращаясь к термину «песенный тип», А. М. Мехнецов стремится сохранить сложное многоуровневое представление об этом ключевом понятии музыкальной фольклористики. С одной стороны, понятие «песенный тип» относится к системе *музыкально-поэтических форм* и, соответственно, предполагает наличие устойчивого комплекса средств художественной выразительности, сочетание «характерных признаков построения песенного текста как самостоятельно значимой единицы содержания, отличной в смысловом отношении от других форм фольклора».²⁸ Далее исследователь поясняет свою точку зрения: «в песенной форме признаки типического выстраиваются как со стороны вербального, поэтического начал (тематический, сюжетный, художественно-образный порядок, особенности структуры, закономерности стихосложения и другие характеристики поэтического содержания и формы), так и в сфере музыкального выражения (интонационного высказывания – звуковысотного, тесситурно-тембрового, ритмо-акцентного, ладо-гармонического, фактурного)».²⁹ То есть понятие «песенный тип» предполагает суммирование показателей, характеризующих поэтический текст и напев в их устойчивом сочетании. С другой стороны, как отмечает А. М. Мехнецов, «понятие “песенный тип” распространяется и на уровень характеристики внутритекстовых явлений, на отдельные элементы структуры, специфические средства и способы выражения, свойственные именно песенным формам»,³⁰ что и позволяет выделить «признаки типического, присущие одному из ведущих или группе элементов текста, с которыми связано своеобразие художественной формы песенного склада».³¹

В связи с этой проблематикой в статье «Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры» (1985) А. М. Мехнецов раскрывает особенности проявления формульности музыкально-стилевых средств в области лирических песен женской традиции (напевы одного историко-стилевого пласта в рамках локальной традиции). В статье «Типическое в природе и формах фольклора» (2004) представлены двух- и трёхчленные композиции как кардинально отличные типы структуры обрядовых и необрядовых песен.

В аналитических разделах работ А. М. Мехнецов выступает как преемник основных достижений Санкт-Петербургской музыковедческой науки, отдавая приоритет интонационному аспекту изучения песенной формы и тем самым развивая установки, положенные в основу интонационной теории Б. В. Асафьева и представленные в исследованиях Ф. А. Рубцова. «Основополагающим, универсальным в своих проявлениях уровнем всей области средств музыкального выражения является интонационное начало – звуковысотно регулируемый, тесситурно-темброво окрашенный, ритмо-

1993; Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.

²⁸ Мехнецов А. М. Типическое в природе и формах фольклора... См. *Наст. изд.* С. 32.

²⁹ Там же. *Наст. изд.* С. 33.

³⁰ Там же. *Наст. изд.* С. 32.

³¹ Там же. *Наст. изд.* С. 33.

динамически организованный эмоционально воспринимаемый звуковой поток, — подчёркивает А. М. Мехнецов. — Именно содержательная сторона осмысленного, речевого (синтаксически упорядоченного) интонирования в совокупности присущих ему признаков служит основой возникновения бесконечного ряда напевов, определяет их образный строй, прямо относится к замыслу художественной формы, её назначению. С характером интонирования связана и конструктивная сторона, архитектура собственно музыкальной формы».³² Исследователь применяет собственный метод всестороннего процессуального анализа напевов народных песен (с учётом взаимосвязи принципов композиционно-ритмической и интонационно-ладовой организации). На основе этого метода составлены аналитические схемы (модели интонационного развития напевов), приведённые в статьях «Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры» (1985); «Типическое в природе и формах фольклора» (2004).³³

А. М. Мехнецов совершенствует заложенный в трудах предшественников (в первую очередь, К. В. Квитки, А. В. Рудневой³⁴) комплексный подход к изучению народных музыкальных инструментов. Инструмент рассматривается как неотъемлемая часть культурной традиции: обнаруживается система прямых и опосредованных связей между конструктивными особенностями инструмента, системой наигрышей, приёмами игры, различными видами хореографических и вокальных форм, ситуациями включения инструментальной музыки в трудовую, обрядовую, праздничную жизнь этноса. Основная цель исследования — «выявление типологически самостоятельных видов народной музыкально-инструментальной традиции».³⁵ В инструментоведческих работах А. М. Мехнецов касается ряда актуальных проблем, среди них:

- «соотношение инструментально-вокального и инструментально-хореографического начал в народной традиционной культуре»;
- «связь видовых форм инструмента с условиями и обстоятельствами эволюции историко-, жанрово-стилевых особенностей фольклорной традиции».³⁶

К значительным достижениям А. М. Мехнецова относится открытие псковско-новгородской гусельной традиции. Впервые неоспоримое документальное подтверждение получил факт существования самобытной, древнерусской по происхождению традиции игры на гусях, отличительные признаки которой проявляются как на уровне системы наигрышей и исполнительских приёмов, так и на уровне конструктивных особенностей инструмента. Сопоставление совокупности характерных свойств и качеств, показа-

³² См. *Наст. изд.* С. 86–87.

³³ См. *Наст. изд.* С. 54–67; С. 27–53.

³⁴ *Квитка К. В.* Избранные труды: В 2 т. М.: Сов. композитор, 1973. Т. 2; *Руднева А. В.* Курские танки и карагоды. М., 1975.

³⁵ См. *Наст. изд.* С. 108.

³⁶ См. *Наст. изд.* С. 109.

тельных для псковской и новгородской традиций, позволяет сделать вывод об исторической глубине и многослойности этого корневого пласта русской музыкальной культуры, сохранившегося в живом бытовании до конца XX века. Подготовленное А. М. Мехнецовым издание «Русские гусли и гусельная игра» (2006)³⁷ включает научную статью, фотографии, чертежи и описание образцов музыкальных инструментов, собранных в ходе экспедиций. Во второй части «Русские традиционные наигрыши на гусях (в записях из Новгородской и Псковской областей)», изданной посмертно (2009)³⁸, была опубликована последняя авторская редакция статьи и приведены выполненные К. А. Мехнецовой нотации наигрышей на гусях (согласно подборке видеозаписей, составленной А. М. Мехнецовым, которая даётся в приложении на компакт-диске).

Ряд научных достижений А. М. Мехнецова значительно дополняется его разработками региональных программ сохранения, защиты и возрождения народной традиционной культуры, которые в 1990-е годы получили реальное воплощение на уровне областных целевых программ в Вологодской области и Ханты-Мансийском автономном округе. Некоторые проекты осуществлены лишь частично, но представляются перспективными и актуальными («Русская фольклорно-этнографическая экспедиция», «Программа восстановления цикла русских национальных праздников, связанных со сменой времён года “Солнцеворот”»). Они впервые публикуются в настоящем издании.³⁹

В самостоятельном разделе настоящего издания приводятся статьи, в которых обобщается опыт работы А. М. Мехнецова в системе образования — как основателя музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской консерватории, разработчика федеральных образовательных стандартов второго и третьего поколений по специальности «этномузыкология». Осуществляется первое издание проекта учебной программы для среднего звена («специальных классов») и проекта создания Государственного института русского фольклора. Последний проект получил поддержку Министерства культуры РФ в 2002 году в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 годы)».

Г. В. Лобкова

³⁷ Мехнецов А. М. Русские гусли и гусельная игра... См. Список научных трудов А. М. Мехнецова.

³⁸ Мехнецов А. М. Русские традиционные наигрыши на гусях... См. Список научных трудов А. М. Мехнецова.

³⁹ См. Наст. изд. С. 371–374; С. 374–383.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры¹

В совокупности всех своих проявлений суть *культуры* обобщённо может быть определена как опосредованный сознанием (индивидуальным, коллективным) опыт упорядочивания многообразных жизненных связей и отношений человека (человеческих сообществ) с окружающим миром, возникающих в процессе его продуктивной, направленной на достижение позитивных результатов деятельности.

Именно на уровне культуры, который может быть установлен в оппозициях: «хаос – космос» / «природные, стихийные процессы – сознательная деятельность», обнаруживает себя, аккумулируется и воспроизводится² в повседневной практике опыт осмысленного, целеполагающего восприятия и преобразования настоящих условий и обстоятельств в решении жизненно важных задач. Вся многогранность бытия, таким образом, раскрывается в процессе становления культуры на пересечении идеального (сознательного, разумного) и материального (физического) начал жизни.

История культуры – путь сохранения естественных, порождающих оснований, закономерностей и принципов передачи, умножения и совершенствования исходных знаний («прошлого» опыта), что находит отражение не только в структурном усложнении системы культуры (производство, наука, образование, общественные отношения, искусство и так далее), но и в историко-стадиальной многослойности, в национально и диалектно своеобразных чертах, в сложном взаимодействии различных по содержанию и видам направлений культурной деятельности.

Глубинной основой всех разнообразных направлений, видов и форм культуры современного общества является *народная традиционная культура*,³ осо-

¹ Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 132–135. *Примеч. сост.*: Данная проблема, являющаяся одной из ключевых проблем этномузикологии, присутствует во многих работах А. М. Мехнецова, специально её рассмотрению была посвящена статья, опубликованная в сб.: Музыка устной традиции: Материалы международных конференций памяти А. В. Рудневой М., 1999. С. 178–183. (Науч. тр. Московской гос. консерватории имени П. И. Чайковского. Сб. 27). Текст неоднократно подвергался автором изменениям, уточнениям. Предлагаемый текст печатается по более позднему изданию. В подстрочнике приводятся варианты текста из различных авторских редакций.

² *Вариант*: «...воспроизводится в повседневной практике опыт творческого, созидательного, собственного человеку восприятия и преобразования действительности во всех её проявлениях».

³ *Вариант*: «...народная традиционная культура (материальная и духовная), сила которой,

бенности которой складываются в жизненной значимости и нормативности принадлежащего отдельным этническим группам, сообществам опыта поколений. Именно в силу этого народная традиционная культура хранит в себе, подобно признакам генотипа, важнейшие свойства и качества этнического, во всей своей определённости получившие воплощение в особенностях родного языка и других знаково-выразительных систем, в том числе и в системе языка, видов и форм фольклора.

Как важная составляющая народной традиционной культуры область фольклора – проявление этнического сознания – охватывает все сферы исторической жизни этноса⁴ и сохраняет приметы различных этапов его эволюции. Отличительные свойства, родовые признаки фольклора складываются, с одной стороны, в русле эмоционально-образного восприятия явлений действительности, познания реального мира, включая круг представлений, принципов и норм обязательности (в различных жизненных положениях) и самый характер внутри- и межсистемных связей, отношений человека с окружающей средой. С другой стороны, специфика фольклора возникает в силу закономерностей изустной передачи/воссоздания смысловой стороны форм культурной традиции средствами собственно знаково-символической системы языка, средствами художественной выразительности, в том числе – в формах материальной культуры (как проявление способности ассоциативно-образного мышления).

Иными словами, содержание и функции фольклора возникают в процессе необходимого и постоянного воспроизведения в историческом времени по законам традиционности опыта культуры, закреплённого коллективным сознанием в образно опосредованных формах на основе средств и способов языка художественного выражения.

В культурной традиции основные элементы многомерной системы фольклора (структура, содержание, язык, функции) связывают воедино в синкретической целостности:

- уровень практической, и в силу этого подлежащей общинному контролю и регулированию деятельности (совместной, индивидуальной), направленной на достижение жизненно важных для человека, значимых для сохранения и утверждения его благополучия целей (продолжение рода, здоровье, питание и так далее);⁵

приобретая аксиоматический характер, восходит к достоверности, нормативности, жизненно-му значению принадлежащего отдельным этническим группам, сообществам опыта поколений, особенности которой...»

⁴ В обобщённой форме, по определению Л. Н. Гумилёва, сущность этнического проявляется в объективно обусловленной и развивающейся в историческом времени системе доминирующих интересов и поведенческих стереотипов, выработанных в процессе культурной и хозяйственной деятельности общности людей, адаптировавшихся к условиям определённой территории проживания. См.: Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

⁵ См. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

- уровень представлений — мир мыслимого — как обобщение и удержание коллективным сознанием опыта дифференциации (познания, освоения) явлений окружающей действительности, установления логически организованной системы диалектических связей и зависимостей;⁶
- уровень языка фольклора (коммуникативно-информационная система) — средства выражения, знаковые системы, художественные формы в их жизненной целесообразности.

Реализация жизненного смысла — исполнение намеренного действия с целью достижения того или иного результата — образует различные (в зависимости от характера действия и значимости его результатов) конкретные положения, ситуации, среди которых, в целях выявления родовых признаков фольклора, мы отмечаем *обрядовые* (восходящие по своей природе к естественно-историческим основам культурной традиции) и *бытовые*, повседневно-практические (связанные с обыденным в социально-хозяйственных формах организации жизни).

Собственно обрядовым, выделенным из ряда обычных, повседневных, действие становится в силу особого значения и характера (формы и способов) своей упорядоченности. Первостепенное место здесь принадлежит образно-выразительным семиотическим системам, средствам художественного языка. Комплекс средств художественного выражения как своеобразная система кодировки несёт и передаёт информацию о смысловой сущности происходящего, формирует эмоционально-образное восприятие каждого данного факта как особо значимого и непосредственно сообщает происходящему силу необычного. Как свидетельствует история культуры, всё разнообразие средств художественного и сама художественная форма возникают в русле ритуально-обрядовой деятельности и вследствие необходимости достижения жизненно важных целей.

Системное изучение явлений народной традиционной культуры ставит задачу установления многоплановых связей фольклора в контексте культурной традиции. На этом уровне наблюдения фактов фольклора структурно-семантической единицей в поле культурной традиции выступает *фольклорно-этнографический текст* — каждый законченный в функционально-содержательном и композиционном отношениях фрагмент народной традиционной культуры, сущность которого в той или иной степени передаётся художественными средствами выражения.

Сложно организованная собственная система фольклорно-этнографического текста образуется в силу обусловленности формы и характера сопод-

⁶ *Вариант:* «... уровень представлений (область мыслимой, «воображаемой» действительности) как проекция, обобщение реально воспринимаемых событий — ключ к логическому постижению сущности явлений, их закономерных связей, отношений (в первую очередь — причинно-следственных), а также принципов согласования намерений, устремлений и возможностей их достижения в ряду обстоятельств объективного характера».

чинения составляющих его структурных элементов ведущим смысловым началом и жизненным назначением текста в целом.

Проблема определения формы фольклорно-этнографического текста как именно текста⁷ заключается в том, что в его структуру вместе с элементами очевидно языковой природы входят также и составляющие предметного и акционального рядов, пространственный и временной коды. Однако принадлежность этих сторон к явлениям текстового порядка связана с функционально-знаковым⁸ видом их упорядоченности, закрепляющим в культурной традиции за этими элементами определённый и устойчивый уровень смыслов и значений. Именно знаковый аспект и символическая нагрузка связывает их в структурно-семантическом единстве с другими элементами фольклорно-этнографического текста как *синкретически целостной информационной системы*.

Одной из обязательных (по определению) сторон фольклорно-этнографического текста является *художественная форма*, образующая на внутрисистемном уровне самостоятельный в композиционном отношении содержательный и знаково-выразительный⁹ комплекс, собственное информационное поле, охватывающее всю совокупность элементов структуры фольклорно-этнографического текста, где с необходимостью возникает художественное начало (в том числе и связанные с ним моменты образно-символического обобщения и опосредования содержания целого), и в котором в полной мере проявляется системное единство и действенная сила средств художественного.¹⁰

Каждый самостоятельный вид средств художественного выражения как языковая система, восходящая к объективным особенностям её восприятия и обладающая вследствие этого различными (по свойствам и формам трансляции) возможностями фиксации, хранения и передачи информации, непосредственно и во всей полноте раскрывает те или иные доступные этой системе стороны, смысловые моменты содержания явлений жизни.

⁷ Опираясь на определение понятия «текст», предложенное Д. С. Лихачёвым по отношению к фактам письменной (литературной) традиции, мы рассматриваем это понятие с точки зрения исследования изустных форм традиционной народной культуры в их функциональных связях и жизненном назначении. В таком случае с понятием «текст» представляются определённые по содержанию и назначению формы реализации структурно соподчинённых элементов той или иной языковой (знаково-выразительной) системы, так же как и явления, содержание которых находит выражение на основе самостоятельных (однопорядковых) по своим свойствам средств формообразования (например: самозначимые ритмо-акцентные построения текстового характера или вокальные формы с выделенной по назначению в тесситурно-тембровом отношении императивно-кличевой, причётно-плачевой направленностью, «построения — диалоги», игровые формы и другие).

⁸ *Вариант:* «знаково-символическим».

⁹ *Вариант:* «образно-выразительный».

¹⁰ *Вариант продолжения:* «Художественная форма как структурная единица явлений комплексного порядка представляет собственно факт фольклора во всей полноте характеристик, определяющих это понятие».

Возникающая в сложных отношениях своей обусловленности и соответствий с другими сторонами культурной традиции, художественная форма приобретает в системе фольклорно-этнографического текста категориально выраженное место и значение и выступает именно как *факт фольклора*.

В художественной форме на основе различных языковых средств (словесных, музыкальных, изобразительных) многократно дублируется, дополняется, усиливается ведущее смысловое начало, заданное общим содержанием и назначением фольклорно-этнографического текста.¹¹ Внутренняя функционально-смысловая соотнесённость средств художественного выражения и речевой (осмысленный, членораздельный) характер фиксации и передачи жизненной сущности элементов содержания устанавливают отношения целостности всей сферы художественного в пределах фольклорно-этнографического текста, что позволяет рассматривать художественную форму как самостоятельную систему текстового порядка, в которой получают воплощение специфические признаки, свойства, закономерности фольклора – то есть как собственно *фольклорный текст* – одна из сторон синкретически нерасчленимых явлений народной традиционной культуры.¹²

Важнейшей особенностью фольклорного текста является принципиальная разомкнутость системы текста с точки зрения подвижности его структуры, природы, формы и функций образующих его элементов. При этом форма реализации фольклорного текста всегда конструктивно определённа и полностью исчерпывает основное содержание адекватно конкретным условиям и обстоятельствам его воспроизведения.

Границы фольклорного текста не обязательно совпадают с границами происходящего ритуально-обрядового действия или иного событийного процесса, в рамках которого может возникать цепочка эпизодов, образующих собственные текстовые структуры.¹³

¹¹ *Вариант продолжения:* «...фольклорно-этнографического текста как структурной единицы культурной традиции».

¹² *Вариант продолжения:* «При этом, каждый вид средств художественного выражения как самозначащая языковая система, восходящая к объективным особенностям её восприятия и обладающая вследствие этого различными (по свойствам и формам трансляции) возможностями фиксации, хранения и передачи целеполагающих намерений, непосредственно раскрывает те или иные доступные такой языковой группе, смысловые акценты основного содержания художественной формы. В силу этого и каждый ряд выразительных средств – словесных, музыкальных, изобразительных и других, и их сочетание, умножая, дополняя, усиливая ведущее смысловое начало общего содержания и назначения художественной формы в целом, приобретает в системе художественной формы, а затем и в системе фольклорно-этнографического текста категориально определённое место и воспринимается по логике закономерностей собственной организации в качестве самостоятельного текстового образования – поэтический (словесный), музыкальный, изобразительный, хореографический и другие виды фольклорного текста».

¹³ *Вариант абзаца:* «Границы реализации фольклорного текста не обязательно совпадают с границами происходящего ритуально-обрядового действия и при определённых обстоятель-

Специфика выразительных возможностей самостоятельных языковых систем, их способность к той или иной степени обобщения или конкретизации действительности, характер предполагаемого результата (в том числе, инициации нормативных впечатлений, реакций, состояний, действий) определяет не только особенности и разнообразие (в рамках художественной формы) видов текстовых образований, различаемых по языковым средствам — музыкальный, поэтический, хореографический, изобразительный тексты, но и более сложные формы их согласования: музыкально-поэтический, словесно-игровой, музыкально-хореографический тексты и так далее.

Тот или иной вид сложно организованных форм фольклорного текста связан с ведущей формообразующей ролью языковых средств, несущих основную смысловую нагрузку, при которой (в зависимости от общего содержания и назначения) возникает подвижная система иерархической соподчинённости структурообразующих элементов художественной формы — свойство, на основе которого, в конечном счёте, складывается жанровая специфичность фольклорного текста. Именно на уровне художественной формы, с учётом её значения и места в контексте, в силу общей смысловой направленности и внутрисистемных связей фольклорного текста, возникают устойчивые, а потому легко распознаваемые в своей содержательной (знаково-выразительной, информационной, функциональной) сущности, самостоятельные художественно-языковые комплексы, закономерности, принципы и нормы выражения, выступающие в качестве *опознавательных признаков жанра*.

В свете объективности исторического процесса непрерывной эволюции как художественно-выразительных (языковых) систем, так и типов художественных форм, проблемы установления исходных закономерностей, свойств и отношений различных сторон народной традиционной культуры, в том числе и системы фольклора, получают глубокий научный смысл и актуальность.

ствах, в силу универсальности своих выразительных возможностей, выходят за пределы того или иного событийного процесса. В этом случае мы рассматриваем типологически устойчивые формы фольклорного текста в ряду иных функциональных связей, обусловленных (по обстоятельствам) эволюционными процессами самой системы фольклорных традиций. В качестве примера может быть рассмотрен структурно определённый комплекс языковых средств (в ритмо-акцентном, композиционном, интонационно-ладовом отношениях), принадлежащий музыкально-поэтической форме «Камаринская» — в ряду различных по содержанию ритуально-праздничных, музыкально-хореографических форм и, в то же время, в особой области эпического склада».

Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы)¹⁴

Выделяя для исследования содержательную сторону сложившегося в современной художественно-творческой и научной практике понятия «стиль», мы останавливаемся на толковании сущности этого понятия применительно к области народной традиционной культуры, конкретно — к области фольклора.

Если связать исходные значения термина «стиль» (в самом общем плане — инструмент, средства и способы осуществления намерения) с системой языка, приёмов и форм выражения в сфере фольклора, то, с учётом природы, свойств и качеств, присущих самостоятельным видам и комплексам средств художественной выразительности (слово, музыка, хореография, изобразительный, предметный, ситуативный ряды и другое), становится очевидным, что в процессе актуализации (на основе ассоциативно-образного мышления) и воплощения жизненно необходимого замысла, достижения предполагаемого результата в условиях традиционной культуры художественными средствами выстраивается определённый, закономерно обусловленный, нормативный порядок и характер взаимодействия всех элементов художественной формы.

Здесь отчётливо обнаруживается прямая соотнесённость, даже известная степень предопределённости особенностей и вида проявления такого взаимодействия средств выразительности (в чём и состоит сущностная сторона понятия «стиль») с процессуальным, действенным началом, целенаправленностью и продуктивной силой художественной формы. Однако на этом, основном уровне далеко не исчерпывается содержание самой категории «стиль» в контексте народной традиционной культуры.

Своеобразный строй того или иного явления фольклора, специфика принципов формообразования, внутренних и внешних отношений и связей элементов структуры *фольклорного текста*¹⁵ возникают (с учётом конкретных обстоятельств места, времени, образа действия) в процессе реализации знаковыми (языковыми) средствами законченных по содержанию мыслимых форм и состояний в потоке осознанного, членораздельного выражения — на речевом уровне. В силу этого вся сумма характеристик, относящихся¹⁶ соб-

¹⁴ Мехнецов А. М. Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы) // Фольклор: современность и традиция. Материалы Третьей междунар. конф. памяти А. В. Рудневой / Ред. Н. Н. Гилярова. М.: Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2004. С. 40–43. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 48). *Примеч. сост.*: В подстрочнике приводятся варианты текста по первоначальной авторской редакции (компьютерный набор).

¹⁵ См.: Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры. *Наст. изд.* С. 21.

¹⁶ *Вариант*: «...относящихся к понятию “стиль”, образуется как эстетическая категория, регулируется нормами восприятия и воссоздания исходного смысла и представляет самосто-

ственно к категории «стиль», образуется как *эстетическая категория*, порождающим началом, носителем и субъектом выражения которой в этом случае оказывается не персона, художник-творец, личностное начало, а общинное, этническое сознание, коллективный опыт. При этом индивидуальный, избирательно оценочный подход к использованию выразительных средств в построении именно фольклорного текста становится организующим фактором, но лишь в условиях активной реализации содержательного начала жизненно значимых ситуаций под регулирующим контролем общего мнения и лишь тогда, когда такой опыт становится коллективным достоянием.¹⁷

Объяснение сложного процесса формотворчества в фольклоре затрагивает широкий спектр проблем, касающихся норм, принципов, законов народной традиционной культуры, и ставит категорию «стиль» в ряд определяющих характеристик фольклорного текста, которые и проявляются в качестве опознавательных признаков, указывающих на его (данного текста) принадлежность отдельным местным традициям, этнокультурным комплексам, историко-культурным пластам, жанровым разновидностям.

Разнообразие форм, функциональная подвижность признаков стиля заметно затрудняют системное описание и объяснение как отдельных фактов, так и общих закономерностей языка традиционной художественной культуры, в связи с чем становится необходимым определение его категориальных свойств.

Важнейшие общие признаки категории «стиль» как отношения средств, способов, приёмов выражения (формообразования) к существу определённого события — отношения формы и содержания — раскрываются, с одной стороны, в связи со спецификой самостоятельных видов и комплексов языковых средств, их выразительных возможностей (по степени обобщения или конкретизации действительности) и, вместе с тем — с учётом их иерархической соподчинённости. С другой стороны, стилевые признаки проявляются в строго обусловленных законами традиционности нормах повторяемости, устойчивой распознаваемости назначения и функций фольклорного текста.

Очевидно, что в условиях традиционной культуры закономерности стиля восходят к одному из генеральных принципов фольклора¹⁸ — сочетанию обязательного постоянства, повторяемости и вариативности, то есть к зако-

ятельный категориальный уровень в художественно-эстетической сфере, порождающим началом, носителем творческого замысла и субъектом выражения которой в этом случае оказываются не персона, художник-творец, не личностные побуждения и критерии, личностное начало, а общинное, этническое сознание, коллективный опыт».

¹⁷ *Вариант продолжения:* «Иначе говоря, понятие “стиль” в фольклоре, принадлежащее роду эстетического, подчёркивает объективность особой формы коллективного сознания — фольклорного сознания, сложившегося в естественном историческом процессе культуры и присущего каждой этнически своеобразной общности».

¹⁸ *Вариант:* «...принципов фольклора — адаптивности, воспроизводству смысловых значений прошлого опыта в новых условиях бытия, сочетанию обязательного постоянства, повторяемости и вариативности, то есть к законам типического, типологичности...»

нам типического, типологичности явлений народной традиционной культуры. Но, в отличие от понятий «тип» и «вариант», устанавливающих порядок отношений элементов развёрнутой системы тождества, «универсальной повторяемости»,¹⁹ категория «стиль» фиксирует *особенности* конкретного выражения общего, узнаваемого в культурной традиции содержания обрядовых или жизненных положений в их типологически определённой форме и соотнесённости с назначением данного текста, с обстоятельствами его воссоздания. Иначе говоря, стиль в фольклоре (в элементарной интерпретации понятия – стиль есть своеобразие типического) всегда предполагает особые (обусловленные назначением, взаимосвязью с обрядовыми или иными жизненными положениями и обстоятельствами воссоздания) формы, способы, приёмы реализации типологически устойчивых элементов текста, что при изучении его стилевых характеристик неизбежно вызывает ряд вопросов: «что?» – «с какой целью?» – «при каких обстоятельствах?» – «каким образом?».

Поиск ответов на эти вопросы требует полномасштабного текстологического исследования, на основе которого качества стилевой окраски, признаки «своеобразия типического» обнаруживают себя практически на всех уровнях анализа и характеристики художественной формы:

- морфологическом (свойства, выразительные возможности каждого ряда языковых средств, их комбинаций);
- структурно-синтаксическом (логически обоснованные формы изложения, соответствующие назначению фольклорного текста);
- специфически жанровом (с учётом природы художественной формы, её содержания, целевой установки, заданности результата);
- функциональном (в связи с обстоятельствами реализации текста);
- диалектно-своеобразном, локально-речевом, исполнительском;
- этнокультурной, историко-стадиальной принадлежности, социокультурных характеристик фольклорного текста.

Каждый из признаков стиля в той или иной степени свидетельствует едва ли не с документальной точностью о времени и обстоятельствах происхождения художественной формы, её принадлежности к тому или иному этнокультурному комплексу, предназначённости. Именно на основании изучения стилевых характеристик мы можем судить, например, о формировании региональных (северно-, южно-, западнорусских, сибирских и других) фольклорно-этнографических комплексов восточнославянской традиционной культуры. Связывая понятие «стиль» с признаками типического в фольклоре, мы различаем их самостоятельное содержание, но при этом свойства типического воспринимаются в качестве обязательной составляющей содержательной стороны понятия «стиль». Единство постоянных и подвижных элементов

¹⁹ Определение Б. Н. Путилова (см., например: Путилов Б. Н. Типология в фольклоре // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 364).

складывающейся на основе законов традиционности системы фольклорного текста находит яркое подтверждение в истории культуры, в динамике эволюции стилевых и типологических признаков художественной формы: «универсальная повторяемость» (типическое) – сумма вариантов – «своеобразие типического» (свойства стиля) – «порог вариативности»²⁰ – трансформация, образование новой типологически определённой (обладающей признаками особенного) структуры. В системе таких связей, характеризующих фольклорный процесс, диапазон проявления свойств типического, так же как и стиля, представляется в последовательности, ведущей к бесконечности.

Вместе с тем, круг проблем, относящихся к сфере типологической или стилистической характеристики самостоятельных сторон фольклорного текста, касается системы художественной формы. Мы говорим о типическом, имея в виду повторяемость, устойчивость выделенного признака в качестве модельного элемента, устанавливаемого в цепочке вариантов воспроизведения, в ряду признаков тождественного по структуре, свойствам и функциям. При этом категория «типического» фиксирует «универсально повторяемое», относящееся к характеристикам общего, структурного порядка, в связи с природой, назначением данного текста. Так, например, типология системы тонического стихосложения, выявляя однородность принципа ритмо-акцентных отношений поэтического текста, регламентирует не только композиционные параметры музыкально-поэтической формы, но и лежит в основе форм, принадлежащих разным жанрам (причитания, былины, лирические песни и другие) и, более того, сказывается на характере интонирования.²¹ Также и в области песенно-хореографического фольклора по типологическим признакам²² композиционного строя песен можно судить об их жанровой принадлежности.

Стилистические начала, подчиняясь, как уже отмечалось, нормам устойчивой повторяемости, узнаваемости, концентрируются, по определению, в сфере средств, приёмов, способов, форм выражения, отличающих вид и характер отдельных элементов текста (совокупности текстов) на основе признаков особенного, специфического. В качестве примера можно сослаться, в частности, на своеобразие фактуры, выразительных возможностей инто-

²⁰ См.: Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры. *Наст. изд.* С. 57.

²¹ *Вариант:* «Также, например, и структурно-типологические признаки тонической системы стихосложения, обнаруживая однородность принципа ритмо-акцентной организации музыкально-поэтических форм разных жанров (причитания, эпос, свадебные обрядовые, лирические песни и другие), позволяют рассматривать не только конструктивную общность всей суммы фактов данного порядка, но и предполагать глубинные основы содержательного единства языково-выразительных комплексов, сохраняющих в чертах своеобразия именно тонической системы метроритмики исходные образно-смысловые значения».

²² *Вариант:* «...по типологическим признакам композиционного строя и метроритмической организации песен (особенно плясового характера) можно судить об их жанровой принадлежности».

национнo-ладовых, ладо-гармонических особенностей многоголосия (уни-сонные, гетерофонные, линейно-подголосочные формы) песен различных жанров в разных регионах России.

Стилистический анализ, устанавливая качественные характеристики элементов художественной формы, позволяет описывать факты фольклора не только с позиций их структурных, жанрово-функциональных или диалектно-своеобразных особенностей, но и с точки зрения историко-стадиальных состояний народной традиционной культуры, выявляя при этом «наджанровые», «наддиалектные» – корневые основы эстетики и языка фольклора. Опираясь на мнение В. Е. Гусева, высказанное в одной из последних его работ («Поэтика или стилистика?»),²³ мы можем согласиться с тем положением автора, что нормы стиля складываются в русле взаимодействия элементов поэтики текста, но поэтика несёт на себе печать стиля.

Типическое в природе и формах фольклора²⁴

Область фольклора как одна из основных частей народной традиционной культуры включает в себя все виды и формы выражения жизненно важных смыслов посредством художественного, особым образом организованного языка высказывания, опирающегося на эмоционально-образное восприятие мира.

В решении вопросов научного объяснения естественно-исторической природы, закономерностей и специфики системы фольклора важное место занимает понятие о *типическом* – свойстве сложно обусловленного, функционально предопределённого постоянства, устойчивости доминантных признаков той или иной сущности, «универсальной повторяемости»,²⁵ – свойстве, которое характеризует различные явления, процессы, а также отдельные стороны и структурные составляющие каждого факта народной традиционной культуры.

Признаки типического – устойчивость, постоянство и неперенное воссоздание смысловых начал, способов передачи информации, характера связей значимых элементов структуры – обнаруживаются на различных уровнях организации и функционирования явлений фольклора, что обусловлено катего-

²³ Доклад В. Е. Гусева на эту тему состоялся на конференции в РИИИ 1 марта 2001 года.

²⁴ Мехнецов А. М. Типическое в природе и формах фольклора // Звук в традиционной народной культуре: Сб. науч. ст. / Сост. Н. Н. Гилярова. М.: Научтехлитиздат, 2004. С. 22–54. *Примеч. сост.:* В подстрочнике приводятся варианты текста по первоначальной авторской редакции (компьютерный набор).

²⁵ Б. Н. Путилов даёт следующее определение: «типология в фольклоре» – «закономерная, обусловленная рядом факторов и получающая различные (типовые) выражения универсальная повторяемость, захватывающая все области фольклорного творчества», а также – «совокупность признаков, определяющих наличие, характер повторяемости» (См.: Восточно-славянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 364).

риальным своеобразием и закономерностями существования бесписьменных форм культуры и, в первую очередь, принципами традиционности. Именно на основе законов традиционности, в логической последовательности «восприятие – воспроизведение» прошлого опыта складывается естественный порядок сохранения и передачи в рамках этнокультурного сообщества знаний, приобретённых в достижении позитивных результатов целенаправленной деятельности поколений («культурное наследие»). Традиционность в этом процессе может быть рассматриваема как функция коллективного сознания, интегрирующего и регулирующего совместные усилия (так же, как и отношения, имеющие случайный или субъективный характер) на уровне объективно значимых целей и общих интересов, в сумме которых возникает общее «поле» культурной деятельности – среда и условие существования этнокультурного сообщества как целостной и продуцирующей системы. В сфере изустной передачи жизненно необходимого знания принципы традиционности служат основанием формирования коммуникативных отношений, связей, опирающихся на доступный по видам и способам организации язык как комплекс средств выражения и норм восприятия, что определяет закономерность возникновения и характер свойств типического. Здесь повторяемость (точная или вариативная) прямо указывает на обязательность исходных смыслов и значений типических элементов содержания, языка и структуры явлений традиционной культуры, в том числе и явлений фольклора. При этом и специфичность собственно традиционного распознаётся по соотнесённости со свойствами типического, что позволяет представить весь ряд сложившихся в области фольклора типологически определённых художественных форм как *своеобразную проекцию, общий контур* жизненно важных в культурной традиции смыслов, значений, способов реализации нормативных связей, отношений с окружающей средой и обстоятельствами необходимой деятельности. Более того, характер типического выявляет особенности круга *опознавательных признаков* данной фольклорной традиции в целом, отдельных её видов и жанров. По существу, строй каждой отдельно взятой культурной традиции можно описать, опираясь на присущие ей факты типического.

Действительно, все содержательные, формальные, структурные и функциональные уровни языковой природы (морфологический, грамматический, лексический, синтаксический и другие) каждого выделенного в традиционной культуре явления текстового порядка,²⁶ а в том ряду и фольклорно-этнографического текста,²⁷ обнаруживают признаки типического. Но типиче-

²⁶ Д. С. Лихачёв даёт следующее определение понятия «текст» по отношению к произведениям древнерусской литературы: «Текст выражает произведение в формах языка <...> К явлениям нетекстовым относится всё то, что не может быть признано языковым выражением определённого смыслового ряда» (*Лихачёв Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 128*).

²⁷ См.: *Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры. Наст. изд. С. 19.*

ское как ведущее начало построения текста определённого значения именно и формирует систему «генерального кода» реализации способов трансляции, удержания действенной силы культурной традиции.

Таким образом, в условиях традиционной культуры, в том числе и в фольклоре, признаки функционально предопределённой устойчивости, постоянства свойств и качеств, закономерно обусловленной повторяемостью, образующие понятие типического, проявляются не только в системе средств выразительности, но охватывают уровни более высокого порядка. Типическое связывает языковую и понятийно-семантическую стороны фольклорно-этнографического текста — «заданность» образно-смыслового содержания, а также отмечает и синтаксическую упорядоченность осмысленного, членораздельного («речевого») выражения и восприятия. Иначе говоря, типическое служит воплощению принципов традиционности не только в качестве «инструментального» начала, но и фиксирует знаково-смысловой характер предполагаемого, особым образом и особыми средствами организованного события. Именно в сфере связей содержательного, смыслового и выразительного начал выстраивается иерархическая соподчинённость устойчивых языковых комплексов (групп или отдельных видов средств выражения), где свойствами типического отмечены основные по значению в данном контексте элементы, занимающие место ведущих формообразующих и смыслонесущих средств.

Предельная степень обобщения содержательной и знаково-выразительной сторон того или иного явления фольклора находит воплощение на особом уровне формульного, символического порядка, на котором самостоятельные комплексы языковой системы (вербальной, музыкальной, хореографической, изобразительной, акциональной и других), элементы структуры, или текст в целом, в совокупности своих свойств, назначения, функций, подчиняясь нормам типического, находятся в прямой связи с образно-смысловым содержанием. Они и выступают в качестве знаков-символов: поэтические формулы, ритмо-формулы, напевы-формулы, символика хореографического орнамента. На этой основе традиционное сознание естественным образом удерживает на действительно значимом уровне жизненно важные смыслы, способы передачи и нормы восприятия — всю полноту исторически сложившегося, многопоколенного опыта культуры.

Знаковый характер типовых (выделенных признаками типического) средств формообразования, специфичность их жанрово определённой принадлежности, образно-тематического строя, непосредственно фиксирующие смысловое содержание и назначение фольклорно-этнографического текста, предполагают принципиальную возможность идеографической расшифровки каждого типологически выделенного элемента. Идеографический аспект, описание и группировка смыслов и значений типовых элементов содержания, структуры, языка, функций отдельных фактов фольклора, позволяют раскрыть глубинные основы народной традиционной культуры, историческую эволюцию её видов и форм, что разрешает, в перспективе, ряд проблем

научно обоснованного объяснения феноменальности самой природы фольклора, его особенностей и закономерностей.²⁸

Отсюда следует, что и собственно понятие *tuna* в фольклоре как конкретной формы реализации свойств типического характеризует некоторую репрезентативную данность жизненно важного содержания, мыслимого в пределах максимально необходимой и достаточной по средствам выражения собирательно-обобщённой «речевой единицы». Практически понятие «тип» в традиционной культуре приложимо к каждому проявлению осознанного по назначению, внутренне структурированного, функционально определённого выражения ко всем компонентам системы фольклорно-этнографического текста, где обнаруживают себя свойства типического.

Концептуально важным в решении проблем типологии фольклора оказывается взгляд на соотношение понятий «тип» и «вариант».

Ключевая характеристика традиционности («восприятие – воспроизведение»), устанавливая главный признак типического (упорядоченной «универсальной повторяемости»), реализуется в извечно меняющихся обстоятельствах. Естественный и объективный процесс эволюции форм традиционной культуры, наблюдаемый, в частности, в вариативности элементов системы выразительных средств и содержания явлений фольклора, регулируется в рамках сложных отношений закономерного, обязательного и адаптивного, приемлемого на уровне достаточного, отвечающего нормативному порядку «воспроизведения – восприятия – повторения» основного смысла.

Можно сказать, что «тип» есть сложившаяся в определённых по месту, времени, образу действия обстоятельствах, конкретная по содержанию, средствам, способам и формам выражения сущность, устойчиво воссоздаваемая в силу своей исходной жизненно-смысловой необходимости. Тогда как «вариант» есть адаптация типического в иных условиях и обстоятельствах реализации. Проблема в этом случае заключается в том, какой именно из типологически значимых элементов, какие из сторон системы данного факта и в какой степени видоизменяются и приобретают иную по характеру содержания знаковую форму.

Критерием типического здесь становится предел возможных изменений, «порог вариативности»,²⁹ за которым возникают смысловые и, соответственно, структурные трансформации текста (фольклорно-этнографического, собственно фольклорного,³⁰ а также – поэтического, музыкального, хорео-

²⁸ Методология решения такого рода проблем получила яркое воплощение в отечественной науке, в том числе в области музыковедения – в трудах К. В. Квитки, З. В. Эвальд, Ф. А. Рубцова, А. В. Рудневой и других.

²⁹ См.: Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры. *Наст. изд. С. 57.*

³⁰ Центральным звеном, охватывающим всю совокупность элементов структуры фольклорно-этнографического текста, где с необходимостью возникает художественное начало, является художественная форма, образующая на внутрисистемном уровне самостоятельный

графического). В этом случае мы рассматриваем уже не вариант, а иную экспозицию признаков типического в характеристике текста — его отдельного элемента или формы в целом, что свидетельствует о закономерностях эволюции и возникновении явлений нового типа.

Как уже было отмечено, типическое — непременно повторяемое в бесконечном ряду вариантов — всегда сохраняет родовые связи с изначальным смыслом и воспринимается в собственном своём значении, тогда как за «порогом вариативности» формируются новые темы, сюжеты, средства, приёмы и формы изложения, характер их системных связей, то есть образуется иной по смыслу и предметному содержанию, самостоятельный в типологическом отношении текст (элемент текста).

Логика отношений типического и вариативного, обусловленная характером закономерностей традиционности и изустности форм существования системы народной художественной культуры, указывает на то, что каждый факт фольклора обнаруживает и тенденции консервативности — следы глубинных истоков основного содержания и средств языка выражения, и одновременно — черты процессуальности, черты исторического развития. При этом в своей исторической динамике типологичность явлений фольклора характеризует наиболее инерционную составляющую самого культурного процесса, осознанной деятельности, постоянно воссоздающей первоначально естественный смысл и значение форм, средств и способов сохранения и передачи прошлого опыта.

В области народной традиционной культуры факты типического не только предопределены их непосредственными связями с целеполаганием, обстоятельствами возникновения, практическим значением, но и, что особенно важно при описании явлений фольклора, берут начало, хранят во времени, устанавливают нормы общепринятых в данной этнокультурной традиции реакций на те или иные события жизни. При этом основу сложившихся стереотипов составляют критерии образного, эмоционально окрашенного видения, восприятия и объяснения мира, изначально свойственного человеку мифопоэтического сознания. В то же время, факты вариативности, реализующие принципы типического, свидетельствуют о жизнеспособности, формотворческой силе традиционного в иных, меняющихся историко-культурных обстоятельствах, образуя за пределом порога вариативности перспективу эволюции устойчивых форм традиционной культуры. Однако только на основе принципов традиционности вместе с реализацией новых (по обстоятельствам

в композиционном отношении содержательный и знаково-выразительный комплекс, обладающий собственным информационным полем, который может рассматриваться отдельно от этнографического контекста — как *фольклорный текст*. При этом собственно фольклорный текст образуется на основе совокупности текстов, возникающих на уровне каждого вида средств художественной выразительности (поэтический, музыкальный, изобразительный тексты). См.: Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры. *Наст. изд.* С. 17–22.

возникновения) жизненных интересов и возможностей выражения складываются условия формирования типологически самостоятельных признаков как на уровне содержательных, языково-речевых, функционально специфических элементов отдельного текста, так и на уровне всего комплекса текстовых явлений в ряду одного жанра или жанровой системы. То есть, вариативность как процесс эволюции и трансформации явлений фольклора в естественных условиях развития народных традиций способствует разрастанию, усложнению системы в целом, что во многом определяет её жизнеспособность.

С условием, что «вариант» всегда есть проявление типического, адаптированная форма собственно «типа», с учётом того, что свойство типического в устной «передаче – восприятию – воспроизведении» фактов культуры необходимо и обязательно в силу законов традиционности, а нормы типического касаются всех системообразующих элементов культурного текста, попытаемся рассмотреть возможность группировки ряда музыкально-поэтических форм на уровне выявления «песенного типа» (одного из ключевых понятий музыкальной фольклористики³¹), опираясь на принципиально важный среди других классификационных признаков определённый тип композиционного строения музыкально-поэтического текста и намеренно ограниченный по объёму экспедиционный материал из Смоленской области.³²

Понятие «песенный тип» относится, в первую очередь, к системе музыкально-поэтических форм, которая возникает на основе устойчивого комплекса средств художественной выразительности (слово – музыка) и в том или ином сочетании характерных признаков построения песенного текста как самостоятельно значимой единицы содержания, отличной в смысловом отношении от других форм фольклора. Вместе с тем, в силу своей обусловленности, понятие «песенный тип» распространяется и на уровень характеристики внутритекстовых явлений, на отдельные элементы структуры, специфические средства и способы выражения, свойственные именно песенным формам: тип песенной строфы (стиха-фразы), песенного распева особым

³¹ Представление о вариативности народных песен складывалось и развивалось в фольклористике на протяжении всего XIX века, что послужило основой для формирования понятия «песенный тип». Уже в 1909 году Е. Э. Линёва отмечает: «Несмотря на многочисленные изменения, основная схема песни, *тип песни*, вырабатывается очень устойчиво, и множество вариантов не мешают узнавать песню знатоку её <...> Эта устойчивость и определённость *типических вариантов* песни придаёт особую важность изучению их свойств, *их формы*, то есть сущности их строения со стороны *лада, мелодии и ритма*, а также их связи с другими, родственными вариантами» (Великорусские песни в народной гармонизации / Зап. Е. Линёвой. СПб., 1909. Вып. 2: Песни новгородские. С. LI–LIII). Обозначенные Линёвой проблемы послужили импульсом к развитию сравнительного метода в музыкальной фольклористике. Так, например, в работах К. В. Квитки большое место уделяется выяснению границ распространения локальных песенных типов, и намечаются признаки, позволяющие определить тот или иной тип: «стихотворная форма песни и музыкально-ритмическая форма, изучаемая в теснейшей связи со стихотворной» (Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен // *Квитка К. В. Избранные труды* в двух томах. М., 1971. Т. 1. С. 161).

³² Записи 1964–2003 годов из собрания Фольклорно-этнографического центра.

образом организованной интонационной направленности, ладовой организации, мелодического строя, музыкально-стиховой ритмики и акцентности. Такой подход позволяет выделить признаки типического, присущие одному из ведущих или группе элементов текста, с которыми связано своеобразие художественной формы песенного склада.

Сами по себе проблемы определения «песенного типа» возникают в силу того, что в песенной форме признаки типического выстраиваются как со стороны вербального, поэтического начал (тематический, сюжетный, художественно-образный порядок, особенности структуры, закономерности стихосложения и другие характеристики поэтического содержания и формы), так и в сфере музыкального выражения (интонационного высказывания — звуковысотного, тесситурно-тембрового, ритмо-акцентного, ладо-гармонического, фактурного). Здесь важно иметь в виду, что каждый из самостоятельных знаково-выразительных комплексов, образующих песенный текст, обладая собственными языково-речевыми возможностями, при иных жизненных, обрядово-праздничных обстоятельствах служит базовой составляющей отдельных видов и жанровых групп фольклора (сказки, заговоры, другие формы народной прозы, эпическое повествование, плачи, окликивания, хороводно-игровые формы). Сложившиеся в этих сферах особенности форм художественно выразительной речи (музыкальной и поэтической) с высокой степенью определённости несут с собой, сохраняют в рамках того или иного конкретного факта песенной культуры, присущую им различную жанрово-, диалектно-, историко-стилевую характерность, но уже в качестве элементов песенной формы.³³

В различении специфики языка, содержания, назначения и видов фольклорного текста (музыкального, поэтического, хореографического — по сумме средств выражения или их комбинаций) складываются основания жанровой классификации как одного из векторов системного описания фольклора.

Естественно, что в песенной форме так же, как и в других, сложных по составу художественных системах, целеполагающее содержание реализуется

³³ *Далее в оригинале следует фрагмент:* «Здесь предполагается, что если на основе отдельно взятой языковой системы образуется обособленный, выделенный по признакам типического ряд текстов и, более того — область, вид фольклора (словесный, музыкальный, хореографический, изобразительный), то в песенной форме, так же как и в других, сложных по составу, типологически своеобразных комплексах языково-выразительных средств, целеполагающее содержание реализуется непременно и всегда в согласовании всех элементов текста в их подвижной иерархической соподчинённости на общем, «речевом» (осмысленном, членораздельном) уровне изложения. Такого рода согласование различных по природе средств выражения, своеобразных видов и форм фольклора обусловлено тем, что в народной традиционной культуре художественная форма возникает не как следствие индивидуальных эстетических устремлений, а в условиях осуществления жизненно важной деятельности, сохранения общезначимых, общедоступных и обязательных для всех в данной культурной традиции норм отношений с действительностью и достижения в совместных намерениях максимально продуктивного практического результата».

непрерывно и всегда в подвижной соподчинённости всех элементов текста на общем, «речевом» (осмысленном, членораздельном) уровне изложения, а понятие «песенный тип» образуется с учётом устойчивого в том или ином порядке взаимодействия средств, способов, приёмов выражения образного содержания музыкально-поэтической формы как целостного текста.

Особая сторона проблемы установления критериев типологического в системе собственно песенных форм — жанровое разнообразие — связана с предопределённостью их структуры знаково-символическим содержанием элементов *этнографического контекста*, которые несут на себе (в обрядово-праздничном фольклоре — как правило) ведущую нагрузку.

В отличие от других музыкально-поэтических форм (причитания, былины, частушки и другие), песенная организация текста определяется своими особенностями, которые могут проявляться, как уже было отмечено, в различных жанрах фольклора.³⁴ Вместе с тем песенная форма воспринимает специфические признаки языково-выразительных средств, возникших в иных жанровых системах (сказительская или плачевая интонация, декламационность, плясовой характер ритмо-акцентной организации и другие). В интересах систематизации требуется установить — что и по каким признакам относится именно к песенному, а не к какому-либо иному типу высказывания. По нашим наблюдениям возможно предположить, что для песенной формы как самостоятельной группы текстов музыкально-поэтического фольклора неизменными являются следующие определяющие признаки:

- сюжетное, событийно последовательное построение поэтического содержания;
- устойчивость напева на всех уровнях его организации в условиях совместного, коллективного исполнения;
- нормативная композиционная модель, образующая строгую периодичность синтаксических элементов формы — систему речевых единиц изложения, основанную на гибких связях³⁵ музыкального и поэтического начал песенной формы и на сложно развитых принципах *повторности*;
- установленная традицией та или иная система интонационно-ритмической организации, которая, в зависимости от назначения песенного текста, характеризуется преобладанием поэтического либо музыкально-выразительного, или других формообразующих начал, соотнесённых по смыслу с обстоятельствами исполнения;
- исключительно важный, присущий в наибольшей степени именно песенным жанрам, уровень выразительности, связанный с особой ролью закономерностей мелодического порядка — высшей ступени согласования

³⁴ В оригинальном тексте: «...в различных по ведущей классификационной характеристике жанрах фольклора».

³⁵ В оригинальном тексте: «...нормативная композиционная модель отношений поэтического и музыкального текстов, образующая строгую периодичность синтаксических элементов формы — систему речевых единиц изложения, основанную на гибких, подвижных связях...».

возможностей осмысленного высказывания, которое сочетает формы эмоционального и логического восприятия и оценки жизненных явлений.

Можно считать, что само понятие «мелодика», специфика его содержания складывается и становится отличительной чертой собственно песенных форм и принадлежит им как *самостоятельному типу музыкально-поэтического выражения*.³⁶

Здесь следует ещё раз вспомнить, что черты песенной организации фольклорного текста с типологической точки зрения (песенная форма) имеют *наджанровый* характер, но в каждом конкретном случае (песни свадебные, хороводные, календарно-обрядовые, лирические) обнаруживают себя в специфической форме и содержат отличительные, им присущие жанрово-опознавательные признаки.

С учётом жанрового многообразия, историко-стилевых и диалектно-дифференцирующих характеристик, определяющим элементом песенной формы являются *особенности композиционного строения* — организационная сторона отношений смыслового содержания, назначения и комплекса средств музыкальной и поэтической выразительности в согласовании их формообразующей роли и функций.³⁷

Показательными в этом плане могут служить наблюдения свойств типического, присущих песенным формам на Смоленщине, где отчётливо прослеживается огромный массив материала с ярко выраженной трёхмерной структурой музыкально-поэтического текста.³⁸

В общем виде, трёхмерность, трёхчленность — один из важнейших принципов дифференциации явлений окружающего нас мира, образно воспринимаемых, упорядоченных сознанием и выраженных языком художественного. Если логика бинарности («да — нет», «верх — низ», «свет — тьма», «начало — конец») отражает динамику линейных отношений, то формула троичности охватывает и процесс, и пространство, и смену различных по содержанию, по-своему обусловленных состояний.³⁹

Соотношение сущности понятий парного и трёхмерного, чётного и нечётного восходит к универсалиям логики разумных творческих начал жиз-

³⁶ См.: *Валевская Е. А.* Мелодика в системе закономерностей музыкально-поэтического языка // *Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция*: Сб. науч. ст. Л., 1985. С. 19–28.

³⁷ Различные аспекты изучения композиционного строения народных песен раскрываются в сборнике: *Проблемы композиции народной песни* / Сост. Т. А. Старостина, науч. ред. В. М. Шуруп. М., 1997. (Науч. тр. Московской гос. консерватории. Сб. 10).

³⁸ *В оригинальном тексте этот абзац выглядит так:* «Показательными в этом плане могут служить наблюдения свойств типического, определяющих выразительное и смысловое значение композиционных принципов в соотношении музыкального и поэтического начал песенной формы в различных жанрах на Смоленщине, где с отчётливостью прослеживается огромный массив материала с ярко выраженной трёхмерной структурой музыкально-поэтического текста».

³⁹ *В оригинальном тексте:* «...различных по содержанию состояний, обусловленных разными параметрами и обстоятельствами».

ни. Объективная природа этих понятий реализуется в культурной практике каждого народа в различных сферах деятельности и в многообразных формах проявления. В русском фольклоре, в народно-песенной культуре принципы двух- и трёхчленности композиционного строения как мера, определяющая отношения уровней содержательного и языкового порядков (семантического и семиотического рядов) в их текстуально организованном единстве, согласуются непосредственно с целевой, деятельностной установкой, с назначением художественной формы. Наша задача состоит в попытке выяснения норм и характера связей образно-смысловой и языково-выразительной сфер фольклорного текста с учётом их многотысячелетней истории.

Суть двучленного (парного, чётного) построения складывается в процессе выявления характера соответствия / противопоставления речевых образований (рядоположенных композиционно выделенных элементов текста, их смыслов, значений) и заданного в таких отношениях постоянства эмоционально-образного восприятия жизненно значимой информации. В своём элементарном виде организационный принцип двучленного построения единицы периодичности музыкально-поэтического текста (стиха-фразы, строфы) реализуется либо способом простого / варьированного повтора синтаксического звена периода, либо в сопоставлении контрастных в языково-выразительном и в функциональном плане композиционных элементов (вопросо-ответное построение). Логика взаимодействия структурных звеньев двучленной конструкции связывает их в рамках законченного периода и с очевидностью осознаётся в качестве приёма констатации, утверждения начального смысла художественной формы. При этом, сам по себе принцип сопоставления противоположных, контрастных свойств, качеств, состояний, разделяя сущность и характер крайних значений векторной связи текстовых эпизодов оппозиционной пары, создаёт в пределах такого сопоставления представление о единстве, целостности, уравновешенности и, вместе с тем, о динамике отношений всех структурных элементов, смысловых доминант, образующих содержание данного текста.

Иной вид взаимодействия синтаксически определённых звеньев единой системы песенного текста складывается с учётом третьей композиционной составляющей (третьей координаты), в связи с которой образуются новые стороны, смыслы, уровни содержания, описывающие функционально-процессуальное «поле» (пространство и время) художественного события и, одновременно — направление, характер и масштаб происходящего.

Первоочередной исследовательской задачей здесь является выбор, анализ, интерпретация основных признаков той или иной традиционно сложившейся конфигурации элементов трёхчленной композиции музыкально-поэтической формы, в которой, собственно, и находит воплощение начальная жизненно значимая идея (идея троичности, связи, единства процессуальных отношений — «прошлое — настоящее — будущее».

В качестве одного из ведущих среди таких признаков мы рассматриваем приёмы и способы организации цезуры как дифференцирующего знаково-выразительного элемента осмысленной, членораздельной речи. В песенной речи цезура (системный элемент композиции) выступает в роли не только организационного принципа, но приобретает свойства значимой в содержательном отношении, эмоционально окрашенной синтаксической единицы в структуре музыкально-поэтической формы. Интонационные, ритмо-акцентные, ладо-гармонические и другие возможности музыкально-речевых средств образования цезуры (полной или неполной) как знака перемещения смысловых акцентов, направления и, соответственно, динамики движения составляют устойчивый, распознаваемый, типологически характерный элемент формы и определены содержанием песенного текста, его ситуативно-смысловой принадлежностью, в том числе причастностью к обрядово значимому событию.

При этом важно учитывать, что здесь свойства цезуры возникают как результат взаимодействия закономерностей поэтического и музыкального начал песенной речи, в процессе которого оказываются подвижными и признаки цезуры в соответствии с доминирующей ролью тех или иных средств выразительности (ритмо-акцентной стороны стиховой формы или связанного с выразительностью звуковысотных отношений, интонационно-ладового значения попевок).

Построфная цезура, при всём разнообразии приёмов, характеризующих её глубину и значение, устанавливает в рамках песенной формы признаки периодичности, определённой последовательности смысловосущих элементов структуры музыкального и поэтического текстов. Организующая функция цезуры в таком случае всегда закреплена в силу её позиционного положения.⁴⁰

Внутритекстовые цезуры, подчиняясь логике выделения особо значимых эпизодов песенного текста, располагаются по согласованию музыкального и поэтического начал содержания отдельных смысловых, закономерно устойчивых звеньев композиции (на уровне слова – стиха – фразы – попевки), отмечая их выразительную силу, место и функцию в песенной форме. Очевидно, что совершенный вид, определённая восприимчивость смыслового контура песенного текста достигаются тогда,⁴¹ когда на основе прямых связей, соответствия значений и строгой направленности функциональных отношений реализуются в полной мере возможности всех средств языка выражения, которые служат образованию цезуры, что прямо указывает на её роль в процессе формообразования.

⁴⁰ В оригинальном тексте следует продолжение фразы: «...и фиксирует совпадение стиховых ритмов, акцентов, способов организации рифмы с музыкальной (интонационно-ладовой, долготной) формой каданса».

⁴¹ Вариант продолжения: «...тогда, когда на одном и на другом языковых уровнях на основе общих содержательных начал и функциональных связей согласуются все средства, которые служат образованию цезуры, что прямо указывает на её роль в процессе формообразования и в реализации смыслового контура песенного текста».

Сложные виды проявления принципа трёхмерности возникают при несовпадении цезурованных периодов музыкального и поэтического порядков на уровне основных конструктивных элементов текста (ритмов, акцентов, долготы, протяжённости, количества музыкального движения, интонационно-ладовой устойчивости), а также и когда в соответствии с назначением песенной формы складывается ситуация необходимого по смыслу преодоления принципов размеренного выражения⁴² конструктивных связей музыкального и поэтического построений, масштабов периодичности песенно-речевых звеньев композиции:

1
А на Йвана, ♪ ♪ ♪ ♪ ♪

2
А на Йвана на Купала ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪

3
На Купала... ♪ ♪ ♪ ♪

В этом случае обнаруживается иной, вышестоящий уровень организации песенной формы с ведущей ролью закономерностей музыкального ряда средств выразительности, обладающего объективизированной, предельно отвлечённой от предметного, выраженного словом мира вещей, событий, но тесно связанного с эмоционально характерным произнесением, восприятием и устойчивым⁴³ воспроизведением основного смысла. Именно к интонационно выразительному контуру, в конечном счёте, адресуется обрядовое назначение песенного текста.

Здесь мы наблюдаем комплекс закономерностей структурного плана, указывающих на иные принципы организации текста, которые имеют свои жизненно обоснованные мотивы и содержание. Необходимо заметить, что собственный, особый для различных локальных традиций смысловыразительный уровень занимают *признаки типического в сфере исполнительства*, воссоздания песенного текста в реальных по обстоятельствам и назначению условиях его бытования (приёмах звукоизвлечения, звуковедения, темброво-тесситурных, фактурных, динамических характеристиках, диалектных особенностях речи). Исполнительский контур в системе фольклора не только неотделим, но непосредственно соотносится со значимыми элементами песенной формы. Иначе говоря, традиции исполнительства составляют существенную сторону каждого фольклорного текста и являются важнейшим его структурным элементом.

⁴² *Вариант продолжения:* «...размеренного выражения, что приводит к рассогласованию количества, характера движения и масштабов периодичности песенно-речевых построений».

⁴³ *Вариант продолжения:* «...устойчивым (обязательным, нормативным в силу своеобразия мелодического рельефа) воспроизведением основного смысла».

Обращаясь к экспедиционным материалам, можно с уверенностью судить об исключительно важном значении в фольклорных традициях на территории западнорусских регионов песенных форм с трёхмерной организацией песенного периода. В схематическом виде их типологическую систему можно представить в следующем порядке:

Схема 1. Основные типы трёхчленной композиции песенной формы

Тип I. Трёхчленная строфа

основной вид:

$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline A - B - C \end{array}$$

варианты:

1)
$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline A - B - C \end{array}$$

2)
$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline A - B - B \end{array}$$

3)
$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline A - A - B \end{array}$$

Тип II. Трёхчленная строфа с распевом-возгласом

$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline A - B - C \end{array}$$

*распев-
возглас*

Тип III. Строфа повторного строения (с трёхчленной стиховой строкой)

$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline a - b - c \end{array}$$

$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline a - b - c \end{array}$$

Тип IV. «Арочная» композиция строфы (с повтором полустиха)

варианты:

$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline a - ab - a/b \end{array}$$

1)
$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline a - ab - a_1 \end{array}$$

2)
$$\begin{array}{c} 1 \quad 2 \quad 3 \quad \neq \\ \hline a - ab - b_1 \end{array}$$

Представленный в схеме типологический ряд форм трёхчленной композиции песенного текста учитывает основные признаки организации музы-

кальной и поэтической речи в их взаимосвязи и значении. Среди таких признаков, в первую очередь, мы рассматриваем:

- структуру поэтической строфы;
- особенности слогоритмического строения песенного стиха в соотносённости с единицами периодичности мелостроки и музыкальным ритмом;
- характер (вид) интонационно-ладового строения звеньев композиции и песенного периода в целом.

При этом обобщённый интонационно-ладовый контур каждого звена устанавливается с учётом взаимодействия (сопряжения) в процессе развёртывания напева основных и вспомогательных опорных тонов попевки, определяющих строение и мелодическое содержание напева (с помощью лиг обозначены «зоны инерционного действия» основных опорных тонов — см. нотные примеры).

Для уточнения принципов предлагаемой в приведённых образцах схематизации песенного текста необходимы некоторые примечания, устанавливающие основные уровни типологического анализа:

- Важная роль в построении песенного периода принадлежит особенностям архитектоники стиха, с которой тесно связана та или иная типологически самостоятельная конструкция песенной формы в целом. Воспроизведение и восприятие поэтического содержания при этом осуществляется исключительно на основе музыкально произносимого слова.

- Сам по себе интонационный процесс как ведущее, эмоционально окрашенное (основанное на дыхании) смысловнесущее начало подчиняется сложному ряду закономерностей — ладо-гармонических, ритмо-акцентных, фактурных, мелодических, темброво-тесситурных, композиционных, где каждый элемент обладает свойствами типического.

- Признаки своеобразия композиционного строения песенного текста проявляются в динамике отношений всего комплекса средств музыкального и поэтического выражения (метроритмика стиха, слоговой, распетый-ферматный характер интонирования, звуковысотные, ладовые, акцентные и другие характеристики). Главным смысловосодержащим элементом песенной формы является попевка, пределы которой образуются на основе принципов интонационного развития и непосредственно фиксируют единицу речи, структурное звено композиции.⁴⁴

- Опознавательный признак попевки — наличие опорного тона музыкального движения; на этой основе выстраивается интонационно-ладовая

⁴⁴ Ключевым в понимании формообразующего значения «попевки» является определение Б. В. Асафьева: «Попевка — интонационно конструктивный элемент мелодии — образует группу сопряжённых тонов, составляющих мелодический оборот или рельеф; из чередования таких неизменных (или несколько варьируемых) оборотов или излюбленных мелодических соотношений ткётся песенная нить; развёртывание песни, её характер, её тип зависят от взаимодействия, сопоставления и прежде всего от свойств и особенностей организующих её или входящих в неё попевок» (Асафьев Б. В. Речевая интонация. М.; Л., 1965. С. 19–20).

схема напева и, одновременно, композиционный контур песенной формы. Отметим, что степень схематизации ладо-интонационного контура напева (см. нотные примеры) не абстрагируется до «звукорядной» формы, сохраняя возможность восстановления основного мелодического рисунка песни. Особенно важное значение здесь приобретает подчёркнутое внимание к последовательности («временная развёртка», признак позиционности, местоположения) ведущих ладо-интонационных комплексов (попевок).

- Естественно определяющей является роль цезуры (разных видов – внутрстиховой, стиховой, строфической), собирающей и разрешающей энергию эмоциональных напряжений (долгота, акцентность, звуковысотность, интонационно-ладовая направленность музыкального движения) и, в силу этого, приобретающей особый смысл: маркировка разделов музыкально-поэтической формы, которые несут на себе, как элементы композиции, собственную, знаковую по содержанию нагрузку.

Очевидно, что каждое звено периода формируется в связи с выделением смыслового акцента не только на лексическом, стиховом (логика слогоритмической организации стиха), но и в значительной, быть может, в определяющей мере – в связи с закономерностями интонационного, музыкально упорядоченного произнесения слова.

Как видно, сложно организованная система песенной речи, смысловая сторона и подвижные функции каждого элемента поэтического и музыкального компонентов песенного текста закономерно возникают в ряду фактов народной традиционной культуры во всём многообразии их жанровых, историко- и диалектно-стилевых форм в большой мере на основе свойств типического. В силу этого, свойства типического свидетельствуют о чрезвычайности каждого элемента художественно выразительной речи с точки зрения эмоционально-образного, содержательного начал, о необычайно важном значении их в поддержании устойчивости основ всей системы фольклора.

Типологическое изучение содержания, языка, структуры, функций и значений народных песен обещают немало откровений, свидетельствующих об этапах эволюции и указывающих на перспективы развития традиционной народной культуры.

Отечественная фольклористика давно и успешно решает вопросы типологического анализа фактов фольклора. Однако известная изолированность отдельных направлений «ведомственной» науки, ограниченной теми или иными приоритетами, становится препятствием в исследовании сложной, исторически многослойной природы, содержания и функций фольклора. Лишь системный подход в определении существа и связей каждого элемента народной традиционной культуры даёт надежды на комплексное описание её исторически сложившихся форм, на восстановление и возможные перспективы преемственности культурного опыта поколений.

...Между тем, в России до сих пор нет государственного института русского фольклора...

Нотные примеры⁴⁵

Соотношение единиц периодичности песенного текста

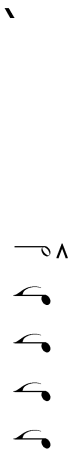
Тип I: Трёхчленная строфа (основной вид)

Пример 1.⁴⁶

Поэтический период

Мелострофа (музыкальный период)

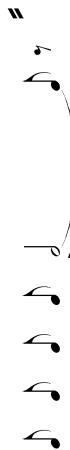
Не пойду я в двор,

Тута зыначую,

(и) Журбы не почу...[ю]... У!

2. (И) бу-ду ну-чу - вать я ў тём-нень-ким ле - се (и) пад бе-лый бе - рё... У!

⁴⁵ Все песни записаны в экспедициях Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Смоленской области. Расшифровки выполнены К. А. Мехнецовой.

⁴⁶ «Не пойду я в двор, тута заночую». Живная песня. Руднянский р-н, Любавичская с/а, д. Махначи. Испол.: Шайгорова М. Е., 1930 г. р., Шайгорова М. А., 1914 г. р. Зап.: Мехнецова К. А., Мальцева О. В. 11.08.1998. Архив ФЭЦ СПБГК, № ОАФ 5092-08.

Пример 2.⁴⁷

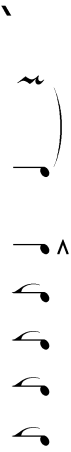
Поэтический период

Мелострофа (музыкальный период)

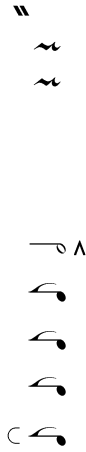
Силезенька,

Галовка сизенька,

Крылышка быстрее...[ньки]... У!

♩ = 88

2. Силезенька - ка, ты был ты на мо - ре, ти ви - дел у - ти... [шш.]

⁴⁷ «Селезенька, головка сизенька». Живая песня. Руднянский р-н, Любавичская с/а, д. Ефремово. Исп.: Соловьёва М. Н., 1934 г. р., Соловьёва Н. Е., 1928 г. р., Соловьёва А. П., 1924 г. р., Царебулева Е. Я., 1924 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Редькова Е. С. 09.08.1998. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5067-36.

Пример 3.⁴⁸

<i>Поэтический период</i>	<i>Мелострофа (музыкальный период)</i>
Женечка-щедрава, Вынаси кулажку, Вынаси кулажку.	

2. Вынаси кулажку - лаж - ку на белый та - ре - лжи, на белый та - ре - лжи.

⁴⁸ «Женечка-щедрава, выноси кулажку». Купальская песня. Руднянский р-н, Первомайская с/а, д. Дубровка. Исл.: Мосокова О. Е., 1920 г. р., Козырева Е. П., 1918 г. р., Иванова Е. У., 1934 г. р., Массейкина М. П., 1926 г. р., Мосокова И. Д., 1940 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Редькова Е. С. 08.08.1998. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5066-24.

Пример 4.⁴⁹

<i>Поэтический период</i>	<i>Мелострофа (музыкальный период)</i>
Приду я дамойки,	
Приду я дамойки,	
Сяду я ны ла...[вку].	

$\text{♩} = 80$

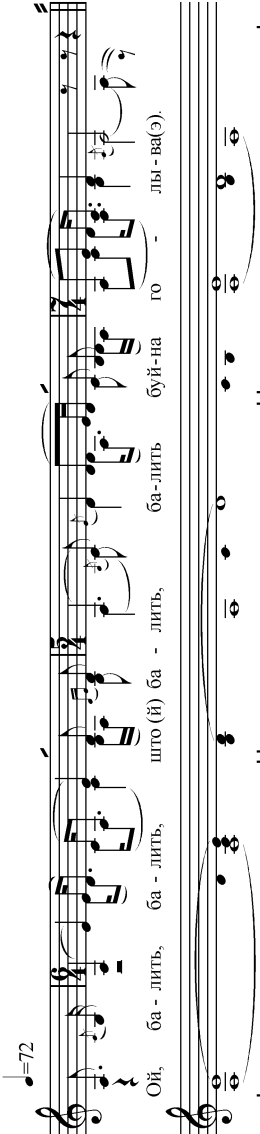
При - ду я да - мой - ки, при - ду я да - мой - ки, ся - ду я ны ла...вку.

⁴⁹ «Приду я дамойки, сяду я на лавку». Живная песня. Духовщинский р-н, Шилловский с/с, д. Шилловици. Исл.: Щелрова М. А., 1908 г. р., Солдатенкова М. С., 1913 г. р., Губина П. П., 1917 г. р., Глинкина И. А., 1926 г. р., Кузнецова А. Е., 1923 г. р., Иванова А. С., 1915 г. р., Глинкина Т. К., 1927 г. р., Савченкова Ф. А., 1917 г. р. Зап. Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецова К. А. 01.07.1994. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 4217-01.

Пример 5.⁵⁰

<i>Поэтический период</i>	<i>Мелострофа (музыкальный период)</i>
Ой, балить, балить,	
Што(й) балить, балить	
Буйна гольва(э).	

♩=72

Ой, ба - лить, ба - лить, што (й) ба - лить, ба - лить буй - на го - лы - ва(э).

⁵⁰ «Ой, болит, болит буйна голова». Лирическая песня. Сведения о записи и исполнителях — см. пример 4. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 4217-03.

Тип II: Трёхчленная строфа с распевом-возгласом

Пример 6.⁵¹

Поэтический период

Мелострофа (музыкальный период)

Сылавей мой, сылавей, Э-ой,

Салав்யюшка маленький.

Сы-ла - вей мой, сы - ла - вей, э - эй, ой, са-ла - вью-шка ма - лень - кий.

⁵¹ «Соловей мой, соловей». Лирическая песня. Сведения о записи и исполнителях — см. пример 4. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 4217-04.

Тип III: Строфа повторного строения (с трёхленной стиховой строкой)

Пример 7.⁵²

Поэтический период

Мелострофа (музыкальный период)

⁵² «Выходи, свякрова горабая». Свадебная песня. Сведения о записи и исполнителях — см. пример 3. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5066-39.

Пример 8.⁵³

Поэтический период *Мелострофа (музыкальный период)*

1 2 3
На море утица вумувалася,
На море утица вумувалася.

♩ = 140
1. На сва - лыш - ка кры - лыш - ва - лы - ся,
2. На сва - лыш - ка кры - лыш - ва - лы - ся.

⁵³ «На море утица умувалася». Свадебная песня. Сведения о записи и исполнителях — см. пример 3. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5066-42.

Пример 9.⁵⁴

Тип IV: «Арочная» композиция строфы (с повтором полустиха)

Поэтический период

Мелодический период

Завьём
вянки,Завьём
вянки на три
деньки,На три
деньки.

♩ = 80

Завьём вянки, / Завьём вянки на три деньки, / На три деньки.

Завьём вянки, / Завьём вянки на три деньки, / На три деньки.

Завьём вянки, / Завьём вянки на три деньки, / На три деньки.

⁵⁴ «Завьём вянки на три деньки». Купальская песня. Сведения о записи и исполнителях – см. пример 2. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5067–39.

Пример 10.⁵⁵

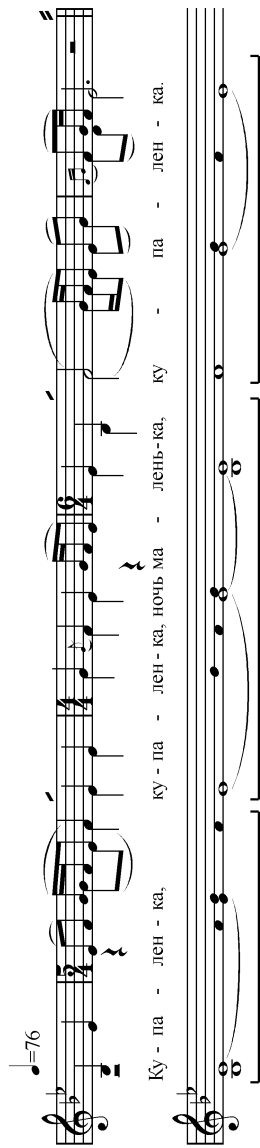
Поэтический период

Мелодический период

Купаленка,

Купаленка, ночь маленька,

Купаленка.

♩ = 76

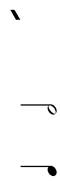
Ку - па - лен - ка, ку - па - лен - ка, ночь ма - лень - ка, ку - па - лен - ка.

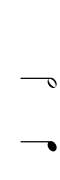
⁵⁵ «Купаленка, ночь маленька». Купальская песня. Демидовский р-н, Бородинская с/а, д. Верхнее Хотяково. Исп.: Храмеева Е. Д., 1924 г. р., Никифорова А. П., 1924 г. р. Зап.: Вавельская Е. А., Мехнецова К. А., Пархомова Е. А., Релькова Е. С. 08.07.1997. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 4874-04.

Пример 12.⁵⁷

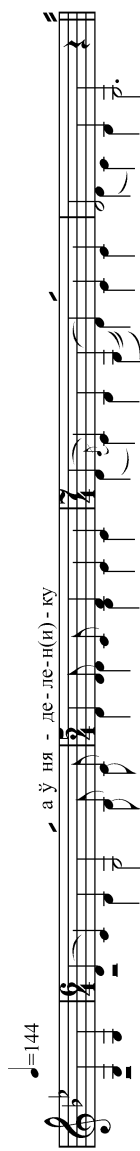
Поэтический период

Мелострофа (музыкальный период)

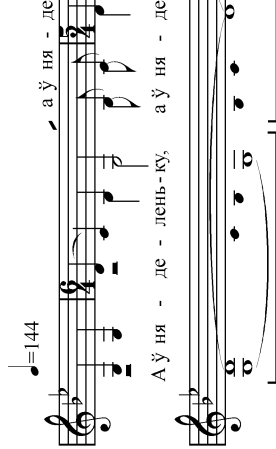
А ў няделенку,

А ў няделенку пыранёшинька,

Пыранёшинька.

А ў ня - де - лень - ку, а ў ня - де - лень - ку пы - ра - нё - шинь - ка.

⁵⁷ «А в неделенку поранёшенько». Крестильная песня. Руднянский р-н, Чистиковская с/а, д. Загодино. Исп.: Кухтикова Ю. А., 1930 г. р., Быстрикова З. Д., 1930 г. р., Киндеева М. К., 1931 г. р., Козлова З. П., 1931 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Балакшина С. Р., Подрезова С. В., Лескай-Меренсио Д. А. 17.08.1998. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5068-41.

Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры⁵⁸

Одним из важнейших факторов, определяющих перспективы развития современной науки о народной песне, стало осознание того положения, что всестороннее раскрытие сущности явлений музыкального фольклора возможно лишь с учётом природы, логики согласования и обусловленности всех звеньев, образующих систему народной культуры.

Синкретический характер и многоплановые связи песни с различными сторонами народной жизни, историчность процесса интонирования вызывают необходимость комплексного изучения музыкального фольклора. В свою очередь, успешное применение такого метода исследования опирается на разработку научных проблем, раскрывающих как частные, так и общие закономерности возникновения и жизни многообразных, бесконечно изменчивых и, вместе с тем, необыкновенно устойчивых явлений устного музыкального творчества.

К числу таких общих закономерностей относится традиционность, отражающая важнейшую функцию коллективного сознания — закрепление и передачу продуктивных элементов практической деятельности человека, имеющей общественную значимость. То обстоятельство, что в отличие от «предметных» видов народного искусства его устные формы имеют принципиально процессуальный характер, определяет особую роль законов традиционности в музыкальном фольклоре: не только самый факт воссоздания фольклорного текста, но и структура каждого произведения подчиняются этим законам.

В данной статье мы попытаемся кратко рассмотреть основные стороны и характер проявления традиционности в сфере народного музыкально-поэтического творчества. При этом наше внимание будет сосредоточено на установлении ведущего правила традиции, состава и соподчинённости элементов, формирующих её движущее начало.⁵⁹

⁵⁸ Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция: Сб. науч. ст. Л.: Изд-во Ленингр. гос. консерватории, 1985. С. 5–19. Статья представляет собой разработку положений доклада, прочитанного автором в 1981 году на Всероссийской научно-практической конференции «Прошлое и настоящее русской хоровой культуры». Тезисы доклада опубликованы: Всероссийский фестиваль «Невские хоровые ассамблеи». М., 1984. С. 32–34.

⁵⁹ Проблема традиции и связанный с нею круг вопросов исторической жизни произведений устного народного творчества — один из активных участков советской фольклористики. Принципиальное значение имеют такие работы, как «Эстетика фольклора» В. Е. Гусева (Л., 1967), «Основы устной эпической поэтики славян (Антитеза “формульной” теории)» В. М. Гацака и «Вариативность и поэтика фольклорного текста» К. В. Чистова (см.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов / IX Международный съезд славистов. М., 1983). Среди работ по музыкальному фольклору отметим статью: Земцовский И. И. Народная музыка и современность (к проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор.

Традиция как основополагающий принцип существования бесписьменных форм культуры находит выражение в каждом из составляющих звеньев системы народного музыкально-поэтического творчества. Традиционностью пронизан и весь уклад жизни, структура отношений в семье и крестьянской общине. Традиция лежит в основе приобретения и закрепления важнейших сторон коллективного знания. Исследуя крестьянские трудовые традиции Западной Сибири, М. М. Громько отмечает «преемственность в сознании и поведении, которая достигалась разными способами воздействия семьи и общины на каждого нового члена и взаимным контролем, крившимся во всей системе отношений». «В силу эмпирического характера знаний и примитивности орудий труда самый процесс производства, — пишет далее автор, — был возможен только благодаря закреплению и передаче опыта традицией».⁶⁰

Образ жизни крестьянина, его знания и представления концентрировали в себе опыт минувших поколений, опирались на традицию. Именно традиционность и обеспечивала объективно необходимое, жизненно важное в данных условиях соответствие действительной практики конкретного коллектива нормам его прошлого опыта. Иначе говоря, традиция предстаёт как способ соотнесения выверенных предыдущей практикой нормативных действий (эталон) с обстоятельствами и целью их реализации в настоящем времени, с действительной практикой (критерии).

Процесс возникновения традиции на основе воспроизведения закрепившихся в памяти необходимых действий находит отражение в последовательности «действие — восприятие — сохранение — воспроизведение...» и так далее. В применении к народному искусству такая последовательность верно передаёт закономерность подвижной цикличности функционирования традиции: «Жизнь фольклора — непрерывный процесс, в котором воспроизведение традиции есть уже “изменённое действие”, являющееся одновременно, благодаря активному восприятию, началом нового цикла», — пишет В. Е. Гусев.⁶¹

Каждый новый цикл — результат коррекции эталона в новых условиях его воссоздания. Но установление одной лишь этой зависимости для характеристики процесса оказывается недостаточным, поскольку взаимодействие эталона и критериев выражается не в однонаправленном движении, а обусловлено сложными отношениями элементов образующейся системы на основе обратной связи между ними.

М., 1977. Детальная разработка понятия традиции в плане философского обобщения предпринята В. Д. Плаховым в его книге «Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования» (М., 1982).

⁶⁰ Громько М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX века). Новосибирск, 1975. С. 3.

⁶¹ Гусев В. Е. О специфике восприятия фольклора (к проблеме синестезии в искусстве) // Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978. С. 85.

Устойчивость внешних условий жизни традиции или их изменение (глубина изменений), степень необходимости воспроизведения и масштаб совершаемого на основе традиции конкретного действия – эти причины определяют различную динамичность критериев и направление преобразования данного действия. Точно так же различаются уровни значимости, а следовательно, и функциональность элементов прошлого опыта в момент воссоздания. Устойчивостью важнейших сторон эталона и определяется традиционность воспроизводимого действия. Именно на их основе достигается необходимая преемственность форм прошлой практики в новых условиях. Реализация эталона в таком случае становится стабилизирующим фактором действительной практики.

Это свойство традиции чётко фиксируется, например, при изучении народно-песенной культуры на территориях позднего расселения русских (песенная культура в старожильческих поселениях Урала и Сибири, в районах Среднего и Нижнего Поволжья, на Дону, Кубани), где местные формы музыкального быта и стилистика песен складывались на основе первоначального слоя разнородных фольклорных привнесений. Кристаллизация песенных традиций в этих условиях проходила в русле процессов:

- стирания локальных особенностей песенного стиля отдельных групп переселенцев;
- переосмысления значимости элементов музыкального стиля переселенческих традиций (характерные черты одной из них приобретают значение ведущих для вновь формируемой традиции);
- усвоения средств и приёмов выразительности, возникших в художественной практике нового времени (XVIII – XIX века).

Музыкально-типологический анализ показывает, что отмеченные процессы подчинялись упорядочивающему значению, конструктивной роли основных закономерностей художественной системы исходных песенных традиций, благодаря чему сохранялась жанровая определённость музыкально-поэтических форм и связь местных (уральских, сибирских) традиций с коренными пластами национальной культуры. Здесь традиционность, проявляющаяся в устойчивости принципиально важных элементов художественной формы отражает устойчивость законов народного художественного сознания. «Народная традиция, – как пишет С. Рождественская, – сохраняет духовные ценности народа в образно-художественном выражении искусства и осуществляет их адаптацию к изменяющимся историческим и социально-экономическим условиям».⁶²

Исследование фольклорных традиций обнаруживает некоторые особенности проявления закономерностей диалектического развития в сфере традиционной культуры. Суть этих особенностей заключается в отмеченной

⁶² *Рождественская С. В.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981. С. 28.

выше дифференцированности элементов, составляющих структуру воспроизводимого действия (в нашем случае — фольклорного текста), с точки зрения относительной их устойчивости или подвижности.

Необходимость воссоздания, повторения прошлого опыта («изменённое действие») устанавливает своеобразный порог вариативности, некий предел возможных изменений, за которым теряется прямая связь крайних звеньев последовательности «действие — восприятие — сохранение — воспроизведение», цепь прерывается, возникает новое, иное действие.

В силу неравнозначности элементов, образующих структуру эталона, различного их отношения к ведущему смысловому началу, каждый из элементов в контексте конкретного действия имеет тот или иной предел возможных изменений. При этом важно, что воспроизведение и качественно новое, иное действие разделяет не общая сумма наблюдаемых отличий, а достижение или преодоление порога вариативности в ряду элементов, определяющих сущность эталона, наиболее характерные его черты.

Достижение порога вариативности не нарушает структурного единства и формы согласования элементов фольклорного текста на всех сопоставимых этапах его существования: совершаемое действие (при допустимых изменениях как в направлении усложнения, так и в направлении упрощения) есть воспроизведение предыдущего. В этих условиях воспроизведение осуществляется в русле процесса сохранности исходного содержания текста.

В свою очередь, преодоление порога вариативности, вызванное новым знанием, новой необходимостью, вносит в текст принципиально важные, качественные изменения, соответствующие иной эмоционально-смысловой направленности интонирования.⁶³

Это, по-видимому, определяло в процессе возникновения новых художественных задач один из путей формирования самостоятельных, структурно отличных явлений фольклора на основе стиливых средств, получивших развитие на предшествующих этапах исторической жизни народной песни.

Как способ, регулирующий необходимую в данных условиях эффективность нормативных действий (прошлого опыта), традиция обнаруживает движение элементов структуры фольклорного текста одновременно в следующих основных сферах функционирования:

- реализация стабильных элементов прошлой практики, обеспечивающих результативность настоящего опыта;

⁶³ Необходимо учитывать, что первичные интонационно-смысловые сферы так же, как и присущие им комплексы музыкально-стилевых закономерностей, не происходят последовательно одна за другой, а существуют самостоятельно в ряду многообразия форм отражения средствами музыкального языка реальной действительности. Эта мысль чётко сформулирована Ф. А. Рубцовым в его фундаментальном труде «Основы ладового строения русских народных песен» (См.: *Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору*. Л.; М., 1973. С. 21).

- преобразование и возникновение качественных изменений (случайных, временных или становящихся нормативными, постоянными);
- инерционная сфера, образованная элементами прошлой практики, утратившими (частично или полностью) своё первоначальное содержание и сохранившимися, с одной стороны, в силу конструктивной значимости, с другой стороны – благодаря слабым, косвенным связям с новой реальностью и консервативности самой традиции.

Выявление характера соотношения элементов системы «эталон – критерии» и позволяет наблюдать исторический путь развития традиции со стороны накопления в ней качественных изменений и устойчивости сущностных её начал. Узловые моменты этого процесса, если рассматривать его с точки зрения динамики существования фольклорного текста, конкретизируются именно в связи с понятием порога вариативности и движения элементов структуры текста в основных сферах функционирования.

Для того, чтобы представить в общем виде проявление отмеченных закономерностей, проведём краткое исследование, обратившись к одному из исторически ранних пластов русской песенной лирики. Мы имеем в виду лирические песни, характерной чертой музыкального стиля которых является специфическая ладовая организация, основанная на сопряжении опорных тонов в узких интервалах (секунда, терция).⁶⁴

Сопоставим ряд примеров песен.⁶⁵

⁶⁴ Песенный материал частично опубликован в сборнике: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981 (см. первый раздел сборника).

⁶⁵ Пример 1а: «Летни празднишки, девушки, на проходе». Вологодская обл., Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Белоусова А. А., 66 лет, Копытова Ю. А. Зап.: Марченко Ю. И. 23.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 528-21. Расш.: Светличная Н. М. Народные песни Вологодской области... № 7.

Пример 1б: «Розрешеньица ходит милой просит». «Долгая; поют, когда с поля идут». Вологодская обл., Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Белоусова А. А., 66 лет, Копытова Ю. А., Попова А. В. Зап.: Марченко Ю. И. 23.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 528-18. Расш.: Марченко Ю. И. Народные песни Вологодской области... № 8.

Пример 1в: «Э-ой, как, девушки, воля-та нам». «Летняя песня; поют, когда идут с работы или на работу в поле; в праздники ходили на Сухону». Вологодская обл., Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Белоусова А. А., 66 лет, Копытова Ю. А., Попова А. В. Зап.: Марченко Ю. И. 23.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 528-13. Расш.: Марченко Ю. И. Народные песни Вологодской области... № 5. Аналогичное ладовое строение и более сложные формы узкообъёмных ладовых систем мы встречаем в ряде песен – см.: Народные песни Вологодской области... № 6, 9, 10, 12, 21, 22 и другие.

Примеч. сост.: Здесь и далее примеры приводятся в редакции автора статьи. Изменения, внесённые А. М. Мехнецовым (по сравнению с опубликованными в сборнике текстами), касаются тактировки напевов; также в ряде случаев приводятся варианты мелодического движения, обобщённые по нескольким строфам.

Пример 1

а) $\text{♩} = 88$

3. Про- тек - ли... про- те - ка - ли по - за по-лю ру-це - ёшь - ки
во тем - ны - е - те во ле - са.

б) $\text{♩} = 48$

2. Не да - ёт... дак уж раз - ре - ши - ко, ми-ла - я, клят - ву да
до - зволь мне - то жо-ни - ти - сё (ой).

в) $\text{♩} = 46$

3. Э - ой, ба-бам нет нам по - хо - жо-ва, дак ой, ку - да во(й)...
мо - я во - люш-ка, да ты де - ва - лась.

Приведённые напевы объединяет общая для них ладо-интонационная система. Единая интонационная природа песен, легко улавливаемая слухом, находит наглядное выражение при схематизации напевов. Отвлекаясь от мелодико-ритмической формы, сосредоточим внимание на ладовой сущности отдельных попевочных звеньев, выделив опорные тоны каждого звена как центры интонационно-ладового развития (см. пример 2).

Для выявления особенностей интонационного процесса необходима ещё одна ступень схематизации, на которой форма движения к опорным тонам попевок принимает обобщённый вид (см. пример 3).

Оба ряда схематизации последовательно раскрывают ведущий принцип мелодического развития – опевание тонов, занимающих центральное место в попевочных комплексах. При этом второй ряд схематизации в обобщённой форме устанавливает характер связей, звуковысотную соподчинённость тонов, то есть присущую попевам интонационно-ладовую структуру. Выявляя местоположение опорного тона в терцовой ячейке интонирования или в бо-

лее сложных трихордовых построениях (см. пример 3) и не будучи прямо связанными со словом, эти интонационно-ладовые структуры отражают содержательную сторону процесса ладообразования. В каждой из них так же, как и в их звуковысотном соотношении (в песнях выделенной группы – большесекундовое соотношение двух терцовых ячеек) проявляется смысловая направленность интонирования.⁶⁶

Пример 2

а)

б)

в)

Пример 3

Весь сложный интонационный мир рассматриваемых песен возникает, конкретизируется, приобретает художественно-выразительное значение лишь в контексте относительно законченных мелодико-ритмических по-

⁶⁶ Естественно рассматривать смысловое значение большесекундового сопоставления интонационно-ладовых комплексов с точки зрения выразительных особенностей повествовательной речи.

строений — попевок, цепи попевочных звеньев, которые и выступают в роли синтаксических комплексов, организующих песенную речь.

Свою самостоятельность в качестве основных конструктивно значимых и смыслообразующих единиц песенного периода попевки (попевочные группы) приобретают как в силу соподчинённости с ритмом слоγοпроизнесения и местом в композиции напева, так и в связи с формой и соотношением лежащих в их основе начальных интонационно-ладовых структур. Анализ напевов с этой точки зрения показывает, что логика, выразительность мелодического движения и смысловой подтекст интонирования, составляющие основу художественной формы, реализуются в процессе взаимодействия компонентов песенной речи, имеющих различный порог вариативности. Отсюда и раскрывается роль устойчивости отдельных элементов, сторон, закономерностей песенного стиля — устойчивости, определяющей структурное и смысловое тождество вновь и вновь воспроизводимого напева с воспринятым ранее и закрепившимся в прошлой практике образцом. Так, в частности, ладовая сущность попевок (и напева в целом) выстраивается, как отмечалось, именно в связи с функционированием начальных интонационно-ладовых структур. Обращает внимание, что ладовое содержание попевок (а следовательно, и смысловая направленность интонирования) сохраняется в довольно широком диапазоне изменений, которые касаются не только мелодического и слогового ритмического рисунка музыкальных построений, но также и их звуковысотного контура. Об этом, например, могут свидетельствовать приводимые таблицы (см. пример 4а, б) зачинных и заключительных разделов ряда песен.⁶⁷

Предел допустимых изменений фиксируется здесь на уровне устойчивости собственной формы и характера взаимодействия (сопряжения в попевочных группах) начальных интонационно-ладовых структур при постоянстве принципа мелодического развития. По этим показателям и обнаруживается родство приведённых напевов, их принадлежность к одному песенному типу. На основе устойчивости этих показателей и возникало в процессе певческой практики бесконечное число вариантов каждой отдельно взятой песни и новых песен, однотипных по напеву, но с другими поэтическими текстами. Подвижность ритмического и звуковысотного контуров напева, масштабов композиции (возможные вставки, повторы, сокращения) не нарушали устойчивости важнейшей музыкально-поэтической характеристики песни — её интонационно-ладовой природы, принципа организации «звукового потока». Более того, изменчивость отдельных элементов песенной формы, обеспечивая возможность адаптации конкретного фольклорного текста к новым условиям, а следовательно — его жизнестойкость и прямую связь всех звеньев циклической последовательности «действие — восприятие — сохранение — воспроизведение», повышало роль и значение других структурных элементов

⁶⁷ См.: Народные песни Вологодской области... № 5, 6, 7, 9, 12, 21, 22.

как постоянных и обязательных, определяющих специфику формы и содержания данного текста.

Иное дело – преодоление порога вариативности. Означая допустимый предел возможных изменений, в рамках которого сохраняется и каждый раз воссоздаётся при всём многообразии своих проявлений основное содержание данной песенной формы, порог вариативности отделяет друг от друга различные в смысловом отношении явления. Вместе с тем, он отмечает своеобразную иерархию элементов музыкально-поэтического языка (группы элементов, вида связей), определяя ведущую роль того или иного элемента в процессе становления именно данной, а не иной формы.⁶⁸

Пример 4

а) зачины песен

3. Про - тек - ли... про - те - ка - ли

2. Ой, у - ви - дать... пе - ред ми - лень - ким на - до

3. Э - ой, ба - бам нет нам по - хо - жо - ва

2. Во гла - за... да где у ле - шо(ва)

2. Ой, хо - ро - ша... дак рас - тол - сте - ло - то

3. Ой, о брев - но... как не за - шиб - се

2. Из по - хо - ду, да слав - ным - то го - ро(дом)

⁶⁸ В песнях различных жанров, внутрижанровых групп или историко-стилевых пластов типологические признаки, связанные с ведущим смыслообразующим началом песни, могут располагаться как в ладо-интонационной, так и в метроритмической или даже в композиционной и в образно-поэтической сферах песенной формы. В настоящем исследовании внимание сосредоточено лишь на ладо-интонационном строении напева.

б) заключительные разделы

2.(...)ой да, не та - ка - я.

4.(...)ой да, дев - ки с на - ми.

2.(...)по - про - сил - ся у де - вуш - ки на - це - вать.

2.(...)с древ ли - сто - ци - ки на - до о - бор - вать.

2.(...)роз - ве - сё - лы - е гла - за.

3.(...)во тем - ны - е - те во ле - са.

2.(...)о сы - ро - е - то о брев - но.

Преодоление порога вариативности, связанное с возникновением новых смысловых доминант, влечёт за собой изменения в структуре отдельных попевок образований, синтаксических комплексов или напева в целом. Так, например, изменение формы интонационно-ладовой ячейки ведёт к серьёзной перестройке ладовой системы напева. Сравним приведённые выше песни (см. пример 1) с песнями «Воля» и «Покров-праздничек» из деревни Баклановской⁶⁹ (пример 5).

⁶⁹ Пример 5а: «Э-ой, как воленька». Поют первой песней, «когда идут со жнива». Вологодская обл., Тарногский р-н, Маркушевский с/с, д. Баклановская. Исп.: Белозерова М. Ф., 78 лет, Ермолинская М. П., 68 лет, Ермолинская М. В., 63 года. Зап.: Кастров А. Ю. 08.07.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 506-02. Расш.: Марченко Ю. И. Народные песни Вологодской области... № 19.

Пример 5б: «Эй, Покров-праздничек на проходе». Поют, «когда идут со жнива». Вологодская обл., Тарногский р-н, Маркушевский с/с, д. Баклановская. Исп.: Белозерова М. Ф., 78 лет, Ермолинская М. П., 68 лет, Ермолинская М. В., 63 года. Зап.: Кастров А. Ю. 08.07.1974.

Пример 5

а) $\text{♩} = 40$

Э ой, ка-к(ы) во-ле-н(и)-ка, Эй,
дивь-я-та во-ля у де-ву-шок,
ой, до-ро-га-я.

б) $\text{♩} = 42$

Эй, По-кров празд-ни-цёк на про-хо-де,
мой-от-ми... мой-от-ми-лень-кой
во-по-хо-де.

На основе анализа можно сделать заключение, что начальные интонационно-ладовые структуры с квартовым отношением опорных тонов изменяют конструкцию попевок и форму ладовой организации всего напева даже при том, что другие характеристики сравниваемых песен восходят к общим для них закономерностям музыкально-поэтического языка. Более насыщенная и эмоционально открытая выразительность мелодического хода в кварте знаменует собой сдвиг смысловой направленности интонирования. Сравнение напевов в этом случае осуществляется в плане сопоставления двух самостоятельных групп, обладающих чертами стилевого единства.

Если провести исследование двух последних напевов с позиций, с которых анализировалась предшествующая группа песен (пример 1), то окажется, что и здесь действует тот же принцип, определяющий однородность напевов в рамках второй группы – принцип функционирования элементов структуры музыкально-поэтического текста на различных уровнях порога вариативно-

сти, допускающего подвижность (изменчивость) элементов в пределах, фиксирующих устойчивое воссоздание основного содержания текста. Именно на основе этого принципа реализуются в традиции сохранность, преемственность и, одновременно, адаптация прошлого опыта.

Понятие «порог вариативности», отражая закономерности отношения «эталон – критерии» (процесса сохранения и воспроизведения закрепившегося в традиции продуктивного опыта) намечает возможность решения с позиций текстологического анализа ещё одной важной проблемы, связанной с образованием и взаимодействием различных песенных типов.

Центральным в этой проблеме является положение о том, что каждый напев существует и развивается как самостоятельная по своему смысловому содержанию интонационная реальность, возникающая в виде целостного, имеющего законченную синтаксическую форму явления художественного освоения действительности. Не комбинация из отдельных музыкальных оборотов, попевочных «блоков» и других элементов формы, предполагающая некий изначально существующий арсенал «строительных клише» и некую на его основе деятельность, направленную на «формотворчество», а необходимость достижения продуктивного значения закреплённого прошлым опытом действия, необходимость воссоздания определённого эмоционально-смыслового содержания, носителем которого является конкретная, структурно завершённая интонационная реальность (данный напев) – таков в фольклорной традиции путь становления художественной формы от начальных импульсов до конечных степеней совершенства. При этом на каждом этапе исторической жизни данная интонационная реальность соответствовала высшей, исчерпывающей данную необходимость, ступени развития.

Сам процесс развития, протекающий на основе функционирования устойчивых и подвижных элементов формы, приводит, как мы наблюдали, к образованию многочисленных вариантов, сохраняющих в пределах порога вариативности исходную сущностную характеристику напева. В этом своём состоянии, подчиняясь логике отношений формы и содержания фольклорного текста, разнообразные песенные варианты и группируются в нашем сознании в один типологический ряд.

Песни, относящиеся к различным музыкальным группам и типам, восходят к самостоятельным, возникающим в процессе обрядово-бытовой практики, образно-смысловым комплексам, которым соответствуют и различные музыкально-стилевые закономерности.

Динамика песенной формы в рамках каждого типа, соотношение типов между собой, их взаимодействие – показатели исторической жизни, связей песни с окружающей действительностью. Но если песенный тип – область обнаружения устойчивости или подвижности элементов структуры фольклорного текста, то сравнительный анализ песен, принадлежащих разным типам, раскрывает другую, отмеченную выше, закономерность традиции –

движение этих элементов в основных сферах функционирования, переход их с одного уровня значимости на другой.

Движение элементов песенной речи в системе уровней значимости (сфер функционирования) как раз и возникает в связи с преодолением порога вариативности.

Продолжив наши наблюдения над ладовой организацией отдельных попевок, отметим, что преодоление порога вариативности в этой сфере преобразует интонационно-смысловое содержание самостоятельных разделов формы и всего напева. Однако образование новых смысловых доминант в таких случаях (в случаях смены типологической характеристики одного или нескольких попевочных комплексов) сопровождается сохранностью ряда других компонентов конструкции напева, в том числе и ладового строения его отдельных звеньев. Так, в примере 6 ладовая форма, основанная на большесекундовом сопоставлении двух терцовых ячеек интонирования (в первой строфе), теряет присущее ей как самостоятельной системе выразительно-смысловое значение. Попевки с терцовым строением выступают в качестве элементов конструктивной основы песни иного ладо-интонационного типа.⁷⁰ Начиная со второй строфы в песне утверждается выразительно-смысловой контур, связанный с возможностями кварто-квинтового соотношения опорных тонов.

Как видим, выразительность зачинного хода в кварте с последующим квинтовым мелодическим оборотом перекрывает собственное смысловое значение терцовых интонационно-ладовых структур и становится главным «музыкальным эпизодом» напева. Очевидно и то, что в контексте иной ладовой формы терцовые ячейки интонирования оказываются в роли вспомогательных конструктивных элементов. Лишь в заключительном построении знакомая нам система попевок с терцовой структурой возвращает свою интонационно-смысловую сущность, своё значение как музыкально-типологического признака. Показательно, что это связано с кадансом — одним из наиболее стабильных разделов музыкальной формы.

Переход элементов структуры фольклорного текста с одного уровня значимости на другой отражает одну из основных функций традиции — интеграцию продуктивных качеств отдельных элементов прошлого опыта. В силу особенностей своего развития традиционное искусство включает в себя и связывает в единое целое явления, восходящие к различным историческим периодам формирования культуры определённой этнической и социальной общности людей. В результате этого процесса складывается важнейшая черта народно-песенного искусства — историко-типологическая многослойность его художественно-образной и языковой систем.

⁷⁰ Сравним песню «Несчастливую пошто мама родила» (пример 6) с песнями «Воля» и «Покров-праздничек» (пример 5).

Пример 6⁷¹

$\text{♩} = 100$

1. Не - сцес - ли - ву - ю по - штё ма - ма ро - ди -
ла, ой как роз - бес - цяс - на ко лю -
бо - ве я, де - вуш - ка, вы - рос - ла. [...]

3. Ой, мо - лод - ця... дак я та - ко - во я - ро - слав - ци - ка бра - во -
во, ой как я - ро - сла - вец, вор из -
ман - ци - вой, де - вуш - ку ис - су - шил.

Степень устойчивости или подвижности тех или иных элементов традиционной культуры в большой мере и определяет характеристичность явлений музыкального фольклора на отдельных этапах его исторического существования. В этом свете исследование законов традиции, лежащих в основе непресекаемой преемственности художественного сознания, художественной памяти народа, становится ключевой проблемой фольклористики.

Большой объём новых экспедиционных данных по народной музыкальной культуре, современный подход к записи музыкально-этнографического материала, методы системного анализа позволяют сегодня подойти к решению сложных вопросов исторической жизни народной песни.

⁷¹ «Несцеливую поштё мама родила». «Пели в Троицу на качулях». Вологодская обл., Тотемский р-н, Нижнепеченгский с/с, д. Леваш. Исп.: Козлова Е. А., 70 лет, Ивина М. А., 76 лет. Зап.: Кошелев В. К. 16.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 348-03. Расш.: Светличная Н. М. Народные песни Вологодской области... № 13.

О задачах комплексного исследования фольклора⁷²

Мир народной традиционной культуры — материальной и духовной — во всём многообразии его проявлений возникает и развивается, подчиняясь общим законам естественно-исторического существования этносов, отдельных этнокультурных групп, сообществ, в тех или иных условиях и при различных обстоятельствах их жизненно важной, объективно необходимой деятельности.

В современном обществе, в эпоху приоритетов технологического решения ключевых проблем жизнеобеспечения, представления о содержании, формах и характере отношений человека со средой обитания, понимание необратимости последствий разрушительного воздействия процессов индустриализации на природу лишь начинают приобретать научно систематизированный вид экологических знаний.⁷³

В народной традиционной культуре вся сумма коллективного опыта поколений в отношении с окружающей действительностью исторически последовательно и в устойчивых формах складывалась на основе продуктивных результатов практической деятельности (включая все сферы производительного труда, занятий, семейного быта, половозрастных, социальных отношений) и опиралась на целостную систему достоверных эмпирических знаний, ключевых понятий, обобщающих различные стороны жизни, и мифологических представлений (о природе стихий, мироздания, взаимосвязях минувшего, настоящего и будущего). В этом случае коллективно приобретённые знания естественно принадлежали всем и каждому, являясь общим достоянием, реализованным в доступных, узнаваемых и воспроизводимых в контексте культурной традиции формах. Их нормативность как признак обязательного правила, упорядочивающего системные отношения и устанавливающего необходимую степень соподчинённости закономерным формам сосуществования, лежит в основе преимущества, устойчивости прошлого опыта в историческом времени.

В наше время, в силу событий, постигших Россию в последнее столетие, с чрезвычайной остротой возникают вопросы *экологии культуры*.⁷⁴ И, в первую очередь, встают проблемы экологии народной традиционной культуры,

⁷² Мехнецов А. М. О задачах комплексного исследования фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М.: Госуд. республиканский центр русского фольклора, 2005. Т. 1. С. 360–371.

⁷³ Экология — понятие, введённое в употребление в 1866 году немецким биологом Э. Геккелем, производное от греческого «oikos» ('дом', 'родина') и «logos» ('наука'), — относится к сфере научного знания о взаимоотношениях человека, животных, растений, микроорганизмов между собой и с окружающей средой.

⁷⁴ В понятии «экология культуры» подчёркивается особое значение культуры как социального средообразующего фактора, способствующего сохранению и гармонизации всей системы естественных форм жизнедеятельности человека.

в рамках которой находят выражение черты национального (как особого) и общечеловеческого, определяющие перспективы разумной жизни на Земле. Альтернативность (или/или) в разрешении кризисной ситуации – однозначность выбора цивилизационного пути развития событий – влечёт за собой невосполнимые утраты и знаменует в перспективе полное преобладание принципов «общества потребления», тогда как фундаментальность истин, приобретённых человечеством в формах народной традиционной культуры – «зеркало» законов жизни – остаётся за пределами интересов общества. В большой мере пафос современности заключается именно в чутком, согласном внимании к традиционным началам народной жизни, достигающим степеней разумного сочетания необходимого и возможного, частного и общего. Суть культурно-экологического подхода состоит в бережном отношении, сохранении, поддержке, актуализации действенной силы народных традиций как основы объективно возникающего порядка отношений в системе «природа – человек – общество» – задачи, решение которой может состояться лишь при волевом усилии, сообща, – сегодня и неотложно.

В общем виде принципиальные положения, на которые мы опираемся, преодолевают однополюсное восприятие сущности главных составляющих сложного содержания и многообразия форм процесса культурной (а значит – согласованной в сферах материального и духовного бытия) деятельности: «природа, естественное, стихийное» – «осознанное, разумное, культурное». При очевидном различии исходных, порождающих начал процесса созидания, устойчивый результат – факт культуры – устанавливается и приобретает конкретное выражение только с учётом намерений (мыслимого, умозрительного) и реальных обстоятельств достижения цели. Здесь складываются *основы традиционности* и, одновременно, порядок освоения доступных (по условиям и обстоятельствам) уровней культуры, процессуальная сторона формирования нормативных отношений, в силу которых преодолевается безысходность альтернатив и разрешается перспектива поиска решений естественно-закономерного порядка.

Иначе говоря, каждый факт традиционной культуры (и в том числе – фольклор) надёжно поддерживает равновесие, равнозначность естественных связей: «человек, человеческое сообщество – окружающая среда», – то есть строго функционален как элемент экологической системы. Очевидно, что нарушение такой уравновешенности влечёт за собой трансформацию (в том числе и негативного характера) всей системы.

На основе исторического процесса формирования и передачи (сохранения) опыта поколений в области осознанно упорядоченных отношений естественно возникают и проявляются не только закономерности, формы и способы трансляции необходимого знания, система средств выражения, но, что важно – устойчивая форма образного восприятия, тип («универсально повторяемое») мироощущения – ряд обязательных, прогнозирующих соответствующее поведение предсказуемых реакций на то или иное событие.

Многоэлементность структуры каждой самостоятельной культурной традиции, соотнесённость с обстоятельствами её возникновения и эволюции, с назначением тех или иных выделенных в содержательном плане (или по форме) её сторон, обуславливают необходимость системного изучения всего комплекса признаков данной традиции.

Предмет наших наблюдений — *область фольклора* — та часть народной традиционной культуры, суть, назначение и формы которой выражены особыми, художественными средствами (на основе словесной, музыкальной, хореографической, изобразительной и других систем, имеющих собственный язык). Главное здесь заключается в специфике эмоционально-образной передачи и нормативного восприятия необходимой в том или ином случае информации с опорой на ряд устойчивых, обладающих силой «знака-символа» средств выражения. С научной точки зрения комплексный анализ каждого факта фольклора как одной из продуктивных сторон народной традиционной культуры требует строгой определённости, согласованности в толковании важнейших элементов рассматриваемых явлений.

В числе самостоятельных по своей генерализующей сущности категорий исходное место занимают общие, последовательно связанные между собой понятия, которые образуют собственные по содержанию и характеру организации смысловые уровни: культура — традиция (традиционность) — фольклор; языковые средства — речевые формы — текст (культурный, фольклорный — по средствам выражения и функциям).⁷⁵ При этом важно учитывать специфику фактов материальной и духовной культуры, где каждый элемент в общем ряду приобретает в том или ином контексте особое, формообразующее значение и динамичный характер связей, собственные возможности воссоздания событийной сущности обязательного (по законам традиционности) действия.

Наши рассуждения, относящиеся к явлениям общего порядка, непосредственно связаны с характеристикой структуры *фольклорно-этнографического текста* как системной, сложно организованной самостоятельной единицы в поле культурной традиции. Именно в пределах фольклорно-этнографического текста — законченного в содержательном, композиционном, функциональном отношениях фрагмента традиционной культуры — реализуется на основе комплекса языковых средств тот или иной вид художественной формы.

⁷⁵ См., например: Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993; Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб., 1993; Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994; Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. Специальные аспекты в раскрытии содержания основных категорий затронуты автором, в частности, в статьях: Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры. *Наст. изд.* С. 54–67; Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры. *Наст. изд.* С. 17–22.

Принципиально важным становится метод последовательного *типологического анализа* всех образующих определённый текст элементов с предполагаемым на этой основе синтезом нового знания. Предельно полное описание отдельных сторон фольклорно-этнографического текста (художественная форма в контексте выделенной по своему значению ситуации: образный ряд, лексика, система стихосложения, музыкальный, изобразительный, предметный, действенный, пространственный, временной и другие аспекты) — необходимый этап аналитического уровня. Опыт отечественной фольклористики настойчиво ведёт нас к необходимости комплексного изучения и, главным образом, к установлению закономерных связей элементов системы фольклорно-этнографического текста в их согласовании (по назначению и обстоятельствам бытования). Здесь было бы уместно заметить, что именно в наблюдении, изучении законов предустановленных связей элементов текста обнаруживается его узнаваемый смысл и предполагаемый характер восприятия. Если при этом учитывать, что в типологически устойчивых формах традиционной культуры нет ни одной «случайной» детали, в том числе и в исполнительской сфере (в сфере воспроизведения), где всё в целом, как и каждое в отдельности, наделено значимым содержанием, то нас, в первую очередь, интересуют вопросы функциональных отношений системы средств выражения.

Систематизационный аспект комплексного исследования в области фольклора, основанный на типологической характеристике признаков художественной формы в силу устойчивости традиционного порядка связей решает задачи определения этнокультурной, историко-культурной, территориально-диалектной, жанровой принадлежности наблюдаемых явлений. Каждый уровень в этом ряду устанавливает специфические критерии и оценки фактов (отдельных элементов) традиционной культуры. Анализ такого рода требует развёрнутого арсенала *научных методов* разработки и *основательной фактологической базы*. Однако только с учётом результатов всестороннего изучения возможно определить *границы распространения «родовых признаков» культурной традиции* в целом, последовательность, динамику, характер историко-культурных процессов, отношения соподчинённости, связей, трансформации содержания самой традиции. Убедительный пример в этом плане представляет история сложения русско-сибирских культурных традиций — проявление в определённых условиях интегрирующих свойств и функций традиционного мышления (обстоятельства — представления — слово-образ — средства выражения — действие — форма).

Проблемы систематизации явлений народной традиционной культуры, а следовательно, и вопросы ареалов их возникновения, распространения, эволюции — одна из основных задач не только фольклористики, но всего комплекса научных дисциплин, имеющих непосредственное отношение к истории народной жизни. В историко-, этнокультурном плане чрезвычайно важным оказывается тот факт, что восходящие к начальным периодам ста-

новления форм культуры ключевые признаки («родимые пятна») переживают эпохи, сохраняя своё значение именно в системе образно-художественного выражения («Змей Горыныч», «Баба-Яга» «Гуси-лебеди», «Курочка Ряба» и так далее) – в системе фольклора. Можно лишь догадываться, что наша собственная история ещё не прочитана и заключена в особо выделенных по смыслу событиях трудовой, обрядово-праздничной, семейно-общинной жизни, представляемой в формах эмоционально-образной, художественно преображённой действительности, как сокровенная часть народного знания.

Исторически многослойная структура содержания, языковое своеобразие способов реализации традиционных знаний, специфика видов, жанров, историко-стадиальные, этнические, диалектные особенности, функциональная подвижность элементов фольклорно-этнографического текста – далеко не полный ряд исследовательских направлений, на основе которых может быть предложена та или иная концепция, объясняющая явления культурной традиции во всём многообразии её форм. Тем не менее, современная наука, опираясь на фактологию и точные методы исследования, готова к определению генеральных признаков отдельных этнокультурных явлений и сложных историко-культурных комплексов. Так, например, в области фольклористики достигнуты принципиальные решения в отношении свойств типического, присущих отдельным жанрам, сюжетно-тематическим группам текстов, элементам поэтики, музыкальной стилистики, этнографическим основаниям возникновения и жизни явлений фольклора. Однако ведомственная разобщённость, узкопрофильные интересы и характер исследований, ограничивающие полноценное описание, интерпретацию фактов народной традиционной культуры, при нынешнем положении дел не обещают решения широкомасштабных задач, связанных с культурно-экологической, социокультурной проблематикой.

В то же время сама специфика предмета науки, его природа подсказывают путь к решению проблем – сложная структура народной традиционной культуры требует консолидации научных сил в направлении разработки *общенациональной программы*, которая должна (в свете задач культурно-экологического характера) включать, кроме собственно научно-изыскательских, также и воспитательные, образовательные, художественно-творческие аспекты и другие инициативные виды деятельности, рассчитанные на перспективу восстановления и развития действенных сил народных традиций.

Один из начальных этапов такой программы, скорректированный по объёму, срокам, участникам исполнения, формату результатов работы, может быть реализован как издание энциклопедического характера – «*Фольклорно-этнографический атлас России*». Создание такого атласа – не «разовое» мероприятие. Следует иметь в виду, что здесь предполагается масштабная, многолетняя работа различных организаций, включая как центральные, опорные в сфере фольклористики, словесности, истории, этнографии, так и другие (региональные, местные) учреждения. На этой основе могут быть достигну-

ты важные результаты, которые необходимы на первом этапе построения государственной политики в области утверждения принципов культурно-экологического подхода в сбережении и развитии культурного наследия нашего народа во благо новых поколений.

По содержанию, принципам организации, целям и задачам Фольклорно-этнографический атлас, в отличие от сложившихся форм публикации материалов по народной культуре, представляет собой систематизированное по документальным источникам, обобщённое на уровне типологически значимых признаков описание явлений народной традиционной культуры, принадлежащих самостоятельным историко- или этнокультурным комплексам в соотнесённости с их территориальным расположением (проблемы картографирования, ареальный метод исследования). В атласе детально и последовательно раскрываются все, имеющие типологическое значение, устойчиво воспроизводимые в своеобразной, характерной для каждой данной традиции форме содержательные элементы материальной и духовной культуры, в том числе – системы фольклора (структура и функции ведущих жанров и жанровых групп, сюжетный ряд, типовые напевы, особенности стиля и так далее), обнаруживаются виды и характер связей, взаимодействия фольклорных явлений с контекстом местной культурной традиции.

Вместе с решением практической задачи выявления границ определённой традиции как целого и ареалов распространения отдельных её элементов такой подход, учитывающий статистическую и типологическую характеристики фактов народной традиционной культуры, даёт возможность наблюдать отношения свойств общего и особенного в масштабах широких этнокультурных образований (критерии собственно местного, регионального, национального) и судить о процессах их формирования, а также – о динамике исторической эволюции важнейших компонентов содержания, форм и языка фольклора. Документальные материалы по фольклору и этнографии, таким образом, становятся важнейшей частью банка научных сведений, что позволяет исследовать тот или иной комплекс этнокультурной традиции в целом, так же, как и явления фольклора в историко-, жанрово-, диалектно-стилевом аспектах (состояние, значения и функции художественных форм, отдельных структурных элементов текста, языковых средств).

В силу того, что народная традиционная культура в бесконечной цепи преемственного развития исходных форм хранит отчётливые следы своих порождающих начал, складываются предпосылки широкого привлечения фольклорно-этнографических материалов к исследованию общих проблем истории русской культуры, а также проблем этнологии восточных славян.

Как видим, специальные задачи фольклорно-этнографического исследования устанавливают и специальный, более высокий уровень наблюдения, на котором явления фольклора рассматриваются не с точки зрения лишь самозначимости, художественно-эстетической ценности отдельно взятых текстов («лучшие песни – от лучших исполнителей»), а в качестве необходимой

и действенной составляющей содержательного плана культурной традиции. Сама культурная традиция, понимаемая в общем виде как одна из важнейших функций коллективного сознания, в этом случае выступает в значении естественно сложившейся среды и как условие существования системы видов и форм фольклора. При этом каждый факт занимает то или иное место в такой системе в силу своего назначения в процессе достижения жизненных целей этнического сообщества и на основании своей принадлежности именно данной (определённой в объективно- и конкретно-историческом аспектах) культурной традиции.

Постановка задач исследования, комплексного описания и картографирования явлений народной традиционной культуры, их опознавательных признаков, опирающаяся на представления о системном характере соотношения фактов материальной и духовной культуры, становится актуальной и необходимой, в частности, при анализе форм взаимодействия различных по своей этнокультурной принадлежности традиций в пограничных, переходных зонах, а также при соотнесении ареалов бытования отдельных явлений и фольклорно-этнографических комплексов с исторически сложившимися административно-территориальными границами. Так, при изучении экспедиционных и других документальных материалов отчётливо проявляются закономерности образования внутри- и межсистемных отношений на разном порядковом уровне наблюдения: «данная местная традиция» — «комплекс традиций, распространённых на территории административной единицы, района, области» — «традиции географически или исторически самостоятельного этнокультурного региона (например, Русского Севера, Северо-Запада России и других)». Более общей (а вместе с тем — и специальной) является проблема отношений (разграничения и связей) восточнославянского и иных миров в историко-, этнокультурном плане.

Разумеется, группировка фольклорно-этнографического материала по принадлежности местным, территориально ограниченным культурным традициям весьма условна. Эта условность вызвана тем, что, во-первых, культурная традиция (как, в частности, и система фольклора) при всей своей нормативности, в естественных условиях существования является открытой и развивающейся системой, для которой свойственны процессы диффузии, конверсии, трансформации. Во-вторых, как уже было отмечено, в сложно организованной, полиэлементной структуре культурной традиции в силу универсальности её функций (регулирование и контроль всех сторон жизни общины) согласуются в пространстве единого целого различные по природе и назначению виды и формы культурной деятельности (в том числе виды и формы фольклора), которые в то же время подчиняются специфическим законам и логике собственного существования и развития. Естественно, что по содержанию, форме, значению и месту в жизненном цикле каждый самостоятельный комплекс явлений традиционной культуры, отдельные его элементы имеют свои предпосылки, историю и ареалы распространения.

До сих пор остаётся проблемной задача *определения структуры этнокультурных традиций* в их современном состоянии и в формах, доступных научной реконструкции – содержание, порядок соподчинённости и связей системных элементов: «трудовые традиции – общинные, семейные отношения – материальная культура»; «обрядовые циклы, комплексы – назначение, семантика, функции»; «виды фольклора – жанры – типологические группы»; «художественные формы – поэтические тексты – напевы – наигрыши – хореография». В качестве примера может быть предложен опыт описания этнокультурных традиций, представленный в издании «Народная традиционная культура Псковской области». ⁷⁶ Восемь основных частей издания, посвящённых той или иной этнокультурной традиции, опираются на единый принцип группировки материала по разделам:

- Календарные и трудовые обычаи, обряды, праздники;
- Календарно-обрядовый фольклор;
- Родильные и крестильные обряды и связанные с ними жанры фольклора;
- Свадебный обряд;
- Свадебный обрядовый фольклор;
- Рекрутская обрядность;
- Похоронно-поминальный обрядовый комплекс;
- Похоронные, поминальные, полевые причитания;
- Эпические и песенно-повествовательные жанры фольклора (духовные стихи, исторические, лирические, балладные песни);
- Песенно-хореографические традиции;
- Народные музыкальные инструменты и инструментально-хореографические традиции;
- Дети в системе народной традиционной культуры, детский фольклор;
- Жанры народной прозы, поверья;
- Народная медицина, заговоры.

Одной из важнейших сторон, определяющих структуру и содержание культурной традиции, является *обрядовая сфера* народной жизни, в значительной степени сохраняющая следы своей принадлежности к исторически ранним пластам культуры.

Сама логика возникновения обряда, его ритуальной формы («представления, понятия» – «обряд-ритуал») предполагает в качестве важнейшего условия достижения ожидаемого результата от целенаправленных, особым образом организованных усилий – опору на доступную (распознаваемую, «читаемую»), практически эффективную систему знаково-выразительных (языковых) средств преобразования и фиксации исходно мыслимой основы обряда. Собственно событийный, обрядовый статус совершаемого действия, выделенного из ряда обычных, повседневных (профанных), определяется

⁷⁶ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).

многоуровневой системой маркировки смыслов и значений, в которой первостепенную роль играют средства и способы выражения, обладающие особой силой воздействия – средства художественные.

В обрядовом фольклоре художественная форма в совокупности специфических средств языка художественного выражения образует предельно насыщенное, эмоционально окрашенное информационно-энергетическое поле, соответствующее смысловому контуру того или иного обрядового действия, и является структурной единицей системы обряда. Вместе с тем, в контексте обрядовой ситуации художественная форма, непосредственно связанная с тем или иным из необходимых планов содержания, соотносится с другими элементами системы кодировки смысловых начал совершаемого обрядового действия. Принципиально важно здесь то, что основу каждого ряда специфических средств и форм передачи, восприятия и закрепления информации составляет образно-смысловая сущность сообщения. Именно мыслимое содержание происходящего события, преломляемое в художественных образах, и языковой характер различных по своей природе знаковых систем оказываются стержневой составляющей – тем вектором, который непосредственно сводит данное обрядовое событие и художественную форму (как структурообразующий элемент обряда) с исходными, порождающими его причинами. На этой основе реализуется в естественных пределах самостоятельных единиц структурного членения обряда совокупность смысловосущих элементов (в том числе – относящихся к сфере материальной культуры) в целостном явлении текстового порядка, которое мы и рассматриваем как фольклорно-этнографический текст.

Следовательно, и самый общий план группировки и описания явлений обрядового фольклора выстраивается с учётом целевых установок, содержания и специфики конкретных обрядовых действий, а также функциональной соотносённости художественных форм с характером и структурой основных обрядовых циклов, среди которых мы отмечаем:

- цикл аграрных и других хозяйственно-производственных обрядов;
- система общих годовых и местных традиционных праздников, памятных событий;
- цикл семейных обрядов – свадебный, родильно-крестильный, похоронно-поминальный обряд.

Соответственно, специальные аспекты наблюдения, показывающие внутрисистемные уровни связей и обусловленности жанров обрядового фольклора, охватывают:

- содержание, форму и назначение фольклорно-этнографического текста в связи с конкретной обрядовой ситуацией (например: свадебные, похоронные и другие причитания, песни-жалобы, окликания, группы текстов благопожеланий, величаний, припевки и так далее);
- структурно-типологические особенности художественной формы, характер смысловой нагрузки и функциональности системы средств выра-

зительности (в том числе — форм сложно образованных, смешанных видов — словесно-музыкально-хореографических и других) в определённом обрядовом контексте.

Наблюдения такого плана позволяют установить прямые, непосредственные или косвенные (детализирующие, дополняющие) связи художественной формы с основным содержанием происходящего события, а также фиксируют другие (вспомогательные, производные) уровни содержания самого обряда. Одновременно вместе с особенностями морфологии фольклорно-этнографического текста раскрывается чрезвычайно тонкая, гибкая, возникающая на основе подвижной иерархической соподчинённости сфера взаимодействия различных по природе языковых систем — основных смысло-выразительных элементов художественной формы.

Таким образом, системное изложение сведений, касающихся содержания, назначения, обстоятельств бытования и функций форм обрядового фольклора, а также представление основных типологически значимых образцов дают возможность проследить роль отдельных языковых комплексов, выразительных средств и приёмов формообразования фольклорных текстов в контексте той или иной группы обрядов культурной традиции в целом.

Не имея возможности в рамках данной статьи подробно останавливаться на других разделах атласа, затронем ещё одну проблему, касающуюся характеристики структуры этнокультурной традиции. Речь идёт о соотношении так называемых «песенных» и «непесенных» традиций. Хорошо известен тот факт, что очаговый характер бытования песенных жанров, формирование «песенных центров» — естественный процесс. Но, как показывает практика, классический ряд тех или иных жанров песенного фольклора не всегда может быть полным и не всегда, в силу разных причин и обстоятельств, их роль в местной фольклорной традиции оказывается определяющей. Принципиально важным условием здесь является склад самой культурной традиции — природа и характер основных образующих традицию форм культуры в их видовом разнообразии, историко-стадиальной типологичности, функционально значимых проявлениях. В силу их подвижности меняется и структура фольклорной традиции: в роли ведущих, функционально связанных с содержанием происходящих событий (праздники, ярмарки, гулянья, гостевые вечера, помочи и другие формы коллективных действий узкого или широкого круга общения), а потому — обязательных, необходимых в данной традиции, выступают художественные формы, относящиеся к непесенным видам и жанрам фольклора.

Своеобразие некоторых традиций раскрывается в развитой, активной в своих проявлениях *области народно-поэтического творчества* — сказки, былички, поверья, заговоры, загадки и другие жанры словесного фольклора занимают место одного из центральных звеньев жанровой системы. Особая смысловая нагрузка, присущая поэтическим образам, сюжетным мотивам, специфичность назначения и функций художественных форм народной

прозы в обрядово-магической практике и в традиционном обиходе указывают на их изначальную связь с древнейшими представлениями и логикой ассоциативно-образного мышления. Так, вплоть до наших дней проявляются в своей сущности характерные черты мифопоэтического сознания, которое служило основой формотворчества в период становления архаических пластов фольклора, представляющего собой единственную на раннем историческом этапе универсальную художественно-эстетическую систему. И сегодня метафоричность, ёмкость поэтического обобщения и точность выражения, непосредственность эмоционально-образного восприятия и достоверность впечатления, действенность воображения задают алгоритм и направляют сознание в поисках нормативных реакций, установления необходимых связей, необходимых отношений человека с окружающим миром. Подтверждённые опытом сила воздействия и продуктивность выделенных прозаических жанров, структурно связанных с культурной традицией, объясняют их исключительную устойчивость и жизнеспособность.

Из сказанного следует, что наблюдая самостоятельные фольклорно-этнографические комплексы, отдельные жанры, внутрижанровые, тематические или историко-типологические группы фольклорных текстов с точки зрения особенностей содержания, назначения и функций, мы обнаруживаем, насколько важна их роль в реализации смысловых доминант местной культурной традиции, и насколько значительно то место, которое они занимают в качестве обязательных нормативных звеньев всего комплекса данной традиции. Структура каждой культурной традиции всегда полностью обеспечивает жизненно необходимый, востребованный практической целесообразностью ряд отношений: «человек — мир стихий, сил природы», «человек — высшие силы и потусторонний мир», «человек — общество».

Издание накопленных в различных архивах и собранных в наше время экспедиционных материалов по принципу Фольклорно-этнографического атласа даёт целостную, достаточно подробную картину бытования фольклорных традиций не только во временном срезе конца XX века, но, в силу глубины народной памяти, адресует нас к исходным пластам культуры восточных славян. Здесь мы непосредственно сталкиваемся с удивительной жизненной силой народных традиций и безупречностью коллективной памяти самих носителей этих традиций.

Экспедиционные и другие документальные материалы по фольклору и этнографии являются исключительно ценным историко-культурным достоянием и представляются важным источником сведений, которые могут быть положены в основу современной культурной политики и стратегии восстановления традиций духовной культуры России.

Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования⁷⁷

Идея научного издания русских народных песен как свидетельства высоких художественных достоинств устного народно-поэтического творчества, освящённая именем А. С. Пушкина и трудами П. В. Киреевского, надолго, вплоть до наших дней предопределила пути развития отечественной науки в направлении разработки программы «Свод русского фольклора». Однако предприятие такого масштаба в силу объективных причин до сих пор находится на начальной стадии реализации.

Перспективы достижения цели в такой ситуации в большой степени определяются состоянием фактологической базы фольклористики, а также связаны с постановкой исследовательских задач на методологическом уровне системного и комплексного изучения явлений традиционной культуры, в том числе – с выбором методов экспедиционной, аналитической и других форм работы с материалами фольклорно-этнографического характера. На этом пути, собственно, не только находят решение вопросы атрибуции, систематизации, группировки исходных данных, относящихся к содержанию многообразных форм фольклора и документальных свидетельств по истории традиционной культуры, но и обнаруживают себя, приобретая смысл научной цели, ряд проблем, касающихся природы явлений художественного порядка в традиционном сознании, сущности и закономерностей языковой системы, назначения и функций элементов структуры фольклорного текста (проблемы жанра, стиля и другие). Важное место здесь занимают вопросы типологии (согласования как самих понятий, так и свойств типического и обособленного):

- обязательность, закономерность оснований «универсальной повторяемости» (типическое – мера необходимого);
- интегрирующие свойства логически и по существу взаимосвязанных понятий «тип – вариант»;
- порождающие начала диалектных форм языка выражения, возникающие в силу обстоятельств и образующие в традиции собственный уровень нормативного, общего порядка связей, отношений – адаптация, поиск естественных форм равновесия системы традиционной культуры с учётом переменности значения, подвижности исходных составляющих (намерения – обстоятельства – средства выражения);
- «следы» архаических, первоначальных пластов культуры и динамики процессов эволюции этнокультурных доминант.

⁷⁷ Мехнецов А. М. Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования // Рябининские чтения-2007. Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 359–361.

Исключительно важно и то, что стремление к энциклопедической полноте наших представлений и многоплановая научная интерпретация каждого факта народной традиционной культуры, которые предполагает сама идея издания сводных собраний научно достоверных материалов по фольклору, естественным образом выделяют к рассмотрению и общие вопросы соотношения, взаимодействия сущностей мира материального, окружающей нас действительности и мира образно мыслимых состояний, представлений, сохраняющих в рамках традиции, в коллективном сознании жизненный опыт многих поколений – нескончаемый диалог человека с природой, целенаправленные совместные усилия в реальном времени и пространстве.

Обращаясь к вопросам научного описания явлений, принадлежащих устным формам народной традиционной культуры, нельзя обойтись без определения надёжных критериев, положенных в основу наших представлений о закономерностях возникновения, исторической жизни видов и форм фольклора, их многоуровневой, системной организации, назначения (целеполагания), о характере связей с действительностью.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в науке наших дней, по разным её направлениям, имеющим в той или иной степени отношение к проблемам народной традиционной культуры (археология, история, этнография, словесность в широком её значении, фольклористика, этномузыкология и другие научные дисциплины – от медицины до астрономии), с очевидностью обозначился исследовательский интерес и стремление поиска возможно точных определений, предлагающих новый (в отличие от бесконечной лестницы степеней эвристического откровения) взгляд и понимание неизмеримой глубины, проникновенности народных знаний, устойчивости законов традиционной культуры и высокой адаптивности её форм.

Второе обязательное условие предельно объективного, собственно научного подхода к явлениям народной традиционной культуры (и к фольклорным традициям в частности) требует строгого соответствия определённого круга исследовательских задач избранному уровню наблюдения вместе со всей суммой фактов, относящихся к этому уровню научного описания (с учётом их сложных связей и взаимодействия). В таком случае мы находим возможность рассматривать явления фольклора с различных точек зрения и в том или ином масштабе: местные (локальные), региональные традиции; историко-, этнокультурное, диалектное своеобразие традиционных форм и средств выражения, так же как и общие закономерности того или иного рода языковых систем; особенности структуры отдельных явлений, жанровых групп и других сторон содержания фольклорно-этнографического комплекса.

Каждый раз, когда мы предметно рассматриваем вопросы отдельных составляющих сложно организованного этнокультурного комплекса или локальной фольклорной традиции (и в первую очередь – художественной формы в разнообразии её видов как самостоятельного по содержанию структурного образования), возникает необходимость установления ключевых,

опознавательных признаков (отличительных примет), тесно связанных с самой сущностью конкретного фольклорного явления (совокупности явлений) и соотносённого с другими сторонами системы традиционной культуры.

«Опознавательный признак» как специальный термин, относящийся к важным сторонам содержания, комплекса средств и принципов построения фольклорного текста, сочетает и определяет по собственному назначению, функциям, смысловой нагрузке ряд характеристик в их качественно особом понимании:

- «*опознавательный*» – выделенный в своём значении; достоверный, присутствующий, принадлежащий, «известный, узнаваемый»;
- «*признак*» – элементарная составляющая, знаково осмысленная единица содержания (именно как «признак»), несущая представление о свойствах, характере явления в целом или одной из его сторон.

Опознавательные признаки (в общем значении понятия) выстраиваются в собственном своём измерении на всех уровнях реализации основного смысла сложной системы фольклорно-этнографического текста, восходящего в каждом конкретном случае к содержательным началам происходящего с обязательностью события. В структуре художественной формы опознавательные признаки образуются на основе специфики выразительных возможностей необходимого комплекса языковых средств, их согласования – как способ неперемного (соответственно законам традиционности) утверждения изначальных мотивов целеполагания, в связи с чем и приобретают функционально устойчивый, знаковый характер.

Вместе с тем функции опознавательных признаков проявляются и как следствие взаимодействия закономерностей иного порядка – соотношения свойств «общего» и «особенного» (выделенного), сложившихся в традиционной практике принципов и норм формообразования, включая и сферу исполнительства (воспроизведения).

При этом важно, что на уровне художественной формы в ряду опознавательных признаков располагаются в иерархически соподчинённых отношениях, подчёркивающих и утверждающих логику связей «общего» и «особенного» («тип и вариант» – в пределах порога вариативности), *признаки типического*, «универсально повторяемого» в масштабах «родового» единства отдельных видов, средств и форм выражения и *черты отличительного*, своеобразия которых складывалось в местных традициях в силу тех или иных обстоятельств – признаки «*диалектного*» характера.

На таких основаниях устанавливается в качестве нормативного и ряд характерных признаков *выразительно-речевого* уровня (понятийного, лексического, синтаксического, фактурного и других), принадлежащих данной традиции в пределах её распространения. Здесь свойство устойчивости форм и значения опознавательных признаков с удивительной силой закономерно сохраняет изначальный смысл и характер содержания, отношений, связей основных структурных звеньев художественного события (законченный

в своём совершенстве факт фольклора), свидетельствуя о его причастности определённой культурной традиции даже и за рамками контекста исходной ситуации.

Предполагая свойства типического в ряду закономерных оснований формообразования в системе устных традиций, мы различаем шкалу значений опознавательного признака (группы признаков) в широком диапазоне: от уровня «обычного», «обыденного», связанного с подвижностью степеней выразительности смысловой стороны текста (где возможны и допустимы упрощения, ведущие к изменению структурно значимых элементов художественной формы), до уровня неизменного в своей сути знака-символа, несущего сакральный смысл. В этом случае проявляется безусловность постоянства свойств и качеств признака, узнаваемого всегда в своём исходном значении (с учётом вариативной «развёртки» типологически однородных форм). Здесь берёт начало и складывается понятие «формульности», которое охватывает все виды и формы народной традиционной культуры, в том числе и фольклор — сферу художественно-образного, целеполагающего, осмысленного восприятия / выражения жизненно важных явлений.

В практическом приложении к формам фольклора система опознавательных признаков как «проекция» естественных связей смыслонесущих звеньев живого процесса восприятия / воспроизведения культурного, в нашем случае — фольклорно-этнографического текста (многоуровневого, многоэлементного, многофункционального, но вместе с тем структурно и по смыслу единого целого) служит направляющим началом в разработке не только общих, но и специальных проблем:

- аналитическое описание структуры, характера культурной традиции — материальной и духовной — во всех её составляющих (привлечение широкого круга материалов, методов комплексного исследования, что предполагает возможность объяснения предпосылок и моделирования процессов формирования самой традиции, в том числе — выявление общих закономерностей исторически ранних пластов традиционной культуры);

- характеристика особенностей целеполагания, условий и обстоятельств (места, времени, образа действия) формирования фольклорного текста; его роли и функции в системе особо значимых (выделенных из профанного пространства) событий ритуального, обрядово значимого порядка, на основе которых складывается в целом проблематика понятия «жанр» и круг устойчивых, опознавательных признаков;

- теоретические проблемы жанровой классификации, с которыми связаны вопросы определения смысловой нагрузки выразительных средств, их соподчинённости как формообразующих элементов текста;

- вопросы ареального изучения — картографирования отдельных признаков, явлений, форм фольклора, самостоятельных фольклорно-этнографических комплексов, их типология, перспективы сравнительного изучения.

На уровне этномузыкологического исследования мы также рассматриваем содержательную (смыслонесущую), композиционную (синтаксическую), структурную, функциональную стороны попевочных образований, ритмо-акцентных построений, закономерности интонационно-ладовой, ладо-гармонической, фактурной организации музыкальной формы, вместе с учётом особенностей образно-поэтического строя, назначения фольклорно-этнографического текста в целом, другие аспекты, возникающие в связи с его жанровой, этнокультурной, историко-стилевой спецификой.

По нашему убеждению, основой исчерпывающего решения задачи научного издания «Свода русского фольклора» должна быть подготовка строго организованной программы «Фольклорно-этнографического атласа России».

Как показывает опыт отечественной фольклористики, идея «Атласа» уже прошла путь формирования конструктивной модели такой научной программы, которая может обосновать её необходимость и объединить усилия не только специалистов, но и общества в целом – всех тех, кого интересует наша «родословная» и кому небезразлична судьба культурного наследия России. Уже приобрели своё место в историографии опыты публикации избранных, нередко субъективно воспринимаемых (соответственно эстетике своего времени) образцов фольклора и этнографии – начала краеведения, описания обычаев и нравов, отдельные поэтические тексты и фрагменты художественных форм иллюстративного или репертуарного характера и другое подобное. Стали классическими исследования, направленные на целеустремлённые поиски закономерно устойчивых свойств, признаков языка художественного выражения, выделение тематического, сюжетного, функционального содержания фольклорных текстов, образно-поэтических мотивов, раскрытие этнокультурного, регионального (диалектного) своеобразия, историко-стилевых особенностей и другого. В настоящее время получили общее признание издания сборников научного характера, монографий, посвящённых культурным традициям отдельных регионов России, жанрам фольклора, представленным в максимально полном виде. Среди них в первую очередь следует отметить публикации фундаментального характера: серия «Былины в 25 томах»;⁷⁸ коллективная монография, раскрывающая содержание местных традиций народной культуры Псковской области;⁷⁹ ряд изданий документальных материалов по фольклору и этнографии Рязанской области;⁸⁰ «Смоленский му-

⁷⁸ На данный момент [2007 год. – *Примеч. сост.*] вышло 5 томов Свода русского фольклора: Былины. В 25 т. Т. 1–2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Ерёмкина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001; Т. 3–5: Былины Мезени / Корпус текстов, комм. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2003–2006.

⁷⁹ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.*

⁸⁰ Издания серии «Рязанский этнографический вестник», в том числе: *Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н.* Рязанская традиционная культура первой половины

зыкально-этнографический сборник»;⁸¹ а также многочисленные тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», особым достоинством которых является наличие звукового приложения (на грампластинках и компакт-дисках).⁸²

Активная фольклористическая деятельность, современный взгляд, методологическая база науки при определённых условиях, опираясь на методы картографирования опознавательных признаков культурных традиций, могут преодолеть исторически неизбежный порог разрешения проблем создания «Фольклорно-этнографического атласа».

Следует ещё раз подчеркнуть, что реализация программы «Фольклорно-этнографического атласа России» возможна лишь на основе последовательного, системного, комплексного подходов к решению задач формирования и изучения предельно полного государственного фонда экспедиционных и других документальных материалов по русской народной традиционной культуре.

Проблемы системного изучения явлений фольклора. Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы⁸³

<...>

Сущностная сторона опознавательных признаков — мера выражения необходимой и достаточной степени определённости целеполагающих устремлений — проявляется на всех уровнях формообразования фольклорно-этнографического текста при согласовании специфических возможно-

XX века: Шацкий этнодиалектный словарь / Рязанский этнографический вестник, № 28. Рязань, 2001.

⁸¹ Смоленский музыкально-этнографический сборник / Редкол.: О. А. Пашина, М. А. Енговатова, Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, И. А. Никитина. Т. 1: Календарные обряды и песни. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. Т. 3: Сезонно приуроченные лирические песни. М., 2003, 2005.

⁸² В том числе: Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

⁸³ *Мехнецов А. М.* Проблемы системного изучения явлений фольклора. Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномусикологии: Материалы науч. конф. / Ред.-сост. Е. В. Битерякова. М., 2009. С. 77–89. *Примеч. сост.:* В данной статье автор касается тех же научных проблем, что и в статье «Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования» (см. *Наст. изд.* С. 79–84). Встречающиеся повторы фрагментов текста в данной публикации сокращены, что отмечено угловыми скобками.

стей отдельных видов или сочетания элементов различных языковых систем, их функциональных связей и соподчинённости и, главное — в силу директивности свойств типического («универсальной повторяемости»).⁸⁴ Из этого следует, что опознавательные признаки, прямо и непосредственно реализующие закономерности типологического порядка, формируются не только в ряду языковых средств, звеньев логического построения, но и в сфере эмоционально-образного выражения / восприятия целеполагающих начал бытия как смыслонесущей категории в структуре художественной формы. Иначе говоря, в самом общем виде, к разряду опознавательных признаков вместе с комплексом знаково-выразительных средств относятся и обширная область устойчивых образно-смысловых значений, которые являются опорными точками сознания, направляющим, морфологически значимым звеном содержательной стороны фольклорного текста, образуя собственный ряд — «понятийный уровень» структуры художественной формы. Есть все основания рассматривать свойственные этому уровню характерные черты в качестве центрального звена всей системы опознавательных признаков.

При системном анализе можно с достаточной степенью надёжности проследить прямые связи совокупности языково-выразительных средств и соответствующего (исходного по намерениям) смыслового, понятийного уровня музыкальной формы. Так, например, те или иные самостоятельные, устойчивые ритмо-акцентные структуры (во всей полноте диапазона их вариативности в пределах типологического единства) во взаимодействии с закономерностями композиционного порядка не только сохраняют свою конструктивную (в знаковом выражении) основу, но и с большой определёностью указывают на однородность содержания смыслонесущих своих начал, занимая место ведущих (по назначению) элементов формы в роли опознавательных признаков.

Показательным в этом случае может быть сопоставление некоторых моделей ритмо-акцентной организации различных по эмоционально-образному строю, жанрово дифференцированных форм музыкального фольклора, основу которых составляют им принадлежащие, характерные в типологическом отношении построения⁸⁵:

⁸⁴ В собственном значении «типическое» (по логике причинно-следственных отношений, законов традиционности как свойство и принцип объективно необходимой, закономерной повторяемости явлений, процессов, связей) служит мерой однородности, а вместе с тем и различий в бесконечном множестве проявлений сущего. Эти свойства и принципы в народной традиционной культуре воспроизводятся с определённой и постоянством характера, вида, форм, функций каждого факта фольклорной традиции в его полном представлении (так же как и отдельных элементов структуры, к нему относящихся) и всегда однозначно воспринимаются по своей принадлежности к изначальной форме в качестве опознавательных признаков.

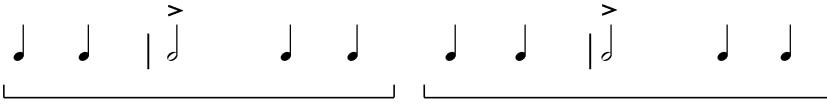
⁸⁵ В данном случае мы используем слогоритмическую основу стихового периода песенных форм.

а)

или: Ах вы се - ни, мо - и се - ни, се - ни но - вы - е мо - и...

Ах ты су - кин сын ка - ма - рин - ский му - жик...

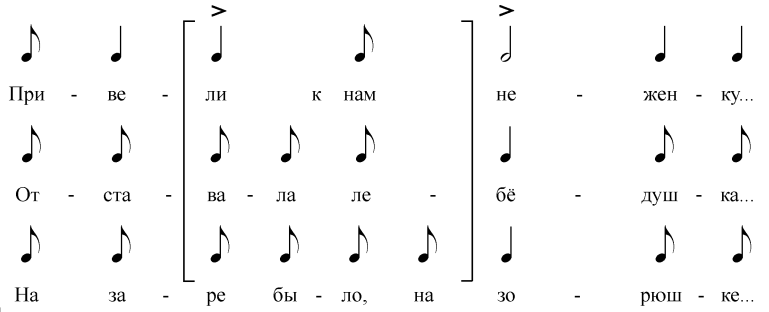
— опознавательный признак — звено «ритм-примитива» смысловой основы самостоятельного вида художественных форм плясового характера;

б)

или: Як пу - шу стре - лу че - рез у - ли - цу...

Из - за ле - си - ку, ле - са тём - но - го...

— выделенная по назначению, связанная с характерностью ритуального «движения-шествия» ритмо-акцентная модель;

в)

При - ве - ли к нам не - жен - ку...

От - ста - ва - ла ле - бё - душ - ка...

На за - ре бы - ло, на зо - рюш - ке...

— обрядово значимые (а также и «сказительские», двухакцентные) тонической организации формы повествовательного склада, связанные в сюжетно-тематическом отношении с различными ситуациями и назначением фольклорного текста.

Основополагающим, универсальным в своих проявлениях уровнем всей области средств музыкального выражения является интонационное начало — звуковысотно регулируемый, тесситурно-темброво окрашенный, ритмодинамически организованный эмоционально воспринимаемый звуковой поток. Именно содержательная сторона осмысленного, речевого (синтаксически упорядоченного) интонирования в совокупности присущих ему признаков служит основой возникновения бесконечного ряда напевов, определяет их образный строй, прямо относится к замыслу художественной формы,

её назначению.⁸⁶ С характером интонирования связана и конструктивная сторона, архитектура собственно музыкальной формы: только на интонационной основе (как следствие) могут образоваться различные виды ладовой организации напевов, а вместе с тем — ладо-гармонические, фактурные закономерности, характерные в стилевом отношении особенности явлений музыкальной речи.

Структурно значимой единицей здесь является попевка, и не только в синтаксическом отношении, но и в качестве одного из образующих звеньев ладовой системы музыкальной формы, где опорные тоны каждой попевки, устанавливая свой определённый звуковысотный уровень интонирования, складываются в необходимой по смыслу выражения последовательности в значении элементов единой интонационно-ладовой основы музыкального построения в его законченном, совершенном виде.

В качестве примера приведём один из образцов исторически ранних форм севернорусского распева лирических песен, приуроченных к летнему периоду.⁸⁷

3. Про- тек - ли... про - те - ка - ли по - за по - лю ру - це - ёць - ки
во тем - ны - е - те во ле - са.

Здесь, без сомнения, с учётом важных жизненных обстоятельств (покос, жатва, дорога с поля домой, а также супрядки), основная смысловая нагрузка, центральное положение в процессе формообразования принадлежит интонационным средствам выражения. При этом в нашем примере обращает на себя внимание принцип мелодического развития на основе терцовых ячеек интонирования, опевания опорного, центрального в смысловом своём значении тона, собирающего и удерживающего в диапазоне естественных связей,

⁸⁶ См.: Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964; Рубцов Ф. А. Смысловое значение кадансов в календарных напевах // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 82–104.

⁸⁷ Приводится образец лирической песни «Летни праздницьки, девушки, на проходе» (третья мелострофа). Вологодская обл., Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Копытова Ю. А., 74 года, Белоусова А. А., 66 лет. Зап.: Марченко Ю. И. 24.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 528-21. Расш.: Светличная Н. М. Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981. № 7. К сожалению, в рамках настоящей публикации не представляется возможным предложить в нужном объёме фактологический ряд аналитического характера. Интонационно-ладовой анализ песен данного типа рассматривается в специальном исследовании: Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры. См. Наст. изд. С. 54–67.

тяготений всю энергию музыкального движения. Также принципиально важным, с точки зрения ладовой организации песенного периода, является сопоставление в большесекундовом соотношении звуковысотных уровней ключевых попевок, где каждая терцовая ячейка сама по себе представляет один из ладовых центров построения общей ладовой системы напева:

На этих основаниях и возникают особые, функционально обусловленные свойства, выразительные возможности системы узкообъёмных ладовых структур, восходящих к изначальным мотивам смыслового, понятийного порядка — к закономерностям и характеру обрядово-магических форм музыкального фольклора. Среди них выделяются: эмоциональная напряжённость, сосредоточенность интонирования, настойчивый, императивный характер выражения и, вместе с тем, диалогичность интонационно-ладовой системы (при сопоставлении уровней опорности), предполагающая согласное движение к ожидаемому разрешению устремлений в силу порядка причинно-следственных отношений.

Одновременно здесь мы находим решение вопроса о процессуальной природе ладообразования, с которой не согласуется общепринятое, отвлечённое от естественных форм, умозрительное представление ладовой организации в «звукорядном» выражении.

Про - тек - ли... про - те - ка - ли ру - че - ёч - ки

во тем - ны - е во ле - са.

Опознавательные признаки как форма выражения свойств типического образуют, что уже отмечалось, самостоятельные в своих основаниях, сложные в предпосылках и многообразии их сочетания уровни организации смыслового содержания фольклорного текста. Такой характер отношений принципиально значимых элементов художественной формы складывается естественным образом в связи с подвижностью степеней смысловой нагрузки, доминирующей роли различных по своим возможностям средств выражения в тех или иных обстоятельствах, предопределяющих и вид, и структуру явлений традиционной художественной культуры.

На этих основаниях строятся принципы системной организации всего комплекса смысловесущих элементов фольклорно-этнографического текста, обращённого в каждом конкретном случае к содержанию исходной, жизненно значимой ситуации:

- на уровне назначения, практической целесообразности и продуктивности;
- в сфере средств, способов и языка выражения (вербальной, образно-поэтической, музыкальной, изобразительной, хореографической и других);
- на уровне характера воссоздания и восприятия каждого элемента художественной формы как обязательного (по законам традиционности), необходимого эпизода происходящего события.

Именно эти взаимосвязи обнаруживают причинный характер, функциональную самостоятельность понятийного, смысло-содержательного начала художественной формы в системе фольклорно-этнографического текста, а вместе с тем и специфику свойств, выразительную силу необходимого комплекса языковых средств в их согласовании – как способ утверждения (соответственно законам традиционности) изначальных мотивов целеполагания, в связи с чем они и приобретают функционально устойчивый, знаковый характер.

Так, например, с точки зрения описания музыкальной формы, основной порядок устанавливается с учётом особенностей выразительных возможностей интонационных (интонационно-ладовых, ладо-гармонических, тесситурно-тембровых), ритмо-акцентных (в том числе – темпо-ритмических), композиционных (синтаксических), эмоционально-образных характеристик системы языковых средств, а также (и в большой степени) их роли в процессе формообразования и реализации согласных традиционному сознанию намерений. <...>

При этом важно, что на уровне художественной формы в ряду опознавательных признаков, подчёркивающих логику связей «общего» и «особенного», располагаются в соподчинённых отношениях и признаки типического, и черты особенного. Взаимодействие, соподчинённость этих начал разрешает противоположность сущностей «общего» (единого) и «особенного» (отличительного), предполагая в перспективе закономерную возможность многообразия путей развития форм традиционной культуры, где естественным образом, по собственной природе языка выражения первозданных смыслов воспроизводится с объективной безусловностью причинно-следственных связей преемственность культурного опыта поколений.

В сфере этих отношений и на основе общей знаково-выразительной (языковой) системы берут своё начало, с одной стороны (по обстоятельствам) – вектор возникновения в поле типического вариативных форм (в пределах «порога вариативности»), с другой стороны (по целеполаганию) – типологически самостоятельных видов и форм выражения, а следовательно и жанровых групп. В таком случае каждый комплекс, группа или один из элементов системы выразительных средств, выделенных в постоянстве собственной

формы и значения (опознавательный признак), сохраняя при всех обстоятельствах собственные «родовые» особенности, дополняет (усложняет) в меру своей функциональной нагрузки смысловой ряд текста в цепи эволюционных изменений. Простой пример: приём «гукания» как интонационно-выразительное средство в календарно-обрядовых, свадебных, лирических песнях всегда, независимо от жанровой принадлежности фольклорного текста имеет императивную, обрядово-магическую направленность (клич, зов). <...>

Однако если на знаково-символическом уровне обобщения сохраняется идеографически единая модель сущности явлений, событий, ситуаций – основного, ведущего смысла, выделенного в самостоятельном понятии, отвлечённом от характеристичности форм отношения к тому или иному явлению или состоянию в многообразии жизненных положений,⁸⁸ то опознавательный признак – устойчивое сочетание знаково-выразительных, языковых средств, связей, отношений, на основе которых формируется смыслонесущее начало фольклорного текста, непосредственно соотносимого по своему назначению с намерением, действенным началом, практической необходимостью достижения мыслимого по ситуации (обстоятельствам) результата.

Таким образом, система опознавательных признаков – сложный в многообразии своих оснований уровень организации и «прочтения» содержательной стороны фольклорного текста, его назначения и функций. Здесь, в сочетании закономерностей общего и особенного, свойств типического и вариативного, в условиях противоречивости исходных позиций в согласовании отношений «необходимого (по целеполаганию) – возможного (по обстоятельствам)» на основе особенностей структуры культурной традиции складывается не только тот или иной комплекс языковых средств (различных по своей природе и характеру способов передачи информации), но и, вместе с тем – принципы речевого, осмысленного, членораздельного построения логически организованных форм воплощения эмоционально-образного восприятия действительности.

Характеристика совокупности отношений опознавательных признаков на всех содержательных и структурообразующих уровнях фольклорно-этнографического текста служит одним из оснований к разрешению широкого круга классификационных проблем, в том числе – жанровой классификации явлений фольклора и, в большой степени – разработке методов картографирования и создания «Фольклорно-этнографического атласа России».

Если принять во внимание объективный характер художественно-образного восприятия действительности, силу причинно-следственных связей, подвижность, изменчивость определяющих обстоятельств (места, времени, образа действия), условий реализации необходимо повторяемого, типического свойства, то можно надеяться, что способом *последовательного карто-*

⁸⁸ Например, символика круга: соляная семантика, круг жизни, символ брачного союза, бесконечности, единства групповых интересов, регулярности процессов и тому подобное.

графирования каждого в отдельности, группы или совокупности опознавательных признаков, характера их взаимодействия с общими или особенными обстоятельствами и ситуациями мы приобретаем возможность наблюдать, а значит, и объяснить закономерности исторической жизни бесписьменных форм народной традиционной культуры.

Архаические формы русской хореографии⁸⁹

Культурологические аспекты русской истории на современном этапе характеризуются:

- резким противостоянием традиционной культуры и цивилизационных форм организации жизни (культура потребительского общества, масс-культура);
- сохранностью на периферии современной общественной жизни и социальных процессов форм традиционной культуры и традиционного сознания, представленных опытом и памятью уходящих поколений;
- преодолением изоляции русской науки, общественной мысли от отечественного наследия и мирового опыта.

Таким образом, в настоящее время возникает возможность исследования живых форм традиционной культуры на основе современных методологий и современными методами.

В результате активизации экспедиционной работы в течение последних двух-трёх десятилетий⁹⁰ сформирована принципиально новая фактологическая база фольклористики и этнографии. Так, например, фонографический фонд экспедиционных записей Санкт-Петербургской консерватории до 1976 года насчитывал около 13 тысяч песенных текстов; в 1995 году фонд представляет собой фундаментальное собрание по фольклору, обычаям и обрядам, языку северо-западных областей России, включающее более 200 тысяч текстов.

На основе новых материалов возникла необходимость определения специальной научной категории — «фольклорно-этнографический текст». Данная категория относится к самостоятельной законченной или относительно законченной структурно-семантической единице в поле культурной традиции. Естественно, что понятие «фольклорно-этнографический текст» предполагает системный анализ явлений традиционной культуры. Осознание этого факта ведёт к консолидации отдельных научных дисциплин: истории,

⁸⁹ *Мехнецов А. М.* Архаические формы русской хореографии (тезисы доклада на 7-й Международной конф. по изучению танца 12–16 июля 1995 года. Греция, г. Драма) // Живая старина. М., 2009. № 3 (63). С. 46–47.

⁹⁰ *Примеч. сост.:* Имеется в виду период с середины 1960-х до середины 1990-х годов.

этнографии, фольклористики, лингвистики, этнологии и других дисциплин, изучающих явления культуры, исторический культурный процесс.

Важнейшей составной частью фольклорно-этнографического текста является художественная форма, функционально связанная с назначением, обрядовой стороной самого явления. Художественная форма возникает в синкретическом единстве различных сторон содержания, выразительно-языковых средств (слово, музыка, танец) и обстоятельств исполнения, и образует систему, в рамках которой все элементы находятся в подвижных иерархических связях и отношениях.

Специфические средства хореографии составляют особую область кодирования содержательной стороны культурной традиции.

В процессе формообразования мы различаем четыре основных структурообразующих комплекса выразительных средств, характерные свойства и преобладание которых в системе фольклорно-этнографического текста соотносятся с различным образно-смысловым и функциональным содержанием отдельных видов народной хореографии:

- ритмо-акцентное начало;
- семантика графически-орнаментальной формы движения;
- знаково-выразительная система пластических средств;
- пространственно-векторная основа организации движения.

В архаических пластах русского фольклора выделяются следующие *типологически однородные формы хореографии: пляска, хоровод, шествие.*

Пляска — танец с ярко выраженным ритмо-акцентным началом, определяющим вид и характер движения и образующим смысловую основу художественной формы. Изначальная обрядово-магическая направленность пляски проявляется в императивности акцентированного приставного шага (при-топ). Выразительная сила пляски подчёркивается динамичным движением рук со взмахами и прихлопыванием (этимологическая параллель: «пляска» — «плеск» — «рукоплескание») и другими пластическими средствами.

Хоровод (дословно: «движение по кругу») — своеобразный вид коллективного движения, основанного на выразительности линии и устойчивой семантике орнаментальных форм, хореографического рисунка.

Шествие (ход) — организованное особым порядком групповое передвижение, процессия. При разнообразии видов, характера и назначения шествий типологически важной оказывается векторная характеристика движения.

Выявление типологических свойств и признаков различных видов хореографии позволяет конкретизировать происхождение художественной формы в связи с той или иной жизненной ситуацией, намерением (целеполаганием). Так, например, в ряду становления *плясовых форм* отчётливо дифференцируются две основные, различные по своей природе ветви:

- женская (групповая или сольная) пляска, связанная с продуцирующей магией календарно-земледельческих и свадебных обрядов;

- мужская пляска, восходящая к ритуальному приуготовлению к активным действиям (брачной, боевой, трудовой направленности) и имеющая ярко выраженные демонстрационные функции: возбуждение энергетического потенциала, проявление силы, свободы волеизъявления, «выходки». Сюда относятся сольные и парные пляски, единоборства, групповые сходки «стенка на стенку» («партия на партию»).

Характерные особенности женской и мужской пляски лежат в основе более сложных форм хореографии:

- пляски ряженных в святочных, масленичных, свадебных обрядах, в том числе – подражания животным, мифологическим персонажам;
- игровые формы пляски;
- развитые формы парной и смешанной пляски с отчётливо выраженной брачной направленностью (обыгрывание оппозиционной пары: мужское – женское).

Устойчивая семантика комплекса выразительных средств пляски приобретает знаковую роль и находит воплощение в словесно-музыкальном, инструментально-песенном ряду:

- ритмо-акцентная основа движения (ритмика плясового шага, равномерного притопа) служит основой метроритмики стиха, напева, наигрыша (парный ритм-примитив);
- динамика непрерывного плясового движения (без строго предопределённой формы начала и конца) соответствует принципу многократного повтора краткого интонационно-ритмического звена в построении значительно распространённой во времени музыкальной формы.

Типологически значимый графический элемент *хороводов*, соотносимый с символикой народного орнамента (керамика, ткачество, вышивка, резьба и роспись по дереву), воплощает в изобразительных знаках-символах мифологические представления и связывает хореографические формы с продуцирующей силой жизненных процессов. Солярная семантика круга, растительная сила меандра, жизненная энергия спиралевидного и свастического орнамента, магическая обереговая функция креста или круга – эти и многие другие формы хореографического движения являются основными структурно-содержательными элементами русских хороводов. Их функциональность многократно усиливается сочетанием с выразительностью интонационных, ритмо-акцентных средств песенных форм. Со знаковой символикой орнаментального хороводного движения согласуются и излюбленные поэтические образы хороводных песен: «плетень», «хмель» и другие). С мерой орнаментального движения соотносятся и принципы построения песенной формы, сопровождающей хоровод:

- членённость музыкально-словесного потока, особая роль цезур и катансов;
- соразмерность разделов формы;
- система композиционных повторов, особая роль рефрена в форме;

- темпо-ритмические сопоставления (по принципу «медленно-быстро»).

Корневая связь с обрядово-магической практикой земледельца проявляется на уровне календарной приуроченности отдельных видов хороводов к особо важным, переломным периодам годового цикла:

- время зимнего солнцестояния, Святки;
- весенне-летний обрядовый цикл, летнее солнцестояние, «зелёные Святки».

Обширная и чрезвычайно развитая область обрядово-праздничного фольклора связана с разнообразными видами *шествий*. По смысловой направленности и характеру движения различаются следующие основные виды шествий:

1. *Шествия – процессии – проводы:*

- проводы (вынос) за пределы обжитого пространства (деревни) покойника, чучела Масленицы, Русалки;
- сбор и совместный проход участников к месту свершения ритуалов – троицких, купальских и других;
- дорога с поля домой (в том числе в составе обряда обжинок – уборки урожая);
- свадебные ритуальные шествия, имеющие разнообразные функции: проводы-прощания, демонстрация-оповещение и другие.

2. *Шествия – обходы:*

- обход дворов (последовательное посещение всех жителей-хозяев деревни) в святочных, пасхальных, егорьевских и обрядах с участием ряженных, пастухов, нищих, детей;
- обходы-заклинания деревни, стада, полей.

3. *Шествия – противодвижения:*

- обрядово-демонстрационные ходы групп (половозрастных, социальных) навстречу друг другу, связанные с их противостоянием – в свадебном и календарных обрядах;
- воинские шествия, приуготовления (выход «партия на партию»).

4. *Шествия – проходки – гулянья:*

- праздничные ходы, ярмарочные гулянья вдоль улицы и обратно (по скрытому бесконечно движущемуся кольцу, кругу); «парад невест», выбор пары на вечёрках-«беседках» (парой «по полу ходить»).

В зависимости от смысловой направленности шествие приобретает различные организационные формы и соответствующее характеру движения песенное либо инструментально-песенное воплощение. Шествия могут включать в себя исполнение обрядово-магических песен-заклинаний, зовов-кличей, обращений-жалоб – музыкально-поэтических форм с ведущей ролью интонационно-ладовых характеристик. Так, например, календарно-обрядовые песни заклинательного характера с выражением благопожелания (продуцирующей и обереговой направленностью) звучат во время празднично-поздравительного обхода дворов в святочный период, в день Пасхи,

а также во время ритуального обхода полей, стада. Шествия-проводы (похоронные шествия, прощальные ходы невесты с подругами вдоль деревни, проводы Масленицы) нередко сопровождаются обрядовыми формами плачей, сольных и хоровых причитаний. Шествия ряженных, шествия-противодвижения, массовые ярмарочные гулянья предполагают включение инструментально-плясовых наигрышей и припевок (коротких песен, частушек).

Таким образом, обнаруживается функциональная связь, взаимообусловленность в соотношении типологических характеристик хореографического движения и специфических особенностей музыкальных (песенных, инструментальных) форм. Существенной в этой проблеме оказывается логика причинно-следственных отношений: возникновение особых принципов построения музыкальной формы и даже самостоятельных типов музыкальных форм в связи со свойствами хореографического движения. Среди ярких примеров такой связи следует выделить однородный пласт песен с десятисложной организацией стиха («Из-за лесика, лесу тёмного...» – как правило, эти песни сопровождаются обрядовым шествием), или чрезвычайно развитый набор песенных форм, имеющих в основе метrorитмической организации парный ритм-примитив, связанный с плясовым движением. Именно с изучением народной хореографии связаны общие проблемы происхождения и видового разнообразия инструментальной музыки, вопросы типологии музыкальных инструментов и системы наигрышей. Особенно следует отметить, что именно на этих путях исследования решается проблема соотношения вокально-инструментальной и инструментально-хореографической областей народной музыки, а также получает объяснение история легендарных русских музыкальных инструментов – гудка и гуслей, ставших в настоящее время поэтическим обобщением художественного опыта русского народа.

Русские гусли⁹¹

Слово «гусли» – *gǫslь; ст.-слав. гасли; др.-русск., цслав. гүсли, гүсль – производное с суффиксом -slь от основы глагола *gǫsti (ст.-слав. гаси – ‘гудеть’), т.е. *gǫd-slь.⁹² Фонетическая форма корневой основы gǫ- (гу-/го-), связанная с выражением общих признаков широкого круга характерных

⁹¹ Мехнецов А. М. Русские гусли // Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Каталог выставки / Министерство культуры РФ, Фольклорно-этнографический центр, Коллекция музыкальных инструментов Музея музыки в Шереметевском дворце. Науч. ред. А. М. Мехнецов. Авт.-сост. 1–2 частей Г. В. Лобкова. Авт.-сост. 3 части В. В. Кошелев. Материалы к Каталогу инструментов подготовлены К. А. Мехнецовой при участии Е. А. Вальевской (1–2 части), В. В. Кошелевым (3 часть). Консультант А. Н. Теплов. Графические работы – Т. Г. Шубина (чертежи инструментов), А. С. Вересов, С. В. Булкин (компьютерная обработка изобразительных материалов). Фотографии гуслей – В. А. Гордеев. СПб., 2006. С. 3–16.

⁹² Этимологический словарь славянских языков. М., 1980. Вып. 7. С. 84.

звуковых явлений (гудеть, гукать, голосить и тому подобное) и, в соответствии с лингвистическим принципом образования названий музыкальных инструментов (скрипка, сопель, бубен, свирель) служит определением особых свойств звучания струн музыкального инструмента (гудение, гул – насыщенный протяжённый звук): «Гүдение – игра в гусли, или в домру или в лыри, и подобная сим».⁹³ Отношение слова «гусли» к исходному звуковому образу находит подтверждение в общеславянской лексике и указывает на его праславянское происхождение в собирательном значении – ‘струны’, ‘гудение струнное’, ‘струнный музыкальный инструмент’:

- гьсла, гула (болг.), гула (макед.), gŭsla, гүсле, гүсли (сербохорв.), góslī (словен.), housle (чеш.), husle (слвц.), geśl, geśle, geśli (польск.) – ‘струнный смычковый музыкальный инструмент’;

- гусли (русск.), гуслі (блр.) – ‘струнный щипковый инструмент’;

- гула, гулі (укр.) – ‘гусли, скрипка’; gusle (н.-луж.) – ‘скрипка, арфа’.

В истории русской музыкальной культуры с термином «гусли» устанавливается ряд понятий.

Традиционный русский народный музыкальный инструмент гусли – самостоятельный архаический вид струнного щипкового инструмента, в своей основной форме имеющего плоский продолговатый долблённый корпус-резонатор («гусельная доска»), над которым, вдоль и параллельно плоскости которого натянуты с помощью колков и струнодержателя струны (обычно 5-7 струн). В современной инструментоведческой литературе известен как основной тип так называемых крыловидных гуслей.

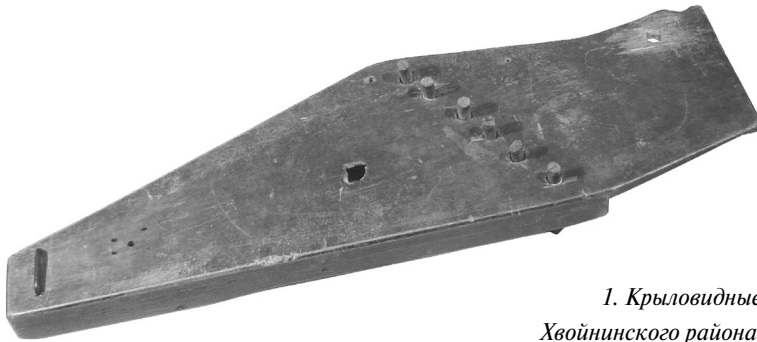
В древнерусской культуре (фольклор, письменность, литература, изобразительное искусство, музыкальная практика) и вплоть до XVI века гусли – не только видовое название инструмента, восходящего к архетипу («гусельная доска»), но и общее обозначение струнных музыкальных инструментов, а также используется и как нарицательное в цепочке опосредований: гусли – гудьба – плясовой наигрыш – инструментальная музыка в целом («...питиа многа, с гоульми и плясани и песньми и смехи неподобными...»)⁹⁴.

В русском музыкальном искусстве с XVII–XVIII веков название «гусли» закрепляется за различными по происхождению (в том числе воспринятыми из европейской музыкальной практики) видами струнных щипковых гуслепоподобных инструментов, конструкция которых согласуется с одним из основных принципов устройства гуслей – натяжение струн параллельно резонаторной доске: треугольные и шлемовидные гусли (гусли-псалтирь), гусли-цитры (титры – пск. диал.), прямоугольные (клавино- или столообразные) гусли, а также современные усовершенствованные инструменты.

Самостоятельная природа, видовое своеобразие традиционных русских гуслей архаической формы определяются совокупностью музыкальных

⁹³ Книга глаголемая алфавитъ иностранныхъ речей. Ркп. 1596. Собр. Погодина. № 1642. Л. 41.

⁹⁴ Дубенский сборник правил и поучений XVI века.

1. Крыловидные гусли (д. Куцово
Хвойнинского района Новгородской области)

свойств, характерностью звучания, которые, в свою очередь, обусловлены особенностями конструкции инструмента, его музыкального строя, способов звукоизвлечения и приёмов игры, назначения, условий и характера бытования.

Принадлежность гуслей к архаическим пластам культуры позволяет рассматривать историю их возникновения и развития на пути эволюции принципиально самостоятельной конструктивной идеи инструмента (особая форма соотношения струн и корпуса). Это ставит гусли в один ряд с древнейшими в мировой музыкальной культуре (известными по археологическим памятникам, начиная с IV тыс. до н.э.), исходными формами струнных музыкальных инструментов – арфой, лирой и кифарой, тамбуровидными и другими. На основе общего конструктивного принципа в разных этнических культурах формируются однотипные или близкие по типу гусям инструменты: кантеле (карелы, финны), каннель (эстонцы), кокле (латыши), канклес (литовцы).

Конструктивные принципы архаического вида традиционных русских гуслей, их основные органологические параметры получают воплощение в инструментах, распространённых и существовавших вплоть до настоящего времени на территории Псковской и Новгородской областей с прилегающими районами Тверской, Вологодской, Ленинградской областей (см. илл. 1, 2).

Типические черты традиционным гусям придаёт особая форма инструмента: продолговатая, скошенная по верхнему краю (обычно – от места установки колка верхней, короткой струны) доска длиной 50-70 см, шириной в прямоугольной части 20-30 см и толщиной 4-5 см. Долблёное с лицевой

2. Гусли Сидора Ивановича Иванова, 1919 г. р.
(д. Десяцкие Красногородского района Псковской области)

или тыльной стороны доски резонаторное корытце достигает линии колкового ряда (колковой планки), расположенного под углом в 45-60° к основанию инструмента. Выступающая за колковый ряд часть лицевой стороны доски («открылок») стёсана по внутренней плоскости до толщины 7-10 мм. Резонаторное корытце закрыто утопленной в корпус крышкой — декой. Толщина деки и донца резонаторного корытца — 5-10 мм, боковых стенок корпуса — 10-20 мм. Дека крепится по периметру деревянными (железными) гвоздями (иногда — на клей). На лицевой стороне резонаторного ящика, как правило, имеется голосовое отверстие (3-5 см в диаметре).

Основным материалом для изготовления корпуса гуслей служит мелко-слоистая ель, сосна; в Новгородской области преимущественно используется ольха. Для накладной деки почти повсеместно употребляется ель.

В узком конце инструмента («головка», «пятка» корпуса) расположен струнодержатель — деревянный стержень (металлический прут или скоба). Стержень устанавливается в сквозные отверстия выступающей части боковых стенок корпуса («ушки» струнодержателя) или в отверстия накладной (подково-, П-образной) колодки струнодержателя, жёстко укрепленной на корпусе инструмента (известен способ крепления оси струнодержателя с помощью съёмных планок, так называемых «утиц» — см. илл. 3). Более поздний и простой способ установки струнодержателя — металлическая воротообразная (П-образная) скоба, вбитая или вставленная в предварительно высверленные отверстия в «пятке» («головке») корпуса. Расположенные веерообразно струны разной длины противоположными от струнодержателя концами крепятся и натягиваются на высоте 1-2 см от лицевой плоскости гуслей с помощью деревянных (в поздних образцах — металлических) колков. Деревянные колки устанавливаются в сквозные отверстия на колковой планке с тыльной стороны корпуса инструмента. Таким образом достигается согласованное в плоскости и соответствующее по конфигурации и размерам наложение веера струн (по всей его длине и развёртке) на резонаторный ящик инструмента, что прямо связано с характером звучания гуслей архаической формы и составляет их отличительную черту.

Описанная система крепления струн является одной из принципиально важных особенностей устройства гуслей. Эффект естественного резонанса, возникающий при таком взаимном расположении и форме связи струн и корпуса инструмента, придаёт звучанию гуслей особую тембровую окраску — нарастающий постепенно хор обертонов (призвук), который формируется произвольно в силу самостоятельных резонанс-

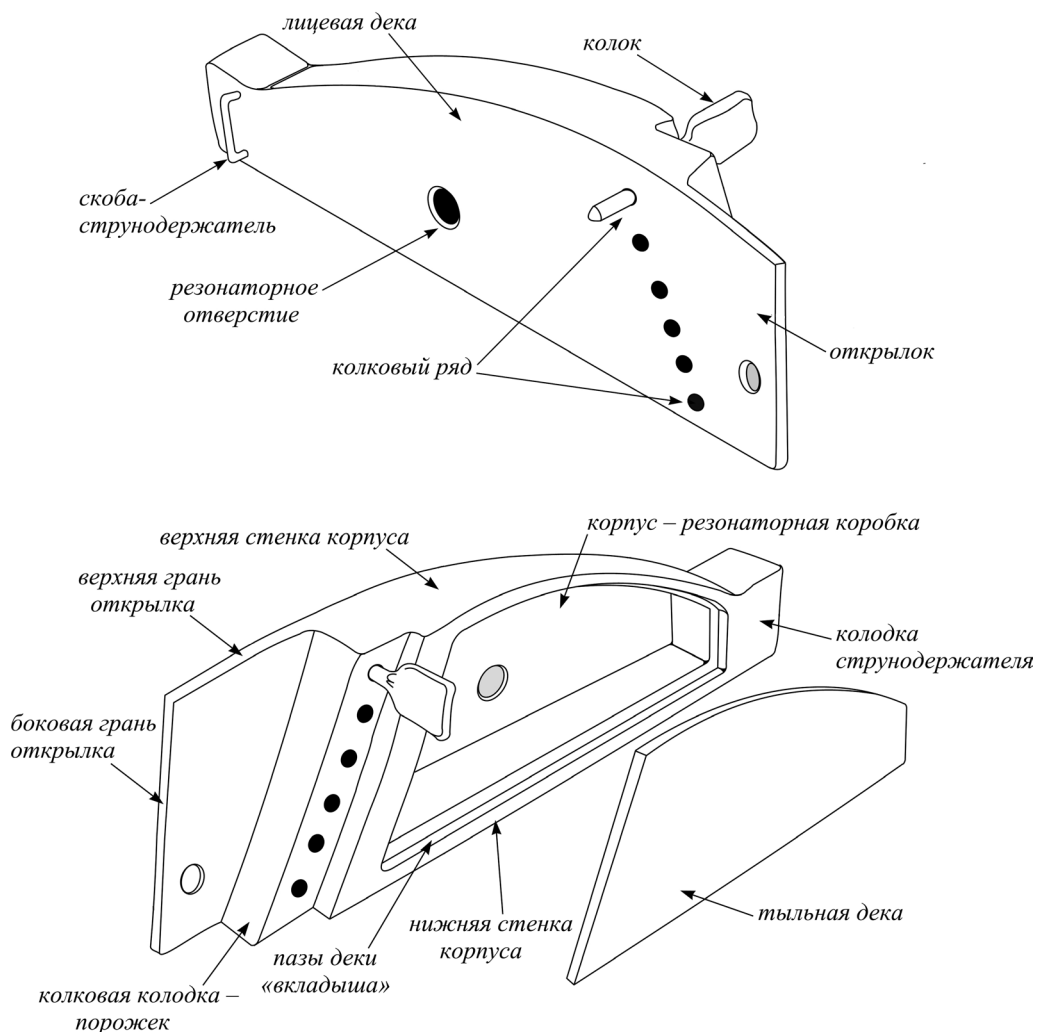

3. Вид струнодержателя с накладной колодкой (гусли из д. Юдино Псковской области)

ных свойств корпуса (последовательно отдельных его частей) и свободных струн, в отличие от других видов гуслеобразных инструментов, характер звучания которых определяется жёсткой передачей колебания струн на корпус через подставку (порожек), а также и другими особенностями их конструкции, в том числе — несоразмерностью отношений длины и поля развёртки набора струн с конфигурацией резонаторного корытца.

На традиционных гусях, изготовленных на памяти ныне живущих исполнителей, струны металлические, и вместе с тем встречаются упоминания об установке на гусях струн жильных (кишечных), волосяных и даже дратвенных (из суровой нити). По косвенным свидетельствам можно судить, что

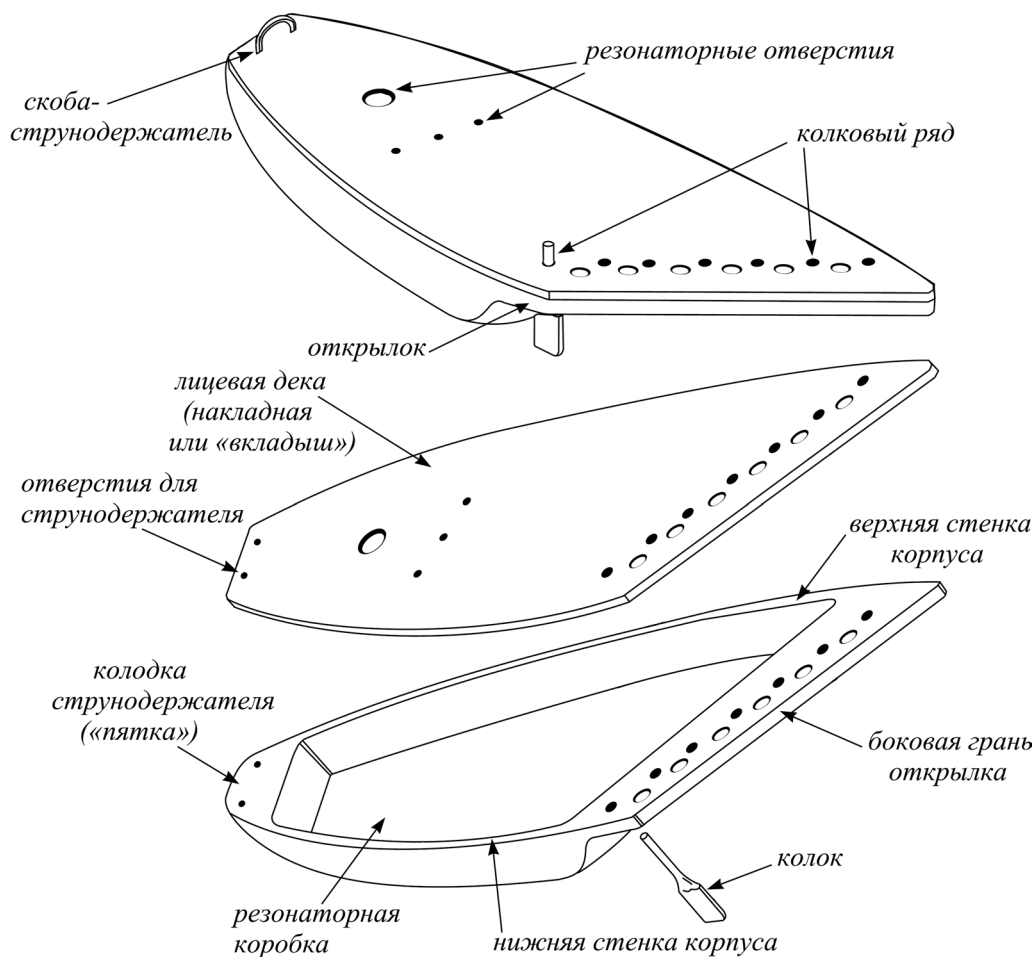
Схема 1. Конструкция гуслей с долблёным с тыльной стороны корпусом

и на ранних этапах истории инструмента гусли снабжались струнами сходной выделки. Архаическая форма гуслей устойчиво сохраняет веер из 5-7 струн, хотя в поздних образцах чаще встречается набор из 6-9 струн (Новгород), 9-11 струн (Псков). На 9-11 струнных инструментах отношение длины крайних струн достигает пропорции 1:2. Принципиально важным оказывается и способ намотки струн на колки: в вертикальной позиции инструмента наложение струны по отношению к оси колка не снизу, а сверху, что прямо согласуется со спецификой основного приёма игры на гусях – «бряцанием» (LV). Различные варианты конструкции гуслей с долблённой резонаторной коробкой приводятся на Схемах 1, 2.

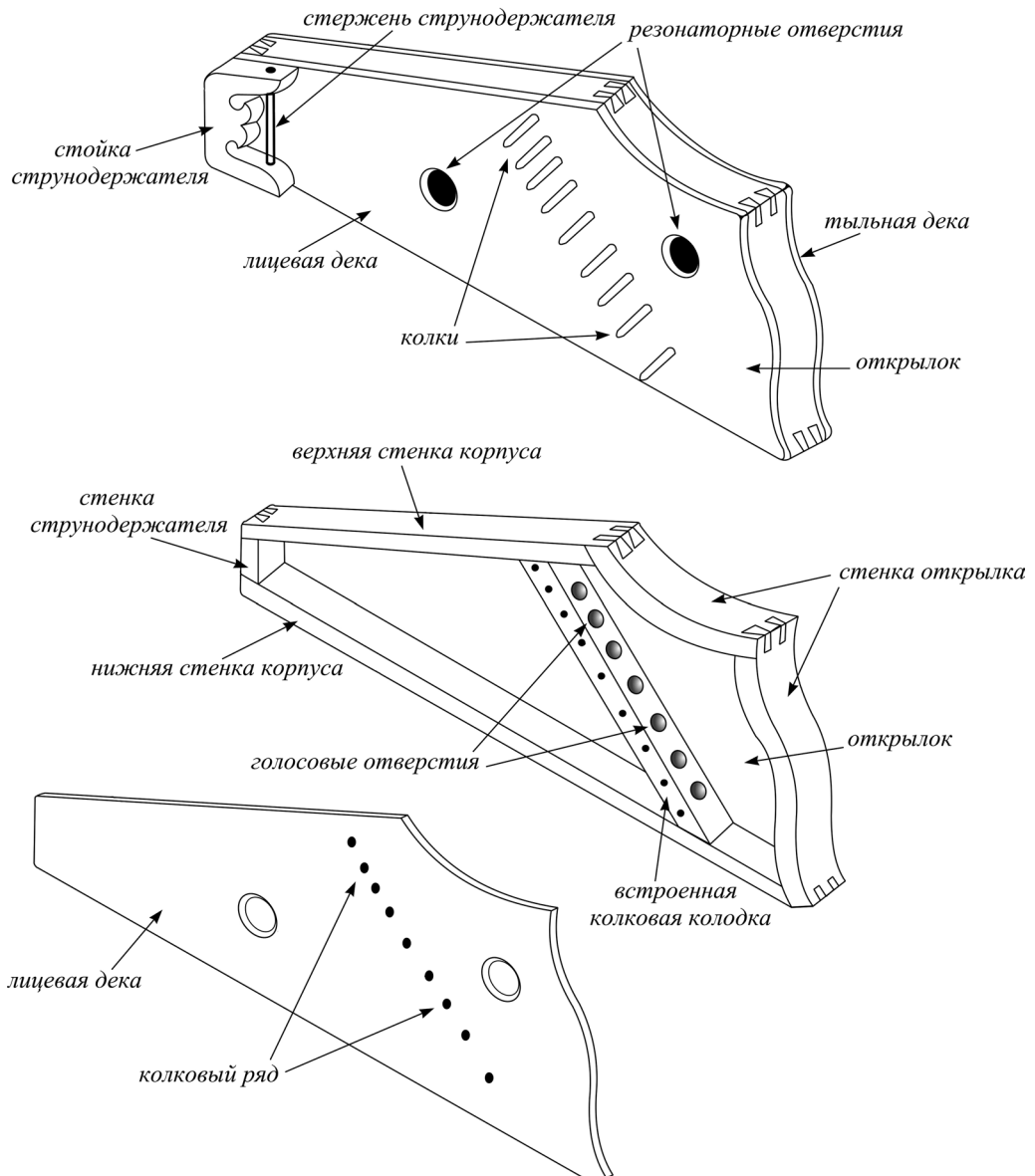
Описанная модель даёт представление лишь об общих чертах устройства традиционных русских гуслей. На практике встречаются инструменты, воспроизводящие основной тип в большом диапазоне вариантов выполнения

Схема 2. Конструкция гуслей с долблённым с лицевой стороны корпусом

отдельных конструктивных элементов (материал, способы обработки и соединения, размеры, отделка и другое). Так, большое распространение с конца XIX – начала XX века получили инструменты, изготовленные на основе сборки корпуса, состоящего из отдельных деталей (корпус – рама; накладные верхняя и нижняя деки). Конструкция гуслей такого типа представлена на Схеме 3.

Схема 3. Конструкция гуслей со сборным на раме корпусом

Сохраняя, при всех изменениях, типологические черты конструкции архаической формы инструмента, традиционные русские гусли удерживают и общие принципы настройки. Постоянная в процессе игры высота тона каждой отдельной струны прочно связывает строй инструмента с музыкальной системой наигрыша. Устойчивые нормы звуковысотных отношений, определяющие эту музыкальную систему, и служат слуховым ориентиром при настройке инструмента. В основе настройки русских гуслей — постепенно заполненный диатонический звукоряд с квартовым отношением крайних тонов последовательности, которая образует своего рода «звено согласия».

Варианты настройки 5-струнных гуслей:

Варианты настройки 7-струнных гуслей:

Варианты настройки 9-струнных гуслей:

Такой принцип настройки не только исчерпывает весь диапазон типологически значимых мелодических формул инструментальных наигрышей, но в полной мере разрешает возможность и ладо-гармонической упорядоченности совместно звучащих струн, создающих характерное гусельное гудение, гул. Ведущий принцип ладо-гармонической организации наигрыша заключается в последовательном сопоставлении созвучий, возникающих на двух рядом расположенных звуковысотных уровнях.

Это достигается уже на простейшем по оснащённости 5-струнном инструменте на основе особых, отличающих именно русскую гусельную традицию, приёмов игры. При исходной игровой позиции инструмент ставится вертикально нижней боковой стенкой корпуса на колени исполнителя. Пальцы левой руки (1-й, 2-й, 3-й, иногда 4-й) расположены между смежными парами струн в широкой части «веера» и при движении кисти руки вверх или вниз, касаясь струн, глушат их, гасят звучание посторонних тонов, оставляя открытые струны свободно звучащими. Положение пальцев между струн во время игры не меняется. Одновременно кистевым ударом правой руки по всем струнам (приём бряцания) или «выщипыванием» тонов мелодической линии на отдельных открытых струнах (удар сверху — «набиванием») извлекают звук.

Такая техника игры используется повсеместно на территории бытования русских гуслей. При всей её кажущейся незатейливости народные исполнители-гусляры (в памятниках древнерусской литературы — скоморохи-гусельники, гусельщики, гудцы) достигают исключительно высокого, виртуозного

уровня мастерства, раскрывающего до тончайших оттенков богатые в мелодическом, тембровом и фактурном отношении выразительные возможности гуслей как музыкального инструмента.

Именно с культурой гусельной игры складываются важнейшие средства музыкального развития и принципы формообразования в области русской народной инструментальной музыки в целом. Среди них ведущими являются:

- особая, «гусельной природы» полифоническая фактура музыкального изложения, при которой в едином звуковом потоке возникают самостоятельно выразительные мелодические линии отдельных голосов (подголосков, образующихся на звуковысотных уровнях опорных тонов – крайних струн «звена согласия»);

- нерасчленённость, продолженность музыкального движения на основе вариантной повторности краткого интонационно-ритмического построения (попевки).

Этот принцип формообразования находит воплощение в связи с происходящим музыкально-хореографическим действием, неотъемлемой частью которого является наигрыш. Не случайно основу традиционного репертуара гусяров составляют наигрыши плясовые («Кружкá», «Трепакá», «Камаринского», «Русского» и другие) и наигрыши «под песни» – под припевки, частушки на местный «голос» (напев), обычно с проходкой по улице во время гулянья («Походного», «Скобаря», «Горбатого», «Под драку», «Сумецкого» и другие).

Характер традиционного репертуара, его группировка, устойчивость бытования хранят следы тесной связи инструментальных наигрышей, а вместе с тем и собственно гуслей, с системой ритуально-обрядовых форм музыкального фольклора (обрядовые женские групповые, парные пляски; мужские ритуальные пляски; ритуальные шествия и другое). Можно также предполагать и об использовании гуслей как инструмента, сопровождавшего развёрнутые формы музыкально-поэтического повествования. Предпосылки к утвердительному решению этого вопроса содержатся в косвенных данных по истории традиционной культуры, так же как и в оценке выразительных возможностей гуслей.

Синкретическая природа сложного, многопланового комплекса гусельной игры указывает на глубокие исторические

*Иван Иванович Михайлов, 1928 г. р.
(д. Мехово Красногородского района
Псковской области)*

4. Гуслиар. Инициал из
Служебника середины XIV
века. Л. 29 об. ГПБ

корни русской гуслиной традиции. Об этом свидетельствует и образно-поэтическая система русского фольклора, где мы находим гусли-самогуды, гусли звончатые русских сказок и песен, гусли яровчатые былинных Добрыни и Садка. К истокам гуслиной традиции восходит и образ вешего Бояна — певца и гуслияра «Слова о полку Игореве».

Древнерусское летописание и другие памятники письменности с XI века отмечают гусли как достоверный факт народной музыкальной традиции («... овы гуслиныя гласы испушаюшемъ, другыя же оръганьныя гласы поюшемъ, и инѣмъ замарьныя писки гласящемъ, и тако вьсѣмъ играюшемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князьмъ»)⁹⁵. Изображения гуслиаров содержатся в псковских и новгородских рукописных богослужебных сборниках и Псалтири XIII–XIV века (илл. 4). Почти с документальной точностью воспроизводятся не только общий вид русских гуслей («гуслиная доска»), но и игровая позиция гуслияра на ритуальных рунальных браслетах XII–XIII веков (Старая Рязань, Киев) (илл. 5).

Исключительную устойчивость типологически завершенной формы традиционных русских гуслей подтверждают и находки Новгородской археологической экспедиции, относящиеся к XII–XV векам и полностью восстанавливающие основной органологический тип инструмента (илл. 6).

Особый интерес и внимание среди находок Новгородской экспедиции вызывают сохранившиеся в культурных слоях XI–XIII веков детали, на основе которых поддается реконструкции своеобразная форма деревянных, с долблѣным резонаторным корытцем 5-9-струнных гуслепоподобных инструментов — так называемые «гусли Словиша» или «гусли с окном». Отличительной их особенностью является далеко вынесенная за пределы резонаторной части корпуса колковая колодка, образуемая верхним краем сквозного, широкого, округлого выреза — «игрового окна» — в верхней оконечности инструмента. Вследствие этого расположенный над «игровым окном» звуконесущий участок веера струн (до одной трети их рабочей, звучащей длины) оказывает-

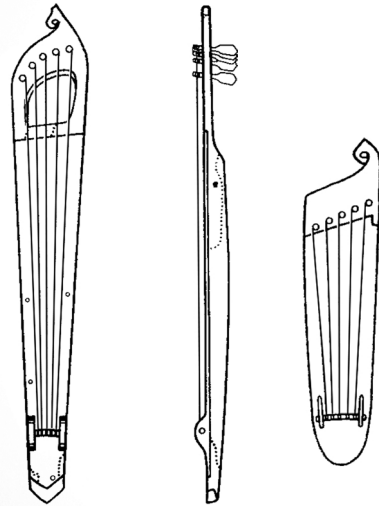
5. Изображение на браслете из
клада, найденного в Старой Рязани
(конец XII — первая треть
XIII века)

⁹⁵ Житие Преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго, XI в.

ся вне характерной для гуслей формы акустического взаимодействия струн и резонатора. Такая конфигурация инструмента предполагает и принципиально иные, чем для традиционных русских гуслей, игровую позицию и приёмы игры, за которыми, в конечном счёте, стоят существенные особенности самой музыкальной традиции. Очевидное родство «гудебных сосудов» этого типа с лиро-/кифарообразными инструментами древности, ставшими достоянием музыкальной культуры многих народов, в том числе и славянских, свидетельствует о сложных путях исторического развития отдельных самостоятельных видов струнных инструментов в условиях той или иной этнокультурной традиции. Представленный в Новгородских археологических коллекциях вид лиро-/кифарообразного инструмента входит в древнерусскую музыкальную культуру как «гусли с игровым окном». К истории их возникновения несомненно имеет отношение первое письменное упоминание о многострунном инструменте славян конца VI века (591 г., по свидетельству византийского историка Феофилакта Симокатского), а также археологические находки однотипных инструментов с игровым окном на территории Польши (Ополе XI век, Гданьск XIII век).

Развитая система музыкальной жизни Древней Руси естественно воспринимала и преобразовала на основе местных традиций новые явления музыкального искусства (влияния Византии, стран Западной Европы) и в том числе — разнообразные виды многострунных инструментов (арфа, лира, псалтирь и другие). В тесной связи с этими заимствованиями, под воздействием книжного просвещения, иконописи, церковного певческого искусства (поэтическое восприятие библейских сюжетов и образов: Давид-псалмоторец, «гусли» царя Давида) формируется и получает распространение вид так называемых «шлемовидных» гуслей — гусли-псалтирь (по описаниям XVII-XVIII веков — «лежачая», «горизонтальная» арфа).

Первоначально 10-18-струнный (позднее — до 36 струн) инструмент представляет собой склоченный (склеенный) из тонких досок резонаторный ящик трапецевидной формы с овально выгнутыми (вогнутыми) боковыми стенками, накрытый верхней декой с выступающими за пределы резонатора краями. Параллельно натянутые через порожек струны разной длины крепятся раздельно каждая: с одной стороны — на неподвижные «шпенёчки» (штырьки), с другой — навёртываются на деревянные (металлические) кол-

XII век

XIV век

6. Реконструкция общего вида гуслей, выполненная В. И. Поветкинским по материалам Новгородских археологических экспедиций

ки. На верхней деке располагаются одно или несколько голосных отверстий.

В силу своих музыкально-выразительных возможностей (полный, сильный звук; широкий диапазон; подвижная, фигуративная техника игры пальцами обеих рук, использование плектра; мелодико-гармоническое развитие наигрыша и другое) шлемовидные гусли уже к XIV веку, о чём свидетельствует древнерусская литература и книжная графика, в одинаковой мере охватывают различные формы музыкальной практики – как светской профессиональной (скоморохи), так и народной бытовой и праздничной традиций в их жанровом разнообразии.

Шлемовидные гусли положили начало цепочке преобразований, усовершенствования многострунных щипковых инструментов в отношении их диапазона, строя, общей звучности. В первой половине XVII века появляются гусли прямоугольные, «столообразные», не уступавшие по своим возможностям клавибордам, а по характеру звучания (протяжённый, певучий звук) превосходившие европейские однотипные инструменты. Сложные по конструкции новые разновидности гуслей требовали высокой профессионализации исполнителей. К XVI–XVII векам относятся свидетельства об активной деятельности Государевой потешной палаты, при которой содержались придворные «гусельники», «домрачеи», «трубачеи» и другие музыканты. Вместе с тем усложнялся и репертуар гусяров, включавший в себя (особенно после введения хроматической настройки) практически все сложившиеся в европейском музыкальном искусстве того времени музыкальные формы.

Одновременно изначальное неприятие и отрицание официальными церковными установлениями издавна сло-

*Елена Савельевна Савельева, 1914 г. р.
(д. Мехово Красногородского района
Псковской области)*

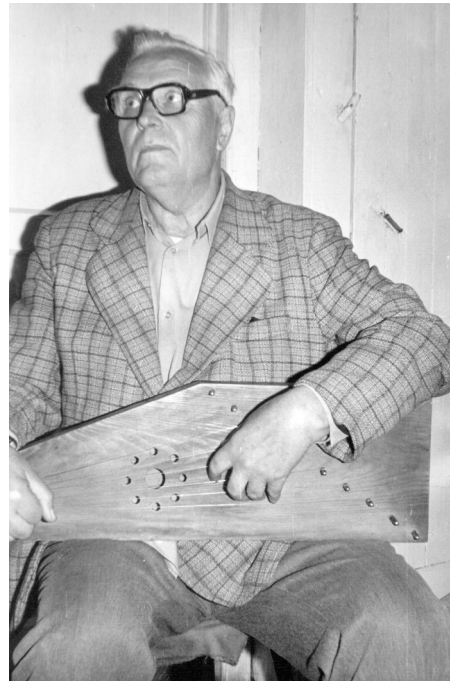
*Татьяна Ильинична Барина, 1914 г. р.
(пгт Красногородское Красногородского
района Псковской области)*

жившихся форм народной обрядовой жизни и традиционной музыкальной культуры наложили отпечаток на развитие и историческую судьбу русских традиционных гуслей так же, как и других народных музыкальных инструментов. В особенно настойчивой форме эти предписания нашли выражение в грамоте царя Алексея Михайловича «Об исправлении нравов и уничтожении суеверия» (1648 год): «скомороховъ зъ м(д)омирами и съ гусли и съ волынками и со всякими игры... въ домъ къ себѣ не призывали... А гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тыбѣ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изломавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣлъ жечь».

С изменениями в общественной жизни России XVIII-XIX веков важное место в музыкальной культуре занимают новые, европейского образца, формы музыкально-творческой деятельности (оркестровая и ансамблевая инструментальная музыка, музыкальный театр, концертные и камерные формы музицирования).

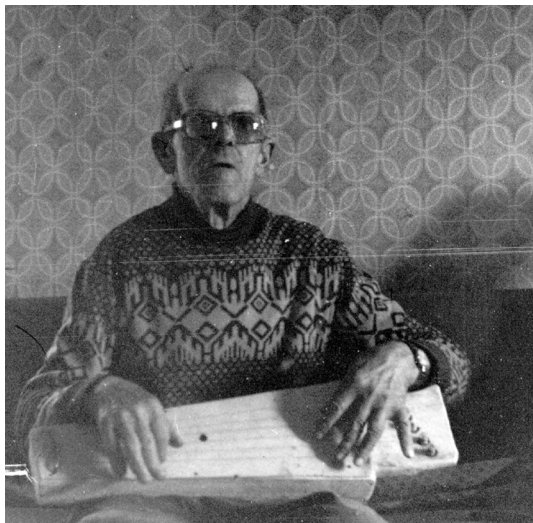
Концертно-публичные формы музыкальной жизни обусловили активные поиски в области дальнейшего усовершенствования музыкальных инструментов. Деятельность В. В. Андреева на рубеже XIX–XX веков и его сподвижников (О. У. Смоленского, Н. И. Привалова) привела к созданию современной формы концертного инструмента – «гуслей звончатых» – на основе совмещения конструктивных особенностей традиционных русских гуслей и псалтиревидных инструментов. В начале 1900-х годов было создано оркестровое семейство гуслей звончатых (пикколо, прима, альт, бас), а также клавишные гусли (системы Н. П. Фомина), которые используются до настоящего времени как в ансамблевой игре («хор гуслиаров»), так и в составе великорусского народного оркестра.

Следствием общих социально-культурных преобразований стало последовательное на протяжении XIX и, особенно, XX века сокращение сферы проявления форм народной традиционной культуры. Русские традиционные гусли исчезли из широкой музыкальной практики, сохранившись лишь в глубинных пластах фольклорных традиций Пскова – Новгорода. В силу этого сложилось мнение о том, что традиционная русская гусельная игра навсегда утрачена в живом своём бытовании. Вопреки этому мнению, в результате обстоятельной собирательской и научно-исследовательской рабо-

*Иван Петрович Петров, 1916 г. р.
(п. Хвойная Хвойнинского района
Новгородской области)*

ты Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в 1980-х годах было записано более 1000 образцов гусельных наигрышей от 150 исполнителей – носителей народ-

*Степан Николаевич Носов, 1908 г. р.
(д. Терebut Хвойнинского района
Новгородской области)*

ной инструментальной традиции из Псковской и Новгородской областей. Коллекции звукозаписей и традиционных инструментов сосредоточены в фонде Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории⁹⁶ и представляют уникальное собрание материалов по истории гуслей и русской гусельной игры как одной из наиболее ярких страниц народной музыкальной культуры.

Настоящий альбом представляет коллекцию образцов, сложившуюся в результате экспедиционной работы студентов, преподавателей Санкт-Петербургской консерватории, сотрудников Фольклорно-этнографического центра в Псков-

ской, Новгородской, Тверской областях и прилегающих к ним районах в 1981-2003 годах (руководитель экспедиций – А. М. Мехнецов).

Экспозиция описывает основные типы гуслей – долблёные с лицевой / тыльной стороны, сборные (построенные на раме) музыкальные инструменты – относящиеся к формам традиционной культуры раннего периода истории русской народной музыкальной культуры.

Вместе с тем фиксируются конструкции инструментов, которые обнаруживают сложные связи, взаимодействия традиций, развитие форм музыкального быта, эстетики, разнообразие художественных интересов нового времени эпохи государственного и общественного переустройства России – XVIII – XX веков.

Важнейший итог наших наблюдений, опирающийся на фактологический ряд гусельного собрания – выявление типологически самостоятельных видов народной музыкально-инструментальной традиции, связанных с особенностями их этнокультурного и функционального содержания. Здесь возникают возможности решения ряда научных проблем:

- соотношение инструментально-вокального и инструментально-хореографического начал в народной традиционной культуре;

⁹⁶ *Примеч. сост.:* В фонде Фольклорно-этнографического центра содержатся также рукописные, видео-, кино-, фотоматериалы.

- обусловленность конструкции, органологических характеристик инструмента и, соответственно, приёмов игры;
- связь видовых форм инструмента с условиями и обстоятельствами эволюции историко-, жанрово-стилевых особенностей фольклорной традиции;
- место и значение архаических форм народной художественной культуры (виды музыкальных инструментов, приёмы игры, репертуар исполнителей, функции инструментальных наигрышей).

Существенную часть демонстрации материалов по истории гусельной культуры составляют также коллекции Музея музыки в Шереметевском дворце (Санкт-Петербург) и собрание образцов из музейных фондов стран Прибалтики – Эстонии, Латвии, Литвы, что позволяет составить логически объяснимое представление об особенностях национальных традиций инструментальной музыки.

Необходимым дополнением, а точнее – основным разделом всего комплекса материалов, относящихся к нашей области интересов, являются аудио- и видеоподборки документальных записей по инструментальным традициям Новгородской и Псковской областей: дополненное переиздание материалов альбома грампластинок «Гуди гораздо» («Мелодия», 1987 г.) в виде компакт-диска; эксклюзивная публикация архивных видеоматериалов по инструментальной традиции районов русского Северо-Запада.

Ведущая идея в построении звуковых и видеоприложений – иллюстрация преемственности закономерностей музыкального мышления, принципов организации музыкального текста, исполнительских (технических) приёмов, осмысленных в народной традиции в качестве важного содержательного элемента художественной формы.

Именно на этих основаниях мы находим общие принципы, единство разнообразных видов инструментальной культуры – системы наигрышей на различных музыкальных инструментах (гусли, балалайка, гудок-скрипка, гармонь), обусловленной строго фиксированным в традиции слуховым опытом (строй инструмента, композиционные, ладо-гармонические особенности наигрыша), формами выражения и способами игры на музыкальном инструменте.

*Кирилл Петрович Сафронов, 1923 г. р.
(д. Зуица Опочецкого района
Псковской области)*

Русские гусли в собрании Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова⁹⁷

В 1980–1990-х годах в ходе работы фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории в Псковской и Новгородской областях⁹⁸ были зафиксированы в живом бытовании традиции гусельной игры и выявлена территория распространения русских крыловидных гуслей. Результатом планомерных полевых исследований стал системно собранный и статистически показательный материал:⁹⁹

- коллекции этнографических гуслей (33 образца, из них 18 новгородских и 15 псковских инструментов);
- зарисовки гуслей и гуслеобразных инструментов, сделанные жителями деревень (рукописный фонд – экспедиционные тетради);
- коллекции звуко- и видеозаписей игры на гусях (более 1000 записей гусельных наигрышей от 150 исполнителей – носителей народной инструментальной традиции);
- сведения об особых, свойственных локальной традиции и отдельным музыкантам приёмах игры, оценка характера звучания разновидностей инструментов (видеозаписи);

⁹⁷ *Мехнецов А. М.* Русские гусли в собрании Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова // Музеи театра и музыки в международном пространстве: опыт, традиции, сотрудничество: Материалы науч.-практ. конф. СПб.: Чистый лист, 2008. С. 250–259. *Примеч. сост.:* При публикации название статьи было изменено. Авторский вариант названия: «Родовые признаки гусельной игры в системе фольклорных традиций Псковской и Новгородской областей».

Органологические особенности крыловидных гуслей, распространённых в живой исполнительской практике в Новгородской и Псковской областях (материалы экспедиций 1980-1990-х годов под руководством и при участии А. М. Мехнецова), способы натяжения струн, варианты настройки инструмента, приёмы игры подробно описаны в статье «Русские гусли» (вступительная статья к Каталогу выставки «Гусли – русский народный музыкальный инструмент». См. *Наст. изд. С. 95–109*). Здесь, чтобы избежать повторов, эти фрагменты статьи купированы, что обозначено угловыми скобками.

⁹⁸ *Примеч. сост.:* Комплексные, фронтальные экспедиции под руководством А. М. Мехнецова при участии преподавателей и студентов Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, сотрудников Фольклорно-этнографического центра проводятся на территории Псковской области с 1981 года, Новгородской – с 1988 года.

⁹⁹ *Примеч. сост.:* Основные положения представлены в изданиях: *Мехнецов А. М.* Русские гусли // Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Каталог выставки...; *Мехнецов А. М.* Русские гусли и гусельная игра: Исследование и материалы...; *Мехнецов А. М.* Русские традиционные наигрыши на гусях (в записях из Новгородской и Псковской областей)... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.* В 2009 году вышла в свет мультимедийная версия этих изданий: *Мехнецов А. М.* Русские гусли и гусельная игра: [Две части книжного издания и видео-приложение ко второй части]. СПб.: ООО «Гиперборея», 2009. 2 DVD.

- свидетельства о бытовании гуслей, их включении в различные формы культурной практики, о связи наигрышей с пением, пляской, шествиями (многочисленные рассказы и образцы исполнения, зафиксированные на аудио- и видеоплёнку).

Комплексный характер экспедиционной работы создаёт необходимую документальную основу для изучения музыкального инструмента как неотъемлемой части культурной традиции. Становится очевидным, что объективно закономерные отличительные черты русских гуслей и гусельной игры соотносятся с назначением, условиями и обстоятельствами бытования инструмента и определяются содержанием, структурой, характером самой этнокультурной традиции, в том числе – сложившейся системой музыкальных форм, которые являются неперенным структурным элементом выделенных по смыслу событий обрядово-праздничной жизни (календарного, семейного, общинного циклов). Такой подход включает в область внимания и научного объяснения широкий круг проблем, непосредственно относящихся не только к описанию гуслей в ряду других струнных инструментов, но и в большей мере касающихся задач изучения ранних форм музыкальной культуры, общих законов, определяющих жизненные основания, природу явлений художественного преобразования действительности в традиционном сознании.

С позиций системного подхода определённой представляется и одна из ключевых задач – установление естественных оснований, закономерностей согласования свойств принципиального единства, *универсальности конструктивной идеи струнных инструментов и, одновременно, многообразия форм реализации этой идеи* в условиях исторической жизни тех или иных национальных культур. Такое положение указывает на обусловленность процессов (этнокультурная, культурно-историческая специфика) образования и эволюции струнных инструментов, составляющих ряды подобия (с точки зрения инженерной мысли), но относящихся к самостоятельным, различным по назначению и способам использования звуко-выразительных свойств натянутой струны видам и типам музыкальных инструментов.

В задачи научного объяснения природы, признаков общего и особенного каждой группы инструментов входит не только описание их устройства («анатомии» предмета), но и установление логической связи, порядка и принципов взаимодействия содержательной стороны всех звеньев последовательности: *«жизненно значимая идея – образ – художественная форма», «музыкальная форма – средства, способы, приёмы выражения», «вид, особенности инструмента – его назначение и возможности, обстоятельства и условия бытования».*

По нашим наблюдениям, определяющая роль в истории происхождения и развития в народной традиционной культуре струнных музыкальных инструментов во всём их многообразии, и в том числе – гуслей, принадлежит двум ведущим, порождающим началам, образующим в их собственном значении *типологически самостоятельные, различные в смысловом отноше-*

нии сферы, а также и ряд самостоятельных, сложно образованных видов их взаимодействия:

- *вокально-инструментальные* формы выражения, средоточием образно-поэтического, действенного начала которых становится достижение необходимо предельной полноты музыкально-речевого высказывания (с помощью доступных инструментальных средств умножения выразительной интонационной силы сказываемого, распетого поэтического текста);

- *инструментально-хореографические*, с которыми связаны не только орнаментальные, плясовые, танцевальные виды хореографии, но и игровые, ритуально-событийные и другие ситуации, где особые, непосредственно относящиеся к содержанию происходящего формы организации движения (как, например, шествия, процессии) являются ведущим, обязательным смысловым элементом структуры культурного текста, образующим основу художественной формы.

Убедительным свидетельством закономерности сложных связей и отношений системного взаимодействия элементов структуры инструментальной традиции служат сведения о «родоначальных» видах струнных музыкальных инструментов, история которых насчитывает тысячелетия музыкальной практики. Классический ряд здесь может быть представлен разновидностями арфо-, лиро-, кифарообразных, тамбуровидных, смычковых, гуслей, цитры и других видов струнных инструментов.

С нашей точки зрения, к генерализующим свойствам, указывающим на природу, исходное назначение струнных инструментов (изначальная предпосылка их систематизации), относятся:

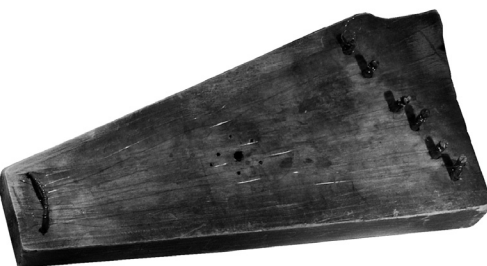
- способность воспроизведения протяжённого (подобно поставленному на «дыхании») *музыкального тона*, звуковысотно определённого, темброво характерного, ритмически подвижного, поддерживающего и умножающего содержательные начала произносимого (мыслимого) слова – вокально-инструментальные формы повествовательного, «сказительского» или фигуративно развитого («распетого», орнаментального), интонационно выразительного склада и наклонения, где мелодический рисунок как основной смыслонесущий элемент музыкальной формы умножается инструментальными средствами («гусли-мысли»);

- возможность построения на основе *ладо-гармонического созвучия* (согласного «хора голосов») особого, единого по характеру движения звукового потока, соотнесённого в мерах ритмо-акцентной, композиционной организации с содержательной стороной художественной формы – инструментально-хореографический комплекс в целом. Здесь принципы инструментального, подчиняясь общим законам осмысленного, членораздельного выражения, служат в качестве одного из ведущих синтаксических средств формообразования. На этой основе и возникает музыкальный образ, несущий распознаваемый по смыслу призыв, побуждение к соучастию в происходящем событии – некоторое эмоционально окрашенное состояние, сопутствующее

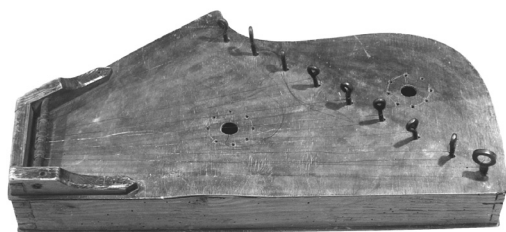
музыкальным формам выражения: «гулы», «звоны», ритмо-акцентная динамика разнообразных по назначению форм хореографического движения, изначально имеющих обрядовый характер.

Широкий спектр значений инструментальных форм музыкальной культуры, подвижность преобладающих (в зависимости от ситуации) функций отдельных видов струнных инструментов, сумма присущих им музыкально-выразительных средств и возможностей, особенности их строения составляют ряд системообразующих начал в структуре музыкально-инструментальной традиции и одновременно приобретают характер одного из *опознавательных признаков её этнокультурной принадлежности*.

По этим же приметам («назначение», «образ — намерение», «музыкальный язык, средства и приёмы выражения») мы наблюдаем и *закономерности исторической жизни* инструментального комплекса, в том числе — процессы преодоления границ исходно определённого содержания музыкальной формы (возникновение новых жанров, форм музыкального быта), совершенствования самого инструмента, универсализации его возможностей и другие

*Гусли крыловидные, 6-струнные
(д. Щукина Гора Пестовского района
Новгородской области)*

*Гусли крыловидные, 9-струнные
(г. Опочка Опочецкого района
Псковской области)*

тенденции историко-культурного характера, знаменующие собой многоступенный путь эволюции художественного сознания, средств выражения и технологий.

Такой взгляд позволяет рассматривать специфику гуслей и гусельной игры в ряду явлений, сложившихся в процессе самостоятельного исторического развития на основе форм праславянской культуры, со-

хранившей до нашего времени следы долгого эволюционного пути, что ставит гусли в один ряд с древнейшими в мировой музыкальной культуре исходными формами струнных музыкальных инструментов.

Особенности архаического вида традиционных русских гуслей, их основные органологические параметры получают воплощение в инструментах, распространённых и существующих вплоть до настоящего времени на территории Псковской и Новгородской областей с прилегающими районами Тверской, Вологодской, Ленинградской областей.

Русские гусли представляют собой архаический вид струнного (по современной классификации — «щипкового») инструмента, в своей основной

форме имеющий плоский продолговатый долблённый корпус-резонатор («гусельная доска»), над которым, вдоль и параллельно плоскости которого натянуты с помощью колков (деревянных, металлических) и струнодержателя струны. В современной инструментоведческой литературе этот вид инструмента известен по своей конфигурации как тип так называемых «крыловидных гуслей». <...>

Подвижность соотношения количества струн и требований музыкальной практики определяет динамику состояний и самого инструмента, и норм музыкальной культуры на разных этапах развития. Исходя из особенностей конструкции гуслей, их назначения и характера музыкальных форм, образующих сферу функциональности инструмента, можно утверждать, что предельно необходимый диапазон гуслей в их классическом варианте может быть ограничен семью-девятью струнами. В диатоническом строе такой звукоряд достаточно гибко обеспечивает выразительные возможности музыкальной формы как в интонационно-ладовом, ладо-гармоническом, так и в тесситурном отношениях.

Если учесть, что количество струн во многом определяет не только диапазон, но и строй, и способы игры, и тесно связано с характером музыкальных форм (по их назначению), то очевидно, что этот признак конструкции инструмента непосредственно относится к смысло-содержательным элементам музыкального явления. <...>

К особым способам формирования звуковой среды (своеобразного «звукового поля») относится приём, на основе которого достигаются характер и качество «педали» (общее звучание открытых струн полного диапазона инструмента) с одновременным использованием специфического штриха «глиссандо». В качестве педали — «бурдона» — на 7-9-струнных инструментах могут постоянно звучать верхняя и нижняя струны. <...>

Вершиной совершенства, выделяющей традицию русской гусельной игры, сохранившей черты древнейших пластов музыкально-инструментальной культуры, является отмеченный здесь *способ игры в одной, неизменной начальной позиции левой руки* (пальцы — между парами рядом расположенных струн), регулирующей и мелодический, и ладо-гармонический строй наигрыша. В сложном комплексе звуковысотных отношений, возникающем на основе простого (даже, казалось бы, примитивного) сопоставления отдельных «голосов» или созвучий диатонического порядка — «теза — антитеза» — проявляются фундаментальные закономерности музыкально-языковой системы, выразительная сила движения музыкальной мысли, принципы построения, логика музыкальной формы.

Чрезвычайно важно, что такой приём — «игра в одной позиции», «хватка» — служит основным элементом исполнительской техники, а вместе с тем и конструктивных особенностей других струнных инструментов — гудок, балалайка (тамбуровидные с короткой «ручкой»-грифом и без регламента хроматического звукоряда «по ладам»). Приём игры «в одной позиции» распростра-

няется вместе с системой традиционных музыкальных форм (наигрышей) и на инструменты других классов позднего происхождения — гармони «тальянка» (Псков, Вологда), «бологовка» (Новгород), «простушка» (Урал) и другие. Более того, секундное сопоставление ладо-мелодических структур в музыкально-поэтических жанрах фольклора (пример — «Горы Воробьёвские») служит не только структурно-типологическим признаком песенного текста, но и свидетельством причастности сложно развитых песенных форм такого склада к стадияльно ранним пластам музыкальной культуры. <...>

Особого внимания при сравнительном анализе заслуживает своеобразие содержания и типологии музыкальных форм, на основе которых складываются характерные черты традиционного репертуара псковских и новгородских гусяров. В *псковской* музыкальной традиции на гусях исполняются наигрыши, сопровождающие либо пляску («Кружкá», «Трепакá», «Русского», «Камаринского» и другие), либо шествие с пением припевок («На развал», «Походного», «Ярмарочная», «Скобаря», «Долгого», «Заунылого», «Горбатого», «Под драку», «Под песни», «Сумецкого» и другие). *Новгородскую* гусельную традицию на этом историко-культурном уровне представляет, по сути, ряд вариантов одного, устойчивого в структурно-типологическом отношении наигрыша («Русского под песни», «Русского под пляску»), которые различаются лишь по принципу: «медленно» — «быстро». По нашим наблюдениям, такой характер соотношения функциональности и типологии музыкальных форм свидетельствует не об упрощении или деформации новгородской системы традиционных наигрышей, но о сохранности в гусельном ряду архаических форм музыкально-инструментальной культуры. <...>

Привлечение дополнительных источников (памятники древнерусской литературы, былины, сказки) позволяет предполагать возможность использования гуслей как инструмента, сопровождавшего развёрнутые формы *музыкально-поэтического повествования*. Предпосылки к утвердительному решению этого вопроса содержатся не только в косвенных данных по истории традиционной культуры, но и в оценке выразительных возможностей гуслей.

По всем направлениям исследования русских гуслей и гусельной игры мы обнаруживаем феноменологический характер их возникновения именно в связи с особенностями традиций восточнославянской музыкальной культуры в целом как принципиально единого образно-смыслового, языково-выразительного пространства — информационно-коммуникативной системы, в которой складывались и утверждались в многообразии местных, диалектных форм и способов реализации исходные представления о бытии, жизненно значимые интересы.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Этот «мотив» лежит в основе блестящей работы А. С. Фаминцына (одной из непревзойденных по глубине и масштабу культурно-исторической оценки гусельной традиции). См.: /Фаминцын А. С./ Гусли: русский народный инструмент. Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примерами А. С. Фаминцына. СПб., 1890.

Пример 1¹⁰¹

Заметки о репортажах¹⁰²

Для различения отдельных по видам и содержанию явлений устной речи, выходящих за рамки сложившихся, типологически определённых жанровых групп фольклора — «народной прозы» (сказки, былички, пословицы, поговорки, загадки, приметы, анекдоты), в нашей экспедиционной и систематизаторской практике используется ряд понятий-терминов («репортаж», «комментарий», «рассказ»), приобретающих в фольклористике особый характер и толкование.

Специфика «репортажа», отнесённого к области фольклорно-этнографической практики, состоит в предельно подробном и возможно точном сообщении-повествовании о происходивших в прошлом или происходящих в наши дни событиях (жизненных эпизодах, случаях, явлениях, процессах). В

¹⁰¹ «Горбатого». Наигрыш на гусях (10 струн). Псковская область, Красногородский район, Партизанский с/с, д. Блясино. Исп.: Тимофеев Тимофей Тихонович, 1917 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 14.07.1984. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1582-12. Расш.: Мехнецова К. А.

¹⁰² *Примеч сост.*: Незаконченный набросок статьи, которая имела подзаголовок «Для внутреннего пользования» и предназначалась сотрудникам и студентам как своего рода инструкция по расшифровке устной народной речи. А. М. Мехнецов всегда придавал очень большое значение записи словесных форм фольклора, рассказов о старинных календарных и семейных

качестве документального факта экспедиционной записи форма репортажа (как «отложенная во времени» информация) согласуется с целями, задачами, методами полевых исследований фольклорно-этнографического характера. Цель такого вида собирательской работы — попытка восстановления в научных интересах реальностей прошедшего времени с возможной их полнотой и достоверностью и на основе суммы устойчиво повторяющихся фактов. Здесь память носителей традиционной культуры, сохраняя в жизненной практике (соответственно законам традиционности, в изустном, наглядном порядке восприятия / воспроизведения) опыт многих поколений, служит нескончаемым источником всё новых и новых сведений, ведущих к постижению заповедных знаний, содержания и характера событий минувшей действительности, а вместе с тем — закономерностей исторической жизни форм народной культуры.

Надёжность таких сведений, их научный смысл устанавливаются с учётом образной природы и избирательных свойств памяти, так же как и с учётом индивидуальных особенностей восприятия тех или иных жизненных ситуаций и непосредственного к ним отношения самих рассказчиков, меры их исполнительского мастерства и воображения.

Среди общих оснований, относящихся к закономерностям народной традиционной культуры в целом и, в частности — к различным видам народной словесности, важное место занимают признаки *вариативности форм, способов и средств выражения* в рамках их типологической однородности. Одновременно, вместе с особенностями формообразования самостоятельных групп устной речи (предмет специального научного интереса) принципиальное значение приобретают свидетельства, указывающие на подвижность, изменчивость условий, обстоятельств (места, времени, образа действия) реализации культурного текста, на динамику и характер структурных преобразований этнокультурной традиции.

В большой степени качество репортажного материала зависит от характера целеполагающих принципов, навыков, опыта собирательской работы, которыми располагает исследователь, занимающий в сложившейся ситуации место «редактора», тогда как исполнитель (рассказчик), представляя в образно-эмоциональной форме событие прошлого, следуя логике, необходимой последовательности важных в смысловом отношении (с его точ-

обрядов, трудовых обычаев, о святых местах, повседневной и праздничной жизни, о ярмарках, гуляньях. Особой задачей он считал сохранение диалектных особенностей народной речи в книжных публикациях, рассчитанных на широкий круг читателей (без применения фонетической записи, известной только специалистам), а также передачу, по возможности, интонации рассказчика, его эмоций. При этом, А. М. Мехнецов считал недопустимой «перешифровку», когда становится непонятной корневая основа слова, фиксируются частные (иногда — дефектные) особенности произнесения. Материалы, которые автор планировал использовать в данной работе — это записи бесед со знатоками народных обычаев из экспедиционных коллекций по Псковской, Новгородской, Смоленской, Архангельской областям. Работа проходила в 2008 году и оказалась прерванной на начальном этапе. Публикуется по рукописи.

ки зрения) эпизодов традиционной жизни, выступает в роли «репортёра», «комментатора», «интерпретатора» и, подчиняясь нормам традиционности и принципам обобщения, типизации, восстанавливает содержательную сторону события.

«Комментарий» — пояснение, толкование отдельных сторон содержания конкретного фольклорно-этнографического текста, элементов его структуры, назначения, функций, обстоятельств предопределённости его приложения.

«Рассказ» — здесь имеется в виду не литературная форма повествования (авторский замысел, фабула, построение сюжетного ряда в динамике эмоционально-психологических состояний, комплекс приёмов и средств языка художественного выражения), а тематически выделенный, предметно направленный интерес к содержанию эпизодов, отдельных звеньев обрядово-праздничного круга в их назначении, к описанию жизненных ситуаций, семейных, общинных отношений, явлений необычного («чудеса», поверья, приметы), их понимание, интерпретация с точки зрения традиционных представлений, а также и объяснение деталей и подробностей технологического порядка трудовых процессов, привычных занятий.

Кроме того, группу «рассказов» фольклорно-этнографического характера объединяет система закономерностей устных форм выражения — эмоционально окрашенная речевая интонация, синтаксис, диалектное своеобразие лексики и морфологии народной речи.

Предложенная группировка выделенных здесь явлений речевой практики, с учётом особенностей их строя и примечательных свойств языка выражения (в том числе, подчёркнуто диалектных, историко-стилевых признаков), образует самостоятельную по содержанию сферу, возникающую (как уже было сказано) за пределами функционально осознанной системы художественных форм традиционной культуры, и обнаруживает не только естественную, практическую основу упорядоченности явлений народной жизни, но и присущий каждой из отмеченных групп комплекс специфических средств реализации. Вместе с тем, безусловно закономерными следует рассматривать и прямые (на уровне определённости содержания и непосредственности языка эмоционально-образного описания реальных событий) связи различных по способам организации речевых построений с системой жанров, видов и форм фольклора.

Достаточно представить необходимый (согласно традиционному жизненному укладу) порядок включения различных по своему назначению видов устной речи наряду с художественными (песенными, хореографическими и другими) формами в тот или иной, выделенный по смыслу эпизод обычного или особо значимого характера (см., например, типологически устойчивые ситуации: «посиделки», «вечёрки», «игровые формы», «застольный», «гостевой чин», ритуальные формы свадебного обряда и многое другое подобное), где устная речь (описательные, повествовательные эпизоды,

диалоги) служит одним из необходимых структурных элементов, относящихся непосредственно к содержанию конкретного события, воспроизводящего многопоколенный опыт, сосредоточенный в системе местной культурной традиции.

Слово произнесённое, «глаголемое» и слово «в чертах и резах» явленное, зримое, читаемое — различные формы, средства, способы выражения / восприятия сущего (настоящего или мыслимого, воображаемого, мнимого).

Оба вида выражения (устного и письменного) по отношению «один к другому» соотносимы и связаны на понятийном, предметном уровнях содержания отдельного жизненного положения (как самостоятельного текста) силой значения и роли слова, обращённого непосредственно к происходящему. Средоточием этой силы является осмысленное, членораздельное, речевое выражение, организующее совместимое в восприятии и толковании знаковой системы комплекса языковых средств произносимой и письменной форм изложения, их смысловое соответствие.

Здесь мы обращаем внимание на лексический, орфографический, фонетический, интонационно-ритмический, синтаксический ряды знаково-выразительных смыслонесущих элементов текста.

Одно из ведущих отличительных свойств устного высказывания, интонационного по своей природе, всегда предполагающего непосредственное, эмоционально окрашенное восприятие и имеющего характер диалога (свойство «диалогичности»), проявляется в единомоментности выражения, соединяющего в речевом потоке «чувство — мысль — намерение — слово» в подвижности (по ситуации) их значения, глубины и силы воздействия.

Письменная форма слова лишь частично воссоздаёт развёрнутый диапазон выразительных возможностей устной речи, но обладает при этом исключительной способностью преодоления временного барьера, пределов сохранения своих значений, включая и образно-смысловые категории, и фактологию событий своего времени в их изначальном состоянии (со времён рождения «письменных» знаково-выразительных систем). Чрезвычайно важно и то, что письменные формы выражения обладают свойством совершенствования, достигающего высших степеней искусства.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Об особенностях песенного стиля старожилов Томского Приобья¹

Традиции народно-песенного творчества русских в Сибири представляют собой малоисследованную область музыкальной фольклористики. Между тем, уже имеющиеся материалы по сибирскому фольклору дают основания к поискам ответа на ряд важных вопросов истории русской песни не только в Сибири, но и в других районах позднего (XVI–XVII века) расселения русских. В частности, вопросы формирования песенных традиций и стиля, занимая центральное место среди проблем сибирского музыкального фольклора, тесно соотносятся и с проблематикой фольклора районов Среднего и Нижнего Поволжья, южных и крайних северных районов России, Урала и других. Из широкого круга исследовательских задач, на решение которых опирается проблема формирования традиций музыкального творчества русских в Сибири, первостепенную важность имеют задачи выявления признаков местного песенного стиля, соотношения сибирских и русско-европейских фольклорных традиций, определения зависимости между складом традиции и комплексом предпосылок и условий её формирования.

В настоящей статье² даётся оценка стилевых особенностей песенной культуры, сложившейся на основе первоначального слоя фольклорных привнесений в районах Томского Приобья.³ Кроме того, предпринята попытка установления некоторых сторон самого процесса образования фольклорных традиций указанного региона.

¹ Мехнецов А. М. Об особенностях песенного стиля старожилов Томского Приобья // Музыкальная фольклористика. М.: Сов. композитор, 1978. Вып. 2. С. 158–179. *Примеч. сост.*: Нотные примеры дополнены паспортными сведениями, отсутствующими в тексте статьи.

² В основу статьи положены результаты анализа материалов фольклорных экспедиций, предпринятых автором в 1966–1972 годах в различные районы Западной Сибири и главным образом – в Томскую область и в Тобольский район Тюменской области. В экспедициях было обследовано около 200 населённых пунктов и записано на магнитофонную ленту 1500 напевов и инструментальных наигрышей. Среди них имеется 285 свадебных, 480 хороводных, 580 лирических песен, а также песни календарные, бытовые, частушки и наигрыши на различных инструментах. В исполнении принимали участие свыше 700 человек.

Примеч. сост.: См. также: Мехнецов А. М. Хороводные песни, записанные в Томской области (Песни Томского Приобья) / Зап., нотация, сост., предисл. и примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. – 78 с.: нот.

³ К Томскому Приобью относится обширная территория, охватывающая кроме приобских районов Томской области при устье Томи, пограничные с Томской областью поречные (по Оби и Томи) районы Кемеровской и Новосибирской областей, имеющие исторически сложившиеся экономические и культурные связи с Томском.

Характерной чертой современного состояния народной музыкальной культуры Томского Приобья является необычайное многообразие стилистически неоднородных песенных традиций, пестрота и неопределённость размещения ареалов отдельных фольклорных явлений. Такое общее состояние музыкального фольклора находится в прямой зависимости от особенностей процесса заселения края — от неравномерности его в хронологическом отношении, различной интенсивности и направления переселенческих потоков и другого. Вследствие этих причин на территории исследуемого района Сибири сложились различные историко-культурные группы русского населения, музыкальный быт которых и характер песенных традиций в целом значительно отличаются друг от друга. Рассматривая местные песенные традиции в обусловленности их формирования историко-этнографическими и другого рода предпосылками, оказывается возможным проследить по крайней мере два основных музыкально-этнографических слоя: старожильский (фольклорные традиции в поселениях XVII—XVIII веков) и новосельческий (фольклорные традиции в поселениях второй половины XIX — начала XX века). Кроме того, в ряде поселений XIX века бытуют песенные традиции, которые условно можно определить как традиции смешанного или переходного типа.

Уже предварительный анализ экспедиционных материалов даёт возможность отметить наиболее существенные черты общей картины музыкального быта поселений каждого музыкально-этнографического слоя. Так, в старожильческих поселениях достаточно однородный по жанрам и по сюжетам песенный фольклор отличает и значительная общность стилевых признаков. Напротив, песенные традиции новосельческой культуры, сохраняя в неизменной форме особенности фольклора тех мест, откуда ведут своё происхождение отдельные компактные группы переселенцев конца XIX — начала XX века, бытуют лишь как локальные очаги переселенческого фольклора. В группе поселений, где бытуют традиции, как мы условно назвали, смешанного или переходного типа, можно наблюдать интересные явления разной степени трансформации первоначальных фольклорных привнесений в сторону сближения их (и по составу жанров, и по стилистическим признакам) с традициями старожильского слоя. Вместе с тем, для песенной культуры довольно большой группы сёл с неоднородной этнокультурной характеристикой, в силу специфических условий образования этих сёл или факторов их последующего социально-экономического развития, характерны тенденции к разрушению ведущих жанров традиционного крестьянского фольклора, неустойчивость в принадлежности к какому-либо одному музыкально-этнографическому слою, стилистическая разнородность.

Естественно, что проблемы первоначального формирования музыкально-поэтических традиций края, выявления стилистических признаков, отличающих сибирский склад русских песен, в большой мере связаны с исследованием старожильского музыкально-этнографического комплекса.

Многочисленные данные историко-этнографического характера указывают на преобладающее значение в ранний период освоения Сибири переселенческих потоков из северных губерний Русского государства – из бывших Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской.⁴ Это даёт основания предполагать существование тесных связей старожильской культуры с традициями севернорусских областей.⁵ Вместе с тем, в сложном процессе формирования традиций и стиля песен Томского Приобья важную роль играли и фольклорные привнесения из других областей европейской части России, в частности – из южных областей, районов поселения казачества.

Специфика образования первоначального фольклорного слоя, так же как и комплекс условий его последующего развития, нашли отражение в особенностях песенных традиций отдельных групп старожильческих поселе-

⁴ Так, например, в царском указе 1606 года томским письменным головам М. Ржевскому и С. Бартеневу говорится: «... и велети пашенных и посадских людей призвати и с Перми и с Вятки и с Солей Вычегодских на льготу охочих людей... чтобы в Сибирских городех посад наполнити и на пашню людей назвати... а будет из ратных и ис плотников и ис тех ис посошных, которые... похотят в Томский город в пашенные люди, и им тех людей примати, на подмогу им давати... и сажати на пашню» (цит. по работе: *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского гос. ун-та. Томск, 1950. Т. 122. С. 123). О массовом самовольном переселении крестьян из северных районов России в одной из грамот около 1646 года сказано: «...Государю ведомо учинилось, что с Руси с поморских городов: с Устюга Великого, с Соли Вычегодской, из Перми, с Вятки, с Кевроли, с Мезени и из иных русских городов, с посадов и уездов сошли в Сибирь посадские и многие крестьяне от хлебного недороду и бедности – с женами и детьми с своих тяглых жеребьев и начали жить в Сибирских городех и уездах» (цит. по кн.: *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне – насельники Томского края. Томск, 1898. С. 7).

Интересно замечание о происхождении первопоселенцев в Сибири, сделанное более ста лет назад Н.С.Шукиным: «В любом сибирском городе или деревне спросите у стариков: откуда пришли их деды? Вам укажут на Архангельск, Вологду, Тотьму, Устюг и другие северные города. Подобно тому, в Вологде и теперь каждого скоробогатого называют Сибиряком» (см.: *Шукин Н. С.* Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 383).

⁵ О преимущественной роли севернорусских традиций в процессе формирования старожильской культуры свидетельствует, например, и тот факт, что уже П. А. Словцов, С. И. Гуляев и В. И. Даль, рассматривая особенности говора сибиряков-старожилов, отмечали его прямое родство с господствующим на севере «низким», окающим говором, в отличие от говора «свысока», преобладающего к югу от Москвы. П. А. Словцов же в своём «Историческом обозрении» даёт следующее заключение: «Сибирский говор есть говор Устюжский, подражатель Новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все Устюжанами и их собратией, говорившею тем же наречием» (*Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 78).

В пользу сибирских и севернорусских историко-этнографических связей можно привести, в частности, и замечание Д. Н. Беликова по поводу старожильского народного календаря: «Доселе крестьяне Томского и Кузнецкого округов высоко чтут праздник 8 июля. Они чтут его не потому, что это праздник Казанской иконы Божьей Матери, а потому, что то Прокопьев день, т. е. день преподобного Прокопия Устюжского, считающегося покровителем всего Вологодского края» (см.: *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне ... С. 8).

ний.⁶ Однако частные признаки своеобразия музыкального фольклора того или иного села или группы поселений, представляя несомненный интерес для исследования закономерностей формирования традиций русско-сибирского склада, тем не менее не нарушают ведущей, самой существенной черты старожильской песенной культуры в целом – замечательной стилевой общности, единства всей системы принципов музыкально-поэтического творчества. Эта черта проявляется в характеристике различных сторон старожильского фольклора – в значении отдельных песенных жанров и в их сюжете, в формах бытования и исполнительских приёмах, а также в особенностях ладо-интонационного строения, приёмах формообразования и характере многоголосия томских песен.

Признаки общности, единства традиции удобно проследить на примере хороводных песен – жанра, вобравшего в себя наиболее существенные, типичные черты песенной культуры старожилов Томского Приобья.

Чтобы представить значение хороводных песен в быту сибирской деревни, сошлёмся на замечание С. И. Гуляева, который писал о хороводах бывшего Горного округа Колывано-Воскресенских заводов: «Представляемые мною песни известны почти всей массе обитателей горного округа, тесно сроднены с их памятью, повсюду и всегда [подчёркнуто С. И. Гуляевым. – А. М.] участвуют в лучших мгновениях жизни тамошней».⁷ Необычайная популярность и исключительное значение хороводных песен в жизни старожильческих поселений находят выражение в богато развитой традиции хороводов и объясняют хорошую сохранность жанра. Достаточно сказать, что в материалах фольклорных экспедиций хороводным песням принадлежит почти треть всех фонозаписей. Причём, в их числе – устойчивые варианты песен, записанных ещё в 1830-х годах («Сидит олень под кустиком», «Венчик ты мой», «Чёрна ягодка смородинка» и другие).

Значение «хороводных игр» (святочных вечёрок, весенних игр и хороводов) далеко не исчерпывалось собственно игровым их содержанием – хороводные песни составляли естественную часть наиболее важных событий деревенской жизни. Встречаются, например, упоминания о вечёрках, приуроченных к «свадебной игре» (на девишник), о вечёрках на помочах. Вполне

⁶ По нашим наблюдениям, в исследуемом районе можно выделить:

- группа поселений при Оби от села Кругликова до Новотроицкого (Сафроново, Кожевниковский район) – условно называемая Вороновская группа;
- Шегарская, или Маркеловская группа (Шегарский район);
- Усть-Томская – сёла при устье Томи. К этой группе относятся и сёла по реке Порос, а также сёла вниз по Оби до села Кривошеина;
- Окологородная – в округе г. Томска по правому берегу Томи;
- Томь-Сосновская – в округе Сосновского Острога при устье реки Сосновки.

Кроме перечисленных здесь групп, следует выделить старожильские поселения по Московско-Иркутскому тракту к востоку от Томска и Нарымскую группу сёл.

⁷ Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. СПб., 1839. Т. 3. Раздел 8. С. 57.

очевидна и тесная связь хороводов с обрядами календарно-земледельческого круга. Причём, эта связь оказывается тем более определённой, что в старожильческих сёлах совершенно отсутствует цикл собственно календарно-обрядовых песен, но существует строгая приуроченность хороводных песен к различным периодам крестьянского календаря.⁸

Несомненно, что отдельным внутрижанровым разновидностям хороводных песен свойственны различные стилистические оттенки, выражающиеся в особенностях содержания, характере напевов и преимущественном значении для данного вида тех или иных элементов стиля. Так, в частности, различная предназначённость зимних вечерочных («святочных») и весенне-летних ходовых, круговых песен соответствует различной динамике их сюжетного развития и формам музыкально-поэтической строфы.

Для сюжетов вечерочных песен, игровая суть которых заключалась в «припевании» молодца к девушке (или наоборот) с непременно поцелуем в завершении, более характерна динамическая последовательность ряда действий и положений, в чём легко убедиться, если сравнить, например, вечерочную песню «У нас молодцы хорошенькие» с весенней круговой «Ох, да в нас по морю»:

- а) «У нас молодцы хорошенькие, да
Сертуки у них коротенькие,
Они бьются, колотятся, да
У ворот убиваются:
“Кто бы, кто бы нам воротушки открыл, да
Кто бы, кто бы ночевать пригласил”.
Одна девушка удобрилася, да
Для сироточки промолвилася.
Пригласила сиротинку ночевать, да
Приказала красных девок целовать».
- б) «Ох, да в нас по морю,
В нас по морю, морю си... синему,
В нас по морю, морю синему.
Ох, да по синему,
По синему, по Волынскому,
По синему, по Волынскому.
Ох, да плывёт лебедь,
Плывёт лебедь с лебедятами,
Плывёт лебедь с лебедятами.

⁸ С. И. Гуляев писал по поводу приуроченности сибирских хороводных песен: «Лету и зиме присвоены особенные круговые песни... Некоторые из этих песен поются преимущественно зимою, то есть с Рождества до Масляницы, и большею частью на святках, почему и называются святочными; иные весною и летом на улицах» (*Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90. С. 60–63*).

Ох, с малыми, со,
Ох, с малыми со дитятами,
Ох, с малыми со дитятами...» и т. д.

Наряду с динамическим развитием сюжета, для вечерочных песен характерны простые формы напева — как правило, структуры типа «вопрос — ответ». Кроме того, к особенностям, выделяющим группу вечерочных среди других видов хороводных песен, следует отнести и традицию исполнения текстов на один напев-формулу (об этом же свидетельствуют высказывания исполнителей: «вечерочная — век на один голос» или «сколько я знаю вечерочных — всё на один мотив»).

Динамическое развитие песенного сюжета, простые формы музыкально-поэтической строфы характерны и для части круговых песен весенне-летнего периода, главным образом для круговых, сопровождаемых игрой, а также и для песен собственно игровых.

В отличие от вечерочных, особенности композиции весенне-летних ходовых песен, соответствующие их назначению (лирическое высказывание как обязательный элемент весенней обрядности) и характеру хореографического оформления (ходить «верёвочкой», «долгим» и «косым» кругом и так далее), выражаются в развёрнутом изложении сюжета, сложных построениях напева и поэтической строфы. Эти черты, как и вообще характерный для весенне-летних ходовых песен широкий внутрислоговой распев, спокойный, а порой и медленный темп сближают ходовые песни с протяжными лирическими.⁹ На близость к протяжным лирическим указывает и чётко выраженная строфичность напевов хороводных песен, подчёркнутая использованием особых приёмов кадансирования. Обращает на себя внимание также то, что среди многообразных форм хороводных песен в старожильской традиции совершенно отсутствуют слитные «бескадансовые» формы, формы без чёткой, подчёркнутой устойчивым кадансом цезуры между концом одной и началом другой строки напева. На наш взгляд, это явление весьма значительное. Оно позволяет предположить, что в процессе формирования старожильской песенности указанная специфика строфического строения была одним из принципов композиции хороводных песен.

К характерным признакам композиции томских хороводных песен относится построение напева без традиционного в хороводах припева-формулы типа «люли-люли», «Дунай мой, Дунай» и тому подобных. Такие типовые припевы в старожильской традиции встречаются лишь как исключение. И в частности, среди хороводных песен с припевом «Ай, люли-люли», записанных в районах Томского Приобья, только песня «Как у ключика» в полной мере относится к старожильской традиции и имеет широкое распространение, тогда как остальные, единичные записи песен с типовым припевом

⁹ Не случайно поэтому в сибирских сёлах некоторые лирические песни приурочены к весенним хороводным играм и бытуют как хороводные.

следует рассматривать как особые случаи позднейших стилистических наслоений («Собирайтесь, девки, в круг», «У нас семь молодцов» – в варианте из села Варюхина).

Характеристика форм музыкально-поэтической строфы и соотношения поэтического текста с напевом в хороводных песнях старожильческой традиции представляет сложный комплекс вопросов и служит автору темой специального исследования. Ограничиваясь здесь определением лишь самых общих признаков строения хороводных песен, отметим, что среди различных композиционных форм сочетания напева и текста в музыкально-поэтической строфе по своему значению выделяются следующие:

$$1) \text{ для вечерочных песен} - \frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a b}{a b} + \frac{a b}{b c} + \frac{a b}{c d}$$

Пример 1¹⁰

♩=86

1. Бе - жал, бе - жал конь по
2. Си - не гри - вый конь по
3. Со - вер - нул - ся у нас

бе - - - реж - ку, да
кру - - - тень - ко - му, да
па - рень со ко - ня, да

си - не гри - вый конь по
со - вер - нул - ся у нас
пря - мо в де - ви - цы ши -

кру - (у) - тень - ко - му.
па - рень со ко - ня.
ро - ко - го дво - ра.

¹⁰ «Бежал, бежал конь по бережку». Вечерочная песня. Кемеровская обл., Яшкинский р-н, с. Корчуганово. Исп.: Зайцева Ф. И., Корчуганова У. Н., 70 лет, Корчуганова Е. И., 59 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 02.07.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-54. Расш.: Мехнецов А. М. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 38.

2) для ходовых и круговых песен
весенне-летнего периода —

$$\frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a b b_1}{a b b}$$

Пример 2¹¹

Со - би - ра - ли - ся,
со - би - ра - (а) - ли - ся,
со - би - ра - ли - ся де - в(ы) - ки в(ы) ле - с(ы)
по - гу - лять, со - би - ра - ли - ся
де - в(ы) - ки в(ы) ле - с(ы) по - гу - лять.

3) для части игровых и весенне-
летних круговых песен —

$$\frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a a b b_1}{a a b b}$$

Пример 3¹²

Ой, да ли во тю - рём - ке,

¹¹ «Собирались девки в лес погулять». Весенняя круговая песня. Томская обл., Кожевниковский р-н, с. Сафроново (Новотроицкое). Исп.: Коробкова А. А., 49 лет, Иванова У. А., 69 лет, Андреева Т. И., 55 лет, Андреева В. Я., 69 лет, Цыкунова Е. Н., 54 года, Васильев Н. Ф., 62 года. Зап.: Мехнецов А. М. 29.07.1971. Личный архив А. М. Мехнецова, 1971-25. Расш.: Мехнецов А. М. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 3.

¹² «Ой, да ли во тюремке». Вечерняя песня. Кемеровская обл., Юргинский р-н, с. Варюхино. Исп.: Бобарыкина Л. В., 70 лет, Доронкина З. И., 52 года, Третьякова В. Ф., 60 лет, Никулина К. А., 54 года, Редченко М. Ф., 56 лет, Кинозёрова О. А., 45 лет, Хомич Е. С., 33 года, Понтанько К. Г., 38 лет, Чернышева П. Н., 49 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 25.07.1968. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-189. Расш.: Мехнецов А. М. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 34.

эй, да ли во тво - рём - ке,
во тво - рём - ке бы - ли дос - ки то - н(ы) - ки,
во тво - рём - ке бы - ли дос - ки то - н(ы) - ки.

Однако особые признаки отдельных видов хороводных песен, обусловленные спецификой их бытовой (игровой) функции, различной приуроченностью и способами исполнения,¹³ входят в общий, определённый их жанровой принадлежностью комплекс средств и приёмов, характерных для стиля хороводных песен старожильческой традиции.

Одна из наиболее примечательных сторон этого стиля проявляется в типологических признаках ладо- и ритмо-интонационного построения напевов. К таким типологическим образованиям мы относим устойчивые (в разных песнях) формы отдельных мелодических оборотов, имеющих закреплённое место и функции в архитектонике напева, способы их соотношения между собой и другими элементами музыкально-поэтической формы песни в целом. Определяя в конечном итоге особенности общего рисунка напева, подобные образования оказываются ведущей характеристикой, опознавательным признаком тех или иных мелодических образцов хороводных песен. Достаточно ярко типологические черты представлены в рассматриваемом ниже ладоинтонационном складе напевов, представляющем один из основных мелодических типов старожильческих хороводных песен.

Возьмём для примера вариант широко распространённой в районах Томского Приобья вечерочной песни «Ты шкатулочка, шкатулочка моя»:

Пример 4¹⁴

Ты шка - ту - лыч - ка, шка - ту - лыч -

¹³ Так, например, если сценой для весенних хороводов служат деревенская улица, луг или берег реки, где собирается вся здешняя молодёжь (а на съезжих праздниках — и молодёжь из других деревень, близких и дальних), то вечерочные песни поются в избе и довольно ограниченным кругом исполнителей.

¹⁴ «Ты шкатулычка, шкатулычка моя». Вечерочная песня. Кемеровская обл., Яшкинский р-н, с. Усть-Сосновка. Исп.: Кашина А. В., 66 лет, Килина А. А., 61 год. Зап.: Мехнецов А. М. 28.06.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-36. Расш.: Мехнецов А. М.

ка мо - я, да шка - ту - лыч - ка

но - во - бро - н(ы) - зы - ва - я.

Здесь очевидно, что эмоционально-образная сущность мелодического построения первого раздела формы (1–6 такты) связана с динамичностью нисходящего квинтового оборота, ярким сопоставлением крайних тонов и подчёркнутой опорностью на тон *до*, роль которого в организации мелодического движения¹⁵ представляется убедительной – именно к нему направлена энергия этого движения. Бесспорной, на наш взгляд, является оценка и самого поступенного нисходящего движения в квинте как типового мелодического оборота, занимающего по своему значению (так же, как и выразительное сопоставление крайних тонов квинты) место центрального интонационного тезиса начального раздела напева. Причём, его мелодический контур и функция сохраняются при всём многообразии интонационно-ритмического оформления начального раздела напевов рассматриваемого типа, в том числе и тогда, когда подготовка и движение к основному опорному тону раздела бывают значительно расширенными, либо, наоборот, предельно сжатыми, лаконичными. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить ряд начальных построений напевов старожильческих хороводных песен (см. пример 5)¹⁶.

¹⁵ При определении формы мелодического движения в хороводных песнях Томского Приобья имеются в виду главным образом особенности движения нижнего голоса хоровой партитуры, поскольку в силу сложившейся здесь традиции основная звучащая масса располагается в партии нижнего голоса. Нижний голос выполняет роль ведущего, основы интонирования, на нём сосредоточена большая интонационно-смысловая нагрузка.

¹⁶ *Примеч. сост.:* В примере 5 автор приводит соответствующие такты из песен: «Ворота были незапертые» (Томская обл., Томский р-н, с. Лучаново. Личный архив А. М. Мехнецова, 1970-51); «Я могу-то, могу по горенке ходить» (Кемеровская обл., Яшкинский р-н, д. Усть-Сосновка. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-34); «Собирались девки в лес погулять» (Томская обл., Кожевниковский р-н, д. Сафроново (Новотроицкое). Личный архив А. М. Мехнецова, 1971-25. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 3); «Наша вдовушка прибранчита была» (Кемеровская обл., Юргинский р-н, с. Варюхино. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-188); «Чёрная ягода смородинка» (сведения автор не указал); «У нас молодцы хорошенькие» (Томская обл., Томский р-н, с. Верхне-Сеченово. Личный архив А. М. Мехнецова 1968-144. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 33); «Пошли-то девки, да ли пошли» (Кемеровская обл., Юргинский р-н, с. Варюхино. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-193. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 2); «Всё пошли девки, всё ли пошли» (сведения автор не указал); «Синее море да сколыбалось» (Томская обл., Асиновский р-н, с. Воронина Пашня. Личный архив А. М. Мехнецова, 1967-98. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 8).

Пример 5

Во - ро - та бы - ли не за - пер - ты - е...
 Я мо - гу - то, мо - гу по го - рен - ке хо - дить...
 Со - би - ра - ли - ся, со - би - ра - (а) - ли - ся...
 На - ша вло - вуш - ка при - бран - чи - та бы - ла...
 Чёр - на я - го - да смо - ро - дин - ка...
 У нас мо - лод - цы хо - ро - шень - ки - е...
 Шли - то дев - ки, да ли по - шли. Э...
 Всё по - шла дев - ка, да всё по - шла...
 Си - не - е мо - ре...

Такая интонационная форма начального раздела, являясь неременной в напевах данного типа, встречается, и довольно часто, в других ладо-интонационных структурах хороводных песен. В плане определения признаков стилиевой однородности жанра (и традиции в целом) это обстоятельство оказывается одним из важных фактов, подчёркивающих образование в старожильческих песнях типовых мелодических построений.

Признаком, в большей мере, чем интонационный склад первого раздела, определяющим принадлежность напева к рассматриваемому нами ладо-интонационному типу, служат характерные черты второго раздела (такты 7–10 в примерах 1, 4, 6). Особенности его мелодического рисунка определяются общим нисходящим движением от центрального тона первого раздела (тона *до*) к нижнему опорному тону напева — *соль* (см. пример 6).¹⁷

Опорный тон *соль* вместе с предшествующим ему нисходящим мелодическим движением образует сдвиг на новый по отношению к первому разделу интонационный уровень. Возникающее вследствие этого сложное соотношение двух интонационных сфер и представляет собой особенность ладовой системы хороводных песен данного типа.

С точки зрения мелодического развития наиболее насыщенными моментами такой системы оказываются моменты максимального выражения функциональной значимости опорных тонов:

- момент, фиксирующий опорный тон как итог предшествующего мелодического движения, и разрешающий напряжённость этого движения;
- моменты сопряжения двух интонационных сфер между разделами формы, между строфами.

Сложная смысловая нагрузка на опорные тоны каждого раздела обуславливает их двусмысленность. В первом случае проявляется основная функция опорного тона, когда этот тон становится интонационно-ритмическим центром мелодического комплекса (напева в целом или одной из его частей). Во втором случае действует переменная функция — в интонационной сфере, прилегающей к данному типу, возникают мелодические связи, меняющие

¹⁷ *Примеч. сост.:* В примере 6 автор приводит соответствующие такты из песен: «У нас молодцы хорошенькие» (Томская обл., Томский р-н, с. Верхне-Сеченово. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-144. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 33); «Наша вдовушка прибранчита была» (Кемеровская обл., Юргинский р-н, с. Варюхино. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-188); «Невеличка птичка-ласточка» (Томская обл., Томский р-н, с. Подломск. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-71); «Мне сказали да девки: лён не улежал» (Кемеровская обл., Яшкинский р-н, с. Соломатово. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-47. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 37); «В хороводе были мы» (Томская обл., Томский р-н, с. Кудрово. Личный архив А. М. Мехнецова, 1970-42. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 14); «Я качу кольцо» (Томская обл., Томский р-н, с. Петухово. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-90. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 28); «У нас молодцы хорошенькие» (Кемеровская обл., Яшкинский р-н, с. Косогорово. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-55); «Пошли девки в лес по ягоды гулять» (Томская обл., Асиновский р-н, с. Воронина Пашня». Личный архив А. М. Мехнецова, 1967-100).

Пример 6

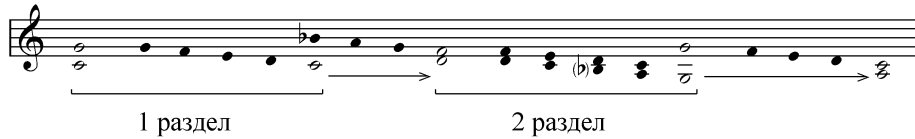
$\text{♩} = 70$

У нас мо - лод - цы хо - ро - шень - ки - е, да
 сюр - туч ки у них ко - ро - тень - ки - е.
 ...при сво - ём брат - це ско - лы...
 ...че - рез мо - ре пе - ре - лё...
 ...[не уле]жал, да не с по той...
 ...ой, бы - ли мы, бы...
 ...ви - то зо... зо - ло - то...
 ...[же]нить - ся хо - тят, все...
 ...по - шли дев - ки в лес за я...

направленность своего развития к этому тону, а сам он становится условием образования новой интонационной сферы, нового тоникального уровня. Если выразить схематически структуру мелодического движения к опорным тонам представленных выше разделов напева, то мы найдём, что при обычной для старожильческих хороводных песен кварто-секундовой переменности в первом разделе возникает мелодический ход *си бемоль – ля – соль – фа*, предполагающий смену опорности *до – фа* или *до – ре*. Точно так же во вто-

ром разделе, при движении к тону *соль*, мелодическое образование *фа — ми — ре — до* связано с переменностью тонов *соль — до* или *соль — ля*.

Пример 7

Эта переменность часто выражается лишь «на расстоянии», то есть при соотношении второго раздела строфы напева с начальным построением последующей строфы. Такие мелодические последования, подобные характерным оборотам миксолидийского и дорийского ладов, как и сама форма соотношения опорных тонов и интонационных комплексов в общем мелодическом движении, являются типовыми признаками политональной ладо-интонационной системы рассматриваемой группы хороводных песен.

Одна из особенностей представленного ладо-интонационного типа заключается и в строго закреплённых способах окончания строфы напева — в характере соотношения главных тонов основных разделов с конечным тоном. Высотное положение конечного тона, его отношение к предыдущему и последующему мелодическому построению, играя важную роль в общей эмоциональной окраске напева, определяет и его ладо-тональную характеристику, и общий мелодический рельеф песни при её исполнении от первой до последней строфы. В зависимости от положения конечного тона по отношению к опорным тонам основных мелодических построений можно различить две группы песен:

- с окончанием на основном тоне второго раздела (на тоне *соль*);
- с возвращением в заключении напева к основному тону первого раздела (к тону *до*).

Пример 8

а)

б)

Как показывают экспедиционные материалы, приведённые два вида окончаний, организуя цезуры разной степени эмоционально-смысловой окраски и напряжённости, также относятся к разряду типовых признаков старожиль-

Пример 9

а)

...сколы - ба (а) - ло ся.
 ...бы - ли дос - ки то (о) - н(ы) - ки.
 ...по кру - тень - ко - му.
 ...ве - ли - ко го(й) - о - ря.
 ...бы - ли дос - ки то н(ы) - ки.

б)

...стой, не рас - хо - ди - ся.
 ...женит - ся, ко - го су - дарь бе - рёт.
 ...все же - нить - ся хо - тят.

ческих хороводных песен.¹⁸ Следует обратить внимание и на то, что каждой из названных групп оказываются присущи различные, с точки зрения композиционного строения, формы напевов. В песнях первой группы (с окончанием на тоне *соль*) преобладающее значение имеют формы типа «ав», тогда как песни второй группы (с тоном *до* в окончании) отличает форма «авв₁». Тот факт, что преобладание той или иной композиционной формы устанавливается в связи с особенностями ладо-интонационного строения напевов, позволяет говорить о существовании зависимости между этими характеристиками.

¹⁸ В небольшой группе песен рассматриваемого ладо-интонационного типа встречается окончание на тоне *ля* (см. пример б).

Определение указанных выше двух видов окончаний как типовых приёмов кадансирования уже выводит нас за пределы характеристики песен только данной ладо-интонационной формы и помогает установить общие для старожильческой традиции хороводных песен приёмы подготовки конечного тона и организации цезуры. В связи с этим необходимо отметить исключительно важную в композиционной структуре и в музыкальной драматургии песни в целом роль кадансов (заключительных и промежуточных). Здесь имеется в виду расчленённость структуры музыкальной строфы на отдельные мелодические построения. Остановки мелодического движения различной смысловой насыщенности и степени напряжённости, создающие более или менее значительные цезуры между фразами, между попевками, — характерная черта песенного стиля старожиллов. Как способ организации изложения музыкально-поэтического содержания такая расчленённость напева основана на выразительности сопоставления в общем мелодическом движении отдельных интонационно-ритмических построений. Отражая один из общих признаков стиля старожильческой песенной традиции (см. выше — о строфичности в хороводных песнях), приёмы членения напева вместе с тем носят и черты жанровой определённости, в пределах которой можно наблюдать их устойчивые, типовые формы.

Среди способов образования цезуры в хороводных песнях отметим некоторые типические признаки. Уже в приведённых примерах, где отмечались особенности отношения конечного тона к опорным тонам основных разделов напева (см. пример 8), совершенно чётко выявляются и две разновидности мелодической формы заключительного каданса. Анализ показывает, что эти формы образуют типологические ряды (см. пример 9).

Интонационно-ритмические особенности каждого ряда достаточно выразительны и наглядны. Чтобы полнее представить их значение как типовых приёмов формообразования, обратим внимание на следующее. При неизменности своей основной мелодической формы некоторые виды этих кадансов могут выступать не только в завершающей строфу роли, но и в качестве промежуточного каданса — оборота интонационно-ритмической подготовки опорного тона в середине напева или даже в его начале. Так, например, в песне «Я пойду-то с горя» ритмически чётко организованная мелодико-гармоническая форма заключительного оборота, подчёркивающая смысловое значение конечного тона *до*, использована и в середине напева, но уже при утверждении нижнего опорного тона *соль* (см. пример 10).

Таким образом, устойчивые мелодико-ритмические формы кадансирования также входят в систему характерных признаков хороводных песен старожильческой традиции.

Суммируя изложенные наблюдения над стилем хороводных песен, необходимо отметить, что в общей оценке песенной культуры старожиллов уже сама по себе возможность выявления типовых элементов стиля, и более того — мелодических типов песен, приобретает важное, принципиальное значение.

Пример 10¹⁹

Музыкальный пример 10¹⁹ представляет собой вокальную мелодию с русскими текстами. Мелодия записана на нотном стане с ключом 4/4 и темпом ♩=92. Текст песни: «Я пойду - то с го - ря да во чис - то, во чис - то по - ле, ох, и во чис - ты - м(ы) - то по - ле, да во чис - тё... во чис - тё - шень - ком.»

Группировка в типологические ряды признаков композиционного и ладоинтонационного строения хороводных песен, а также оставшиеся за пределами статьи материалы типологического анализа свадебных песен позволяют утверждать, что старожильческий музыкальный фольклор в современном своём состоянии представляет единую в стилистическом отношении песенную культуру.

Возможность этого вывода заключается в том, что рассматриваемый нами стиль не является исключительной особенностью старожилов только Томского Приобья, а выходит далеко за пределы данного района Сибири. Материалы наших экспедиций в Тобольский район, Приобские районы Тюменской области, на Алтай, сравнение этих материалов с публикациями песен Красноярского края дают основания говорить о сопоставимости старожильческого фольклора названных районов Сибири как явлений одного порядка. Поэтому вывод о стилистическом единстве может оказаться одним из центральных положений при постановке проблемы образования русско-сибирских песенных традиций.

Действительно, определение направления и содержания этого процесса в целом находится в тесной связи именно с исследованием вопроса о возникновении общности стиля старожильческих песен, поскольку факт стилиевой однородности, характеризующий конечную стадию образования тради-

¹⁹ «Я пойду-то с горя». Весенняя ходовая песня, пели на Троицу. Томская обл., Шегарский р-н, с. Трубочево. Исп.: Иванова П. С., 74 года, Шанова А. И., 62 года, Важенина А. Я., 60 лет, Важенина Ф. А., 80 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 13.06.1967. Личный архив А. М. Мехнецова, 1967-262. Расш.: Мехнецов А. М. Хороводные песни, записанные в Томской области... № 4.

ции, даёт возможность предположить соотношение начального и конечного этапов истории русской песни в Сибири, то есть восстановить общую схему процесса. Так, если установленное единство, рассматриваемое как качество производное, относится к раннему периоду истории музыкальной культуры русских в Сибири (ко времени образования первичного слоя разнородных фольклорных привнесений), то весь процесс представляется историческим актом формирования единых принципов музыкально-поэтического мышления сибиряков-старожилов на основе трансформации стиля фольклорных традиций первичного слоя.

С другой стороны, факт стилистического единства может служить свидетельством того, что процесс образования типических признаков старожильской песенной культуры проходил в русле сохранности некоторого начально данного однородного качества, то есть, что это единство, как комплекс родовых признаков, было обусловлено спецификой самой начальной стадии процесса, допустим, — преобладающим значением одной из привнесённых традиций, составляющих фольклорный фон сибирской деревни XVII—XVIII веков. При такой направленности в основе процесса — не просто статистическая форма сохранности, консервации признаков начально данного единства, а смена значения этих признаков: от характеристики частного (данная привнесённая традиция) в сторону переосмысления их в новом, более важном для них качестве — в значении типологических признаков нового стиля.

Характеризуя общую направленность процесса формирования старожильской песенной культуры, нужно учитывать и тот факт, что средства музыкально-поэтической выразительности, образующие особый сибирский строй русских песен, не имеют каких-либо принципиальных отличий от системы средств и приёмов, сложившейся в традициях различных областей европейской части России. Это означает, что к моменту образования в Сибири русского оседлого населения основные черты интонационного словаря русской песни уже сложились в фольклоре областей коренного русского населения.

Выделяя в сложной, многоплановой структуре процесса формирования песенной культуры две, на наш взгляд, основные тенденции — трансформацию и сохранность, — ведущие к формированию единой в стилевом отношении традиции старожилов, мы не имеем ещё возможности судить в достаточной степени определённо о характере конкретных форм этих тенденций. Решение этой задачи опирается на необходимость проведения сравнительного анализа русско-сибирских и русско-европейских фольклорных традиций. Не ясен также вопрос о том, какую роль отмеченные тенденции играли на разных этапах. Тем не менее, исходя из факта единства стиля старожильческих песен, мы можем предполагать, что в процессе формирования песенной традиции (кроме обусловленности возникновения такого единства комплексом специфических требований быта и музыкальной практики поселенцев раннего периода сибирской истории) нашли выражение и общие закономерности нового этапа развития русской культуры XVII—XVIII веков.

В свете этих закономерностей оценка и самого процесса образования песенных традиций в Сибири, и его результатов приобретает смысл фиксации нового уровня в истории русской песни — этапа выявления средств музыкально-поэтической выразительности, обладающих свойством типического, обобщающих разнохарактерное в локальных культурах областей коренного русского заселения, и в этом качестве выступающих в значении элементов общерусского песенного стиля или, говоря условно, реализующих «сибирский вариант» общерусского стиля.

Свадебный фольклор Томского Приобья²⁰

Основная черта музыкального фольклора районов Томского Приобья²¹ заключается в многообразии разнохарактерных традиций и стилей. Это явление обусловлено сложным процессом формирования различных историко-культурных групп русского населения края. Наиболее заметно это многообразие сказывается при сопоставлении песен свадебного цикла, относящихся к традициям основных историко-этнографических слоёв фольклора Томского Приобья — старожильческого и новосельческого.

В традициях крестьянской свадьбы *новосельческого* слоя (поселения конца XIX — начала XX века) можно различить три ведущих музыкально-стилистических комплекса: западнорусский, центральнорусский и севернорусский. Каждый из них объединяет традиции отдельных разрозненных поселений, в которых устойчиво сохраняется связь с исходной культурой названных географических зон.

Старожильческий песенный фольклор сложился в общем русле формирования культурных традиций русских поселенцев начального периода истории края (XVII—XVIII века), сложился как единое музыкально-этнографическое явление.²² Каждому песенному жанру, как и всей системе жанров старожиль-

²⁰ Мехнецов А. М. Предисловие // Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Зап., [нотация], сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1977. С. 3—12. *Примеч. сост.*: Предисловие написано совместно с Е. А. Валевской. Настоящая публикация дополнена нотными примерами из сборника, на которые ссылается А. М. Мехнецов.

²¹ К Томскому Приобью относится обширная территория, охватывающая кроме приобских районов Томской области, расположенных при устье Томи, пограничные с Томской областью поречные (по Оби и Томи) районы Кемеровской и Новосибирской областей, имеющие исторически сложившиеся экономические и культурные связи с Томском. Как показали фольклорные записи последних лет, к этому региону относятся и сёла по Иркутскому тракту к востоку от Томска вплоть до Мариинска (Кемеровская область). Границы Томского Приобья, установленные нами по музыкально-этнографическим признакам, находятся в пределах более широкой этнокультурной территории — средней части бассейна реки Оби (см.: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1963—1967. Т. 1—3).

²² Об истории заселения края и образования постоянного русского населения в районах Томского Приобья см., например: История Сибири. Л., 1968. Т. 2; Бояршинова З. Я. Население

ческого фольклора, присущи черты большой стилистической общности. Тот факт, что в отдельных старожильческих поселениях или группах поселений выявляются некоторые местные признаки стиля, не противоречит общему выводу о стилистическом единстве старожильческой песенной традиции и указывает на то, как проявляются общие закономерности формирования данной культуры в разных частных условиях. Материалы по старожильческой свадьбе показывают, что в пределах распространения старожильческого фольклорного слоя на территории Томского Приобья чётко определяются зоны, отличающиеся друг от друга разной степенью сохранности обряда, разными деталями свадебной игры, разным составом песенного цикла.

Первая зона охватывает территорию вдоль по течению рек Оби и Томи и включает следующие группы старожильческих поселений:

- Усть-Томскую (сёла при устье Томи, сёла по реке Поросу и вниз по течению Оби до села Кривошеина);
- Окологородную (в округе г. Томска по правому берегу Томи);
- Томь-Сосновскую (в округе Сосновского Острога при устье реки Сосновки).

К этой же зоне относится Нарымская группа старожильческих поселений.

Вторую зону составляют Шегарская (Шегарский район) и Вороновская (сёла по Оби от села Кругликова до Ново-Троицкого – Кожевниковский район) группы.

В третью зону входят старожильческие сёла, прилегающие к Иркутскому тракту – к востоку от Томска (Подломск, Турунтаево и другие).

Судьба свадебного обряда в старожильческих поселениях каждой из названных зон подчинялась сложным закономерностям, которые требуют специального изучения. Первая зона – центральная – наиболее полно представляет обряд свадьбы томских старожилов и характеризуется яркостью и единством песенного стиля. Вторая и третья зоны распространения фольклорных традиций старожилов – окраинные (периферийные), для них характерны: значительная степень разрушения традиционного свадебного обряда, более сильное проникновение в свадебный цикл песен лирического жанра, а также заметное воздействие традиций новосельского фольклора. Отмеченные зоны совпадают с границами стилистических групп, которые были установлены при анализе хороводных песен.²³ Это обстоятельство подтверждает как факт общности старожильческого музыкально-этнографического комплекса, так и наличие в нём внутренних стилистических формирований.

Томского уезда в первой половине XVIII века // Труды Томского гос. университета. Томск, 1950. Т. 112; и другие работы по истории и этнографии Сибири.

²³ См.: Хороводные песни, записанные в Томской области... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова). Примеч. сост.: По результатам дополнительных полевых исследований к установленным в статье о хороводных песнях группам старожильческих поселений А. М. Мехнецов добавляет сведения о Нарымской группе, а также объединяет все перечисленные группы поселений в три зоны.

В сборнике представлены главным образом записи, сделанные в поселениях центральной [первой] зоны. Самая развёрнутая форма бытования свадебного обряда имела место в сёлах Окологородной группы и в сёлах по реке Порос (Верхне-Сеченово – Губино). Исключительно ценный материал удалось записать в селе Петухове в экспедициях 1969 и 1975 годов от Марии Федотовны Протопоповой и Ксении Кирилловны Квасовой – исполнительниц, обладающих редкой музыкальностью и памятью, сохранившей высокохудожественные образцы народного искусства. В селе Петухове, а также в селе Губине сделаны записи всех обрядовых песен старожильческой свадьбы, в то время как во многих других сёлах, где свадебный обряд подвергся значительному разрушению (затронувшему подавляющее большинство обследованных сёл Томской области), удавалось записать лишь фрагменты ранее бытовавшего обряда и отдельные песни.²⁴

С ключевыми моментами свадебного обряда (рукобитье, прощание с невестой на девичнике, ожидание поезда жениха, благословение невесты) в старожильческой свадьбе связано обязательное исполнение песен «Ты душа ли наша душенька», «Вырастала берёза», «Не верба в поле шатается». Эти песни имеют исключительно важное значение и как образцы основных стилистических закономерностей. Даже в тех случаях, когда в ряде сёл свадебный обряд почти полностью потерял свои очертания и цикл свадебных песен в основном утрачен,²⁵ эти песни исполнители, как правило, помнят и в отдельных случаях поют их на свадьбе и в наши дни.

Порядок старожильческой свадьбы находится в соответствии с общерусскими традициями свадебного обряда и включает в себя сватовство, рукобитье-запой, приезд жениха с подарками, баню, девичник, утро перед венцом, стол в доме невесты, венчание, стол в доме жениха («княжий стол»), тётчины блины, «новы гости».

Основные черты томской свадьбы можно проследить на свадебном обряде села Петухова, представленном расшифровкой фонографической записи, сделанной от М. Ф. Протопоповой. Естественно, что в ряде сёл есть некото-

²⁴ Начало разрушения традиционного обряда крестьянской свадьбы относится, по-видимому, к началу XX века. Наиболее активно этот процесс проходил в 1920–1930-е годы. Об этом свидетельствуют плохая сохранность как самого обряда, так и песен свадебного цикла в памяти старожил, а также многочисленные высказывания самих исполнителей:

«Свадьбишные песни до нас пели» (с. Мальцево);

«Это мы молодые были... пели на старинных свадьбах. А потом это признали – дурность. Стали музыки, гармошки на свадьбах» (с. Мало-Нестерово);

«Это пели, когда я ещё молодой был... Тогда музыки не было, а потом на музыке стали играть – уж не пели больше» (д. Барочкино);

«Раньше-то на свадьбе пели, а вот теперь – наплюй в глаза – никого не споёшь» (с. Корчуганово);

О песне «Невестина сваха – лебёдка»: «Её на уме, поди, лет 50 не было» (с. Петрово).

²⁵ Следует заметить, что место забытых песен во многих случаях занимают песни других жанров – лирические и хороводные.

рые отличия, свои характерные детали обряда. Так, например, в соседнем с Петуховом селе Лучанове на сватовство обязательно приезжал жених с родителями (что в Петухове не считалось нормой). Гостей встречают, они садятся, невеста с поклоном подаёт каждому кружку кваса и уходит. Жених должен успеть рассмотреть невесту. После этого он вместе с родителями выходит на улицу, и они советуются. Если невеста понравилась — возвращаются в дом, если нет — уезжают. В селе Воронина Пашня приглашённые подружки невесты готовятся к свадьбе, шьют жениху рубашку, когда всё приготовят, едут к жениху рубашку мерить. Угощаются, катаются на лошадях по деревне. В селе Нагорный Иштан на утро после венца варят пельмени, уху из налима, режут «невестин пирог» («кладут на пирог» — одаривают деньгами, скотом), затаскивают «быка» в дом («бык» — ряженный гость с надетым на голову глиняным горшком) — тащат «быка» на вожжах через порог в дом; тому, кто тянет, подаются угощение, «быку» — выкуп «за корчагу» (горшок). Горшок бьют, молодая метёт черепки, ей бросают деньги. По-видимому, частной особенностью обряда села Петухова является смещение поездки на блины с утра следующего дня (как обычно принято в старожильческих сёлах) на день свадьбы.

Особый интерес вызывает состояние традиции свадебных причитаний. В материалах многолетней собирательской практики Томского государственного университета (около 10 тысяч текстов песен разных жанров), а также автора этих строк (более 1000 фонограмм) в районах Томского Приобья причитания на старожильской свадьбе, в отличие от традиций новосёлов, представлены лишь единичными записями. При этом обращает на себя внимание то, что из моментов свадебного обряда, в которых, по рассказам исполнителей, невеста причитала (или могла причитать) — баня, прощание с роднёй, ожидание поезда на девичнике, расплетение косы, прощание с родителями и подругами в день свадьбы, — лишь момент расплетения косы отмечен записями музыкально-поэтических форм причёта. В остальных случаях мы располагаем лишь указаниями исполнителей на то, что невеста «плакала» или «причитала».

Эти факты характеризуют современное состояние традиции причёта в старожильческих поселениях, они могут свидетельствовать также о том, что отмеченный выше процесс разрушения свадебного обряда затронул, видимо, в первую очередь традицию свадебных причитаний. Вместе с тем можно предположить, что традиция причитаний в свадебном обряде старожилов вообще не была развита так широко, как это наблюдается во многих областях России.²⁶ Представляется значительным то обстоятельство, что брак по согласию был типичным явлением для томских сёл (согласие невесты на сватовстве — один из самых важных моментов свадебного обряда). Распространённой

²⁶ Иначе трудно объяснить, почему нынешнее поколение исполнителей свадебных песен (средний возраст — 65–67 лет), даже такие, как М. Ф. Протопопова, сохраняя в памяти основной состав песенного цикла и в том числе причитания невесты при расплетении косы, утратило другие важнейшие в течении свадебного обряда причитания.

формой свадьбы была и свадьба «убегом», «украдом». Если родители невесты противились браку, парень и девушка сговаривались венчаться самовольно, тайком. После венчания они приезжали к родителям просить прощения и благословения. Лишь в редких случаях родители невесты отказывали молодым в благословении. Относительно независимое положение невесты, ставшее традиционным в старожильческих семьях, могло наложить отпечаток на формирование состава свадебно-обрядовой поэзии, в котором наблюдается сокращение объёма причитаний на свадьбе.

В сборнике не ставится цель подробно анализировать свадебные песни старожильческой традиции.²⁷ Кратко суммируя наши наблюдения, отметим лишь основные характерные признаки композиционного, метроритмического и интонационно-ладового строения этих песен.²⁸

В ряду характерных признаков стиля находятся особенности соотношения напева и поэтического текста как элементов композиционного строения свадебных песен. По своему значению выделяются две формы композиции – стиховая и строфическая. В первой из этих форм основой изложения музыкально-поэтического содержания служит периодичность структуры, в которой протяжённость напева соответствует одному стиху поэтического текста:

$$\frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a}{a} + \frac{a_1}{b} + \frac{a_2}{c} \quad \text{и т. д.}^{29} \text{ (см. пример 1).}$$

Этот принцип формообразования, свойственный плачу и эпическим жанрам, основанный на первостепенном значении текста, не образует строфического изложения. Наличие такого типа структур может указывать на сохранность в старожильческом фольклоре ранних форм обрядовой песенности.

К стиховой форме композиции примыкает также и более развитая форма соотношения напева и текста, в которой напев, превышающий протяжённость стиха, соответствует стиху с дополнением в виде повтора последнего

²⁷ *Примеч. сост.:* Это было сделано А. М. Мехнецовым в его диссертации: *Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильческого населения Западной Сибири...* См. также публикацию данной работы: *Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильческого населения Западной Сибири... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).*

²⁸ Представленные в сборнике песни № 28, 30, 31, 32, определённо отличаясь по своим стилистическим признакам от песен старожильческой традиции, указывают на их более позднее включение в обряд старожильческой свадьбы в результате влияния фольклорных традиций новосёлов. Их публикация в настоящем сборнике обусловлена тем, что в ряде старожильческих сёл эти песни бытуют наравне с традиционно старожильческими и являются, таким образом, основным компонентом характеристики современного состояния фольклорной традиции старожильцев. В силу особенностей их стилистики мы оставляем эти песни за пределами последующего анализа, поскольку выявление их соотношения со стилем старожильческой традиции представляет собой проблему, требующую самостоятельного изучения.

²⁹ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 5, 19, 20, 25 («Ты душа ли наша душенька», «У большого у боярина», «Ты гордая наша свашенька», «Уж ты ласточка касатая»).

слова или второго полустихия — стиховая форма с дополнением (см. примеры 2, 6).³⁰

Пример 1³¹

Ты... ты ду - ша ли да на... ой, на - ша
ду - ше - н(н) - ка, да
ты... ты ду - ша ли да кра... ой, крас - на
де - ви ца, да.

Пример 2³²

Уж ты ты - сяц - кий - во - е - во - да,
во - е - во - да.

Образование строфической музыкально-поэтической формы происходит тогда, когда напев соответствует повторенному (точно или вариантно) стиху

³⁰ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 15, 16–18, 24 («Уж ты тысяцкий-воевода», «Как невестина сваха-лебёдка», «Из логу, логу да комоны кони бегут»).

³¹ «Ты душа ли наша душенька». Поют невесте перед венцом за столом. Кемеровская обл., Юргинский р-н, с. Варюхино. Исп.: Бобарыкина Л. В., 70 лет, Доронкина З. И., 52 года, Третьякова В. Ф., 60 лет, Никулина К. А., 54 года, Редченко М. Ф., 56 лет, Кинозёрова О. А., 45 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 25.07.1968. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968–196. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 5.

³² «Уж ты тысяцкий-воевода». Величанье тысяцкому. Томская обл., Томский р-н, с. Петухово. Исп.: Протопопова М. Ф., 79 лет, Квасова К. К., 60 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 08.07.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969–82. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 16.

или двустихийной строфе поэтического текста. Ведущая роль в организации музыкально-поэтической строфы при этом принадлежит музыкальным средствам формообразования.

$$\frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a\ b}{a\ a} + \frac{a_1\ b_1}{b\ b} + \frac{a_2\ b_2}{c\ c} \quad (\text{см. пример 3})^{33}$$

или

$$\frac{\text{напев}}{\text{текст}} = \frac{a\ b}{a\ b} + \frac{a_1\ b_1}{c\ d} \quad (\text{см. пример 4})^{34}$$

Пример 3³⁵

2. По - ло - жи - те Бо - гу жа - ло - бу
по - ло - жи - те Бо - гу жа - ло - бу.

Пример 4³⁶

Не ве-р(ы) - ба в по - ле ша - та - ет - ся,
не зе - лё - на к зе-м(ы)-ле кло - нит - ся, да.

Оба эти вида построения строфы часто сочетаются в одной песне (см. пример 3).³⁷

³³ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 1–3, 6–9, 27.

³⁴ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 4, 11–14.

³⁵ «Не кладите Богу жалобу». Поют невесте на девичнике и в день свадьбы до приезда женихова поезда. Томская обл., Томский р-н, с. Петухово. Исп.: Протопопова М. Ф., 79 лет, Квасова К. К., 60 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 08.07.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969–77. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 1.

³⁶ «Не верба в поле шатается». Поют, когда благословляют невесту к венцу. Томская обл., Томский р-н, с. Петухово. Исп.: Протопопова М. Ф., 79 лет, Квасова К. К., 60 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 08.07.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969–79. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 11.

³⁷ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 1 и другие.

Интересный пример композиции дают песни «У дружка, дружка-повёртышка», «Друженька хорошенький».³⁸ В них строфа складывается из чередований построений подобно формам с припевом.³⁹

Пример 5⁴⁰

The musical score consists of three staves of music in G major (one sharp). The tempo is marked as quarter note = 84. The first staff contains the melody for the first line of lyrics: 'У дру-ж(ы) - ка, друж - ка - по - вёр - тыш - ка.' The second staff continues the melody for the second line: 'Что на д(ы) - руж - ке по - я - со-ч(и)-ка шёл - ко - ва - я, да.' The third staff shows the beginning of the third line: 'У дру-ж(ы) - ка...' The music features various time signatures: 4/4, 6/8, 7/8, 3/4, and 2/4.

Важным моментом характеристики формы свадебных песен с точки зрения зависимости между поэтическим текстом и напевом является слитность, непрерывность изложения. В большей части представленных в сборнике старожильческих песен⁴¹ отсутствуют разделительные кадансы между построениями музыкально-поэтической формы. Непрерывность ладо-интонационного и ритмического движения, возможно, связана с природой русского тонического стиха. Два безударных слога окончания стиха образуют неакцентированный переход к следующему стиху, начало которого (первые два слога), в свою очередь, также безударно. Безударная зона окончания одного и начала другого стиха естественно оказывается безударной (затактовой) и в напеве, причём в интонационно-ладовом отношении здесь также отмечается лишь направление движения к одному из главных тонов напева, а сам опорный тон, как правило, выявляется в момент соответствия сильного времени напева и текста. Таким образом, создаётся музыкально-поэтическое «пространство», где нет акцентов, образующих строго фиксируемые границы между разделами формы. Чёткие формы кадансирования, подчёркнутая остановка ритмического движения встречаются в старожильческих свадебных песнях доволь-

³⁸ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 21, 22.

³⁹ Кроме отмеченных форм, являющихся типичными для песен старожильческой свадебной традиции, имеют место и другие формы (см. Свадебные песни Томского Приобья... № 28, 30, 31, 32). Отличие композиционных структур этих песен рассматривается в связи с их стилистической принадлежностью.

⁴⁰ «У дружка, дружка-повёртышка». Величание дружке. Томская обл., Томский р-н, с. Петухово. Исл.: Протопопова М. Ф., 79 лет, Квасова К. К., 60 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 08.07.1969. Личный архив А. М. Мехнецова, 1969-85. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 21.

⁴¹ См., например: Свадебные песни Томского Приобья... № 1-8, 15-21 и другие.

но редко, и лишь в тех случаях, когда организация строфы в большой степени подчиняется логике собственно музыкального развития (см. пример 4).⁴²

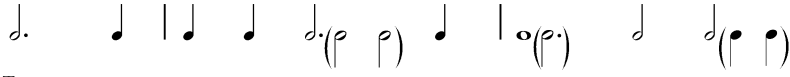
Рассматривая взаимосвязь напева и поэтического текста как элементов метроритмического строения, можно установить основные метроритмические типы старожильческих свадебных песен. Из приводимой ниже таблицы, в которой представлены схемы обобщённого ритма стиха и напева, видно, что для свадебных песен старожильческой традиции характерны три основных типа метроритмики.

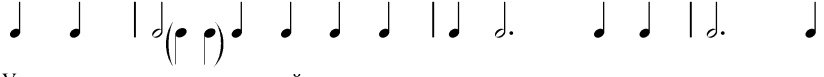
Схема 1

1.
Вы - рас - та - ла бе - рё - за...

2. а)
Не кла - ди - те Бо - гу жа - ло - бу...

б)
Ты гор - да - я на - ша сва - шень - ка, да...

в)
Ты ду - ша ли на - ша ду - шень - ка...

3.
Уж ты ты - сяц - кий во - е - во - да, во - е - во - да...

Первый тип, несмотря на малочисленность образующих его песен, оказывается чрезвычайно важным для общей оценки песенной традиции старожилков: сохранность одной из древних форм распева на основе семисложного тонического стиха имеет принципиальное значение при решении проблем истории русской песни в Сибири. Второй тип метроритмической организации, к которому принадлежит большая группа песен, объединяет три разновидности музыкального «произнесения» девятисложного тонического стиха. В песнях, относящихся к третьему типу, важную роль играет повторность ритмической формулы второго полустиха. В основе же песни лежит девяти-, десяти-, двенадцатисложный стих. Аналогичный принцип повтора, но в сочетании с распевом двенадцатисложного стиха, отмечается в песнях «Что не яблочко по блюдечку», «Что не ягодка по блюдечку».⁴³

⁴² См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 11, 12, 26, 27.

⁴³ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 23, 24.

Пример 6⁴⁴

Музыкальный пример 6⁴⁴ представляет собой фрагмент песни «Что не ягода по блюдечку». Музыка записана на двух станах в 6/8 такта. Верхний стан — вокальный, нижний — фортепианный. Темп обозначен как $\text{♩} = 116$. Ключевая подпись имеет один бемоль. Под текстом песни нарисованы тактовые черты, соответствующие ритмическому строению мелодии и акценту стиха.

Принцип выявления метроритмической структуры составитель использовал при тактировке напевов, таким образом, тактовая черта соответствует моменту совпадения музыкального акцента с акцентом тонического стиха. В тех случаях, когда акцент образуется только музыкальными средствами, применяется пунктирная тактовая черта.

Изучение интонационно-ладового строя свадебных песен позволяет установить некоторые наиболее общие структурные закономерности ладовой организации напевов. Эти закономерности выражаются, прежде всего, в типах соотношения ладовых опор, а также в типах тоновых сопряжений, возникающих на основе ладовых опор и образующих конструктивные интонационно-ладовые элементы «канвы» напева. Очень существенным также является выделение характерных методических оборотов (попевок).

Важнейшие ладовые связи, которые имеют определяющее значение для всего анализа напева в целом, складываются в нижнем голосе, ведущем голосе большинства томских песен. Верхний голос лишь в некоторых случаях выступает в роли ведущего (см. пример 4).⁴⁵

Схематизация напевов даёт возможность выявить функционально главные тоны — ладовые опоры песен (см. схему 2).

Приведённые схемы указывают на преобладающее значение трихордового состава в системах опорных тонов (Схема 2, № 1–3). В зависимости от той или иной последовательности опорных тонов в форме напева образуются различные виды их соотношения — квартовое, малотерцовое, секундовое. На этой основе часто возникают явления ладовой переменности (см. примеры 1, 3).⁴⁶ Переменность более сложного порядка имеет место в случаях, когда сфера действия одного трихордового соотношения опорных тонов сменяется другим (см. пример 2).⁴⁷

⁴⁴ «Что не ягода по блюдечку». Величание холостым поезжанам. Томская обл., Томский р-н, с. Губино. Исп.: Губина Л. К., 77 лет, Карбышева З. К., 68 лет, Губина К. Т., ок. 70 лет. Зап.: Мехнецов А. М. 17.07.1968. Личный архив А. М. Мехнецова, 1968-1955. Расш.: Мехнецов А. М. Свадебные песни Томского Приобья... № 24.

⁴⁵ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 11, 12.

⁴⁶ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 1–9 и другие.

⁴⁷ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 16, 17, 25, 27.

Схема 2

1.

2.

3.

4.

5.

Подготовка опорного тона, направленность мелодического движения к нему осуществляется, как правило, на основе кварто-секундовых сопряжений. Благодаря такому типу связи тонов создаётся характерная для свадебных песен плагальность мелодических оборотов (см. примеры 2, 3).⁴⁸

В ряде песен в качестве ладовой опоры выступает характерный тетрахорд в сексте⁴⁹ (Схема 2, № 4); мелодическое движение в этом случае строится на последовательно излагаемых тонах этого интонационно-ладового комплекса (см. пример 4).⁵⁰ Значение тетрахорда в сексте существенно проявляется и в формировании мелодики песен. Различные мелодические попевки и обороты с использованием тонов тетрахорда присутствуют практически во всех песнях свадебного цикла. В некоторых песнях тоны тетрахорда, звучащие в верхнем голосе, становятся основой для весьма протяжённых распевов (см. пример 3).⁵¹ Подчёркивая образный и обрядовый смысл этого тетрахорда, необходимо отметить значение мелодических оборотов, возникающих в моменты, существенные в композиционном отношении – окончания фраз, попевки кадансирующего характера.⁵² Даже в тех случаях, когда этот тетрахорд не сформирован мелодически, отдельные его тоны, распределённые между голосами, образуют контуры его основной формы.⁵³

⁴⁸ См., например: Свадебные песни Томского Приобья... № 1, 7–8, 16.

⁴⁹ Основной вид тетрахорда в сексте, сформулированный Ф. А. Рубцовым, является одной из ведущих характеристик свадебных песен многих местных стилей. См., например: *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

⁵⁰ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 10, 11, 12.

⁵¹ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 1, 2.

⁵² См., например: Свадебные песни Томского Приобья... № 3, 9 и другие.

⁵³ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 8, 22.

Характерные черты стиля свадебных песен, рассмотренные выше, а также наблюдения над стилем хороводных и лирических песен старожилов Томского Приобья, свидетельствуют о единстве принципов музыкального мышления, сложившихся в специфических условиях формирования культурных традиций русского населения Сибири. Имеющиеся материалы по сибирскому фольклору показывают, что стиль, к которому принадлежит песенная культура томских старожилов, выходит далеко за пределы этого района Сибири. В частности, обращает на себя внимание факт общности стиля публикуемых свадебных песен с песнями, записанные в Енисейском районе Красноярского края.⁵⁴

Сборник является первой публикацией свадебных песен Томского Приобья, записанных составителем в период с 1967 по 1975 годы. Кроме свадебных обрядовых песен, в сборник включены лирические песни («Никто-то судьбы-то моёй не знает», «Прощай-ка, жисть, радость моя», «А ты прощай-ка ли, прощай»),⁵⁵ вошедшие в состав старожильской свадьбы и бытующие в качестве обязательных; они выполняют роль свадебных обрядовых.

В сборнике использованы некоторые сведения по статистике вариантов свадебных песен и сведений, касающиеся деталей свадебного обряда из материалов студенческих фольклорных экспедиций Томского государственного университета. В приложении приводится перечень фонограмм свадебных песен, записанных составителем в районах Томского Приобья.

Считаем своим долгом выразить глубокую признательность жителям томских деревень — исполнителям народных песен, искусство которых дало возможность познакомиться со старинной традицией поэтического обряда крестьянской свадьбы.

О сибирских лирических песнях⁵⁶

Лирические песни во всём многообразии жанра образуют важнейшую и, пожалуй, самую представительную сторону песенной культуры сибирских старожилов. Особый интерес к лирическим песням объясняется не только их высокими музыкально-поэтическими достоинствами. В сложной структуре жанра, в особенностях содержания, в средствах языка различных историко-стилевых пластов песенной лирики нашли отражение и своеобразие процес-

⁵⁴ См.: Русские народные песни Красноярского края. М., 1959. Вып. 1. № 109; Русские народные песни Красноярского края. М., 1962. Вып. 2. № 42, 43.

⁵⁵ См.: Свадебные песни Томского Приобья... № 33–35.

⁵⁶ Мехнецов А. М. О сибирских лирических песнях [Предисловие к изданию]: Лирические песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области / Запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.: Сов. композитор, 1986. С. 3–15.

Примеч. сост.: Настоящая публикация дополнена нотными примерами из сборника, на которые ссылается А. М. Мехнецов.

сов заселения и освоения Сибири, и новые пути, по которым шло общественное развитие, а вместе с ним – художественная культура России XVII–XIX веков.

Значимость лирических песен, их место в музыкальном фольклоре сибиряков обязывают коснуться некоторых вопросов изучения народно-песенной культуры русских в Сибири.

Материалы фольклорных экспедиций⁵⁷ позволяют проследить ряд общих закономерностей исторической жизни русской песни за Уралом, определить характер песенных традиций русско-сибирского склада, особенности бытования и черты стиля песен отдельных жанровых групп в различных районах Сибири.

Исследование обстоятельств возникновения и развития местных песенных традиций на территории Томского Приобья⁵⁸ (хронологические, этнокультурные, социально-хозяйственные данные), соотнесённое с результатами структурно-типологического анализа песен, показывает, что современная фольклорная карта этого обширного края с характерной для неё пестротой музыкально-стилевых явлений сложилась в силу последовательного (с точки зрения хронологии важнейших этапов истории заселения отдельных районов) «наложения» разнородных фольклорных привнесений на более ранний слой культурных традиций – традиций, сформировавшихся в период образования крупных хозяйственных центров с преобладанием постоянного русского земледельческого населения.

Известные материалы историко-этнографического характера⁵⁹ свидетельствуют, что в Томском Приобье лишь к середине XVIII века в результате роста крестьянской общины создаются необходимые условия существования устойчивых форм обрядово-бытовой практики и ведущих жанров традиционного музыкального фольклора. Этот факт оказывается одним из решающих при постановке проблем формирования местных песенных традиций в Сибири, поскольку именно крестьянская община являлась на протяжении многих веков этнической истории русских основным создателем и хранителем традиций национальной культуры.

Завершение процесса становления крестьянской общины на рассматриваемой территории и выдвижение её во второй половине XVIII века на место главной производительной силы в хозяйстве данного района Сибири знаме-

⁵⁷ С 1966 по 1977 год автором было предпринято 18 экспедиций в различные районы Западной Сибири. Было обследовано около 250 поселений, в 226 из них производились записи песен, наигрышей и других произведений музыкального фольклора (всего около 2500 записей). В экспедиционной работе принимали участие также музыковеды Е. А. Валевская (1969 год), Ю. И. Марченко (1976 год) и в качестве техника-звукооператора А. А. Шепелевский (1970 год).

⁵⁸ Имеется в виду район Западной Сибири, социально-экономическая история и культурное развитие которого было тесно связано с Томском, как одним из наиболее ранних по времени возникновения и значительных центров русской жизни в Сибири.

⁵⁹ См., например: История Сибири. Л., 1968. Т. 2.

нует момент стабилизации традиций старожильского историко-культурного комплекса как самостоятельной системы.

На последующих этапах заселения и хозяйственного освоения Томского Приобья (в середине XIX и, особенно, в конце XIX – начале XX века) в результате значительного усиления переселенческих потоков из европейской части России, расширения географии исходных районов переселения складываются иные по своему характеру группы фольклорных традиций, сохранявшие непосредственные связи с культурой тех мест, откуда вышли новосёлы, – «расейские», как называли их сибиряки-старожилы. Первоначально очаговый характер размещения на обширных сибирских пространствах традиций старожильской культуры постепенно, по мере образования новых культурных комплексов становится мозаичным, а затем (уже к концу XIX века) и многослойным. Материалы фольклорных экспедиций убедительно подтверждают, что именно в этой последовательности проходило усложнение системы традиций песенного фольклора Томского Приобья и формирование основных историко-культурных комплексов: старожильского, переходного (смешанного) и новосельческого.⁶⁰

Такая схема процесса образования современной, чрезвычайно пёстрой в музыкально-стилевом отношении картины народно-песенной культуры изучаемого района Сибири позволяет сделать вывод о том, что различия исторических условий, предпосылок и конкретных обстоятельств возникновения местных песенных традиций приводили на каждом из отмеченных выше этапов к изменениям в содержании процесса и к различным результатам.

Так, если к концу XVIII века в процессе трансформации начального слоя фольклорных привнесений возникает устойчивая система песенных традиций старожилов, обладающая ярко выраженными чертами единства, то в условиях Сибири конца XIX – начала XX века такой культурной консолидации новосёлов не происходит. Меняется направленность и характер взаимодействия песенных традиций новосёлов из различных областей России – процесс трансформации, ведущий к образованию новых стиливых норм песенной речи, уступает место процессам консервации локальных признаков переселенческих фольклорных традиций. В большой мере такой результат был предопределён социально-экономической перестройкой всего уклада жизни русской деревни пореформенного периода, следствием которой явились сдвиги и в системных связях народно-песенной культуры (песня – обряд – другие формы музыкального быта деревни), и в значимости некоторых принципов традиционного музыкально-поэтического творчества (эстетические критерии – художественная форма – стиль).

⁶⁰ См. об этом: Хороводные песни, записанные в Томской области...; Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири... См. Список научных трудов А. М. Мехнецова.

Определение границ периода возникновения песенных традиций старожильского историко-культурного слоя во всей полноте и определённости их жанрового состава и стилового своеобразия хронологическими рамками процесса сложения крестьянской общины опирается не только на социально-экономические факторы развития русского населения в районах Томского Приобья. Существенным здесь оказывается и выявление неразрывной, изначально присущей народным песням связи с трудовым, празднично-обрядовым, семейным бытом крестьянской общины. Действительно, богатый в этнографическом отношении старожильский свадебный обряд, развивающийся на яркой с точки зрения музыкально-поэтического содержания причётно-песенной основе, развёрнутая песенно-хореографическая культура сибирских вечёрок и весенних уличных хороводов, сложная подголосочная фактура сибирских песен и совершенное искусство ансамблевого, хорового пения – всё это важные приметы и народного художественного сознания, и повседневного быта сибирской деревни. Приметы эти, как уже отмечалось, обозначились лишь на определённом историческом этапе – в середине – во второй половине XVIII века, когда сформировалась и сама деревня, и нормы отношений внутри крестьянского мира. Но уже к началу следующего столетия песенные традиции старожилов приобрели черты законченности, своеобразия и самостоятельности. К этому моменту старожильская песня осознаётся как песня русско-сибирского склада, выступает в качестве активного звена художественной культуры сибиряков-старожилов, оказывает воздействие на песенный стиль новосёлов этого периода. В этом и заключается другая важная сторона наблюдаемого процесса: здесь мы отмечаем вторую хронологическую границу формирования фольклорных традиций сибиряков-старожилов и одновременно – начало нового периода истории русской песни в Сибири.

В ряду свидетельств, подтверждающих сказанное и фиксирующих известную степень завершённости процесса формирования песенных традиций историко-культурного комплекса, стоит, в частности, факт значительного стилового единства песен старожильского слоя в районах первоначального русского расселения (Тобольское Прииртышье, Томское Приобье, Енисейская округа) и в окраинных районах Сибири (Алтай, районы по верхнему течению Иртыша и Енисея, Забайкалье и другие). Решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что культурные традиции на вновь осваиваемых землях в большой мере складывались в результате внутрисибирской миграции старожильского населения во второй половине XVIII века. О стабилизации фольклорных традиций русско-сибирского склада к концу XVIII века говорят и данные сравнительного анализа старожильческих песен и песен, принадлежащих компактным группам переселенцев 20–30-х годов XIX века из центральных областей России (например, переселенцы из Воронежской, Тульской губерний, основавшие сёла Богословка, Иловка, Жуланиха и другие).

Косвенным свидетельством завершенности в рассматриваемый период процесса становления системы старожильческого музыкального фольклора могут служить образцы усвоения крестьянской культурой в Сибири песен на тексты литературного происхождения. Причём по экспедиционным материалам легко различаются формы, возникшие на основе старожильческих или новосельческих традиций. Так же отчётливо сопоставляются песни русско-сибирского склада с песнями заимствованными (городская культура, иные этнокультурные комплексы).

Отмечая разнородность явлений русского музыкального фольклора Сибири, так же как и черты единства, характер и направление взаимодействия местных песенных традиций, их отношение к традициям европейской части России, фольклористика неизбежно сталкивается с необходимостью выяснения исторической судьбы песенных групп и жанров, общих и частных закономерностей развития жанрово-специфических сторон их музыкально-поэтического языка. Это одна из самых сложных и важных для понимания особенностей строя русской песни в Сибири задач. В полной мере она раскрывается при изучении лирических песен, поскольку именно лирические песни оказываются (при общей консервативности традиции) наиболее «открытым», подвижным жанром.

Отсутствие обязательной прикреплённости⁶¹ лирических песен к определённому обрядовому или бытовому моменту, возможность выбора самой песни, средств и характера исполнения применительно к случаю, необъятный диапазон поэтических образов и настроений, высокая степень эстетической значимости — всё это правомерно ставит лирическую песню в центр народной музыкальной культуры, придаёт ей значение одной из доминант художественной жизни русского человека во всех социальных группах общества.

Такое положение лирических песен среди других песенных жанров позволяет подойти к решению ряда вопросов, относящихся к характеристике самого раннего периода истории русской песни в Сибири — периода, предшествовавшего образованию старожильческих песенных традиций. Для Томского Приобья этот период оказался протяжённостью более чем в сто лет (от 1604 года). Даже к началу XVIII века основную часть немногочисленного и чрезвычайно пёстрого по своей сословной принадлежности населения составляли служилые люди.⁶² О населении Томска и всего обширного Томского уезда можно судить по следующим данным на 1710 год:⁶³

⁶¹ Речь идёт о лирических песнях Сибири, где некогда существовавшие связи песен этого жанра с определёнными обстоятельствами исполнения были утрачены. Имеющиеся данные о включении лирических песен, например, в свадебный обряд указывают не на их происхождение как обрядовых, а на особенности состояния традиций.

⁶² См. *Бояринова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112.

⁶³ *Водарский Я. Е.* Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII веках // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. Табл. 2, 3 на с. 200—203, 206.

1. Посадские люди, бобыли, купцы	1017
2. Государственные крестьяне, бобыли, вдовы, нищие и гулящие люди	3506
2. Крепостные крестьяне, бобыли и дворовые люди	571
4. Дворяне и дети боярские	356
5. Военно-служилые люди	5172
6. Разночинцы	353
7. Духовенство	216
	Всего – 11191. ⁶⁴

По атласу С. У. Ремезова, на 1701 год в Томском уезде насчитывалось около ста деревень, но подавляющее большинство из них представляли по существу заимки с единицами дворов.⁶⁵ Основная часть населения была сосредоточена в самом Томске, укрепленных острогах по Оби, Томи, Чулыму и в относительно крупных приходских сёлах, которых насчитывалось (вместе с острогами) чуть более десяти. Естественно, что традиционные формы праздничных гуляний, увеселений, обрядов, требующие коллективного участия в исполнении песен, могли составлять характерную черту быта лишь крупных поселений. Военно-административный характер этих центров, связанный с ним уклад жизни, крайне неоднородная в социальном и этнокультурном отношении среда, основу которой составляли служилые, посадские люди и крестьяне – выходцы из различных, главным образом северных районов России, не позволяют говорить о существовании на территории края в первый период его освоения единой в стилистическом и развёрнутой в жанровом отношении традиции музыкального фольклора.

Тем не менее, в музыкальном быту крупных поселений (в том числе и Томска, жизнь которого по своему укладу немногим отличалась от сельской) происходили сложные процессы, в результате которых выработывались предпосылки развития традиций народно-песенной культуры на следующем историческом этапе. Внешне существо этих процессов выражалось в сглаживании, нивелировке музыкально-стилевых особенностей различных песенных традиций, образующих основу коллективных форм музыкального быта. Однако за кажущимся упрощением стояли глубинные изменения первоначально привнесённых традиций. Смысл этих изменений – выявление принципов музыкально-поэтического языка, выражающих то общее, что объеди-

⁶⁴ В таблице приведены данные по числу душ мужского пола. Вдовы по переписи того времени учитывались в составе податного населения. Число мужчин и женщин по переписи 1710 года оказалось почти равным, и, как указывает Я. Е. Водарский, «для получения численности населения обоого пола приведённые цифры следует удвоить» (*Водарский Я. Е. Численность русского населения... С. 213*). Следовательно, общее число населения Томска с уездом составит около 22000 человек.

⁶⁵ *Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне – насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (Общий очерк за XVII и XVIII столетия) // Научные очерки Томского края / Под общ. ред. Н. Ф. Кашенко. Томск, 1898. С. 15.*

няло разнородные по своим истокам песенные традиции первопоселенцев Сибири. Именно в этом направлении будет развиваться песенный стиль традиций старожильческого слоя, процесс формирования которых вступит в свою решительную фазу в середине XVIII века.

Ещё одна характерная черта народной музыкальной культуры края состояла в том, что специфика заселения и условия жизни в районах Томского Приобья в XVII веке,⁶⁶ определяя ведущее положение контингента служилых людей, выделяют те жанры музыкального фольклора, которые были связаны с бытом относительно постоянных групп мужского населения (воинских отрядов, промысловых или иного рода артелей, ватаг беглых крестьян и других). Именно лирические песни, причём, песни мужской певческой традиции, стали главным звеном песенной культуры первопоселенцев Томского края. Без сомнения, можно также считать, что в сюжетно-тематическом отношении жанр был представлен достаточно широко песнями раннего («молодецкого») цикла, историческими. Неотъемлемую и важную часть музыкального быта, репертуара певцов составляли песни плясовые (песни веселья, скоморошья) и, безусловно, эпос. Знаменитый сборник Кирши Данилова «Древние российские стихотворения» практически воспроизводит для нас репертуар, бытовавший именно в такой (военной или полувоенной) мужской среде. А этот факт является дополнительным свидетельством сибирского происхождения выдающегося памятника русской культуры.

Лирические песни в силу отмеченной выше жанровой специфики определяли главное содержание музыкального быта и малодворных деревень, поскольку ограниченный круг исполнителей, а также значительная удалённость деревень друг от друга не способствовали формированию и поддержанию традиций музыкальной жизни деревни в их полном, развёрнутом в жанровом отношении виде. Можно предположить, что здесь заметное место в репертуаре занимали песни женские — о женской доле, о разлуке, любовного содержания — типичные сюжеты русской песенной лирики.

Итак, с точки зрения истории формирования русско-сибирских фольклорных традиций в районах Томского Приобья весь XVII век и часть XVIII века следует рассматривать как период накопления и адаптации в новых условиях первоначального фонда фольклорных привнесений. В то же время особенности истории края, его заселения и хозяйственного освоения выделяют в качестве ведущего жанра в музыкальной жизни различных групп населения жанр лирических песен. Попробуем теперь отметить наиболее важные черты исторической судьбы жанра в свете развития традиций старожильческой песенной культуры в целом.

⁶⁶ Вплоть до XVIII века в Томско-Кузнецком районе Сибири сохранялась напряжённая военная обстановка, и Томск не терял значения военно-административного центра. Это обстоятельство задерживало экономическое развитие района (см., например: Кабо Р. М. Города Западной Сибири. М., 1949; Бояришинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112).

Одно из наиболее ярких проявлений художественного мышления русского народа нашло отражение в своеобразной группе лирических песен мужской певческой традиции, которые мы условно называем «молодецкими».⁶⁷ Отличаясь комплексом характерных черт образно-поэтического строя и музыкального языка, молодецкие песни образуют самостоятельный цикл в русской песенной лирике. Его возникновение мы связываем с условиями жизни Руси переломного периода – периода этнической консолидации и борьбы за независимость на рубеже XIV– XV веков.

В музыкальном отношении молодецкие песни являются классическим выражением стиля русской протяжной песни. В большой мере их структурно-типологические особенности обусловлены исполнительскими возможностями мужского ансамблевого («артельного») пения:

- широким певческим диапазоном с характерной тембровой окраской нижнего и верхнего регистров, что естественно определяет, с одной стороны, выразительность многоголосной фактуры, с другой стороны, обеспечивает перспективу ладового развития напева;
- глубиной и силой дыхания, с которыми связаны протяжённость мелодического распева, композиционные особенности.

Молодецкие песни как самостоятельный историко-стилевой комплекс независимо от места их бытования обнаруживают исключительное единство важнейших закономерностей музыкального языка. Образцом может служить мелодический тип широко распространённой песни «Горы Воробьёвские», сохраняющий свои характерные черты в многообразии местных вариантов, каждый из которых, в свою очередь, оказывается представительным для традиций музыкальной культуры различных музыкально-стилевых зон русской песенности (северной, центральной, западной, южной).

Вывод о том, что именно песни молодецкого цикла образовали основной пласт песенной культуры русских поселенцев в Сибири на первом этапе освоения зауральских территорий, возникает уже в связи с изучением общих сведений по истории и этнографии. Наблюдения же над строем песен разных жанров старожильческой традиции убеждают нас в том, что ведущие принципы музыкального стиля песен русско-сибирского склада восходят к закономерностям молодецких песен. Так, например, с этими закономерностями связана принципиально многоголосная, строго организованная по вертикали (с дифференцированными функциями голосов в ансамбле) фактура старожильческих песен – как лирических, так и хороводных, свадебных. Этот факт знаменателен потому, что в целом песенность сибирских старожилков формировалась преимущественно на основе фольклорных традиций

⁶⁷ Не останавливаясь здесь на аргументации внутрижанровой группировки лирических песен, отметим, что мы опираемся на принципиальные положения, изложенные Н. М. Лопатиным (см.: *Лопатин Н. М., Прокунин В. П.* Русские народные лирические песни. М., 1956), и пользуемся принципом типологического анализа музыкально-поэтического языка народной песни.

севернорусского происхождения, в музыкальном стиле которых преобладают иные принципы построения хоровой партитуры – унисон и гетерофония, как в своих простейших, так и в развитых видах.

Другая черта стиля молодецких песен – особые ладовые формы, возникающие в силу выразительности звуковысотного сопоставления опорных тонов отдельных попевок (интонационно-ритмических оборотов), – является устойчивым принципом сложнотональных конструкций старожильческих песен (лирических, хороводных). В частности, типичная для молодецких песен (тип «Горы») интонационно-ладовая структура⁶⁸ так же, как и ряд других ладовых форм молодецкой лирики (например, формы с центральным опорным тоном в середине звукоряда – кварта от нижнего вспомогательного тона), сохраняет в песнях старожильческой традиции свою роль одного из ведущих принципов ладовой организации.

Пример 1⁶⁹

Встань - ка, Ма-шень-ка, по - ра - не, ой, да про - во -
ди - ка ми - лё - но - чка ли да по - да...
ой, да по - да - ле.

К общим закономерностям песен старожильческой традиции относится и ряд особенностей композиционного строения, связанных с культурой мужского ансамблевого пения:

- выделенный зачин (как правило, декламационного характера);
- подчёркнутые цезуры на границах мелодических построений внутри строфы, имеющие смысл композиционного приёма, который организует музыкальное движение (фиксированная остановка, часто вызывающая словообрыв с последующим активным хоровым подхватом), «ферматность», ненормативная по метрике протяжённость отдельных тонов (долгие длительности);

⁶⁸ См.: Мехнецов А. М. Лирические песни Томского Приобья... № 4, 5, 6.

⁶⁹ «Встань-ка, Машенька, поране». Томская обл, Каргасокский р-н, д. Павлово. Исп.: Черноусова Т. П., 51 год, Черноусов А. В., 52 года. Зап.: Мехнецов А. М. 26.06.1966. Личный архив А. М. Мехнецова, 1966-68. Расш.: Мехнецов А. М. Лирические песни Томского Приобья... № 4.

• устойчивые интонационные формы каданса (формульные кадансы), подготавливающие строго согласованный выход голосов на конечный опорный тон.

Эти приёмы в сочетании с развитыми формами ладо-интонационного движения приводят в образованию развёрнутой, уравновешенной⁷⁰ музыкально-поэтической строфы лирических песен русско-сибирского склада.

Более того, сложившийся на основе молодецких песен стиль ансамблевого хорового пения оказывается настолько значимым в песенности старожилов, что в нём практически стираются видимые грани музыкальной стилистики мужских и женских песен. Даже песни свадебного обряда в некоторых элементах фактуры (в первую очередь – многоголосия), исполнительских приёмах теряют специфические черты, свойственные женскому исполнительству. Возможно, своеобразной эстетикой молодецких песен, певческой установкой ансамбля смешанного состава объясняются низкая тесситура, насыщенный грудной звук женских голосов, выделение колористической функции верхнего голоса в лирических (так же, как и в свадебных) песнях старожильческой традиции.

Нивелирование отличительных признаков песенных традиций, привнесённых переселенцами в Сибирь в XVII – XVIII веках (исполнительского стиля и элементов фактуры отдельных песенных групп и жанров), является в целом, как уже отмечалось, весьма показательной стороной процесса формирования музыкальной культуры старожилов.

Выработка в музыкальной практике сибирской деревни XVIII века единых эстетических критериев, единых исполнительских принципов – одна из общих закономерностей развития, ведущего к формированию моностилевой культуры русско-сибирского склада. Среди факторов, обусловивших этот процесс, мы рассматриваем и следующее обстоятельство. В отличие от песенной культуры областей коренного русского расселения, прошедшей длительный путь становления жанрово-определённых особенностей народно-песенного языка, развития, в результате которого структура, стиль, обрядово-бытовое назначение песен нашли своё согласованное выражение (жанрово-специфические черты), песенная культура сибирских старожилов, сложившаяся как целое за относительно короткий срок (к концу XVIII – началу XIX века), не имела исторической, эволюционной ретроспективы и формировалась на основе и в процессе трансформации художественных форм, уже имевших свой типологически законченный вид.

Таким образом, характеристика раннего периода истории русской песни в Сибири – периода формирования старожильческой песенной культуры – раскрывается в связи с анализом такой важнейшей её стороны как музы-

⁷⁰ Имеется в виду соответствие следующих показателей песенной формы: временной протяжённости напева, степени насыщенности музыкального движения, отношения «музыкальная строфа – поэтическая строфа».

кально-стилевое единство, не дифференцированное по жанровой характеристичности исполнительских средств и приёмов, фактурных элементов музыкальной речи.

Следует особенно подчеркнуть, что при всей динамичности процессов нивелирования, трансформации, выработки единства стиля, они не затрагивали конструктивных основ музыкально-поэтического языка, в которых выражалась жанровая природа песен. Именно поэтому песни сибирских старожилов, несмотря на всё их своеобразие, сохраняют глубокую родственную связь с песенной культурой европейской части России. В этом и состоит своеобразие песен русско-сибирского склада: органичное сочетание, слияние коренных закономерностей русского народно-песенного языка с музыкально-стилевыми новообразованиями, возникшими в результате адаптации песен в новых условиях бытования.

На судьбе традиционных жанров и отдельных внутрижанровых групп старожильской песенной культуры как сложившейся системы с особой силой сказались демографические процессы XIX века. Стихийная крестьянская колонизация, преобладающая на ранних исторических этапах, постепенно уступает своё значение переселенческому движению, организованному центральными властями (деятельность Кабинета о переселении крестьян). Заметное влияние оказывали постоянно возрастающие масштабы ссылки в Сибирь: уже в 50–60-е годы XIX века количество ссыльных доходило в среднем до 13–15 тысяч человек ежегодно. Изменяется характер расселения новосёл: образование деревень на новых местах преобладает над подселением к сложившимся крестьянским обществам.

Значение этих процессов, изменявших состояние традиций народной культуры в Сибири, усиливалось тем, что проходили они на фоне новых тенденций общественного развития, новых художественных устремлений и форм культуры, характерных для России XIX века, на фоне активного взаимодействия традиций городской культуры, профессионального искусства с крестьянскими традициями. Влияние этих процессов проявилось не столько в изменении музыкально-стилевых норм старожильской песенности, сколько в наложении на старожильческую традицию новых музыкально-стилевых комплексов и во включении новых сюжетно-тематических образований. Всё это приводило к изменениям структуры репертуара – закреплению в музыкальном быту старожилов новых песен или их переинтонированию на основе традиционных приёмов, переходу части традиционного репертуара к ограниченному возрастным или социальным группам населения. Обращает на себя внимание, что отмеченные изменения коснулись лишь жанра лирических песен, тогда как песни свадебного обряда и хороводные бытовали как устойчивая сфера народной музыкальной культуры старожилов и подчинялись общим законам жизни традиционного фольклора.

Вместе с образованием в репертуаре новых песенных групп в рамках моностилевой культуры старожилов происходит дифференциация музыкаль-

но-стилевых пластов по признаку их историко-культурной принадлежности. Как показывают материалы современных фольклорных экспедиций, песенность старожильческих поселений включает в себя:

- основной пласт песен русско-сибирского склада, объединяющий ранний слой старожильской лирики, песни свадебные и хороводные;
- лирические песни позднего происхождения, распетые на основе музыкально-стилевых закономерностей старожильской традиции;
- поздний слой лирических песен, имеющих общерусское распространение и по основным характеристикам музыкально-поэтического языка восходящих к новым веяниям городской культуры.

Музыкально-стилевая дифференциация жанра лирических песен отразила закономерности, определяющие качественные сдвиги в развитии русских фольклорных традиций в целом на позднем этапе их существования (вторая половина XIX – начало XX века). Вместе с тем, здесь мы наблюдаем ещё одну важную сторону жизни старожильческих традиций – их взаимодействие с музыкальными традициями других историко-культурных групп русского населения Сибири, сформировавшихся на протяжении отмеченного периода. Сам факт такого взаимодействия характеризует высокую степень активности принципов народного художественного мышления, следствием которой и явилось возникновение в XVII–XVIII веках своеобразной песенной культуры русско-сибирского склада.

Сборник «Лирические песни Томского Приобья» является третьим, завершающим серию публикаций материалов по музыкальному фольклору старожильского населения Томской области и пограничных с ней районов Кемеровской, Новосибирской областей. Первые два выпуска посвящены песням свадебного обряда и хороводным.⁷¹ В совокупности все три сборника достаточно полно (с точки зрения типологии напевов) представляют песенную культуру раннего старожильского слоя.

В издании сосредоточены наиболее характерные образцы лирических песен старожильской традиции – те из них, в которых отчётливо проявляются черты стиля, свойственные песням русско-сибирского склада. Это означает, что за пределами публикации остались песни, образующие третий из отмеченных выше пластов старожильского музыкального фольклора.

Материал сборника расположен в порядке, соответствующем высказанным выше замечаниям по истории формирования, музыкально-стилевой, сюжетно-тематической группировке лирических песен старожильской традиции: молодецкие песни – № 1–10; традиционные (в музыкально-стилевом отношении) женские песни – № 11–17; относительно поздние лирические песни, распетые в соответствии с эстетикой и музыкальным стилем

⁷¹ См.: Хороводные песни Томского Приобья...; Свадебные песни Томского Приобья...

песен старожильческой традиции — № 18–28; характерный для Сибири слой песен, которые можно условно назвать «песни отверженных» (так называемые песни каторги и ссылки), и примыкающие к ним песни о воинской жизни — № 29–40.

Все помещённые в сборнике песни, в том числе и распетое в народной традиции стихотворение А. С. Пушкина «Казак» (№ 41), песни на слова И. И. Козлова (№ 36), Ф. Н. Глинки (№ 16), М. Ю. Лермонтова (№ 34), Н. П. Огарева (№ 31), А. В. Кольцова (№ 18), а также неизвестных авторов XIX века, свидетельствуют о единстве старожильческой песенной традиции. Вместе с тем легко просматриваются особенности каждой внутрижанровой группы песен. Эти черты связаны с характеристичностью конструктивных закономерностей песенной формы отдельных групп — с ладовым строением, типом многоголосия и голосоведения, метроритмикой стиха и напева, композиционными принципами.⁷²

⁷² *Примеч. сост.:* Замечания технологического характера вынесены нами в сноску:

При общей структурной ясности напевов особенности исполнительского стиля сибиряков-старожилов придают им яркое своеобразие (замечательные образцы, характеризующие высокий уровень исполнительской культуры, искусства ансамблевого пения сибиряков-старожилов, представлены в комплекте грампластинок: Русские песни Южного Алтая. Мелодия, 1983. С20-19883-005). Одна из них — декламационный характер зачина — требует специальной оговорки, поскольку выставленный в нотации общий темп музыкального движения в ряде случаев не отражает истинного характера подвижной метроритмики песни. Также «качается» метроритм и в кадансирующих оборотах формы (за счёт «лишней» протяжённости долгого звука или паузы, фиксирующей момент дыхания). В отдельных случаях мы пользуемся знаками ферматы, цезуры или паузы в круглых скобках.

Выше уже отмечалась низкая тесситура женских голосов. В целях удобства чтения нотного текста ряд напевов пришлось транспонировать. Все случаи транспонирования оговорены в примечаниях к песням.

В основе тактировки напевов лежит принцип согласованной акцентности стиха и напева. При необходимости выделения только музыкальной акцентности используется пунктирная тактовая черта. Тактовый размер в этом случае выставляется (где это требуется) у пунктирной тактовой черты.

В целях сохранения достоверности звучания в поэтических текстах песен в основном воспроизводится диалектная форма музыкального произнесения слова. К литературной норме приведены случаи нормативного произнесения безударных гласных, окончания глаголов, замена глухих согласных звонкими, если это не искажает характеристичности музыкального звучания. Наиболее типичные случаи: *спалётывал — сполётывал, галава — голова, ножиньки — ноженънки, печалитца — печалится, друк — друг, с лош(ы)кай — с лож(ы)кой* и так далее.

Момент мягкой атаки звука с придыханием (как правило, на последнюю гласную предыдущего слова или слога), имеющим фиксированный ритм, обозначается форшлагом.

Особого внимания требуют приёмы йотирования и повторной мягкой атаки гласных. Во всех случаях йотированный гласный звук вписывается в круглых скобках: — *a — (ïa)*, *o — (ïo)*, а над нотой ставится знак *portamento* (-). При повторе гласной (без йотирования) над нотой ставится знак *portamento*, но гласный звук не выписывается второй раз.

С учётом итогового характера публикации в приложении приводятся карта-схема районов Томского Приобья и перечень населённых пунктов, обследованных во время фольклорных экспедиций.

Составитель приносит глубокую благодарность и признательность всем, кто содействовал экспедиционной записи и публикации материалов по народно-песенной культуре Томского Приобья, и в первую очередь исполнителям народных песен – жителям томских деревень.

Песни Средней Сухоны⁷³

Русские народные песни Вологодской области издавна привлекают внимание собирателей и исследователей народного музыкально-поэтического творчества. Известны многочисленные публикации текстов народных песен, сказок, пословиц, поговорок, загадок, материалов по свадебному обряду и крестьянским праздникам.⁷⁴ Однако музыкальные издания вологодского фольклора занимают среди них скромное место.⁷⁵

⁷³ Мехнецов А. М. Песни Средней Сухоны. Первоначальный вариант предисловия к изданию: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны (по материалам студенческих фольклорных экспедиций) / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1981. Публикуется впервые.

Примеч. сост.: При публикации сборника «Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны» подготовленный объём материалов был значительно сокращён: исключены целые разделы (в том числе раздел, представляющий свадебный фольклор сухонского правобережья), значительно сокращён текст Предисловия (подробнее об этом – см. примечание в конце статьи). В настоящей публикации (Мехнецов А. М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы...) приводится полный текст Предисловия по сохранившемуся машинописному варианту; выверены и скорректированы отсылки на номера песен, вошедшие в изданный сборник; даны нотные примеры из сборника, на которые ссылается автор. Примеры по свадебному фольклору сухонского правобережья даются в нотации К. А. Мехнецовой. Все примеры сопровождаются паспортными данными. В заключение статьи приводятся сведения об авторах записи, по ряду причин отсутствующие в сборнике.

⁷⁴ Студитский Ф. Д. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Д. Студитским. СПб., 1841; Понов К. А. Заметки о свадебных песнях и обрядах в Вологодской губернии // Известия ОЛЕАиЭ при Московском университете. М., 1874. Т. 13. Вып. 1. Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. С. 64–68; Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902; Едемский М. Б. Вечерованье, песни и городки (хороводы) в Кокшенье, Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1905. Т. 14. Вып. 3–4. С. 492–512; Едемский М. Б. Припевки в Кокшенье, Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1909. Т. 19. Вып. 1. С. 28–33; СПб., 1910. Вып. 1–2. С. 108–120; Малевинский Ф. Е. Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1912; Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской (и др.) губерний. Ярославль, 1913; Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915; Померанцева Э. В. Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955; Вологодский фольклор: Народное творчество Сокольского района / Вступит. ст. И. В. Ефремова. Архангельск, 1975; Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иванищким в Вологодской губ. Вологда, 1960; и другие.

⁷⁵ Лаговский Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний. Вып. 2 // Труды Костромского общества по изучению местного края. Вып. 29. Кострома, 1923; Ляпунов С. М., Истомин Ф. М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 г. Записал напевы С. Ляпунов. СПб., 1899; Линёва Е. Э. Великорусские песни в народной гармонизации. СПб., 1904.

Систематическое, целенаправленное экспедиционное обследование и изучение народно-песенной культуры Вологодской области началось лишь в последние годы.⁷⁶ С 1967 года силами студенческих фольклорных экспедиций Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова⁷⁷ собраны материалы по музыкальному фольклору Бабушкинского, Белозерского, Вашкинского, Великоустюгского, Верховажского, Вожегодского, Вытегорского, Грязовецкого, Кичменгско-Городецкого, Междуреченского, Никольского, Нюксенского, Сямженского, Тарногского, Тотемского, Устюженского, Чагодощенского районов. Всего в фондах Лаборатории народного музыкального творчества ЛОЛГК в настоящее время⁷⁸ насчитывается около 30 тысяч записей вологодских песен различных жанров, наигрышей на музыкальных инструментах, а также описаний местных свадебных, похоронных, календарных обрядов и обычаев.

В основе нашего подхода к изучению народной песни лежит представление о функциональности произведений фольклора, их историчности, а также понимание песни как особой языковой формы, выражающей специфику народного художественно-образного мышления. Такой подход определяет характер экспедиционной работы ЛОЛГК в последние годы (начиная с 1976 года) и методику анализа собранных материалов: сплошное обследование всех населённых пунктов, входящих в каждый данный сельсовет, позволяющее использовать статистический метод при сборе и обработке экспедиционных материалов; установление границ распространения наблюдаемых явлений (репертуар, особенности стиля, формы бытования); соотнесение фольклорных материалов с историко-этнографическими характеристиками местной культуры, учитывающее современное состояние песенной традиции.

Сборник открывает серию изданий, в которой будут представлены разнообразные местные песенные традиции Вологодской области, составляющие одно из наиболее интересных явлений в русской национальной культуре – севернорусскую песню.⁷⁹ Первый выпуск серии посвящён песенным традици-

Вып. 1; СПб., 1909. Вып. 2; *Попов А. Н.* Русские народные песни Вологодской губернии // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Вып. 1; М., 1911. Вып. 2; *Гуппиус Е. В., Эвальд З. В.* Народные песни Вологодской области. Л., 1938; *Ефименкова Б. Б.* Северные байки. М., 1977; и другие.

⁷⁶ *Примеч. сост.:* Имеется в виду период 1960-х – начала 1970-х годов.

⁷⁷ Далее – ЛОЛГК.

⁷⁸ *Примеч. сост.:* Примерное количество записей на 1979–1980 годы.

⁷⁹ *Примеч. сост.:* А. М. Мехнецов планировал серию изданий как по Вологодской, так (позже) и по Псковской области, однако приступить к реализации этих проектов оказалось возможным лишь в начале 2000-х годов. См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова:* две части первого тома издания: Народная традиционная культура Вологодской области...; Песни Псковской земли...; Народная традиционная культура Псковской области... Часть материалов, записанных в Вологодской области в 1970-е годы, вошла в издание «Русская свадьба». См.: *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарногский район Вологодской области) / Муз. ред.-сост. А. М. Мехнецов. М.: Современник, 1985. – 390 с.: нот., пластинка.

ям районов среднего течения реки Сухоны. В публикацию вошли материалы экспедиций ЛОЛГК 1970, 1971, 1974, 1975 годов в Тотемский и пограничные с ним Бабушкинский и Нюксенский районы Вологодской области. Однако в экспедициях этих лет принципы, изложенные выше, только складывались, что сказалось на недостаточно полной этнографической характеристике материала. Тем не менее публикуемые материалы дают яркое представление о своеобразной песенной культуре обследованных районов.

Город Тотьма — один из первых опорных пунктов на пути новгородцев в освоении северных земель. Первое упоминание о погосте Тотьма относится к 1137 году. В дальнейшем Тотьма — важный хозяйственно-культурный центр, расположенный на сухоно-двинском торговом пути, дающем выход русским товарам через Архангельск на международный рынок. Такое положение Тотьмы активизировало хозяйственную и культурную жизнь района. До сих пор Тотьма — один из заповедных уголков севернорусской культуры (деревянная архитектура, резьба, народный костюм, традиционные обряды и обычаи, песни).⁸⁰

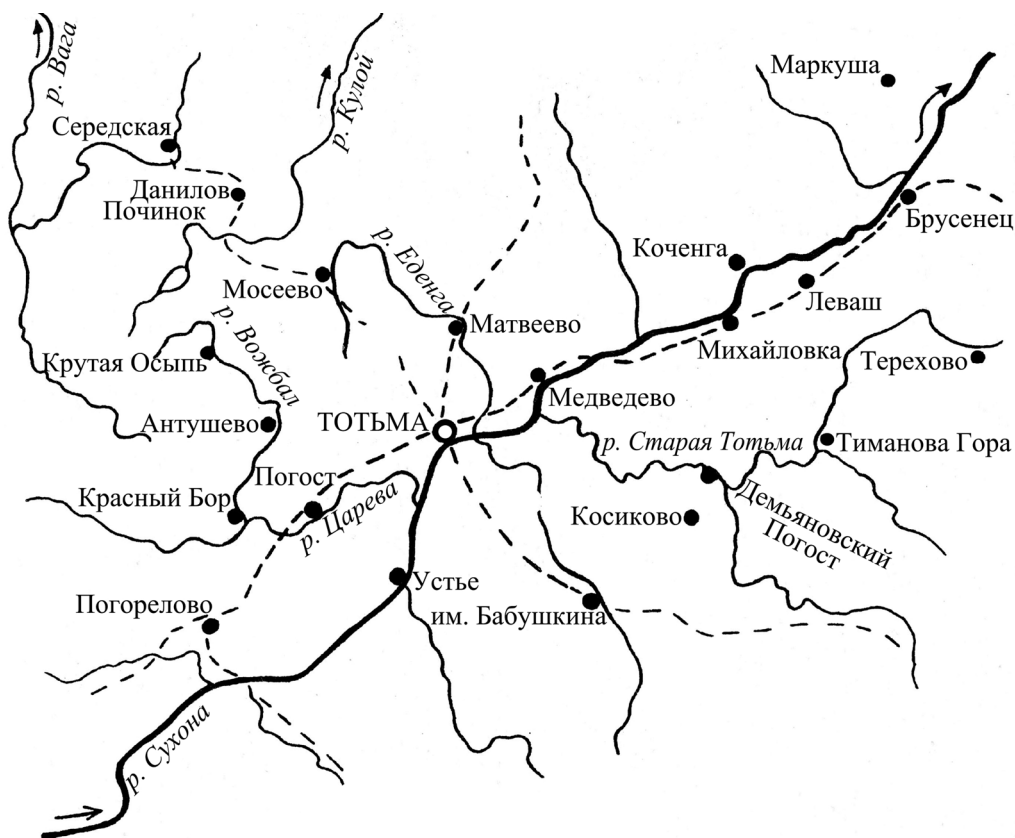
Как показали результаты экспедиций, на территории Тотемского района сформировались различные по своим музыкально-стилевым признакам песенные традиции. В деревнях, расположенных на северо-западе района (в Заозерском, Середском сельсоветах, на Сондуге), местные песенные традиции связаны, с одной стороны, с кулойско-кокшенинскими, с другой стороны — с верхневажскими (Сямженский район) традициями. На юго-западе Тотемского района, вверх по течению Сухоны от Тотьмы (Погореловский сельсовет, деревни по реке Толшме), мы наблюдаем связь местного песенного стиля с верхнесухонскими традициями. Сложные связи обнаруживаются и в традициях, бытующих на сухонском правобережье (вниз по течению реки от Тотьмы), — здесь и в репертуаре, и в стилистике народных песен прослеживается переход к традициям верхневолжского региона.

Наиболее представительными, определяющими своеобразие песенности Тотемского района, являются две традиции. Одна из них — центрально-тотемская — имеет строго локальный характер распространения на левобережье реки Сухоны, между её притоками — реками Вожбал, Царёвой и Еденгой (Медведевский, Матвеевский, Мосеевский, Вожбальский, Калининский сельсоветы). Центры второй традиции сосредоточены на сухонском правобережье, к востоку от Тотьмы (Нижняя Печенга — Леваш — Брусенец, а также сельсоветы по реке Старой Тотьме).

Выявление границ песенных традиций возможно по различным признакам (однородность репертуара, прослеживаемая по ведущим жанрам, одно-

⁸⁰ Сведения по истории и этнографии края см., например: Очерки по истории колонизации Севера. [Петроград], 1922. Вып. 1; Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. [Петроград], 1922. Вып. 2; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976; Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVII — первой четверти XX в. М., 1976; и другие.

родность музыкально-стилевых особенностей, общность этнографических признаков). Однако необходимо учитывать неравноценность представительства для данной традиции того или иного из выбранных показателей. Так, например, ареал распространения хороводных песен одного и того же типа может выходить за пределы данной локальной традиции, поскольку их однотипность в этом случае связана с причинами более общего характера – жанровой принадлежностью, особенностями бытования. Также и распространённость лирических песен не всегда совпадает с границами местной традиции. Ранний слой лирических песен имеет достаточно ограниченный ареал бытования, тогда как однотипные формы песен позднего происхождения могут быть представительны для разных традиций.

Наиболее устойчивым признаком установления границ является музыкальная стилистика песен и причитаний свадебного обряда, тесно связанная с изначальными формами интонационного строя местной песенной культуры. Именно на этом основании и проводились поиски границ разнообразных песенных традиций Тотемского района.

Как уже отмечалось, особенности песенной культуры Тотемского района определяются наличием двух разнохарактерных традиций – левобереж-

ной (центрально-тотемская) и правобережной (Нижняя Печенга – Леваш – Старая Тотьма), а также различными переходными явлениями на периферии района, свидетельствующими о несовпадении историко-культурных границ с административными пределами территории района.

Сравнительный анализ песенных традиций сухонского левобережья и правобережья показывает, что как по составу ведущих жанров (свадебные песни, причитания, лирические песни), так и по типологии напевов эти две традиции представляют собой самостоятельные историко-культурные образования в рамках более широкой общности этнокультурных традиций при-сухонского региона.

Так же, как и в других районах Русского Севера, музыкально-поэтическое содержание тотемской свадьбы находит выражение в трёх устойчивых формах произнесения ритуального текста. Это голошения (по-местному – причёты) невесты, её матери, сестёр, подруг; песенная форма причёта подруг (коллективный причёт) и собственно свадебные песни – величания, корильные (хуления), припевки.

На сухонском левобережье в пределах распространения названной традиции формы свадебного голошения имеют единый интонационно-ритмический тип.⁸¹

Пример 1⁸²

Ой, дак уж по - си... (и) - жу - то да я по - ду...

Ой, дак уж я про... (о) всё - то да пе - ре - ду...

Его своеобразие заключается в том, что предупредительная зона лежащего в основе стиха восьмисложника оказывается протяжённой за счёт начального возгласа «Ой, дак уж...», «Ой, уж ты...», «Ой, уж гляда...». Накопление ритмического движения в зоне начального возгласа согласуется с большим, превышающим объём нормативного восьмисложника, количеством слогопроизносимых единиц в тексте причёта. Кроме этого, важную роль в ритмической организации напева играет обязательная смысловая пауза на последнем предупредительном слого: «Ой, дак уж ты ро... (о)димая моя се...».

⁸¹ См.: Народные песни Вологодской области... № 23–25.

⁸² «Ой, дак уж посижу-то да я подумаю». Причёт невесты в венчальный день. Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотовская. Исп.: Конева А. М., 1909 г. р. Зап.: Сушко А. Б. 23.07.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 794-38. Расш.: Захаров А. Н. Народные песни Вологодской области... № 23.

Пример 2⁸³

Ой, дак уж ты ро... (о) - ди - ма - я мо - я се...

Ой, дак уж я спро... (о) - шу - то у те - бя, се...

Структурно-ритмическое значение паузы на предакцентном слоге состоит в том, что она включается в синкопу, образуемую в предударной зоне за счёт продолженного предударного слога. Иногда такая пауза встречается и перед вторым логическим акцентом стиха. Своеобразие ритмики, а также интонирование в узком диапазоне подчёркивают декламационный характер голошения.

Местные варианты свадебного голошения на сухонском левобережье образуются за счёт различного мелодического распева основной интонационно-ритмической формулы причёта (см. пример 1).⁸⁴ Необходимо отметить, что в центрально-тотемской традиции, в отличие от правобережной, свадебный причёт-голошение и похоронный причёт имеют самостоятельные интонационно-ритмические типы напева. В ряде случаев невеста-сирота причитает на похоронный «голос».

Пример 3⁸⁵

Ой, да ни - ка - ка - я я воль - на - я,

Ой, ни - ка - ка - я са - мо - воль - на - я.

⁸³ «Ой, дак уж ты родимая моя сестрица». Причёт невесты и сестры в венчальный день. Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотовская. Исп.: Конева А. М., 1909 г. р., Брагина А. С., 1913 г. р. Зап.: Сушко А. Б. 23.07.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 794-36. Расш.: Захаров А. Н. Народные песни Вологодской области... № 25. *Примеч. сост.:* в примере 2 даётся только образец причёта невесты; напев причёта сестры, звучащий одновременно, не приводится.

⁸⁴ Народные песни Вологодской области... Ср. № 23, 24, 30.

⁸⁵ «Ой, да никакая я вольная». Причёт невесты-сироты на «покойничий голос». Тотемский р-н, Мосеевский с/с, д. Бобровицы. Исп.: Брагина А. А., 59 л. Зап.: Буракова В. Н. 02.07.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 546-37. Народные песни Вологодской области... С. 118 (примечание к № 23, нотный пример «б»).

Свадебные голошения песенной традиции сухонского правобережья имеют несколько иную ритмическую организацию восьмисложного причётного стиха. Здесь ритмический тип причёта основан на равномерном последовании слогоритмических единиц поэтического текста.

Пример 4⁸⁶

Ой, уж от - да - ёт ме - ня ба... (тюшко),
 Ой, он за се - да - ту - ю бо... (роду).

Для традиции голошения на правобережье важно совпадение формулы свадебного и похоронного причётов. Отметим также, что этот тип напева распространён на левобережье как похоронный. Лишь в деревнях Вожбальского сельсовета он приобретает синкопированную ритмическую форму.

Пример 5⁸⁷

Ой, сед - ниш - ню - ю - ту но...
 Ой, я спа - ла - вы - сы - па...

Одной из важнейших форм, в которых реализуется музыкально-поэтическая сторона свадебного обряда исследуемых традиций, является форма коллективного причёта. Его интонационно-ритмические и композиционные особенности исходят из обрядово-необходимого совместного, коллективного произнесения причётного текста. Именно в силу коллективного исполнения формула коллективного причёта теряет нестабильные элементы структуры, возможные при сольном исполнении, приобретает черты песенной формы —

⁸⁶ «Ой, уж отдаёт меня батюшко». Причёт невесты. Тотемский р-н, Нижнепеченгский с/с, д. Леваш. Исп.: Ивина А. И., 65 л. Зап.: Марченко Ю. И. 08.07.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 534-14. Расш.: Мехнецова К. А. *Примеч. сост.:* в сборнике напев не был опубликован.

⁸⁷ «Ой, всё седни, сево...». Причёт невесты-сироты на «покойничий голос». Тотемский р-н, Вожбальский с/с, д. Сергеево. Исп.: Бутакова М. И., 59 л. Зап.: Мазо М. Л. 08.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 334-19. Народные песни Вологодской области... С. 117 (примечание к № 23, нотный пример «а»).

устойчивость звуковысотного и ритмического контуров напева, стабильность композиции напева и текста.

Повсеместно в деревнях сухонского левобережья бытует одна формула коллективного причитания.

Пример 6⁸⁸

Ой, да бла - сло - ви, Хрис - тос и... ой,
 бла-сло - ви, Хрис - тос и... ой, ис - тин - ной, да.

Строфическая форма его напева образована повтором стиха, причём внутренняя цезура преодолевается за счёт обрыва слова. Ритмическое своеобразие этого напева заключается в протяжённости преакцентного слога, создающей синкопу, а также в протяжённости второго акцентного слога, на который падает главное логическое ударение. Синкопированный ритм песенной формы причёта (см. выше о синкопе в причёте-голошении) имеет принципиальное значение для характеристики стиля свадебных песен центрально-тотемской традиции.⁸⁹

Отмечая особенности бытования данного напева, укажем на то, что в деревнях Вожбальского сельсовета он зафиксирован не только с причётными, но и с песенными текстами «Уж те спасибо, спасибо», «Уж вы соколы, соколы», «Нагонили-наехали», «Отставала бела лебедь». Важно и другое: в Мосеевском сельсовете наряду с основным напевом функцию коллективного причёта выполняет напев «Уж вы соколы, соколы» (см. пример 7), бытующий здесь, главным образом, с текстами свадебных величаний, хулений, припевов. Очевидно, что в этих случаях мы встречаемся с переменностью функциональной значимости напевов.

⁸⁸ «Ой, да бласлови, Христос истинной». Причёт девушек «на благословенье». Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Копытова Ю. А., 76 л., Белоусова А. А., Попова А. В., Белоусова Ю. А., Попова Г. М., 64 г. Зап.: Кошелев В. К. 07.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 344-01а. Расш.: Серый И. А. Народные песни Вологодской области... № 26. *Примеч. А. М. Мехнецова:* «Напев песенной формы причёта девушек в деревнях Матвеевского, Медведевского, Мосеевского, Вожбальского, Калининского с/с имеет единый интонационно-ритмический тип».

⁸⁹ Этот тип слогопроизнесения, рассматриваемый нами как типологический признак, является одним из ведущих показателей и в стиле свадебных песен гдовской и пинежской традиций (см. Гдовская старина / Сост. Н. Л. Котикова. Л., 1962; *Гунпиус Е. В., Эвальд З. В.* Песни Пинежья. М., 1937. Кн. 2).

Пример 7⁹⁰

Уж вы со - ко - лы, со - ко - лы,
со - ко - лы пе - ре - лет - ны - ё.

Для правобережья характерна иная формула коллективного причёта.

Пример 8⁹¹

2.Круг дво - ра об - ле - ли - я - ла, да
круг дво - ра об - ле - ли - я - ла, да.

Музыкально-поэтическая строфа образуется здесь так же, как и на левобережье, вариантным повторением стиха, ритмический контур которого близок ритмике причёта-голошения. Единство ритмики этих двух причётных напевов отчётливо проявляется даже тогда, когда при одновременном их исполнении счётное время (доля) причёта-голошения вдвое увеличено (см. пример 9).

Рассмотренные формы тотемских причитаний (типы причётов-голошений и коллективных причётов) организуют основные моменты свадебного действия. Обусловленное ходом свадебного обряда последовательное

⁹⁰ «Уж вы соколы, соколы». Свадебная песня в «смотряной» день. Тотемский р-н, Мосеевский с/с, д. Часовная. Исп.: Кузьминская П. Н., 68 л., Зыкова М. Г., 75 л. Зап.: Шепелёва Е. Е., Уткин А. Н. 28.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 547-06. Расш: Захаров А. Н. Народные песни Вологодской области... № 35.

⁹¹ «Што не вёшная вода». Причёт девушек. Тотемский р-н, Нижнепеченгский с/с, д. Леваш. Исп.: Никитинская Ю. И., 59 л., Никитинская А. И., 61 г., Ивина К. Ф., 65 л., Иванченко К. А., 61 г. Зап.: Марченко Ю. И. 08.07.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ № 534-10. Расш.: Мехнецова К. А. *Примеч.* А. М. Мехнецова: «С этим напевом исполняются также тексты причётов, величаний и «хулений» («Посадил цюжой цюженец» — величают крёстного и крёстную жениха, «Ой, да што нашли да наехали» — «хулят» женихов поезд). В деревне Леваш, в отличие от других деревень Нижнепеченгского с/с одновременное исполнение причётов невесты и песенной формы причёта девушек не зафиксировано». *Примеч. сост.:* в сборнике напев не был опубликован.

или одновременное их исполнение образует сложные причётные «сцены». Соединение в одновременном звучании песен и причётов-голошений в моменты, когда причитают невеста и мать или сестра,⁹² причёта невесты и коллективного причёта девушек,⁹³ свадебных песен с причётом невесты⁹⁴ создаёт особые полифонические сочетания. Их образно-эмоциональная выразительность может быть осознана лишь в связи с функциональной значимостью напевов крестьянской свадьбы.

Пример 9⁹⁵

невеста:
Я за - цю - ла, за - слы - ша - ла да звон - ця -

девушки:
Я за - цю - ла, за - слы - ша - ла, да я за - цю - ла, за - слы - ша - ла, дак

ты ко - ло - коль... ой, да звон - ця - ты ко - ло - коль...

звон - ця - ты ко - ло - коль - ци - ки, ой, звон - ця - ты ко - ло - коль - ци - ки, да.

Различие двух традиций — левобережной и правобережной — проявляется и в свадебно-обрядовых песнях. Отличия касаются как сюжетного состава песен (величаний, хулений и припевок), так и их стиливых показателей. Свадебный обряд левобережной традиции включает в себя три основных напева: «Ой, не было ветру»,⁹⁶ один из вариантов напева «Уж вы соколы, соколы»⁹⁷ и «Ой, во Китае было городе».⁹⁸ При этом песня «Ой, не было ветру» исполняется единственный раз в течение свадебного обряда при встрече поезжан. Других текстов к этому напеву нет. С напевом «Ой, во Китае было городе» (величание жениху и невесте) исполняются также песни «Ой, как у нашова да у батюшка», «Ой, твоя умная да головушка». Напев «Ой, уж вы со-

⁹² См.: Народные песни Вологодской области... № 25.

⁹³ См., например: Там же. № 29.

⁹⁴ См.: Там же. № 32.

⁹⁵ «Я зачула-заслышала». Причёт невесты и девушек, когда приезжает женихов поезд. Нюксенский р-н, Комарёвский с/с, д. Задний Двор. Исп.: Собанина А. В., 63 г., Короткая Н. А., 67 л., Короткая А. В., 71 г. Зап.: Марченко Ю. И. 05.07.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 468-10. Расш.: Мехнецова К. А. *Примеч. сост.*: в сборнике напев не был опубликован.

⁹⁶ См.: Народные песни Вологодской области... № 33.

⁹⁷ См., например: Там же. № 35.

⁹⁸ См.: Там же. № 36.

колы, соколы» бытует на левобережье в двух вариантах. Один из них,⁹⁹ более распетый, мы находим в деревнях Матвеевского сельсовета. Второй – короткий напев с особым ритмом слоγοпроизнесения, напоминающим причётные формулы,¹⁰⁰ распространён в деревнях Мосеевского сельсовета. Там же бытует и своеобразный вариант напева матвеевских «Соколов».¹⁰¹ С напевами группы «Уж вы соколы, соколы» на левобережье исполняются не только различные песенные тексты величаний-хулений свахам, сватам, поезжанам, но и значительное число причётных текстов. Более того, в Мосеевском сельсовете, как уже говорилось, этот напев выступает в роли коллективного причёта.

Для понимания сложной причётно-песенной системы крестьянской свадьбы центрально-тотемской традиции необходимо отметить ещё раз то обстоятельство, что в деревнях Вожбальского сельсовета группа песенных сюжетов – таких как «Уж вы соколы, соколы», «Отставала бела лебедь», «Уж вам спасибо, спасибо», «Нагонили-наехали» – исполняется с напевом основной формулы коллективного причёта (см. пример б).

Свадебные песни на сухонском правобережье образуют самостоятельный цикл. Общим с левобережной традицией является лишь один сюжет – «Во Китае было городе». Но напев, с которым он распет здесь, значительно отличается по своим музыкально-стилевым показателям от левобережного (ср. примеры 10 и 11).

Кроме того, экспедиционные материалы не дают к этому напеву других текстов. Совершенно иной, не встречающейся на левобережье структурой напева-формулы с повтором второго полустиха является напев группы текстов «Ой, сказали про зетя – богатой», «Што ведь Марья-то Ивана невзлюбила», «Што сказали, у нас Васенька женивсе» (см. пример 12).

Пример 10¹⁰²

Ой, во Ки - та - е бы - ло го - ро - де, да
во по - ла - те бе - ло - ка - мен - ной.

⁹⁹ См.: Там же. № 34.

¹⁰⁰ См.: Там же. № 35.

¹⁰¹ См.: Там же. № 27.

¹⁰² «Ой, во Китае было городе». Свадебная песня в «смотряной» день. Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотовская. Исп.: Конева А. М., 1909 г. р., Брагина А. С., 1913 г. р., Федотовская А. И., 1912 г. р. Зап.: Мазо М. Л. 05.07.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 467-27. Расш.: Захаров А. Н. Народные песни Вологодской области... № 36.

Пример 11¹⁰³

$\bullet = 132$

2. Во па - ла - те бе - ло - ка - мен - ной, да
туг си - дел доб - рой мо - ло - дец, да.

Пример 12¹⁰⁴

$\bullet = 126$

Ой, ска - за - ли про зе - тя - бо - га - той, да
он бо - га - той.

Также особую группу, отличную от центрально-тотемской традиции, образуют песни-припевки, функциональная природа которых выходит за пределы свадебного обряда. Их исполнение возможно и на обычных деревенских вечёрках, когда припеваётся парень девушке или девушка парню. Это песни двух типов. Напев-формула одного из них связан с метrorитмическими закономерностями плясовых песен, имеющих одиннадцатисложную структуру песенного стиха («Камаринская»). С этим напевом исполняются песни «Не по столику стаканчики бренцят», «Што брала, брала вот Наденька ключи», «Што по бережку-ту конь вороной».

Ко второму типу мы относим песни со своеобразным дополнением, смысловое содержание которого выражается в ритмике припевных слов: «Сповильён, сповильён», «Цари вери, вери, вери».

Одним из ведущих жанров, в котором находят выражение особенности местной песенной культуры, является жанр лирических песен. Выше уже отмечалось, что различные исторические пласты песенной лирики имеют не-

¹⁰³ «Во Китае было городе». Припевка, обычно пелась жениху и невесте. Бабушкинский р-н, Демьяновский с/с, д. Подгорная. Исп.: Кузнецова А. Е., Попова К. Е., Исаковская М. Е., Попова Е. С., Попова А. П., Харина А. С. Зап.: Коннов В. П. 05.07.1970. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 306-13. Расш.: Мехнецова К. А. *Примеч. сост.*: в сборнике напев не был опубликован.

¹⁰⁴ «Ой, сказали про зетя — богатой». Припевка. Тотемский р-н, Нижнепеченгский с/с, д. Коченга. Исп.: Белоусова А. Ф., 74 г. Зап.: Коншина Е. С. 17.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 345-17. Расш.: Мехнецова К. А. *Примеч. сост.*: в сборнике напев не был опубликован.

одинаковую и географию распространения, и характер бытования. Черты песенного стиля центрально-тотемской традиции, так же как и правобережной, наиболее ярко проявляются в раннем слое лирических песен. К нему мы относим песни, отличающиеся особым строем музыкальной речи, стихосложением, не связанным с литературной традицией, и особой системой художественных образов.¹⁰⁵ Этот слой лирики сами исполнители различают и по сюжетным и стилевым признакам, но более всего по приуроченности или по обстоятельствам исполнения песен. Почти все традиционные лирические песни пелись не только «когда здумаешь», но и когда «ходили по деревне» в праздники (в Масленицу, Троицу) или «когда со жнива шли». Эти особые условия исполнения под шаг, на улице, возможно, объясняют своеобразие характера самих песен и манеры их интонирования. Пение на улице большой артелью выработало и особую, «уличную», манеру исполнения. Такое пение «далеко на заре раздавалось», «в Исаково было гудко, когда в Копорино пели». Лирические песни этого слоя могут объединяться в своеобразные циклы.¹⁰⁶

На изучаемой территории мы выделяем три центра бытования лирических песен раннего слоя — матвеевский, медведевский (на левобережье) и левашский (на правобережье). Для каждого из них показательны и свой репертуар, и черты местного стиля, которые, несмотря на ряд общих для них существенных закономерностей музыкального языка, образуют две различных традиции — левобережную и правобережную. Так, например, в лирических песнях матвеевского центра ярко проявляются особенности, характерные для протяжных песен — развёрнутые внутрислоговые распевы, вставки дополнительных частиц «ой», «дак», «уж» между словами и при словообрыве, повторы слов.¹⁰⁷ Напротив, в песнях левашского центра ведущим признаком становится насыщенный ритм слогопроизнесения, получающий в условиях довольно высокого темпа музыкального движения особую выразительность.¹⁰⁸ Однако и широко распеты песни матвеевской традиции, и «скорые» песни Леваша подчиняются общей для них закономерности — равномерной, «шаговой» пульсации метрических долей, создающей впечатление двухдольности в рамках сложной метрической организации песен.

¹⁰⁵ В ряде случаев тексты песен позднего происхождения могут быть распеты в традиционной манере, в стиле песен раннего слоя. См., например: Народные песни Вологодской области... № 4, 8, 17 («Розрешеньица ходит милой просит», «Жалко, жалко мне милóво»).

¹⁰⁶ Песни «Молодость ли моя», «Ох, я бы давно-то ли своево я милóва», «Прошло-то время всё наше дорогоё» пели одну за другой в установленной последовательности. Как объясняли исполнители, «у них голос схожий. Какие покруче, побыстрее... “Молодость” больно ходко сразу начинаем, “Я бы давно” дак сразу станешь словами петь, а “Прошло-то время” длиннее тянется, много ойканья в этой песне прежде, а потом только словами растегаешь». См.: Народные песни Вологодской области... № 1–3.

¹⁰⁷ «Молодость ли моя», «Ох, я бы давно-то ли своево я милóва», «Прошло-то время всё наше дорогоё». См.: Народные песни Вологодской области... № 1–3.

¹⁰⁸ См., например: «Задушевные вы мои подруженьки», «Жалко, жалко мне милóво». Народные песни Вологодской области... № 16, 17.

Местные особенности произнесения песенного текста в матвеевской, медведевской, левашской традициях прослеживаются и в ладо-интонационной характеристике песен раннего слоя. Но и в этом случае местные особенности образуют общий для лирических песен центральной Сухоны ряд закономерностей.

Основные закономерности этого слоя проявляются в следующем:¹⁰⁹

- в интонационно-ладовой организации (терцовые, квартовые «примитивы» как основа ладовой структуры с преобладанием принципов опевания опорных тонов и мелодического развития в терцовой ячейке интонирования);
- в принципе «формульности» интонационно-ритмических структур (попевки, комплексы попевок, образующие разделы формы — зачин, каданс, распевные обороты как внутрислоговые, так и на вставках; напев в целом);
- в принципе формообразования, ведущем своё начало от принципа структурного соответствия напева и строки поэтического текста в календарных песнях, причитаниях и былинах.

С точки зрения ладовой организации выделяются четыре группы напевов. Для первой группы¹¹⁰ важным является большесекундовое соотношение основных опорных тонов, образование квартового звукоряда с побочной опорой на верхнем тоне кварты и конструктивное значение нижнего малотерцового тона.

Пример 13¹¹¹

Ох, я бы дав - но - то ли
сво - е - во я ми - ло - ва, ой, ой, не ви -
да - ла е - во во... ой, во гла - за, ой.

Ладовое строение напевов второй группы¹¹² — терцовая ячейка интонирования с ладовым центром на нижнем тоне и вспомогательный нижний боль-

¹⁰⁹ *Примеч. сост.:* Данный абзац приводится по опубликованному варианту Предисловия.

¹¹⁰ См., например: Народные песни Вологодской области... № 1–3, 5, 9.

¹¹¹ «Ох, я бы давно-то ли своево я милóва». Пели, когда со жнива шли. Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотовская. Исп.: Конева А. М., 1909 г. р., Брагина А. С., 1913 г. р., Федотовская А. И., 1912 г. р. Зап.: Любавина Н. Ю. 17.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 375-45. Расш.: Марченко Ю. И. Народные песни Вологодской области... № 2.

¹¹² См., например: Народные песни Вологодской области... № 6–8, 10, 12.

шесекундовый тон — обнаруживает высокую подвижность данной системы, способность к образованию вариантов напева за счёт выявления вспомогательной опорности одного из тонов системы.

Пример 14¹¹³

2. Не да - ёт... дак уж раз - ре - ши - ко, ми - ла - я,
клят - ву да до - зволь мне - то жо - ни - ти - сё (ой).

Третья группа¹¹⁴ образована напевами, имеющими квартовую координацию опорных тонов в пределах заполненной кварты с нижним шесекундовым тоном, иногда выполняющим функцию вспомогательной опоры. В силу сходного строения ладовых систем напевы второй и третьей групп иногда образуют близкие мелодические варианты.¹¹⁵

Пример 15¹¹⁶

2. День - ки... До - ро - ги - е де - нё - ци - ки, бас - ки - е, да сквозь слёз
ри - цюш - ки про - тек - ли.

В четвёртую группу входят напевы квинтового ладового контура.¹¹⁷

¹¹³ «Розрешеньица ходит милой просит». «Долгая; поют, когда с поля идут». Тотемский р-н, Медведевский с/с, д. Запольная. Исп.: Белоусова А. А., 66 л., Копытова Ю. А., Попова А. В. Зап.: Марченко Ю. И. 23.06.1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 528-18. Расш.: Марченко Ю. И. Народные песни Вологодской области... № 8.

¹¹⁴ См., например: Народные песни Вологодской области... № 11, 13–15.

¹¹⁵ См., например: Там же. № 12, 14.

¹¹⁶ «Все-те празднички, девушки, на проходе». «Надо расходиться домой с гулянки, и поют; в Троицу на качуле пели». Тотемский р-н, Нижнепеченгский с/с, д. Леваш. Исп.: Козлова Е. А., 70 л., Ивина М. А., 76 л. Зап.: Кошелёв В. К. 16.07.1971. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 348-13. Расш.: Светличная Н. М. Народные песни Вологодской области... № 11.

¹¹⁷ См., например: Народные песни Вологодской области... № 4, 17, 18.

Пример 16¹¹⁸

Жа - л(ы) - ко - то, жа-л(ы)-ко мне, де-вуш-ке, ми - ло - ва, да
жа - л(ы) - ко, век - ту свой не за - быть.

Каждый из рассмотренных типов ладовой организации напевов является ведущим в одном из вышеназванных центров бытования лирических песен раннего слоя: первый тип — в матвеевском (д. Федотовская¹¹⁹) и в соседнем медведевском (д. Запольная¹²⁰), второй — в медведевском (д. Медведево, Запольная, Совинская¹²¹), и частично в близлежащем левашском (д. Леваш¹²²), третий — в левашском (д. Леваш, Дор¹²³). Четвёртый тип, имеющий более широкое распространение, представлен напевами из Леваша¹²⁴ и из Матвеева.¹²⁵

Кроме песен раннего слоя, имеющих локальный характер распространения, по всей территории района широко бытуют лирические песни позднего происхождения.

Хороводные песни, тесно связанные с годовыми крестьянскими праздниками, с традиционными зимними вечерованиями (бесёдами), игрищами, составляли неотъемлемую часть музыкального быта присухонских деревень. К сожалению, в материалах экспедиций ЛОЛГК 1971, 1974, 1975 годов оказались незафиксированными описания игр и хороводов с точки зрения их этнографии и хореографии. Составитель располагал лишь записями напевов и текстов хороводных песен и минимальными сведениями об их приуроченности и характере исполнения. Однако, учитывая важность публикации песен этого жанра, в сборнике помещены лучшие образцы, свидетельствующие о некогда богатой и развитой местной традиции хороводных песен. Среди них особого внимания заслуживают хороводные игры «Туру-туру пастырь, далёко ли трубишь», «Поидемте, робятушки, в торг торговать», «Станемте, робятуш-

¹¹⁸ «Жалко-то, жалко мне, девушке, милова». Матвеевский с/с, д. Федотовская. Исп.: Конева А. М., 1909 г. р., Брагина А. С., 1913 г. р., Федотовская А. И., 1912 г. р. Зап.: Мазо М. Л. Лето 1975. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 541-26. Расш.: Светличная Н. М. Народные песни Вологодской области... № 4.

¹¹⁹ Народные песни Вологодской области... № 1–3.

¹²⁰ Там же. № 5, 9.

¹²¹ Там же. № 6–8, 10.

¹²² Там же. № 12.

¹²³ Там же. № 11, 13–15.

¹²⁴ Там же. № 17, 18.

¹²⁵ Там же. № 4.

ки, горошек сеяти», «Кумушка-любушка» и другие.¹²⁶ В основном, это песни старой крестьянской традиции, исполнявшиеся в «рядах» (типа «Просо») или в «кругах». Они записаны, главным образом, в деревнях Матвеевского, Нижнепеченгского, Брусенского сельсоветов.

Другая группа песен — «Капустка, завейсе, завейсе», «Над рецьюшкой хмель-то», «Уж как во лузях», «Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке», «Во саду ли в огороде», «Над рекою над Невою» — имеет по экспедиционным данным более широкое распространение.¹²⁷ Значимость собственно игрового действия (разыгрывание сюжета) в них уступает значимости хороводного движения.

В напевах тотемских хороводов ярко проявляются черты стиля, присущие песням этого жанра: определённая структура песенной строфы (чаще всего — парная периодичность или повтор полустиха); ведущая роль квартового сопряжения опорных тонов в ладовой организации напевов старых игровых песен; соотношение метроритмических контуров напева и текста, подчинённое закономерностям хореографического движения. Наиболее чётко метроритмические закономерности песен, связанных с движением, прослеживаются в плясовых песнях.

Плясовые песни повсеместно бытуют в Тотемском районе, сопровождая такие танцы, как «Кадриль», «Шестёра», «Метелица». В ряде случаев эти танцы вытеснили из музыкального быта древние традиционные хороводы.

Задача публикации состоит в том, чтобы представить в наиболее полном объёме ведущие жанры местных народно-песенных традиций. В связи с этим в сборник не вошли такие музыкально-поэтические формы, как частушки, колыбельные, а также инструментальные наигрыши и плясовые песни.¹²⁸

¹²⁶ См.: Народные песни Вологодской области... № 118–121.

¹²⁷ *Примеч. сост.*: Не все из перечисленных здесь песен вошли в издание.

¹²⁸ *Примеч. сост.*: А. М. Мехнецов предполагал, что эти материалы будут опубликованы в следующих выпусках запланированной им серии.

Замечания технологического характера вынесены нами в сноску:

В ряду особенностей публикации народных песен необходимо отметить следующее:

1) Строфа поэтического текста выделена графически в тех случаях, когда композиционное соотношение напева и текста образует музыкально-поэтическую строфу, в отличие от стиховых форм, в которых периодичность композиционных структур основана на чередовании незамкнутых в строфу построений (см., например, причёты).

2) Заголовки к текстам даются по смысловому значению первой строки (первая строка «Покатайсё-ко, ко... ой», заголовок «Покатайсё-ко, косонька»). При полифоническом сочетании причётов невесты, матери, девушек, а также причётов и песен с разными текстами в заголовке приводятся первые строки обоих текстов, а сами тексты даются последовательно друг за другом. В тех случаях, когда при одновременном звучании невестиного и коллективного причётов содержание их поэтического текста совпадает, в заголовке выносятся первая строка коллективной формы причитания девушек; в тексте причёта невесты приводятся только начальные строки, показывающие особенности ритма слогапроизнесения, а текст причёта девушек публикуется полностью.

Сборник является результатом большой коллективной работы студентов Ленинградской консерватории и сотрудников Лаборатории народного музыкального творчества. Особый вклад в эту работу – экспедиционную и аналитическую – внесли выпускники консерватории Ю. И. Марченко, В. Н. Буракова, А. Ю. Кастров. Непосредственную подготовку музыкально-этнографических материалов к публикации, проводившуюся под руководством составителя, выполнили:

Н. М. Светличная – лирические песни, примечания к ним.

И. Б. Толстикова – свадебные причитания и песни сухонского левобережья, примечания к ним.

Е. И. Мельник – свадебные причитания и песни сухонского правобережья, примечания к ним.

О. А. Сергеева – игровые и хороводные песни, примечания к ним.

Успешная работа авторского коллектива сборника в большой мере была обеспечена постоянным вниманием и поддержкой со стороны Ректората Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и руководства кафедры истории русской и советской музыки.

Авторы сборника приносят глубокую благодарность всем, кто содействовал экспедиционной записи тотемских песен и в первую очередь – народным исполнителям, жителям присухонских деревень.

От составителей:

Обстоятельства выхода в свет сборника «Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны» складывались непросто. Сборник под названием «Тотемские песни» был подготовлен группой студентов – участников фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории, проходивших под руководством М. Л. Мазо. На заседании Кафедры истории русской и советской музыки 17 июня 1977 года состоялось обсуждение подготовленной рукописи.¹²⁹ Присутствовали: Ф. А. Рубцов, И. М. Вызго, М. Л. Мазо, А. Н. Кручинина, Т. В. Брославская, Л. А. Скафтымова, А. М. Мехнецов и студенты: О. А. Соловьёва, Ю. И. Марченко, Н. М. Светличная, А. Ю. Кастров, А. Б. Сушко.

В своём выступлении М. Л. Мазо кратко охарактеризовала рукопись, назвав участников работы, подготовивших разделы предполагаемого издания: «Разделы “Причитания”, “Колыбельные” и “Частушки” подготовлены А. Кастровым и

3) Тактировка напевов выполнена на основе выявления согласованной метрической акцентности стиха и напева. Сложная иерархия акцентности (соподчинённость пульсации согласованных акцентов, образующих метрическую структуру песни, и акцентов только музыкального ряда, вспомогательной акцентности) выражена применением сплошной и пунктирной тактовой черты, отмечающей основной или вспомогательный ряд акцентности.

4) При расшифровке текстов соблюдался принцип сохранения характерных признаков местного говора и песенного произнесения слова.

¹²⁹ Копия протокола заседания Кафедры истории русской и советской музыки Ленинградской консерватории от 17.06.1977 за подписью секретаря Кафедры Брославской Т. В. (машинопись, 5 листов. Архив ФЭЦ СПбГК. Рукописный фонд: Архив Ф. А. Рубцова. Папка № 2).

Д. Сморгонской, “Песни свадебного обряда” – Ю. Марченко и Н. Камневой, “Лирические песни” – Н. Светличной, “Игровые, хороводные, плясовые” – О. Сергеевой и А. Сушко». Планируемый издательством весьма скромный объём – 4 печатных листа – был значительно превышен (до 8 листов) и включал 66 образцов фольклора Тотемского района. Присутствующие высказались о рукописи положительно, единогласно приняв решение о целесообразности издания.

Работа требовала продолжения, однако непосредственный руководитель экспедиций 1970–1975 годов и куратор работы над сборником М. Л. Мазо эмигрировала из страны, что в политических реалиях того времени означало запрет на публикацию рукописи. Но сборник был уже включён в план Ленинградского отделения издательства «Советский композитор», и отказаться от выполнения этой работы значило на долгие годы отложить публикацию уникальных как в научном, так и в художественном отношении документальных материалов. Работу возглавил А. М. Мехнецов (в то время заведующий Лабораторией народного музыкального творчества Консерватории). Состав подготавливаемого к публикации материала был основательно изменён и расширен. Состоялась дополнительная поездка в 1978 году в деревню Федотовскую, и эти материалы также вошли в публикацию.

Утверждённый издательством листовой регламент был увеличен, но и это не давало возможности опубликовать полный текст заново подготовленной рукописи – сокращения коснулись значительной части предполагаемого издания, в том числе: из 198 (позже – 190) запланированных к изданию образцов опубликованы 126; не вошли в публикацию материалы, касающиеся свадебного фольклора сухонского правобережья; песни, сопровождающие многофигурные пляски; значительно сокращён текст Предисловия, написанный А. М. Мехнецовым (из 21 страницы машинописного текста осталось четыре); исключён ряд вариантов песен, предельно сжат раздел хороводных песен; не вошли в публикацию Приложения, касающиеся лирических песен и свадебных причитаний. Обычно встречающиеся в публикациях А. М. Мехнецова того времени графические «хитрости» («вытягивание» поэтической строфы в одну-две строки, использование мелкого шрифта) объясняются всё теми же причинами – лимитом на листаж издания и необходимостью максимально полно представить материал.

По политическим обстоятельствам не было возможности назвать имя руководителя экспедиций тех лет и автора многих записей М. Л. Мазо, а потому и другие собиратели тоже не были названы, в том числе писатель и этнограф Д. М. Балашов, который участвовал в записях свадебного обряда.

Составители настоящего издания посчитали необходимым постараться в какой-то мере исправить эту несправедливость, приведя перечень руководителей экспедиционных групп (с указанием номеров песен по сборнику), чьи записи опубликованы в издании «Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны»:

Буракова В. Н.: № 43, 83, 84, 87–93, 97, 99, 101, 103–105

Воробьёв Д. Д.: № 106, 109, 110, 114, 116, 117

Гезунтерман Л. А.: № 112, 115

Кастров А. Ю.: № 19, 20, 21, 22

Коншина Е. С.: № 6, 10, 33, 37

Кошелев В. К.: № 11–13, 15, 26, 122

Любавина Н. Ю.: № 2

Мазо М. Л.: № 1, 3, 4, 20-б, 20-в, 22-а, 23, 29, 32, 41, 42, 46–49, 51, 58–60, 75–81

Мазо М. Л., Марченко Ю. И.: № 34, 36, 38–40, 44, 45, 50, 53–57, 118

Марченко Ю. И.: № 5, 7, 8, 8-а, 8-б, 9, 20-а, 14, 16–18, 119, 120–121, 123–126, 126-а

Сушко А. Б.: № 25, 31, 61–74

Туник А. Е.: № 27, 30, 107, 108, 111, 113

Шепелёва Е. Е., Уткин А. Н.: № 24, 28, 35, 82, 85, 86, 94–96, 98, 100, 102.

Народная традиционная культура Вологодской области¹³⁰

Издание материалов по фольклору и этнографии Среднего Присухонья продолжает публикацию результатов многолетних полевых исследований (1960–2000-е годы), осуществляемых Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерваторией имени Н. А. Римского-Корсакова, Российским фольклорно-этнографическим центром (г. Санкт-Петербург) и Вологодским государственным педагогическим университетом в районах Вологодской области. В последние годы на основе принятой областной Программы поддержки и развития форм традиционной культуры в эту работу активно включился Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, сельская интеллигенция и районные центры культуры и образования.¹³¹

Последовательное возрастание интереса, понимания важности и необходимости привлечения общего внимания к деятельности в области сохранения стремительно уходящей от нас памяти поколений, неписанной истории народа, фольклора как образно-художественного воплощения единства естества и разума, соединило усилия научных, образовательных организаций, вологодских областных структур государственного управления. Взаимопонимание и сотрудничество в этой сфере обеспечили высокий уровень результатов исследований историко-культурного характера на Вологодской земле. В последние

¹³⁰ *Мехнецов А. М., Валевская Е. А.* Введение // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хоры, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов. Авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Редькова, И. С. Попова. Отв. ред. Г. В. Лобкова. Лит. ред. Е. А. Валевская. СПб.; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2005. С. 13–20.

¹³¹ *Примеч. сост.:* Основные публикации по материалам экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории, Российского фольклорно-этнографического центра и Вологодского государственного университета в районы среднего течения реки Сухоны см. в конце статьи (С. 195).

годы на основе принятой Областной целевой программы «Сохранение и восстановление традиционной народной культуры как основы развития села»¹³² в эту работу активно включилась созданная под руководством Вологодского областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации сеть организаций, объединяющая ведущие творческие коллективы города и области, районные центры культуры и образования.

В издании представлены экспедиционные записи, свидетельства, связанные по содержанию с особыми, выделенными в традиционном сознании моментами годового круга жизни русского крестьянина. В основную часть книги включены образцы художественных форм, непосредственно относящиеся к тем или иным событиям календарного цикла, а также приуроченные, образующие по своему назначению и обстоятельствам происходящего смысловой контекст обрядовой ситуации – повествовательные жанры фольклора, хоро-водные, плясовые песни, инструментальная музыка. Исключительно важное место в определении содержательных сторон культурных традиций занимают соответствующие описания, характеристики, сохранившиеся в памяти исполнителей – старожилы, знатоков, участников и свидетелей эпизодов традиционного уклада жизни присухонских деревень.

Среднее течение реки Сухоны – одна из ключевых территорий, где опознавательные признаки вологодских фольклорных традиций проявляются во всей своей полноте и характерности. Это – высочайшая степень сосредоточенности, сдержанная сила выражения, смысловая ёмкость каждой детали художественной формы и, вместе с тем, простота архаически строгой системы языковых средств, типологическая определённость структуры, жизненного назначения фольклорного текста, его жанровой природы.

Границы представленной этнокультурной традиции включают современную территорию Нюксенского района и прилегающие к нему соседние сельские округа – Маркушевский, Раменский Тарногского района и Нижнепеченгский Тотемского района. При этом, Тотьма и Нюксеница, сложившиеся в силу объективных обстоятельств как важные хозяйственно-административные центры, объединяют и в территориальном, и в историко-культурном отношении многочисленные местные формы проявления однородной по существу системы культурных традиций, образуя фольклорно-этнографическое понятие «народная традиционная культура Средней Сухоны».

Более ста лет назад, в конце XIX века, ряд деревень, расположенных на данной территории, посетила экспедиция Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. Деятельность двух выдающихся исследователей, подвижников на поприще собирания фольклора, проходила в русле нового направления научных поис-

¹³² *Примеч. сост.:* Программа была разработана в 1990 году, и её положения стали активно внедряться в деятельность различных местных структур. В 2000 году состоялась публикация, см.: *Мехнецов А. М.* Фольклор и этнография: Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры Вологодской области. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000. *См. Наст. изд. С. 358–370.*

ков, которое было связано с организацией в 1884 году Песенной Комиссии Императорского Русского географического общества. Важнейшей задачей того времени явилось планомерное широкомасштабное изучение региональных песенных традиций Русского Севера. Научные экспедиции, направляемые в северные районы России, ставили своей целью сбор всех фактов фольклора, предельно достоверную запись текстов и напевов, точную папиртизацию полученных в экспедиции сведений. Научные результаты этих экспедиций сыграли неопределимую роль не только в деле изучения севернорусского фольклора, но также явились стимулом для такого же рода исследований множества региональных традиций России.

Работа экспедиции, предпринятой летом 1893 года (июнь-август) Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым, проходила в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях. Собиратели посетили несколько населённых пунктов, расположенных в среднем течении Сухоны, это – село Бобровское Востровской волости Великоустюжского уезда (в настоящее время входит в Нюксенский район), погост Маркушевский и слобода Раменская Бережнослободской волости Тотемского уезда (теперь относятся соответственно к Маркушевскому и Раменскому сельсоветам Тарногского района).

В результате полевой работы был собран уникальный документальный материал, включённый авторами в ставший классическим сборник «Песни русского народа».¹³³ Невозможно переоценить значение записей, выполненных в вологодских деревнях. В числе экспедиционных материалов – эпические жанры (былина, духовные стихи), коляды, винограды, хороводные песни, свадебные причитания (хоровые и сольные), свадебные обрядовые песни, протяжные лирические песни мужской и женской певческих традиций. Большую ценность представляют замечания этнографического характера, содержащиеся в отчёте об экспедиции, сделанном на заседании Императорского Русского географического общества.¹³⁴

Тем не менее, оба участника с горечью отмечали тенденцию угасания традиций. Так, Ф. М. Истомин говорил об остатках «старины, которые экспедиции удалось на этот раз спасти от грозящего им полного забвения»:¹³⁵ «Почти все это <...> приходилось извлекать из памяти людей пожилых, пользуясь их доброю на то волею и сочувственным согласием. В нынешнем крестьянском обиходе в посещенных нами местностях таких песнопений, за малыми исключениями, уже не существует. Исконная русская песня находится там в несомненном упадке».¹³⁶

¹³³ Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф. М. Истомин и напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

¹³⁴ Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Отчёт об экспедиции для собрания русских народных песен с напевами в 1893 году // Известия Императорского Русского географического Общества. 1894. Т. 30. Вып. 3. С. 331–354.

¹³⁵ Там же. С. 346–347.

¹³⁶ Там же. С. 347.

С. М. Ляпунов также отмечал негативное влияние новейших тенденций, оказавших разрушительное воздействие на старинную протяжную песню: «Ее широкое мелодическое развитие наряду с новейшими немудреными песенками должно казаться слишком трудно воспринимаемым и исполнимым. В то время как песни обрядовые, имея сами по себе характерные ритмические особенности, тем самым представляют значительное противодействие подчинению их однообразному ритму солдатского пошиба, протяжная песня вполне открыта для подведения ее под какой-либо однообразный ритм, а этим путем в ее сферу вторгается и пошлый характер городских песен. Независимо от этих причин, заключающихся в особенностях внутреннего характера песен, протяжная песня подверглась большему искажению еще потому, что она не находится в связи с какими-либо обрядами или обычаями, с сохранением которых связывалось бы сохранение и песен.¹³⁷ В этом отношении в наибольшей чистоте сохранились свадебные песни, песни святочные, масляничные или троицкие...»¹³⁸

Стремление представить народные традиции Нюксенского края наиболее полно обусловило необходимость включения некоторых образцов из сборника Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова,¹³⁹ так как запись данных текстов в наше время либо проблематична, либо вообще невозможна, да и сам труд стал библиографической редкостью.

В числе публикаций, вместе с материалами по Вологодской области Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, следует назвать труды М. Б. Едемского, записывавшего песни на Кокшеньге в Тотемском уезде (к которому относилась и часть нынешнего Тарногского района). В частности, благодаря приведённому в работах М. Б. Едемского красочному описанию местных обычаев праздничных гуляний молодёжи («вечерованья», «кружки», «городки»),¹⁴⁰ составляющих непрременную, значимую часть календарных обрядов и праздников, складывается яркое представление о состоянии культурных традиций в присухонских районах в конце XIX – начале XX века. Этнографические очерки и образцы поэтических текстов, опубликованные М. Б. Едемским, значительно дополняют материалы современных экспедиционных исследований и дают ключ к интерпретации этой сложной и всегда актуальной сферы народной жизни.

¹³⁷ Установление форм и характера взаимодействия непосредственных связей народной традиционной культуры с социально-экономическими и другими объективными условиями, обстоятельствами общественной жизни остаётся и сегодня одной из актуальных задач науки.

¹³⁸ Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Отчёт об экспедиции... С. 352.

¹³⁹ Песни русского народа... См.: Народная традиционная культура Вологодской области... № 2–4, 40, 167–169, 175, 176, 178, 179.

¹⁴⁰ Едемский М. Б. Вечерование, городки и песни, в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1904. Вып. 3, 4. [Читано в Заседании Императорского Русского географического общества 1 апреля 1905 года. Издано в виде отдельного оттиска]; Едемский М. Б. Припевки в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. 1909. Вып. 1. С. 28–33; 1910. Вып. 1–2. С. 108–120: тексты обрядовых и хороводных песен.

Сравнительное изучение записей, выполненных со столетним масштабом сопоставления на территории распространения однородной системы местных форм культурной традиции, позволяет проследить направления, характер, динамику процессов эволюции элементов содержания, структуры, назначения, функций отдельных жанров, той или иной группы текстов, сюжетов, языково-выразительных комплексов и других типологически определённых явлений фольклора. Результаты сравнительного исследования служат основанием для разработки проблем, связанных с общими закономерностями, принципами существования изустных форм народной традиционной культуры.

Фольклорные экспедиции Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова направлялись в Нюксенский район Вологодской области в 1974, 1975, 1976 годах. В последующие годы экспедиционная работа велась в других районах Вологодской области. В 1987 и 1989 годах повторные экспедиции в Нюксенский район были осуществлены Лабораторией народного музыкального творчества, входившей тогда в Научно-исследовательский сектор Консерватории. Эти экспедиции проводились совместно с Вологодским государственным педагогическим университетом при содействии Вологодского областного научно-методического центра. За период с 1974 по 1989 годы были сделаны аудио- и видеозаписи в 49 населённых пунктах Нюксенского района.¹⁴¹ Работа также проводилась на сопредельных территориях (1971, 1974, 1975 годы), имеющих другое административное подчинение, но представляющих вместе с нюксенской самостоятельные формы единой по ведущим признакам культурной традиции (это 14 населённых пунктов Тарногского и Тотемского районов).

Вологодский государственный педагогический университет, чьи материалы также входят в настоящее издание, за период с 1987 по 2004 годы осуществил в общей сложности 23 экспедиционных выезда в Нюксенский, Тарногский и Тотемский районы, в том числе: в 1986, 1987, 1988, 1989, 1992 годах и ежегодно с 1994 по 2004 год.¹⁴² Материалы коллекций включают также записи, выполненные отдельными собирателями в 1982 и 1984 годах. Ряд экспедиций состоялся с участием специалистов Нюксенского центра традиционной народной культуры и преподавателей средней школы с. Нюксеница. Экспедиционные записи были осуществлены в 88 населённых пунктах Нюксенского района, в 11 соседних деревнях Тарногского и Тотемского районов, а также в Вологде от уроженцев данной территории.

¹⁴¹ *Сысоева К. В.* Экспедиционные материалы по Нюксенскому району Вологодской области в научных фондах Фольклорно-этнографического центра // Традиционная народная культура и современность. Материалы научно-практической конференции (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда. 2004. С. 5–9.

¹⁴² *Федотовская О. А.* Деятельность Вологодского государственного педагогического университета по изучению, освоению и восстановлению традиционной народной культуры Нюксенского района // Традиционная народная культура и современность. Материалы научно-практической конференции (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда. 2004. С. 15–24.

В издание включены фотографии из фондов Нюксенского центра традиционной народной культуры.

Материалы экспедиционных коллекций по своему содержанию и характеру неоднородны. Записи 1970-х годов были ориентированы исключительно на фиксацию музыкальных образцов – наибольший объём составили свадебные песни и причитания, хороводные, плясовые песни, лирические песни как раннего, так и позднего историко-стилевого слоя.

Методология последующих экспедиций, начиная со второй половины 1970-х годов, основывается на комплексном изучении фольклора и этнографии, на сочетании фронтальных исследований с ареальными – с целью установления специфики культурной традиции и картографирования тех или иных характерных её признаков. В записях 1980-х годов пристальное внимание уделено не только самим песням (сохранность которых по сравнению с предыдущим десятилетием осталась в принципе без изменений), но и особенностям исполнения, подробным обстоятельствам бытования разнообразных форм фольклора, этнографическим сведениям по обрядам календарного и семейного циклов. Достаточно подробно удалось зафиксировать сведения, касающиеся празднования Святков (обходы дворов, ряженье, девичьи гадания, вечеринки молодёжи), Масленицы (катанья, гостеванья), Пасхи, весенне-летних трудовых обычаев, общинных праздников, застолий, форм народной хореографии, инструментальной традиции.

Характеризуя в целом фольклорные традиции на Средней Сухоне, отметим историко-культурную глубину их содержания и форм, что проявляется в следующем:

- в осознанной самими исполнителями выделенности, распространённости особой группы песен, относящихся к так называемой «женской» («дивьей») песенной традиции и отличающихся узкообъёмным ладовым строением, свободой интонирования в нетемперированной системе, характерной тесситурно-тембровой окраской, складом многоголосия, что восходит к древнейшим истокам музыкального языка – речевым его прообразам, возгласной основе, плачевым интонациям;
- в приуроченности лирических песен к определённым периодам календаря, отмеченным высокой степенью сосредоточения обрядово значимых действий (к Масленице, Пасхе, Троице, весенне-летним полевым работам);
- в наличии песен «молодецкого» цикла, образно-поэтический строй, музыкально-стилевые особенности которых как типологически определённые признаки также указывают не только на их принадлежность к ранним формам музыкального фольклора (связь с эпическими жанрами), но и служат основанием для выделения песен этого круга в отдельную жанровую группу;
- в развитой системе хороводных и плясовых песен, связанных с традиционными, имеющими обрядово-магический смысл формами хореографического движения;

• в действенности, актуальности поэтических представлений, образов, персонажей мифологического порядка, присущих и поныне не только прозаическим, музыкально-поэтическим, хореографическим, художественно-изобразительным, игровым видам фольклора, но и различным формам обрядово-праздничной, производственной, хозяйственно-бытовой деятельности (например, пожинальные обряды, ритуальная сторона пивоварения, изготовления хлеба, обращения с домашними животными, пастушество и многое другое). На основе мифопоэтических представлений как одного из начал нескончаемого потока формотворческих сил, устремлений традиционного сознания собственно и возникает мир фольклора с его специфическими признаками и закономерностями, которые находят воплощение в структурно-типологических, диалектных, историко-стилевых особенностях местных форм народной традиционной художественной культуры.

Экспедиционные материалы – документальные свидетельства исторической жизни, современного состояния культурной традиции – настойчиво предлагают возможности совершенствования подходов к предмету исследований, методов выявления и разработки новой проблематики. Возникает необходимость поиска новых решений классических задач науки – таких, например, как обоснование понятия «фольклорный текст», взаимодействие, функциональность знаково-выразительных элементов текста, проблемы жанровой классификации и другие.

Одна из таких многоаспектных научных проблем связана с изначально сложившимся мнением об отсутствии на Русском Севере развёрнутого комплекса жанров календарно-обрядового фольклора. Понятно, что такая точка зрения сегодня носит скорее историографический характер и не даёт объективно достоверного представления о природе и содержании севернорусских фольклорных традиций.

Очевидно, что в основе всей системы художественных форм, непосредственно относящихся к жизненно важным моментам календарно-обрядового цикла, лежит естественное постоянство, непреложность явлений годового круга, их периодичность и, соответственно – последовательность необходимых видов хозяйственно-производственной и обрядово-праздничной деятельности, устанавливающей порядок происходящего в том или ином его жизненном значении. Здесь, в силу свойств языка образно-художественного выражения, достигающего пределов обобщения логического и эмоционального, мыслимого и реального, каждый факт такой жизненно необходимой, строго предопределённой деятельности приобретает событийный, особый, обрядовый характер. Если учесть при этом, что главные, требующие общего внимания и контроля события годового периода предполагают заинтересованное участие всех и каждого в продуктивном исполнении намерений на каждом этапе приложения совместных усилий, то можно судить о том, что устройство жизни севернорусской деревни закономерно складывается при обязательности развитой системы обрядов народного календаря, а следова-

тельно, и форм календарно-обрядового фольклора, о чём свидетельствуют и экспедиционные материалы.

При этом полнота и достаточность комплекса календарно-обрядовых форм фольклора, а также типологические особенности приуроченных к тому или иному периоду календаря художественных форм согласуются по назначению, содержанию со всеми структурными звеньями системы календарных обрядов на той же основе, что и в обрядовых сферах народной жизни. Например, комплекс свадебно-обрядового фольклора точно так же сопоставим с содержанием и логикой развития событий самого свадебного обряда, занимающего исключительно важное место в жизненном цикле каждого человека.

Заметим, что в следующем выпуске предполагается издание экспедиционных материалов, относящихся к фольклорно-этнографическому комплексу свадебного, похоронного и других обрядов, где своеобразие и глубина традиции выглядят ещё более очевидными.¹⁴³

Одной из проблемных сторон описания художественных форм календарно-обрядового фольклора являются: решение задач их жанровой характеристики; определение значения структурных элементов текста, их функциональности, связи с назначением и содержанием обрядов годового круга, проблемы приуроченности. В частности, нельзя представить случайным сочетание в обрядово значимых эпизодах таких форм, как лирические или хороводные песни, причитания и частушки. Практически все жанры русского фольклора на том или ином основании находят место в календарной обрядности.

Так, например, колядования с их ярко выраженной смысловой направленностью охватывают и обобщают в единстве целеполагания широкий диапазон характерных свойств и признаков, специфичных для различных жанров фольклора – элементы смеховой культуры, народного театра, заговорные обращения-заклинания, мотивы, образы, сюжеты духовного содержания, эпические и свадебные («Большое винограды»), хореографические и другие формы, средства и способы выражения, на основе которых и складывается комплекс фольклорно-этнографического текста.

По сути дела, здесь мы обнаруживаем свидетельства «дожанрового» периода истории формирования дифференцированной по видам системы фольклора – системы фольклорных текстов, художественных форм, обладающих (согласно их назначению) смысловой соподчинённостью средств выражения, свойств и качеств, определяющих их жанровую природу – способность преобразования фактов действительности в художественную реальность.

Основанием для размышлений о стадийности явлений фольклора (в данном случае – календарно-обрядового фольклора) служит характеристика

¹⁴³ *Примеч. сост.:* см.: Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова). Материалы по фольклору и обрядам жизненного цикла, на которые ссылается А. М. Мехнецов, готовятся к публикации.

отношений художественных форм к обрядовому комплексу. В календарно-обрядовом цикле мы встречаем фольклорные тексты, сложившиеся в конкретной обрядово-магической практике, которые прямо свидетельствуют о своей принадлежности к обряду. Здесь, в рамках обрядового действия, художественная форма в целом как самостоятельная единица текстового порядка (осмысленное в определённых обстоятельствах, членораздельное речевое выражение средствами, доступными той или иной языковой системе) приобретает устойчивые признаки жанровой характеристичности. Вместе с тем, обрядово-праздничный строй происходящих событий, при обязательности установленной обычаем ритуальной стороны, предполагает возникновение эпизодов непреднамеренного (по обстоятельствам), ситуативного порядка, которые, тем не менее, образуют необходимую, значимую часть общего содержания. Комплекс художественных форм, разнородных в жанровом отношении, поддерживающий эмоционально окрашенный контекст совместного участия, составляет один из связующих смысловых элементов структуры обряда.

Таким образом, ряд художественных форм иных жанровых групп становится на ситуативной основе, в силу возникающих функциональных связей, структурным звеном обрядового события и в этом случае занимает место и выполняет роль обрядовых форм, принимая на себя дополнительные функции, что определяет их обрядово-приуроченную направленность и, косвенно, иной жанровый статус (к примеру — хороводы святочные, весенние, троицкие и другие).

Логика ситуативности предполагает функциональную подвижность отдельных структурных элементов текста или художественной формы в целом, смену эмоционально-смысловых акцентов, если текст, не теряя своей структурной определённости, в соответствии с условиями воспроизведения, проявляет черты иного жанрового содержания, обусловленного происходящим обрядово-значимым событием.

Объяснения такого факта необходимо искать в последовательности становления средств языка и форм фольклора. Длительный исторический процесс формирования выразительных возможностей средств языка, синтаксических, грамматических норм, так же как и процессы структурирования смыслов, значений, причинно-следственных связей бесконечного ряда фактов действительности в русле их художественно-образного восприятия (образы, темы, сюжеты, назначения) естественно послужили начальным, предшествующим этапом возникновения закономерностей разных видов фольклорных текстов и, в конечном счёте — художественной формы как сложно организованного текста, приобретающего жанровую определённость. Но и сам по себе процесс формирования устойчивой системы знаково-выразительных средств языка художественного обобщения действительности также проходил в русле повседневной и обрядово-магической деятельности, сохраняя следы порождающих начал в элементах каждой самостоятельной

языковой системы — образно-поэтического, музыкального, хореографического, художественно-изобразительного и других видов выражения отношений и связей человека с действительностью. Приметы этого периода в жизни традиционного художественного сознания до сих пор отчётливо проявляются в фактах фольклора, относящихся к различным видам, жанрам и формам фольклора. Важно здесь то, что общие закономерности каждой из отмеченных знаково-выразительных, языковых систем складывались изначально (подобно опыту младенца, осваивающего мир своих возможностей) в периоды «дотекстового», «доречевого», «дожанрового» состояний, достигая высших степеней универсальности в процессе адаптации в «текстовом», «речевом», «жанровом» пространстве, в различных диалектно- историко-стилевых условиях и сохраняя при этом присущие изначально самим системам смыслонесущие признаки и средства выражения.

Со всей очевидностью общие принципы жанрообразования, соотношение жанрово-стилевых и функциональных характеристик фольклорного текста или самой художественной формы в различном контексте их существования обнаруживаются в календарных обрядах севернорусских традиций, едва ли не основной чертой которых является общинный, «артельный» характер и праздничность как выражение и утверждение сопричастности и согласия в их обрядово-магическом смысле. Это во многом объясняет ситуативность содержания общей системы обрядов и праздников и ведущую роль связанного с тем или иным событием определённого комплекса языковых средств и художественных форм.

Легко представить структуру таких многосоставных текстовых образований народной традиционной культуры, как святочные игрища, забавы, увеселения, масленичные катанья, горки, костры, весенние хороводы, так же как и праздничные застолья, братчины и многое другое, требующее совместных, предполагаемых традицией действий, относящихся в качестве знаковых элементов (по целеполаганию, содержанию и форме) к ключевым обрядам годового круга. Здесь каждый из эпизодов приобретает своё значение в системе календарной обрядности, но лишь при условии проявления соответствующей моменту собирающей силе выразительных возможностей самостоятельных видов и жанров фольклора.

Вместе с тем, художественная форма и отдельные её элементы сохраняют типологические признаки собственной жанровой принадлежности в условиях сложно образованного контекста, когда устанавливаются иные связи, зависимости и масштаб значений. В такой ситуации возникает подвижность, переменность функций, формообразующей роли и характера системных связей конкретного фольклорного текста, что влечёт за собой возможность трансформации его жанровых свойств.

Ярким примером здесь могут служить лирические песни женской певческой традиции. Их музыкально-поэтическая основа, которая строится в согласовании различных по своей природе образно-поэтического, смыслово-

го и музыкального начал песенной формы, обнаруживает функциональную подвижность в условиях той или иной ситуации. Исполнение этих песен, приуроченное к обстоятельствам земледельческого календаря (на покосе, жнивье, на весенне-летних праздниках-гуляньях), выявляет преобладание музыкально-выразительных возможностей (тесситурно-тембровых, фактурных, динамических и других), предельно полно раскрывающих календарно-обрядовую принадлежность песенной формы – чрезвычайность её коммуникативной функции, императивный характер выражения. Тогда как в иных обстоятельствах в качестве основной смысловой доминанты выступает образно-поэтический подтекст, утверждая лирический характер повествования, что сказывается не только на исполнительском, но и на структурном уровне организации песенного текста.

Переменная функциональность присуща и хороводным песням, когда в зависимости от условий исполнения меняется не только характер звучания, но и назначение, жанровая характеристика песенно-хореографического текста, выступающего в качестве обязательного элемента весенне-летних или святочных обрядовых комплексов.

Обстоятельства бытования эпических жанров, «молодецкой» лирики также определяют специфику и функциональные характеристики музыкально-поэтического текста.

Особенности мужской певческой традиции на Русском Севере (в том числе и на Средней Сухоне) складывались в большей мере в русле «лиро-эпического» повествования (термин Ф. А. Рубцова), философского высказывания, нежели в духе героико-патриотической тематики строевых, «солдатского пошиба» песен, или песен социально окрашенного характера. Это согласуется с традиционным укладом жизни и, в том числе, со сложившимися формами участия мужчин в обрядово-праздничных событиях, в обычаях, отмеченных нормами ритуального поведения родственников, профессиональных, возрастных групп, межобщинных отношений.

Музыкальный строй песен «молодецкого» цикла позволяет связать их исполнение с особыми, выделенными по характеру обстоятельствами пребывания в состоянии раздумья, размышления в ситуации отстранения от обыденности, что может указывать и на обособленность их исполнения по составу (мужская группа) и на «досуговый» (необязательный) характер обстоятельств исполнения («сидение», застолье, неспешное дело и так далее).

Одной из сложно организованных сторон народной традиционной культуры на Средней Сухоне являются хореографические формы фольклора. Здесь широкое распространение имеют практически все основные виды народной хореографии – орнаментальные, игровые хороводы, шествия, пляски, которые непосредственно связаны с календарно-обрядовыми ситуациями, а также многофигурные хореографические композиции (кадрили, «шестёры», «восьмёры» и другие), приуроченные к календарным праздникам – любимое развлечение деревенской молодёжи совсем недавнего времени.

В системе средств языка художественного выражения хореография занимает место самостоятельной области проявления творческих начал сознания, устанавливающего в специфических формах фольклора необходимые связи человека с окружающей действительностью. Недоступные другим языковым системам возможности выражения нашего восприятия жизненно значимых явлений приобретают в хореографических формах яркое воплощение, преобразуя мир импульсивного, спонтанного движения в строгие, естественно закономерные, образно содержательные, эмоционально действенные, синтаксически организованные («речевые») построения.

Общим признаком всех видов хореографии является смысловосущая выразительная сила и формообразующая роль особым образом организованного движения. Здесь каждый структурный элемент на всех уровнях динамического, эмоционально окрашенного потока хореографического движения приобретает знаковый характер и складывается в специфическую языковую систему.

С содержательной стороны практически весь диапазон характерных жизненных положений может быть представлен в образах художественного обобщения средствами языка хореографии:

- символика фигур линейного, орнаментального, пластического характера (орнаментальные хороводы);
- строгость, смысловая определённость, церемониальность ритуальных шествий («обходов», процессий);
- синтаксически чёткие, обязательные к исполнению сюжетные построения игрового смысла с участием групповых или выделенных персонажей (скрытая или прямая диалогичность, преднамеренный или ситуативно предлагаемый выбор решений, норм игрового поведения);
- сфера подчеркнуто императивного, динамически активного, соответствующего ситуации выражения личностного, импровизационного начала (пляска);
- формы сюжетного, обрядово значимого или демонстрационно-повествовательного содержания, устанавливающего отношения участников (танцы, многофигурные композиции).

В соответствии с назначением художественной формы складывается и круг необходимых средств выражения (включая, вместе с хореографическими, словесно-музыкальные, изобразительные и другие). При этом все структурные, функционально связанные элементы текста, подчиняясь логике иерархически подвижных отношений, дополняют и умножают выразительную силу ведущего формообразующего начала, определяющего жизненное назначение события.

На этой основе возникают художественные формы, где средства хореографии выполняют роль структурного элемента, корректирующего, детализирующего характер содержания текста. В этом ряду можно выделить, например, песенные формы, относящиеся к различным жанрам (свадебные величания,

«поцелуйные» припевки на вечёрках), где в связи с брачной темой, праздничной эмоциональной приподнятостью значимую роль приобретают элементы хореографии.

Основные признаки самостоятельных видов хореографического, особым образом организованного движения, их характеристичность, естественно и непосредственно возникают в связи с целеполагающим содержанием и назначением художественных форм в целом, как текста.

При этом жанровая специфика хороводных и плясовых песен проявляется в закономерностях построения, где принципиальным оказывается соотношение компонентов целого, ведущая формообразующая роль напева, поэтического текста или хореографии. Касаясь проблемы соотношения структурных элементов художественной формы, мы находим, что здесь отчётливо выделяются особенности их функциональных значений в связи с происходящим в рамках события действием:

- устойчивость структуры и строгая акцентно-ритмическая организация музыкальной формы (песенной, инструментальной), соподчинённые с акциональной стороной художественной формы;

- сюжетно организованное содержание поэтического текста или цепочка тематически близких по характеру построений без сюжетной связи отдельных звеньев образно-поэтического выражения (своего рода кумулятивный принцип формообразования; по определению исполнителей — «набирушки»), что служит активному эмоциональному восприятию.

Отмеченные принципы соотношения напева и поэтического текста дополняют возможности решения проблемы формульности напевов с точки зрения их функциональной характеристики.

В наши дни, в начале XXI века, спустя столетие после экспедиции Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, отмечавших упадок народной традиционной культуры, говорить о сохранности форм фольклора и этнографии очень сложно. Многолетний процесс оттока и прямого уничтожения форм традиционной жизни, вызванные политическими и социальными причинами, в числе которых события отечественной истории 1920–1930-х годов, последствия раскулачивания и коллективизации, война, унёсшая тысячи жизней как на фронте, так и в тылу, наконец, ликвидация так называемых «неперспективных» деревень — всё это, наряду с внедрением современных методов «культурного» вмешательства с помощью средств массовой информации, привело к тому, что память о старине хранят до нашего времени лишь очень пожилые люди.

Базовое, философское значение народной культуры для самосознания нации, сохранения этических норм и эстетических критериев оказывается под угрозой, если не утеряно совсем более молодыми поколениями. Проблемы экологии культуры стоят очень остро, требуют незамедлительного вмешательства и поддержки инициатив в области воспитания и образования на основе традиционных форм народной культуры.

Издание фольклорно-этнографических материалов из экспедиционных фондов представляет основные темы, сюжеты, формы содержания обрядово-праздничной стороны календарного круга народной традиционной культуры в районах Средней Сухоны.

**Основные публикации по материалам экспедиций
Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
Российского фольклорно-этнографического центра,
Вологодского государственного университета
в районы среднего течения реки Сухоны**

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Муз. ред.-сост. А. М. Мехнецов. М.: Современник, 1985. — 390 с.: нот., пластинка.

Брагина М. С. Обходы дворов в зимние святки (по материалам экспедиций в Нюксенский район Вологодской области // Традиционная народная культура и современность. Материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.) / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 126–135.

Деревесников С. Н., Парадовская И. В. Инструментальная традиция Нюксенского района Вологодской области // Традиционная народная культура и современность. Материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.) / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 151–167.

Лобкова Г. В. Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним // *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. СПб., 2001. С. 395–453.

Лобкова Г. В. Особенности эпических напевов Вологодской области // По следам Е. Э. Линёвой: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 150–185.

Лобкова Г. В. Особенности напевов духовных стихов, записанных в Вологодской области экспедициями 1893 и 1992–2000 гг. // Фольклор: современность и традиция: Материалы Третьей Международной конф. памяти А. В. Рудневой / Ред. Н. Н. Гилярова. М.: Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2004. С. 71–95. (Науч. тр. Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 48).

Мехнецов А. А. О стилевых особенностях игры на кирилловской гармонии в западных районах Вологодской области // Традиционная народная культура и современность. Материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября

2003 г.). / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 135–150.

Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция: Сб. науч. ст. Л.: Изд-во Ленинградской гос. консерватории, 1985. С. 5–19.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Традиции народной культуры Вологодской области: итоги и перспективы комплексного изучения (по результатам экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра) // На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2001. С. 9–17.

Мехнецов А. М. Е. Э. Линёва и современные экспедиционные исследования фольклорных традиций Белозерья // По следам Е. Э. Линёвой: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 54–58.

Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни Средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1981. – 135 с.: нот.

Парадовская Г. П. Современное состояние фольклорных традиций Вологодской области // Тезисы науч.-практ. конф. «Проблемы традиционной культуры Северо-Западного региона России». Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 1993. С. 1–2.

Парадовская Г. П. К вопросу изучения хореографических традиций Вологодской области // Тезисы науч.-практ. конф. «Проблемы традиционной культуры Северо-Западного региона России». Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 1993. С. 2–3.

Парадовская Г. П. Традиционная пляска как феномен культуры (по материалам вологодских традиций) // По следам Е. Э. Линёвой: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 285–289.

Парадовская Г. П. Лирические песни Нюксенского района Вологодской области // Традиционная народная культура и современность. Материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.) / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 107–116.

Парадовская Г. П. Приготовление пива: интонационный код обряда // Фольклор: современность и традиция: Материалы Третьей Международной конф. памяти А. В. Рудневой / Ред. Н. Н. Гилярова. М.: Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2004. С. 281–293. (Науч. тр. Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 48).

**Традиции народной культуры
Вологодской области:
итоги и перспективы комплексного изучения
(по результатам экспедиций
Санкт-Петербургской консерватории
и Фольклорно-этнографического центра)¹⁴⁴**

Возрастающий интерес к фольклору и этнографии Вологодской области обусловлен своеобразием и исторической глубиной местных народных традиций, принадлежащих севернорусскому этнокультурному комплексу. Особая устойчивость и жизненная сила народных традиций проявляются в том, что, несмотря на разрушительное воздействие происходивших на протяжении всего XX века идеологических переломов, изменений социально-политической структуры и экономических условий жизни русского общества, они сохраняют до нашего времени исходный смысл, продуктивность, функциональную значимость и содержательную сторону своих форм. Вместе с тем, в течение последних десятилетий в полной мере осознана необходимость обращения к народной традиционной культуре как универсальной основе воспитания личности (развития человеческого в человеке), образования подрастающих поколений, гармонизации социальной среды – укрепления межпоколенных отношений (дети – преемники опыта родителей), этнических и межэтнических связей (объективный закон самосохранения этносов в их системных исторически обусловленных взаимосвязях).

В самом общем виде традиционная народная культура предстаёт как естественно-исторический процесс проявления человеческого сознания и воли, процесс удержания, освоения и адаптации в постоянно меняющихся условиях жизненно значимого опыта поколений. Одновременно следует подчеркнуть, что мы рассматриваем народную традиционную культуру не только как сферу народного художественного самодетельного творчества, как это принято считать, а имеем в виду сложный комплекс духовной и материальной культуры, охватывающий все стороны практической деятельности общества, в том числе и художественные аспекты народных традиций (фольклор, художественные промыслы, празднично-обрядовые формы и так далее), и традиции хозяйственной и трудовой деятельности, нормы семейных и общественных отношений, языковую систему и многое другое.

Сегодня как никогда остро стоят проблемы изучения и практического освоения культурных традиций, создания общедоступной фактологической

¹⁴⁴ Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Традиции народной культуры Вологодской области: итоги и перспективы комплексного изучения (по результатам экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра) // На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2001. С. 9–17.

базы по фольклору и этнографии Вологодской области. Для решения этих задач назрела потребность, во-первых, в развитии и государственной поддержке направлений научно-практической деятельности, связанной с последовательным комплексным изучением традиций народной культуры на основе современных средств многомерной фиксации (аудио-, видеотехники) и дальнейшей компьютерной обработки результатов полевых исследований; во-вторых – в создании банка данных об имеющихся архивных фондах, в издании каталогов собраний документальных материалов по народной традиционной культуре Вологодской области. Возникает необходимость современных публикаций и распространения на основе новых информационных технологий документально выверенных сведений, раскрывающих содержание и структуру явлений традиционной народной культуры, что позволит на профессиональном уровне, без поверхностных суждений и фальсификации, решать задачи сохранения, восстановления и освоения народных традиций в центрах культуры, учреждениях образования и других организациях области.

Как часть программы широкомасштабных исследований культуры русского народа, целенаправленное экспедиционное изучение фольклорных традиций Вологодской области осуществлялось с конца XIX века. В 1893 году Императорским Русским Географическим Обществом была организована экспедиция Песенной Комиссии в Вологодскую, Вятскую, Костромскую губернии, в ходе которой опытным собирателем, фольклористом Ф. М. Истоминым и композитором С. М. Ляпуновым были выполнены слуховые записи текстов и напевов в Великоустюгском, Вологодском, Никольском, Сольвычегодском, Тотемском уездах Вологодской губернии.¹⁴⁵ Научный характер имела экспедиционная деятельность Е. Э. Линёвой, которой удалось в 1901 году осуществить фонографические записи народных песен на территории современных Череповецкого, Белозерского, Бабаевского, Кадуйского, Вашкинского и Кирилловского районов Вологодской области.¹⁴⁶ Исследование традиций народной культуры Белозерского края продолжили в 1908–1909 годах братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, экспедиционные поездки которых осуществлялись при организационно-финансовой поддержке Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и Московского археологического общества. Братьями Соколовыми были произведены записи на фонограф былин, причитаний, песен и сказок в деревнях, относящихся ныне к Бабаевскому, Кирилловскому и Вожегодскому районам. При сопоставлении результатов

¹⁴⁵ См.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

¹⁴⁶ Ранее эта территория относилась к Белозерскому и Кирилловскому уездам Новгородской губернии. Материалы, собранные Е. Э. Линёвой, хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и частично опубликованы. См.: Великорусские песни в народной гармонизации / Записаны Е. Линёвой. Вып. 2: Песни новгородские. СПб., 1909.

экспедиционной работы различных исследователей на рубеже веков, обнаруживается постепенное расширение интереса к различным сторонам народной жизни. Б. М. и Ю. М. Соколовы, помимо максимально полного охвата разнообразных жанров фольклора, фиксируют подробные сведения о свадебном обряде, отмечают отличия обрядовой системы в различных волостях Белозерского края, детально исследуют особенности местного говора. К сожалению, братьям Соколовым не удалось в полной мере осуществить свои планы: была опубликована только текстовая часть материалов,¹⁴⁷ напевы предполагалось выпустить отдельным изданием, но этого не произошло в связи с революционными событиями в России. В настоящее время судьба фонографических валиков с записями Соколовых неизвестна.

На протяжении XX века полевое изучение традиций народной культуры Вологодской области проводится различными научными организациями, высшими учебными заведениями, учреждениями культуры Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда). Необходимо отметить, что в большинстве случаев экспедиции имеют узко специализированный характер: краеведческие исследования нацелены на сбор музейных образцов; диалектологи фиксируют сведения, касающиеся народных говоров; филологи и музыканты записывают тексты и напевы песен, попутно делая лишь краткие замечания о приуроченности их исполнения. Такая работа несомненно приносит положительные результаты, связанные с профессионально углублённым постижением тех или иных сторон народной культуры. Вместе с тем, узкая специализация нередко влечёт за собой чисто формальный подход к объекту исследования (язык, песенные формы, предметы материальной культуры рассматриваются вне контекста культурных традиций, с чисто структурологической точки зрения), что в конечном счёте приводит к расчленению целостной системы народной традиционной культуры на отдельные составляющие в интересах «ведомственной науки».

В свете изложенных проблем показательным представляется тридцатилетний опыт работы исследовательского коллектива Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории и Фольклорно-этнографического центра по изучению традиций народной культуры Вологодской области.

С конца 1960-х и до середины 1970-х годов экспедиционная деятельность Ленинградской консерватории осуществлялась в рамках учебной практики силами студентов, преподавателей и немногочисленных сотрудников Лаборатории народного музыкального творчества под руководством профессора Ф. А. Рубцова. Отбор материалов для магнитофонной записи, дальнейшего изучения и публикации был связан с индивидуальными профессиональными интересами музыковедов и композиторов, входивших в состав экспедиции. Вместе с тем, уже в то время работа проводилась в большин-

¹⁴⁷ См.: Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. М. и Ю. М. Соколовых / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1915.

стве деревень на обследуемой территории, что позволяло получать более или менее полное представление о местных песенных традициях. Привезённые из экспедиции материалы комплектовались в единую коллекцию, получали фондовые номера, были грамотно описаны, паспортизированы, благодаря чему сегодня, после реставрации архивных звукозаписей, стало возможным их включение в научно-практическую и творческую деятельность в качестве достоверного документального источника.

С середины 1970-х годов изменяются цели и методы работы фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории, направленные на комплексное фронтальное изучение народных традиций с учётом системы взаимосвязей материальной и духовной культуры. Постепенно усложняется программа экспедиционной работы. В задачи экспедиций входит не только фиксация разнообразных жанров фольклора, но и изучение этнографического контекста их исполнения, а также постижение основ народной культуры: народной философии (системы представлений, верований, мировоззренческих устоев), этики (норм поведения и отношений), эстетики (системы художественных ценностей). В связи с выявлением взаимообусловленности всех сторон народной жизни, участники экспедиции уделяют внимание вопросам, раскрывающим особенности традиционной системы хозяйствования, народных промыслов. К концу 1980-х годов все результаты опросов фиксируются на магнитную ленту и, частично, на видеокамеру.

Разница подходов и результатов работы становится очевидной при сопоставлении изданий материалов фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории, относящихся к разным периодам. Ранние публикации ограничиваются отдельными образцами песенных форм и причитаний, выбор которых обусловлен индивидуальными установками (узко профессиональным интересом или эстетическими позициями) автора-составителя.¹⁴⁸ Комплексный подход, сочетающий специальные исследовательские ракурсы с широтой охвата явлений народной культуры, отражён в публикациях 1980-х годов.¹⁴⁹ Во многом непревзойдённым по разнообразию и полноте сведений, позволяющих получить целостное представление о традициях народной культуры, является издание «Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области)»,¹⁵⁰ оснащённое историко-этнографическими комментариями,

¹⁴⁸ См., например: Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Сост., ред., вступ. ст. и комм. М. Л. Мазо. Л.; М., 1975. В сборник вошли преимущественно записи, выполненные самим автором от наиболее запомнившихся ей исполнителей. В результате за рамками издания оказалась большая часть собранных в экспедиции 1969 года материалов: не представлены типологически значимые причётные напевы и образцы лирических песен, даны лишь единичные примеры текстов, не вошли инструментальные наигрыши, сказки.

¹⁴⁹ См.: Народные песни Вологодской области...; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).

¹⁵⁰ См. указ. изд.: *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба...

многочисленными иллюстрациями и, наконец, имеющее звуковое приложение (пластинки с экспедиционными звукозаписями причитаний и песен).¹⁵¹

В ряду главных научных результатов проводимых экспедиционных исследований следует указать на то, что в настоящее время сформирована основная фактологическая база для составления фольклорно-этнографического атласа Вологодской области. Экспедиционные коллекции включают более 40 тысяч единиц звукозаписи (текстов). Обследован 21 из 26 районов области.¹⁵² Выявлены ключевые признаки, определяющие самобытность и неповторимые черты локальных традиций народной культуры, обозначены границы распространения отдельных явлений фольклора.

В ряду основных показателей, раскрывающих своеобразие местных традиций народной культуры, в первую очередь, принимаются во внимание:

- система образов-представлений;
- структура и содержание обрядово-праздничного комплекса;
- преобладание в традиции тех или иных жанров фольклора;
- специфические языковые особенности (диалект, стиль).

Для северо-западных районов области (Вытегорского, Бабаевского, Белозерского, Вашкинского, Кирилловского) общими показателями, обнаруживающими родство и самобытность местных традиций, являются: развитая система похоронно-поминальной обрядности, включающая многообразные причётные напевы и тексты;¹⁵³ насыщенный обрядовый комплекс Святков (особенно показательны архаичные формы ряженья,¹⁵⁴ подблюдные гадания¹⁵⁵); проявление эпических признаков в поэтике и музыкальном стиле. При характеристике культурных традиций, распространённых в районах

¹⁵¹ В это же время на студии «Мелодия» выходят отдельные грампластинки с записями вологодского фольклора. См.: Русские народные песни Вологодской области [Верховажский район] / [Сост. А. М. Мехнецов]. Аннотация Н. М. Светличной. Мелодия, 1978. С 2010825 26; Фольклорный ансамбль деревень Ворошино и Мякинницыно Вологодской области / [Сост. А. М. Мехнецов]. Аннотация Е. И. Мельник. Мелодия, 1979. С 22 11789 90. Как дополнение к последней пластинке вышла брошюра Е. И. Мельник «Варженские певички и их песни» (М.: Сов. композитор, 1986), в которой даётся описание песенных традиций деревень Ворошино и Мякинницыно, приводятся тексты и напевы песен.

¹⁵² *Примеч. сост.*: Ко времени написания статьи не исследовались экспедициями Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра районы: Вологодский, Шекснинский, Усть-Кубенский, Харовский, Сокольский. В последующие годы в эти районы также были направлены экспедиции, и к середине 2000-х годов были обследованы все 26 районов Вологодской области.

¹⁵³ См.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Особенности обрядовой системы и фольклора северо-западного региона Вологодской области... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова). См. также: Мехнецов А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России... *Наст. изд.* С. 211–224.

¹⁵⁴ См. Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Особенности обрядовой системы...; а также см.: Лобкова Г. В. «Сдоблялись на святки кудесам» (Вологодские ряженые) // Живая старина. М., 1999. № 2 (6). С. 38–40.

¹⁵⁵ Подблюдные песни Белозерья... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).

Средней Сухоны (Тотемский, Нюксенский, Тарногский, Бабушкинский, частично – Междуреченский) выделяются ранние формы девьей лирики, приуроченной к весенне-летним полевым работам и праздникам и обладающей особыми музыкально-стилевыми свойствами; также показательна сложная структура свадебного обряда с ведущей ролью причитаний как основного и нередко единственного фольклорного жанра; наконец, важной составной частью местных традиций являются разнообразные виды хороводов, включённых в святочный, троицкий, свадебный обрядовые контексты.¹⁵⁶

Раскрывая специфические черты местных традиций народной культуры, необходимо учитывать исторический (диахронный) срез – сопоставлять имеющиеся экспедиционные материалы со сведениями, полученными в XIX – начале XX века. Так, например, значительно дополняет общую картину тот факт, что в вологодских деревнях, ныне относящихся к Вытегорскому, Бабаевскому, Кирилловскому, Вожегодскому, Тарногскому районам, были записаны классические образцы былин, представленные в собраниях П. Н. Рыбникова, Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, П. С. Шереметева, братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых.¹⁵⁷ Традиция эпического сказительства сохранилась до последнего времени, но прослеживается в стилевых особенностях других жанров: духовных стихов, баллад, сказок; признаки этого стиля обнаруживаются в похоронных причитаниях на северо-западной окраине области.

Обратим внимание и на то, что многие типологически значимые явления фольклора имеют собственный ареал распространения, нередко выходящий за пределы области. Например, жанр рождественских празднично-поздравительных песен с припевом «Винограды красно-зелёное» бытует в среднесухонских районах, где во многих деревнях эти песни функционируют также в свадебном обряде во время величания молодых. Образцы этой формы были зафиксированы и в Великоустюгском районе, а также на Северной Двине, на побережье Белого моря, на реке Мезени и в других значительно отдалённых точках на карте России (например, на реке Великой Псковской области, на реке Енисее).

Таким образом, для выявления специфических черт местных культурных традиций необходимо раскрыть их соотношение и взаимосвязь с традициями, распространёнными на прилегающих территориях, относящихся

¹⁵⁶ См.: Народные песни Вологодской области...; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба...

¹⁵⁷ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. Б. Н. Путилова. 3-е изд. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. № 210, 211; *Шереметев П. С.* Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. См. также указ. изд.: Песни русского народа... СПб., 1899; Сказки и песни Белозерского края... СПб., 1915. Исследованию былинной традиции Вологодской губернии посвящён раздел готовящейся к публикации книги Т. Г. Ивановой «Малые» очаги севернорусской былинной традиции». *Примеч. сост.*: Названное издание вышло в свет в 2001 году, имеется в виду раздел: *Лобкова Г. В.* Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним) // *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. СПб., 2001. С. 395–453.

к другим областям России. Фольклорно-этнографические сведения из юго-западных районов Вологодской области (Череповецкого, Устюженского, Чагодощенского) обнаруживают родство местных традиций с новгородскими; материалы из Великоустюгского района указывают на плотную связь с традициями народной культуры, распространёнными далее вниз по течению Северной Двины, а также в вятско-пермском регионе. В совокупности необходимо рассматривать сведения из Вожегодского и Коношского, Верховажского и Вельского районов, так как ныне существующая граница Вологодской и Архангельской областей пересекла эти некогда единые зоны распространения культурных традиций. Специального изучения требуют районы межэтнических контактов (русских и вепсов, русских и коми).

При обобщении сведений, полученных в ходе фольклорных экспедиций на всей территории Вологодской области, появляется возможность определения комплекса признаков историко-генетического и историко-стилевого порядка. Архаический слой культурных традиций Вологодчины обнаруживает связь с древнеславянским культурным фондом (к архаическому слою, например, относятся мифологические представления, связанные с почитанием родителей, нашедшие отражение в похоронно-поминальной обрядности). В то же время особенности песенного стиля, жанровой системы, обрядового содержания указывают на принадлежность вологодских традиций к севернорусскому этнокультурному комплексу. При этом некоторые образцы фольклора и этнографии, которые встречаются в вологодских деревнях, относятся к позднему культурному слою и имеют общерусское распространение. Детальный сбор и подробный анализ имеющихся экспедиционных материалов по отдельным районам области позволяет составить сложную объёмную картину, в которой раскрываются самобытные черты культурных традиций, распространённых в каждом из сельских округов. На этом уровне наблюдаются различия более частного характера, но они касаются буквально всех сторон народной жизни (диалекта, традиций материальной и духовной культуры). Это своеобразие местных культурных традиций во многом объясняется ранее существовавшей приходско-волостной системой организации общественной жизни, а также обусловлено значительными расстояниями между отдельными кустами деревень в условиях бездорожья, преобладания лесистой, заболоченной местности и процессами, составляющими неповторимую историю каждой деревни. Так, для примера, специфическими особенностями обладают фольклорно-этнографические материалы из Чарозерского и Крутецкого округов Кирилловского района; в совокупности же культурные традиции, распространённые в этих двух кустах деревень, значительно отличаются от ферापонтовских, где, например, записаны специфически местные напевы причитаний, но уже не встречаются характерные для чарозерской традиции подблюдные песни; ранее повсеместно бытовал гармонный промысел; на западе этого же района фиксируется иное — ослабленное состояние традиций, на что повлияли активная деятельность леспромхозов и образование посёл-

ков из переселенцев. То же разнообразие наблюдается в традициях других районов Вологодской области. Достаточно упомянуть о соотношении культурных традиций присухонских и периферийных округов в Бабушкинском или Тарногском районах.

В силу скоротечности современных социально-экономических процессов, ведущих к разрушению деревень и к забвению народных традиций, архивные коллекции звукозаписей, относящиеся ко второй половине XX века, представляют собой уникальный фонд документальных материалов по традиционной народной культуре, поскольку большинство из них повторить при всём желании уже невозможно. Вместе с тем, в связи с недостаточностью выделяемых на это направление средств, собраны далеко не полные сведения, а опубликована едва ли не сотая часть имеющихся источников.

В течение 1980-х годов активно развиваются взаимосвязи Ленинградской консерватории с Вологодским педагогическим институтом и Вологодским областным научно-методическим центром культуры: организуются совместные экспедиции, научно-практические семинары, фольклорные фестивали, циклы концертов. Одним из важнейших направлений совместной деятельности трёх учреждений явилась реализация первого этапа работ по созданию Централизованного фонда музыкально-этнографических материалов Вологодской области, основу которого составили копии звукозаписей экспедиционных коллекций консерватории 1975–1989 годов, описи и расшифровки архивных материалов. В настоящее время стало очевидным, что работать с источниками (документальными экспедиционными записями, расшифровками) должны специалисты. Таким образом, с одной стороны, возникает необходимость подготовки кадров, с другой – потребность в создании на основе имеющихся материалов серии разноцелевых программ их использования и различных публикаций, в том числе учебно-методического характера.

Кроме того, встаёт вопрос о сохранности имеющихся архивов, содержащих бесценные сведения по традиционной народной культуре. Обеспечение долговременного хранения, пополнения, изучения и многопрофильного использования коллекций экспедиционных звуко-, видеозаписей, рукописных и других документальных материалов по фольклору и этнографии требует постоянной гарантированной государственной поддержки. В этих целях в 1991 году в Санкт-Петербурге на базе Лаборатории народного музыкального творчества консерватории был создан Фольклорно-этнографический центр, который ныне относится к Министерству культуры России. Фольклорно-этнографический центр – многопрофильное учреждение, осуществляющее не только научно-исследовательскую, но и учебно-методическую, художественно-просветительскую деятельность по программам изучения, сохранения и возрождения традиций народной культуры.

Осенью 2000 года состоялась первая совместная научная экспедиция, организованная Вологодским областным центром народного творчества и повышения квалификации и Фольклорно-этнографическим центром в

Кирилловский район. Результаты экспедиции указывают на целесообразность и необходимость постоянной работы с носителями традиции, развития контактов с местными центрами культуры и образования. Благодаря взаимному заинтересованному участию федеральных и областных организаций и структур управления сегодня возникает возможность сохранения и развития всей системы народной традиционной культуры Вологодской области как базовой основы культурного процесса в целом. Своевременность и необходимость принятия государственных мер в этом направлении в большой мере обусловлены опасностью угасания народных традиций в силу разрушения естественных механизмов преемственности. Безучастность общества, непонимание государственной важности сохранения культурных традиций может обернуться в этой ситуации утратой последних связующих нитей с духовным наследием русского народа.

**Сведения о работе фольклорных экспедиций
Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории
и Фольклорно-этнографического центра
в Вологодской области (1967–2000)**

1. Бабаевский район: 1968; 1983 (совместно с ВГПИ¹⁵⁸), 1992 (совместно с ВГПИ).
2. Бабушкинский район: 1970; 1985 (совместно с ВГПИ), 1989 (совместно с ВГПИ).
3. Белозерский район: 1979.
4. Вашкинский район: 1979.
5. Великоустюгский район: 1968, 1976, 1977.
6. Верховажский район: 1977 (два выезда), 1978 (два выезда), 1998.
7. Вожегодский район: 1974, 1980 (два выезда).
8. Вытегорский район: 1967, 1993.
9. Грязовецкий район: 1972.
10. Кадуйский район: 1992 (совместно с ВГПИ).
11. Кирилловский район: 1980; 2000 (совместно с ВОНМЦКиПК¹⁵⁹).
12. Кигменгско-Городецкий район: 1968, 1973.
13. Междуреченский район: 1972; 1984 (совместно с ВГПИ).
14. Никольский район: 1969.
15. Нюксенский район: 1974, 1975, 1976; 1987 (совместно с ВГПИ), 1989 (совместно с ВГПИ).
16. Сямженский район: 1972, 1980.
17. Тарногский район: 1971, 1974, 1975 (три выезда).

¹⁵⁸ *Примеч. сост.:* ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт (в настоящее время – университет: ВГПУ).

¹⁵⁹ *Примеч. сост.:* ВОНМЦКиПК – Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации.

18. Тотемский район: 1971, 1974, 1975 (два выезда).
19. Устюженский район: 1978.
20. Чагодошенский район: 1978; 1989 (совместно с ВГПИ).
21. Череповецкий район: 1990 (совместно с ВГПИ).

Е. Э. Линёва и современные экспедиционные исследования фольклорных традиций Белозерья¹⁶⁰

В истории фольклористики начало XX века было отмечено выдающимися экспедиционными исследованиями, проведёнными на территории Белозерья Е. Э. Линёвой и несколько позже — Б. М. и Ю. М. Соколовыми.¹⁶¹ Благодаря применению современных для того времени методов полевой работы, собиратели зафиксировали и донесли до нас исключительные по своей значимости свидетельства народной жизни и художественной культуры.

В силу исторических обстоятельств, после этих экспедиций планомерное изучение фольклорных традиций западного региона Вологодчины на несколько десятилетий было прервано.¹⁶² Возобновилось оно лишь с конца 1960-х годов на базе учебно-методических планов Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории. За это время усовершенствовались методы экспедиционной работы, существенно изменились подходы к народной песне.

Е. Э. Линёва — талантливый музыкант, прекрасный исполнитель, знаток народной музыки. Но отношение исследовательницы к песне было предопределено традициями, на основе которых в XIX веке происходило «открытие» народной песни как явления музыкальной культуры¹⁶³ и — через интерпретацию профессиональными композиторами — включение её в сферу *музыкального искусства*. При всём том, что Е. Э. Линёву интересовали осо-

¹⁶⁰ Мехнецов А. М. Е. Э. Линёва и современные экспедиционные исследования фольклорных традиций Белозерья // По следам Е. Э. Линёвой: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 54—58.

¹⁶¹ Экспедиционные исследования нашли своё отражение в публикациях, вобравших в себя передовой опыт отечественной фольклористики: Великорусские песни в народной гармонизации / Зап. Е. Линёвой. Вып. 2. Песни Новгородские. СПб., 1909; Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

¹⁶² Исключением является, пожалуй, только экспедиция Фольклорной комиссии при Институте этнографии. См.: Народные песни Вологодской области. Сб. фонографических записей / Под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Зап. текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой; муз. зап. В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Л., 1938.

¹⁶³ Достаточно вспомнить известные сборники М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова и другие.

бенности музыкального мышления, исполнения и восприятия песни человеком традиционной культуры, характер, психология, личность самих носителей традиции, народную песню она рассматривала в первую очередь как *художественное явление, как явление музыкально-поэтического творчества*. С таким взглядом вполне согласуются и её музыкально-теоретические изыскания.

К настоящему времени понимание народной песни изменилось коренным образом. Сегодня мы осознаём, что музыкально-поэтическая форма хранит в себе смысловое содержание, выработанное жизненным опытом многих предшествующих поколений, и воспринимаем народную песню уже как факт традиционной культуры, как один из её составных элементов. Песня рассматривается нами в системе фольклорно-этнографического текста, в котором можно выделить и собственно музыкальную форму, и образно-поэтическую сторону, и функциональное назначение. При том, что каждый из составляющих структурных элементов фольклорно-этнографического текста предоставляет материал для самостоятельного научного исследования, философских рассуждений, в конечном счёте, для нас оказывается важным понимание целого, без которого нельзя увидеть культурного контекста музыкально-поэтического явления. В условиях, когда уходит старшее поколение, теряются традиции, и многого мы уже никогда не услышим, наука, постоянно совершенствуя свой инструментарий, позволяет раскрыть сложную систему внутренних связей и закономерностей традиционной народной культуры в динамике исторических процессов её развития.

История науки развивается таким образом, что возникает необходимость возвращаться каждый раз к началу пути и, если потребуется, начать всё сначала, чтобы достичь результатов на новом уровне. Прошло достаточно времени, чтобы оглянуться назад, вспомнить и осознать пройденный путь, сопоставить методы и результаты экспедиций начала и конца XX века с точки зрения подхода к народной песне.

1967–2000 годы – вот временной диапазон, на протяжении которого у нас есть возможность анализировать материалы, фиксирующие современное состояние культурных традиций Белозерья. Благодаря целому ряду экспедиций, организованных за эти годы в Белозерский, Кирилловский, Вытегорский, Бабаевский, Череповецкий и близлежащие районы Вологодской области, к настоящему времени мы имеем мощную фактологическую базу, на которой собственно и выстраиваются наши научные наблюдения.¹⁶⁴

Сравнение фольклорных материалов, известных по публикациям, и полевых записей из фондов Фольклорно-этнографического центра позволяют говорить о том, что различные подходы к народной песне дают и разные резуль-

¹⁶⁴ Санкт-Петербургской консерваторией и Фольклорно-этнографическим центром на этой территории обследовано 360 населённых пунктов, записано более трёх тысяч фольклорных текстов (в данном случае не учитываются результаты экспедиции 2000 года в Кирилловский район).

таты. Сегодня исследователи записывают не только лучшие песни от лучших исполнителей, как это делала Е. Э. Линёва, или как факты народно-поэтического творчества, как воспринимали фольклорные тексты братья Соколовы. Сегодня оказалось необходимым обратить внимание на историко-этнографическую сторону, связанную с бытованием народной песни и, в первую очередь – на систему отношений элементов фольклорно-этнографического текста, их функции, природу и закономерности языковых средств выразительности в устной традиции. К сожалению, время необратимо, и уходит в прошлое та среда бытования народной песни, которая обеспечивала полноту её содержания. Но есть память людей, жителей вологодских деревень, наших современников, есть взгляд исследователя.

Собранные в последние десятилетия материалы показывают, что на территории западного региона Вологодской области сохранились в своеобразных формах следы некогда существовавшей эпической традиции; она обнаруживает себя и в образно-поэтической (выраженной на вербальном уровне), и в музыкально-речевой сферах прозаического и песенного фольклора – в быличках, преданиях, заговорах, свадебных и похоронно-поминальных причитаниях, духовных стихах. Взгляд исследователя в этом случае опирается на специфику эпического характера выражения в образно-семантической, языковой, речевой, функциональной сферах каждого данного текста.

Поражают богатством содержания и структурной сложностью материалы, связанные с похоронно-поминальной обрядностью. Как факт науки, в большинстве своём эти материалы пока ещё хранятся в архивных записях.¹⁶⁵ Сейчас мы только подходим к осознанию той глубины миропонимания, которую донесла до нас память людей.¹⁶⁶ Для жителей русских деревень образно-содержательная сторона похоронного обряда – не столько мир поэзии, сколько область реально значимого, жизненного отношения к миру сущему. Для них это «мир родителей», это возможность перевести наш бытовой, повседневный язык общения на уровень реализации сложных связей прошлого, настоящего и будущего.

Музыкально-поэтическая сторона похоронного обряда, сохранившегося в народной культуре Вологодской земли, обнаруживает много общего с былинной традицией. И былинку, и поминальный причёт обслуживает один

¹⁶⁵ Некоторое представление о них дают доклады: *Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.* Особенности обрядовой системы и фольклора северо-западного района Вологодской области...; *Мехнецов А. М.* Похоронно-поминальная обрядность на Северо-Западе России... (См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*). См. также: *Мехнецов А. М.* Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России... *Наст. изд. С. 211–224.*

¹⁶⁶ Экспедиционные записи системы похоронно-поминальных обрядов из Бабаевского и Вытегорского районов подсказали нам и новые методы анализа музыкально-поэтического и этнографического материала, что оказалось важным для понимания структуры самой системы фольклора Вологодчины, где причётные формы образуют едва ли не ведущий элемент этой системы.

и тот же формульный, так называемый «рябининский» напев. И эпическая культура, и язык причитаний доносят до нас сходные смыслы и формы передачи жизненно важной информации.

За чётко регламентированной, детально разработанной причётной системой угадываются контуры и восстаёт в живом восприятии ряд представлений мифологического характера, которые до сих пор хранит память людей. К сожалению, фактологический ряд рассыпан, словно ожерелье по бусинкам, и требует систематизации, осмысления. Но уже предварительное обобщение документальных материалов рисует совершенно удивительную картину сохранившихся в народном сознании древнейших поэтических образов — леших, полевых, домовых, водяных, русалок, сказочных героев, колдунов и ворожей, разговаривающих с животными и природными стихиями на их языке. Мы до сих пор можем фиксировать это поэтическое восприятие мира, можем складывать из этих нитей мифологического знания общий рисунок полотна жизни.

Система свадебных и похоронных причитаний является предметом особого внимания в научных работах исследователей. Вологодские фольклорно-этнографические материалы в записях последних лет обеспечили основной массив сведений в этой области. Перед нами предстаёт очень серьёзный и сложный пласт культуры, отражающий историю обрядовой системы, языка фольклора, историю местных традиций. Особого внимания здесь заслуживают формы хоровых причитаний. Хоровые причитания, как совместно произносимый, ритуально значимый музыкально-поэтический текст предполагают и означают участие некоего коллективного персонажа в происходящем обрядовом действии. И, кстати сказать, что важно в историко-культурном отношении, то же самое мы наблюдаем в песнях лирического характера.

Песенная лирика — это область, в которой также происходит объединение коллектива и утверждение каждым своей сопричастности к решению нравственных задач в той или иной жизненной ситуации. В записях Е. Э. Линёвой не представлены лирические песни архаического строя, песни с узкообъёмной ладовой организацией. Современные экспедиции восполняют этот пробел. Для раннего пласта лирических песен характерен унисонный тип фактуры. Такого рода музыкальный материал не соответствовал эстетике времени, в котором жила Е. Э. Линёва. Возможно, именно поэтому он и не был замечен собирательницей. Вместе с тем, он до нашего времени принадлежит народной памяти, свидетельствуя об исторической глубине местных певческих традиций.

Ещё одна важная сторона традиционной культуры Белозерья и Вологодчины в целом — это хореографическая культура, а именно — инструментально-хореографические и песенно-хореографические формы. Характерность традиций Вологодской области проявляется в разнообразии видов хореографии и, вместе с тем, в их типологичности, легко распознаваемом значении каждого элемента женских и мужских плясок, в сложном постро-

ении многофигурных композиций, в особенностях музыкальной формы, в соответствующих определённым видам хореографии инструментальных наигрышах. Здесь достаточно упомянуть наигрыши под женскую пляску «Кружкá», под уличную проходку мужских артелей «на задор» («ломанье»). Одновременно полевые записи свидетельствуют о том, что ещё в недавнем прошлом на территории Вологодчины существовал развитый цикл классических для севернорусской культуры орнаментально-хореографических форм, включающих в себя огромный пласт лирических песен, а также хороводно-игровые формы.

Большой удачей в работе собирателей стали записи цикла подблюдных песен. На сегодня экспедиционные коллекции из Белозерья являются самым полным в отечественной фольклористике собранием подблюдных песен — около 150 музыкально-поэтических текстов и соответствующих описаний обрядовой ситуации святочных гаданий.¹⁶⁷

Особо следует отметить характерную, необыкновенно тонкую, развитую культуру народной речи, живого русского языка, — и не только в многообразных жанрах прозаического фольклора (сказки, былички, предания и так далее), занимающих в белозерской традиции важное место, но и в повседневном обиходе. Кроме собственно художественно-эстетических начал народной прозы мы находим в экспедиционных записях лингвистический материал исключительной историко-культурной и научной ценности.

Комплексный подход как ведущий метод экспедиционной работы, выработанный к настоящему времени, позволяет нам фиксировать и изучать каждое культурное явление в его системных связях и отношениях. В результате складывается более ёмкое, чем у исследователей начала века представление о фактах традиционной народной культуры, их происхождении, закономерностях исторической жизни, их содержательно-смысловой стороне и структуре. А применение современных методов анализа фольклорно-этнографических материалов даёт возможность установления общих законов традиционной культуры и объективной интерпретации её проявлений.¹⁶⁸

¹⁶⁷ См.: Подблюдные песни Белозерья... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова). *Примеч. сост.*: Автор имел в виду именно опубликованные материалы. Записи подблюдных песен, имеющиеся в смоленских и Кировских коллекциях Фольклорно-этнографического центра, намного превосходят объёмы белозерских песен, но в настоящее время эти материалы ещё не опубликованы.

¹⁶⁸ Из последних работ см.: Лобкова Г. В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. — 224 с.; Попова И. С. Типология фольклорных форм в системе масленичных обрядов Новгородской области. Автореферат дис... канд. иск. СПб., 1998.

Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России (поминальные, «урочные дни») ¹⁶⁹

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций последних лет свидетельствуют об относительно хорошей сохранности на территории северо-западных областей России представлений, верований, обрядов, фольклорных жанров, связанных с почитанием предков. Особое положение в системе культурных традиций занимает похоронно-поминальный обрядовый комплекс, в котором отражён многовековой опыт отношений мира живых и мира душ усопших – *родителей*.

Сравнительное изучение местных традиций позволяет выявить общие этногенетические основы похоронно-поминальной обрядности, которые коренятся в общеславянских истоках и в исторически сложившихся формах русской православной культуры. Эта общность проявляется:

- на уровне системы представлений о животворных началах бытия, созидательной сущности жизни, неразделимом единстве и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, о самозначимости и бесконечности духовной субстанции человека; верований о загробной жизни и возможности сообщения с миром *родителей*, о явлении душ умерших по «урочным дням» («всей родни широкой, природушки великой»);
- на уровне структуры обрядового комплекса (ритуалы приготовления и погребения покойного; поминальные дни и кануны – ритуальная баня, окликание и «привод» с кладбища душ усопших, встреча-приглашение на «ужну» или обед, поминальный стол, ночные бдения-«сидухи», «проводы душеньки»);
- на уровне содержания, образного строя, стилевых свойств группы обрядово значимых художественных форм, фольклорных текстов, обладающих особой действенной силой, и в первую очередь – причитаний и молитв как

¹⁶⁹ *Мехнецов А. М.* Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России (поминальные, «урочные дни») // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 198–203. *Примеч. сост.:* Составители посчитали возможным дополнить настоящую публикацию несколькими текстами причитаний, связанными с определёнными моментами обряда, из более ранней статьи, в которой материалы по похоронно-поминальной обрядности Бабаевского района Вологодской области были представлены более подробно. См.: *Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.* Особенности обрядовой системы и фольклора северо-западного района Вологодской области // Тезисы науч.-практ. конф. «Проблемы традиционной культуры Северо-Западного региона России». Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 1993. С. 19–31. Эти тексты отмечены знаком * в конце первой строки. Разработку данной темы см. в статьях: *Мехнецов А. М.* Похоронно-поминальная обрядность на Северо-Западе России...; *Мехнецов А. М.* Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России...; *Мехнецов А. М.* Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные дни») – по результатам экспедиций 1999–2000 гг. в Вологодскую и Смоленскую области... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).

одного из основных содержательных элементов похоронно-поминальной обрядности (система образов, формульные поэтические обороты и сюжетные мотивы, специфичность норм произнесения и музыкально-языковых средств).

Вместе с тем, в силу различных обстоятельств, принципиально общие культурные основания, определяющие смысл, назначение каждого из эпизодов похоронной обрядности, приобретают в отдельных местных традициях своеобразные формы как в отношении последовательности обязательных элементов структуры обряда, так и характера, и способов их реализации. В частности, незывлемые представления о действенности связей мира сущего с миром предков, отмеченные не только в плачево-причётных жанрах фольклора, но и в памятниках древнерусской литературы, реализуются и сегодня в практике обрядового поведения носителей традиций в широком диапазоне конкретных форм проявления (моления на источниках — «ключиках», жертвенные приношения и заповеди на «забудших» кладбищах, традиция окликания — «уканья», обращения к «родителям» и другое).

Наиболее полное воплощение представления и понятия о мире покойных (*родителей*) получили в обрядах и фольклоре поминальных дней — важнейшей составной части похоронно-поминального комплекса.

В отличие от первого этапа обрядового цикла, связанного с собственно обряжением, проводами и погребением покойного, поминальные или «урочные» дни, определяя процессуальную сущность обрядов отчуждения (проводов в иной мир), концентрируют ритуальные действия, раскрывающие представления о сферах идеального, мыслимого, вечного (о душе и потустороннем мире) и предметно-материального, преходящего в жизни человека. В последовательности этих действий мы выделим моменты, которые по своей семантике и функциям оказываются не только в положении ключевых эпизодов процесса, но и отражают смысловую сторону поминальной обрядности.

В севернорусской традиции обычно цикл поминальных дней складывается из обрядов третьего, девятого («девятинь»), двадцатого («полусорочинь») и сорокового дня («сорочинь»). При этом помин на третий день по смерти, установленный православным канонам, совпадает с днём погребения (в местных традициях принято считать, что покойный должен «ночевать» дома две ночи). Поминание в «полусорочинь» характерно лишь для отдельных местных традиций. Кроме того, поминовение усопших распространяется и на годовой круг — родительские субботы, кануны больших праздников, годовщины со дня смерти.

Поминальные дни, относящиеся к проводам души в иной мир (до сорокового дня), имеют общую структуру ритуальных действий, но наибольшей насыщенностью и выделенностью отличается последний, 40-й день. В общем виде система поминального дня включает в себя:

- канун — обрядовая баня, окликание или «привод» с кладбища *родителей*, встреча-приглашение на «ужну», обрядовый стол, ночные бдения;

- собственно поминальный день (как правило, с утра до полудня) — призывают, кличут-«гукáют» *родителей* с кладбища, «ведут», «встречают» на крыльце, приглашают за столы, поминальная трапеза;

- полдень сорокового дня — «вывод» *родителя*, последние «проводы душиньки».

Раскроем в общих чертах содержание поминальной обрядности, сопоставляя для сравнения материалы наиболее полных по структуре и ярких по выражению традиций, зафиксированных экспедициями Фольклорно-этнографического центра (г. Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова 1992–2000 годов в западных районах Вологодской и северо-западных районах Смоленской областей.

Устойчивым признаком, обнаруживающим родство этих географически отдалённых культурных традиций, является представление об обязательном явлении *родителей* (душ умерших) в урочные дни — «всей родни широкой». Так, например, с этим представлением в Смоленской области связаны различные поверья и запреты.

1. О том, как *родители* в поминальный день посещают дом и садятся на «сунóжках» (перекладыны у ножек стола и скамейки): «Идúть, гываря́ть, на ёты сунóжки садя́тца — все радители. Рядышкым идúть. Кто у бёлым, кто у какým памёр, у тым чилавек идéть, садитца, вот кыда́ помин идéть. <...> Во, аны́ ж пыд сталом — на сунóжкых. За то ж и гавóритца — ни станóвь нóги на сунóжки, тут садя́тца радители. <...> Эта ж тéла идéть ў зямлю́, а душа ж ни пумира́ить. Душа куды нада идéть, ѓде нада, там ана и хóдить» (Демидовский район, д. Замошье).

2. О необходимости поминать покойного именно в урочный день. Годовщину смерти дочери по бытовым причинам отметили на день раньше, и матери приснилась во сне умершая дочь, которая ей сказала: «Как мой дянёк б́ыў, пришли, пыстáяли ли у́голышка, ли вакóшицка — т́иха, спакойна, ни́чэ́та нет. А я ж усíх пызавáла. И рóдных пазавáла, и нярóдных при́гласила (ужу́ йина́ миртвяцов ётых, пакойникыв). Пыстáяли, пыстáяли и пашли». Из-за того, что дочь «обманула» пришедших с ней *родителей*, те перестали звать её с собой в поминальные дни: «Так ужú тяпéрь ўси ходють, завúть. Кто завúть, то и ходють. А мянэ́ ниhto не завéть. Я ж абманúла» (Руднянский район, д. Никонцы).

Представления о посещении душами умерших (*родителями*) своего дома отражены и в наполнении ритуалов поминального дня. В Вологодской области накануне поминальных дней («против» 9-го, 20-го, 40-го дня), а в Смоленской области в кануны годовых праздников и в родительские субботы топят баню. В бане моются сами, и потом оставляют для *родителей* («душеньки») воду, кладут мыло, «вехóточки»,¹⁷⁰ веники, приготовят бельё «на

¹⁷⁰ *Примеч. сост.:* «Вехотки — мочала для мытья посуды, полов». Даль В. И. Толковый сло-

грядочке»,¹⁷¹ чистое полотенце. В Смоленской области приглашают: «Ну, честные родители, приходите и вы, мойтесь» (Руднянский район, д. Надва, Дрягили). В Вологодской области у бани или на дороге созывают умершего причётом:

«Выхожу я, сиротиночка,*
 На разъезжу путь-дороженьку,
 Я спущу да свой зычён голос
 Высоко да по поднёбесью,
 Широко да по Святой Русе,
 Во оградушку зелёную,
 Во могилушку глубокую...»
 (Бабаевский район, д. Костино).

«Позову я гостью милую,
 Милую да невидимую,
 Со тово да свету белово,
 Не с известной да сторонушки,
 Ты иди, сударынь-мамонька...
 Для тебя у сиротиночки
 Баенка у мня истоплена,
 Ключева вода нагретая,
 Платьицо да приготовлено.
 Как на эту пору-времечко,
 Как за эти три неделенки
 У тебя, сударонь-мамонька,
 Платьицо да привалялося,
 Телушко поизмаралосе...»
 (Бабаевский район, д. Кьяма-Носково).

Вечером накануне урочного дня и утром в поминальный день ходят на кладбище. Созывают *родителей* на урочный день причитанием. Затем, возвратившись домой, причитают на улице — окликают («гукáют») душу умершего, призывают её за поминальный стол. Сопоставим смоленские и вологодские материалы.

Смоленская область:

«Тáма-тка ны клáдбишши павы́ишь, што <...>:

И ты ж мы́я мамынька,
 Зыбирай жа ты сваих увси́х радителей,
 Приходите ж вы ка мне, зы свай столики.

— И яё вот, например, и матери там, радители <...> — и вот завёшь усéх, што “зыбирай... и приходи зы май столики”. <...> А патóм дóма, как сядуть во, за стол ётыи ужú вси пуминáть, тады́ тоже причítывыють, што:

варь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 188.

¹⁷¹ *Примеч. сост.:* «Грядка — шест, слуга, жердь, подвешенная или приделанная лежмя, всякая жердь из стены в стену; полка вровень с полатами». Даль В. И. Толковый словарь... Т. 1. С. 403.

Ня стой-ка пыд акóшечкым,
А зыхадí, садитесь зы столики»

(Демидовский район, д. Протокина Гора).

Вологодская область:

Иногда призывают родителей приговором на могиле:

«Царь земляной, Царица Земляная,
Подымите, пожалуйста, мою маменьку родимую
На сегодняшний день помíношной»

(Бабаевский район, д. Пяжелка).

На могиле причитают — «будят», «зовут», приглашают домой:

«Уж я шла да, сиротиночка,*
Уж я шла да торопиласе,
Я ко звону колокольному,
Да ко читаньицу церковному.
Я пришла, горюша горькая,
Здесь нету звона колокольнево,
Нет читаньица церковново...
Я зашла да, сиротиночка,
Во оградушку широкою,
На могилушку высокую.
Ты раздайся, мать сыра земля,
Раскатитесь, горючи камни,
Пораскройся, гробовá доска,
Пооткройте, тонки пóлотна,
Прилетите с неба, ангелы,
Вы вложите в тело душеньку,
В белы рученьки владеньице,
В резвы ноженьки ходеньице,
Во уста да говореньице...»

(Бабаевский район, д. Клюшово).

«Подымись-ко, моя милая,
На сегодняшний урóшной день,
На урóшной день, помíношной,
Подними родню широкою,
Всю природушку великую,
Для тебя всё налажáемся,
Для тебя всё припасаемся»

(Бабаевский район, д. Къяма-Носково).

«Слава, слава тебе, Господи,*
Посулилась моя мамынька
Как ко нам, ко сиротиночкам,
Ко своим да малым детушкам»

(Бабаевский район, д. Артёмово).

«Ведут душу» с кладбища, причитают. В случае, если кладбище расположено далеко от дома, начинают причитать с улицы, у крыльца – «призывают душеньку» на «ўжну», «посѣдки» – «по вечерней заре», так, что «гулы шли»:

«Как ишла я потихошеньку,
Я шагала полегошеньку,
Шла я дальнюю дороженьку,
Шла я дальний перелесочек.
Пору-времечко прибавило,
Разговоры все пробаяла,
Думушку я всю продумала,
Горюшко да всё промыкала.
Привела я в дом хозяйошку,
Детонькам – сударынь-матушку,
Ты иди-ка, солнце красное,
В часты, мелкие ступенечки,
Без большово опасаньца.
Слава, слава тебе, Господи,
Ково звали, тово сѣзвали,
Ково ждали, тово дѣждали»

(Бабаевский район, д. Кьяма-Носково).

По вологодским материалам, слышав причётные призывы, из дома выходят с причѣтом встречать *родителя*, несут кисель, ложку (на блюде), свечу зажигают. Встречают на крыльце (на мосту)¹⁷² или на улице (на дороге).

«Я повыйду, сиротиночка,*
Я на светлую на улочку,
На частые-то на лесенки,
Повстречаю, сиротиночка,
Своеё да гостью милую,
Милую да невидимую,
Я свою да милу маменьку.
Ты иди, да красно солнышко,
Во свою да светлу светлицу...»

(Бабаевский район, д. Фенчиково).

Ведущая «гостью» проходит в дом первая с причитанием, у стола останавливается. Причѣтом приглашает за стол «гостью с роднѣй», угощает их:

«Заходи с гостям любименьким,*
Любименьким да невидименьким...
Заходите без стесненьца,
Без большого пригляженьца.
Проводи, сыночек миленький,

¹⁷² *Примеч. сост.:* «Мост» – сени. «Мост – отделяет переднюю избу от задней, зимней». Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. С. 350.

Ты своих гостей любименьких,
Их сади-ко всех ты по́-ряду,
Угощать-то будем поровну.
Расклади-ко всем по стопочке,
Приподай-ко всем по ложечке.
Угощайтесь, гости милые,
Вы пришли не на гуляньице,
На последнее свиданьице»

(Бабаевский район, д. Кулига).

«Заходи, родима матушка,
За столы да за дубовые,
Умещай родню широкую,
Ты и дедушек и бабушек.
Ты поешь да ты покушай-ко,
Для тебя всё приготовлено»

(Бабаевский район, д. Панкратово).

Потом садятся все присутствующие на помине (первый стол – близкие, родные, второй стол – остальные). В красном углу оставлено место (на полотенце – еда, пиво) – для покойного. Первое блюдо – кисель («первым долгом надо киселём поминать»), второе – блины, оладьи. Кисель едят по ложечке: хлебнут, мысленно помянут умершего молитвой, ложку положат – так три раза. «За народом» у столов стоит дочка (невестка), причитает («отваживает»).

На второе блюдо (блины, оладьи) – снова начинают причитать:

«Как я стану, сиротиночка,*
Вдоль я полику тесовово,
Подойду я, сиротиночка,
Ко столам я ко дубовым,
Я ко скáтеркам да браным,
Я попотчую, почествую
Дорогую гостью милую,
Милую да невидимую.
Погляжу я, сиротиночка,
На тебя как, лебедь белая,
Рученька не подымается,
Кушанья не убавляются.
Ты скажи, сударынь-матушка,
По уму ли вам, по разуму
Дубовы столы поставлены,
Браны скатерти разостланы?
По уму ли гости собраны,
По уму ли все рассажены?
По уму ли приготовлено,
По уму ли всё налажено?
Ты сама да знаешь-ведаешь,

У меня, у сиротиночки,
 Припасаться было некому,
 Налажаться не подумати»
 (Бабаевский район, д. Кьяма-Носково).

Посидят, потом начнут угощать в последний раз:

«Как я сяду, сиротиночка,*
 Ко тебе, желанна маменька,
 Я попотчую, почествую,
 Я тебя да, сиротиночка,
 За столам да за дубовыми,
 Я за шитым, бранным скáтертям.
 Угощай-ко, солнце красное,
 Ты родню свою широкую,
 Со тово да свету белово,
 Ты со дальней-то губéренки,
 Не с известной-то сторонушки...»
 (Бабаевский район, д. Пяжелка).

«Ты гости да, гостья милая,*
 При последней поре-времечке,
 При остатней да минуточке,
 При последней да секундочке.
 Боле век тебе не гáщивать,
 Милой гостьей да не сиживать,
 С тово свету нету выходу,
 С тово свету нету выезду,
 Не напишешь письма-грамотки»
 (Бабаевский район, д. Костино).

По поверьям, распространённым в Вологодской области, в канун урочного дня «душа гостит» до полночи, уходит «невидимо». Родные и близкие остаются в доме на всю ночь — спать не ложатся, свет горит, двери не закрывают.

В Смоленском районе и некоторых деревнях Руднянского и Демидовского районов также распространён обычай ночного бдения в канун 20-го, 40-го дня и «годовин», для этого приглашали «сидух» (старух). «Сидухи» ночь сидят, в это время «куховáрки» еду готовят, холодец; ночью в 10 и в 12 часов поминают — «стол справляют»; читают молитвы по богослужебным книгам, Псалтири; в некоторых деревнях поют всю ночь поминальные «стишки» (Смоленский район, д. Волоковая, Роскошь); в других — поминальных стихов не поют (Руднянский район, д. Дрягили). На ночь, после того, как сами поедят и помянут родителей, на столе оставляют всё (для покойников) — «куттjó» (пшеничную), мясо, селёдку, старикам — капусту, картошку, пироги (Руднянский район, д. Дрягили). Свет не гасят и двери на задвижки не закрывают.

На утренней заре, в 40-й день, 1 год (а также — в полгода, 3 года, 6 и 12 лет) в смоленских деревнях родные «гукáют» покойного на улице (на крыльце) в 5-6 часов утра:

«Мамка мая рóдная,
Прилетайте ж вы к нам
сявóдняшний дянёчик»
(Руднянский район, д. Верхние Кошевичи).

В Хиславичском районе Смоленской области покойного «гукáют» непосредственно перед тем, как начать трапезу в 40-й день. Хозяйка выходит на крыльцо или стоит перед домом, держа в руках блин с мёдом («кануном») и прикликает причётом умершего. Затем все садятся за стол.

На Смоленщине обязательно подают на поминальный стол горячее, сама трапеза называется «горячий стол», поскольку существует поверье, что умершие питаются паром, который идёт от еды на поминках (Смоленский район, д. Перегорши).

В вологодских деревнях в «сорочíны» перед полуднем «провожают душу».

Около полудня начинают причитать от стола:

«Не спеши да, ладо милое,*
Зажигать да воскову свечу,
Провожать да дорогу гостью.
Погости, сестрица милая,
У себя да во своём дому...»
(Бабаевский район, д. Харчевня).

«Погости-ко, гостья милая,*
Во своей во светлой светлице,
Во своей во новой горнице,
При последней поры-времечке,
Как последние минуточки.
Собрала родню широкую,
Всю природушку великую
Не на пир, не на гуляньице,
Душеньке да на прощаньице,
На последнее расставаньице...»
(Бабаевский район, д. Къяма-Носково).

При последнем угощении (кисель) зажигают свечи, с причитаниями «вы-водят» *родителя* из дома на улицу:

«Пора-время коротается,*
К одному часу двигáется.
Ты вставай-ко да прощай-кося,
Со своим да благодатным домом,
Со своей роднёй кровавою...»
(Бабаевский район, д. Давыдовка).

«Распрощайся, родитель-матушка,*
 Со кирпичной-то со пёченькой,
 Со своей высокой горницей,
 Што с твоим да старым лесенкам,
 Ты со гладкой-то со улочкой,
 Ты со славным-то со озером,
 Ты со широким-то полосынькам,
 Ты со гладким-то со пожинкам...»

(Бабаевский район, д. Панкратово).

«Ты прощай-ко, наша милая,
 На векі да на векущие,
 Не видать больше, не видывать,
 Не слышать больше, не слыхивать,
 Твоево да громка голосу.
 Зарастёт да путь-дороженька
 Частым ельничком-березничком,
 Ты уйдёшь да, красно солнышко,
 За леса да за дремучие,
 За болота за гибучие,
 За озёра-то глубокие»

(Бабаевский район, д. Фенчиково).

При «выводе» вслед за причётницей несут три блюда (кисель, пирог, сласти). Впереди процессии идёт мужчина с зажжённым фонарём (Бабаевский район, д. Ципелово). Идут за деревню (до зазора,¹⁷³ до овина, до крестов¹⁷⁴), останавливаются, с молитвой «Помяни, Господи, Раба Божьего» кланяются в землю. Ветер подует — «душа пошла». Поминают киселём (одна ложка на всех). Одна женщина «провождает душу» до могилки, поклонится у могилы и возвращается. Остальные от «росстаней»¹⁷⁵ сразу идут домой, больше не причитают. На улицу выставляют стол с поминальной едой — угощаются все, кто желает помянуть душу усопшего.

Каждый эпизод в структуре поминального дня, обладая смысловой, композиционной и функциональной определённой, фиксирует событийную сторону обряда. Цепь эпизодов образует сквозную динамическую последовательность, утверждающую необходимость осуществления должного намерения, отмечающего в коллективном сознании постепенный переход умершего в иной мир и достижение им статуса *родителей* — соединение «с роднёй широкой, всей природушкой великой», с миром предков-покровителей.

Особая значимость каждого действия, его выделенный средствами художественного сакральный характер возникает в силу устойчивой обрядо-

¹⁷³ *Примеч. сост.:* «Завор» — «околица, забор, городьба». Даль В. И. Толковый словарь... М., 1955. Т. 1. С. 562.

¹⁷⁴ *Примеч. сост.:* «Кресты» — перекрёсток дорог.

¹⁷⁵ *Примеч. сост.:* «Росстани» — перекрёсток дорог.

вой направленности всех его элементов. Такими элементами становятся пространственно-временные характеристики действия, а также атрибутика каждого эпизода, роли и образ действия участников обряда.

С наибольшей полнотой содержательная сторона и обрядовый канон поминальных дней находят выражение в молитвах и причитаниях. Но если молитвенно произнесённое слово являет собой сугубо личностное выражение мысли и чувства молящегося, то причитания («голошения», «плаки», «жали», «вытьё» — «вой») не только окрашены эмоциональной напряжённостью индивидуального переживания, но имеют ярко выраженный демонстрационный характер, несут на себе большую информационную нагрузку в силу их непосредственной соотнесённости с конкретными обстоятельствами и содержанием акциональной стороны обряда. Предельной смысловой и функциональной насыщенностью обладает как собственно музыкально-поэтическая форма причитаний, все её элементы, так и образно-художественная сторона похоронной причети.

Комплексный анализ причитаний обнаруживает не только их прямую связь с совершаемым действием. В текстах причитаний складывается идеальная (воображаемая) форма происходящего, устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших. Следовательно, можно предположить, что тексты причитаний сохранили также упоминания о некогда обязательных, но с течением времени выпавших из структуры обряда действиях, что даёт возможность моделирования и реконструкции архаических форм самого обряда.

По устойчивым поэтическим оборотам, имеющим формульный характер и тесно связанным как с событийной стороной обряда, так и с сюжетным развитием поэтического текста причитаний, мы группируем основные содержательные моменты причети, с учётом их функциональности и смысловой направленности (на примере вологодских причитаний).

1. Обозначение обрядового действия в закреплённых (по месту в обряде) устойчивых формулах:

а) определения обрядовых действий, положений — «Выхожу я, сиротиночка...»; «Уж я шла да торопиласе...»; «Распущу я свой зычён голос...»; «Я веду да гостью милую...» и другие.

б) обращения (просьба-императив) — «Ты приди-ка, моя мамонька...»; «Ты умой-ка лицо белое...»; «Собирай родню широкую...»; «Вы подуйте, ветры буйные...» и другие.

2. Установление обязательных, обрядово необходимых состояний, отношений-связей (формульные поэтические обороты, не имеющие строгой закреплённости как по месту в обряде, так и в структуре поэтического текста):

- а) «жали» по покойнику, по сиротам —
«У меня, у сиротиночки,
Не к кому да пришатитесь...»

«Я осталась, сиротиночка,
Как травинка подкошёная,
Как берёзка подсушёная...»

б) укоры покойному, судьбе (обстоятельствам) —

«Попеняюсь, пообидуюсь,
На тебя, да моя милая...»
«Ты оставил меня, бедную,
Как кукушечку-то серую,
Как подстрелену воронушку...»

в) заветы, зароки, обещания:

«Ты когда в гости посулишься? —
Поутру да поранёшеньку,
Вечером да попозднёшеньку,
Среди да ночи тёмною?
Буду ждать я, горюшничка,
Выйду я да на крылечушко...»

г) «своя беда», «своё горе» —

«У меня-то много горюшка,
У мян горюшка — три полюшка,
У мян кручинушки — три нивушки».

Собственной семантикой обладает и система средств музыкального языка (средства интонационного, метrorитмического, композиционного рядов, форма и характер исполнения и другие). При всём разнообразии видов организации музыкально-поэтического текста причитаний ведущим признаком севернорусской причётно-плачевой культуры является высокая степень упорядоченности, согласования закономерностей музыкального и поэтического начал. Безусловно централизующим элементом композиции здесь выступает нормативность ритмо-акцентной формы единицы периодичности — тонического стиха. Однако строгая регламентация периода прямо связана с алгоритмом эмоционально окрашенного дыхания и, соответственно, с интонационно-ладовой выразительностью музыкально осмысленной речи (см. пример 1).¹⁷⁶

Иной, тирадный тип организации причётного текста, образующий нерегулярную последовательность звеньев изложения, также характерен для ряда местных фольклорных традиций на Русском Севере и Северо-Западе. В наиболее яркой форме он находит выражение в западнорусских фольклорных традициях и, в частности, в Смоленской области (см. пример 2).

¹⁷⁶ Тактировка в примерах выполнена с учётом основополагающего значения в организации напева тонических акцентов (сплошной тактовой чертой выделены основные тонические акценты, пунктирной — дополнительные акценты). Поскольку размеры тактов принципиально подвижны, указания размеров снимаются.

Пример 1¹⁷⁷

$\text{♩} = 180$

О-й(и), ты про - ша-й(и)-се да, ми - ло ди - тет-ко,
 О-й(и), со с(ы)-во - и-м(ы) жа со со - се - душ-кам,
 О-й(и), што с жё - но-й(и) да што с(ы) го - рю - ши-цой,
 О-й(и), што со с(и) - ве-т(ы)-ло-й(и) да со с(и) - вет - ли-цей.

Пример 2¹⁷⁸

$\text{♩} = 224$

И та - тыч - ка мой род - нинь-кий, што ж ты мя-не па - ки-нул,
 а я ж у тя - бе ад-на?
 А кто ж мне, тат - ка, па - ма - гать бу - дить,
 и кто ж мне пыд - сыб - лять бу - дить?

¹⁷⁷ «Ой, ты прошайсе да, мило дитетко». Вологодская обл., Бабаевский район, Новолукинский с/с, д. Задний Двор. Исп.: Чурина Д. П., 1913 г. р. Зап.: Козлова И. П., Игнатъева Н. Б. 25.01.1992. Экспедиция ФЭЦ и СПбГК. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 3260-20. Расш.: Булкин С. В.

¹⁷⁸ «И татычка мой роднинький». Смоленская обл., Руднянский район, Любавичская с/а, д. Махначи. Исп.: Шайторова М. А., 1914 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Редькова Е. С. 21.08.1998. Экспедиция ФЭЦ и СПбГК. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 5063-31. Расш.: Булкин С. В.

Границы законченного периода и элементов его собственной структуры подчиняются логике членораздельного музыкального произнесения — логике построения самостоятельных попевок, объединённых в некоторую их последовательность на основе смысловыразительности и знакового характера кадансовых интонационно-ритмических оборотов, определяющих, одновременно, и ладовую структуру мелострофы в целом.

Таким образом, мы имеем дело с многоуровневой кодировкой основного смысла обрядов похоронно-поминального цикла в различных компонентах фольклорно-этнографического текста. Целостность содержания и структуры, взаимообусловленность всех элементов обрядового комплекса, а также определяющая роль смысловых начал, восходящих к древнейшим представлениям, позволяет рассматривать похоронно-поминальную обрядность в ряду наиболее устойчивых архаических форм русской народной традиционной культуры. В то же время похоронные и поминальные обряды в силу их значения в жизни человека сформировались в их настоящем виде в русле христианского понимания отношений жизни и смерти и православных представлений о бессмертии души и о взаимосвязи мира живых и мира усопших.

Устьянские песни. «Молодецкая лирика»¹⁷⁹

Район междуречья северных рек Сухоны, Ваги и Северной Двины — одно из заповедных мест, где до наших дней сохранились бесценные памятники русской народной песенной культуры. В течение ряда лет здесь работали фольклорные экспедиции студентов Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова¹⁸⁰ (с 1976 года — под руководством автора этих строк), последовательно, район за районом, сельсовет за сельсоветом, проводившие записи народных песен, инструментальной музыки, старинных обрядов.

Летом 1977 года одна из групп Верховажской экспедиции ЛОЛГК (возглавлял группу Ю. И. Марченко) была направлена с целью предварительного обследования в Устьянский район Архангельской области. Разведка принесла интересные песенные находки, показавшие необходимость тщательного изучения местных музыкальных традиций. Эта работа была выполнена последующими экспедициями (зимой и летом 1978 года), во время которых было обследовано 53 деревни, расположенные по течению реки Устья — правого притока Ваги. Экспедиционные материалы (около 1700 песен разных жанров)¹⁸¹ показали, что на Устье сложилась самобытная песенная культура,

¹⁷⁹ Мехнецов А. М. Предисловие // Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1983. Вып. 1. С. 3–7. *Примеч. сост.*: Настоящая публикация дополнена нотными примерами из сборника, на которые ссылается А. М. Мехнецов.

¹⁸⁰ Далее — ЛОЛГК.

¹⁸¹ Среди них — песни лирические (1013), свадебные (96), причитания (129), хороводные и

по своему происхождению и основным чертам стиля тесно связанная с традициями, бытующими на Кокшеньге, Кулое и Коленье.

Названные традиции, обнаруживая высокую степень общности, дают основания судить о песенности всего края, как о единой культуре, имеющей своеобразные местные формы. Так, например, если для кокшеньгских и кулойско-коленьгских традиций наиболее показательны причитания и песни старинной свадьбы, сохранившие богатую в этнографическом отношении обрядовую сторону, то на Устье ведущим стал жанр лирической песни, в котором сосредоточились важнейшие особенности музыкального языка местных песенных традиций. С учётом этих особенностей и представляется возможным выделить устьянские песни в самостоятельное историко-культурное явление в системе песенных традиций сухоно-важско-двинского междуречья. При этом мы можем рассматривать на Устье ряд узколокальных традиций, бытующих в отдельных песенных центрах. Среди них выделяются Лихачёвский (Верхняя Устья), Бестужевско-Строевской и Березницко-Орловский (Средняя Устья), Чадромский (Нижняя Устья). Основные отличия, прослеживаемые в жанре лирических песен, сказываются главным образом в особенностях исполнительских традиций отдельных песенных «школ», частично — в репертуаре и в чертах музыкального стиля. Несколько обособленное место занимают песни чадромской группы деревень. Их музыкально-стилевая характеристика указывает на принадлежность этой традиции к кулойско-кокшеньгской. В свою очередь, наблюдается определённая общность лирических песен верховьев Кокшеньги (Илезский, Верх-Кокшеньгский, Озерецкий сельсоветы Тарногского района Вологодской области) и Верхней Устья (лихачёвская группа деревень). Ограничиваясь здесь лишь констатацией сложных взаимосвязей песенных традиций, отметим, что стилевая обособленность песен чадромской группы в известной мере обусловила отбор материалов для сборника «Устьянские песни». В сборнике представлены песни Верхней и Средней Устья, верховьев Кокшеньги; песни низовьев Устья вошли в сборник «Лирические песни Важского края».¹⁸²

Издание устьянских лирических песен осуществляется в двух выпусках. Основу первого из них составляют песни, относящиеся к особому слою русского фольклора — молодецким песням. Второй выпуск посвящён «девье» лирике — песням, связанным с образами, отражающими судьбу и мир переживаний русской женщины.

Известная жанрово-стилевая самостоятельность молодецких песен, на которую обратил внимание ещё Н. М. Лопатин, подтверждается их сюжетно-тематическими и музыкальными особенностями, характером распростране-

пьясовые (ок. 300), частушки (53), а также репортажи о свадебном обряде (17) и другие материалы.

¹⁸² Лирические песни Важского края / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Н. Н. Артёмко. Рукопись подготовлена к печати. *Примеч. сост.*: До настоящего времени рукопись не опубликована. Часть материалов по Нижней Устье — см.: Устьянские песни... Вып. 2.

ния. Н. М. Лопатин писал: «Мужская песня, передавая по большей части быт внесемейных, общественных отношений мужчин, естественно более отливалась в точные определённые формы; она не ограничивалась определённой местностью и свободно переносилась из края в край русской земли бродяжничеством, извозом и военной службой. Самые интересы мужчин в этом отношении были общие, единообразнее, напротив, женские песни часто составляют принадлежность какой-нибудь определённой местности, способ пения женщин гораздо более, чем мужчин, носит характерные отличия не только каждого уезда, но часто и отдельного села».¹⁸³

Круг художественных образов и музыкально-стилевых признаков песен этого слоя определялись характером среды, в которой возникли эти песни (музыкальный быт временных воинских формирований XIV–XV веков, «ватаг» служилых людей), и исполнительскими возможностями мужских голосов.

Общие закономерности стиля молодецких песен отчётливо заметны на примере публикуемых в сборнике материалов.

Важной особенностью песен, записанных на Устье, является образование музыкальной формы на основе широко распетых построений. Возникновение таких распевов как конструктивных элементов напева связано с силой и про-

¹⁸³ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М., 1956. С. 186.

тяжённостью дыхания, с широким певческим диапазоном. В этой же связи находятся и принципы мелодического развития, типичные для мужских песен, — очевидное преобладание поступенного движения в широких интервалах над опеванием, интонированием в пределах терцовой ячейки, которые характерны для женских песен. Определяющая роль мелодического движения приводит к нарушению границ нормативного членения поэтического текста (слово, полустих, стих) и вызывает необходимость дополнительных вставок (слогов, междометий, повторов слова или его частей) или усечения полной формы слова. Иными словами, закономерности протяжных песен формируются в молодецкой лирике на основе специфических для неё принципов мелодического развития.¹⁸⁴

В прямой связи с особенностями мужского пения и в значительной мере с эстетикой песен молодецкого цикла возникают и закономерности ладо-интонационного строения этих песен.

Подчёркнутое значение попевочных образований, оформляющих мелодическую выразительность протяжённого распева, состоит в том, что контуры таких попевок определяются активным интонированием опорных тонов каждой попевки (эти тоны, как правило, образуют квартовые и квинтовые ходы). Ладовая форма напева вырастает в цепи сопоставлений опорных тонов отдельных попевочных звеньев. В сложнладовой конструкции широкообъёмных напевов молодецких песен на основе характерных для них принципов мелодического движения, возникающих в связи с протяжённым звуковедением и активностью сопоставляемых опорных тонов попевок, по-своему реализуется интонационный опыт, накопленный в исторически более ранних слоях музыкального фольклора.

Отличительные свойства молодецкой лирики проявляются также и в метроритмических закономерностях. Большого дыхания распевы, на основе которых выстраивается логика музыкальной формы, не только нарушают границы композиционных элементов стиха, но и преобразуют присущий ему ритм. Здесь ведущая роль принадлежит ритму музыкального движения. Согласование же музыкального и поэтического ритма и образует ту сложную метроритмическую форму песни, в которой, несмотря на рассредоточенный стиховой ритм, мы постоянно ощущаем ритмическую равномерность, условно говоря, «шаговую» пульсацию долей музыкально-поэтического времени.

Песенный материал достаточно убедительно иллюстрирует высказанные здесь замечания о музыкальном стиле молодецких песен. Не имея возможности подробно рассматривать отмеченные особенности, подчеркнём ещё одну важную сторону публикуемых песен — формульность напевов и отдельных мелодических построений.

¹⁸⁴ Аналогичные закономерности в песнях женских, а также в песнях других жанров тоже возникают в связи с доминированием логики собственно музыкального развития, но уже в связи с действием других принципов интонационного движения.

Результаты фольклорных экспедиций ЛОЛГК последних лет позволяют ставить проблему формульности в рамках жанра лирических песен на огромном фактическом материале.¹⁸⁵ Явление формульности, отражающее глубинные принципы народного музыкального мышления, приобретает в молодецких песнях значение одного из показательных признаков стиля. В качестве примера укажем на характерный мелодический ход (нисходящее поступенное движение в квинте от квартного опорного тона лада), образующий большесекундовый сдвиг уровня интонирования по отношению к центральному опорному тону. Этот ход является одним из типологических признаков не только знаменитого напева «Гор»,¹⁸⁶ широко распространённого во многих областях России, но также большой группы напевов, относящихся к историко-стилевому слою молодецких песен. В сборнике рассматриваемый мелодический оборот встречается в ряде напевов («Гуленьки мои голубоцьки», «Как у наших-то у дворянских у ворот», «Не во ельнице было во березнячке»¹⁸⁷).

Пример 1¹⁸⁸

2. За - ю - ла - ньски - е... да
не - цё - во жо вы ли да го - ры(й),
го - ры не спо - ро... ой,
не спо - ро - ди - ли.

¹⁸⁵ См., например, материалы сборника: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны // Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981.

¹⁸⁶ Значение этого мелодического оборота впервые было отмечено Н. М. Лопатиным – см.: Лопатин Н. М., Прокурин В. П. Русские народные лирические песни... С. 96.

¹⁸⁷ См.: Устьянские песни... Вып. 1. № 1, 12, 25, 36, 40, 41, 42.

¹⁸⁸ «Да уж вы горы, вы ли да горы». Архангельская обл., Устьянский р-н, Строевской с/с, д. Прилук (Прилуки). Исп.: Валова М. Г., 1903 г. р., Валова А. Н., 1908 г. р., Валова А. П., 1908 г. р., Врачёва А. А., 1914 г. р., Врачёва М. А., 1909 г. р., Валова В. Ф. Зап.: Мехнецов А. М. 30.06.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 767-04. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 1. № 1.

На Устье, так же как и в других районах Архангельской и Вологодской областей, мы фиксируем и формульность напевов, которая оказывается особенно типичной для женских песен, но встречается и в молодецких (см.: «Эко сердё, эко бедноё моё» и «Не воробышок-от да на колышке сидит»;¹⁸⁹ а также ср.: «Сидела наша Катенька в новой горёнке одна» и «Ох, эко сердё, эко бедноё моё»);¹⁹⁰

Чрезвычайно показательна историческая судьба рассматриваемой жанровой группы песен. Выявляя общие закономерности их стиля и многообразия местных вариантов напевов, можно предположить, что песни молодецкого цикла приобретали черты локального своеобразия (при сохранении типологического единства) в более поздний исторический период в процессе их длительного бытования в условиях местных крестьянских песенных традиций. При этом можно проследить несомненную зависимость стилистики молодецких песен от традиции их исполнения. Так, на примере устьянских песен мы наблюдаем тенденцию возникновения вариантов мужских песен под влиянием исполнительских традиций женского пения (ср. варианты песни «Эко сердце»);¹⁹¹ В свою очередь, ряд песен с женской тематикой обладает ярко выраженными признаками стиля молодецких песен. В сборнике им посвящён самостоятельный раздел.¹⁹²

К сожалению, в настоящее время мужская исполнительская традиция на Устье (как и в других районах Русского Севера) почти угасла. Мы располагаем лишь единичными записями образцов мужского пения¹⁹³ (см. пример 2). О нём мы можем судить только на основании этих единичных записей,

Пример 2¹⁹⁴

Эй, было с-по мос-ту, мос-ту, да
во-м(ы)
с-по ка-ли - но-ву да мос-ту.

¹⁸⁹ См.: Устьянские песни... Вып. 1. № 16 и 44.

¹⁹⁰ См.: Устьянские песни... Вып. 1. № 43 и № 17, 19.

¹⁹¹ См.: Устьянские песни... Вып. 1. № 16–20.

¹⁹² См.: Устьянские песни... Вып. 1. № 37–44.

¹⁹³ См., например: Устьянские песни... Вып. 1. № 8, 33.

¹⁹⁴ «Эй, было с-по мосту, мосту». Вологодская обл., Тарногский р-н, Озерецкий с/с, д. Евсевская. Исп.: Дружининский В. Т., 1900 г. р., Попов И. В., 1904 г. р., Чичерин Д. И., 1906 г. р. Зап.: Карш Н. Н., Уткин А. Н. 01.07.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 472-17. Расш.: Марченко Ю. И. Устьянские песни... Вып. 1. № 8.

анализа общих закономерностей стилистики молодецких песен, а также благодаря точности слуховой памяти и исполнительскому мастерству устьянских песельниц, точно воспроизводящих особенности мужской певческой манеры.

Искусство сложившихся на Устье ансамблей заслуживает особого внимания. Его отличает насыщенная, богатая обертонами (особенно в унисонах) звучность, нетемперированное и как бы «прижатое» интонирование опевающих тонов, создающее красочное, с множеством оттенков звучания каждой ступени лада, гибкое ведение голоса, насыщенное выразительными мелизмами, придыханиями и скольжениями, мягкая атака гласных при внутрислоговом распева и многие другие исполнительские особенности. При этом каждый ансамбль имеет свой исполнительский почерк.

Ряд песен настоящего сборника записан на грампластинку «Песни Архангельской области»¹⁹⁵ в исполнении участников устьянских экспедиций – членов Фольклорного ансамбля Ленинградской консерватории.

Расположение песен в сборнике выполнено на основе их сюжетно-тематической группировки, при которой песни объединяются в три цикла: «молодец в беде», «молодец – девушка, печаль, разлука», баллады. Четвёртый раздел, как уже было сказано, образуют песни, относящиеся по своему содержанию к группе женских лирических песен, а по важнейшим принципам строения напева – к группе молодецких.

Преследуя цель показать своеобразие местных певческих «школ», ряд песен мы представляем несколькими вариантами. Особенности этих «школ» можно проследить и при сопоставлении различных песен в записи от отдельных коллективов – таких, как ансамбли деревень Кузоверская, Прилук, Фомин Починок, Бритвино и Илатово и других.

При публикации мы основывались на устоявшихся в практике Лаборатории народного музыкального творчества Ленинградской консерватории принципах нотации, тактировки, графики песенного стиха, сохранения произносительных норм песенного текста.

Исключительные художественные достоинства устьянских песен несомненно ставят их в один ряд с лучшими творениями народного гения. Авторы¹⁹⁶ считают своим долгом выразить глубокую благодарность народным певцам, сохранившим в своей памяти песни, прошедшие через века.

¹⁹⁵ Песни Архангельской области: Фольклорный ансамбль Ленинградской консерватории [художественный руководитель – А. М. Мехнецов] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1981. С 20 15899 900.

¹⁹⁶ Из примечаний к сборнику: Авторы записей представленных в сборнике песен: А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник, А. Н. Захаров, А. Ю. Кастров, Н. Н. Карш, А. Н. Уткин, Н. М. Светличная.

Устьянские песни. «Девья лирика»¹⁹⁷

Значительным событием в музыкальной фольклористике последних лет стало открытие своеобразной песенной культуры, издавна сложившейся в междуречье Сухоны, Ваги и Северной Двины. Один из центров этой культуры – район реки Устья, правого притока Ваги. Здесь, в устьянских сёлах и деревнях, фольклорными экспедициями Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова¹⁹⁸ (руководитель экспедиций – А. М. Мехнецов) обнаружены яркие народно-музыкальные традиции, ведущим жанром которых является жанр лирической песни. Эти песни и легли в основу двух выпусков сборника «Устьянские песни».

В первом выпуске¹⁹⁹ сосредоточены образцы, представляющие особый слой русского музыкального фольклора – песни «молодецкого» цикла, хорошо сохранившиеся и повсеместно распространённые на Устье. Второй выпуск посвящён песням, раскрывающим образы «девьев» лирики, темы любви и разлуки, женской доли – излюбленные темы русской песенности.

Такая группировка материала обусловлена сложным составом жанра лирической песни, в рамках которого образуются самостоятельные песенные группы. Эта многосоставность объясняется как разнообразием содержания, нашедшего своё художественное воплощение в тех или иных формах лирической песни, так и особенностями исторической судьбы жанра, развивавшегося динамично, подчиняясь не столько законам обрядово-бытовой функциональности, сколько собственно эстетическим.

По нашим наблюдениям, можно выделить три основных исторических пласта лирических песен, существенно отличающихся по художественно-образному содержанию и ведущим стилевым закономерностям:

- слой ранней лирики («девья» лирика), формировавшийся в связи с обрядовыми жанрами народных песен, в создании и исполнении которых принимали участие преимущественно женщины;
- «молодецкие» песни (XIV–XVIII века), сложившиеся в период образования относительно стабильных контингентов мужского населения, оторванных от крестьянской общины на длительные сроки – засечные линии, промысловые артели и тому подобное, позднее – регулярная армия;
- песни позднего происхождения, в большой степени вызванные эстетикой нового времени (XVIII–XIX века), влиянием городской культуры.

¹⁹⁷ Мехнецов А. М. Предисловие // Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1984. Вып. 2. С. 3–9. *Примеч. сост.*: Настоящая публикация дополнена нотными примерами из сборника, на которые ссылается А. М. Мехнецов.

¹⁹⁸ Далее – ЛОЛГК.

¹⁹⁹ Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л., 1982. Вып. 1.

Материалы фольклорных экспедиций последних лет²⁰⁰ (и в большой мере устьянские экспедиции) дают основания для отмеченной здесь группировки и периодизации лирических песен, а также для изучения раннего слоя лирики как самостоятельной историко-стилевой группы песен,²⁰¹ особенности которых формировались в русле общих закономерностей древних форм музыкального фольклора.

Наиболее характерные признаки песен этого слоя сосредоточены в области ладо-интонационных закономерностей, в принципах музыкального развития. Как нами уже отмечалось,²⁰² в основе напевов раннелирических песен лежат узкообъёмные ладовые конструкции, возникающие в процессе выявления интонационно выразительных возможностей терцового, квартового, квинтового соотношения опорных тонов. Такой тип ладовой организации, характерный как для раннелирических, так и для обрядовых песен и музыкального эпоса, отражает изначальную связь древнейших напевов с художественным осмыслением выразительности речевой интонации.²⁰³

Ранний слой лирических песен, составляющий на Устье важнейшую и значительную по объёму часть местной песенной культуры, поражает разнообразием и, вместе с тем — универсальностью ладовых систем узкообъёмных форм. Кратко остановимся на результатах анализа.

Преобладающие здесь типы — квартовый и квинтовый. Но это — общая сторона песен данного слоя. Особенности же устьянской традиции, её своеобразный колорит заключаются в характере соотношения основных и побочных ступеней лада, в том, как строится мелодическое движение в системе опорных тонов.

Так, например, квартовый ладо-интонационный контур напевов устьянских песен имеет четыре самостоятельные формы. Две из них образуют напевы с малотерцовым (пример 1)²⁰⁴ и большетерцовым (пример 2)²⁰⁵ заполнением интонационного «пространства», определяемого квартовым соотношением опорных тонов.

²⁰⁰ См., например, раздел лирических песен в сборнике: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981.

²⁰¹ О принадлежности рассматриваемых песен к определённому историко-стилевому слою свидетельствует, например, то обстоятельство, что напевы лирических песен однотипных форм не являются фактом какой-либо отдельно взятой местной певческой традиции, встречаются в различных, иногда весьма удалённых друг от друга географически, но имеющих общие этнокультурные основания, традициях.

²⁰² См. Народные песни Вологодской области... С. 4.

²⁰³ Фундаментальную разработку первичных ладовых структур в связи с речевой интонацией, присущих ранним формам песенного фольклора, мы находим в трудах Ф. А. Рубцова. См.: Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973; Рубцов Ф. А. Смысловое значение кадансов в календарных напевах // Там же.

²⁰⁴ См. например: Устьянские песни... Вып. 2. № 22, 23, 52.

²⁰⁵ См. например: Устьянские песни... Вып. 2. № 45.

Пример 1²⁰⁶

♩=102

Рос-хо - ро - ша - я дивь - я - та во - ля,
ой, да дивь - я во - ля, дивь - я во - ля.

Пример 2²⁰⁷

♩=52

Ой, не на што б то бы э - дак не гле - де - ла,
э - ох, как на э - тот - то жёл - той дом.

В основе третьей группы напевов также находится кварта с большетерцовым заполнением. Однако важную роль в процессе ладообразования здесь играет вспомогательный тон, отстоящий на большую секунду вниз от центрального тона напева (пример 3),²⁰⁸ постепенное нисходящее мелодическое движение по целым тонам и образование жёсткого тритонового звучания являются отличительным признаком напевов этой группы.

Особенности четвёртой состоят в возникновении уменьшённых созвучий на основе малосекундового опевания верхнего тона кварты с малотерцовым заполнением (пример 4).²⁰⁹ При этом также образуется постепенное движение в тритоне, но имеющее иную природу.

Отметим, что напевы первой и четвёртой групп так же, как второй и третьей, имеют между собой переходные формы.

²⁰⁶ «Росхорошая дивья-та воля». Строевской с/с, д. Прилук. Исп.: Валова Ф. А., 1903 г. р., Валова А. Н., 1908 г. р., Валова А. П., 1908 г. р., Врачёва А. А., 1914 г. р., Врачёва М. А., 1909 г. р., Валова В. Ф. Зап.: Мехнецов А. М. 30.06.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 767-02. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 2. № 22.

²⁰⁷ «Ой, не на штоб-то бы эдак не гледела». Лихачёвский с/с, д. Илатово. Исп.: Богданова А. К., 1911 г. р., Илатовская А. В., 1914 г. р., Шабанова К. В., 1914 г. р. Зап.: Захаров А. Н. 20.07.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 777-02. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 2. № 45.

²⁰⁸ См. например: Устьянские песни... Вып. 2. № 48.

²⁰⁹ См. например: Устьянские песни... Вып. 2. № 51.

Пример 3²¹⁰

Ох, раз-ве - сё - лы у ми - лень - ко-во - то да
глаз - ка, ох, на... на ме -
ня - то всё гла - зонь - ка не гле - дят.

Пример 4²¹¹

Со вце - раш - но-во-то да со пох - мель - и - ца,
ох, го - ло - ва то бо - лит.

Важно, что в системе каждого из названных видов ладовой организации формируются устойчивые интонационно-ритмические комплексы, объединяющие напевы в родственные группы. На основе общности попевок мы рассматриваем два ряда напевов квартковых песен. К первому из них относятся песни на следующие сюжеты: «Что же ты, черёмушка», «Весел да невесел сегодняшний день», «Милые подружки, вам счастье, а мне нет», «Соловьишко» (Бритвино, Илатово), «Не воробышек на колышке сидит», «Со вчерашнего похмельица» (Бритвино, Илатово), «Эко сердце» (Бритвино).²¹²

²¹⁰ «Ох, развесёлы у миленьково-то да глазка». Лихачёвский с/с, д. Илатово. Исп.: Богданова А. К., 1911 г. р., Илатовская А. В., 1914 г. р., Шабанова К. В., 1914 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 21.07.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 778-08. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 2. № 48.

²¹¹ «Со вчерашново-то да со похмельица». Лихачёвский с/с, д. Бритвино. Исп.: Илатовская А. С., 1901 г. р., Кошкина А. А., 1907 г. р., Илатовская Т. И., 1910 г. р., Коробицына А. Е., 1922 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 30.01.1981. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 727-16. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 2. № 51.

²¹² См.: Устьянские песни... Вып. 1.

Ко второму относятся: «Не на что бы я эдак не глядела», «На родимой на сторонушке», «Развесёлы у милого глазки», «Девья воля дорогая» (Мехреньга), «Хороша молодёжь» и другие.

Существенно важно для характеристики представленных в сборнике песен, что в них отчётливо просматриваются и разные типы мелодического развития – опевание в системе терцовой ячейки интонирования и поступенное заполнение интервалов кварты и квинты (см. пример 7).²¹³ Преобладание одного из них, на наш взгляд, указывает на изначальные связи лирических песен раннего слоя с ведущими для отдельных локальных традиций закономерностями музыкальной речи – закономерностями, отражающими причётный или повествовательный типы интонирования.

В этом же ряду закономерностей следует рассматривать и различные принципы соотношения слогораспевности с метроритмической и композиционной конструкцией напевов лирических песен. По наблюдениям Ю. И. Марченко, такое соотношение может выражаться:

- в равномерном чередовании слогораспевов, соответствующих равным единицам музыкального времени;
- в соответствии акцентной зоны песенного стиха наибольшему (во временном отношении) распеву.

Оба этих принципа, вместе со случаями их взаимодействия, оказываются надёжными индикаторами принадлежности лирических песен к определённому стилевому пласту.

Именно в интонационных особенностях мы находим черты песенного стиля, присущего той или иной местной традиции, тому или иному историческому слою лирических песен.

«Девья» лирика, в наибольшей мере отражающая специфику локальных традиций, даёт возможность наблюдать одновременно и сложный комплекс жанрово-стилевых признаков песен раннелирического слоя, и их местные диалектные формы. В связи с этим авторы сборника сочли необходимым избрать иной, нежели в первом выпуске, принцип расположения материала.

Песни в сборнике сгруппированы по принадлежности их к локальным традициям района, что позволяет полнее ощутить своеобразие замечательных местных певческих «школ». Это своеобразие авторы стремились сохранить, насколько это возможно, средствами нотного письма. Той же цели подчинена запись поэтических текстов песен, максимально приближенная к особенностям песенного произнесения слова.

На территории изучаемого района (бассейн реки Устья) мы различаем несколько самостоятельных стилиевых ареалов, представленных песенными традициями низовьев Устья (Чадрома, Красный Бор), Средней Устья (Березник, Строевское, Бестужево), верхнего течения Устья (Бритвино, Дмитриево). По ряду важнейших признаков к последней из названных традиций примыка-

²¹³ См., например: Устьянские песни... Вып 2. № 57 и 25.

ет песенная традиция, бытующая в верховьях реки Кокшеньги (Озерецкий, Илезский, Верх-Кокшеньгский сельсоветы Тарногского района Вологодской области), что послужило основанием для включения в сборник песен верховьев Кокшеньги.²¹⁴

Группировка и расположение материала в сборнике соответствует отмеченным здесь традициям. Кратко рассмотрим отличительные признаки каждой из них.

Как уже отмечалось в первом выпуске, песни низовьев Устья по ведущим показателям (характерный репертуар, черты стиля, исполнительская манера) соотносятся с другими традициями важской стилевой зоны — кулойско-коленьгской, шенкурской. В лирических песнях Чадромы цикл «молодецких» песен, характерный для устьянской культуры в целом, не является типичным и представлен лишь единичными образцами. Важно и то, что в «девьей» лирике решительно преобладает слой квинтовых песен, а квартовые песни, которые составляют одну из примечательных сторон устьянских традиций, также отмечены отдельными записями. И, видимо, показательно, например, что типичная для молодецкого цикла на Устье песня «Эко сердце»²¹⁵ распета здесь в стиле женских лирических песен и входит в одну типологическую группу с другими специфическими для важской традициями песнями «Сколько счастлива я ли да на светике родилась», «Ты соколик, дружок мой», «Полно, миленький, крушиться»²¹⁶ (см. пример 5). Существенны для определения особенностей лирических песен Нижней Устья закономерности их интонирования, которые определяются и преобладанием равномерности слогораспевных долей, и выразительными возможностями звучания голосов в высоком («головном») регистре. При этом так называемое двухъярусное пение здесь встречается, но не является нормативным.

Рассматривая районы, в которых устьянская песенность смыкается с иными местными очагами народно-песенной культуры (уже названная здесь важская музыкально-стилевая зона), мы отмечаем особенности лирических песен, бытующих в верховьях Кокшеньги.

В песнях «Недалёко миленькой ходит», «Со вчерашнего похмельица», «За травую» (см. пример 6) наиболее ярко проявляются черты стиля, свойственного верхне-кокшеньгской традиции:²¹⁷ интонирование в ладах с нетемперированным соотношением ступеней («прижатое» интонирование), двухъярусное многоголосие как нормативное явление, слогораспевность и принцип опеования в их максимально полном выражении.

Важно подчеркнуть, что верховья Кокшеньги — южная граница (в пределах Тарногского района Вологодской области) распространения центрально-поморской музыкально-стилевой зоны (междуречье Двины и Ваги, бассейны

²¹⁴ Об этом см. также: Устьянские песни... Вып. 1. Предисловие. *Наст. изд.* С. 225.

²¹⁵ Устьянские песни... Вып. 1. № 16–20.

²¹⁶ Ср.: Устьянские песни... Вып. 2. № 1–4.

²¹⁷ Ср. Устьянские песни... Вып. 2. № 61–65.

Пример 5²¹⁸

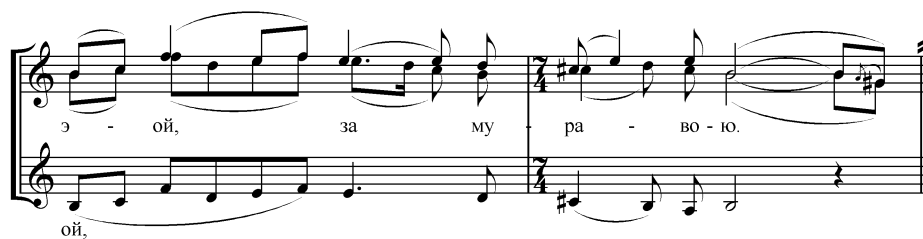
Ты со - ко - лик, да ты со - ко - ли - к(ы), дру - жик
мой, не с од - но - й(и) ли да мы сто -
ро - нуш - ки с то - бой?

Пример 6²¹⁹

Как-к(ы)-то за тра - во - ю... э - ой, да в ци - с(ы) - том - то
по - ле, да в цис - том
по - ле бы - ло за му - ра...

²¹⁸ «Ты соколик да ты соколик, дружок мой». Чадромский с/с, д. Рыжково. Исп.: Рыжкова В. С., 1907 г. р., Лашова А. Е., 1917 г. р., Ручьёва А. А., 1912 г. р., Рыжкова А. И., 1917 г. р., Тетерина А. Е., 1901 г. р. Зап.: Марченко Ю. И. 31.07.1977. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 693-28. Расш.: Марченко Ю. И. Устьянские песни... Вып. 2. № 3.

²¹⁹ «Как-то за травую». Вологодская обл., Тарногский р-н, Илезский с/с, д. Мичуровская. Исп.: Другашкова А. Ф., 1900 г. р., Попова А. П., 1900 г. р., Шафкунова А. К., 1902 г. р., Демидова А. М. Зап.: Марченко Ю. И. 28.06.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 443-18. Расш.: Марченко Ю. И. Устьянские песни... Вып. 2. № 64.

Пинеги и Средней Мезени). Пограничный характер традиции обуславливает интересные формы взаимодействия стилистики важско-двинской и сухонской песенных культур. На юго-западе Тарногского района эта граница проходит по реке Уфтюге (приток Кокшеньги, Верховский сельсовет). Примеры такого взаимодействия можно проследить на песнях «Озерцяна, хорошие ребята, молодёжь» и «Комарочки»,²²⁰ в которых принцип мелодического распева соотносится с северными традициями, а особенности композиции типичны для сухонских песен.²²¹

Пример 7²²²

Характеристичность устьянской песенной культуры находит своё полное выражение в традициях, бытующих в среднем и верхнем течении Устья. Вместе с развёрнутым циклом «молодецких» песен богатый слой «девьей» лирики составляет отличительную черту этой культуры. Раннелирические песни представлены как квартовыми, так и квинтовыми типами. Для репертуара исполнительских коллективов на Средней Устье среди квартовых песен по-

²²⁰ Устьянские песни... Вып. 2. № 57–60.

²²¹ См. раздел лирических песен в сборнике: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны...

²²² «Озерцяна, хорошие ребята-молодёжь». Вологодская обл., Тарногский р-н, Озерецкий с/с, д. Евсеевская. Исп.: Чичерина М. Н., 1911 г. р., Гамилова М. А., 1904 г. р., Каторина А. В., 1906 г. р., Неустроева А. Ф., 1909 г. р., Лесукова З. В., 1909 г. р. Зап.: Карш Н. Н. 28.06.1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 469-07. Расш.: Марченко Ю. И. Устьянские песни... Вып. 2. № 57.

казательны такие, как «Воля» (№ 22, 23; см. пример 1), «Хороша молодёжь» (№ 16, 32), «Не на что бы я эдак не глядела» (№ 15, 19, 33). Среди квинтовых – «Кто же, кто же» (№ 25, 36), «Ты не стой-ко, верба, над водой» (№ 17, 24; см. пример 8), «Было непошто с домика сыматься» (№ 18, 26, 37).

Пример 8²²³

Ты не стой - ко, вер - ба, над во - дой,
не ро - ни - ко ли - сту - то на во - ду.

Для верхне-устьянской традиции типичны: в ряду квартовых – песни «Развесёлы у милого глазки» (№ 48, 49; см. пример 3), «На родимой на стороншке» (№ 46, 47; см. пример 9), «Весел я не весел» (№ 59), а в ряду квинтовых – «Со вчерашнего похмельица» (№ 51; см. пример 4) и самостоятельные в отличие от Средней Устья варианты напевов «Непошто-то было с домика сыматься» (№ 54), «Черёмушка» (№ 52).

Пример 9²²⁴

2. Не бо - лит сер - це... у сво - ей - то ро - ди - мой
ма - муш - ки, э - ой, да по - гу - ля... э - ой,
по - гу - лять да воль - но.

При этом общие закономерности музыкально-поэтического языка, определяющие специфику квартовых или квинтовых песен как на Средней, так

²²³ «Ты не стой-ко, верба, над водой». Строевской с/с, д. Кузоверская. Исп.: Фомина Е. П., 1904 г. р., Павлова М. П., 1914 г. р., Молчанова А. В., 1906 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 06.02.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 730-04. Расш.: Мехнецов А. М. Устьянские песни... Вып. 2. № 24.

²²⁴ «На родимой-то на стороншке». Лихачёвский с/с, д. Михалёво. Исп.: Илатовская М. Г., 1916 г. р., Мырина П. Н., 1918 г. р., Акишина П. А., 1915 г. р., Мырина Л. Ф., 1914 г. р., Илатовская Н. Н., 1911 г. р. Тарабаева Е. И., 1912 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 19.07.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 774-11. Расш.: Мельник Е. И. Устьянские песни... Вып. 2. № 47.

и на Верхней Устье, являются едиными. Так, например, отмеченные выше особенности ладового строения группы квартетных песен мы обнаруживаем в обеих традициях. Отличия между ними так же, как и между отдельными песенными центрами в рамках одной традиции, сосредоточены в основном в своеобразии исполнительских приёмов, интонационных нормативов, присущих отдельным исполнительским коллективам, песенным центрам традиций, в музыкальной практике которых и формируются местные мелодические варианты напевов. Так, на Средней Устье выделяются ансамбли деревень Березник (Березницкий сельсовет), Кузоверской и Прилук (Строевской сельсовет), Ивашевской и Фомин Починок (Бестужевский сельсовет). В верховьях — песенные коллективы деревень Бритвино, Илатово, Михалёво (Лихачёвский сельсовет) и другие. В частности, если для исполнительской формы кузоверских песен оказывается важной подчёркнутая пульсация долей музыкального времени, их строгая равномерность и чёткость музыкальной композиции, то в бестужевских песнях так же, как и в Березнике, мы наблюдаем преодоление регулярности мелодического движения при сохранении активной атаки звука на метрических долях. Бестужевские певицы достигают этого за счёт большей протяжённости отдельных долей (приём ферматы), распевов-вставок, тогда как в Березнике излюбленным приёмом становится сокращение времени протяжённости межакцентных зон песенного стиха и краткая форма слогового ритма в этих зонах.

Также и на Верхней Устье варианты песен, записанных в Бритвино и Михалёво, отличаются своей исполнительской формой — более архаичной в интонационном отношении в Бритвино и «сглаженной», «выровненной» в Михалёво.

Многочисленность певческих «школ», по-своему претворяющих общие для Устья музыкально-стилевые закономерности, своеобразии вариантов, свидетельствуют о богатстве местной песенной культуры. Силу устьянской народно-песенной традиции, сохраняемой в творчестве местных певческих коллективов, подчёркивает и тот факт, что на Устье ряд песенных сюжетов позднего происхождения оказывается распетым на традиционные, восходящие к раннему слою народной музыкальной культуры, напевы.

В связи с тем, что устьянские песенные традиции стали предметом специального научного исследования, предпринимаемого Лабораторией народного музыкального творчества ЛОЛГК, мы считаем целесообразным ограничиться в предпринятом издании материалов фольклорных экспедиций лишь самой общей их характеристикой.²²⁵

²²⁵ *Примеч. сост.:* ряд замечаний технологического порядка вынесен нами в сноску:

Тактировка напевов осуществлена на основе принципов, принятых в Лаборатории народного музыкального творчества ЛОЛГК, учитывающих согласованную акцентность стиха и напева. В отдельных случаях, при выявлении музыкальной акцентности, не связанной с главными метрическими акцентами стиха, используется пунктирная тактовая черта. Учитываемые особенности ритмической пульсации, в ряде песен (№ 24–26, 36, 37) за единицу счётного

Авторы сборника²²⁶ надеются, что исключительные художественные достоинства устьянских песен позволят им занять почётное место в современной музыкальной культуре, сохранив на века голоса древних напевов, донесённых до наших дней памятью и талантом поколений народных певцов — жителей устьянских деревень.

Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района²²⁷

<...> Сборник «Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района» включает в себя музыкально-поэтические материалы традиционной крестьянской свадьбы. На материале фольклора Ленинградской области такое издание предпринимается впервые. Научная достоверность и высокая художественная ценность помещённых в сборнике песен, сведений по этнографии свадебной «игры» позволяют использовать их как в научно-исследовательской работе, так и в практике различных коллективов художественной самодеятельности. Последнее представляется особенно важным, поскольку включение народных песен в их подлинном виде в репертуар самодеятельных хоров и ансамблей не только даёт руководителям коллективов, композиторам богатый материал для разного рода обработок и аранжировок, но и способствует решению актуальных задач воспитания участников самодеятельности и слушателей. Прекрасным примером исполь-

времени (хронос протос) принимается четверть вместо восьмой.

В приложении к сборнику приводится полный перечень сюжетов лирических песен, записанных в Устьянском районе Архангельской области, а также список населённых пунктов, в которых производились записи, и сведения об авторах записи песен, помещённых в настоящем выпуске.

Поскольку основные материалы сборника записаны в Устьянском районе Архангельской области, в примечаниях место записи даётся без указания района. Отсылки на район сделаны лишь к записям, произведённым в Озерецком, Илезском, Верх-Кокшеньгском сельсоветах Тарногского района Вологодской области.

²²⁶ *Из примечаний к сборнику:* Авторы записей представленных в сборнике песен: А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник, А. Н. Захаров, Н. М. Светличная, А. Ю. Кастров, О. И. Туричина, Н. Н. Карш.

²²⁷ *Мехнецов А. М.* Предисловие // Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1985. С. 3–11. *Примеч. сост.:* Издание материалов по традиционной свадьбе Сланцевского района было задумано как репертуарный сборник с методическими рекомендациями для руководителей любительских фольклорных ансамблей и других коллективов художественной самодеятельности. Выпущенный при содействии Ленинградского областного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы, сборник имеет ряд особенностей, вытекающих из задачи издания. В основном это касается текста предисловия, содержащего рекомендации по ведению репетиционной и концертной работы. Настоящая публикация дополнена нотными примерами из сборника, на которые ссылается А. М. Мехнецов.

зования старинных свадебных песен может служить многолетняя практика народного хора Дома культуры «Горняк» города Сланцы. С неизменным успехом этот коллектив принимает участие в торжественных церемониях в городском Дворце бракосочетания. Образцы песен из репертуара народного хора ДК «Горняк» образуют один из разделов сборника.

Фиксируя сложившуюся в наши дни традицию использования старинных свадебных песен в церемонии современной свадьбы, сборник даёт также возможность привлечь к разработке торжественного ритуала бракосочетания этнографические элементы местного свадебного обряда. С этой целью в сборнике даётся общее описание хода старинной свадьбы, составленное на основе сведений, полученных от местных жителей во время фольклорных экспедиций в Сланцевский район.

Экспедиционная работа Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова²²⁸ в районах Ленинградской области началась более пятнадцати лет назад.²²⁹ За это время были обследованы Подпорожский, Лодейнопольский, Бокситогорский, Лужский, Сланцевский районы. Некоторые итоги проведённой собирательской работы нашли отражение в публикациях.²³⁰

В последние годы²³¹ экспедиционная работа проводится в тесном творческом содружестве ЛОЛГК и Ленинградского областного научно-методического центра по народному творчеству и культпросветработе (ЛОНМЦ) Управления культуры Леноблисполкома. Благодаря этому содружеству удалось развернуть широкую собирательскую, методическую, пропагандистскую, концертную деятельность, направленную на изучение и популяризацию народно-песенных традиций Ленинградской области. Только в результате работы в Сланцевском районе четыре местных фольклорных коллектива (хор ДК «Горняк» из города Сланцы, фольклорные ансамбли деревень Монастырёк, Рудно, Загривье) выступали перед ленинградскими слушателями на этнографических концертах, в том числе в Ленинградском

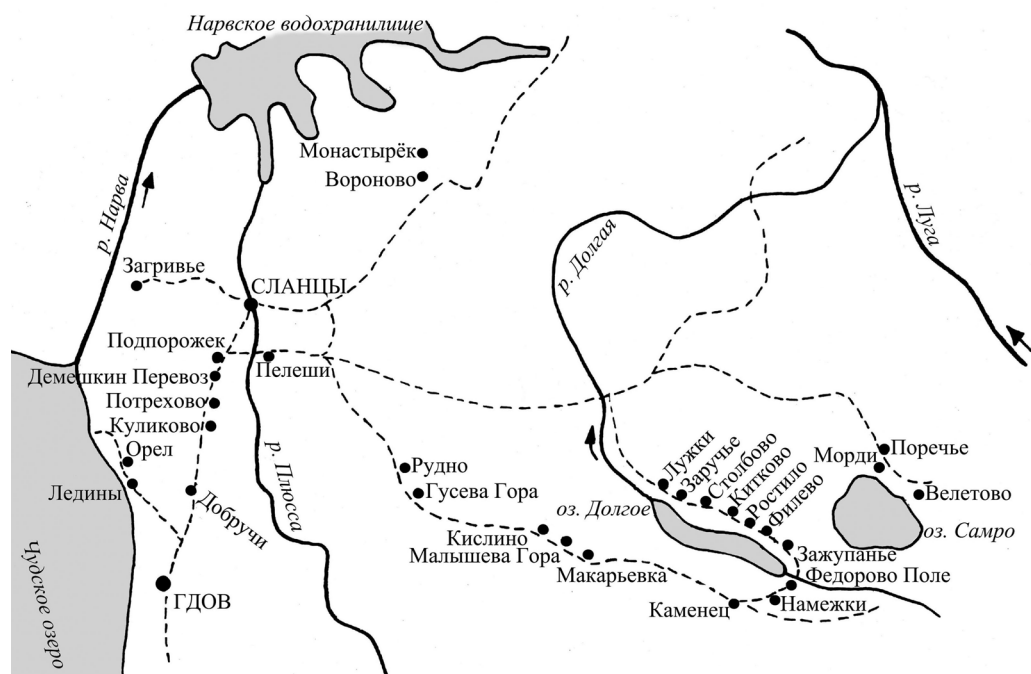
²²⁸ Далее – ЛОЛГК.

²²⁹ *Примеч. сост.:* Имеется в виду работа экспедиций Ленинградской консерватории, начинающая с 1960-х годов.

²³⁰ См. сборник: Сто русских народных песен (материалы студенческих фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Под общ. ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970; а также грампластинки: «Родные напевы»: Народный хор села Ладва...; Фольклор Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Монастырёк Сланцевского района, Бетково, Сырец Лужского района]...; Старинные обрядовые песни: Ансамбль с. Николаевское Лужского района Ленинградской области...; «У нас Оленька да цветочек»: Свадебные песни Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Рудно и Загривье Сланцевского района]...; «Отлетала лебёдушка»: Свадебные и лирические песни [Поют участники III Киришского фестиваля – фольклорные ансамбли деревень Горчаково, Березники, Пчева Киришского района Ленинградской области, деревни Авдеево Пудожского района Карельской АССР]... (*См. Список научных трудов А. М. Мехнецова.*)

²³¹ *Примеч. сост.:* 1970-е – начало 1980-х годов.

Доме композиторов, в Малом зале имени А. К. Глазунова ЛОЛГК. Две грам-пластинки с записью песен в исполнении этих коллективов подготовлены совместными усилиями сотрудников ЛОЛГК и ЛОИМЦ на Всесоюзной фирме «Мелодия». Сотрудники Лаборатории народного музыкального творчества ЛОЛГК – постоянные участники методических совещаний, курсов и семинаров работников Ленинградской области, проводимых Ленинградским областным научно-методическим центром. Сборник также является результатом общих усилий в деле изучения и пропаганды народной песни.

На фольклорной карте Ленинградской области Сланцевский район занимает особое место. Оно определяется тем, что в районе сохранилась яркая народно-песенная культура, самобытность которой в первую очередь связана с музыкально-поэтической стороной крестьянской свадьбы. По своему строю свадебные песни, записанные в Сланцевском районе, образуют с песнями соседнего Гдовского района Псковской области²³² единое музыкально-стилевое явление, принадлежащее условно называемой нами печоро-гдовской песенной традиции. Музыкальные особенности песен этой традиции наиболее полно были представлены в сборниках выдающейся собирательницы Н. Л. Котиковой «Гдовская старина» и «Народные песни Псковской области».²³³

²³² Как известно, территория современного Сланцевского района Ленинградской области прежде входила в Гдовский уезд Петербургской губернии.

²³³ Гдовская старина. Русские народные песни и наигрыши Гдовского района / Сост. Н. Л. Котикова. Л., 1962. – 94 с.: нот.; Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области

Сборник существенно дополняет издания Н. Л. Котиковой развёрнутым показом основных музыкальных типов свадебных песен печоро-гдовской традиции, их вариантов, а также сюжетно-тематическим разнообразием песен свадебного обряда. Кроме того, материалы сборника позволяют обозначить северную границу распространения названной песенной традиции.

Основными центрами бытования свадебных песен на территории Сланцевского района являются деревни Загривье, Монастырёк, Вороново, Рудно. При большой общности репертуара и стилистики песен в каждой из деревень имеются свои местные варианты песен, свои особенности исполнения. Стараясь сохранить эти особенности, составители сгруппировали материал сборника по месту записи в четыре раздела. Песни каждой деревни даются в последовательности, в целом соответствующей ходу свадебного обряда, а также с учётом их типологии. Общий порядок исполнения свадебных песен и причитаний можно проследить по описанию свадебного обряда и примечаниям к песням.

Кратко суммируя наши наблюдения над стилистикой публикуемых песен, рассмотрим их наиболее существенные особенности.

Необыкновенно богатая по сюжетам песенная сторона сланцевской свадьбы (в каждой деревне — до сорока песенных сюжетов) отличается и разнообразием напевов. Однако все они объединяются в несколько групп на основе общности принципов ладо-интонационной, метроритмической организации и композиционного строения напевов. Эти принципы в большой мере и определяют своеобразие стиля песен местной свадебной традиции.

Важнейшее значение для сланцевских свадебно-обрядовых песен имеет принцип метроритмической организации, который проявляется в особой ритмике слогопроизнесения — ритмике, основанной на выделении долготы предакцентных слогов стиха.²³⁴

А на то ты крест - на мать,
а на то ты ты - сяч - на

Ты ре - ка ль мо - я ре - чень - ка

/ Под общей ред. С. В. Аксюка. М.: Музыка, 1966. — 371 с.: нот. См. также: *Фридрих И. Д.* Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор / Сост. И. Д. Фридрих. Рига, 1972. — 486 с.: нот.; [*Фридрих И. Д.*] Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1: Песни детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры и духовные стихи и др. / Собраны И. Д. Фридрихом. Под ред. профессора Латвийского ун-та П. Шмита. Фонограф. записи мелодий на ноты переложены М. Гривским. Рига, 1936. — 527 с.: нот.

²³⁴ *Примеч. сост.:* Данные схемы включены составителями из Приложения к сборнику.

Примечательно, что этот принцип оказывается характерным для песен с различными слогочислительными показателями тонического стиха (семи- и восьмисложники) и различным композиционным строением, то есть объединяет в одну группу песни, имеющие самостоятельные формы слогоритмических периодов.²³⁵

Пример 1²³⁶

Бла-сло - ви - тка, Го - спо - ди,
сва - деб - ку за - и - гры - вать,
бла - сло - ви - тка, Го - спо - ди,
сва - деб - ку за - и - гры - вать.

Пример 2²³⁷

Ты ре - ка ль мо - я ре - чень - ка, ай,
ты ре - ка ль мо - я быс - тра - я, ай.

²³⁵ См.: Народные песни Ленинградской области... Приложение II, группы 1, 2, 3, 11 и приложение III, примеры 1 (а, б), 2.

²³⁶ «Бласлови-тка, Господи». Поют, когда собираются гости в доме жениха и в доме невесты до венца. «Это – первая песня, с неё свадьба начинается». Сланцевский р-н, д. Монастырёк. Исп.: Кузьмина А. С., 1908 г. р., Николаева Е. Г., 1909 г. р., Пименова Н. Е., 1908 г. р., Краснова А. Е., 1912 г. р. Зап.: Мельник Е. И. 03.12.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 806-15. Расш.: Мельник Е. И. Народные песни Ленинградской области... № 45.

²³⁷ «Ты река ль моя реченька». Поют невесте, когда она сидит за столом, после того как «призывают к ковшам». Сланцевский р-н, д. Монастырёк. Исп.: Николаева Е. Г., 1909 г. р., Кузьмина А. С., 1908 г. р., Пименова Н. Е., 1908 г. р., Краснова А. Е., 1912 г. р., Алексеева А. В., 1922 г. р., Недопозова Н. Г., 1926 г. р., Хитрецова Н. А., 1928 г. р., Хомякова А. И., 1903 г. р.,

Вторую характерную группу составляют песни, объединённые общим композиционным принципом: строфический период образован на основе вариантной повторности стиха и соответствующей фразы напева.²³⁸

Пример 3²³⁹

Уж как по сени - сени - чкам,
уж как по сени - сени - чкам.

Своеобразие этой группы песен связано с тем, что возникающая при повторе вопросо-ответная композиция основана на логике отношений главного (в первом разделе строфы) и субквартового (во втором разделе) опорных тонов напева. Этому принципу также подчиняются песни с различным слогочислительным показателем тонического стиха (восьми- и девятисложники) и самостоятельными формами слогоритмических периодов. Важно иметь в виду, что преобладающая часть песен этой группы относится к свадебным величаниям.

Для большой группы представленных в сборнике свадебных песен показательным является конструктивное значение четырёхсложного звена «исходного ритма» — $\text{♪} \text{♪} \text{♪} \text{♪}$ — образующего «цепочки» в два, три, четыре звена, соответствующие композиционному строению песни в целом, или одного из её разделов²⁴⁰ (см. пример 4).

Отметим, что такой принцип ритмической организации присущ подавляющей части русских плясовых песен (типа «Камаринской», «Ах вы сени» и других). И видимо, не случайно элементы пляски — притопывание в такт песни или дробь ногами, прихлопыванье в ладони, «киканье»²⁴¹ — составляют неотъемлемую часть общего характера и приёмов исполнения местных свадебных величаний.

Птицына О. Е., 1919 г. р., Никифорова О. И., 1903 г. р. Зап.: Мельник Е. И. 06.05.1976. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 804-10. Расш.: Мельник Е. И. Народные песни Ленинградской области... № 54.

²³⁸ См.: Народные песни Ленинградской области... Приложение II, группы 5, 6, 7.

²³⁹ «Уж как по сени-сеничкам». Поют за столом жениху с невестой или паре гостей. Сланцевский р-н, д. Вороново. Исп.: Гаврилова П. Г., 1908 г. р., Александрова П. И., 1908 г. р., Маркова А. Ф., 1908 г. р., Ширяева Е. А., 1907 г. р., Птицына О. Е., 1919 г. р., Никифорова О. И., 1903 г. р., Зиновьева Н. И., 1903 г. р. Зап.: Захаров А. Н. 01.12.1978. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 807-17. Расш.: Мельник Е. И. Народные песни Ленинградской области... № 69.

²⁴⁰ См.: Народные песни Ленинградской области... Приложение III, примеры 3, 4.

²⁴¹ «Киканье», «кички» — ритмическое сопровождение голосом в пронзительно высоком регистре. <...>

Пример 4²⁴²

♩=148

Ви - но - град во са - ду рас - тёт,
 ви - но - град во зе - лё - нень - ком,
 а я - го - да, а я - го - да на - ли - ва - ет - ся,
 а я - го - да, а я - го - да на - ли - ва - ет - ся.

Отмечая лишь наиболее общие черты музыкального стиля свадебных песен Сланцевского района, мы не останавливаемся здесь на их подробном разборе и приводим некоторые результаты типологического анализа в приложениях II–IV.

Характер издания обусловил необходимость приведения диалектной формы произнесения поэтического текста к нормам литературного языка. Однако в тех случаях, когда из-за этого могут быть нарушены интонационно-ритмические закономерности, сохраняется диалектная форма произнесения слова. Вместе с тем, чтобы дать возможность представить своеобразие местного говора, в приложении V приводятся наиболее характерные образцы диалектной формы слова в песенной речи. Этой же цели подчиняется изложение свадебного обряда.

Представленные в сборнике музыкально-этнографические материалы могут иметь широкий спектр применения в работе коллективов художественной самодеятельности различного профиля: фольклорных ансамблей, народных хоров, ансамблей песни и танца, академических хоров, ансамблей и оркестров народных инструментов, вокально-инструментальных ансамблей.

Естественно, что материалы сборника более всего соответствуют задачам и творческим возможностям фольклорных ансамблей и народных хоров. В настоящее время в Ленинградской области существует развитая сеть

²⁴² «Виноград во саду растёт». Поют жениху с невестой за столом. Сланцевский р-н, д. Загрьивье. Исп.: Золотникова Т. Н., 1909 г. р., Каликас М. А., 1911 г. р., Солнцева М. И., 1919 г. р., Каликас Ю. М., 1931 г. р., Дорошенкова Ф. П., 1924 г. р., Густягина К. Г., 1901 г. р. Зап.: Захаров А. Н. 17.08.1980. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 957-07. Расш.: Мельник Е. И. Народные песни Ленинградской области... № 36.

таких коллективов. В последние годы заметна тенденция к увеличению числа фольклорных ансамблей, а также других коллективов художественной самодеятельности, берущих в основу своей работы народную песню. Отсюда возникает потребность обеспечить подобные коллективы высокохудожественным, достоверным в музыкально-этнографическом отношении репертуаром.

Включение подлинных записей народных песен в концертные программы имеет ряд существенных особенностей. Одна из них связана с репертуаром. Целесообразнее всего ориентировать работу коллектива на местные фольклорные традиции, сложившиеся в данном конкретном районе или селе. Как правило, программы, построенные таким образом, увлекают участников художественной самодеятельности и пользуются неизменным успехом у слушателей. Вместе с тем включение песен из других районов области обогащает концертную программу, делает её более яркой и разнообразной. Так, например, можно отметить прекрасное исполнение свадебных песен Сланцевского района фольклорными ансамблями посёлков Южки и Рапполово Всеволожского района.

Другая особенность использования фольклорных материалов обусловлена различными художественно-выразительными возможностями, которыми обладают коллективы разных форм музыкальной самодеятельности. В академическом хоре, например, в силу иных (нежели в фольклорном ансамбле или народном хоре) тесситурных, тембровых, интонационных качеств исполнения возникает необходимость специальной обработки, аранжировки народных песен. При этом предполагается чрезвычайно ответственное отношение автора обработки и хормейстера к важнейшим закономерностям музыкально-поэтического языка народной песни, с которыми неразрывно связан и её художественный образ. Это означает необходимость сохранения интонационно-ладового, метроритмического, композиционного строения фольклорного источника.

Рассматривая методические вопросы использования материалов сборника в практике художественной самодеятельности, мы ориентируемся, в первую очередь, на творческие возможности фольклорных ансамблей и народных хоров. Специфика публикуемых песен требует особой репетиционной проработки основных элементов музыкально-поэтического языка. Естественное звучание, верное интонирование в народной песне зависят от манеры звукоизвлечения, тембровой окраски и умения интонировать в системе опорных тонов. Последняя отличается от ладовых систем профессиональной музыки (в том числе и массовой песни). Конструктивную основу ладо-интонационного контура народных песен составляют мелодические обороты (попевки), подчёркивающие опорное значение отдельных тонов. Ладо-интонационный смысл этих тонов возникает на основе соподчинённости средств звуковысотного и метроритмического движения. Опорные тоны, концентрируя в себе выразительную энергию этого движения, становятся центральными моментами музыкальной речи. Следовательно, при разучивании народной песни

важно обратить внимание на попевочные образования, имеющие определённую направленность, связанные с раскрытием функционального значения опорных тонов.

Руководитель должен добиваться яркого, окрашенного обертонами звучания, избегая утвердившейся на эстраде манеры исполнения русских песен открытым «белым» звуком. Недопустимо форсированное звукоизвлечение, однако подача звука должна быть активной. Это наиболее трудный раздел репетиционной работы, поскольку он должен опираться на чёткое понимание народной певческой культуры, а это, в свою очередь, невозможно без практики живого общения с народными исполнителями – носителями фольклорных традиций, без активного слухового опыта. В помощь руководителям коллективов художественной самодеятельности можно рекомендовать грампластинки с записью свадебных песен Сланцевского района («Фольклор Ленинградской области» – песни деревни Монастырёк, «У нас Оленька да цветочек»²⁴³ – песни деревень Загривье и Рудно), а также экспедиционные фонограммы песен Сланцевского района, хранящиеся в Лаборатории народного музыкального творчества Ленинградской консерватории и в музыкальном отделе ЛОИМЦ.

Работа над звукоизвлечением тесно связана с точным воспроизведением диалектной формы песенного текста. Именно в этом кроется один из секретов достоверности звучания народной песни. Особенно следует обратить внимание на приём огласовки согласных звуков, который обогащает ритмику песен, на лёгкое, подвижное слогопроизнесение.

Освоение метроритмических закономерностей строения сланцевских свадебных песен составляет важный раздел репетиционной работы. По сути дела, он лежит в основе всего процесса разучивания песни. Задача заключается в том, чтобы последовательное освоение ритма слогопроизнесения и собственно музыкального и стихового ритмов соединить с отработкой мелодического контура песни и диалектным произнесением текста. Поясним примером форму работы над ритмикой песни. Песня «Привели к нам неженку»²⁴⁴ имеет в основе семисложный тонический стих.

 При - ве - ли к нам не - жен - ку,
 При - ве - ли к нам хва - лен - ку.

Слогопроизнесение поэтического текста образует следующий ритм:

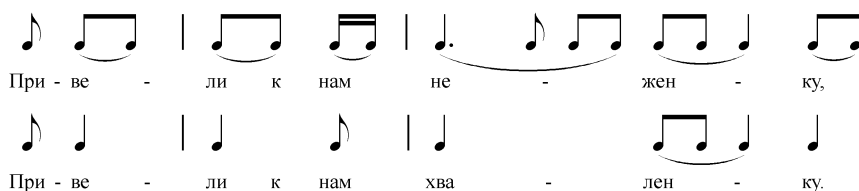

 При - ве - ли к нам не - жен - ку,

²⁴³ *Примеч. сост.:* Выходные данные – см. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.*

²⁴⁴ *Примеч. сост.:* См.: Народные песни Ленинградской области... № 48, напев № 45.

Ритм собственно музыкального движения имеет иной рисунок:

Как видим, каждый ритмический ряд отличается своими особенностями. Соответственно на каждом этапе разучивания песни выделяются и особые задачи:

- при работе над поэтическим текстом обращается внимание на пульсацию метрических акцентов тонического стиха (третий слог от начала и третий слог от конца стихотворной строки); следует отметить, что метрическая пульсация является организующим моментом интонационно-ритмического движения в песне;
- подчёркнуто акцентированное произнесение поэтического текста соответственно с ритмом слогапроизнесения осуществляется на основе техники «мелкой», но активной артикуляции; нужно иметь в виду, что эта техника слогапроизнесения сохраняется и при пении;
- музыкальный ритм осваивается в связи с композиционным членением напева — попевки, фразы, соответствующие одному слову или полустиху.

В итоге мы добиваемся совершенного согласования всех элементов метро-ритмического движения: метрика тонического стиха соотносится с ритмом слогапроизнесения, а ритм слогапроизнесения — с музыкальным ритмом распетого стиха.

В процессе работы над песенным ритмом решаются и другие общие задачи — в частности, может включаться отработка интонирования попевочных структур, голосоведения, диалекта.

Принципиально важное значение при разучивании народных песен приобретает приём освоения многоголосной фактуры, при котором состав хора или ансамбля не делится по партиям, как это обычно принято. Разучивание каждого голоса хоровой партитуры проводится всеми участниками коллектива. Этим достигается свободное владение многоголосной фактурой каждым поющим и создаются необходимые условия для возникновения импровизации в процессе исполнения, ведущей к образованию вариантов.

Часто в условиях концертной программы оказывается невозможным исполнение песен от начала до конца. Здесь неизбежно встаёт вопрос о сокращении текста. Поверхностный подход к таким сокращениям приводит к искажению смысла песни. Чтобы избежать этого, можно рекомендовать исполнение начального раздела песни, но с обязательным предварительным

ознакомлением публики с полным содержанием поэтического текста. В некоторых случаях допускается исключение повторов больших разделов песенного текста, но и здесь необходимы специальные поясняющие оговорки для слушателей.

Характер работы над народной песней в большой степени зависит от возрастного состава коллектива, исполнительского опыта и знания местной песенной культуры участниками фольклорного ансамбля или народного хора. В настоящее время в большинстве таких коллективов художественной самодеятельности принимают участие люди старшего поколения — те, кто хранит в своей памяти традиции народного исполнительства. Их опыт и мастерство являются незаменимым источником наблюдений над закономерностями жизни народной песни, поисков нужных исполнительских приёмов. Руководитель должен активно и вместе с тем бережно использовать этот опыт, особенно в работе с молодёжным составом. Задача сохранения преемственности народно-песенных традиций сейчас является актуальной, поскольку всё более заметным становится не только интерес к фольклору со стороны массового слушателя, но и изменение возрастного состава участников фольклорных ансамблей и народных хоров (увеличение числа молодых исполнителей). Безусловно, что эта тенденция будет развиваться, привлекая всё больше и больше молодёжи к участию в работе коллективов художественной самодеятельности, ставя перед собой задачу пропаганды народной песни.

Представленные материалы по этнографии свадебного обряда в деревнях Сланцевского района свидетельствуют о том особом внимании, которое уделялось исстари проведению обряда бракосочетания как важнейшему событию в жизни крестьянской семьи. Все элементы свадебного действия направлены на утверждение в сознании жениха и невесты и в мнении окружающих чрезвычайной ответственности, серьёзности и вместе с тем праздничной торжественности момента. Традиционный свадебный обряд имел огромное воспитательное значение, способствовал укреплению семейных отношений. В наше время, уже на иной социально-правовой основе, создание новой обрядности церемонии бракосочетания должно служить тем же целям. На наш взгляд, в процессе создания современной церемонии бракосочетания может быть использован ряд элементов традиционной народной свадьбы, которые в новых условиях наполняются новым содержанием.

Мы не ставим перед собой задачи давать конкретные рекомендации по проведению современного свадебного ритуала. Однако организаторы свадебных церемоний могли бы, по нашему мнению, обратить внимание на следующие моменты: на важную роль особых «чинов» и групп — участников свадебной игры (дружка-«клетник», большой сват, подружки невесты и другие), на приход «с вестью», невестин «залог», приезд родителей жениха в дом невесты (едут с пирогом), на прощание с «красотой», проводы жениха, невесты, встречу молодожёнов и обычай величания молодожёнов и гостей песнями.

Традиции народно-песенной культуры Ленинградской области отличаются большим разнообразием. Почти в каждом районе сохранились старинные свадебные песни и обычаи. В сборнике представлена лишь часть этого богатейшего наследия. Надо надеяться, что трудами собирателей и исследователей народного творчества с помощью большого круга любителей народной песни (в том числе и участников музыкальной художественной самодеятельности) будут собраны ещё не известные материалы по традиционной крестьянской свадьбе, которые станут залогом новых достижений в деле последовательного и планомерного научного освоения традиций национальной культуры, сохранившихся на территории Ленинградской области, и в деле развития современных форм самодеятельного художественного творчества.

Составители сборника, участники фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории,²⁴⁵ руководство ЛОИМЦ приносят искреннюю глубокую благодарность жителям сланцевских деревень — исполнителям старинных русских песен, сохранившим для нас живые голоса далёкого прошлого.

Песни Псковской земли²⁴⁶

Песни Псковской земли стоят в ряду самых ярких и значительных явлений в художественном наследии русского народа. Их притягательная сила — в сокровенной искренности, глубине и совершенстве поэтических образов, в интонационной правде и чистоте песенных форм, в жизненной энергии музыкальных ритмов.

В голосах псковских песен, ведущих повествование от начальных веков Древней Руси, возрождается легендарное прошлое. Вместе с песнями старины мы обретаем связующее времена чувство причастности к трудам и славе ушедших поколений, сознание своего долга перед Отечеством.

²⁴⁵ Из примечаний к сборнику: В составе фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории 1977—1980 годов (руководитель А. М. Мехнецов) принимали участие: Е. И. Мельник (сотрудник Лаборатории народного музыкального творчества ЛОЛГК, 1978, 1979, 1980), Л. П. Азовская (этнограф, 1978), Л. Н. Иванищенко (филолог, 1980), студенты ЛОЛГК А. Н. Захаров (1978, 1979, 1980), Л. П. Мартыненко (1980), И. В. Музычук, Т. А. Власова, И. В. Ромашко, И. В. Гинжол, И. И. Савёлова, А. Б. Сушко, С. М. Мовчан, Э. М. Сорин, А. Л. Рубаха (1979), М. Б. Сингатулина, И. А. Серый, О. В. Викторова (1980), а также студенты Ленинградского государственного университета Т. Егорова и В. Иванова (1978).

²⁴⁶ Мехнецов А. М. Предисловие // Песни Псковской земли: По материалам фольклорных экспедиций / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. С. 3—10.

Примеч. сост.: Издательство «Советский композитор», по решению Фольклорной секции Ленинградского отделения Союза композиторов, запланировало издание нескольких выпусков материалов по экспедициям Ленинградской консерватории в Псковскую область (сборники по свадебному фольклору, лирическим, хороводным песням, инструментальной традиции — всего 5 выпусков с учётом вышедшего в свет первого, посвящённого календарно-обрядовому фольклору). Однако из-за событий начала 1990-х годов планы издательства были

Каждая запись народной песни – бесценный документ по истории народной культуры. Многие годы своей жизни посвятила собиранию псковских песен Наталья Львовна Котикова (1909–1981) – видный деятель советской музыки, продолжательница традиций русской классической фольклористики. Её творческое наследие – тысячи записей шедевров народного музыкального творчества – входит в золотой фонд отечественной музыкальной науки.

Светлой памяти Натальи Львовны Котиковой посвящается это собрание.

Начиная с 1981 года Ленинградская консерватория приступила к планомерному и систематическому экспедиционному обследованию традиций народной музыкальной культуры Псковской области. К настоящему времени состоялось 11 экспедиций²⁴⁷ (руководитель – А. М. Мехнецов), обследовано около 1500 деревень в 18 районах области. Результаты полевой работы – свыше 20 тысяч звукозаписей песен различных жанров, инструментальных наигрышей и сведений по этнографии (описания календарных обрядов, традиционной крестьянской свадьбы, народных праздников, игр и увеселений) – образуют фонд, который сегодня является крупнейшим собранием музыкально-этнографических материалов по Псковской области. Сплошным экспедиционным обследованием были охвачены территории Псковского Обозерья (Печорский, Псковский районы, частично Гдовский), территории в бассейне реки Великой (Палкинский, Пыталовский, Островский, Пушкиногорский, Красногородский, Опочецкий районы), районы псковско-белорусского пограничья (Себежский, Пустошкинский, Невельский), территории в бассейне реки Ловати (Великолукский, частично Локнянский, а также Холмский и Поддорский районы Новгородской области). Поисково-собираТЕЛЬСКАЯ работа проводилась и в центральных районах области – Новоржевском, Порховском. Записи проводились также в Новосокольническом и Куньинском районах.

Фольклорные традиции Псковской области восходят к раннему периоду древнерусской культуры, складывались и развивались на территории расселения летописных кривичей. Вместе с тем Псковское Обозерье, как и бассейн реки Великой – это зона межэтнических контактов славянских и прибалтийских народов. В более поздний период и южно-псковские районы оказываются на пограничье России и Белоруссии; в сферу влияния новгородского и тверского княжеств попадают восточные районы Псковской земли. Обращаясь (по необходимости кратко) к данным по древней истории края, здесь мы лишь отмечаем их в ряду предпосылок формирования культурных традиций на Псковщине, в то время как именно в силу особенностей своих

нарушены. Дальнейшая работа авторского коллектива над материалами привела к созданию коллективной монографии: Народная традиционная культура Псковской области... (см. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*).

²⁴⁷ *Примеч. сост.:* К 1987 году состоялось 11 экспедиций (1981–1987), без учёта кратких выездов 1978, 1983, 1984, 1985 годов, специализированной поездки с целью киносъёмки гуслиров 1986 года и стационарной записи 1984 года.

этнокультурных оснований традиции псковской песенности представляют исключительный интерес. Важное место среди отмеченных предпосылок занимают обстоятельства военно-политической истории Русского государства: стратегическое положение Пскова на одном из самых напряжённых участков западной границы русских земель. Свою роль в историческом процессе становления комплекса местных традиций народной материальной и духовной культуры сыграли условия социально-экономического развития псковской деревни в XVIII–XIX столетиях. Преобладание на Псковщине вотчинного уклада землепользования, отсутствие на территории края промышленно развитых районов предопределили общую экономическую отсталость и замедленные темпы развития хозяйства. Это состояние усугублялось и тем, что с основанием Петербурга Псков остался на периферии зоны формирования нового центра промышленного производства. Одновременно близость Петербурга оказывала заметное влияние на культурную жизнь края. На состоянии местных фольклорных традиций по-своему сказывались и такие процессы, как образование старообрядческих поселений, развитие отхожих промыслов, позднее (со второй половины XIX века) – передел земли и расселение крестьян на хутора.

Все отмеченные выше обстоятельства в той или иной мере определяли особенности хозяйственного уклада, своеобразие форм общинного и семейного быта и, в конечном счёте, общий характер и состояние культурных традиций псковской деревни.

Собранные экспедициями Ленинградской консерватории музыкально-этнографические материалы обеспечивают возможность постановки и разработки проблем народной музыкальной культуры Псковской области в широком диапазоне исследовательских направлений. Важнейшие из них связаны с решением задач историко-этнографического описания местной музыкальной традиции, с определением характера и природы явлений псковского музыкального фольклора не только с точки зрения структурно-типологического анализа, но и в свете изучения их системных связей как фактов народной культуры в целом. Именно в русле многостороннего комплексного фольклористического исследования были получены данные (сумма опознавательных признаков), позволяющие достаточно чётко фиксировать различные явления в народной музыкальной культуре Псковской области по их принадлежности к тому или иному музыкально-этнографическому комплексу (жанрово-функциональная, жанрово-стилевая, диалектно-стилевая характеристики), к тому или иному историко-культурному слою (историко-этнографическая, историко-стилевая характеристики).

Перспективы работы в направлении многопланового исследования фольклорных традиций на Псковщине предполагают возможность составления музыкально-этнографического атласа – важного звена в изучении истории русской народной музыкальной культуры. Однако уже сегодня мы располагаем необходимыми материалами для того, чтобы представить общие

контуры сложной в музыкально-этнографическом отношении, исторически многослойной и необычайно богатой в своих местных проявлениях псковской народно-песенной культуры.

На обследованной территории чётко выделяются зоны распространения самостоятельных этнокультурных комплексов (печоро-гдовский, западно-псковский, южно-псковский, ловатской), каждый из которых объединяет местные фольклорные традиции на основе общих форм обрядово-бытовой практики, жанровой системы и важнейших закономерностей песенного стиля. Фольклорные традиции центральных районов области (от Пустошки до Порхова) характеризуются явлениями переходного порядка. В северных районах (от верховьев Шелони и Плюсы) мы сталкиваемся с песенными традициями, тесно связанными с новгородской культурой.

Экспедиционные записи 1981–1987 годов раскрывают во всём многообразии и сложных взаимосвязях жанровую систему псковской народной музыкальной культуры. В псковском собрании Ленинградской консерватории представлены материалы практически по всем известным современной музыкальной фольклористике жанрам русского фольклора. Вместе с тем в процессе полевой работы были зафиксированы малоизвестные или совсем новые для фольклористической науки факты. Здесь мы имеем в виду записи уникальной в русском музыкальном фольклоре формы свадебных коллективных причитаний («водить голосом» одновременно или вслед за сольным произнесением причётного стиха), а также впервые представленную в звукозаписях традицию припеваний на «полевой голос». К числу подлинных событий в истории изучения народной музыкальной культуры следует отнести обнаруженную в живом бытовании древнюю традицию русской гусельной игры (около 900 звукозаписей традиционных наигрышей на крыловидных малострунных инструментах).

Одной из самых ярких сторон псковской народной музыкальной культуры являются песни, связанные с календарно-земледельческими обрядами. И доныне следы некогда широко распространённого и детально разработанного в своей этнографической основе цикла обрядов фиксируются фольклорными экспедициями почти повсеместно на территории Псковской области. Отражая древние представления человека об окружающем его мире, обряды годового круга составляли неотъемлемую и необходимую часть производственной деятельности земледельца. Поэтические образы славянской мифологии, возникшие в русле анимистических представлений, и ранние формы музыкального интонирования, закрепившиеся в обрядовой практике как магические формы, с течением времени усложняясь в функциональном и в структурном отношении, положили начало музыкально-поэтическим формам, вошедшим в традиционный обрядовый фольклор.

Календарно-обрядовые песни не представляют собой единого жанра. Даже группировка в соответствии с принадлежностью к тому или иному празднично-обрядовому или производственно-обрядовому циклу (к новогодному, к

проводам зимы и встрече весны, началу полевых работ и их различным этапам и так далее) не всегда обеспечивает единство жанровой характеристики песен в рамках одной группы, поскольку каждый из названных циклов образуют, как правило, обряды, различные по содержанию. Надёжным классификационным признаком может служить назначение песни в обряде, её функциональная характеристика. Однако здесь мы должны учитывать, что музыкальный и поэтический «ряды» песенной формы вместе со специфичностью средств выразительности обладают и разной степенью обобщения действительности и по-разному соотносятся с изменениями в содержании обряда. Наиболее устойчиво и определённо функционально-смысловые характеристики песенной формы проявляются в сфере закономерностей ладо-интонационного строения, ритма и композиции. Именно в силу этого музыкально-типологический анализ становится важным инструментом в поисках принципов жанровой классификации календарно-обрядовых песен. Только на основе такого подхода оказывается возможным, например, определить обрядовую природу цикла лирических песен Псковского Обозерья, исполнявшихся во время масленичных и других весенних гуляний. Только с учётом особенностей ведущих смыслообразующих элементов музыкальной формы этих песен (в одних случаях — ангемитонный характер ладо-интонационных образований, в других — пятидольность метрической организации или «причётный» комплекс интонационных средств) оказывается возможным распознать их обрядовую сущность, поскольку поэтическое содержание песен (главным образом, балладные сюжеты) выходит за пределы обрядово значимого текста, является позднейшим наслоением. Вместе с комплексом музыкально-языковых средств на магически обрядовое значение этих песен указывают и обстоятельства их исполнения (организованное групповое движение рядами по улице, возможно, утратившее некогда присущий этому движению определённый пластический рисунок).

При жанровой классификации календарно-обрядовых песен важно иметь в виду, что разные календарно-обрядовые комплексы (новогодне-святочный, масленичный, собственно весенний, троичко-иванский, жнивный и другие), сочетая в себе элементы обрядности, связанные с культом солнца, растительности, культом предков, и включая разнообразные магические действия (продуцирующая, охранительная магия и другие), обнаруживают общую основу. Каждый из таких комплексов представляется как один из этапов развёрнутого единого по содержанию цикла жизненно важных, по древним представлениям, обрядово-магических действий. Отсюда можно установить нужный уровень наблюдений песенно-обрядовых форм в связи с их функцией:

- песни празднично-поздравительные, величальные и корильные;
- песни-заговоры — песни, имеющие в своей основе «магический императив», выраженный интонационными, композиционными и поэтическими средствами;

- песни обрядово-процессуальные, тесно связанные со структурой конкретных обрядов — при сложных отношениях напева и поэтического текста (композиционная соподчинённость — смысловая согласованность) определение обрядового действия находит выражение в широком спектре поэтических построений (от детального перечисления до символического, иносказательного описания);

- песни-жалобы («окликание предков») — жалоба-обращение как постоянный мотив причети и плачевый интонационный контур воспринимаются здесь как одно из обрядово значимых проявлений культа предков.

На этом уровне наблюдений отчётливо выступают особенности художественной формы каждой из указанных групп календарно-обрядовых песен и выявляется круг музыкально-поэтических средств, относящихся к наиболее ранним из дошедших до нашего времени формам обрядового фольклора, музыкально-типологический анализ достаточно чётко обнаруживает закономерности музыкально-поэтического строя песен каждой из названных групп, выявляет их нормативность, формульность.

Отмечая возможность группировки календарных песен в связи с их обрядовой функцией, мы находим также, что в условиях отдельных обрядовых циклов формируются различные, выступающие в качестве жанрово самостоятельных, песенные группы, обрядовое назначение которых детализируется лишь на уровне сюжетно-тематической характеристики поэтического текста. Так, например, иванские и толочные песни в ряде случаев исполняются на общий или однотипные напевы. Точно так же нет отчётливой музыкально-стилевой дифференцированности между группами толочных и весенних лирических песен. В свою очередь, следует отметить и бытование песен одной обрядовой группы с самостоятельными напевами. Здесь, вероятно, и проявляются различия в динамике процесса преобразований в сферах музыкального и поэтического начал песенной формы в связи с исторической жизнью календарных обрядов.

Как уже отмечалось, при широком распространении календарно-земледельческих обрядов на территории Псковской области бытование музыкально-поэтических форм зафиксировано лишь в отдельных районах. Основные очаги календарно-обрядовой песенности сосредоточены в южных районах области — Себежском, Невельском, Великолукском. На этой территории чётко выделяются две самостоятельные песенные традиции — себежская (юго-западная) и великолукская (верхне-ловатская). В Невельском районе, при том, что в нём отмечены центры прекрасной сохранности местной культуры календарно-обрядовых песен, мы сталкиваемся с явлениями взаимодействия двух вышеназванных традиций. Предельно полная себежская традиция находит выражение в песнях весенне-летнего периода — циклы иванских, толочных и жнивных песен с детальной разработкой образно-поэтического и музыкально-типологического их содержания с богатым этнографическим контекстом. Показательны для этой традиции и песни колядные, волочёб-

ные. Верхне-ловатская песенная традиция также концентрируется в циклах иванских, толочных и жнивных песен. Но здесь отчётливо видны отличия в репертуаре и в музыкально-типологических характеристиках летних песен. Своеобразной чертой жнивных и примыкающей к ним группы толочных песен в верховьях Ловати является припев-возглас «а-ё», который по месту в композиции напева может заменяться припевными словами «диво, диво» или «слава Богу». Важной особенностью верхне-ловатской традиции является цикл масленично-обрядовых песен. Чёткие границы его распространения связывают в единое музыкально-этнографическое целое местные песенные традиции – от Борисоглебщины в верховьях Ловати до Холма (Новгородская область) в среднем её течении и далее на восток (Кунья, Торопец).

В ряду примечательных явлений календарно-обрядовой песенности Псковской области находятся песни зимнего обхода дворов – «виноградья», получившие распространение на территории западных районов, примыкающих к реке Великой. Особым музыкальным строем, чертами стиля, присущим песням раннего слоя, отличается уже упоминавшийся цикл лирических песен, связанных с Масленицей и Пасхой (Псковское Обозерье).

Особого внимания заслуживает отмеченная выше своеобразная музыкально-поэтическая форма толочанских припевок на «полевой голос» (Печорский, Палкинский, Пыталовский районы), обрядово-магический смысл которых однозначен не только в контексте местных толочанских обычаев, но и подчёркнут тем, что в той же функции они исполняются и на посиделках. Кроме того, часто эти припевки поют и на «свадебный голос».

В сборнике представлены образцы всех жанровых групп календарно-обрядовых песен Псковской области, записанных фольклорными экспедициями Ленинградской консерватории. Не имея здесь возможности дать подробную характеристику каждой группы песен, их музыкальных особенностей, мы отсылаем читателя непосредственно к материалу, который подобран и расположен таким образом, что основные его музыкально-поэтические особенности так же, как и особенности обстоятельств исполнения песен становятся очевидными не только для специалистов.

Стремление представить календарно-обрядовые песни исходя из их специфики и в наиболее полном виде вызвало необходимость построения по принципу типологически развёрнутого показа каждой жанровой группы – так, чтобы основные песенные циклы можно было проследить как с точки зрения типологии напевов, так и со стороны сюжетно-тематической группировки поэтических текстов, тесно связанных с назначением песен и характером того или иного обряда. Типология напевов прослеживается в подборке вариантов по каждому песенному типу. За напевами следуют подборки песенных текстов, сгруппированные по сюжетно-тематическому принципу.²⁴⁸

²⁴⁸ *Примеч. сост.*: Замечания технологического характера вынесены нами в сноску:

В текстах песен, кроме указания на место записи, даётся отсылка к конкретному напеву

Сборник представляет собой коллективный труд, выполненный под руководством составителя. В приложении к сборнику указаны авторы полевой записи песен – руководители экспедиционных групп.

Нотацию напевов, расшифровку текстов и подготовку материалов сборника к печати выполнили:

А. М. Мехнецов – Припевки на «полевой голос»; Жнивные, яринские песни.

Е. А. Валевская – Колядки, винограды; комментарии к данным разделам; этнографические замечания: Обрядовые песни зимних и весенних праздников; Припевки на «полевой голос»; Жнивные, яринские песни; расшифровка текстов жнивных и яринских песен (366–457); комментарии к разделам припевок на «полевой голос» и жнивным и яринским песням.

И. Б. Теплова – Песни, приуроченные к зимним и весенним праздникам; этнографические замечания и комментарии к данному разделу.

Г. В. Лобкова – Иванские, толочные песни; этнографические замечания и комментарии к разделу. Краткий словарь к текстам.

О. В. Шишкова – Масленичные песни и комментарии к разделу.

(цифра в скобках рядом с порядковым номером текста), опубликованному в сборнике. Если представленный текст исполняется с напевом, близким к опубликованному, номер в скобках указывается со звёздочкой. В иных случаях, когда напев, с которым должен исполняться данный текст, соотносится с опубликованным лишь типологически, в скобках предлагаются номера однородной группы напевов. Одной звёздочкой в конце строфы поэтического текста обозначается конец фонограммы, двумя звёздочками – запись текста с пересказа.

В этнографических замечаниях, предшествующих каждому разделу так же, как и в комментариях, даются общие сведения, раскрывающие обстоятельства исполнения песен в контексте той или иной обрядовой ситуации. Этнографические сведения в комментариях приводятся в записи из той же деревни, иные случаи оговариваются.

Материалы сборника имеют указания на место записи и номер по фонографическому или рукописному (РФ) фонду Лаборатории народного музыкального творчества Ленинградской консерватории.

Весь этнографический материал, включая и тексты песен, даётся с сохранением особенностей местного говора. Кроме того, мы сочли необходимым зафиксировать по возможности более точно и общие произносительные нормы речи. Свойственное ряду местных диалектов твёрдо произносимое «ч» передаётся с помощью знака «ĉ», а также сочетаниями с гласными «э», «ы» («ночка», «начинать», «чэрез»). Краткое «у» обозначается общепринятой формой записи «ў» («кароўки», «ў нас», «садиўся»). Одной из характерных черт южно-псковского диалекта является постоянство фрикативного «г» (не выделенного в нашей записи), что следует учитывать при прочтении текстов.

Значение малоупотребительных слов и выражений объяснено в словаре, составленном по материалам сборника.

Поэтические тексты приводятся в графике, соответствующей протяжённости мелострофы.

При тактировке напевов мы опираемся на принципы выявления закономерностей согласованной музыкально-стиховой метрики (сплошная тактовая черта), метрические акценты собственно музыкального ряда отмечены пунктирной тактовой чертой. В необходимых случаях размер выставляется и после пунктирной тактовой черты. Косым штрихом (одинарным или двойным) над нотоносцем обозначается композиционное членение мелострофы.

Е. А. Неудачина — Приуроченные весенние и летние песни (№ 178, 182—195, 306—312); этнографические замечания по толочанским обычаям.

В работе над материалами принимали также участие И. А. Михей, А. Н. Теплов, Л. И. Паненкова.

Научно-систематизаторская работа, составление и редактирование материалов сборника выполнено автором этих строк. Авторский коллектив выражает глубокую благодарность исполнителям песен — жителям псковских деревень, всем, кто содействовал нашей работе. Приносим нашу признательность руководству и сотрудникам Псковского областного научно-методического центра и культурно-просветительной работы за организационную помощь в проведении экспедиций.

Народная традиционная культура Псковской области²⁴⁹

В основу концепции сохранения и развития фольклорных традиций должен быть положен культурно-экологический подход, учитывающий системную целостность и взаимозависимость различных сторон, явлений и процессов в сфере народной традиционной культуры — материальной и духовной. Такой подход не только раскрывает глубинное содержание культурных традиций, историю их формирования и развития, но и устанавливает истинное место культурного наследия в жизни современного общества. В фольклорных традициях, как и в других проявлениях народной традиционной культуры, находит воплощение совокупность жизненно значимых для данной этнической общности отношений, связей, форм взаимодействия с окружающей средой, возникающих в процессе трудовой, социальной, духовной деятельности. Общим признаком всего многообразия явлений фольклора служит особый, художественный (выражаемый средствами художественного) тип осмысления и преобразования действительности, удержания и передачи опыта жизни новым поколениям.

Решение задач комплексного описания своеобразных форм местных фольклорных традиций связано, с методологической точки зрения, во-первых, с раскрытием особенностей природы, законов эволюции явлений в сферах материального и духовного бытия, тесно соотнесённых между собой в контексте исторической жизни этнического сообщества. Во-вторых, принципиально важно здесь то, что вся система традиционной культуры, в том числе и область фольклора, определяя в общих чертах мировосприятие и жизненное русло каждого человека, объективно складывается в результате

²⁴⁹ Мехнецов А. М. Введение // Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. / Автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Авт. коллектив: Е. А. Валевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова, А. М. Мехнецов, К. А. Мехнецова, А. Ф. Некрылова,

созидательных усилий многих поколений, существует и развивается как категория коллективного (общинного) бытия и сознания. Ярко выраженное этническое начало определяет естественно-историческую природу фольклора, что ставит его в ряд исходных ценностей национальной культуры.

Вместе с тем, в силу непосредственности и неразрывности внутренних связей и отношений с ключевыми моментами трудовой, обрядово-праздничной деятельности, семейно-бытового уклада, а также в силу законов традиционности (прошлый опыт – восприятие – воссоздание) и особой, изустной формы существования вся сложно устроенная и сложно обусловленная сфера фольклора полноценно проявляется лишь в условиях целостности основ самой системы народной традиционной культуры, находится в прямой зависимости от общих внешних обстоятельств, поддерживающих или отрицающих её смыслополагающую, творчески созидательную роль в жизни общества. С разрушением этой системы и угасанием фольклорных традиций современное общество лишается и сопричастности историко-культурному наследию и перспектив самостоятельного этнокультурного развития. При таком положении востребованной оказывается лишь художественно-эстетическая сторона фольклора в формах музейно-архивных ценностей, памятников культуры или в качестве начального материала для сценических и другого рода авторских интерпретаций. Деятельная же сила фольклорных традиций, восходящая к универсалиям жизненных основ культуры, остаётся на периферии общественного сознания и интересов общества. Именно поэтому актуальными и неотложными сегодня являются проблемы поддержки, сохранения и изучения народной традиционной культуры во всём многообразии её проявлений.

Для характеристики своеобразных начал отечественной культуры в целом исключительно важное значение имеет сохранившийся до наших дней комплекс традиций Псковской Земли – одного из самостоятельных районов сложения и бытования явлений, видов и форм древнерусской культуры. Научная, историко-культурная, художественная ценность разнообразных в жанровом, стилевом отношении явлений фольклора на Псковщине, их диалектная самобытность издавна отмечена исследователями и собирателями. Псковских народных песен, сказок, преданий, пословиц, обычаев и обрядов коснулся гений А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского. Усилиями многих фольклористов-собираателей псковские песни стали общим достоянием русской национальной культуры.²⁵⁰ Среди таких собирателей бесспорно выдающееся место принадлежит Н. Л. Котиковой, в течение многих лет (1950–1960-е годы) обследовавшей большинство районов Псковской области и собравшей уникальный фонографический фонд по музыкальному фольклору.²⁵¹

А. В. Полякова, И. С. Попова, И. Б. Теплова. Отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская. СПб.; Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. С. 9–29. *Примеч. сост.*: Настоящая публикация дополнена нотными примерами.

²⁵⁰ *Примеч. сост.*: Основные публикации по фольклору Псковской области см. на с. 293.

²⁵¹ В настоящее время коллекции звукозаписей и научный архив Н. Л. Котиковой хранятся

Санкт-Петербургская (Ленинградская) государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова с 1978 года ведёт систематическую экспедиционную работу в Псковской области и сопредельных районах Ленинградской, Новгородской, Тверской, Смоленской областей. С 1991 года эту работу возглавил Фольклорно-этнографический центр (далее – ФЭЦ).

С 1978 по 1999 год под руководством и при непосредственном участии автора этих строк состоялось 28 фольклорных экспедиций в 21 район Псковской области (кроме Дедовичского, Дновского и Усвятского). Обследовано более двух тысяч населённых пунктов в 170 административно-территориальных единицах области.

Характерной чертой предпринятых полевых исследований стала разработка методов последовательного и многомерного изучения традиций народной культуры при фронтальном охвате изучаемых территорий с максимально полной фиксацией всего круга явлений народной традиционной культуры. В ходе экспедиций осуществлены звукозаписи календарно-обрядовых, свадебных, лирических, хороводных, плясовых, колыбельных песен, баллад, духовных стихов, причитаний, частушек, наигрышей на гусях, скрипке, балалайке, рожках, гармониках и других музыкальных инструментах, записаны словесные жанры фольклора: заговоры, сказки, легенды, предания, былички и другие. Сделаны репортажные звукозаписи, раскрывающие содержание местных календарных, семейных и других обрядов, старинных народных праздников, повседневного быта, трудовых традиций.

В результате этой работы сформировано одно из самых крупных в России собраний фольклорно-этнографических материалов по Псковской области, основу которого составляет фонд звукозаписей образцов музыкального фольклора – около 40 тысяч единиц содержания (текстов). В собрание входят также видеозаписи (продолжительностью около 100 часов), кинодокументы, образцы материальной культуры, рукописные материалы (полевые дневники участников экспедиций, расшифровки звукозаписей, материалы систематизации).

Наиболее значительными, имеющими событийный характер, явились экспедиционные материалы, впервые представляющие традицию русской гусельной игры в её архаических формах, которая уже в XIX веке считалась навсегда утраченной. Сотни записей гусельных наигрышей от 75 псковских гусяров, коллекция традиционных инструментов свидетельствуют об исключительно богатой культуре гусельной игры, сохранившейся на Псковщине до наших дней. К этому пласту культуры относятся и уникальные материалы, позволяющие реконструировать древнерусские формы «гудошной» игры (игры на легендарном смычковом инструменте – «гудке», исчезнувшем в на-

в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Известны также архив фонографических записей И. Д. Фридриха (хранящийся в ИРЛИ) и коллекции экспедиционных материалов Санкт-Петербургского государственного университета и Музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург).

чале XX столетия), воспроизводимой на скрипках, получивших распространение в псковских деревнях уже в конце XIX – начале XX века.

Важными в научном отношении (так же, как и с точки зрения современной художественно-творческой практики) стали экспедиционные записи особых форм народной хореографии – женские и мужские ритуальные пляски («псковский кружок», «ломанье» – под драку и другие).

К ряду научных открытий следует отнести комплекс фольклорно-этнографических материалов, связанных с особой музыкальной формой свадебных опевальных песен и причитаний, полевых припевок («водить голосом», «вожокать», «вожоканье»), указывающей на ранне-исторические истоки местных фольклорных традиций.

Исключительной научной ценностью обладают материалы по календарно-земледельческой обрядности и фольклору, восходящие к древнейшим пластам славянской культуры.

Собрание экспедиционных записей Фольклорно-этнографического центра образует фундаментальную источниковедческую базу не только фольклористических исследований, но позволяет существенно дополнить представление о народной традиционной культуре Псковской области и с точки зрения этнографии и языкознания.

На этой основе и в силу того, что народная традиционная культура в бесконечной цепи преемственного развития исходных форм хранит отчётливые следы своих порождающих начал, складываются предпосылки широкого привлечения фольклорно-этнографических материалов к исследованию общих проблем истории русской культуры, а также проблем этнологии восточных славян.

Документальные материалы по фольклору и этнографии, таким образом, становятся важнейшей частью банка научных сведений, изучение которых позволяет наблюдать не только тот или иной комплекс локальной культурной традиции в целом, так же как и явления фольклора в историко-, жанрово-, диалектно-стилевом аспектах, но и рассматривать динамику состояний, значений и функций художественных форм, отдельных структурных элементов текста, языковых средств в историко-типологическом отношении и в проекции на территории бытования. Решение этого ряда проблем в большой мере зависит от масштабов и полноты содержания экспедиционных фондов, характера и глубины их научного описания. Иными словами, задача заключается в необходимости сочетать учёт и детальный анализ каждого явления фольклора с соответствующими сведениями по всему массиву фондовых материалов.

Как нам представляется, наиболее продуктивной формой такого исследования является разработка системы *фольклорно-этнографического атласа*, суть и достоинства которого дают возможность многомерного, комплексного изучения отдельных фактов фольклора в контексте культурной традиции. Более того, если результаты конкретного анализа художественной формы

относятся непосредственно к определённому тексту или группе текстов, обладающих установленным свойством (признаком), то система атласа, предлагая иной, более общий ряд точек отсчёта, другую шкалу измерений, рассматривает не столько данный текст как таковой, сколько его характерные свойства (признаки) в подвижном диапазоне своих значений и функций.

Очевидно, что содержательная сторона программы фольклорно-этнографического атласа не замещает и, тем более, не исключает текстологического изучения фактов фольклора, но вводит новый уровень условий и задач исследования.

Издание «Народная традиционная культура Псковской области» представляет собой *обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра* (далее – «Обзор...») и, наряду со сборниками материалов по Псковскому фольклору, является одним из этапов подготовки фольклорно-этнографического атласа Псковской земли. В отличие от сложившихся форм публикации фольклорных материалов «Обзор...» решает задачи по определению:

- опознавательных признаков фольклорной традиции (устойчиво воспроизводимых в своеобразной, характерной для данной традиции форме содержательных элементов системы фольклора, в том числе – структуры и функций ведущих жанров и жанровых групп, сюжетов, особенностей стиля и так далее);
- видов и форм связи, взаимодействия фольклорных явлений с контекстом местной культурной традиции;
- территории распространения всего фольклорно-этнографического комплекса местной традиции или отдельных его образующих.

Как видим, специальные задачи фольклорно-этнографического исследования, выполняемого в рамках «Обзора...», устанавливают и специальный, более высокий уровень наблюдения, на котором явления фольклора рассматриваются не с точки зрения лишь самозначимости, художественно-эстетической ценности отдельно взятых текстов («лучшие песни – от лучших исполнителей»), а в качестве необходимой и действенной составляющей содержательного плана местной культурной традиции. Сама культурная традиция, понимаемая в общем виде как одна из важнейших функций коллективного сознания, согласующая различные элементы культуры в процессе достижения жизненных целей культурного сообщества, в этом случае выступает в значении естественно сложившейся среды и как условие существования системы видов и форм фольклора. При этом каждый факт фольклора занимает то или иное место в такой системе в силу своего назначения и на основании своей принадлежности именно данной (определённой в объективно- и конкретно-историческом аспектах) местной культурной традиции.

Немаловажным для объективной оценки содержания, понимания истоков, исторической судьбы местных фольклорных традиций является равный

учёт всех признаков, указывающих на характер своеобразия и, одновременно, на присущие каждой рассматриваемой традиции черты общности с другими самостоятельно сложившимися историко-культурными системами. Вместе с решением практической задачи выявления границ определяемой традиции как целого и ареалов распространения отдельных её элементов, такой подход, учитывающий статистическую и типологическую характеристики фактов народной традиционной культуры, даёт возможность не только наблюдать отношения свойств общего и особенного в масштабах широких этнокультурных образований (критерии собственно местного, регионального, национального), но и судить о процессах формирования, о динамике исторической эволюции важнейших компонентов содержания, форм и языка фольклора.

Такая постановка задач исследования, комплексного описания и картографирования явлений народной традиционной культуры, их опознавательных признаков, опирающихся на представления о системном характере соподчинённости фактов материальной и духовной культуры, становится актуальной и необходимой, в частности, при анализе форм взаимодействия различных по своей этнокультурной принадлежности традиций в пограничных, переходных зонах, а также при соотнесении ареалов бытования отдельных явлений и фольклорно-этнографических комплексов с исторически сложившимися административно-территориальными единицами.

По совокупности известных в настоящее время материалов (и в первую очередь — материалов фольклорно-этнографического характера, прямо фиксирующих этнокультурную образующую той или иной традиции на территории Северо-Запада России) можно представить исключительно важное значение и место в системе древнерусской культуры собственно псковских, ведущих своё начало от семьи славянских племён летописных кривичей, традиций образа жизни, обычаев и обрядов, семейного и общинного уклада, верований и представлений, принципов художественно-образного выражения и языковой системы. Родовое единство культуры древних кривичей — одного из основополагающих звеньев восточнославянской этнической общности — отчётливо прослеживается, несмотря на разнообразие её региональных (зональных) и местных («диалектных») форм. Так, например, достаточно обратить внимание на одну из моделей песенной слогоритмики, имеющей обрядовый статус, выразительная сила которой связана с активной ролью долготно и интонационно выделенного слога на «слабом» времени стиха, чтобы установить закономерно устойчивую, знаковую природу данной ритмоформулы, приобретающей смысл опознавательного признака не только собственно псковской региональной традиции, но и всего комплекса фольклорных традиций русского Северо-Запада.

Научные цели и задачи «Обзора...», принципы отбора, характер и объёмы исследуемых материалов обусловили и структуру издания, и форму изложения имеющейся информации.

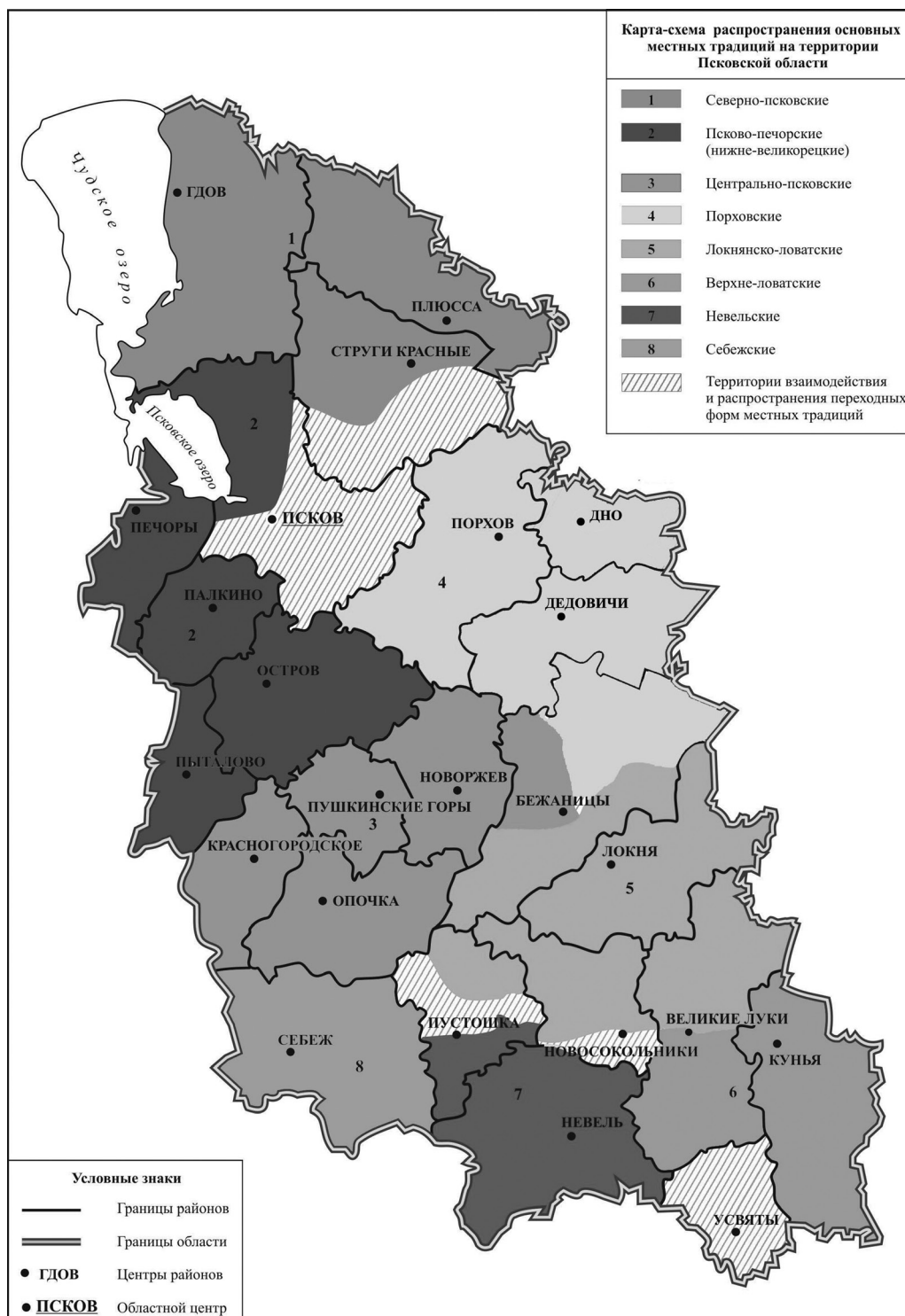
Фактологический ряд в «Обзоре...» представлен структурно важными и типологически значимыми образцами, характеризующими местные культурные традиции с тех сторон и в тех проявлениях, которые отмечены как нормативно обязательные и непосредственно фиксируемые фольклорным сознанием в художественных формах. Иначе говоря, каждый приведённый в «Обзоре...» факт является, с одной стороны, структурной единицей содержания традиции, с другой стороны — свидетельством определённых свойств того или иного типологического ряда явлений на уровне фольклорных жанров и жанровых групп, ключевых напевов, сюжетов, обрядовых ситуаций, жизненных положений и так далее. При этом на основе этнографических описаний по разделам «Обзора...», дополнений к текстам, системы перечней и указателей, а также отсылок к экспедиционным фондам сохраняется возможность на очередном этапе анализа материала проследить и типологическую развёртку (типологический признак в вариативном ряду), и диапазон функций каждого текста, самостоятельно выделенного в настоящей публикации.

Предложенная форма соотношения конкретного материала с необходимым (в целях наблюдения общих закономерностей жизни фольклорной традиции) уровнем обобщения, служит достижению именно той степени отвлечённости, при которой связь с исходным материалом не теряется и легко воссоздаётся. На этом уровне исследования и формируется совокупность опознавательных признаков фольклорной традиции, а значит — и предпосылки решения задач группировки материала и картографирования.

Проблемы определения территорий распространения форм народной традиционной культуры связаны не только с задачами описания именно местных фольклорных традиций как явлений локального характера. При изучении экспедиционных материалов отчётливо проявляются закономерности образования внутри- и межсистемных отношений на разнопорядковых уровнях наблюдения фактов традиционной культуры: данная местная традиция — комплекс традиций Псковской области — традиции русского Северо-Запада и псковско-белорусского пограничья и так далее.

Более общей (а вместе с тем — и специальной) является проблема отношений (разграничения и связей) восточнославянского и балто-финно-угорского миров. Для исторической оценки явлений традиционной культуры Псковской области эта проблема становится принципиально важной, поскольку здесь сравнительному изучению подлежат не едва различимые (иногда мнимые) следы субстратного порядка, а компактная, в полном объёме целостная и динамичная система национальной культуры, возникшая на материнской этно-генетической почве.

Первый опыт выявления границ местных культурных традиций с учётом фольклорных материалов был предпринят в «Кадастре достопримечательных

природных и историко-культурных объектов Псковской области». ²⁵² Однако известная степень заданности региональных границ, определённых самой концепцией «Кадастра...», не позволила в ряде случаев установить вполне достоверную конфигурацию собственно фольклорных традиций. В настоящем «Обзоре...», исходя из специфики фольклорно-этнографического материала, целей и задач предпринимаемого исследования, даётся следующая *карта-схема распространения основных местных традиций на территории Псковской области*:

1. Северно-псковская – Гдовский, Плюсский, Стругокрасненский районы.
2. Псково-печорская или ниже-великорецкая – Псковский, Печорский, Палкинский, Островский (западная часть), Пыталовский районы.
3. Центрально-псковская – Красногородский, Опочецкий, Пушкиногорский, Новоржевский, Бежаницкий (частично) районы.
4. Порховская – Порховский район.
5. Восточная или локнянско-ловатская – Локнянский, северная часть Великолукского, Новосokolьнический, частично Бежаницкий и Пустошкинский районы.
6. Верхнеловатская – Великолукский, Куньинский районы.
7. Невельская – Невельский и частично Пустошкинский районы.
8. Себежская – Себежский район.

Самостоятельному рассмотрению подлежат традиции в районе бассейна реки Шелони – Порховский, Дновский, Дедовичский районы – в связи с их переходным характером и тяготением к новгородским культурным традициям, а также и Усвяцкий район, местные традиции которого нельзя рассматривать без учёта сложного комплекса пересечений псковско-смоленско-белорусских этнокультурных связей.

Разумеется, предложенная здесь группировка фольклорно-этнографического материала по принадлежности местным культурным традициям, территориально ограниченным в названных зонах, весьма условна. Эта условность вызвана тем, что, во-первых, культурная традиция (как, в частности, и система фольклора), при всей своей нормативности, в естественных условиях существования является открытой и развивающейся системой, для которой свойственны процессы диффузии, конверсии, трансформации. Во-вторых, как уже было отмечено, в сложно организованной, полиэлементной структуре культурной традиции в силу универсальности её функций (регулирование и контроль всех сторон жизни общины) – согласуются в пространстве единого целого различные по природе и назначению виды и формы культурной деятельности (в том числе виды и формы фольклора), которые в то же время

²⁵² См.: Кадастр: Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков, 1997. – [Отдельные статьи по различным регионам «Краткая характеристика фольклора...», подготовленные А. М. Мехнецовым, Е. А. Валевской, И. Б. Тепловой, Г. В. Лобковой, И. С. Поповой, О. В. Смирновой]. См. С. 295.

подчиняются специфическим законам и логике собственного существования и развития. Естественно, что по содержанию, форме, значению и месту в жизненном цикле каждый самостоятельный комплекс явлений традиционной культуры, отдельные его элементы имеют свои предпосылки, историю и ареалы распространения, что, в свою очередь, безусловно усложняет и структуру местной традиции и задачи её научного описания.

Так, например, в рамках общего (с точки зрения содержания и последовательности основных обрядовых действий) комплекса свадьбы, относящегося к локнянско-ловатской традиции, ареалы распространения отдельных музыкально-поэтических форм можно проследить в связи со спецификой их жанрово-функциональной или структурно-типологической характеристик, но также и на основе ярко выраженных свидетельств взаимодействия различных культурных традиций – собственно локнянско-ловатской с традициями центрально-псковской зоны, новгородско-тверского и псковско-смоленско-белорусского пограничья.

Уже собственно музыкально-типологический анализ принадлежащих местному свадебному обряду причётного и песенного циклов (в их основной, обязательной части) показывает различные по конфигурации ареалы самостоятельных типов хоровых причитаний («голошений») и отдельных типов песенных форм в группе формульных напевов.

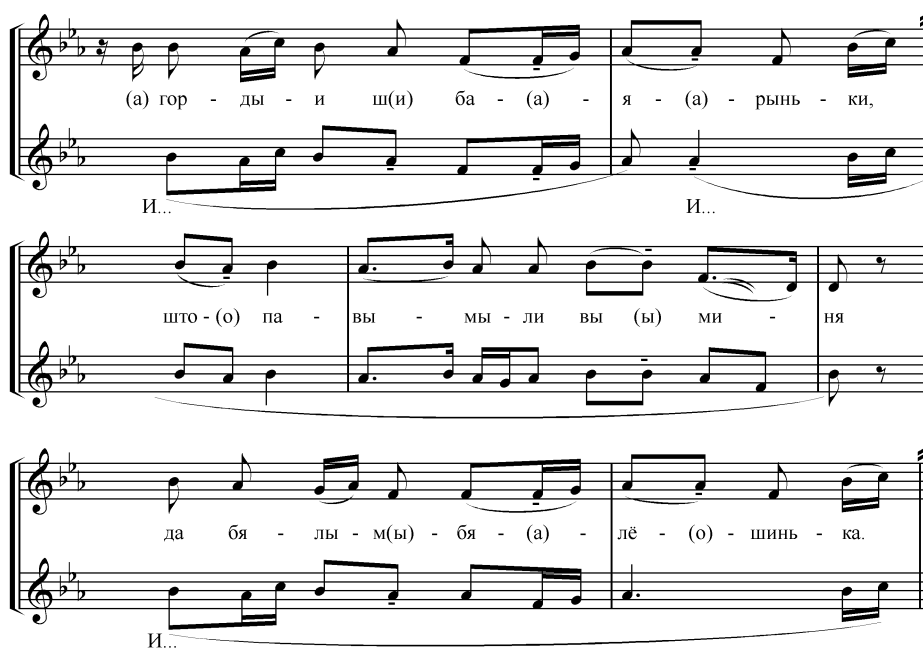
На территории ряда смежных волостей, расположенных по рекам Ловати (немчиново-черпесская сторона) и Куньи мы сталкиваемся с локальной формой бытования особого вида хорового причитания, исполняемого группой «боярок»: ²⁵³ сочетание сольного исполнения причётного стиха с хоровой подводкой – вокализацией основного контура напева (своеобразная форма «вожжоканья» с огласовкой на «и-и-и»).

Пример 1²⁵⁴

♩=80
невеста:
И то - ка спа - си - ба вам, ма - (а) - и - та
девушки:
И...

²⁵³ «Боярками» в Псковской области называют подружек невесты.

²⁵⁴ «И тока спасибо вам, маи-та гордые ш(и) баярыньки...». Свадебное голошение с хоровой «подводкой» – «йканьем» (ловатской напев). Невеста причитает, а боярки «подводят» голосом – «йкают», когда ведут её из бани в дом. Локнянский р-н, д. Дрёпино. Исп.: Цветкова А. Г., 1914 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 09.07.1985. Запись выполнена методом наложения. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1761-25. Расш.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. «Обзор...». Т. 2. С. 107.

(а) гор - ды - и ш(и) ба - (а) - я - (а) - рынь - ки,
И... И...

што - (о) па - вы - мы - ли вы (ы) ми - ня

да бя - лы - м(ы) - бя - (а) - лё - (о) - шинь - ка.
И...

В то же время на локнянской стороне (верховья реки Локни с притоками) фиксируется самостоятельный мелодически распетый тип хорового причитания, варианты которого имеют широкое распространение по всей центрально-псковской зоне.

Пример 2²⁵⁵

$\text{♩} = 108$

О - х(ы)-ти, ня у - трен - ня - я ли
зо - рюш - ка раз - га - ра - ит - ца.

²⁵⁵ «Ох(ы)ти ня утренняя ли зорюшка разгайрайтца». Хоровое причитание с одновременным звучанием сольного причитания невесты (локнянский напев). Поют боярки утром в день венчания, сидя за столом, а невеста одновременно причитает. Локнянский р-н, д. Самолуково. Исп.: Емельянова О. Н., 1906 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 20.07.1986. Запись выполнена методом наложения. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2567-27. Расш.: Лобкова Г. В., Кузьмина Л. С. «Обзор...». Т. 2. С. 106–107. Именно с этим типом напева хорового причитания связан текст, записанный А. С. Пушкиным в Псковской губернии, но без указания точного места записи (см.: Литературное наследство. М., 1968. Т. 7: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. № 50. С. 210). *Примеч. сост.:* в примере 2 даётся только образец причитания подруг невесты; напев причитания невесты, звучащий одновременно, не приводится.

О - х(ы), ни раз - лу - ка ли жа ви - ка -
веш - не - я сна - ря - жа - ит - ца.

Сложная в типологическом отношении система опевальных и величальных (корильных) песен локнянско-ловатской традиции образует, с одной стороны, общее поле бытования группы напевов-формул, получивших распространение на обширной территории, включающей Локнянский, Великолукский, Куньинский районы Псковской области, а с другой стороны, выявляет черты музыкально-стилевого своеобразия этих напевов. В местной традиции они теряют ярко выраженную в вариантах из прилегающих с юга районов ритмическую упругость, декламационность. Здесь их отличительной чертой является мелодизация интонационно-ладовой основы напева, что тесно связывает локнянско-ловатскую традицию с новгородским музыкально-стилевым комплексом.

Пример 3²⁵⁶

♩=72
Не с - за ле - су тём - ны - ва,
с - за бя - ре - з(н) - я бе - ло - ва,
не с - за ле - су тём - на - ва ш(и),
с - за бя - ре - з(н) - я бе - ла - ва.

Об этом же свидетельствует и образно-поэтический строй, стилистика группы песен местного свадебного обряда («Ты река ли наша, реченька», «Вечер, вечер, вечериночки», «Сборы мои, сборы» и других), восходящих по

²⁵⁶ «Не с-за лесу тёмныва». Свадебная песня. Пели при встрече молодых после венчания. Новосокольнический р-н, д. Лиситки. Исп.: Соловьёва Е. И., 1902 г. р. Зап.: Лобкова Г. В. 11.07.1985. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1789-03. Расш.: Лобкова Г. В., Суханова И. В. «Обзор...». Т. 2. С. 132.

своим структурно-типологическим характеристикам к фольклорным традициям новгородского происхождения.²⁵⁷

Рассматривая комплекс свадебных песен местной традиции на уровне выявления более общих признаков, мы отчётливо наблюдаем на материале локнянско-ловатской традиции перекрещивание двух систем стихосложения – тонической и силлабической. Имея в виду, что устойчивая фиксация той или иной системы организации народно-песенного стиха будет указывать на связи местной фольклорной традиции с северно- или западнорусскими стилевыми зонами, мы непосредственно касаемся скрытых во времени этнокультурных процессов развития своеобразно местных форм народной традиционной культуры.

Предложенная в «Обзоре...» схема распространения местных традиций Псковской области, наряду с условностью их границ, носит предварительный, рабочий характер, является по существу итогом начального этапа систематизации фактического материала, которым располагает современная фольклористика. Поскольку на этом этапе работы решаются вопросы описания лишь наиболее характерных явлений традиционной культуры, прослеживаемых на территориях, отмеченных общностью сложившихся связей и тяготением к местным историко-культурным и административно-хозяйственным центрам, то становится очевидной и важной необходимостью полномасштабной работы и в других направлениях. Основными из них являются: сбор, изучение и публикация экспедиционных материалов по фольклору и этнографии отдельных районов, разработка самостоятельных проблем фольклористики на основе комплексного подхода к явлениям народной традиционной культуры. Именно фактологическая база, полевые материалы, их полнота и достоверность дают возможность объективного изучения и определения всех параметров местных фольклорных традиций. С учётом результатов этой работы более рельефной станет и «фольклорная карта» описываемых территорий, станут доступными научному объяснению факты и закономерности исторической жизни явлений фольклора.

Среди задач, касающихся общей характеристики и выявления опознавательных признаков той или иной местной фольклорной традиции, до сих пор остаётся проблемной задача определения структуры каждой данной традиции – содержания, форм, порядка соподчинённости и связей её системных элементов (художественные формы – тексты; виды фольклора – жанры – типологические группы; обрядовые циклы, комплексы – назначение, семантика, функции) в их современном состоянии и в формах, доступных научной реконструкции.

Показательны в этом отношении сложившиеся представления о так называемых «песенных» и «непесенных» районах. Хорошо известен тот факт, что очаговый характер бытования песенных жанров, формирование «песенных цен-

²⁵⁷ См.: «Обзор...». Т. 2. С. 127–135.

тров» — естественный процесс. Но, как показывает практика, классический ряд жанров песенного фольклора не всегда может быть полным и не всегда, в силу разных причин и обстоятельств, их роль в местной фольклорной традиции оказывается определяющей. Принципиально важным условием здесь является склад самой культурной традиции — природа и характер основных образующих традицию форм культуры в их видовом разнообразии, историко-стадиальной типологичности, функционально значимых проявлениях.

Так, в частности, на левобережье среднего течения реки Великой, в бассейне её притоков (рек Утрои, Лжи, Синей, низовий Иссы) — Красногородский и частично Опочецкий, Пыталовский, Островский районы, а также в пределах центрально-псковской зоны в целом мы встречаемся с очевидно непропорциональным соотношением песенных и других видов и жанров фольклора. При том, что на этой территории устойчиво фиксируются основные песенные типы обрядового фольклора (свадебного, календарно-обрядового циклов), их значение в местной культурной традиции резко снижается и ограничено событиями сугубо локального характера (индивидуального, группового, семейного), и они не приобретают необходимого масштаба явлений, консолидирующих общественно важные интересы. В качестве доминирующей и централизующей здесь выступает развитая система годовых, съезжих праздников, ярмарок, гуляний и связанных с ними видов и жанров фольклора, в первую очередь — инструментально- и песенно-хореографических, игровых, а также непесенных форм фольклора (сказки, былички, легенды, предания и так далее). Такое положение не обязательно связано с негативным влиянием внешних обстоятельств на степень сохранности отдельных форм, жанров или фольклорных традиций в целом, как это наблюдается в процессах, затронувших традиционную культуру России XX столетия. В основе сложившегося порядка вещей могут лежать и процессы закономерного, эволюционного характера. В данном случае обращают на себя внимание факты социально-экономической истории края (традиционно малоземельное частновладельческое хозяйство, культивация в конце XIX — начале XX века хуторской формы землепользования и, как следствие — рассредоточение сельских общин, трансформация системы культурной традиции).

Однако это обстоятельство — лишь одно из поясняющих причины и следствия возникновения сложившейся ситуации. Принципиальная сторона проблемы заключается в том, что в роли ведущих, устанавливающих общественно значимый смысл происходящих событий (праздники, ярмарки, гулянья, гостевые вечера, помочи и другие формы коллективных действий узкого или широкого круга общения), а потому — обязательных, необходимых в данной традиции, выступают художественные формы, относящиеся к непесенным видам и жанрам фольклора. Одновременно важно и то, что их основу составляют сохранившие до наших дней своё архетипическое значение художественно-выразительные комплексы, восходящие к исторически ранним, архаическим пластам восточнославянской и древнерусской культу-

ры. Архетипичность здесь отмечается уже на уровне проявления принципа синкретизма в согласовании средств и возможностей взаимосвязанных знаково-выразительных систем словесного, музыкального, хореографического, изобразительного рядов и может рассматриваться, к примеру, в нормативности тех или иных (в зависимости от содержания и назначения фольклорного текста) форм их соподчинённости. Здесь берут начало и безусловная, безоговорочная сила эмоционального воздействия, полисемантичность содержания и широкий функциональный спектр художественных форм, основанных на этом принципе. Свойствами архетипического (в ряду формульных элементов текста) обладает и структурно-типологическая сторона отдельных самостоятельных жанровых разновидностей рассматриваемой группы явлений фольклора. В этом отношении в местной фольклорной традиции, в частности, выделяется и привлекает особое внимание, о чём уже было сказано, сложно развитая система музыкально-хореографических форм, в качестве конструктивно значимых элементов которой мы отмечаем:

- мужские сольные и групповые пляски («ломанье») – ритуальное приурочение к активному силовому действию (демонстрационно-иницирующее, побудительное начало);

- женские групповые и сольные, обрядового происхождения пляски («кружка», «бочком») – ритуальный приставной шаг (ритмо-акцентный императив, усиленный «пришикиванием», «причикиванием», «подгáйкиванием») при движении «бочком» по кругу, в сольных вариантах – по развёрнутой в «восьмёрку» «спирали-меандру»;

- характерные (мужские и женские – сольные, парные, групповые) пляски «Камаринского», «Трепакá», «Русского / Барыня»;

- группа святочных песенно-хореографических форм орнаментального и игрового характера;

- праздничные массовые уличные шествия парами, группами (в рядах – «тынком») по замкнутому, вытянувшемуся вдоль улицы и образуемому противодвижение кругу.

Чрезвычайно важными элементами описываемой музыкально-хореографической традиции, указывающими на её архаическую природу, являются:

- система инструментальных наигрышей («под пляску» – «Трепакá» и другие, «на проходку» – «под песни», «под драку» – «Скобаря», «Горбатого», «Под ломанье»);

- самостоятельная в типологическом отношении, своеобразная по строению, нормам исполнения и функциям музыкально-поэтическая форма «припевок», имеющих императивно-кличевую направленность интонирования и входящих в качестве самостоятельного (по содержанию и средствам выражения) элемента в инструментально-хореографический комплекс;

- древнерусские (5-9 струн) гусли, приёмы игры на них (пальцы между парами струн – в одной позиции, «русская гусельная игра»); «гудошная» традиция игры на скрипке (см. примеры 4, 5).

Пример 4²⁵⁸

Устойчивым в местной традиции является включение музыкально-хореографических форм в систему посиделок, супрядок, святочных игр, обрядового ряженья.

Из сказанного следует, что наблюдая тот или иной выделенный круг явлений фольклора (самостоятельные фольклорно-этнографические комплексы, отдельные жанры, внутрижанровые, тематические или историко-типологические группы фольклорных текстов) с точки зрения особенностей содержания, назначения и функций каждой такой группы, мы обнаруживаем их важ-

²⁵⁸ «Псковская под песни». Наигрыш на гусях. Островский р-н, д. Пузыри. Исп.: Ильин А. И., 1903 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Шишкова О. В. 23.07.1984. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1606-07. Расш.: Мехнецов А. А. «Обзор...». Т. 1. С. 276. *Примеч. сост.:* В нотации лигами отмечена продолжительность звучания открытых струн.

ную роль в реализации смысловых доминант местной культурной традиции, а также положение, которое они занимают в качестве обязательных нормативных звеньев всего комплекса данной традиции. Структурная соподчинённость элементов, образующих собственную систему местной фольклорной традиции как таковой, обусловленность, «заданность» видовой и содержательной сторон фольклорного текста (художественной формы) контекстом этнокультурной традиции в целом, особенно значимая для исторически ранних форм фольклора позволяет судить о том, что именно закономерности такого типа системной связи служат основой сохранности, удержания в историческом времени конкретных фольклорно-этнографических комплексов, различных видов, жанров, других системно-типологических явлений фольклора, в том числе и относящихся к древнейшим, архаическим пластам традиционной культуры.

Этот вывод в полной мере согласуется с присущим фольклору общим свойством полистадиальности, с которым связаны и перспективы историко-типологического и сравнительно-типологического направлений исследования форм традиционной культуры.

Пример 5²⁵⁹

♩=140

скрипка

гусли

²⁵⁹ «Трепак». Наигрыш на гусли и скрипке. Красногородский р-н, пгт Красногородское. Исп. Баринава Т. И., 1914 г. р. (гусли), Тимофеев Н.Т., 1909 г. р. (скрипка). Зап.: Мехнецов А. М. 22.07.1984. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1605-09. Расш.: Полякова А. В. «Обзор...». Т. 1. С. 475.

Таким же характером и при тех же условиях отличаются фольклорные традиции и других районов центрально-псковской зоны – правобережье реки Великой (Пушкиногорский, Новоржевский, частично – Островский, прилегающие волости Порховского, Бежаницкого, Пустошкинского районов).

Своеобразие фольклорных традиций этой зоны раскрывается в развитой, активной в своих проявлениях области народно-поэтического творчества – сказки, былички, поверья, заговоры, загадки и другие жанры словесного фольклора, которые занимают место одного из центральных звеньев жанровой системы местной фольклорной традиции. Очевидно, что эта группа жанров, в силу типологической определённости их содержания, форм и средств выражения, относится к основному корпусу текстов, принадлежащих общерусскому фонду и образующих самостоятельный вид фольклора. Особая смысловая нагрузка, присущая поэтическим образам, сюжетным мотивам, специфичность назначения и функций художественных форм народной прозы в обрядово-магической практике и в традиционном обиходе, указывают на их изначальную связь с древнейшими представлениями и логикой ассоциативно-образного мышления. Так, вплоть до наших дней проявляются в своей изначальной сущности характерные черты мифопоэтического сознания, которое служило основой формотворчества в период становления архаических пластов фольклора, представляющего собой единственную на раннем историческом этапе универсальную художественно-эстетическую систему. И сегодня метафоричность, ёмкость поэтического обобщения и точность выражения, непосредственность эмоционально-образного восприятия и достоверность впечатления, действенность воображения задают алгоритм и направляют сознание в поисках нормативных реакций, установления необходимых связей, отношений человека с окружающим миром. Подтверждённые опытом сила воздействия и продуктивность выделенных прозаических жанров, структурно связанных с культурной традицией, объясняют их исключительную устойчивость и жизнеспособность.

Быть может, одно из самых ярких явлений истории русской народной музыкальной культуры, ставшее символом художественного дарования, выражением душевного строя и характера русского человека, его мироощущения, связано с *традицией гусельной игры*. Псковская область – заповедный край русских гуслей – сохранила в народных обычаях, в обязательности норм традиционной культуры первичный смысл, исходные типы музыкальных форм, приёмы игры и исполнительское мастерство, конструкцию и технологические характеристики русских гуслей.

В своё время А. С. Фаминцын отмечал: «...Ныне гусли в руках русского народа представляют весьма редкое, исключительное явление».²⁶⁰ Сто лет спустя, на методологической базе современной фольклористики были за-

²⁶⁰ [Фаминцын А. С.] Гусли: русский народный инструмент. Исторический очерк с многочисленными рисунками и нотными примерами А. С. Фаминцына. СПб., 1890. С. 75.

ново «открыты» и живая традиция гусельной игры, и система наигрышей, и формы бытования древнерусского инструмента.

Выше уже отмечалось место гусельной традиции в инструментально-хореографической культуре Псковской области. Здесь важно подчеркнуть, что именно гусли являются центральным системообразующим началом всего этого сложного комплекса. Гусли функционально связывают воедино хореографическую форму (пляска, шествие) с формой музыкальной (инструментальный наигрыш, припевки), организующей хореографическое движение.

В силу своих конструктивных особенностей, определяющих музыкальные свойства и способы игры, гусли стоят первыми в ряду музыкальных инструментов, обеспечивающих полноту синкретически целостного музыкально-хореографического события. Естественная, закономерная связь элементов фольклорно-этнографического текста традиционной пляски, шествия, которые сохраняют свой изначальный обрядовый характер, восходящий к глубинным пластам восточнославянской культуры, — объясняет и хронологическую, и этнокультурную принадлежность традиции русской гусельной игры, поскольку каждое явление фольклора всегда возникает во всей своей полноте, исчерпывающей его назначение.

Мы не предполагаем в нашем «Обзоре...» проводить подробный анализ и самой традиции гусельной игры, и истории русских крыловидных гуслей, рассчитывая на то, что наши краткие замечания снимают как научное заблуждение мнение некоторых исследователей об исторически позднем происхождении инструмента, его заимствовании русскими от финно-угорских и балтских народов. Такое могло бы означать, что вместе с гуслиями были восприняты и приёмы игры, и система наигрышей, и формы народной хореографии, а следовательно, и традиции празднично-обрядовой, ритуально-магической практики не только на Псковщине, но и на Новгородской земле, где гусельная традиция, типологически однородная псковской, бытует и сегодня в более архаическом виде.²⁶¹

В наибольшей степени обнаруживает свою принадлежность к исторически ранним пластам культуры, хранит признаки архаических форм фольклора *музыкально-поэтическая система обрядовой сферы народной традиционной*

²⁶¹ См. *Мехнецов А. М.* Русские гусли. Научно-методическое пособие с видеоприложением // Русская традиционная культура. Альманах. М.: Родникъ, 1998. — 24 с., видеокассета с этнографическими материалами. А также: *Соколов Ф. В.* Гусли звончатые. Сборник народных гусельных наигрышей. М., 1959; *Лобкова Г. В.* Гусельная игра Древней Руси // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция. Сб. науч. ст. Л., 1985. С. 90–101.

Примеч. сост.: К настоящему времени (2013 год) вышли из печати: *Мехнецов А. М.* Русские гусли // Гусли — русский народный музыкальный инструмент...; *Мехнецов А. М.* Русские гусли и гусельная игра: Исследование и материалы...; *Мехнецов А. М.* Русские традиционные наигрыши на гуслиях...; *Мехнецов А. М.* Русские гусли в собрании Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории...; *Мехнецов А. М.* Русская гусельная традиция...; *Мехнецов А. М.* Гусли // Музыкальные инструменты. Энциклопедия... (см. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*).

культуры Псковской области. Круг самостоятельных в структурно-типологическом отношении фольклорных текстов, разнообразных по назначению, функциям, месту и времени приуроченности, строго согласованных по содержанию с определённым обрядовым действием, складывается в силу объективной необходимости удержания и передачи смысловой основы жизненно значимых моментов практической деятельности, закрепившихся в культурной традиции в положении обрядовых. Сама логика возникновения обряда, его ритуальной формы («представления, понятия» — «обряд-ритуал») предполагает важнейшим условием достижения ожидаемого результата целенаправленных, особым образом организованных усилий — опору на доступную (распознаваемую, «читаемую»), практически эффективную систему знаково-выразительных (языковых) средств преобразования и фиксации исходно мыслимой основы обряда. Собственно событийный, обрядовый статус совершаемого действия, выделенного из ряда обычных, повседневных (профанных) определяется многоуровневой системой маркировки смыслов и значений, в которой первостепенную роль играют средства и способы выражения, обладающие особой силой воздействия — средства художественного.

В обрядовом фольклоре художественная форма в совокупности специфических средств языка художественного выражения образует предельно насыщенное, эмоционально окрашенное информационно-энергетическое поле, соответствующее смысловому контуру того или иного обрядового действия, и является структурной единицей системы обряда.

Вместе с тем, в контексте обрядовой ситуации художественная форма, непосредственно связанная с тем или иным из необходимых планов содержания, соотносится с другими элементами системы кодировки смысловых начал совершаемого обрядового действия. Принципиально важно здесь то, что основу каждого ряда специфических средств и форм передачи, восприятия и закрепления информации составляет образно-смысловая сущность сообщения. Именно мыслимое содержание происходящего события, преломляемое в художественных образах, и языковой характер различных по своей природе знаковых систем, оказываются стержневой составляющей — тем вектором, который непосредственно сводит данное обрядовое событие и художественную форму (как структурообразующий элемент обряда) с исходными, порождающими его причинами.

На этой основе реализуется в естественных пределах самостоятельных единиц структурного членения обряда совокупность смыслонесущих элементов (в том числе — относящихся к сфере материальной культуры) в целостном явлении текстового порядка, которое мы и рассматриваем как фольклорно-этнографический текст.

Следовательно, и самый общий план группировки и описания явлений обрядового фольклора выстраивается с учётом целевых установок, содержания и специфики конкретных обрядовых действий, а также функциональной

соотнесённости художественных форм с характером и структурой основных обрядовых циклов, среди которых мы отмечаем:

- цикл аграрных и других хозяйственно-производственных обрядов;
- система общих годовых и местных традиционных праздников, памятных событий;
- цикл семейных обрядов – свадебный, родильно-крестильный, похоронно-поминальные и другие обряды.

Соответственно, специальные аспекты наблюдения, показывающие внутрисистемные уровни связей и обусловленности форм обрядового фольклора, охватывают:

- содержание, форму и назначение фольклорно-этнографического текста в связи с конкретной обрядовой ситуацией (например: свадебные, похоронные и другие причитания-голошения, песни-жалобы, окликания, группы текстов благопожеланий, величаний, припевки и так далее);
- структурно-типологические особенности художественной формы, характер смысловой нагрузки и функциональности системы средств выразительности (в том числе – форм сложно образованных, смешанных видов – словесно-музыкально-хореографических и других) в определённом обрядовом контексте.

Наблюдения такого плана позволяют установить прямые, непосредственные или косвенные (детализирующие, дополняющие) связи художественной формы с основным содержанием происходящего события, а также фиксируют другие (вспомогательные, производные) уровни содержания самого обряда. Одновременно, вместе с особенностями морфологии фольклорно-этнографического текста раскрывается чрезвычайно тонкая, гибкая, возникающая на основе подвижной иерархической соподчинённости сфера взаимодействия различных по природе языковых систем – основных смысло-выразительных элементов художественной формы.

В рамках поставленных в «Обзоре...» задач, предполагающих описание всего фонда экспедиционных материалов по Псковской области, эта проблема решается в самом общем виде – без привлечения данных специального исследования. Тем не менее, включение в «Обзор...» сведений, касающихся содержания, назначения, обстоятельств бытования и функций форм обрядового фольклора, а также представление основных типологически значимых образцов дают возможность проследить роль отдельных языковых комплексов, выразительных средств и приёмов формообразования фольклорных текстов в контексте той или иной группы обрядов.

Развитая система обрядов календарно-земледельческого круга, включающая широкий диапазон художественных форм, в которых находит выражение образно-смысловое начало отдельных сторон содержания конкретных обрядовых событий, во многих отношениях определяет и структуру, и характер местных традиций народной культуры Псковской области в целом. Не останавливаясь здесь на характеристике всех образующих эту систему обрядов,

отметим наиболее важные сведения, полученные в ходе экспедиционных исследований.

Среди явлений, привлекающих особое внимание своеобразием художественных форм, выделяются структурно значимые моменты весенне-летнего периода, в которых с особой силой осуществляются смыслополагающие доминанты обрядового контура каждого из эпизодов самого продуктивного этапа жизни русского земледельца:

- весенние (масленичные, пасхальные) песенно-хореографические формы обрядовых шествий – обозерская (псково-печорская, гдовская) традиция, сохранившая до недавнего времени (на памяти старожилов – участников обрядовых шествий) древнеславянские обычаи ритуального обхода, связанного с культом предков, обереговой и продуцирующей магией, предполагающей благополучие рода, племени, общины – *ранний пласт лирических и хороводных песен балладного характера, исполняемых с движением «на проход», «тынком»;*

Пример 6²⁶²

6.А - ой, па ружь - ю-та взя-ли да пад раз - бой па-шли,
лю - ли да
ай, лю - ли, лю - ли да пад раз - бой па-шли.

- цикл сложно организованных («слово – действие – предметный ряд – пространственно-временные обстоятельства») заговорно-обрядовых форм Страстной недели (Великий или «Чистый» четверг) – *повсеместно распространённые сакральные формы обеспечения ожидаемых позитивных результатов в жизненно важных сторонах и видах персональной практической деятельности (здоровье, богатство, успех...)* – заговоры, зовы, выкрики;

- весенне-обрядовое возжигание костров, дифференцированное в местных псковских традициях в связи с поворотными датами крестьянского календаря (Масленица, Пасха, Иванов день);

- пасхальные обходы дворов («волочёбники») – *ритуальное воздаяние, жертвование – разделение достатка, благопожелания (выкрики, скандирование кратких поэтических формул)*; в южных и центральных районах Псковской области – *специфические песенные формы – «волочёбные»;*

²⁶² «Эй, как на моречке, на маряночки...». Весенний хоровод (балладный сюжет). Пасхальная, «христовская». «Качались на зыбке». Водили хоровод у качелей. Печорский р-н, д. Замошье. Исп.: Горюнова А. В., 1903 г. р., Хлусова Т. А., 1897 г. р. Зап.: Теплова И. Б. 30.06.1981. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1178-09. Расш.: Теплова И. Б. «Обзор...». Т. 1. С. 268–269.

Пример 7²⁶³

$\text{♩} = 140-156$

Во - ла - чи - ли - се ва - ла - чёб - нич - ки,
Хрис - тос вас - крёс, Сы - не Бо - же!

• обряды первого выгона скота (Егорьев день) – продуцирующая магия сезонной смены вегетативного периода и характера трудовой деятельности, связанной с животноводством – *акциональная сторона «пастушеских» обрядов, заговоры, песни-заклинания, система сигнальных наигрышей на рожках (жалейках), деревянных трубах;*

• «родительские» поминальные обряды, окликанья-жалобы («голошения»-причитания) на кукушку, заклинания сил природы – культ предков, постижение пограничных состояний и логики отношений мира живых и мира мёртвых – *распространённые на весь весенне-летний период (до Петрова дня) полевые причитания, песни-жалобы;*

Пример 8²⁶⁴

$\text{♩} = 100$

При - ля - ти - ко, си - зы - я ку - кушеч-ка,
На е - ту ку - д(ы) - ря - вы - ю бя - рё - зуш-ку,
и ка м(ы) - не, го - р(и) - ку - й(и) си - ро - туш - ке.

²⁶³ «Волачилисе валачёбнички». Волочёбная песня. Невельский р-н, д. Борисково. Исп.: Позднякова У. В., 1913 г. р., Позднякова Е. В., 1924 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 28.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1953-10. Расш.: Вальевская Е. А. «Обзор...». Т. 2. С. 372.

²⁶⁴ «Приляти-ко, сизыя кукушечка». Голошение на кукушку. Причитают в поле, на могилке, можно причитать дома (в саду). Опочецкий р-н, д. Авсейково. Исп.: Ларионова Д. М., 1909 г. р. Зап.: Шишкова О. В. 24.01.1987. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2168-01. Расш.: Полякова А. В. «Обзор...». Т. 1. С. 550.

И рас-с(ы)-пра - си ты, си - зы - я ку - ку-щец-ка,
И ка-к(ы) га - рю - ю жи) я вя - ли - кы - ё го-рюш-ко.

– «иванские», «купальские» обряды (культ солнца, лес – поле – река), колдовство – специфические образно-тематические, сюжетные группы песен, поверья, обычаи, акциональная сторона иванских обрядов, очистительная, охранительная магия, костры;

Пример 9²⁶⁵

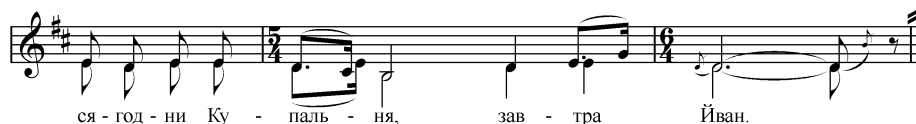
Де Марь - я ха - ди - ла,
там жи - та ра - ди - ло.
Де Вань - ка ку - паў - сё,
бе - рег ка - лу - хаў - сё.

Пример 10²⁶⁶

Ся - год - ни Ку - паль - ня, зав - тра Йван,

²⁶⁵ «Де Марья хадил...». Купальская песня. Себежский р-н, д. Дашково. Исп.: Петухова У. Н., 1912 г. р., Тропчонок А. Н., 1915 г. р., Солодкова П. С., 1922 г. р. Зап.: Теплова И. Б. 07.07.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2072-09. Расш.: Лобкова Г. В. «Обзор...». Т. 2. С. 518.

²⁶⁶ «Сягодни Купальня, завтра Йван». Купальская песня. Невельский р-н, д. Кошелёво. Исп.: Цыганкова Е. М., 1915 г. р., Клементёнок В. П., 1913 г. р., Ткачёва А. Т., 1923 г. р., Прядкина А. С., 1923 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 07.07.1985. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1761-03. Расш.: Лобкова Г. В. «Обзор...». Т. 2. С. 375.

• коллективные («общинные») полевые работы — «помочи», «толоки» («навозные», «пожинные» и другие) — взаимные создающие коллективные усилия, благодарные отношения; благопожелания, магическое воздействие на достижение успеха — *тематические циклы музыкально-поэтических форм, непосредственно связанных с пожинными обрядами, фиксацией пространственно-временных границ (поле — дом, своё — чужое, дорога — отчуждение), окликание «родителей», культ хлеба («спора»), празднично-обрядовые формы, припевания пар (тема «молодец — девушка»).*

Пример 11²⁶⁷

(И) по - ра - по - ра да - мой ит - ти,
по - ра - по - ра да - мой ит - ти,
па - ти - ря - ла за - ря клю - чи.

Пример 12²⁶⁸

Ай, жне - и ма - и, жне - и,
жне - и да - ра - ги - и,

²⁶⁷ «(И) пора-пора дамой итти». Живная песня. Себежский р-н, д. Горелово. Исп.: Шабловская К. К., 1902 г. р., Шабловская Р. Г., 1926 г. р., Половко Е. П., 1927 г. р. Зап.: Неудачина Е. А. 11.07.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2025-21. Расш.: Мехнецов А. М. «Обзор...». Т. 2. С. 522.

²⁶⁸ «Ай, жнеи маи, жнеи». Живная песня. Исполняется на жатве. Великолукский р-н, д. Никулино. Исп.: Лесникова Н. М., 1906 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 30.01.1985. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1696-01. Расш.: Мехнецов А. М. «Обзор...». Т. 2. С. 225.

Материалы «Обзора...» позволяют судить и о динамике соотношения, подвижности структурообразующих элементов системы каждого из обрядовых комплексов в широких пределах их бытования на территории Псковской области. В частности, последовательное описание местных обычаев псковской Масленицы показывает важную роль элементов масленичной обрядности, имеющих общерусское распространение:

- разнообразные формы катаний (на конях, с гор на санях, «ледянках» — «на долгий лён»), качаний на «зыбках»;
- празднично-ритуальные шествия, процессии, ряженье, ритуальные «бесчинства»;
- ритуальные огни (жгут костры, соломенные чучела, пуки соломы, венки, «отопки» на жердях, колёса, «мазницы» и тому подобное);
- празднично-обрядовые формы семейных, общинных, групповых связей и отношений — поминальный стол (блины, кутья), обрядово-игровые действия с участием молодожёнов и оставшихся холостыми в этом сезоне парней и девушек (катание молодожёнов, «тёщины блины», «шелуга»); последние перед Великим постом супрядки, братчины-застолья («кирмаши», «брыксы», «Овласий»), гулянья («вечера»).

Их распространённость даёт основание предполагать некую условную модель специфически масленичной обрядовой системы. Однако номенклатура, порядок и формы бытования, обязательность отдельных компонентов системы в местных культурных традициях значительно различаются, что придаёт местным формам масленичной обрядности своеобразный характер и прямо указывает на подвижность, эволюционную динамику структурных элементов обряда. Устойчивой и неизменной остаётся семантика различных по форме, но общих по смысловой направленности обрядовых действий.

Смысловой ряд ведущих элементов масленичного обрядового цикла можно представить в следующем виде:

- продуцирующая магия аграрного цикла, осознаваемая непосредственно («на долгий лён») и как символ жизнедающего импульса, устремлённого, направленного движения — начало «новой жизни» (разнообразные формы катаний);
- культ предков, умноженная в совместном действии сила обращения к «родителям» — покровителям рода с надеждой на ответное воспомоществование (шествия, процессии — «жизненный путь», «окликания»-жалобы, пожелания-императив);
- отношения с «иным миром», мифическими персонажами-образами («Масленица», ряженые, ритуальные бесчинства, сюжеты и образы, относящиеся к сфере «смеховой» культуры);

- символы сущности огненной стихии – возрождение («передача – восприятие») жизненных сил, энергии в преодолении, «умирании» старого, ветхого; очистительная сила (ритуальные огни, костры);

- круг жизни, продолжение рода (поминальные, брачные мотивы и символы), подтверждение совместной приверженности нормам жизненного порядка и восстановление этих норм, обеспечение продуктивности намерений в достижении общего блага (праздничные формы, застолья, гулянья и прочее).

Именно с манифестацией этого уровня содержания связана вся сфера масленично-обрядового цикла и, в первую очередь – музыкально-поэтические и музыкально-хореографические формы, обладающие ярко выраженной публично-демонстративной функцией, предельной степенью обобщения и концентрации необходимой смысловой нагрузки. Естественно, что своеобразие системы художественных форм в обрядовом комплексе отдельных местных традиций, обусловленное преобладанием одних и отсутствием других элементов условной модели псковской Масленицы, подчёркивает значение той или иной характерной для данной традиции стороны семантического спектра.

Показательным в этом плане может быть сопоставление круга песен, относящихся к специфически масленичной обрядности юго-восточных и северо-западных районов области. Основные темы, образы, сюжетные мотивы песен, непосредственно фиксирующие обрядово значимые моменты масленичного периода в Невельском, Великолукском, Куньинском, Локнянском районах и на примыкающих к ним территориях, выделяют аграрно-производящий смысл и мифологический аспект событийной стороны обрядового цикла (встреча / проводы Масленицы, масленичная горка), отношения «старое – новое» (девушки – молодницы – старушки), брачных мотивов («своя – чужая сторона», «хмель», «травя-повилица», река «слезовая – медовая»). Особо значительной здесь является и роль напева-формулы, получившего распространение на огромной территории, включающей, кроме отмеченных районов, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую области и псковско-белорусское пограничье (см. пример 13).

В свою очередь, ведущим элементом смыслового ряда масленичного комплекса в районах Псково-Чудского Обозерья выступает тема поминовения, окликанья «родителей», обращения к ним. Получившие воплощение в песнях-жалобах, в песнях балладного содержания образы горя-печали, судьбы, невозвратности пути, расставания воспринимаются как коллективно выраженное сообщение, как общее, совместное высказывание-действие с намерением быть услышанным – знак свершения желаемого. Магически направленный характер эти песни приобретают и в связи с особенностями их музыкального строя (структурные и стилевые характеристики музыкально-поэтических форм), приуроченности (по месту и времени), формы и способов исполнения («уличное» звучание, хореография ритуального шествия, пение на возвышенностях).

Пример 13²⁶⁹

И - о, пта - шеч - ка па - ля - ва - я,
па - ля - ва - я, лё - ли, па - ля - ва - я.

Точно так же отчётливо, но уже повсеместно проявляется соединяющее начало, идея сопричастности, а следовательно — важная в контексте масленичной обрядности функция празднично-обрядовых форм выражения жизненно важных интересов общины («гостевые» столы, «складчины», гулянья, «вечера») и, вместе с тем, связанных с ними музыкально-хореографических, игровых, изобразительных видов фольклора. Различия здесь прослеживаются лишь в особенностях характера и роли в системе местной культурной традиции отдельных структурных элементов обряда.

Исключительно важной стороной народной культуры Псковской области является *традиция плачей (причитаний, «голошений»)*, характерные признаки которой сосредоточены не только в специфической художественной форме собственно причитаний как жанрово определённой группы музыкально-поэтических текстов, связанных с обрядами отчуждения (похороны, свадьба, проводы). Элементы образно-содержательного, языково-выразительного порядка, закономерности плачево-повествовательного высказывания охватывают широкий круг функционально самостоятельных явлений песенной культуры Псковской области. Более того, присущие причитаниям мотивы окликания, обращения-императива, диалога, обрядово значимой риторики проявляются как структурный компонент содержания, формы, стиля песен разных жанров обрядового фольклора. Эти наблюдения согласуются с выводами Ф. А. Рубцова относительно «плачевой» интонации как одного из генеральных типов интонирования.²⁷⁰

Ярким признаком псковских традиций плачевой культуры является сложно развитая структура жанра причитаний, которую образуют не только строго регламентированные ритуальные (похоронные, поминальные, свадебные), но и окказиональные формы причитаний-«голошений», фиксирующие в конкретных состояниях-ситуациях необходимость особого, обрядо-

²⁶⁹ «И-о, пташечка палявая». Масленичная песня. Великолукский р-н, д. Ямно. Исп.: Лебедева Н. С., 1907 г. р., Лебедева М. С., 1911 г. р., Чистова Т. Е., 1923 г. р., Солохова Е. А., 1922 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 06.02.1985. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1708-19. Расш.: Лобкова Г. В., Суханова И. В. «Обзор...». Т. 2. С. 51. См. «Обзор...», разделы: «Образцы напевов и текстов календарно-обрядовых песен и припевок» Т. 2. С. 51, 221, 371–372.

²⁷⁰ Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964. С. 20.

во осмысленного выражения-сообщения: «голошения на кукушку», полевые «голошения» на солнце, ветер, птиц, на расставание-проводы. При этом, с точки зрения типологии музыкально-поэтических форм и видов обрядового произнесения текста, местные традиции отличаются своеобразием и самого строя причётного цикла, и стилистики причитаний.

Общий ряд псковских причитаний складывается на основе самостоятельных в композиционном отношении типов сольной (индивидуальной) формы произнесения причётного текста, в которых находят воплощение музыкально-диалектные особенности местных традиций. По экспедиционным материалам можно судить о широком распространении на большей части территории Псковской области (северные, центральные, восточные районы) форм причитаний со стиховой или тирадной организацией музыкально-поэтического периода и декламационно-повествовательным («сказительским») характером интонирования (см. пример 14). Однако в южных районах мы встречаемся с ярко выраженной «кличевой» манерой произнесения (собственно «голошением»), особенности которой находят воплощение в своеобразии интонационно-ладовой и темброво-тесситурной сторон причёта (см. пример 15).

Пример 14²⁷¹

Музыкальный пример 14: мелодия в G-мажоре, 4/4 такт, темп = 152 уд./мин. Мелодия состоит из двух строк. Под первой строкой мелодии приведены следующие слова: Да ро - зай - ди - ти - ся да вы, лю - ди доб - ры - и, да дай - тя мне прай - ти - та по е - тай го - рён - ки.

Пример 15²⁷²

Музыкальный пример 15: мелодия в G-мажоре, 4/4 такт, темп = 110–140 уд./мин. Мелодия состоит из двух строк. Под первой строкой мелодии приведены следующие слова: Де - тач - ка ма - я раз - ми... (и) - лё - шинь - кы - я! И в ка - ку - ю ты у путь, путь - да... (а) - ро... [жечку]

²⁷¹ «Да розайдитися да вы, люди добры...». Причитание невесты. Гдовский р-н, д. Желча. Исп.: Петрова А. К., 1913 г. р. Зап.: Мехнецов А. А. 31.01.1991. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 3133-38. Расш.: Махова Л. П. «Обзор...». Т. 1. С. 126.

²⁷² «Детачка мая размилёшинькыя!». Похоронное причитание. Куньинский р-н, д. Ямище. Исп.: Круглова О. Я., 1910 г. р. Зап.: Валевская Е. А. 12.07.1988. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2405-42. Расш.: Толстикова Ю. Ю., Королькова И. В. «Обзор...». Т. 2. С. 298–299.

так ско - ра - ска... (а) - рё - хынь - ка?

И та - ке - й(и) жа... (а) ты мы - ла... (а) - дё - шинь - кий,

и рыз - дя... (а) - тё - ны - чик.

Што ат - тап - та... (а)л же сва - и ско - ры - и но - жень - ки,

и мы - я... (а) ди - ти - т(ы) - ка.

Другой важной составляющей комплекса причитаний на Псковщине являются так называемые «хоровые» причитания — исполняемая в определённой обрядовой ситуации от лица ритуально выделенного «коллективного персонажа» песенная форма причётного текста.

Универсальность исходных значений «плачевой» интонации и структурно развитая система свадебного обряда в большой мере обусловили многообразие местных форм именно свадебного цикла хоровой причети.

Вместе с причитаниями, условно выражаясь, «классического» строя, связанного с организующей ролью метроритмики тонического стиха в процессе формообразования хоровых причитаний, важное место в псковской причётной традиции занимают уже отмеченные выше формы хоровой вокализации («вожоканье»).

«Голосовая подводка» как вид коллективного интонирования без слов основного мелодического контура напева (на гласные — «о-о-о...», «и-и-и...») служит не только фактурным элементом музыкально-поэтической формы причитаний и свадебных опевальных, жнивных песен-окликаний, святочных и «толочанских» песен-припеваний пары, хороводных песен. Средствами вокализации — собственно музыкального события — выявляется смысловая сторона обрядового текста. Это обстоятельство, а также особенности бытования причётно-песенных форм с огласовкой-«вожоканьем», специфические функции, роли, характер участия присутствующих в реализации обрядовой ситуации исполнителей (например — соотношение ролей и функций ведущего, «корифея», произносящего содержательную часть поэтического текста, и «хора», возглашающего, утверждающего «мнение», коллективную волю)

Пример 16²⁷³

♩=33

...3.И што па - да-й(и) - ди - ко, на-дя-ли, су - дарь мой

род - ный па - пень-ка.

О - о - о.

Пример 17²⁷⁴

♩=132

(Одна) Ой! Ха - роб - ный дру - жень - ка, на - ша вер - на

(Все) О...
слу - жень - ка.

(Одна) Ой! Вазь - ми - ка, дру - жень - ка, шил - ка - ву - ю

(Все) О...
плё - точ - ку.

²⁷³ «И што ня рано вы все сабрались-послятелись...» Хоровое причитание с голосовой «подводкой». «Када пасадят маладуху за стол и начинают... сабяретца народ, надялять начинают... <...> Тада спасиба дають, послы зтыва. Што спасиба всим, што надяляли». <...> Всю ейную жись причитають тада баярки, эта плачуть, крычать вси. Наверна, никаво не пригаваривая, а плаче, крычить всё завярнувши, платом акинувши и плача». Опочецкий р-н, д. Жгуново. Исп.: Дмитриева Е. Д., 1907 г. р. Зап.: Шишкова О. В. 07.08.1987. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2299-11. Расш.: Полякова А. В. «Обзор...». Т. 1. С. 516. См., например: «Обзор...». Т. 1. С. 516–518.

²⁷⁴ «Ой! Харобрый друженька». Свадебная песня с голосовой «подводкой». Печорский р-н, д. Папушево. Исп.: Иркутская А. Т., 1912 г. р., Германцева Е. В., 1923 г. р., Горбунова Е. Я., 1919 г. р., Скобелева Е. Я., 1923 г. р., Плюшкина Е. Д., 1918 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 23.02.1984. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1575-12. Расш.: Мехнецова К. А. «Обзор...». Т. 1. С. 319.

Пример 18²⁷⁵

(Одна) Ой, ха-ро-шей мо-ла-дец у нас И-ван Гри-

(Вторая) Э... горь-е-вич! (Все) О...

...Э ...Э

указывает на обрядово-магическую сущность происходящего, на особое значение художественной формы и свидетельствует о сохранности до наших дней следов исторически раннего пласта обрядово-плачевой культуры. Широкое распространение на территории Псковской области такой формы исполнения ставит её в ряд опознавательных признаков местных музыкальных традиций.

Однако для Псковской области значение причётно-плачевого комплекса имеет принципиально более общий характер. Именно с выявлением особенностей причитаний связаны и поиски решения проблемы «эпического» в псковской народно-песенной культуре. Суть её состоит в том, что эстетика, образно-тематическое содержание, язык и стиль эпоса не являются признаками ограниченной лишь узко жанровыми пределами определённой группы текстов (в частности – былин), а принадлежат эпохам культуры, этапам её историко-стадиального развития, поскольку в свойствах эпического находит выражение вся художественно-философская система эпоса в данный период его исторической жизни, особенности его мироощущения и миропонимания. То обстоятельство, что в том или ином регионе расселения восточных славян фольклористами-собираемыми не зафиксированы, например, тексты, относящиеся к героическому эпосу, не является аргументом, отрицающим проявление иных форм эпического на этой территории. Если учесть при этом, что, например, типологически определённые интонационно-ритмические формы (трёхакцентный тонический стих, слогоритмика повествовательного, «сказительского» склада), композиционные особенности (стих – тирада – строфа),

²⁷⁵ «Ой, хорошей моладец...». Толочная припевка. Палкинский р-н, д. Луг. Исп.: Листова З. М., 1925 г. р., Фролова О. Г., 1916 г. р. Зап.: Мехнецов А. М. 31.01.1983. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1393-60. Расш.: Мехнецов А. М. «Обзор...». Т. 1. С. 263.

ряд образно-поэтических параллелей (принципы метафоры) устанавливают близость структурно-семиотических систем эпоса и других жанровых групп фольклора (в частности, причитаний), то логичным будет предположение о принадлежности всего комплекса однотипных явлений фольклора к общему историко-культурному этапу их формирования.

Пример 19²⁷⁶

Са - би - ра - ли - се (да) ца - ри - ко - ро - ли,
са - би - ра - ли - се (да) ца - ри - ко - ро - ли.

Пример 20²⁷⁷

...3. Сы - би - ра - ли - ся в бя - се - ду жё - ны до - бры - и,
сы - би - ра - ли - ся в бя - се - ду жё - ны до - бры - и.

Не затрагивая здесь вопросов, связанных с оценкой полноты содержания псковских фольклорных традиций с точки зрения их жанрового состава, отметим, что структура каждой фольклорной традиции всегда полностью обеспечивает жизненно необходимый, востребованный практической целесообразностью ряд отношений «человек — мир стихий, сил природы», «человек — высшие силы и потусторонний мир», «человек — общество».

Собрание экспедиционных материалов Фольклорно-этнографического центра — результат многолетней работы — даёт целостную, достаточно подробную картину бытования фольклорных традиций Псковской области

²⁷⁶ «Сабиралисе да цари-короли». Духовный стих. Невельский р-н, д. Борисково. Исп.: Позднякова У. В., 1913 г. р., Позднякова Е. В., 1924 г. р. Зап.: Зап.: Мехнецов А. М. 28.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1953-17. Расш.: Теплова И. Б., Лабазанова О. В. «Обзор...». Т. 2. С. 453.

²⁷⁷ «Нам ни нада гарелка, пива пьяныя». Лирическая песня. Великолукский р-н, д. Никулино. Исп.: Зуева Л. В., 1029 г. р., Лесникова Н. М., 1906 г. р. Сербулина В. Т., 1899 г. р. Зап.: Рылова М. В. 28.01.1985. Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 1754-56. Расш.: Королькова И. В., Толстикова Ю. Ю. «Обзор...». Т. 2. С. 303–304. *Примеч. сост.*: Приводится подтекстовка третьей строфы.

не только во временном срезе конца XX века, но, в силу глубины народной памяти, адресует нас к исходным пластам традиционной культуры восточных славян. Об этом можно судить хотя бы по тому, что современные фольклорные записи почти дословно воспроизводят тексты псковских песен и комментарии к ним, зафиксированные в 1823–1825 годах А. С. Пушкиным. Здесь мы непосредственно сталкиваемся с удивительной жизненной силой народных традиций и безупречностью коллективной памяти самих носителей этих традиций.

Экспедиционные материалы по фольклору и этнографии являются исключительно ценным историко-культурным достоянием и представляются важным источником сведений, которые могут быть положены в основу культурной политики и стратегии восстановления традиций духовной культуры России.

Авторы «Обзора...», участники экспедиций благодарны жителям псковских деревень, сохранившим до наших дней бесценные свидетельства истории народной культуры и оказавшим искреннюю бескорыстную помощь в нашей экспедиционной работе.²⁷⁸

Неоценимую помощь и поддержку на протяжении всех лет полевых исследований на Псковской земле предоставляли нам руководство и творческий актив Комитета по культуре и Центра народного творчества, а также работники районных и сельских администраций, отделов, домов культуры. От имени авторского коллектива выражаем всем сердечную признательность и глубокую благодарность.

Список основных публикаций по фольклору Псковской области²⁷⁹

В ряду основных публикаций материалов по фольклору Псковской области важное место занимают следующие:

Гдовская старина. Русские народные песни и наигрыши Гдовского района / Сост. Н. Л. Котикова. Л., 1962. — 94 с.: нот.

Историко-этнографические очерки Псковского края. Монография / Под ред. А. В. Гадло. Псков, 1998. — 315 с.

²⁷⁸ *Примеч. сост.:* В работе над «Обзором...», кроме авторов разделов, принимали участие сотрудники Фольклорно-этнографического центра, студенты Консерватории (соавторство, нотация, расшифровка, компьютерный набор нот): А. А. Мехнецов, Л. П. Махова, Е. А. Пархонова, И. В. Суханова, Е. С. Редькова, Е. Л. Попок, Ю. Ю. Толстикова, С. В. Булкин, стажёры ФЭЦ Л. С. Кузьмина, О. В. Лабазанова. В расшифровке текстов принимали также участие студенты Консерватории И. А. Голышева, Л. Н. Сухова, К. В. Сысоева, Н. В. Зотова, О. И. Москвина, Я. Б. Козлова, О. В. Григорьева, Н. А. Фокина. В работе использовались расшифровки и материалы систематизации, подготовленные И. А. Кузнецовой, Е. И. Мельник (Якубовской), О. В. Шишковой (Смирновой), И. П. Никитиной, Г. А. Дорджиевой, Н. Б. Игнатъевой и другими.

²⁷⁹ *Примеч. сост.:* Список приводится по тексту примечания 1 к Введению. См.: «Обзор...». Т. 1. С. 22.

Копаневич И. К. Народные песни, собранные и записанные в Псковской губернии // Труды Псковского Археологического Общества. Псков, 1906. Вып. 1. С. 1–109; Псков, 1912. Вып. 8. С. 137–189.

[*Копаневич И. К.*] Заговоры. Сообщил И. К. Копаневич // Труды Псковского Археологического Общества за 1907–1908 гг. Псков, 1909. Вып. 5. С. 138–141.

Копаневич И. К. Частушки – народные припевки, собранные и записанные в Псковской губернии. Псков, 1904.

[*Копаневич И. К.*] Частушки – народные припевки, собранные и записанные в Псковской губернии И. К. Копаневичем // Труды Псковского Археологического Общества за 1903–1904 гг. Псков, 1905. Вып. 3. С. 1–83.

Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области / Под общей ред. С. В. Аксюка. М.: Музыка, 1966. – 371 с.: нот.

Макашина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М.: Наука, 1979. – 159 с.

Николаев П. Песни, поговорки, пословицы и проч., записанные во Псковской губернии // Труды Псковского Археологического Общества за 1911–1912 гг. Псков, 1913. Вып. 8. С. 189–206.

Псковские песни / Сост. Н. Л. Котикова; Муз. ред. Ф. А. Рубцов. Псков: Изд-во газеты «Псковская правда», 1958. – 76 с.: нот.

Пушкин А. С. Записи народных сказок и песен // Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. 17 (дополнительный): Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 359–433.

Себежские песни, напетые Надеждой Филипповной Кортенко / Сост., зап., нот. Т. Г. Знаменской. Общ. ред., предисл, примеч. Ф. А. Рубцова. Л.; М., 1970. – 36 с.: нот.

Соколов Ф. В. Гусли звончатые. Сборник народных гусельных наигрышей / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1959. – 150 с.: нот.

Традиционная музыка русского Поозерья / Сост. Е. Н. Разумовская. СПб., 1998. – 240 с.: нот.

Фридрих И. Д. Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор / Сост. И. Д. Фридрих. Рига, 1972. – 486 с.: нот.

[*Фридрих И. Д.*] Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1: Песни детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры и духовные стихи и др. / Собраны И. Д. Фридрихом. Под ред. профессора Латвийского ун-та П. Шмита. Фонограф. записи мелодий на ноты переложены М. Гривским. Рига, 1936. – 527 с.: нот.

Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведённые в порядок П. В. Шейном. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1898. С. 1–376. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 377–833.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведённые в порядок П. В. Шейном.

Т. 1. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах, обрядовых песнях, поверьях и суевериях. СПб., 1890. – 708 с., нот.

Mahler E. Altrussische Volkslieder aus den Pečoryland. Basel, 1951: нот., илл.

**Публикации на основе материалов экспедиций
Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова
и Фольклорно-этнографического центра²⁸⁰**

Сборники материалов экспедиций

Народные песни Псковской области / Сост. А. М. Мехнецов. Псков: Псковский ОНМЦ, 1987 (ротапринт).

Песни Псковской земли: По материалам фольклорных экспедиций / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. – 296 с.: нот.

Отдельные публикации экспедиционных записей

Валевская Е. А. «Не было у попа работника...» // Живая старина. М., 1999. № 2. С. 43–45.

Зилотина Е. А., Смирнова О. В. Материалы по детскому фольклору (из Собрания Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории // Мир детства и традиционная культура. Сб. науч. тр. и материалов. М., 1995. С. 123–189.

Обзор экспедиционных материалов

Попова И. С. Краткая характеристика фольклора Северного региона (зоны) // Кадастр Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: Псковский государственный пединститут им. С. М. Кирова, 1997. С. 181–187.

Валевская Е. А. Краткая характеристика фольклора Нижневеликорецкого региона (зоны) // Там же. С. 278–283.

Смирнова О. В. Краткая характеристика фольклора Северо-Восточного региона (зоны) // Там же. С. 341–347.

Мехнецов А. М. Краткая характеристика фольклора Средневеликорецкого региона (зоны) // Там же. С. 454–459.

Смирнова О. В. Краткая характеристика фольклора Восточного региона (зоны) // Там же. С. 512–519.

Валевская Е. А., Лобкова Г. В. Краткая характеристика фольклора Юго-Восточного региона (зоны) // Там же. С. 586–591.

²⁸⁰ *Примеч. сост.:* Список приводится по тексту Приложения 5. См.: «Обзор...». Т. 2. С. 811–812.

Теплова И. Б. Краткая характеристика фольклора Южного региона (зоны) // Там же. С. 673–670.

Мехнецов А. М. Собрание фольклорно-этнографических материалов Санкт-Петербургской консерватории // Там же. С. 711–714.

Электронный каталог фольклорно-этнографических материалов «Народная традиционная культура Псковской области». Мультимедиа. Науч. рук. проекта, сост. А. М. Мехнецов, коллектив авторов: Мехнецов А. М., Вавельская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецов А. А., Смирнова О. В., Теплова И. Б., Попова И. С., Королькова И. В., Полякова А. В., Мехнецова К. А. Проект РГНФ № 96-04-12026В. 1999.

Исследования, научные статьи

Лобкова Г. В. Гусельная игра Древней Руси // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция. Сб. науч. ст. Л., 1985. С. 90–101.

Лобкова Г. В. Архаические основы обрядового фольклора Псковской земли (опыт историко-типологического исследования). Автореферат дис... канд. иск. СПб., 1997.

Лобкова Г. В. Типологические особенности обрядовых форм допесенного интонирования (по материалам псковских коллекций Фольклорно-этнографического центра // Музыка устной традиции: Материалы Международной науч. конф. памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 183–200.

Лобкова Г. В. Об одной свадебной песне в записи А. С. Пушкина // Живая старина. М., 1999. № 2. С. 40–43.

Лобкова Г. В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 224 с.: нот.

Мехнецов А. М. Русские гусли. Научно-методическое пособие с видеоприложением к Альманеху «Русская традиционная культура». М., 1998.

Теплова И. Б. Опыт систематизации напевов свадебных песен северо-западных областей России // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция. Сб. науч. ст. Л., 1985. С. 62–75.

Теплова И. Б. Н. И. Карасёва – хранительница заговоров (по материалам фольклорных экспедиций в Гдовском районе Псковской области // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 286–297.

Тезисы докладов на научных конференциях

Балакшина С. Р. Обрядовые пляски и хороводы Псковской области (по экспедиционным записям Фольклорно-этнографического центра) // I и II Межведомственные науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 8–11.

Королькова И. В. Вопросы жанровой классификации лирических песен северо-западных областей России (по материалам фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра) // III Межведомственная науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 16–18.

Королькова И. В. Лирические песни северо-западных районов России: временная приуроченность фольклорных текстов // Время и календарь в традиционной культуре // Тезисы докладов Всероссийской науч. конф. СПб., 1999. С. 138–142. (Серия «Мир культуры, истории и философии»)

Королькова И. В. Поэтика лирических песен сквозь призму народных представлений о «своём» и «чужом» // IV Межведомственная науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов / Ред. А. В. Гадло. СПб., 1999. С. 16–18.

Лобкова Г. В. Традиция свадебных голошений Псковской области (по материалам Фольклорно-этнографического центра) // I и II Межведомственные науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 24–26.

Лобкова Г. В. Благословение невесты в традиционном свадебном обряде // Православие и культура этноса: Международный симпозиум 9–13 октября 2000 г. М., 2000. С. 113.

Марченко Ю. И., Мехнецов А. М. Календарно-обрядовые песни в системе местных традиций (опыт сравнительного анализа) // Музыка народного календаря: Тезисы докладов науч.-практ. конф. (14–17 ноября 1985 года в Куйбышеве). М., 1985. С. 27–29.

Пархомова Е. А. «Дорогая наша Масленица». К проблеме семантики языковых средств фольклорного текста // IV Межведомственная науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов / Ред. А. В. Гадло. СПб., 1999. С. 68–70.

Попова И. С. Результаты картографирования масленичной обрядности на территории Псковской области (по материалам Фольклорно-этнографического центра) // I и II Межведомственные науч. конф. аспирантов и студентов: Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 35–36.

Методические материалы

Сборник материалов участников фольклорной экспедиции Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова Е. Мельник, И. Кузнецовой, Г. Лобковой, О. Шишковой. Псков: Научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы Управления культуры Псковской области, 1983.

Грампластинки с записью песен и инструментальной музыки Псковской области

Псковские гусли. Народные наигрыши. Исполняет Иван Михайлов [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1985. М 22 46261 008.

«Гуди гораздо»: Народные музыкальные инструменты Псковской области. Ярмарочная игра. [Экспедиционные записи Ленинградской консерватории 1984–1987 гг.] / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1987. С 20 26011 002.

«Гуди гораздо»: Народные музыкальные инструменты Псковской области. Плясовые наигрыши. [Экспедиционные записи Ленинградской консерватории 1984–1987 гг.] / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1987. С 20 26013 007.

Напевы родины М. П. Мусоргского. Исполняют этнографические коллективы Псковской области и Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской Консерватории под руководством А. М. Мехнецова / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация Е. А. Валевской. Мелодия, 1989. С 20 28761 001.

Кинодокументы

Русская народная традиция игры на крыловидных гусях (на правах рукописи). Кинодокументы по результатам работы фольклорных экспедиций Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Псковской области в 1984–1986 годах. Автор экспедиционной записи и научно-исследовательской программы фильма А. М. Мехнецов. В проведении полевых съёмок принимали участие музыковед-фольклорист Г. В. Лобкова, студентка М. В. Рылова. Студия «Ленкинохроника». Кинооператор А. А. Якубовский.

Статьи в периодической печати, концертная программа

Валевская Е. А. Народные песни в записи А. С. Пушкина // Пушкину посвящается [концертная программа]. СПб.: Изд-во Академической Капеллы, 1999.

Валевская Е. А. Полевые исследования Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской консерватории // Живая старина. М., 2001. № 2. С. 47–49.

Мельник Е. И. Песенное богатство [экспедиция Ленинградской консерватории в Печорский район Псковской области] // Псковская правда. 1981. 6 окт. № 230.

Публикации по фольклору Сланцевского района Ленинградской области (ранее относившегося к Гдовскому уезду)

Сборник материалов экспедиций

Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1985. – 123 с.: нот.

Грампластинки

Фольклор Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Монастырёк Сланцевского района, Бетково, Сырец Лужского района] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1979. С 20 11781 82.

«У нас Оленька да цветочек»: Свадебные песни Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Рудно и Загривье Сланцевского района] / [Сост.] А.М.Мехнецов. Мелодия, 1981. С 20 16721 2.

Результаты экспедиционной деятельности Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра на территории Смоленской земли (1964–2004)²⁸¹

Санкт-Петербургская консерватория и Фольклорно-этнографический центр (г. Санкт-Петербург) в течение многих лет проводят масштабные полевые исследования, география которых весьма широка – это Русский Север, Северо-Запад, западные области России, Сибирь. Одним из объектов внимания являются традиции народной культуры, бытующие на территории расселения летописных кривичей – часть земель, относившихся в IX–XV веках к Смоленскому княжеству и объединённых понятием «Смоленская земля».

По данным археологии и истории (исследования Л. В. Алексева,²⁸² В. В. Седова и ряда других учёных, исторические документы, среди кото-

²⁸¹ *Мехнецов А. М., Валевская Е. А.* Результаты экспедиционной деятельности Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и Фольклорно-этнографического центра на территории Смоленской земли (1964–2004 гг.) // М. И. Глинка. К 200-летию со дня рождения: Материалы Международной науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Н. И. Дегтярёва, Е. Г. Сорокина. М.: Московская гос. консерватория имени П. И. Чайковского, 2006. Т. 2. С. 345–355.

²⁸² См. монографию: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

рых выделяется Устав смоленского князя Ростислава 1136 года),²⁸³ территория Смоленской земли включала в себя современную Смоленскую область полностью, районы Тверской области вплоть до южного берега озера Селигер, верхнее течение Волги и её притоков (до Ржева), а также современные Западнодвинский, Торопецкий районы, земли вокруг Жижицкого озера (Куньинский район Псковской области). На востоке граница доходила до Можайска, на западе и юго-западе в Смоленское княжество входили территории, в настоящее время относящиеся к Беларуси – район Орши, Могилёвская область. По археологическим данным, полученным в результате раскопок множества древних захоронений курганного типа, установлены границы расселения восточнославянских племён – полоцких, смоленских, волжских кривичей, радимичей, вятичей. Смоленск известен с IX века, о других крупных поселениях княжества можно судить по списку доходов смоленского князя, составленному в 1054 году²⁸⁴ – там значатся такие центры как Вержавск, Торопец, Жижец, Лучин, Дорогобуж и другие.

Важность географического положения смоленских земель определялась средоточием здесь водных путей. Истоки трёх главных русских рек находятся в этих местах. Волга, Днепр и Западная Двина берут начало в отмечаемом в летописях «Оковском лесу». Границы так называемого Оковского леса²⁸⁵ очерчены археологами следующим образом: на севере – южное побережье озера Селигер, на востоке – верхнее течение Волги и Вазузы, на юге – озеро Каспля, на западе – водораздел Куньи и Ловати. Вся эта огромная территория была занята массивом дремучего леса. Однако здесь были волоки, проходил путь «из варяг в греки», были и сухопутные дороги. Именно здесь был крупнейший после Смоленска центр Вержавск (его местоположение определяется археологами неподалёку от современного Бакланова), а также Хотшин (в настоящее время – Хотошино), Оковец (Оковцы) и другие древние поселения, следы которых сохранились до сих пор – старинные городища, курганы домонгольского времени.

Важность установления границ Смоленской земли, включения в поле зрения этномузыкологов данных по истории края, возникновению, росту и развитию поселений становятся очевидными при наложении данных современной фольклористики (которые согласуются с характеристиками диалектологии, этнолингвистики) на карту расселения восточнославянских племён. Возникает поразительная картина, заставляющая вновь и вновь удивляться живучести традиций народной культуры, продуктивности её принципиальных характеристик, устойчивости этнокультурных доминант. Разумеется, задача картографирования элементов народной культуры может быть решена только на базе тщательных полевых исследований, которые в настоящее

²⁸³ Там же. С. 21, 43–49.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. С. 36–37.

время ведутся сотрудниками научно-творческого коллектива Фольклорно-этнографического центра и преподавателями Санкт-Петербургской консерватории. Одновременно в Смоленской области и соседних районах Псковской и Тверской областей работают также фольклорные экспедиции Московской консерватории, Российской академии музыки имени Гнесиных, Смоленского музыкального училища, Музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского университета культуры. В результате этой деятельности, публикации материалов и исследований, а также с учётом трудов в смежных с этномузикологией областях научного знания (история, археология, этнография, лингвистика, этнолингвистика, диалектология, искусствоведение) наука может подойти к решению сложных вопросов истории традиций народной культуры.

Первые поездки на Смоленщину Санкт-Петербургская (в то время – Ленинградская) консерватория предприняла в 1960-е годы. География первых трёх смоленских экспедиций – Демидовский район²⁸⁶ (1964), Монастырщинский, Шумячский, Ершичский (1965), Сычёвский, Новодугинский, Холм-Жирковский, Духовщинский и пограничные деревни Ярцевского района (1966). Работа проходила, таким образом, в 9 районах. В итоге – 246 обследованных населённых пунктов, 3090 звукозаписей.

Полевая работа, научным наставником которой был Ф. А. Рубцов, имела своей основной задачей, судя по её результатам, разведку – первоначальный «срез», который должен был дать некое общее представление о материале – о сохранности традиций, жанровом составе, репрезентативности и наполненности каждой жанровой группы, распространённости песенных сюжетов, типологии напевов. Эта задача была выполнена лишь частично, и в этой связи остаётся загадкой, почему работа в Смоленской области в те годы не была продолжена.

Старые фонды бесценны уже потому, что их нельзя повторить, что это записи, сделанные от исполнителей, среди которых в то время было немало женщин среднего и даже молодого возраста, способных в полной мере воспроизвести традиционную манеру пения, в том числе, что особенно важно – обрядовую. Сегодня это исполнители пожилого возраста, которые часто жалуются, что им «не вытянуть» песню, то есть не спеть её так, как она, по их представлениям, должна звучать. По старым записям можно судить, например, о том, что такое «голосная» (как её определяют исполнители) песня – так поются летние лирические песни, тесно связанные с календарной обрядностью, поются в напряжённом регистре, сильным звуком, ярким, насыщенным тембром. Становится очевидной их принадлежность к обрядовой сфере фольклора – это определяется комплексом закономерностей, где интонационно-ладовые особенности выступают в единстве связей с такими

²⁸⁶ Включая часть деревень, которые с 1965 года вошли в Велижский район.

свойствами напева, как тесситурно-тембровые, динамические характеристики, являющиеся важными составляющими песенной формы.

В коллекциях 1960-х годов есть записи от исполнителей преклонного возраста, в чьей памяти сохранились впечатления, относящиеся к началу века (поскольку этнографические сведения, к сожалению, не фиксировались, то в основном это касается песенного репертуара, редких поэтических текстов). Сделаны записи от мужского певческого ансамбля, что в настоящий момент осуществить в этих местах уже невозможно. Записаны великолепные напевы и поэтические тексты, прекрасные исполнительские коллективы.

Тем не менее, оценка материалов экспедиций 1960-х годов неоднозначна. Материал не был проработан в условиях полевой записи по тем позициям, которые ко времени проведения этих экспедиций давно сложились в отечественной фольклористике — роль и место песни в обряде, запись этнографических сведений (хотя бы краткая), установление жанровых групп, точная паспортизация и тому подобное. Техническое состояние коллекций 1960-х годов долгое время оставалось катастрофическим. Фонд был полностью закрыт для любых форм работы и использования. Но несмотря на сложные обстоятельства, все три коллекции всё же удалось своевременно скопировать на новые носители. В настоящее время была произведена работа по оцифровке архивных записей для создания условий их долговременного хранения.²⁸⁷

Работа над перезаписью и составлением научной документации по коллекциям 1960-х годов показала необходимость продолжения экспедиционных исследований на Смоленщине. К 1993 году — времени первой большой смоленской экспедиции «нового поколения» — уже была проведена широкомасштабная работа в Псковской области, в том числе, на её южной границе, состоялись экспедиции в Тверскую область. Сам ход экспедиционной работы, её результаты вели дальше — к Смоленской области, требовали таких же объёмных полевых исследований и тщательной проработки фольклорно-этнографических материалов, как это делалось на Псковщине. Было очевидно, что использование старого смоленского фонда, его включение в научный обиход возможно лишь после серьёзнейшей работы по его дополнению.

В экспедициях 1990-х и начала 2000-х годов сплошным обследованием были охвачены Глинковский, Демидовский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Ершичский, Кардымовский, Монастырщинский, Новодугинский, Починковский, Рославльский, Руднянский, Сафоновский, Сычёвский, Хиславичский, Холм-Жирковский, Шумячский, Ярцевский

²⁸⁷ Работа была выполнена звукоинженерами Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) безвозмездно — коллекция 1964 года, а также фирмой «Мелодия» (по заказу Фольклорно-этнографического центра) — звукорежиссёр Г. П. Любимов — коллекции 1965 и 1966 годов. Оцифровка всех смоленских коллекций 1960-х и 1990–2000-х годов выполнена научным сотрудником Фольклорно-этнографического центра А. А. Мехнецовым.

районы. Частично обследованы Велижский, Краснинский, Сафоновский, Смоленский районы. На территориях, прилегающих к современной Смоленской области и входивших в древнюю Смоленскую землю, обследованы практически полностью Бельский, Жарковский, Западнодвинский, Селижаровский районы Тверской области, часть Куньинского района Псковской области, работа велась в Нелидовском, Оленинском, Пеновском, Ржевском, Торопецком районах, пограничных деревнях Андреапольского района Тверской области, а также в деревнях Клетнянского района Брянской области и Куйбышевского района Калужской области.

Общий итог по экспедициям 1964–2004 годов: *24 экспедиции в 33 района исторической территории Смоленской земли (22 района Смоленской области, 10 районов Тверской области, Куньинский район Псковской области)*. Обследовано более 2000 населённых пунктов, в фондах содержится около 55000 аудиозаписей, обширнейший фонд видеоматериалов (более 300 кассет), фотодокументы, переданные в дар рукописные тетради народных исполнителей, экспедиционные дневники участников экспедиций, карты маршрутов, образцы народных костюмов, головных уборов, предметы быта.

Основные методы, задачи и цели полевой работы формулируются в связи с принципиальным положением всей экспедиционной работы Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра, которое можно определить как исследование фольклорных традиций в контексте народной культуры, выявление и изучение в многослойной структуре фольклорных традиций различных по своей природе исторических слоёв. Особое внимание уделяется изучению архаических пластов культуры, установлению исходных характеристик, исследованию истоков возникновения музыкальной речи.

Подводя итоги обследования территории Смоленской земли, предпринятого Фольклорно-этнографическим центром и Санкт-Петербургской консерваторией, следует особо выделить следующие находки.

- Святочный комплекс с обилием подблюдных песен, развёрнутыми описаниями подблюдных гаданий, имеющих различные наименования в локальных традициях («кольца трясти», «Дристуна петь», «петь ляв-лѣ», «шубинку петь»). К важным характеристикам святочного комплекса относятся хороводные песни (в том числе – с балладными сюжетами), колядки, исполняемые при обходах дворов, плясовые песни с сюжетами, близкими скомошинам.

- Весенне-летние обряды и связанные с ними песни, где особенно выделяется духо-троицкий обряд. Насыщенность обрядовыми действиями, типологически устойчиво связанными с магией плодородия, охранительной магией, с культом растительности, наполненность различными песенными формами делают этот обрядовый комплекс (при надёжной статистике) чрезвычайно важным на большой территории. Здесь и «заливание куклы» (куклу топят в реке), и обрядовые шествия, хороводы, кумление. Напевы

духо-троицкого цикла теснейшим образом связаны с напевами иванских песен южной Псковщины, а также, по ряду характеристик песенной формы, с другими традициями центральной и южной России, севернорусских областей.

- Чрезвычайно важными являются сведения, относящиеся к типологии народной хореографии.

- Классические формы мифопоэтического творчества на исследуемой территории представляют дожинные обряды и песни.

- Необыкновенный по объёму пласт лирических песен раннего исторического слоя и баллад. По глубине поэтических образов многие из этих песен восходят к мифологической системе представлений, по музыкальным характеристикам связаны с календарно-обрядовыми напевами, большинство имеет строгую приуроченность — «весновские», «летние», «петровские», «восенные», «филипповские», «никольские».

- Распространённый практически по всей обследованной территории развёрнутый комплекс духовных и поминальных стихов, имеющих сказительские и песенные формы, раскрывает глубинные мировоззренческие основы народной культуры.

- Семейные обряды — свадебный, крестильный и похоронно-поминальный — имеют различные локальные формы. Так, крестильный обряд со множеством «хресьбинских» песен сосредоточен, в основном, в Руднянском районе, частично — в Демидовском. Что касается свадебной обрядности, то можно определить несколько зон, в которых и действия свадебного обряда, и напевы отличаются. Так, напевы довенечного цикла с тонической системой стихосложения локализуются в северо-восточных и центральных районах, западнее и южнее — зона распространения напевов с силлабической системой стихосложения.

- Престольные праздники с переносом иконы — со множеством приуроченных к этим праздникам лирических, хороводных и плясовых песен, исполняемых в особой манере. С конца XIX века, по записям В. Н. Добровольского, известен обряд переноса свечи, сведения о котором в разнообразных вариантах также содержатся в современных записях.

- Сделаны записи инструментальной музыки — наигрыши на скрипке, цимбалах, гармониках (сольная и ансамблевая игра), зафиксирована своеобразная форма «игры голосом» — «гейканье», функциональное назначение которой связано с пастушеством.

- Огромный интерес вызывает материал по ряженью, которое встречается практически во всех циклах календарных обрядов, и на свадьбе. Особенно широко бытует ряженье в масленичной обрядности. Зафиксированы описания сюжетно-тематически определённых представлений, разыгрываемых ряжеными, а также обходы дворов со «страшными чучелами» — «медведь», «волк», «коза», светящаяся «голова», сделанная из тыквы с копилкой внутри, которую подносят к окну и тому подобное.

- Записан обширный круг материалов по словесным формам фольклора – былички, сказки, поверья, легенды, предания, заговоры. До сих пор знахарок и колдуний называют на Смоленщине «волховитками».

- Особой ценностью (как в научном, так и в художественном отношении) обладают записи большого числа замечательных певческих ансамблей, коллективная память и исполнительское мастерство которых позволяют в полной мере оценить значение смоленской песенности как одного из ярких явлений в русском музыкальном фольклоре.

Необходимо отметить важность записей, выполненных в гликинских местах – в Новоспасском, Шмакове, Лучесе. Работа проходила в местах, связанных с именем А. Н. Энгельгардт (Дорогобужский и Бельский районы), от которой записывал напевы Н. А. Римский-Корсаков. В 1998 году экспедиция побывала в Ольше – на родине Ф. А. Рубцова, где удалось сделать записи от местных жителей, сохранивших память о семье Рубцовых. Постоянным научным и географическим ориентиром в деятельности экспедиций был и остаётся труд В. Н. Добровольского, многие годы отдавшего собирательской работе в Смоленской губернии.²⁸⁸

Научный коллектив Фольклорно-этнографического центра, преподаватели, аспиранты и студенты отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории ведут интенсивную работу по изучению, включению в научный обиход материалов огромных коллекций, полученных в результате экспедиционных исследований.²⁸⁹

Приоритетным направлением научного поиска является исследование архаических форм фольклора в обрядовом контексте, тех форм, которые теснейшим образом связаны с мифологическими представлениями, с интуитивным восприятием продуктивного значения магической силы слова, художественных форм выражения. Это позволяет приблизиться к решению коренной проблемы – проблемы реконструкции основ народной традиционной культуры, проникновению к глубинным основам культуры, реконструкции обрядовых комплексов, жанровой системы во всей её полноте, отдельных фрагментов народной традиционной культуры.

Среди собственно музыковедческих проблем на первом месте – семантика и функция интонации, интонационно-ладовых систем, изучение истоков му-

²⁸⁸ *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891, 1894. Ч. 1–3; 1903. Ч. 4.

²⁸⁹ В настоящее время сотрудниками Фольклорно-этнографического центра и преподавателями консерватории готовится серия публикаций. На основе экспедиционных материалов, собранных на территории исторической Смоленской земли, в течение 1997–2004 годов подготовлено также 14 дипломных работ выпускниками отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории, участниками экспедиций – Балакшиной С. Р., Борисовой Т. А., Быковой О. П., Ивашиной О. В., Мальцевой О. В., Маховой Л. П., Мехнецовой К. А., Морозовой Е. В., Парадовской И. В., Подрезовой С. В., Савельевой И. А., Сухановой И. В., Сысоевой К. В., Толстиковой Ю. Ю.

зыкальной речи. Чрезвычайный интерес вызывают так называемые допесенные формы, основанные на приёме интонирования, который Ф. А. Рубцов определяет как «возглас». К числу таких жанров относятся святочные и весенние окликания, пастушеские диалоги, закликание весны и птиц, «дразнилки-величания». «Возглас» как приём обращения, коммуникации с миром предков, духов, с миром природы проникает и в раннюю лирику, и в духовные стихи, и в другие жанры, казалось бы, далёкие от такого рода архаизмов. Чрезвычайно интересны в научном отношении напевы-заговоры в весенних и летних обрядовых песнях.

К числу проблем следует отнести исследование и таких форм как сказительский, эпический тип интонирования — в духовных стихах, повествовательность — в лирике, плачевые интонации — в причитаниях и лирических песнях. Особый интерес вызывают: ладовые структуры в малообъёмных звукорядах; явление трихордовости как принцип организации музыкальной речи в календарном фольклоре, в ряде песен ранней лирики; приёмы композиции ранних форм фольклора; соотношение и взаимодействие разных типов слогоритмической организации песенной формы — это необъятное море вопросов, которые формируются в связи с анализом конкретных материалов. Важнейшая сторона проводимых исследований — картографирование отдельных элементов фольклорно-этнографического текста, являющееся закономерным следствием типологического анализа материалов.

Проведение подобного рода изысканий позволит сформулировать новые позиции в отношении жанровой атрибуции целого ряда фольклорных материалов, ответить на вопросы, связанные с первоначальным этапом формирования основ музыкального языка народной песни на древнерусских землях, поставить и решить проблемы системного анализа явлений народной традиционной музыкальной культуры.

Собрание экспедиционных записей СПбГК и Фольклорно-этнографического центра образует фундаментальную источниковедческую базу не только фольклористических исследований, но позволяет существенно дополнить представление о народной традиционной культуре и с точки зрения этнографии и языкознания. На этой основе и в силу того, что народная традиционная культура в бесконечной цепи преемственного развития исходных форм хранит отчётливые следы своих порождающих начал, складываются предпосылки широкого привлечения фольклорно-этнографических материалов к исследованию общих проблем истории русской культуры, а также проблем этнологии восточных славян.

Документальные материалы по фольклору и этнографии, таким образом, становятся важнейшей частью банка научных сведений, изучение которых позволяет наблюдать не только тот или иной комплекс локальной культурной традиции в целом, не только явления фольклора в историко-, жанрово-, диалектно-стилевом аспектах, но и рассматривать динамику состояний, значений и функций художественных форм, отдельных структурных элементов

текста, языковых средств в историко-типологическом отношении и в проекции на территории бытования. Решение этого ряда проблем в большой мере зависит от полноты содержания экспедиционных фондов, характера и глубины их научного описания. Иными словами, задача заключается в необходимости сочетать учёт и детальный анализ каждого явления фольклора с соответствующими на заданном уровне наблюдения сведениями по всему массиву фондовых материалов.

Как нам представляется, наиболее продуктивной формой такого исследования является разработка системы фольклорно-этнографического атласа,²⁹⁰ суть и особенности которого дают возможность многомерного, комплексного изучения отдельных фактов фольклора в контексте культурной традиции. Более того, если результаты конкретного анализа художественной формы относятся непосредственно к определённому тексту или группе текстов, обладающих установленным свойством (признаком), то система атласа, предлагая иной, более общий ряд точек отсчёта, другую шкалу измерений, рассматривает не столько данный текст как таковой, сколько его характерные свойства (признаки) в подвижном диапазоне своих значений и функций.

**Список экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской)
государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова
и Фольклорно-этнографического центра
в Смоленскую область и близлежащие районы других областей
России, территории которых входили в состав исторической
Смоленской земли (экспедиции 1964–2004 годов)**

1. 1964, 29.06–25.07. Смоленская область: Демидовский район.
2. 1965, 01.07–25.07. Смоленская область: Ершичский, Монастыршинский, Шумячский районы.
3. 1966, 01.07–27.07. Смоленская область: Духовщинский, Новодугинский, Сычёвский, Холм-Жирковский, Ярцевский районы.
4. 1985, 10.07–27.07. Псковская область: Куньинский район; Тверская область: Андреапольский район.
5. 1988, 06.06–20.06. Тверская область: Торопецкий район.
6. 1988, 26.06–19.07. Псковская область: Куньинский район.
7. 1990, 12.09–20.09. Псковская область: Куньинский район.²⁹¹

²⁹⁰ Коллективом сотрудников Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской консерватории предпринят опыт создания научного труда, основанного на позициях последовательного описания культурных традиций исследуемого региона (то есть фактически – создания фольклорно-этнографического атласа). См.: Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов... См. *Список научных трудов А. М. Мехнецова.*

²⁹¹ *Примеч. сост.:* Экспедиции 1990 и 1991 годов в Куньинский район Псковской области, организованные Музыкальным училищем имени М. П. Мусоргского, проходили под руковод-

8. 1991, 09.09–20.09. Псковская область: Куньинский район.
9. 1992, март. Смоленская область: Ельнинский район (запись в Санкт-Петербурге).
10. 1993, 30.06–05.08. Смоленская область: Новодугинский, Сычёвский районы.
11. 1994, 28.06–05.08. Смоленская область: Духовщинский, Сафоновский, Холм-Жирковский, Ярцевский районы.
12. 1995, 22.01–06.02. Тверская область: Бельский, Жарковский, Нелидовский, Оленинский районы.
13. 1995, 18.06–18.07. Смоленская область: Духовщинский район; Тверская область: Жарковский, Западнодвинский, Торопецкий районы.
14. 1995, 07.09–16.09. Смоленская область: Духовщинский район; Тверская область: Андреапольский, Западнодвинский, Торопецкий районы.
15. 1996, 05.02–11.02. Тверская область: Селижаровский район.
16. 1996, 03.02–10.02. Смоленская область: Дорогобужский район.
17. 1996, 15.08–05.09. Тверская область: Селижаровский, Пеновский, Ржевский районы.
18. 1997, 25.06–28.07. Смоленская область: Велижский, Демидовский, Руднянский районы.
19. 1998, 25.07–23.08. Смоленская область: Краснинский, Руднянский, Смоленский районы.
20. 1999, 21.07–26.08. Смоленская область: Ершичский, Шумячский районы.
21. 2000, 28.06–25.08. Смоленская область: Монастырщинский, Хиславичский районы.
22. 2001, 04.07–10.08. Смоленская область: Глинковский, Ельнинский районы.
23. 2002, 07.07–20.08. Смоленская область: Глинковский, Ельнинский, Починковский, Смоленский районы.
24. 2003, 02.06–20.08. Калужская область: Куйбышевский район; Смоленская область: Починковский, Рославльский, Смоленский районы.
25. 2004, 27.06–23.08. Смоленская область: Вяземский, Дорогобужский, Ельнинский, Кардымовский, Починковский, Смоленский, Ярцевский районы.

ВСЕГО: 24 экспедиции в районы исторической Смоленской земли с 1964 по 2004 год, 693 рабочих дня.

Научный руководитель экспедиций 1964–1966 годов – Ф. А. Рубцов.

Научный руководитель экспедиций 1985–2004 годов – А. М. Мехнецов.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

Музыкально-этнографическая практика¹

<...>

Музыкально-этнографическая практика является одной из дисциплин специального цикла, которая занимает важное место в сложном комплексе подготовки и воспитания будущего специалиста-музыканта.

Практическая работа студента приобретает в настоящее время особую важность. Жизнь диктует повышенные требования к формированию у будущих специалистов способностей, умений и навыков к самостоятельной творческой деятельности.

Участие студентов в фольклорных экспедициях, знакомство с традициями народной культуры, наблюдения над жизнью деревни, непосредственное общение с народными исполнителями – хранителями морально-этических, трудовых и героических традиций – оказывают сильнейшее воздействие на формирование личности, вызывают глубокое уважение к национальной культуре, способствуют воспитанию подлинного патриотизма и гражданственности.

Музыкально-этнографическая практика вырабатывает и совершенствует у студентов чувства коллективизма, товарищеской взаимопомощи, воспитывает творческую самостоятельность и организованность, повышает уровень их общественной дисциплины. Участие в фольклорной экспедиции формирует у студентов сознание профессиональной требовательности, научной ответственности, высокого долга музыканта.

Музыкально-этнографическая практика призвана обеспечить глубокое и прочное освоение системы музыкально-выразительных средств народного музыкального творчества, приёмов исполнительского искусства; помочь осознанию наиболее типичных явлений народного музыкального быта, дать возможность практически применить полученные на лекционных занятиях знания.

Музыкальный фольклор. Формы и методы музыкально-этнографической практики

Признавая отличия художественной речи от нашей повседневной, а в области художественной речи различая художественную прозу и поэзию с

¹ Мехнецов А. М. Музыкально-этнографическая практика: Программа для музыкальных вузов по специальностям № 2207 «Композиция», № 2208 «Музыковедение». Проект / Всесоюзный метод. кабинет по учеб. заведениям искусства и культуры; сост. А. М. Мехнецов. М., 1982. – 13 с.

Примеч. сост.: Программа была разработана А. М. Мехнецовым как учебная программа для высших учебных заведений на основе опыта, полученного в ходе практической работы.

присущими им специфическими закономерностями, мы должны выделить народную песню как особую художественную форму. И как особой художественной форме, народной песне присущи свои закономерности образно-смыслового ряда и стилистики. Более того, следуя за В. Я. Проппом, относившим фольклор к явлениям языкового порядка, мы рассматриваем песенные закономерности как закономерности сложной, недостаточно ещё изученной нами языковой системы.

Специфика музыкального фольклора состоит в том, что в нём проявляются особенности синкретического вида искусства. В силу этого в создании художественной формы приобретают значение не отдельные, составляющие её элементы, а их взаимообусловленность, дающая новое качество каждому из этих элементов. При этом, в разных жанрах существует своя иерархия отношений элементов в системе. Если в песнях, связанных с движением, жанровая специфика получает выражение в ведущей роли ритмической организации песни (ритм слогапроизнесения и ритм композиционных структур), то в эпосе решающая роль принадлежит речевым построениям. В других жанрах, например, в лирической песне мы сталкиваемся с преобладанием собственно музыкальных закономерностей. В них ведущей становится интонационная сфера. В обрядовых песнях, календарных, свадебных выявляются особые структуры (звуковысотные комплексы: ладовые образования, отдельные попевок и различные сопряжения попевок), которые обладают жанровыми признаками.

Все элементы музыкально-поэтической речи (поэтическое слово, ладо-интонационный контур, музыкальная ритмика и ритм слогапроизнесения, композиция строфы и периодичность структур и другие) занимают определённое место в системе «бытовая функция – образно-смысловое значение – слово – напев».

Устойчивые формы сочетания отдельных компонентов оказываются ориентированы не только на жанровую специфику песен, но и составляют основу песенного языка местных традиций.

Специфика музыкального фольклора состоит также и в том, что в нём проявляются черты, указывающие на историчность закономерностей музыкально-поэтического мышления, динамику эстетических критериев и общественных воззрений. В связи с этим наблюдаются различия исторической глубины как отдельных стилевых явлений (архаические ладо-интонационные структуры, гомофонно-гармонический строй, силлабо-тоническое стихосложение), так и жанров в целом или отдельных образований внутри жанров («жестокий» романс, частушка).

Фольклористика сталкивается с необходимостью исследовать народную музыкальную культуру как явление, связанное с различными сторонами народной культуры в целом – характером трудовой деятельности, общественными и семейными отношениями, формами мировоззрения и художественного мышления.

Каждое явление фольклора имеет принципиально процессуальный характер, всякий раз воссоздаётся на основе сложного взаимодействия закреплённых традицией элементов художественно-образной системы, языка, жанрово-функциональной значимости произведений фольклора и конкретных социально-исторических условий.

Фольклор как форма общественного сознания имеет ряд общественных функций. Проблемы фольклористики связаны с исследованием по трём основным направлениям: историко-этнографическому, жанрово-функциональному, стилистическому.

Синкретическая природа песни, многоплановые внепесенные связи фольклора и историчность процесса интонирования предполагают комплексное изучение предмета. Разбор отдельных элементов песенной речи вне связи с другими нарушает и логику согласования, и динамику связи элементов в системе. Без понимания этой сложной взаимосвязи сущность явления остаётся непознанной. Так, например, использование принципа долиности как стиховедческой категории в построении типологии напевов, то есть произвольно приданное одному из частных признаков значение структурно-определяющего принципа, приводит к отрицанию смыслового и формообразующего значения интонационно-ладовых и попевочных структур, что ставит песню не только вне конкретного местного песенного стиля, но и вне жанра.

Специфика записи песенного фольклора заключается в выявлении жанрово-функциональной природы песни и музыкально-поэтической стилистики как комплекса языковых закономерностей, связанных с особенностями местного песенного диалекта.

Специфика записи песенного фольклора предусматривает также необходимость изучения песни с учётом истории формирования и дальнейшей судьбы локальных традиций народной культуры. Иными словами, в наши дни уже стало ясно, что силами только музыковедения или филологии без привлечения истории и этнографии, а также без выработки единой согласованной проблематики нельзя овладеть предметом в его полном объёме. Так, например, в причётной системе русской свадьбы на Севере (Тотемский район Вологодской области) одни и те же тексты причитаний имеют две самостоятельные интонационно-ритмические формы — сольную (невеста) и коллективную (девушки). При этом важно, что напевная формула коллективного причёта бытует как с собственно причётными текстами, так и с текстами свадебных припевок-величаний. Всё музыкально-поэтическое содержание традиционной свадьбы (на данном материале — около тысячи текстов) укладывается в три формульных напева. В этом случае напев имеет значение стабильного обрядового элемента, а текст подвижен и всегда связан с конкретным моментом исполнения. Это свидетельствует, во-первых, о том, что связь напева и текста в данном случае носит лишь конструктивный характер, и каждый из них по-своему включается в образно-смысловую сферу свадеб-

ного обряда и, во-вторых, что здесь мы имеем дело со сменной функцией самих напевов. Таким образом, рассматривая отдельно взятый текст или напев без учёта этнографии свадебного обряда, структуры его музыкально-поэтического содержания и особенностей местной традиции, исследователь может прийти к случайным выводам.

Разобщённость усилий исследователей фольклора приводит к тому, что в музыковедческих экспедициях часто остаются вне поля зрения многообразие сюжетного развития песни, огромный пласт непесенного фольклора, диалектологические особенности говора и так далее. В свою очередь, фольклористы-филологи проходят мимо интонационно-ритмической сущности песенных текстов, которая является необходимой и единственной формой существования этих текстов («песню не расскажешь») и именно в которой проявляется национальная характеристичность народно-песенной культуры.

Поскольку речь идёт о комплексном изучении предмета, наши усилия должны быть направлены на изучение явления не только во всей его сложности и внутренней многоплановости, но и в его разнообразных связях в системе народного творчества. Такой подход подразумевает разработку тончайших деталей явления, подчинённую определению сущности этого явления. На практике это может означать лишь одно – совместную работу представителей смежных научных дисциплин.

Комплексная экспедиционная работа, разумеется, не обязательно означает совместное проведение экспедиций. Экспедиции могут идти параллельно. Но их задачи и результаты должны быть подчинены заранее согласованной проблематике.

Фольклорная экспедиция

Фольклорная экспедиция как форма музыкально-этнографической практики студентов может быть нескольких видов в зависимости от конкретных задач, стоящих перед экспедицией.

Учебная экспедиция проводится на первом курсе во втором семестре под руководством преподавателя или опытных собирателей из числа аспирантов, студентов старших курсов, специализирующихся по фольклору. В её составе небольшие группы (не более трёх человек в группе). Цель такой экспедиции – предоставить возможность студентам познакомиться с бытующим фольклором, с методами выявления исполнителей народной песни и инструментальной музыки, ведения их опроса и магнитофонной записи.

Учебные экспедиции должны помочь руководителю выявить профессиональные интересы как студентов-музыковедов, так и композиторов. Кроме учебных и воспитательных целей экспедиции этого вида имеют научное значение, определяемое перспективным планом обследования местных фольклорных традиций.

Учебные экспедиции раскрывают перед студентами младших курсов возможность систематического изучения песенного фольклора, перед студентами старших курсов – возможность проявить творческую самостоятельность, приобрести навыки руководителей групп.

Научные экспедиции в зависимости от поставленных научных задач предполагают:

- первоначальное экспедиционное обследование региона;
- фронтальное комплексное изучение местных музыкальных традиций;
- разработку частных научных проблем музыкальной фольклористики.

Первоначальное экспедиционное обследование данной местности, разведывательный, поисковый характер работы, отличается рядом особенностей на всех этапах подготовки и проведения. Цель такой экспедиции – подготовка к комплексному исследованию местных музыкальных традиций, выявление музыкально-этнографических признаков фольклора данной местности, сбор сведений об исполнительских коллективах района и отдельных исполнителях для возможно более успешного осуществления экспедиции, установление связей с местными отделами культуры, клубными работниками, руководителями различных общественных организаций.

Проведению экспедиции предшествует изучение имеющихся источников (публикаций) по музыкальному фольклору, историко-этнографической литературы, выяснение значения данной фольклорной традиции в изучаемой стилиевой зоне.

Первоначальное обследование требует от участников экспедиции высокой степени организованности и профессиональной подготовленности, умения ориентироваться в незнакомом материале, сопоставлять и анализировать поступающую информацию, принимать оперативные решения. В связи с этим состав такой экспедиции должен быть ограничен (6-8 человек). Целесообразно деление на группы (по 2-3 человека).

Экспедиции первоначального обследования проводятся в период зимних каникул (2 недели). Они подготавливают последующие экспедиции.

Наиболее сложными с точки зрения как организации, так и решения научных, учебных, воспитательных задач, являются экспедиции, целью которых является тщательное многостороннее изучение музыкального фольклора определённого района.

Проведение *комплексной экспедиции* в период летних студенческих каникул (2-3 недели) предполагает:

- запись всех бытующих жанров традиционного музыкального фольклора и наиболее типичных образцов, характеризующих современный музыкальный быт; определение современного состояния фольклорной традиции, её динамики, исторических предпосылок;
- выявление ведущих жанров местного фольклора, причины их приоритета; установление причин отсутствия тех или иных жанров; выявление

репертуара исполнительских коллективов и отдельных знатоков фольклора;

- установление стилевых закономерностей местных песенных традиций; изучение народных исполнительских традиций – сольной, ансамблевой, хоровой, инструментальной;

- выявление особенностей народной хореографии, элементов народного театрального искусства;

- запись традиционных и современных трудовых и семейных обычаев и обрядов, сведений о народной архитектуре, предметах прикладного искусства; наблюдения за традиционными и современными нормами семейно-бытовых, трудовых отношений;

- запись пословиц, поговорок, загадок, народной прозы.

Комплекс научных задач, поставленных перед экспедицией, предполагает специальную подготовку всех её участников: семинарские занятия (24 часа), на которых руководитель экспедиции и приглашённые специалисты (филологи, этнографы и другие) знакомят участников с проблематикой и практическими методами работы, встречи со специалистами по звукозаписи, кино- и фотосъёмкам, прохождение специального медицинского инструктажа.

Началу экспедиции предшествует формирование групп (по 3 человека в группе), назначение руководителей групп, разработка маршрутов, выбор форм связи между группами, установление дней совещаний руководителей групп, на которых заслушивается отчёт о ходе работы, решаются возникающие в ходе экспедиции вопросы, утверждаются изменения маршрутов, намечаются вопросы, требующие дополнительной проработки в полевых условиях. Возможна организация постоянной базы экспедиции. Такая форма организации поможет руководителю экспедиции контролировать работу всех групп, более эффективно использовать финансовые, технические возможности экспедиции.

Экспедиции, посвящённые исследованию *частных научных проблем*, по своим задачам и организационным формам отличаются от других видов экспедиций. Они ставят конкретную научную задачу (запись свадебного обряда, изучение одного из песенных жанров, исполнительских традиций отдельного фольклорного коллектива и другие задачи). Состав экспедиций, как правило, немногочисленный – студенты, аспиранты, специализирующиеся по музыкальному фольклору. Результаты таких экспедиций могут быть использованы в дипломных и диссертационных работах.

Экспедиция, посвящённая исследованию частных научных проблем, может входить в состав комплексной экспедиции.

Успех работы экспедиций в большой степени зависит от финансового и технического обеспечения.

Техническое оснащение предусматривает обязательное наличие в каждой экспедиционной группе портативной звукозаписывающей аппаратуры, фото- и кинокамеры, походной аптечки.

По окончании фольклорной экспедиции руководители групп представляют финансовые и научные отчёты о проделанной работе. Научный отчёт должен включать:

- маршрутный лист группы с указанием последовательности прохождения маршрута, датами и названиями обследованных населённых пунктов;
- тетрадь с общим перечнем записей, магнитофонные кассеты с реестром записей (к каждой кассете);
- тетради с выверенными по фонограмме и начисто переписанными текстами; каждый текст имеет согласованную нумерацию с общим перечнем записей (с указанием номера кассеты);
- полевые дневники, черновые тетради с текстами;
- фото-, киноплёнки с паспортами каждого отснятого кадра, эпизода;
- списки сюжетов песен по каждому жанру отдельно с указанием места и номера записи всех вариантов данного сюжета;
- систематизированные и начисто переписанные описания свадебных, календарных и других обрядов, замечаний по формам бытования песен, хореографии, этнографические сведения;
- предварительные замечания аналитического характера по стилистике песен и исполнительским традициям;
- перечень и описания музыкальных инструментов, репертуара исполнителей.

Краткие методические замечания по экспедиционной записи музыкального фольклора

Методы экспедиционной записи музыкального фольклора в большой степени зависят от характера и современного состояния конкретной народно-песенной традиции. В практике сложился ряд общих требований к научной записи песенного фольклора.

В настоящее время вся экспедиционная работа ориентируется на запись не только отдельных ярких народно-песенных образцов в исполнении талантливых певцов. Внимание фольклориста должно быть направлено на запись сведений, отражающих системные связи народной песни. Наиболее отчётливо эти связи выявляются тогда, когда экспедиционная работа подчинена задачам изучения жанрово-функциональной и жанрово-стилевой системы определённой фольклорной традиции.

В ряде случаев исследователь может столкнуться с многообразием стилистически неоднородных явлений в пределах одного района, что обусловлено и особенностями заселения района, и влиянием культуры наслоений более позднего времени. В таких случаях при записи и систематизации музыкально-этнографического материала необходим дифференцированный подход.

В песнях разных жанров определённой традиции проявляется ряд признаков, связанных с особенностями местного музыкального диалекта.

Экспедиция предполагает запись не только хорошо сохранившихся образцов фольклора, но и полузабытых, «полуразрушенных», что позволяет представить состояние песенной традиции, эволюцию жанра.

Одна из основных установок в экспедиционной работе — записывать в первую очередь традиционный крестьянский фольклор. Наряду с этим внимание собирателей должно привлекать всё новое, что появилось и закрепилось в музыкальной практике в наши дни.

Запись произведений обрядовых жанров должна начинаться с предварительного опроса, устанавливающего ход обряда, его особенности. При таком методе записи были открыты, например, ранее неизвестные фольклористике формы полифонического сочетания похоронных причитаний, свадебных причитаний невесты и подруг.

При записи обрядов необходимо отмечать местные изменения отдельных элементов обряда, их последовательность, функции обрядовых песен.

Запись песен, связанных с движением, подразумевает обязательную фиксацию хореографического рисунка и характера движения исполнителей. Игровые песни должны сопровождаться описанием самой игры.

Запись песен всех жанров предполагает сбор подробных сведений об их бытовании, указаний исполнителей на определённую приуроченность песен: лирических (ходовые песни, «со жнива шли»), хороводных (святочные, весенние, троицкие), частушек (жнивные, под прялку). От бытования песен в большой мере зависит характер исполнения, некоторые стилевые особенности. При записи недопустимо вмешательство собирателя в процесс исполнения (как участие в пении, так и советы: «пойте потише», «помедленнее» и тому подобное).

Успех собирательской работы зависит от отношений с местными жителями, которые должны строиться на основе искреннего уважения народной традиции, местных обычаев, личности исполнителя. Задача фольклориста — убедить всех в исторической и научной ценности фольклора, в необходимости его сохранения и записи.

Необходимо проявлять особый такт в организации коллективов исполнителей (ансамблей, хоров) и в работе с ними, учитывая отношения исполнителей между собой, общественную репутацию каждого из них.

Важно уметь использовать время, отведённое на запись, заранее планировать задание и круг вопросов. Прежде чем собирать исполнительский коллектив на запись, желательно уже иметь репертуарный список и предварительно записанные тексты песен. Одна или несколько предварительных встреч с отдельными исполнителями дают сольные варианты многоголосных песен, что очень важно для изучения закономерностей народного музыкального мышления и исполнительского искусства.

Особыми приёмами как в отношении тактики опроса, так и в отношении выбора исполнителей, отличается запись похоронных причитаний, заговоров, духовных стихов, колыбельных песен, детского фольклора. Для успеш-

ной их записи необходима особая психологическая настройка исполнителей, создание обстановки полного доверия, предельная чуткость и профессиональное мастерство собирателя.

Особые требования предъявляются к записи инструментальной музыки. Необходимо не только записать по возможности весь репертуар народного музыканта, узнать, кто и как научил его играть на данном инструменте, но и собрать сведения инструментоведческого характера (как, из каких материалов, кем, когда изготовлен инструмент, приёмы игры на нём и другое), выяснить, возможно ли звучание данного инструмента в ансамбле с другими инструментами, репертуар и функции ансамбля.

Обработка, систематизация, подготовка к публикации музыкально-этнографического материала

Первичная обработка музыкально-этнографического материала начинается при подготовке отчётной документации экспедиционных групп. Она является основой последующей обработки и систематизации материала. При научной обработке записей члены экспедиции приобретают навыки анализа фольклорных образцов.

Послеэкспедиционная обработка музыкально-этнографического материала предполагает:

- регистрацию фонографических материалов в общем журнале учёта экспедиционных записей кабинета народной музыки с указанием паспорта произведения и фамилии члена экспедиции, записавшего его (каждая запись и каждая кассета получают номера в соответствии с порядком их поступления в фонд кабинета);
- регистрацию рукописных материалов экспедиции в специальном журнале учёта с указанием номера единиц хранения, содержания и паспорта записи;
- составление общего перечня сюжетов песен по каждому жанру с указанием места записи всех вариантов;
- составление каталогов записей по алфавиту, по жанровому, географическому признакам, каталога нотных расшифровок;
- прослушивание и анализ всех записей, подбор песен для расшифровки;
- ладо-интонационный, метроритмический, структурный анализ песен, выявление признаков стиля;
- характеристику жанровой системы и отдельных жанров местной фольклорной традиции;
- систематизацию этнографического материала и других сведений, относящихся к характеристике местной фольклорной традиции.

На основе обработки и систематизации музыкально-этнографического материала экспедиции подготавливается научный отчёт, проводится студенческая научная конференция (2-3 дня).

Каждое сообщение студентов – участников экспедиции – рецензируется руководителем экспедиции или ведущим педагогом. Лучшие сообщения готовятся на межвузовские и другие научные конференции.

По результатам музыкально-этнографической практики оцениваются перспективы студентов, желающих в дальнейшем специализироваться по фольклору.

Материалы музыкально-этнографической практики могут быть использованы в дипломных работах, в работе фольклорного кружка студенческого научного общества, композиторами, в учебных целях при создании наглядных пособий.

В подготовке фольклорных материалов к публикации студенческий научный актив, сложившийся в процессе музыкально-этнографической практики, принимает активное участие. Публикация экспедиционных материалов – одна из форм пропаганды народного музыкального творчества.

Таким образом, музыкально-этнографическая практика способствует расширению учебного и научного фондов музыкально-этнографических материалов.

Пропагандистская работа

Пропаганда народной музыки служит делу эстетического воспитания широкого круга слушателей, развития одной из важнейших сторон музыкальной культуры, сохранения памятников народного музыкального творчества. Пропагандистская работа участников музыкально-этнографической практики имеет большое значение в воспитании общественной активности студентов, помогает раскрытию их творческих способностей.

Во время фольклорной экспедиции её участники знакомят местное население, исполнителей с записями, сделанными ранее. В сельских клубах, домах культуры проводятся беседы о народной песне, лекции-концерты. Пропаганде народной музыки посвящены выступления участников экспедиции в местной прессе и по местному радио, рассказывается о задачах фольклорной экспедиции, её работе, об отдельных исполнителях и песенных коллективах района. Такие же выступления проводятся участниками экспедиции и после окончания музыкально-этнографической практики на предприятиях, в профтехучилищах, школах.

Одной из важнейших форм пропаганды является создание студенческого фольклорного ансамбля в учебно-воспитательных целях, что имеет также большое общественное значение.

Выполнению задач, поставленных перед музыкантами по пропаганде народного музыкального творчества, способствует также привлечение студентов, специализирующихся по фольклору, к работе местного областного Дома народного творчества, их участие в подготовке и проведении районных и областных фестивалей, праздников народной песни, этнографических концертов с участием народных исполнителей.

**Учебно-методическое обеспечение курса.²
Рекомендуемая литература**

- Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002.
- Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003.
- Актуальные проблемы собирания и изучения русского фольклора (тезисы докладов). Воронеж, 1991.
- Асафьев Б. В.* О задачах музыкантов в фольклорной экспедиции. Доклад на Учёном совете Государственного института истории искусств 15 сентября (20 октября) 1925 г. // Материалы к биографии Б. Асафьева / Сост. А. Крюков. Л., 1982.
- Балашов Д. М.* Как собирать фольклор. Руководство по сбору произведений устного народного творчества. М., 1971.
- Барток Б.* Зачем и как собирать народную музыку. М., 1959.
- Гусев В. Е.* Методика полевых исследований // Русский фольклор. Т. 9. М.; Л., 1964.
- Кабинет народной музыки. Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского. М.: Музыка, 1966.
- Квитка К. В.* Профессиональные народные певцы и музыканты на Украине (программа для исследования их деятельности и быта) // *Квитка К. В.* Избранные труды в двух томах. Т. 2. М., 1973. С. 279–343.
- Круглов Ю. Г.* Фольклорная практика. Допущено Министерством просвещения СССР в качестве пособия для студентов и преподавателей педагогических институтов. М., 1979. 2-е изд. М., 1986.
- Медведева В. Н.* Фольклорная практика в музыкальном вузе. Учебно-методическое пособие. М., 1993.
- Методические указания по собиранию фольклора. М., 1994.
- Морохин В. Н.* Методика собирания фольклора. Рекомендовано Государственным комитетом СССР по народному образованию для использования в учебном процессе. М., 1990.
- Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).
- Перечень экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного фонда Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории. М., 1999.

² *Примеч. сост.:* В 2004 году для сборника примерных учебных программ «Этномузыкология» (см. Список научных трудов А. М. Мехнецова) А. М. Мехнецовым была написана программа «Экспедиционная практика». По недоразумению она не была напечатана (основные положения, касающиеся экспедиционной работы, изложены в программе: *Валевская Е. А.* Методика полевых исследований // Этномузыкология...) Поскольку текст Программы 1982 года является более полным, составители именно его сочли возможным включить в данную публикацию. Из текста А. М. Мехнецова 2004 года приводим список рекомендованной литературы.

Программа для комплексных фольклорных экспедиций / Отв. ред. В. Е. Гусев. М., 1971.

Пушкина С. И., Чернышева М. Б., Калугина Н. В. Народная песня звучит. (Методика сбора, хранения и сценического воплощения фольклора). М., 1982.

Шумов В. Методические рекомендации по сбору и архивному хранению фольклорных материалов. Пермь, 1994.

Шуров В. М. Методика собирания музыкального фольклора в условиях студенческой музыкально-этнографической практики // Методы музыкально-фольклористического исследования. М., 1989.

Музыкально-этнографическое отделение консерватории: программа подготовки фольклористов³

Бережное отношение к традициям национальной культуры является одним из условий преемственности исторического опыта народа, воссоздания нравственных и этических основ национального характера. Сложившиеся на протяжении многих десятилетий методы жёсткой регламентации художественной жизни, культурного процесса в целом, ограничение или полная ликвидация доступа к культурному наследию народа в большой мере способствовали подавлению творческой инициативы и общественной активности масс, породили критическую ситуацию в вопросе о выживании национального самосознания. Утрата национальных традиций в сфере культуры (устойчивых доминант коллективного сознания, регулирующих связи человека с действительностью) ведёт к падению нравственно-этического иммунитета общества, к распространению бездуховности.

Важнейшей составной частью народной культуры является фольклор. Вытеснение фольклорных традиций из нашей жизни, из сферы наших художественных интересов наносит ущерб творческому развитию личности и всего общества, сужает спектр естественных связей между поколениями, возрастными группами. Вызывает тревогу, что этот процесс воспринимается обществом как естественный и неизбежный. Однако, если учесть адаптационную способность фольклорных традиций, сохранивших на протяжении веков и тысячелетий в художественных ценностях коллективный опыт многих поколений, то причины отчуждения фольклора следует искать в пороках организации духовной жизни общества. Безответственная близорукость или корыстное замалчивание существа процесса и, одновременно, настойчивая

³ *Мехнецов А. М., Валеvская Е. А.* Музыкально-этнографическое отделение консерватории: Программа подготовки фольклористов // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Банин. М., 1990. Вып. 1. С. 105–134.

пропаганда средствами массовой информации, концертными организациями развлекательных форм массовой культуры, стирают художественно-содержательную, историко-культурную, идеологическую значимость фольклора, обуславливают сегодня преобладание принципа потребительского, коммерческого отношения к искусству. В создавшихся условиях к фольклорным традициям неправомерно прививается отношение как к реликтовой форме культуры, а художественные явления, имеющие ярко выраженный фольклорно-этнографический характер, вводятся в систему коммерческих форм современной эстрады как элемент экзотики.

Культивируемая на протяжении многих десятилетий концертная практика русских народных хоров (как на профессиональном, так и на самодеятельном уровне), подменяя собой подлинно фольклорные формы жизни народной песни, музыки, танца, в известной мере способствовала дискредитации исконных форм национальной культуры. Искусственное отчуждение фольклора прослеживается на всех этапах становления духовного мира современного человека — в семье, в дошкольных и учебных заведениях, в организованных формах художественной деятельности.

Выход из создавшегося критического положения возможен лишь на основе коренного изменения структуры эстетического воспитания, гуманитарного образования, форм использования и пропаганды фольклора, системы подготовки кадров в художественных вузах и средних учебных заведениях.

Ведущими элементами концепции культурного преобразования должны стать:

- основополагающая роль воспитания в предоставлении личности реальных возможностей осуществления права на свободный выбор направления развития творческих способностей;
- обеспечение свободного доступа каждого к культурному наследию своего народа;
- принцип естественного воссоздания (воспроизводства) традиций народной культуры на основе развития общественно значимых функций фольклора в современных условиях и формах его бытования.

Осуществление этой программы предполагает последовательную работу в следующих важнейших направлениях:

1. Интенсивное, многомерное экспедиционное обследование местных фольклорных традиций с применением новейших совершенных технических средств и научных методов.
2. Реконструкция и разработка имеющихся уникальных коллекций фольклорных записей. Создание централизованных фольклорно-этнографических фондов (региональный, областной, районный, местные фонды в крупных центрах культуры). Организация свободного доступа к фондам.
3. Широкое издание фольклорно-этнографических материалов по многоцелевой программе (научные, учебно-методические, популярные публикации, репертуарные сборники, грампластинки, видеофильмы и другое).

4. Создание специальных, постоянно действующих музыкально-этнографических программ на радио и телевидении (в перспективе – организация специальных радио- и видеоканалов).

5. Организация государственных профессиональных фольклорно-этнографических коллективов. Создание специальных залов для фольклорно-этнографических концертов.

6. Создание действующих национально-культурных центров. Организация мастерских по изготовлению народных инструментов, этнографических образцов народного костюма, украшений, предметов домашнего обихода.

7. Использование принципов и форм народной традиционной культуры в проведении современных гражданских ритуалов, праздников, коллективного досуга. Нужно принципиально изменить структуру клубной работы в целом и основы работы самодеятельности (в первую очередь – детских коллективов). Необходимо преодолеть демонстрационную (концертно-показную) направленность работы художественных коллективов; основное содержание их работы должно быть организовано с ориентацией на сферу общения.

8. Широкое введение в художественно-воспитательную практику дошкольных учреждений и общеобразовательных школ фольклорных материалов (песенно-хореографического, инструментального, игрового, дидактического) на основе специально разработанных программ учебной и внеклассной работы. Считать обязательным овладение на каждом возрастном этапе установленным минимумом представлений, знаний и навыков в сфере фольклора.

9. Создание школьных, подростково-молодёжных, студенческих и других фольклорных ансамблей.

10. Создание сети специальных школ, средних учебных заведений, курсов по изучению народного творчества как в системе профессиональной ориентации, так и в целях просветительства.

11. Введение специальных учебных программ по фольклору в гуманитарных вузах и средних учебных заведениях.

12. Подготовка кадров специалистов по фольклору широкого профиля. Введение специальной программы переподготовки кадров в системе факультетов повышения квалификации.

13. Укомплектование штата областных и районных органов культуры, отделов средств массовой информации специалистами, имеющими необходимую подготовку в области фольклора.

Особо следует остановиться на вопросах изучения традиционной народной культуры.

С целью глубокого изучения культурного наследия необходимо установить для всех звеньев и ступеней народного образования последовательное освоение курса знаний и практических навыков в области традиционной на-

родной культуры. Курс формируется с учётом тесной взаимосвязи всех компонентов, целостности системы народной культуры. Общий курс включает в себя основные предметно-тематические комплексы:

- трудовые занятия, ремёсла;
- празднично-обрядовая система;
- нормы отношений в семье и коллективе — народная этика, народная педагогика;
- народная речь;
- художественные формы, их действенная основа, язык и образы фольклорных жанров;
- игры, забавы, увеселения;
- народные музыкальные инструменты;
- традиционная одежда, украшения;
- прикладное искусство;
- народное зодчество.

Знакомство с явлениями традиционной народной культуры должно быть представлено в широком спектре местных форм в исторической динамике их развития.

Поэтапное прохождение курса должно быть обеспечено гибкой системой многоцелевых программ, методик, пособий; должно опираться на всемерную поддержку средств массовой информации, современные технические средства обучения.

Сегодня эти положения легли в основу государственных программ развития народной культуры и фольклора — Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР от 16 июля 1987 года № 61 «О совершенствовании, пропаганде, использованию и развитию фольклора в Российской Федерации». Однако осуществление этих программ возможно лишь при условии решения главной проблемы — проблемы подготовки кадров специалистов по фольклору.

Сложившаяся система подготовки кадров не способна осуществить весь комплекс преобразований, решить круг специальных задач, которые возникают сегодня на всех уровнях фольклористической деятельности. Такая оценка складывается, во-первых, в силу того, что основная масса работников культуры, имеющих отношение к фольклорной проблематике, ориентированная на решение задач народного творчества, обучается в системе культурпросветработы и практически не имеет фольклористической подготовки.

В свою очередь, те немногочисленные специалисты по фольклору, которых готовят музыкальные вузы, не получают базового фольклористического образования, включающего в себя сложный комплекс специальных дисциплин. Кроме того, их выпуск (при отсутствии целенаправленного приёма в вузы) не может планироваться (так, например, выпуск очередного фольклориста в Ленинградской консерватории состоится лишь в 1993 году, тогда как предыдущий был в 1986 году).

Вместе с тем, логика развития фольклористики как науки вывела её в последние десятилетия (с конца 1960-х годов) на новый исторический этап. Этот качественный сдвиг определяется следующими факторами:

- широкое развёртывание экспедиционной работы, резкое увеличение фактологической базы науки;
- раскрытие сущности фольклорного текста через многоплановые связи его компонентов в их синкретическом целом (комплексный подход) и, одновременно, как категории, реализующейся дискретно, в процессе воссоздания (особенности бесписьменных форм искусства). Следствием разработки этого понятия явилось осознание места фольклористики в системе смежных наук, а также изучение исполнительства как элемента структуры фольклорного текста;
- функционирование произведений фольклора не только в их традиционном значении, но и в значении памятников отечественной истории и культуры.

На современном этапе развития фольклористики утверждается и более глубокое понимание фольклора как своеобразной художественно-философской системы, отражающей характер связей этнической целостности (в процессе её исторического развития) с окружающей действительностью. В свете сказанного и музыкальный фольклор во всём разнообразии его жанровых, историко- и диалектно-стилевых проявлений представляется как важнейшая и неотъемлемая часть национальной культуры в целом и музыкальной культуры в частности.

Современная музыкальная фольклористика — специфическая отрасль фольклористики как науки — является одновременно и одной из фундаментальных областей музыковедения. Вопросы теории и истории народной музыки, особенности содержания, специфика художественных форм музыкального фольклора, исполнительские традиции, взаимодействие народной и профессиональной культур, состояние и перспективы развития элементов традиционной музыкальной культуры — круг ключевых проблем современной музыкальной фольклористики.

Синкретическая система явлений фольклора, их тесная связь с жизнью народа, с его исторической судьбой диктуют необходимость многоаспектного изучения и раскрытия каждого факта традиционной народной культуры. Отсюда вытекает, как следствие, требование ввести в круг подготовки фольклористов комплекс специальных дисциплин.

Содержание учебных программ музыкально-этнографического отделения, помимо откорректированных по объёму и формам консерваторских курсов музыкально-исторических и теоретических дисциплин, общих курсов фортепиано и пения, на базе которых складывается профессиональная музыкальная подготовка фольклориста, включает в себя комплекс специальных дисциплин: «Теория музыкального фольклора»; «Народные исполнительские традиции»; «История фольклористики»; «Народные музыкальные инстру-

менты»; «Класс фольклорного ансамбля»; «Музыкально-этнографическая практика»; «Расшифровка»; «Диалектология»; «Поэтика народной песни»; «История и этнография восточных славян»; «История русской культуры и искусства»; «Специальность».⁴

Специалисты, прошедшие полный курс обучения на музыкально-этнографическом отделении, получают в соответствии с индивидуальными способностями и профилем профессиональной ориентации (специальность) следующие квалификации: «фольклорист»,⁵ «методист», «преподаватель музыкального фольклора», «руководитель фольклорного ансамбля».

Необходимость фундаментальной подготовки специалистов по музыкальному фольклору предполагает не только формирование специальных сторон содержания и особой структуры учебных курсов, но и использование новых методов организации учебного процесса.

Ведущими принципами учебного процесса являются:

- единство учебной, научной и практической работы на базе научно-исследовательской лаборатории народного музыкального творчества;

- сочетание различных методов организации учебной работы при прохождении курсов, требующих постепенного и последовательного освоения материала, выработки технологических навыков, и курсов, предполагающих возможность осмысления широкого круга проблем на основе концентрированного изложения учебной программы или крупных её разделов с последующей самостоятельной проработкой материала. Первый ряд образуют курсы теории музыки, сольфеджио, общий курс фортепиано и другие. Во втором ряду стоят дисциплины исторического цикла и некоторые специальные дисциплины (отдельные разделы курса теории музыкального фольклора, филологические, историко-этнографические курсы);

- установление подвижного расписания занятий, позволяющего гибко регулировать максимальные нагрузки лекционной, практической, групповой и индивидуальной работы студентов и преподавателей.

Важным условием выполнения программы является привлечение к преподаванию отдельных курсов или тематических разделов ведущих специалистов (в том числе – иногородних), представляющих различные научные направления и школы в той или иной области знания.

Перспективной представляется организация работы музыкально-этнографического отделения, направленная на развитие сотрудничества с отде-

⁴ Здесь приводится только список основных специальных курсов без расшифровки тематических планов.

⁵ *Примеч. сост.:* При открытии музыкально-этнографического отделения в Ленинградской консерватории в 1989 году были установлены следующие квалификации: «музыковед-фольклорист, преподаватель», «руководитель фольклорного ансамбля». В настоящее время (2013 год) студенты, заканчивающие отделение этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, получают квалификации: «этномузыколог, преподаватель».

лениями народных инструментов (или с отделениями русского народного хора); общие цели и задачи находятся как в сфере углублённого изучения основ народной музыкальной культуры, так и в сфере практического использования музыкально-этнографических материалов. Именно на этом пути возможна реализация программы включения музыкального наследия народа в современный культурный процесс.

Осуществление намеченных программ должно происходить в непосредственной связи с деятельностью научно-исследовательской лаборатории народного музыкального творчества. Это, в свою очередь, создаёт условия для развития принципов подготовки специалистов широкого профиля в системе учебно-научно-производственного комплекса.

Важным моментом организации музыкально-этнографического отделения становится специальный целенаправленный приём поступающих, концентрация интереса к проблемам музыкальной фольклористики в среднем звене профессионального музыкального образования. Это позволит стимулировать фольклористическую работу в музыкальных училищах с последующим созданием там соответствующих отделений.

Уровень знаний и навыков абитуриентов на первом этапе организации музыкально-этнографических отделений должен соответствовать приёмным требованиям, сформированным на базе подготовки выпускников теоретических и дирижёрско-хоровых отделений музыкальных училищ.

Предложенная программа подготовки специалистов по музыкальному фольклору на музыкально-этнографическом отделении является современной разработкой плана Б. В. Асафьева, где предусматривалась специализация выпускников научно-музыкального (с 1929 года — музыковедческого) отделения Ленинградской консерватории на четырёх кафедрах — теоретического музыкознания, истории и социологии музыки, музыкальной литературы и изучения музыкального быта и слушателя, музыкальной этнографии и материальной культуры. В примечании к плану отмечалось: «Окончание музыковедческого отделения возможно по одной из следующих четырёх специальностей: музыкально-теоретической, музыкально-исторической, музыкально-критической и музыкально-этнографической».⁶

К сожалению, планы Б. В. Асафьева в их полном объёме не были осуществлены, и музыкальная фольклористика на долгие десятилетия выпала как одна из основных специальностей из консерваторских курсов. Катастрофический характер последствий отказа от асафьевского плана мы можем осознать лишь сегодня. Вплоть до середины 1950-х годов Ленинградская консерватория практически не готовила кадры в области музыкальной фольклористики.⁷

⁶ Цит. по ст.: *Данько Л. Г.* О некоторых аспектах деятельности Б. В. Асафьева — критика и педагога (к 100-летию со дня рождения) // Музыкальная критика (теория и методика): Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 105.

⁷ Важнейшие научные разработки в области музыкального фольклора осуществлялись силами учеников Б. В. Асафьева З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом, сформировавшихся как фольк-

Фактически свёрнутой оказалась экспедиционная работа, нанесён ущерб не только фактологической базе науки, но и всей русской культуре — ушли из жизни несколько поколений носителей традиций.

В условиях заторможенности общественных связей фольклористики получило бурное развитие псевдофольклорное начало в массовой музыкальной практике, в деятельности русских народных хоров — профессиональных и самодеятельных.

Отсутствие кадров музыковедов-фольклористов, падение престижа музыкальной фольклористики как науки обусловило тот факт, что на протяжении нескольких десятилетий основные силы музыкознания формировались за пределами фольклористической проблематики, музыкальная наука ушла в сторону от изучения коренных проблем истории народной музыкальной культуры.

Наибольший ущерб нанесён детскому дошкольному и школьному музыкально-эстетическому воспитанию. Художественные и музыкальные вкусы подрастающих поколений складывались не на основе освоения национально своеобразных сторон народной музыкальной культуры, а в условиях абсолютного приоритета норм общеевропейской музыкальной эстетики и знаний, принятых в профессиональной музыкальной традиции. При этом откровенный формализм и поверхностность музыкально-эстетического воспитания в системе народного образования и художественной самодеятельности привели к размыванию эстетических идеалов самого классического музыкального наследия. Современная молодёжь, по существу лишённая эмоционально-эстетической защиты, в условиях преобладания музыкального ширпотреба, поддержанного всеми средствами и на всех уровнях, оказалась в плену развлекательно-потребительского отношения к искусству.

Очевидно, что создание музыкально-этнографического отделения и комплексная подготовка специалистов по музыкальному фольклору имеет целью решение не только узкопрофессиональных задач, но и общих задач обогащения духовной жизни современного человека.

Долг музыкальной науки перед народом воспринимается сегодня как необходимость всемерной поддержки и в первую очередь кадрового обеспечения тех направлений научно-исследовательской, музыкально-педагогической, просветительской деятельности, в центре внимания которых стоят вопросы традиционной народной музыкальной культуры.

лористы в семинаре Асафьева в Институте истории искусств. Крупный центр музыкальной фольклористики складывается в 1930-е годы в Московской консерватории, благодаря огромной научно-педагогической деятельности К. В. Квитки и его учеников. Лишь в 1950-е годы в Ленинградской консерватории возрождается фольклористическая школа, во главе которой становится Ф. А. Рубцов.

Программа подготовки специалистов в области этномузыкологии⁸

Включение этномузыкологии в перечень специальностей высшего профессионального образования свидетельствует о начале нового этапа развития отечественной этномузыкологии — научного направления, связанного с исследованием народной музыки, с изучением традиций устной народной музыкальной культуры.⁹

Этномузыкология не замыкается на узкоспецифических музыковедческих проблемах, но логически примыкает к системе смежных научных дисциплин. Междисциплинарный, системный характер был свойственен этой области научного знания изначально¹⁰ и настоятельно поддерживается в трудах ведущих современных исследователей: «Как полидисциплинарная наука, находящаяся на стыке музыкознания, этнологии и фольклористики, этномузыкология уже по своей природе и сущности занимает одно из центральных мест в развитии научной мысли об особенностях духовной культуры и этнопсихологии того или иного народа, об историческом значении каждой национальной культуры в мировом сообществе», — отмечает З. Я. Можейко.¹¹ В настоящее время, в совокупности с другими направлениями научной мысли — этнологией, фольклористикой, этнолингвистикой, этнографией, этномузыкология решает задачи выявления корневых основ культуры, сохранения и воссоздания (воспроизведения) в изменяющихся условиях непреходящих ценностей, относящихся к сфере культурного наследия.

⁸ Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Программа подготовки специалистов в области этномузыкологии // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Сб. науч. тр. Вып. 3. Вологда: Русь, 2007. С. 268–275.

⁹ Как отмечает польский исследователь Анна Чекановска, в зависимости от исторически развивающихся методологических и методических установок неоднократно изменялось и название этой научной дисциплины. «Среди многих терминологических разновидностей наибольшую популярность и историческое значение приобрели четыре: сравнительное музыкознание (*нем.* *vergleichende Musikwissenschaft*, *франц.* *musicologie comparée*, *англ.* *comparative musicology*), музыкальная этнография (*нем.* *Musikethnologie*), этномузыкология (*англ.* *ethnomusicology*) и музыкальная фольклористика (*нем.* *musikalische Volkskunde*). См.: Чекановска А. Музыкальная этнография. Методология и методика. М., 1983. С. 10–11.

¹⁰ Так, например, А. Н. Серов в статье «Русская народная песня как предмет науки» (1869–1870) отмечает: «Наука о народном “музыкальном творчестве” еще не существует, но ясно и теперь уже, что, как отрасль одной общей громадной науки “человекознания” (“антропологии” в обширнейшем смысле), наука о народном музыкальном творчестве, т. е. о народной песне, эта будущая “музыкальная эмбриология”, состоит в теснейшей связи: 1) с физиологией <...>; 2) с этнографией <...>; 3) с историей культуры народов <...>; 4) с филологией, включая туда подробнейшие исследования языка и словесности каждого народа, преимущественно по памятникам *неписанным*, традиционным, — так как музыкальные зародыши в каждой нации далеко предшествуют ее “письменности”». См.: Серов А. Н. Избранные статьи. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 88.

¹¹ Белорусская этномузыкология: Очерки истории (XIX–XX вв.) / Под ред. З. Я. Можейко. Минск, 1997. С. 5.

Необходимость реализации программы подготовки специалистов, деятельность которых направлена на изучение и практическое освоение традиций народной музыкальной культуры, вызвана, в первую очередь, общественным признанием значимости фольклора как одной из форм проявления культурно-исторической памяти (народная песня как воплощение и выражение души народа, особенностей его мировосприятия, характера чувствований, жизненных позиций и отношений). В русле традиций народной философии, эстетики, наряду с основами языка, нормами поведения, обычаями и обрядами, устным поэтическим творчеством, народная музыка играет ключевую роль в процессе становления личности, в решении проблем воспитания новых поколений и экологии культуры.

Призывы к постижению основ народного песенного творчества, к воссозданию напевов в их исконном виде, к введению народной музыки в образовательный процесс звучали уже в 1860-е годы в выступлениях В. Ф. Одоевского, посвящённых открытию Санкт-Петербургской¹² и несколькими годами позже – Московской консерватории. Вспомним эти слова: «Народный напев есть такая же святыня, как и народное слово, и имеет такое же полное право на историческую точность».¹³ «Воспитанники консерватории, получив полное музыкальное образование, будут и по сему предмету важными способниками музыкального искусства; некогда их трудами соберутся с разных концов России наши *подлинные* народные напевы и науке представится возможным бессознательное донныне ощущение перевести на технический язык, определить те внутренние законы, коими движется наше народное пение».¹⁴ Следует отдать должное и программным положениям, высказанным в 1888 году П. П. Сокальским: «Так как русская народная музыка представляет собой своеобразный и самостоятельный мир с бесчисленными особенностями музыкальными и стихотворными, то мы считаем необходимым, чтобы *в русских консерваториях и музыкальных училищах*, наряду с учениями о гармонии и контрапункте, устроены были и специальные кафедры “русской народной музыки”. Это не только возбудило бы живой интерес русских музыкантов к этому особому музыкальному стилю, продукту народного русского гения в областях языка, мелодии и ритма, но и *подготовило бы лиц для осмысленного, систематического и точного собирания и записывания памятников русской народной музыки*». П. П. Сокальский определяет дальнейшую перспективу развития этого направления на общегосударственном уровне: «Вместе с тем такое образование подготовило бы в народных учителях правильное отношение к народной музыке, которая тогда могла бы быть введена к употреблению *во всех народных школах Российской империи*. (Курсив наш. – А. М., Г. Л.). С

¹² В это время (с 1862 по 1866 год) Санкт-Петербургская консерватория официально именовалась Музыкальным училищем при Русском музыкальном обществе.

¹³ *Одоевский В. Ф.* Концерт Русского музыкального общества // *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 253.

¹⁴ *Одоевский В. Ф.* Речь на открытии Московской консерватории // Там же. С. 306–307.

этой стороны русская песня (во всех ее видовых отличиях на севере, юге и западе) могущественно помогла бы объединению и ассимиляции разнородных элементов нашего государства в одной общей самостоятельной культуре, в которой произведения творчества имели бы национальный характер».¹⁵

Идеи о введении в систему образования народной музыки как предмета изучения и художественного освоения постепенно реализовывались, несмотря на переломные события в истории России. В этом отношении показательна судьба *центра научного изучения народной музыкальной культуры и подготовки кадров в области этномузыкологии, созданного в Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде)* трудами нескольких поколений учёных на протяжении XX века.

С 1919 года в Петроградском институте истории искусств начинает свою научную и педагогическую деятельность Б. В. Асафьев. Он избран профессором по специальности «Русская народная музыка» и читает курс лекций по истории русского песнетворчества (*«История собирания, воспроизведения, претворения и изучения русской народной песни»*), а также курсы *«Народная инструментальная музыка»*, *«Введение в музыкальную этнографию»*. В 1925 году Б. В. Асафьев создаёт и возглавляет научно-музыкальное отделение Ленинградской консерватории — первый вузовский центр подготовки музыковедческих кадров, где согласно учебному плану предполагается распределение студентов по четырём специальностям: музыкально-теоретической, музыкально-исторической, музыкально-критической и *музыкально-этнографической*. В ряду научных дисциплин учебного плана 1928 года: *«Русская народная песня (включая семинарий по изучению взаимоотношения русской речевой и музыкальной интонации)»*, *«Основы сравнительного музыкознания»*, *«Музыка народов СССР»*, *«Музыкальное краеведение и прикладная музыкальная этнография»*. С 1929 года, после посещения Асафьевым музеев музыкальных инструментов в Париже и в Берлинской консерватории, а также Берлинского фонограммархива,¹⁶ программа дополняется курсами: *«Общее учение о музыкальных инструментах в связи с их систематикой и морфологией»*, *«История музыкальных инструментов»*, *«Практикум по описанию и определению музыкальных инструментов»*, *«Практикум по технике фонографических записей и расшифровок»*.¹⁷ По словам Асафьева, изучение народного песнетворчества в вузах должно быть «тесно спаяно с научными проблемами этнологии, этнографии, социологии, исторической поэтики».¹⁸ Разработанные Б. В. Асафьевым

¹⁵ Русская народная музыка, великорусская и малорусская, в её строении мелодическом и ритмическом и отличия её от основ современной гармонической музыки. Исследование П. П. Сокальского. Харьков, 1888. С. 368.

¹⁶ См.: Материалы к биографии Б. В. Асафьева / Сост. А. Крюков. Л., 1981. С. 63–64.

¹⁷ См.: Данько Л. Г. О некоторых аспектах деятельности Б. В. Асафьева — критика и педагога (к 100-летию со дня рождения) // Музыкальная критика (теория и методика) Л., 1984. С. 101–105.

¹⁸ Асафьев Б. В. Русская народная песня и её место в школьном музыкальном воспитании и

программы должны были обеспечить высокий уровень научной подготовки будущих специалистов, что отражается в широте проблем, охватываемых в лекционных курсах, а также в постепенном совершенствовании методологической базы (привлечение выработанных в европейской науке методов сравнительного изучения устных музыкальных культур народов мира).

Одной из принципиальных позиций, которую отстаивает Б. В. Асафьев, является отношение к народной музыке устной традиции не как к застывшему наследию прошлого (музейным реликтам), а как к живому, действенному процессу интонационного выражения народной мысли (вспомним тезис Б. В. Асафьева – «песня создаётся не “обмерами”».¹⁹ Им разрабатывается новая программа полевых исследований, цель которой – охват «всех отраслей и видов песенного творчества», бытующих в каждой исследуемой местности, что даёт основания к выявлению «вековых потоков и наслоений мелоса», установлению связей «между изменениями темпа и уклада жизни и изменениями характера и форм песенного творчества».²⁰ Начиная с 1926 года Б. В. Асафьев инициирует ряд комплексных экспедиций Института истории искусств в Заонежье, на реки Пинегу, Мезень с участием представителей разных специальностей. С 1927 года экспедиционная деятельность ведётся в Консерватории. В результате в Ленинграде создаётся Фонограммархив.²¹

Подводя итог десяти годам воистину самоотверженной деятельности Б. В. Асафьева, определённо можно судить о его неопределимом вкладе в развитие науки о народной музыке как выдающегося учёного, основателя этномузыкалогической школы. Однако, в силу сложившейся в 1929 году политической ситуации и участвовавших обвинений в «формализме» и «антимарксизме» со стороны Российской ассоциации пролетарских музыкантов, Б. В. Асафьев был вынужден оставить Консерваторию, а его идеям, связанным с программой специальной вузовской подготовки кадров в области музыкальной этнографии, суждено было осуществиться лишь спустя 60 лет.

В 1980-е годы коллективом музыковедов Ленинградской консерватории под руководством профессора А. М. Мехнецова разработана *образовательная*

образовании // *Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании.* Л., 1973. С. 110.

¹⁹ *Асафьев Б. В. О русском музыкальном фольклоре как народном музыкальном творчестве в музыкальной культуре нашей действительности // Асафьев Б. В. О народной музыке / Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. Л., 1987. С. 26.*

²⁰ *Материалы к биографии Б. В. Асафьева... С. 131-132 (из письма Б. Асафьева М. Горькому от 27 февраля 1938 года).*

²¹ С 1931 года фонографические валики (около 528 единиц), включая коллекции Ленинградской консерватории и Института истории искусств, были переданы в Академию наук СССР и сейчас составляют часть коллекции Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. С момента основания Фонограммархива в Ленинграде и до октября 1941 года его заведующим был Е. В. Гиппиус (см.: *Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М.: Композитор, 2003. С. 9).*

*программа подготовки специалистов в области музыкальной фольклористики.*²² После обсуждения программы на межведомственном совете и утверждения её в 1989 году на государственном уровне²³ в Ленинградской консерватории открыто Музыкально-этнографическое отделение, на котором осуществляется программа профессиональной подготовки специалистов со следующими квалификациями: музыковед-фольклорист, преподаватель, руководитель фольклорного ансамбля. На основе этой программы аналогичные отделения созданы в Петрозаводской государственной консерватории, Воронежской государственной академии искусств, Вологодском государственном педагогическом университете. В 2002 году в Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования в области культуры и искусства включена самостоятельная специальность — «этномузыкология».²⁴ У вузов страны впервые возникает возможность готовить специалистов по *самостоятельной образовательной программе*, позволяющей присваивать выпускникам квалификации: «этномузыколог», «преподаватель». Комплексный характер образовательной программы по этномузыкологии определяется сочетанием научно-творческого, исполнительского и педагогического профилей обучения, что способствует универсальной профессиональной подготовке выпускников.

В течение 2002–2004 годов шло обсуждение государственного образовательного стандарта по специальности «этномузыкология», примерных программ специальных и общепрофессиональных дисциплин на уровне Учебно-методического объединения высших учебных заведений Российской Федерации по образованию в области музыкального искусства. Разработку данных программных документов осуществил педагогический коллектив Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова с учётом многолетней практики реализации вузовской программы подготовки дипломированных специалистов на музыкально-этнографическом отделении. Авторами примерных учебных программ по дисциплинам *специального* цикла являются: профессор, кандидат искусствоведения А. М. Мехнецов (руководитель авторского кол-

²² Основные положения и принципы построения комплексной программы подготовки музыкантов-фольклористов изложены в статье: *Мехнецов А. М., Валевская Е. А.* Музыкально-этнографическое отделение консерватории: Программа подготовки фольклористов... *См. Наст. изд. С. 320–327.*

²³ Решением Государственного комитета СССР по народному образованию от 13.05.1988 № 37 КИ в рамках специальности 0510.00 «Музыковедение» были утверждены специализация 0510.01 «Музыкальная фольклористика», программа и учебный план подготовки специалистов в области музыкальной фольклористики (для консерваторий, музыкально-педагогических институтов, институтов искусств).

²⁴ См. Приказ Министерства образования РФ № 181 от 24.01.2002, номер специальности — 054000. Согласно Общероссийскому классификатору специальностей по образованию ОК 009-2003 (принят и введён в действие постановлением Госстандарта РФ от 30 сентября 2003 года № 276-ст) с 1 января 2004 года номер специальности «этномузыкология» изменён — 070112.

лектива), доктор филологических наук Т. Г. Иванова, старший преподаватель Е. А. Валевская, кандидаты искусствоведения А. Ф. Некрылова, И. Б. Теплова, Г. В. Лобкова, И. С. Попова, И. В. Королькова, кандидаты исторических наук – О. В. Лысенко, С. И. Алексеева, кандидат филологических наук М. А. Тарасова и другие. Разработка примерных программ по *обще-профессиональным* дисциплинам музыковедческого цикла осуществлялась коллективом преподавателей историко-теоретического факультета Санкт-Петербургской консерватории. В настоящее время сборник учебно-методических материалов и нормативных документов опубликован.²⁵

Развитие научной школы этномузыкологии в Санкт-Петербурге проходит в постоянном тесном контакте с другими ответственными научно-образовательными центрами. Разнообразие сложившихся в различных научных школах методов и направлений изучения восточнославянской и других национальных музыкальных культур свидетельствуют о концептуальной новизне и значимости отечественной этномузыкологии на современном этапе. В ряду ведущих методологических позиций можно отметить развитие теории интонации как смысло-выразительной основы музыки (Б. В. Асафьев, Ф. А. Рубцов); выработку методов структурно-типологической систематизации напевов (Ф. М. Колесса, К. В. Квитка, Е. В. Гиппиус, А. В. Руднева); внедрение комплексного (системного) подхода к изучению народной музыки как неотъемлемой части народной традиционной культуры (В. Е. Гусев, А. М. Мехнецов).

Во многом «собираательные», общезначимые позиции отечественной этномузыкологии связаны с тем, что в условиях многонационального государства происходит поиск не только своеобразных признаков, характеризующих культуру каждого народа, но и общих, универсальных закономерностей, свойственных устным музыкальным культурам в целом.

В настоящее время особенно актуальными для отечественной этномузыкологии являются направления:

- музыкальной текстологии, семиотики и семантики, изучение основ народного исполнительства (выявление универсальных законов и специфических средств выражения и передачи информации, сложившихся в народной культуре, выделение значимых элементов «народно-песенной речи»; выявление функций и значений музыкально-поэтической формы в целом и отдельных её элементов в процессе интонирования; раскрытие параметров, определяющих тот или иной характер звучания; экспериментальное исполнительство как инструмент постижения закономерностей сложившегося в народной культуре музыкального языка как «языка живого общения»);
- историко-генетического и историко-типологического изучения традиций народной музыки (выявление типологически устойчивых и значимых

²⁵ Этномузыкология. Специальность 070112 (054000). Примерные программы дисциплин... См. Список научных трудов А. М. Мехнецова.

признаков, составляющих основу традиции; определение историко-стилевых пластов, изучение архаических форм и новообразований, постижение закономерностей формирования и процессов преемственности народных песенных и инструментальных традиций);

- музыкальной археологии и сравнительного изучения этнокультурных традиций (выявление «музыкальных диалектов», их сравнительное изучение; картографирование форм и отдельных стилиевых и структурных проявлений народной музыки; исследование процессов межэтнических контактов, влияний, заимствований);

- функционального изучения народной музыки (взаимосвязь с разнообразными формами традиционной народной культуры и включение в различные виды деятельности; народная музыка в свете народной эстетики, философии, этики, психологии);

- систематизации и классификации материалов (выработка общепринятой терминологии, разработка понятийного аппарата, аналитических принципов, определений, жанровая группировка явлений музыкального фольклора и другое).

В ряду программных задач, которые стоят сегодня особенно остро, отметим следующие:

- сбор сведений, аудио-, видеозапись материалов по народной музыкальной культуре народов России с применением совершенных технических средств и научных методов;

- сохранение архивов аудио-, видео-, рукописных, фото- и других материалов по народной традиционной культуре — перевод коллекций в цифровой формат хранения, их научное описание, расшифровка, систематизация; создание сводной базы данных обо всех имеющихся архивах;

- создание и обеспечение деятельности сети общедоступных фондохранилищ на базе Центров народной традиционной культуры (всероссийского, регионального, областного, районного масштабов);

- издание современных мультимедиа и других видов публикаций;

- включение материалов по народной музыкальной культуре в современный культурный процесс — решение вопросов воспитания и образования, оснащение различных форм культурно-массовой работы;

- борьба с искажениями и спекуляциями за сохранение корневых основ культурных традиций.

Большое значение имеет поддержка естественных форм воссоздания традиций народной культуры на основе актуализации общественно-значимых функций фольклора, чему должно способствовать создание специальных, постоянно действующих музыкально-этнографических программ на радио и телевидении (в перспективе — организация специальных радио- и телеканалов), развитие фольклористического общественного движения (программа деятельности общероссийской общественной организации «Российский фольклорный союз»). Актуальными остаются и проблемы создания сети

школ, средних учебных заведений, курсов, ориентированных на изучение и освоение традиций народной художественной культуры как в целях профессиональной подготовки, так и в целях патриотического воспитания и просветительства.

Программа Специальных классов Фольклорно-этнографического центра²⁶

1. Общие положения

1.1. Специальные классы являются учебным подразделением Фольклорно-этнографического центра.

Создание Специальных классов направлено на решение задач обеспечения базового образования на уровне среднего специального учебного заведения по специальности «музыкальная фольклористика» со следующими квалификациями: «преподаватель музыкального фольклора», «руководитель фольклорного ансамбля».

Срок обучения – 4 года.

1.2. Необходимый уровень подготовки поступающих в Специальные классы – общее образование в объёме неполной средней школы и музыкальное образование в объёме музыкальной школы.

Зачисление производится на основании успешной сдачи приёмных экзаменов (сольфеджио, коллоквиум, русский язык и литература) и по решению Приёмной комиссии.

1.3. Учебная программа Специальных классов предусматривает прохождение четырёхгодичного обучения по следующим основным циклам дисциплин:

- специальные дисциплины фольклорно-этнографического комплекса;
- дисциплины общемусыкальной подготовки;
- дисциплины общеобразовательного цикла;
- учебная практика.

1.4. По окончании Специальных классов выдаётся диплом о среднем специальном образовании с предоставлением права работы в качестве преподавателя музыкального фольклора, руководителя фольклорного ансамбля в системе учреждений детского музыкального образования, других учреждений культуры.

²⁶ *Примеч. сост.:* Программа специальных классов Фольклорно-этнографического центра (подготовлена в 1992 году). Автор Программы – А. М. Мехнецов. В разработке Программы принимали участие Е. А. Валевская, Г. В. Лобкова. Программа не была утверждена Министерством культуры РФ. Основные её положения развивались в деятельности Колледжа русской культуры имени А. С. Знаменского (г. Сургут) выпускниками Санкт-Петербургской консерватории О. В. Смирновой и И. П. Никитиной. *Публикуется впервые.*

1.5. Учащиеся, успешно окончившие Специальные классы, имеют преимущественное право поступления на Музыкально-этнографическое отделение Санкт-Петербургской консерватории.

Выпускники Специальных классов, получившие диплом с отличием, имеют право поступления на Музыкально-этнографическое отделение Санкт-Петербургской консерватории без вступительных экзаменов.

1.6. Учащиеся Специальных классов обеспечиваются стипендией, иногородние учащиеся – общежитием в соответствии с существующими правилами.

2. Учебная программа

2.1. Содержание учебной программы согласует необходимый уровень общемusыкальной и общеобразовательной подготовки с требованиями по специальным дисциплинам и формирует единый круг представлений, знаний и навыков, лежащий в основе начальной профессиональной подготовки специалистов в области практической музыкальной фольклористики, музыкально-педагогической и художественно-творческой деятельности.

2.2. Круг специальных дисциплин строится с учётом специфики фольклора как неотъемлемой части народной традиционной культуры и предполагает последовательное изучение основных явлений и закономерностей музыкального фольклора.

Дисциплины специального цикла сгруппированы по трём основным направлениям:

а) Вопросы теории фольклора: «Теория музыкального фольклора», «Поэтика фольклора», «История фольклористики (краткий курс)», «Фольклорное наследие (хрестоматия по русскому фольклору)».

б) Этнографические аспекты: «Основные формы русской традиционной художественной культуры», «Основы этнографии».

в) Формирование практических навыков в области экспедиционной, систематизаторской, исполнительской, музыкально-педагогической работы: «Класс фольклорного ансамбля», «Систематизация и расшифровка экспедиционных материалов», «Методика преподавания», «Методика работы с фольклорным ансамблем», «Музыкально-этнографическая практика», «Производственная практика».

2.3. Содержание основных специальных курсов:

2.3.1. **Теория музыкального фольклора** – основная профилирующая дисциплина, 3–8 семестры, 210 часов, государственный экзамен.

Включает следующие разделы:

а) Вводный курс: Природа и специфика фольклора (3–4 семестры, 70 часов):

- Формы музыкального фольклора в трудовой, празднично-обрядовой, семейно-бытовой сферах народной жизни;
- Образный строй и система средств выразительности народной песни;
- Общая характеристика законов исторической жизни народной песни.

б) Основные жанры русского музыкального фольклора (5–6 семестры, 70 часов):

- Календарно-обрядовые песни в системе земледельческих обрядов и праздников;
- Семейно-обрядовые жанры русского фольклора;
- Народная хореография, хороводные, игровые, плясовые песни;
- Сказительские традиции и жанры русского эпоса;
- Лирические песни;
- Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка.

в) Закономерности народной песни (7–8 семестры, 70 часов):

- Структура музыкально-поэтической формы – интонационно-ладовое, метроритмическое, композиционное строение народной песни, соотношение напева и текста;
- Историко-стилевые и диалектно-стилевые особенности народной песни.

2.3.2. Поэтика фольклора – специальный курс, 1–4 семестры, 140 часов:

- Мир поэтических образов русского фольклора;
- Мифологические представления, основные сюжеты и персонажи;
- Характеристика основных жанров непесенного фольклора (сказки, былички, поверья, предания, заговоры, загадки, пословицы, поговорки и другое).

2.3.3. История фольклористики – 8 семестр, 34 часа:

- Краткий курс истории собирания, изучения народной песни;
- Важнейшие публикации материалов по музыкальному фольклору и этнографии.

2.3.4. Фольклорное наследие (хрестоматия по русскому фольклору) – 1–4 семестры, 140 часов:

- Практический курс освоения и углублённого изучения источников по русскому музыкальному фольклору на основе фондов звуко-, видеозаписей, рукописных материалов, разнообразных публикаций.

2.3.5. Основы этнографии – специальный курс, формирующий представления о важнейших сторонах народной традиционной культуры, 1–6 семестры, 210 часов.

Включает следующие разделы:

- а) Обряды и праздники календарного круга – 1–2 семестры, 70 часов:
 - Годовой цикл в жизни природы и человека;
 - Представления о времени и пространстве в традиционной народной культуре;
 - Соотношение церковного и земледельческого календарей, основные даты;
 - Основные циклы крестьянских обрядов и праздников русской деревни;
 - Формы народных гуляний; праздничный стол.

б) Семейные и общинные обряды и обычаи – 3–4 семестры, 70 часов:

- Жизнь человека в представлениях и верованиях восточных славян;
- Обряды, связанные с рождением человека;
- Свадебный обряд;
- Похоронный обряд, поминовение предков;
- Основы общинной жизни; народная этика; традиции общинной взаимопомощи; братчины, складчины.

в) Материальная культура русского народа — 5–6 семестры, 70 часов:

- Виды поселения, формы хозяйства, трудовые занятия и традиции;
- Народные ремёсла и промыслы: тканьё и вышивка, изготовление одежды, резьба и роспись по дереву, изготовление музыкальных инструментов, гончарные промыслы и другое.

2.3.6. **Основные формы русской традиционной художественной культуры** — 7–8 семестры, 70 часов:

- Древнерусская живопись; памятники зодчества; ремёсла и художественные изделия;

- Книга; народный театр; городские праздники и увеселения.

2.3.7. **Класс фольклорного ансамбля** — профилирующая дисциплина специального цикла — 1–8 семестры, 560 часов.

Задачи курса:

а) Формирование навыков исполнительства на основе традиций народной певческой культуры. Воссоздание песен различных жанров и местных стилей в этнографически достоверной форме их звучания.

б) Постижение особенностей народной музыкально-поэтической речи, форм народной хореографии.

в) Участие в разнообразных видах современной художественно-творческой практики на основе использования фольклорно-этнографических материалов.

2.3.8. **Музыкально-этнографическая практика** — две недели после 1–6 семестров, 432 часа.

Курс ставит своей целью освоение методов работы с народными исполнителями — носителями традиций и экспедиционной записи народных песен как в полевых условиях (в составе фольклорной экспедиции), так и на материалах архивных фондов.

2.3.9. **Остальные дисциплины специального цикла:**

- Систематизация и расшифровка экспедиционных материалов (70 часов),

- Специальность (70 часов),

- Методика преподавания (18 часов),

- Методика работы с фольклорным ансамблем (36 часов),

- Педагогическая практика (35 часов)

— способствуют закреплению теоретических знаний и формированию практических навыков работы с фольклорно-этнографическими материалами.

2.4. Дисциплины общемузыкального цикла.

Программы курсов по дисциплинам общемузыкального цикла строятся с учётом необходимости формирования объёма теоретических знаний и практических навыков, обеспечивающих музыковедческий подход (на уровне среднего специального образования) к явлениям музыкальной культуры:

Сольфеджио – 1–8 семестры, 420 часов.

Элементарная теория музыки – 1 семестр, 36 часов.

Гармония – 2–5 семестры, 210 часов.

Полифония – 6–7 семестры, 70 часов.

Анализ музыкальных произведений – 6–7 семестры, 105 часов.

Музыкальная литература:

- зарубежная – 1–6 семестры, 210 часов;

- русская – 3–8 семестры, 210 часов.

Фортепиано – 1–8 семестры, 140 часов.

2.5. Дисциплины общеобразовательного цикла.

В Программу, наряду с дисциплинами общегуманитарного образования («Литература», «Русский язык», «История мировых культур», «Основы научного познания мира», «Психология и педагогика», «Иностранный язык») включён специализированный курс «История России», дополняющий общие представления об истоках, особенностях и истории русской культуры.

История России – 1–4 семестры, 140 часов.

Русский язык – 1–2 семестры, 70 часов.

Литература – 3–8 семестры, 210 часов.

История мировых культур – 5–8 семестры, 140 часов.

Основы научного познания мира – 6–7 семестры, 70 часов.

Психология и педагогика – 7 семестр, 34 часа,

Иностранный язык – 1–7 семестры, 246 часов.

3. Общий объём учебных часов.

Общий объём учебных часов, предусмотренных программой, распределяется в соответствии с Учебным планом Специальных классов в следующих соотношениях:

<i>Название раздела</i>	<i>Количество учебных часов</i>
Дисциплины специального цикла	1488
Дисциплины общемузыкального цикла	1401
Дисциплины общеобразовательного цикла	910
Практика	467
Факультативы	200
<i>ИТОГО:</i>	4466

из них: лекционных – 1890 часов

групповых практических – 1957 часов (включая Практику)

6. Вопросы современной музыки		70	70											
Предметы дополнительной квалификации														
1. Навыки работы с ЭВМ		100		30	70									
2. Основы архивного хранения фолькл.-этногр. материалов		100		20	80									
Факультативы														
1. Древнерусское певческое искусство		80		30	50									
2. Народный костюм		120		20	100									

Примеч. сост.: Примерный учебный план включает комплекс дисциплин с учётом общеобразовательных предметов, которые, по мнению А. М. Мехнецова, должны быть обязательными в образовательной структуре среднего специального музыкального учебного заведения. Разумеется, сейчас состав обязательных общеобразовательных дисциплин и количество часов по ним строго регламентированы Министерством образования. Тем не менее, читателям будет интересно ознакомиться с данным проектом, который, как нам представляется, не только не утратил своей актуальности, он открыт для усовершенствования и возможно будет некогда осуществлён.

В Учебный план включены предметы по выбору и предметы дополнительной квалификации, учебные часы которых не входят в основную нагрузку и могут быть выбраны учащимися по желанию.

Проект создания Государственного института русского фольклора: концепция, программа деятельности, пути реализации проекта²⁷

Возрастающая необходимость восстановления основ русской культуры, которые являются надёжной опорой личностного сознания в сложном переплетении условий и обстоятельств современной жизни, требует принципиально нового, государственного подхода к проблемам сохранения и возрождения действенной силы наследия духовной и художественной культуры народа.

В связи с этим особую общественную значимость приобретает фольклористика в характерном для русской науки энциклопедически широком диа-

²⁷ Документы по проекту: Государственный институт русского фольклора: концепция; программа деятельности; пути реализации проекта / Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Вальевская Е. А., Лобкова Г. В., Гордеев В. А. Грант Министерства культуры РФ в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 годы)». 2002. *Документы публикуются впервые.*

пазоне научных взглядов и интересов, что позволяет составить целостную картину народной культуры во всём многообразии её проявлений, раскрыть историческую глубину и перспективы развития фольклорных традиций.

Десятилетия советского периода русской истории разрушили социально-экономические основы традиционного образа жизни, одновременно вытеснив народознание и, в том числе, фольклористику в разряд узко специализированных научных дисциплин. В настоящее время материалы по фольклору и научная проблематика фольклористики сосредоточены лишь в отдельных академических подразделениях, а место фольклора в культурной практике занимают выхолащенные средствами шоу-бизнеса стилизованные формы, обслуживающие интересы общества потребления. В результате этих процессов современное общество лишилось естественного и свободного доступа к фольклорному наследию и стоит на пороге утраты этнокультурных доминант, консолидирующих различные социальные группы населения и гармонизирующих отношения между поколениями в сложных условиях современной жизни.

Широкий круг вопросов, непосредственно касающихся социального, культурного, эстетического, нравственного содержания нашей жизни, требует понимания природы, характера, истории народной традиционной культуры, строгого научного знания законов фольклора. Неумолимый бег времени лишь обостряет нерешённые проблемы, умножает число невозполнимых утрат, сокращает ряд возможностей выхода из ситуации нравственно-этической неустойчивости, чреватой необратимыми последствиями.

Первоочередной задачей в настоящих условиях является создание *Института русского фольклора как государственного учреждения культуры и образования, способного решать универсальные задачи фольклористики в следующих направлениях:*

- *культурная, просветительская, художественно-творческая деятельность*; разработка и внедрение многоцелевых и специальных общественно значимых программ социально-культурного, просветительского, воспитательно-образовательного, художественно-творческого характера, включающих материалы по фольклору и этнографии в качестве основного содержательного компонента; координационная деятельность в области организации системы связей между организациями, осуществляющими различные формы работ по изучению, освоению и пропаганде народной традиционной культуры;

- *разработка и реализация образовательных программ* — подготовка кадров, деятельность которых направлена на всестороннее изучение, сохранение, практическое освоение традиций народной культуры в целях актуализации и включения их в современный культурный процесс (кадры собирателей и исследователей фольклора; кадры для организационно-методической, педагогической и художественно-творческой деятельности в области культуры и образования);

• *научно-методическое, исследовательское направление деятельности* как необходимая база для всех видов практической работы (экспедиционное обследование территорий Севера, Северо-Запада и других регионов России; систематизация и обеспечение долговременного хранения Собрания звуко-, видеозаписей, коллекций компакт-дисков по русскому фольклору и этнографии; обеспечение широкого доступа к имеющимся архивным материалам; проведение фундаментальных и прикладных исследований, подготовка материалов к изданию, разработка методов и форм многопрофильного научно обоснованного использования материалов по фольклору и этнографии в современном культурном процессе).

Фольклористическая научная школа современной России имеет все необходимые основания для создания первого в нашем отечестве Института русского фольклора.

Базовой организацией может послужить *Фольклорно-этнографический центр* как государственное учреждение культуры федерального подчинения, имеющее большой опыт работы в области изучения и освоения форм народной традиционной культуры. Фольклорно-этнографический центр обладает одним из крупнейших в России Собраний материалов по русскому фольклору и этнографии (документальные звуко-, видеозаписи, рукописные материалы, коллекции музыкальных инструментов, предметов материальной культуры). Центр выполняет большой объём научно-исследовательских работ, в том числе по федеральным и региональным программам, разрабатывает научно-методические проблемы, касающиеся использования фольклора в современной культурной и образовательной среде, ведёт подготовку различных видов публикаций материалов по традиционной народной культуре, художественно-творческую, просветительскую деятельность, имеет развёрнутый круг деловых и творческих связей в стране и за рубежом.

По инициативе и при научно-методическом и организационном содействии Фольклорно-этнографического центра в Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова открыто *Музыкально-этнографическое отделение*, на котором решаются задачи профессиональной подготовки фольклористов-исследователей и практиков (преподавателей музыкального фольклора, руководителей фольклорного ансамбля), разработаны и прошли апробацию Программа и Учебный план Музыкально-этнографического отделения, в 1995 году успешно проведён первый выпуск по специализации «музыкальная фольклористика». В 2002 году разработан Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «этномузыкология» с учётом многолетнего опыта работы педагогического и научного коллектива.

Институт русского фольклора оказывается не только правопреемником Фольклорно-этнографического центра, но позволяет многократно расширить имеющиеся возможности в освоении культурного наследия русского народа. Проблема создания Института русского фольклора состоит, в основ-

ном, в принятии организационных решений, собирающих многоступенчатые по структуре взаимные связи и отношения ныне существующих направлений и форм деятельности в единую систему на основе общей программы и организационной соподчинённости.

Главной особенностью программы и организационной системы Института русского фольклора как государственного учреждения культуры и образования, в отличие от иных ныне действующих академических научных, вузовских организаций и учебных центров, являются возможности реализации комплексного подхода в решении задач специального учебно-образовательного и художественно-творческого характера на полноценной научно-методологической основе. Эти возможности опираются на сложившуюся систему организационных, финансовых, научно-творческих интересов, отношений, выработанных временем и подтверждённых опытом практической работы.

Центральным структурообразующим звеном системы Института русского фольклора является *Отдел хранения и научных исследований*. Направления, формы и характер его деятельности исходят из необходимости долговременного хранения и введения в научный и культурный оборот материалов по русскому фольклору и этнографии, сосредоточенных в фундаментальном научном Собрании экспедиционных звуко-, видеозаписей (около 300 тысяч единиц содержания – текстов).

Необходимость концентрации усилий на решении этих задач вызвана критическим состоянием уникальных коллекций, судьба которых на протяжении десятилетий оставалась за пределами внимания и ответственности государственных органов управления в сферах науки и культуры. Именно в силу этого наибольшую остроту сегодня приобрели проблемы:

- реставрации и обработки архивных звукозаписей с привлечением новейших компьютерных технологий;
- фронтального экспедиционного обследования ещё существующих очагов традиционной культуры;
- публикации и многопланового использования документальных материалов в современном культурном процессе и, в первую очередь, в системе общего и специального образования, в сферах воссоздания и развития форм народной традиционной культуры.

На базе имеющихся в Институте русского фольклора фундаментального научного Собрания материалов по русской традиционной народной культуре, учебных подразделений различных уровней, научно-производственного и экспериментально-творческого отделов формируются инициативные группы и очаги реконструкции, воссоздания отдельных форм традиционной культуры и сложных фольклорно-этнографических комплексов в их действенной форме на местах.

Деятельность *учебно-методического подразделения* Института связана с осуществлением программ дополнительного образования: курсов повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров, а также выпол-

няет задачи координационного центра, обеспечивающего на методическом и практическом уровнях работу специальных факультетов и учебных подразделений вузов и средних профессиональных учебных заведений Санкт-Петербурга и России в целом; в дальнейшем на этой основе может быть сформирована самостоятельная вузовская структура подготовки дипломированных специалистов в области этномузыкологии, филологической фольклористики, этнографии.

Научно-производственный и экспериментально-творческий отдел выполняет комплекс работ в области внедрения и совершенствования новейших технологий оцифровки и реставрации архивных коллекций звуко-, видеозаписей, по техническому обеспечению работы сотрудников и слушателей; кроме того, в отделе осуществляется разработка методов и форм воспроизведения традиций материальной культуры (по программам – «народный костюм», «традиционное жилище», «утварь», «традиции русского стола» и другие);

Деятельность *художественно-творческого и просветительского отдела* связана с выработкой методов освоения народных песенных, хореографических, инструментальных традиций, организацией концертов, лекций, творческих мастерских, фестивалей.

Создание первого в России Института русского фольклора является объективно необходимым и служит не только широкомасштабному, на уровне требований современной науки, изучению русского фольклора, но и сохранению культурного наследия, возрождению традиций народной культуры в жизни современного общества.

Организационная система Государственного института русского фольклора

Организационная система Государственного института русского фольклора

Программа деятельности Государственного института русского фольклора

1. Формирование, систематизация и организация долговременного хранения фундаментального научного Собрания фольклорно-этнографических материалов

1.1. Экспедиционная научно-поисковая работа:

- планирование, научное и организационно-техническое обеспечение работы фольклорных экспедиций
- научно-поисковая работа, первичная обработка собранных материалов
- формирование экспедиционной коллекции; составление учётной документации; систематизация материалов
- научный отчёт по экспедиции

1.2. Научная обработка материалов Собрания; организация научных (фондовых) коллекций:

- учёт и систематизация коллекций Собрания:
составление учётной документации по фондовым материалам (звуко-, видеозаписи, рукописные материалы, этнографические коллекции);
организация системы указателей и каталогов (паспортно-статистические сведения, жанровые, предметно-тематические, типологические и другие данные научно-аналитического характера)
- обработка информации с использованием современных автоматизированных баз данных и информационно-поисковых систем
- подготовка к публикации генерального каталога Собрания
- создание фонда расшифровок (нотация, поэтические тексты, репортажные записи)

1.3. Организация архивного хранения; профилактика, реставрация архивных коллекций звуко-, видеозаписей; обеспечение доступа к фондовым материалам:

- организация нормативного хранения и использования фондовых материалов
- реставрация архивных коллекций звукозаписей с использованием компьютерных технологий обработки звука; перевод звукозаписей в цифровую форму хранения
- профилактика фондовых коллекций; обработка и консервация оригиналов
- образование фондовых копий (дублирование уникальных коллекций)
- создание вспомогательных рабочих фондов (монтажи звуко- и видеозаписей, подборки рукописных материалов; реконструкция этнографических музыкальных инструментов, предметов материальной культуры)

2. Научно-исследовательская, научно-методическая и научно-практическая деятельность**2.1. Теоретические и прикладные научные исследования**

- научные описания, статьи и монографии, научно-справочный аппарат, методики, программы и другие виды работы, связанной:
с изучением отдельных сторон, процессов и явлений народной традиционной культуры, фольклорно-этнографических комплексов;
с разработкой теоретических вопросов музыкальной фольклористики;
с актуальными проблемами сохранения и возрождения фольклорных традиций (сбор, хранение, использование экспедиционных материалов, поддержка носителей традиции, проблемы преемственности, образования)

2.2. Подготовка материалов Собрания к публикации (сборники, грампластинки, компакт-диски, электронные справочно-информационные системы, видеофильмы и другое)

- специальная расшифровка, научное описание фондовых материалов
- графические работы, фото-, кино-, видеосъёмка

- обработка фондовых материалов с использованием новейших технологий и методов, подготовка справочно-информационных мультимедиа систем
- составительская, редакторская работа

2.3. Научно-методическая работа по подготовке документальных фольклорно-этнографических материалов к многопрофильному использованию (в том числе – в учебном процессе, в художественно-творческой практике)

- разработка методик и рекомендаций к практическому использованию фондовых материалов
- формирование учебных, тематических, вспомогательных коллекций фольклорно-этнографических материалов – звуковые, видеоподборки, электронные учебные программы
- организация постоянно действующей учебно-демонстрационной экспозиции образцов народного прикладного искусства, этнографических музыкальных инструментов.

3. Подготовка профессиональных кадров в области фольклористики

3.1. Учебно-методическая и учебно-практическая деятельность

- разработка и совершенствование учебных программ, методик по теме «народная традиционная культура и фольклор» для образовательных учреждений различных уровней;
- организация и обеспечение работы курсов повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров
- обеспечение содержательной стороны в деятельности учебных отделений высшего образования: подготовка научных работников, исследователей фольклора, специалистов в области организационно-методической, педагогической, художественно-творческой работы
- разработка программы специальных классов (среднего специального образовательного звена)
- создание экспериментальных учебных площадок

4. Экспериментально-творческая работа

4.1. Разработка принципов, методик и технологий реконструкции и воссоздания отдельных фрагментов и комплексов традиционной народной культуры

- развитие методики освоения народных певческих традиций, создание профессионального фольклорного ансамбля
- изготовление экспериментальных образцов реконструкции музыкальных инструментов, деталей народной одежды, предметов материальной культуры
- создание и обеспечение деятельности специальных экспериментально-творческих мастерских, организация на их основе учебных групп

4.2. Различные виды концертно-просветительской деятельности

- творческие встречи
- концерты, лекции-концерты

- организация праздников, фестивалей
- благотворительные выступления

5. Разработка многоцелевых и специальных общественно значимых программ социально-культурного, просветительского, воспитательно-образовательного, художественно-творческого характера, включающих материалы по фольклору и этнографии в качестве основного содержательного элемента

5.1. Комплекс культурно-экологических программ «Носители традиций и их преемники. Традиции и современность»

- выявление, сохранение и поддержка мастеров-хранителей традиционных знаний, самих естественных условий и форм существования народных традиций. Участие в программах, связанных с защитой и возрождением ландшафтно-культурных, историко-этнографических комплексов и территорий
- разработка концепций и методик создания базовых звеньев (средообразующих комплексов) возрождения народных культурных традиций
- создание очагов возрождения форм народной традиционной культуры, центров реконструкции, экспериментально-производственных участков

Отчёт о выполненной работе по проекту²⁸

В разработке концепции Государственного института русского фольклора принимал участие научный коллектив, в состав которого вошли:

Мехнецов А. М., кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, директор Фольклорно-этнографического центра, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова;

Иванова Т. Г., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;

Власов А. Н., доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;

Некрылова А. Ф., кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, заведующая сектором фольклора;

Лобкова Г. В., кандидат искусствоведения, заместитель директора Фольклорно-этнографического центра, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова;

Лысенко О. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского этнографического музея;

²⁸ Работа выполнена на основании Договора № 2559-01-03 от 26.09.2002 года по подготовке проекта «Государственный институт русского фольклора: концепция, программа деятельности, пути реализации проекта» в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 годы)». Регистрационный номер 1211-32/78-117.

Валевская Е. А., старший научный сотрудник Фольклорно-этнографического центра;

Гордеев В. А., инженер-программист Фольклорно-этнографического центра.

В соответствии с техническим заданием проведены следующие работы:

1. На предварительном и заключительном этапах осуществления работ по проекту состоялись две конференции («круглый стол») с участием выше-названных специалистов, а также профессора Московской консерватории, кандидата искусствоведения Н. Н. Гиляровой, доцента Вологодского государственного педагогического университета, заведующей Лабораторией народного творчества, кандидата искусствоведения Г. П. Парадовской.

Обсуждались:

- концептуальные проблемы создания Государственного института русского фольклора как структуры, осуществляющей государственную политику в области сохранения наследия народной художественной культуры, актуализации исконных народных традиций в жизни современного общества;

- статус и организационно-правовая форма Государственного института русского фольклора, его место в ряду существующих учреждений науки, культуры и образования;

- программы культурной (художественно-творческой, просветительской), научно-методической, образовательной деятельности Института;

- проблема подготовки специалистов для осуществления квалифицированной работы в сфере сохранения и освоения традиций народной культуры (фольклористов, этномузыкологов, этнографов, педагогов), с учётом опыта различных образовательных и культурных центров России и зарубежных стран;

- состояние коллекций архивных материалов по фольклору и этнографии в различных учреждениях; необходимость координации усилий по сбору, изучению, освоению фольклора и созданию единой организационной системы на основе современных информационных технологий (распространение научных методологий, обмен данными, проведение дистанционных конференций);

- необходимость плановой научно-методической помощи существующим региональным фольклорно-этнографическим центрам и потребность в организации сети таких центров на всероссийском уровне;

- возможность создания Государственного института русского фольклора на базе Государственного учреждения культуры «Фольклорно-этнографический центр».

Специально рассматривались вопросы базовых оснований успешной деятельности Государственного института русского фольклора: обязательное наличие фундаментального архива фольклорно-этнографических материалов, проведение систематических полевых исследований, опыт научной, художественно-творческой, учебно-методической работы коллектива.

Особое внимание было уделено программам курсов повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров в области народной традиционной культуры и фольклора. В связи с этим подробно рассматривался и обсуждался разработанный специалистами Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и Фольклорно-этнографического центра Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства по специальности 054000 «этномузыкалогия». Были уточнены программы ряда учебных дисциплин специального цикла («Основы этномузыкалогии», «Поэтика фольклора», «Теория музыкального фольклора», «История фольклористики», «Этнология», «История и этнография восточных славян», «Этнолингвистика» и других), которые могут послужить основанием для аналогичных программ Института русского фольклора.

2. Разработана концепция Государственного института русского фольклора как государственного учреждения культуры и образования федерального уровня, способного решать универсальные задачи фольклористики в следующих направлениях:

- культурная, просветительская, художественно-творческая деятельность
- разработка и реализация образовательных программ
- научно-методическое, исследовательское направление деятельности

3. При подготовке программы деятельности Института русского фольклора имелись в виду:

- перспективный план деятельности Фольклорно-этнографического центра как учреждения, имеющего все необходимые основания для реорганизации в Институт русского фольклора;
- разработанные учебные курсы по ряду специальных дисциплин: «Теория фольклора», «Основы этномузыкалогии», «Поэтика фольклора», «История фольклористики», «История и этнография восточных славян», «Теоретические проблемы современной фольклористики», «Фольклор народов Европы», «Методика экспедиционной работы», «Методика преподавания специальных дисциплин», «Основы хранения архивных материалов» и других.

Названные учебные курсы получили апробацию в 10-летней практике работы Музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. В разработке учебных курсов Музыкально-этнографического отделения на протяжении 1988–2002 годов в разное время принимали участие ведущие учёные-слависты Б. Н. Путилов, В. Е. Гусев, историки В. К. Зиборов, Г. С. Лебедев, С. И. Алексеева, этнограф О. В. Лысенко, филологи В. В. Колесов, Т. Г. Иванова, А. Ф. Некрылова, этномузыкологи А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. Б. Теплова, Е. А. Валевская, И. С. Попова и другие.

4. Разработана структура и обозначены функции каждого из подразделений Института:

- отдела хранения и научных исследований с перспективой комплектования постоянно действующей экспедиционной группы, осуществляющей полевые исследования в различных областях России;

- учебно-методического подразделения;
- научно-производственного и экспериментально-творческого отдела;
- художественно-творческого и производственного отдела.

5. Согласно техническому заданию разработана технология программного обеспечения автоматизированного рабочего места (АРМ) научного сотрудника Института русского фольклора в целях эффективного использования архивных фондов, а также в целях организации системы взаимодействия структурных подразделений Института.

6. Подготовлены предложения по реализации проекта на основе преобразования Фольклорно-этнографического центра (г. Санкт-Петербург), имеющего необходимую научную базу, научные фонды, опыт ведения образовательной деятельности, штат специалистов.

Руководитель проекта, Директор Фольклорно-этнографического центра (Санкт-Петербург), заслуженный деятель искусств России, кандидат искусствоведения А. М. Мехнецов.

ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Традиционная народная культура: программа сохранения, защиты и возрождения¹

С учётом исключительного характера настоящего положения нашего общества и необходимости поиска направлений и методов преодоления сложившейся ситуации, когда мы оказались у порога необратимости, за которым нас ждут невосполнимые утраты основ национальной культуры, считаю важным решение вопросов защиты, сохранения и возрождения традиций народной культуры.

Меня вдохновляет просвет надежды, наметившийся в связи с возникновением возможности новых подходов к фольклору, к традиционной культуре в инстанциях, непосредственно формирующих и осуществляющих государственную культурную политику. Подчёркиваю это обстоятельство, поскольку известно моё критическое отношение к существующей системе управления культурным процессом: плачевная картина современного состояния традиций народной культуры — факт нашей действительности, в предопределённости которого значительна роль руководящих структур, в том числе и Министерства культуры.

Однако прежде чем сформулировать основные задачи, следует уточнить ключевые понятия, касающиеся нашей проблемы. Необходимость уточнения вызвана тем, что в силу произвольного их толкования происходят трансформация, подмена, а в конечном счёте вытеснение важнейших смысловых элементов традиционной культуры как на организационном, так и на фундаментальном уровнях современного культурного процесса в целом и художественного процесса в частности.

Примерами подобных смещений служат концепция и всеохватывающая практика культурно-просветительной работы, показывающей, что директивный порядок подчинения в системе культурных ценностей идеологии вёл через централизацию к динамичному вмешательству в культурный процесс. Достижение результатов обеспечивалось здесь не только согласованным взаимодействием всех организационных структур, но и возможностью постоян-

¹ Мехнецов А. М. Традиционная народная культура: программа сохранения, защиты и возрождения // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр.: В 2 ч. / Сост. А. Н. Иванов. М.: Госуд. республиканский центр русского фольклора, 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 142–146.

ного воздействия на сознание и образ жизни людей через системы образования, профессиональной подготовки кадров, средства массовой информации.

Практика долгих десятилетий показала, что на этом пути от монотипной идеологии — к монотипному образу жизни обществу угрожает не только упрощение системы культуры (и далее — культурная деградация), но и возникновение аномалий, нарушающих естественный эволюционный ход культурного процесса и разрушающих само общество как социально-культурный организм. Например, проблема связи поколений, выведенная из рула отношений, регулируемых на основе традиции, перерастает из культурологической в комплекс остро социальных проблем неустроенного детства, одинокой старости, проблем молодёжи и так далее.

В совокупности всех своих проявлений суть культуры, начальным звеном которой является сам человек, человеческая жизнь в конкретном времени и пространстве, обобщённо может быть определена как опосредованный сознанием (индивидуальным, коллективным) опыт упорядочивания многообразных жизненных связей и отношений человека (человеческих сообществ) с окружающим миром, возникающих в процессе его продуктивной, направленной на достижение позитивных результатов деятельности.

Многогранность бытия, таким образом, проявляет себя в процессе становления культуры, на пересечении материального и духовного (идеального) начала жизни. Именно на уровне культуры аккумулируется и воспроизводится в повседневной практике исторический опыт человечества. История культуры — процесс удержания, накопления, обновления и дополнения прошлого опыта, его адаптации к постоянно меняющимся условиям, что находит отражение не только в структурном усложнении системы культуры (производство, наука, образование, общественные отношения, художественная культура и так далее), но и в историко-стадиальной многослойности, в этнически своеобразных чертах культуры, в сложном взаимодействии различных её пластов.

В бесконечном разнообразии и многомерности содержания, форм, направлений современной культурной деятельности выделяется самостоятельная сфера народной традиционной культуры, имеющая значение корневой основы всего «древа» культуры. Формирование жизненных смыслов в русле народной традиционной культуры восходит к категориям синкретически целостного, нерасчленённого сознания, которое охватывает различные стороны, явления и процессы жизни природы и человека в их взаимосвязи и соподчинённости. Отсюда и каждый факт традиционной культуры не может, не теряя важнейших смысловых элементов, существовать вне системных отношений, обусловленных природой культуры данного типа. Каждое её явление содержит и воссоздаёт присущее ему жизненно важное начало во всей полноте и силе, определяемой внутренними связями и глубиной самой традиции.

В отличие от вышеизложенного, в практической деятельности, в повседневном обиходе сложилось упрощённое понятие «народная культура». При этом термин «культура» используется главным образом применительно к

формам художественной деятельности, художественного творчества, а определение «народная» интерпретируется как противопоставление деятельности профессиональной.

При таком подходе отдельные звенья народной традиционной культуры – фольклор, художественные промыслы, хореография и другие – вытесняются за пределы естественных форм культурного процесса, меняют свои существенные характеристики на уровне функционирования, смыслового содержания, включаются в сферу коммерческого искусства (сферу культурного обслуживания, культурного потребления). Все другие структурные компоненты системы традиционной культуры (хозяйство, трудовые занятия, жилище, одежда, питание, обряды) в силу своей специфики выпадают из общего представления и сферы внимания официальных органов управления на всех административных уровнях, от министерства до районного управления культуры.

Естественным следствием расчленения системы народной традиционной культуры явилась ущербная по сути, умозрительная концепция культпросвета. Она включает программы трудового, нравственного, эстетического воспитания, индустрию художественной самодеятельности и развлекательных форм досуга. Будучи формализованными и отвлечёнными от системы народной традиционной культуры, эти программы не могут обеспечить фундаментальных основ культуры, искажают содержание культурного процесса, подменяя суммой навыков жизненно значимую деятельность, освящённую сознанием, охватывающим явления жизни в бесконечно многообразных связях, отмеченных прошлым опытом. В этом отчуждении – жёсткость и механистичность системы культпросвета.

Восстановление духовного здоровья человека и всего нашего общества возможно лишь на путях возрождения основ национальной культуры, естественных форм самого культурного процесса, согласующего все виды деятельности со здравым смыслом, с историческим опытом народа.

Основные направления и группы задач в фольклорно-этнографическом аспекте проблемы возрождения народной традиционной культуры могут быть предложены в нижеследующих тезисах.

1. Комплексные полевые исследования и создание фактологической базы по народной традиционной культуре. Формирование фольклорно-этнографических фондов по всем видам народной традиционной культуры, их научно-исследовательская разработка.

2. Обеспечение фундаментальных исследований и других направлений научной деятельности в области народной традиционной культуры.

3. Подготовка профессиональных кадров для всех видов собирательской, научно-исследовательской, методической и практической деятельности по использованию документальных материалов по традиционной народной культуре.

4. Восстановление традиций народной культуры в их подлинности и во всей полноте их естественного продуктивного существования на основе под-

держки существующих очагов культурных традиций и организации разнообразных форм преемственности.

5. Восстановление и охрана среды и условий естественного бытования традиционной народной культуры (как отдельных форм, так и комплексов). Определение территорий бытования культурных традиций как районов с особым культурно-этнографическим статусом.

6. Социально-правовая защита разнообразных видов народной традиционной культуры и её носителей, охрана фондов и всех материалов по народной традиционной культуре от неправомерного их использования или фальсификации, а также от действий, ведущих к их утрате. Ответственность первых лиц местной власти за состояние традиционной культуры.

7. Создание национального Совета для координации усилий, связанных с сохранением и обеспечением жизнеспособности традиций народной культуры или специального правительственного органа – Комитета по делам народной традиционной культуры.

8. Поддержка преемственности форм традиционной культуры на основе прямых связей с носителями традиций народной культуры в условиях естественного существования (воспроизводства) этих традиций.

9. Поддержка общественных инициатив и других видов деятельности, связанных с воспроизводством народных традиционных знаний и опыта во всех сферах жизни; разработкой и введением учебных образовательно-воспитательных программ по народной традиционной культуре; обеспечением преемственности традиций на основе современных методов и средств их восприятия и воссоздания.

10. Создание правовых, моральных, психологических, социальных и экономических условий возрождения традиционной культуры.

11. Распространение знаний по народной традиционной культуре средствами массовой информации и другими видами коммуникации, направленное на выявление высокой художественной, этической, историко-культурной ценности народной культуры.

12. Содействие организации местных региональных, республиканских, международных мероприятий (праздники, ярмарки, фестивали, семинары, конференции) в целях возрождения национальных культурных традиций.

13. Обеспечение обмена информацией по народной традиционной культуре с помощью библиотек, музеев, архивов, а также специальных периодических изданий на национальном и международном уровнях.

14. Введение в общеобразовательные программы всех видов учебных заведений развёрнутых тематических курсов по народной традиционной культуре.

Развёртывание многоплановой работы в предложенных направлениях предполагает достижение следующих программных результатов:

- выявление закономерностей народной традиционной культуры и оценка современного её состояния;

- выработка рекомендаций по использованию и перспективам развития разнообразных форм народной традиционной культуры;
- предоставление возможности доступа к культурному наследию народа;
- гарантированный статус народной традиционной культуры в системе универсальных ценностей современного общества;
- предоставление права выбора путей развития творческих способностей и становления личности;
- максимально полное удовлетворение человеческих интересов и потребностей в освоении национально-самобытных форм традиционной культуры своего народа; обеспечение права народа на свою культуру;
- формирование осмысленного бережного отношения к культурному наследию; повышение общего уровня культуры;
- привлечение широкого круга людей к освоению народной традиционной культуры;
- формирование на основе усвоения национального культурного наследия устойчивых доминант личностного и общественного сознания, психологической опоры;
- консолидация возрастных и социальных слоёв общества, укрепление духовного, нравственного иммунитета общества.

Фольклор и этнография: Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры Вологодской области²

Общие положения

В сложившихся в настоящее время условиях вопросы отношения к культурному наследию, проблемы сохранения, изучения, пропаганды традиционной народной культуры, фольклора приобрели особо важное значение. В связи с этим выдвигается ряд задач, решение которых ложится серьёзной ответственностью на наше общество в целом и, в первую очередь, на учреждения, осуществляющие государственную политику в области культуры. Становится очевидной необходимость принципиальных изменений в постановке целей и организации всего дела культурного возрождения и строительства на основе национальных традиций. Без решительных усилий в этом направлении утрата исторического опыта поколений, сконцентрированного в разнообразных формах традиционной народной культуры, а вместе с ним

² Мехнецов А. М. Фольклор и этнография: Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры Вологодской области / Ред. А. В. Кулёв. Вологда: Областной

и национально-своеобразного в жизни человека, окажется неизбежной. Некоторые закономерные следствия этого разрушительного процесса уже сегодня отчётливо обнаруживают себя в падении комплиментарного уровня внутренних связей общества, в нарушении его целостности. По существу, от обстоятельности и масштаба предпринимаемых мер поддержки и развития традиционной народной культуры будет зависеть динамика соотношения негативных и позитивных факторов формирования культурно-экологической ситуации в ближайшие годы.

Острота возникших проблем и неотложность их решения вызвана тем, что на протяжении многих десятилетий не только в художественной, культурно-просветительской, учебно-образовательной и воспитательной практике, но и в социальной политике, в хозяйственно-экономической деятельности складывались под прессом идеологических установок стереотипы тенденциозного отношения к народным традициям, к культурному наследию в целом. Традиционная культура, противопоставляемая как устаревшая или примитивная новым, «современным» формам культуры, либо вовсе не принималась в расчёт, либо эксплуатировалась в искажённом виде, без учёта её сущностных характеристик, природы явлений, единства всей системы традиций. Настойчиво и последовательно проводимая политика идеологизации в области искусства вела к подавлению естественного и самостоятельного проявления культурных традиций в предпочтении «поставленным мероприятиям», демонстрационным формам «самодетельности», запланированным и организованным на централизованной основе. С другой стороны, утверждалось потребительское начало масс-культуры через глобальное, с помощью всех доступных современному обществу средств, воздействие развлекательного коммерческого искусства. Эти, а также другие (внутриполитические, социально-экономические, демографические) процессы приводили к смещению ценностных ориентаций, приоритетов, эстетических критериев, подмене понятий и смысловых значений в отношении к культурным традициям, деформировали общественное сознание и, в конечном счёте, определяли изменения в общей структуре самой народной культуры, вели к разрушению традиционных её пластов — именно тех, в которых нашли воплощение неповторимо своеобразное качество национального и подлинно целесообразное, продуктивное, истинное в содержании исторической жизни народа.

научно-методический центр культуры, 2000. С. 1—18. *Примеч. сост.:* Программа подготовлена А. М. Мехнецовым в 1990 году. Несмотря на то, что официального её утверждения не было, Программа стала руководством к действию для всех, «кто видел в обращении к народной традиционной культуре путь к духовному обновлению общества», — так пишет в предисловии к её публикации редактор А. В. Кулёв. «На протяжении последнего десятилетия, — продолжает он, — организационные принципы Программы, её идейные установки последовательно проводились в жизнь как областными, так и районными органами государственного управления, ведущими деятелями науки, культуры и образования; на местах — в вологодской глубинке — шло практическое восстановление народных традиций». При подготовке публикации 2000 года А. М. Мехнецов внёс в текст некоторые изменения и дополнения, которые специально оговариваются.

Расчленение системы традиционной культуры, вытеснение её составных на уровне незащищённости, а затем и отрицание жизнеспособности народных традиций в современных условиях — таков путь отрицания не только национально определённых явлений культуры, но и самой этнической системы как носителя культурных традиций. В ряду следствий этого процесса — проблемы, которые на протяжении многих столетий регулировались силой традиции в общем русле нормативных установок этнической целостности (отношения между поколениями, проблема семьи в целом, степени права и долга, ответственности, вопросы достоинства труда, собственности, устройство сельской жизни и так далее) до тех пор, пока институты традиционной культуры не были подавлены. Сегодня эти проблемы встали перед органами государственного управления уже в качестве глобальных социальных задач, требующих комплексных решений, огромного и долговременного напряжения всех сил. Утрата традиций, стирание национально различимых черт культуры лишает общество возможности упорядочить своё современное состояние, привести его в согласие, соразмерить нормы жизни с природой самого этноса, найти своё место в системе межнациональных, межэтнических отношений, лишает общество исторической перспективы.

Анализируя современное положение дел, становится очевидным, что тезис о естественном и неизбежном угасании форм традиционной народной культуры, принятый за основу в практической деятельности всех подразделений официальной идеологии и культуры, является методологически несостоятельным и противоречащим коренным интересам общества. Данные современной науки свидетельствуют, что фольклорные традиции, традиции материальной и духовной жизни народа, удерживая на основе преемственности важнейшие начала и стороны его исторического опыта, развиваясь в течение многих веков, обладают естественным и безупречным механизмом адаптации в изменяющихся объективных условиях их бытования. Традиции народной культуры, согласуя в своих законах свойства консервативности и постоянного обновления, выстраиваются в исторически многослойную и, вместе с тем, целостную систему, в которой прошлый опыт, при необходимости, может быть востребован и воссоздан. Традиции не теряются бесследно и сами по себе. Они могут быть подавлены, пресечены в активных формах их существования. Но, оказавшись под воздействием антисистемных сил, свёртывая многообразие своих проявлений и функций, традиции сохраняют истоки жизненной силы на глубинных уровнях этнического мироощущения и сознания, на уровне генотипа, возрождаясь в прежних или иных формах при новых благоприятных условиях.

Эта важнейшая особенность традиционности даёт объективные основания для уверенности в том, что при неисчислимых утратах, при всей несопоставимости конституционных норм нашего прошлого и современности, при всей исключительности сложившейся ситуации, сегодня ещё осталась возможность удержать связующие нити, которые дают нам право претендовать в

качестве прямых наследников на труды и славу наших предков, на нашу историю. Эти связующие нити — последнее поколение наших дедов, матерей и отцов, их память и слово, наше заинтересованное к этому наследию внимание.

Другая сторона предпосылок, обеспечивающих результативность конструктивных решений в сфере культуры, состоит в том, что в последние десятилетия на основе новых взглядов и подходов в области исследования культурно-исторических процессов, результатов фольклорно-этнографической экспедиционной работы, в силу требований нашего времени, в общественно-художественной жизни возникло направление, главным движущим началом которого стал интерес к традиционной народной культуре. Это направление обрело характер массового культурного движения. Его глубинные основы — поиски устойчивых доминант сознания в стремительном ритме нашего беспокойного бытия, понимание художественно-этической самоценности, жизненной значимости фольклора, других сторон традиционной народной культуры, вера и утверждение здоровой логики преемственности поколений. Это движение, обладающее силой стихийного и массового проявления, словно общественный инстинкт самосохранения, выражается в огромном спектре созидательных инициатив, ищет пути преодоления опасной зоны культурной деградации, нуждается в серьёзной, квалифицированной и непредвзятой встречной поддержке. Долг науки, долг всех государственных структур, общественных организаций войти в суть дела, поскольку оно затрагивает интересы всех ныне живущих и тех, кто придёт нам на смену.

Среди обстоятельств, в которых развивается сегодня интерес к фольклору и этнографии, особую роль играет новый статус фактов традиционной народной культуры, определившийся в последние годы, — статус культурного наследия. В значении памятников отечественной истории и культуры они включаются в систему разнообразной научно-исследовательской, культурно-просветительской, воспитательной деятельности, подлежат тщательному документальному описанию, консервации и защите. Полноценное функционирование фактов этнографии и фольклора в этом качестве осуществляется системой хранилищ, архивов, музеев, научно-исследовательских центров, других организаций. Но, одновременно с тем, именно в силу их своеобразия или уникальности, памятники традиционной народной культуры подвергаются эксплуатации в сфере коммерции, бизнеса. Неизбежным следствием такой эксплуатации становится выхолащивание сущностных сторон традиционной культуры. Единственным противовесом разрушительным результатам процесса коммерциализации на почве национальной культуры может быть возрождение народных традиций во всём многообразии их местных, «диалектных» проявлений, в полноценной форме, значениях, жизненных связях.

Перспективность организационных усилий, направленных на создание среды, благоприятной для естественного воссоздания, восприятия и самовоспроизводства традиций народной культуры в большой мере связана с актуа-

лизацией функционально-смыслового содержания её разнообразных видов и форм, действенной стороны каждого явления и всей системы традиционной культуры. На основе именно этих начал осуществлялся процесс исторического бытования культурных традиций народа, раскрывалась в жизни каждого нового поколения логика соотношения законов общечеловеческого и национально-особенного. В постоянстве чередования событий и фактов жизни человека (трудовой, семейной, общественной и личной) определялись характеры и формы становления традиционного сознания, здесь формировались нормативные связи человека с окружающей средой, получала воплощение его принадлежность к конкретной этнической системе.

Уже в силу объективной целесообразности жизненного содержания народных культурных традиций, их возрождение в современном культурном процессе представляется не только возможным, но и необходимым. Отмеченные выше в общих чертах аспекты и проблемы, затрагивающие судьбу народной традиционной культуры, подтверждают насущность постановки ряда серьёзных задач в этой области. Их решение требует планирования на основе комплексного подхода, сосредоточения всех сил, современной организации дела, готовности к длительной целеустремлённой работе.

Основные направления

Построение региональной (областной) Программы возрождения традиций народной духовной и материальной культуры опирается на следующие положения методологического характера:

- В целостной, исторически динамичной системе народных представлений и практических навыков, в природе, структуре и функциях явлений традиционной культуры находят отражение, принимают упорядоченный характер многообразные отношения и связи этнической целостности с окружающим миром.

- Этнокультурная однородность и целостность общества складывается в условиях естественной взаимосвязи всех его возрастных и социальных слоёв. Идеальный тип таких связей, обеспечивающих преемственность прошлого опыта, устойчивость основополагающих элементов традиционной культуры и, одновременно, их развитие, заключён, например, в отношениях, организующих жизнь многопоколенной («большой») семьи. Каждое новое поколение выражает в социально активных формах своей деятельности характер и состояние внутриобщественных связей, этнокультурный потенциал общества в конкретных исторических условиях его существования.

- Решение вопросов преемственности, сохранения в живом бытовании и естественного развития культурных традиций народа в настоящих условиях связано с раскрепощением продуктивной силы, с реализацией жизненной основы, действенного содержания различных видов и форм традиционной культуры как составных текущего культурного процесса.

Эти положения определяют общую концепцию Программы, конечные цели которой – *восстановление гармоничных связей между поколениями, раскрытие творческих возможностей личности, развитие национально характерных сторон культуры современного общества.*³

Главными составными целеполагающей части Программы являются:

I. Восстановление и защита жизнеспособности форм традиционной народной культуры как продуктивных элементов современной жизни с учётом их системного характера, функционального значения, местного своеобразия и естественных условий существования.

Исходным моментом процесса возрождения культурных традиций служат народные знания и опыт, сохранившиеся до наших дней в памяти старшего поколения и охватывающие важнейшие стороны жизни, с которыми неразрывно связаны проявления национально определённых черт традиционной культуры, особенности национального мировосприятия:

- традиционная система хозяйствования: ремёсла, промыслы, занятия; трудовые традиции;
- народное зодчество, одежда, прикладное искусство;
- семья, общество, нормы отношений, обычное право. Народная педагогика, этика, институты хранения и передачи знаний;
- календарно-трудовые, семейные обряды и праздники; традиции русского стола; увеселения, игры, забавы;
- народная речь, музыкально-поэтические и хореографические формы;
- народное естествознание, медицина.

Движущее начало процесса возникает в результате реализации деятельностной основы каждого факта традиционной культуры. Восприятие и воссоздание значимых элементов традиции требует их практического освоения, устойчивых навыков в использовании форм и средств традиционного культурного слоя. Это означает необходимость постановки и обеспечения задач воспитательного и образовательного цикла, решения вопросов преемственности на всех уровнях проявления культурной традиции.

В этой части Программы сосредоточена основная проблематика, связанная не только с организацией сферы естественного воссоздания традиций, но также и с преодолением отчуждённости разных поколений. Решение этих проблем ведёт к восстановлению этнокультурных связей в обществе, к изменению смысловых доминант в повседневной жизни.

II. Всестороннее комплексное широкомасштабное изучение народной традиционной культуры, на основе которого устанавливается самоценность и истинное значение каждого её явления, восполняются и совершенствуются научные знания, разрабатываются методические рекомендации по использованию

³ *Примеч. сост.:* В авторском тексте 2000 года цель Программы определяется, как «осуществление в современных условиях преемственных связей поколений и консолидация общества на основах народной культуры».

народных традиций в различных сферах современной жизни (хозяйственно-экономической, социальной, воспитательной, художественной и других), прогнозируются культурные процессы.

Хроническая запущенность, неразрешённость проблем в этом направлении поставила наше общество перед фактом полной разоружённости и угрожающей несостоятельности решать насущные задачи сохранности культурного наследия, перед фактом утраты значительного потенциала духовности, жизненных устоев. Отсюда острейшая необходимость создания гибкого и эффективного научного аппарата в области полевых исследований и сбора материалов, систематизаторской, экспертно-аналитической, методической работы и, тесно связанная с этими вопросами, проблема подготовки специалистов.

Одновременно ставятся задачи формирования и оснащения специализированных и общедоступных фондов по истории, этнографии и фольклору, широкой публикации материалов по традиционной народной культуре, организации разносторонней научно-просветительской деятельности.

III. Создание приоритетов, способствующих легализации и равноправному включению фактов традиционной народной культуры в современный процесс, развёрнутая система просветительских программ, квалифицированная пропаганда, направленная на выявление их высокой художественной, этической, историко-культурной ценности.

Самым трудным порогом на пути преодоления издержек культурной политики прошлых лет оказывается осознание принципиальных различий творческого процесса, законов художественной формы и языка в системе народной культурной традиции, в профессиональном искусстве и в русле так называемой художественной самодеятельности. Только при естественном гармоничном соотношении разнообразных форм художественного творчества в настоящем культурном процессе могут быть созданы условия, обеспечивающие право личности на свободу выбора путей совершенствования.⁴

Серьёзную роль в решении вопроса «за» или «против» перспективы возрождения национальных культурных традиций играют средства массовой информации (печать, телевидение, радиовещание), использование которых необходимо для успешного выполнения Программы. С этим связан и комплекс самостоятельных организационно-творческих задач: подготовка специалистов, разработка новой тематики, методов, согласование специфики фольклорно-этнографического материала с особенностями различных видов средств массовой информации и так далее.

Специального подхода и новых решений требуют проблемы «Фольклор в концертных формах исполнения», «Русская песня на концертной эстраде».

⁴ *Вариант формулировки данного положения:* «Логически естественное равновесие в отношении ценностного содержания прошлого опыта и современной жизненной практики создаёт условия, обеспечивающие перспективу и право личности на свободу выбора путей совершенствования».

Преодоление штампов, сложившихся в этой области, позволит раскрыть богатые, ещё не использованные возможности фольклорно-этнографического материала.

Организационные принципы Программы

Особенности системы традиционной народной культуры, так же как и критическое состояние традиций (подавление живого процесса самовоспроизводства и пресечение преемственных связей), необходимость обеспечения многомерного широкомасштабного изучения и практического использования культурного наследия в современной жизни определяют не только программные цели и задачи, но и структуру, и организационные принципы Программы.

Результативная часть Программы объединяет в организованном и целенаправленном процессе, с одной стороны, источники материалы и современные формы проявления традиционной культуры (память, знания и опыт предшествующих поколений), с другой — науку, хозяйственную и общественную практику, социально-культурную проблематику, организационные возможности и экономический потенциал нашего общества во имя восстановления основ национальной культуры как естественной и необходимой опоры в жизни современного и грядущих поколений.

Основой, на которой выстраиваются и с которой согласуются все важнейшие направления деятельности, предусмотренные Программой, является область воспроизводства традиционных знаний и опыта.

Значение источниковой базы и ведущая роль здесь самих носителей традиционных знаний, хранителей культурных традиций представляется очевидной. Непосредственное участие народных исполнителей в процессе культурного возрождения предполагает комплекс организационных решений и мер, направленных на создание социально-правовой и материально-технической поддержки всех видов их деятельности.

Важнейший ряд организационных вопросов возникает в связи с обеспечением непрерывного последования звеньев процесса воспроизводства явлений традиционной народной культуры: *«действие — восприятие действия — новое его воспроизведение»* и так далее. Именно на этом участке разворачивается разнообразие инициатив в осуществлении программных задач формирования преемственности традиционной народной культуры. В этом процессе при деятельном участии людей разного возраста и профессий обнаруживает себя и роль новых поколений как преемников, продолжателей национальных традиций.

В силу многопрофильности содержательной стороны программы, с учётом основных направлений её развития (создание источниковой базы, фольклорно-этнографических фондов и научная разработка проблем традиционной народной культуры, актуализация культурных традиций и организация

на деятельностной основе сферы их воссоздания, учебно-воспитательная и художественно-просветительская работа) образуется *комплекс тематически самостоятельных подпрограмм*, в которых конкретизируются задачи, средства, методы и формы работы.⁵

1. Наследие народной традиционной культуры (источниковедческая, научно-методическая база реализации программы)

1.1. Создание фундаментального собрания фольклорно-этнографических материалов по народной традиционной культуре Вологодской области как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций (материалы по фольклору, обрядовой, трудовой, праздничной жизни; народные представления и знания, историко-этнографические сведения и материалы).

1.2. Создание областного и местных Центров народной традиционной культуры.

1.3. Просветительские, публицистические и художественные программы средств массовой информации.

2. Носители традиций и их преемники. Традиции и современность

2.1. Выявление и поддержка мастеров-хранителей традиционных знаний, сохранность естественных условий и форм существования народных традиций. *Защита и возрождение ландшафтно-культурных, историко-этнографических комплексов и территорий.*

2.2. *Мастер-ученик.* Восстановление видов, форм, технологий, приёмов традиционной хозяйственной и производственной деятельности.

2.3. Создание очагов возрождения форм народной традиционной культуры, центров реконструкции, экспериментально-производственных участков.

2.4. *Круг общения.* Семейные традиции, традиции народного быта; занятия, игры, развлечения; сверстники, отцы и дети.

2.5. *Круг интересов.* Студийные любительские группы; мастерские, ориентированные на подлинные образцы народной художественной культуры; художественно-просветительская деятельность.

2.6. *Народный праздник.* Возрождение традиционных народных праздников. Концертно-фестивальные программы.

3. Школа. Программа подготовки кадров

3.1. Школа и традиционная культура (комплекс учебных программ, методических разработок и пособий).

3.2. Создание школ традиционной народной культуры.

⁵ *Примеч. сост.:* Состав и содержание приведённых ниже программ приводятся по авторскому тексту 2000 года.

3.3. Подготовка специалистов в области народной традиционной культуры на уровнях среднего специального и высшего образования.

3.4. Система специальных семинаров, проведение курсов стажировки и переподготовки кадров.

3.5. Разработка специальных обучающих программ и методических пособий.

Формирование и реализация каждой из подпрограмм осуществляется силами научно-исследовательских, научно-производственных и других структур, создаваемых в соответствии с долгосрочными планами выполнения работ, а также при заинтересованном участии специалистов и организаций, привлекаемых к решению конкретных проблем на вневедомственной (договорной) основе.

Принцип целевого финансирования отдельных подпрограмм и взаимосвязанных задач на том или ином направлении позволяет гибко решать вопросы организации всего дела, концентрировать усилия в достижении практических результатов.

Общественно-государственный характер Программы определяет источники финансирования и материального её обеспечения — государственные и общественные фонды. При этом, все затраты на осуществление Программы являются не только необходимой мерой предотвращения катастрофических последствий этнокультурной деградации общества, но и участвуют в процессе оборота с большим экономическим эффектом и в интересах общества как производительные вложения капитала с долгосрочной, продолженной во времени и многократно умноженной его отдачей.

Хозрасчётный принцип используется в тех сферах деятельности, где он согласуется с целями Программы и способствует успешному решению задач (например, в сферах хозяйственной деятельности, народных промыслов).

Вся работа по различным направлениям Программы планируется, обеспечивается и контролируется областным *межведомственным Советом по народной традиционной культуре*, устанавливающим предельно короткие прямые связи между всеми компонентами действенного механизма Программы (от разработки и постановки задачи до её реализации и достижения цели).⁶ Функции областного межведомственного Совета складываются не в русле деятельности центра управления культурным процессом, а на уровне деятельности независимого экспертно-консультативного и организационного звена, способствующего привлечению государственных, хозяйственных, общественных, научных организаций и учреждений к созданию условий при-

⁶ *Примеч. сост.:* В авторском тексте 2000 года обозначены следующие функции Совета: «Областной межведомственный Совет по народной традиционной культуре иницирует обеспечение социально-правовой защиты разнообразных видов народной традиционной культуры и её носителей, охраны фондов и всех материалов по народной традиционной культуре от неправомерного их использования или фальсификации, а также от действий, ведущих к их утрате, устанавливает ответственность первых лиц местной власти за состояние традиционной культуры».

оритетного развития этнокультурных процессов, условий возрождения и активного существования национальных культурных традиций.

В соответствии с положениями и функциями областного межведомственного Совета в его состав в качестве постоянных членов входят ответственные представители местных государственных структур, Научного центра традиционной культуры, общественных организаций и профсоюзов.

Ключевая роль в реализации Программы принадлежит *региональному (областному) Научному центру традиционной культуры*. В его задачи входит:

- полевые и стационарные исследования закономерностей всей системы местных культурных традиций;
- формирование, хранение, систематизация областного централизованного фонда фольклорно-этнографических материалов (рукописные, звуко-, видеозаписи, фото-, кинодокументы, предметы материальной культуры), их использование во всех направлениях, предусмотренных Программой;
- отработка методов и форм введения элементов традиционной народной культуры в современную практику;
- разработка рекомендаций и помощь в реализации программных задач на местах;
- организация инициативных групп, очагов воссоздания народных традиций в хозяйственной, семейной, общественной жизни, народных праздников;
- концертно-лекторская, выставочная, научно-просветительская, пропагандистская, издательская деятельность;
- создание проблемных групп (временных научно-исследовательских коллективов) для изучения отдельных сторон местных культурных традиций;
- организация и научное руководство периферийными научно-производственными группами, формированиями;
- научно-методическое обеспечение учебно-воспитательных направлений Программы.

Научный центр как ведущее подразделение образуется в соответствии со своими задачами по следующей схеме:⁷

- отдел хранения областного централизованного фонда фольклорно-этнографических материалов;
- научно-исследовательский отдел;
- специализированная библиотека, фонотека, видеотека;
- экспериментально-творческая лаборатория (научно-методическая, исполнительская группы);
- издательский отдел;
- инженерно-технический отдел;
- финансово-экономический отдел.

⁷ *Примеч. сост.:* Организационная структура Центра приводится по авторскому тексту 2000 года. Этим обусловлены её некоторые несовпадения со штатным расписанием Центра.

Важное место в осуществлении программы занимают *Проблемные группы (временные научно-исследовательские коллективы) и научно-производственные формирования.*

Проблемные группы организуются с целью научно-исследовательской, методической разработки отдельных вопросов традиционной народной культуры, создания и внедрения программ, связанных с использованием культурного наследия (научная проблематика, образовательные программы и так далее).

Научно-производственные формирования различных профилей как инициативные группы, очаги воссоздания традиций образуются на местах (с привлечением носителей традиций) для непосредственного участия в освоении и восстановлении традиционных знаний и опыта с учётом особенностей системы местных культурных традиций и в естественных условиях их воспроизводства (традиционное крестьянское хозяйство, быт, ремёсла, трудовые артели, мастерские по изготовлению предметов домашнего обихода, одежды, игрушек; коллективы, восстанавливающие местные фольклорные традиции, обряды, праздники).

В общем виде организационные формы, направление и характер связи рабочих звеньев Программы представлены на следующей схеме:

Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры не является узковедомственной. Она охватывает все структуры общества в пределах региона и служит интересам каждого человека, формируя естественную культурно-экологическую среду. Это даёт основание рассчитывать на участие и поддержку всех местных организаций, на консолидацию всех сил в достижении целей Программы.

Штатное расписание Научного центра традиционной народной культуры (проект)

<i>Должности</i>	<i>кол-во штатных единиц</i>
Научный руководитель Центра, старший научный сотрудник	1
Секретарь Центра	1
Отдел хранения Централизованного фонда фольклорно-этнографических материалов	
Заведующий, ответственный хранитель, старший научный сотрудник	1
Старший научный сотрудник	2
Младший научный сотрудник	2
Инженер-радиотехник	1
Старший лаборант	2
Научно-исследовательский отдел	
Научный руководитель, старший научный сотрудник	1
Старшие научные сотрудники:	
• музыковед	2
• филолог	2
• этнограф	2
• искусствовед	2
Лаборанты	2
Специализированная библиотека	
Библиотекарь	1
Экспериментально-творческий отдел	
[Экспериментальная творческая группа]	12
Издательский отдел	
Старший редактор	1
Технический редактор	1
Ответственный секретарь	1
Всего:	37 штатных единиц

Русская фольклорно-этнографическая экспедиция: Программа создания фундаментального научного собрания фольклорно-этнографических материалов по русской народной традиционной культуре как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций⁸

Многовековой, тысячелетний опыт поколений, закрепившийся в устойчивых формах образа жизни, в неписанных законах нравственности и веры – в формах духовной культуры, предстаёт перед нами сегодня в безмерной глубине смысла и красоте русских сказок и песен, в разнообразии диалектов русского языка, открывается в семейных и календарно-земледельческих обрядах, в трудовых обычаях и ремёслах, в эстетике русского костюма, в мудрости народной педагогики, в народном врачевании и других сторонах жизни русского человека.

В глубинных пластах традиционной народной культуры берут начало фольклорные традиции – своеобразная художественно-философская система, охватывающая единством мироощущения, мировосприятия череду поколений, связывающая воедино прошлое, настоящее и будущее исторической жизни этноса и каждого человека. В этом феноменальном свойстве находит объяснение постоянное и всегда узнаваемое качество явлений фольклора, других форм традиционной культуры – их национальная определённость. Именно на этом основании современная мировая культура (документы ЮНЕСКО, художественная, культурная практика стран Европы, Америки) воспринимает фольклор, народные культурные традиции как универсальные общечеловеческие ценности.

Уходящая в глубь веков культура не теряется и не рушится сама по себе – под жёстким прессом обстоятельств нашей действительности, она свёртывает свои функции и спектр проявлений, из активного состояния трансформируется на уровни памяти, а затем и в спасительные тайники генотипа. Отсюда начинается либо новый виток эволюции, либо восстание духа.

Наш собственный отечественный опыт свидетельствует – забвение народных традиций, их утрата грозит распадом внутренних этнокультурных связей (в первую очередь – межпоколенных), потерей национального иммунитета, образованием чуждых природе этноса аномалий в жизни общества.

⁸ Мехнецов А. М. Русская фольклорно-этнографическая экспедиция: Программа создания фундаментального научного собрания фольклорно-этнографических материалов по русской народной традиционной культуре как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций. Текст публикуется впервые.

Примеч. сост.: Проект создания постоянно действующей структуры, обеспечивающей непрерывный процесс полевых исследований. Время написания текста – середина 1990-х годов.

Вместе с тем, как парадокс (или как общая закономерность) нашей жизни, именно сегодня мы располагаем современной (во многих отношениях выше общеевропейского уровня) методологией, научным опытом и фактологической базой фольклористики как науки с мощным потенциалом возникшего в 1970–1980-е годы общественного интереса к национальной культуре, фольклору (Российский союз любительских фольклорных ансамблей⁹ объединяет коллективы свыше 70 городов России), передовой (в буквальном смысле — первой в России и Европе) действующей вузовской программой подготовки специалистов по фольклору и самое главное — нескончаемым разнообразием местных, диалектных форм народной традиционной культуры, которая даёт о себе знать живым родником памяти старшего поколения, хранителей заветов старины.

В наши дни этнокультурная доминанта, консолидирующая общество на основах традиционной народной культуры — главная опора общественного сознания, соединяющая усилия всех и каждого в разрешении проблем культурного возрождения России.

С учётом настоящего положения дел первоочередной задачей становится реализация Программы создания фундаментального научного собрания фольклорно-этнографических материалов по русской народной традиционной культуре как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций. Цель Программы — осуществление преемственных связей поколений в области народной культуры в современных условиях. Центральным звеном Программы является новая организационная структура — постоянно действующая Русская фольклорно-этнографическая экспедиция.

Основные направления деятельности Русской фольклорно-этнографической экспедиции — широкомасштабные экспедиционные исследования, сбор, хранение, изучение фольклорно-этнографических материалов, организация широкого доступа к культурному наследию русского народа, обеспечение программ преемственности и возрождения народных культурных традиций. На каждом из основных направлений деятельности формируются группы вспомогательных программ, которые расширяют, углубляют, детализируют проблематику и способы достижения результатов.

В общей схеме основных направлений и подпрограмм определяются следующие комплексы взаимосвязанных задач:

1. Экспедиционные исследования:

- научное обеспечение (методология, методики) и проведение последовательной широкомасштабной, многопрофильной экспедиционной работы;
- организационное, материально-техническое обеспечение экспедиционной работы.

2. Фонды (хранение и систематизация):

⁹ *Примеч. сост.:* В настоящее время — это общественная организация «Российский фольклорный союз».

- образование новых, поддержка и развитие существующих местных региональных коллекций и фондов по традиционной народной культуре и фольклору (коллекции звуко-, видеозаписей, рукописных материалов по русскому фольклору и этнографии; образцы материальной культуры, народного прикладного искусства);

- формирование коллекций фундаментального собрания Русской фольклорно-этнографической экспедиции (коллекции антологического характера);

- обеспечение хранения, реставрации, эксплуатации фондов;

- работы по научной систематизации, описанию коллекций, расшифровке.

3. Научные исследования:

- комплексные и монографические научные исследования явлений, сторон, закономерностей традиционной народной культуры и фольклора;

- организация и проведение научных семинаров, конференций.

4. Поддержка и развитие условий естественного существования культурных традиций, этнографически достоверное их воссоздание:

- организация и поддержка очагов бытования культурных традиций, системы местных народных праздников, обычаев и обрядов, деятельности мастеров – носителей традиционной культуры по воссозданию форм местных культурных традиций;

- организация процесса восприятия народных знаний, ремёсел;

- восстановление и охрана среды и условий естественного бытования традиционной народной культуры, создание очагов реконструкции традиционных форм, учебно-образовательных комплексов;

- восстановление и развитие местных традиционных форм промыслово-производственной деятельности.

5. Культурные программы на базе фондов:

- учебно-образовательные и воспитательные (дошкольные, школьно-подростковые, молодёжные учебные программы);

- просветительские (концертно-лекторская, издательская и другая работа);

- художественно-творческие;

- фестивально-праздничные.

6. Программа подготовки кадров:

- специальные курсы, школы;

- группы подготовки специалистов-практиков.

Русская фольклорно-этнографическая экспедиция представляет собой объединение научно-творческих, экспериментально-производственных, культурно-экологических групп, специалистов, общественных и предпринимательских инициатив различных городов и районов России на базе настоящей Программы Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

Выполнение всего комплекса задач опирается на фонд музыкально-этнографических материалов и научно-методический потенциал Фольклорно-

этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории, многолетний опыт экспедиционной, научно-исследовательской работы, систему творческих связей Центра с другими научными коллективами (в том числе с зарубежными национальными и международными организациями), на творческие возможности Российского союза любительских фольклорных ансамблей.

В активе Фольклорно-этнографического центра – работа по созданию и научной систематизации коллекций экспедиционных звуко-, видеозаписей, рукописных материалов по фольклору и этнографии, кино-, фотодокументов, образцов материальной культуры и народного прикладного искусства, коллекции традиционных народных музыкальных инструментов, научные труды и публикации фольклорно-этнографических материалов. На базе Фольклорно-этнографического центра создано Музыкально-этнографическое отделение по подготовке специалистов широкого профиля, действует один из ведущих в России Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории.

Реализация предлагаемой Программы с учётом масштабов задач и широкого спектра направлений деятельности требует организационного, финансового и материально-технического обеспечения. Одновременно с осуществлением работ по отдельным направлениям предполагается создание самостоятельных структур производственно-коммерческого профиля.

Формулировка организационных принципов и уставных положений Русской фольклорно-этнографической экспедиции, детализация Программы, выбор рациональных форм её осуществления, точные расчёты затрат требуют дополнительно специальной проработки после принятия принципиального решения об учреждении и гарантиях.

Концептуальные положения Программы восстановления цикла русских национальных праздников, связанных со сменой времён года «Солнцеворот»¹⁰

**Народная традиционная культура как основа
восстановления естественно-исторических форм
обрядово-праздничной жизни общества**

Программа «Солнцеворот» направлена на освоение и развитие традиций народной культуры на основе системы обрядов и праздников календарного круга.

Наше время воочию заставляет убедиться в том, что без культурной памяти, без знания, понимания и уважения к прошлому нет и не может быть

¹⁰ Мехнецов А. М., Некрылова А. Ф., Лобкова Г. В. Концептуальные положения Программы

достойного настоящего, что именно прошлое и более всего — традиционная культура — помогают нам понять самих себя, своё место в истории, а значит, разумно строить своё будущее, противостоять усиливающейся в масштабах всего мира тенденции к обезличиванию, унификации массовой культуры.

Понятия *традиция* и *культура* теснейшим образом связаны друг с другом. Совершенно ясно, что культура немыслима без традиции, она и есть результат и развитие последней. В свою очередь, традиции оказываются полезными только при условии культурного отношения к ним. В самом деле, только традиция придаёт устойчивость культуре, делает её целостной и единой, отсеивая нецелесообразное, чуждое и поддерживая, обеспечивая сохранение специфического, ценного для данного этноса, региона, эпохи. Но справедливо и то, что развитие и обогащение культуры предполагает преодоление застоявшегося, не отвечающего запросам нового времени. Эту двойственность традиции необходимо учитывать, чтобы, с одной стороны, в слепом преклонении перед прошлым не превращать духовное наследие в рутину, в мёртвый образец для подражания; с другой — не игнорировать новые проявления в самой фольклорной культуре, наконец, с третьей стороны, чтобы в погоне за современным, модным, свежим не прийти к отрицанию мощи и ценности традиционных форм культуры.

В русле народной традиционной культуры складываются представления человека о мире и его мироощущение, система образов и языка, верования, народные знания и умения, обычаи и нравы, формы хозяйственной деятельности, семейной, обрядово-праздничной жизни и система фольклора. На основе традиционности не только закрепляется весь опыт практической деятельности, но и регулируются нормы социальных отношений (семейных, общинных, трудовых, межпоколенных, половозрастных), всего жизненного уклада.

Сохраняя до наших дней своё корневое значение, народная традиционная культура содержит в себе важнейшие свойства и качества этнического, в которых находит выражение исторический путь каждого народа. В настоящее время этнокультурная доминанта, соединяя усилия всех и каждого в разрешении проблем возрождения России, может стать одной из главных опор общественного сознания.

С учётом природы явлений традиционной народной культуры, её места в культуре современного общества, становится очевидной важность и неот-

восстановления русских национальных праздников, связанных со сменой времён года «Солнцеворот».

Примеч. сост.: Данный текст является первым разделом Программы «Солнцеворот», подготовленной в 2003 году коллективом авторов в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» по заказу Вологодского областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации. Разработчики проекта: А. М. Мехнецов (науч. рук. проекта), А. Ф. Некрылова, Г. В. Лобкова, А. В. Кулёв, С. Р. Кулёва, Г. П. Парадовская, С. В. Жарникова, Т. Г. Иванова, И. В. Королькова, Е. А. Валевская. *Раздел Программы публикуется впервые.*

ложность принципиальных изменений в постановке целей и организации процесса культурного строительства на основе национальных традиций. Государственный подход в осуществлении долгосрочной программы развития народной традиционной культуры должен послужить прочным основанием к достижению общих целей:

- сохранения естественной среды существования традиционных форм национальной жизни;
- восстановления внутренних связей и системной целостности общества на основе консолидации всех его социальных и возрастных слоёв;
- укрепления духовных устоев, нравственно-этического иммунитета общества.

Ведущим направлением является восстановление, поддержка и защита жизнеспособности форм народной традиционной культуры как продуктивных элементов современной жизни с учётом их системного характера, функционального значения, местного своеобразия и естественных условий существования, а также — обеспечение процессов преемственности на всех уровнях проявления культурной традиции:

- традиционная система хозяйствования; ремёсла, промыслы, занятия; трудовые традиции; жилище, одежда, предметы обихода;
- семья, общество, нормы отношений, обычное право; народная педагогика, этика, институты хранения и передачи знаний;
- календарно-трудовые, семейные обряды и праздники; традиции русского стола;
- народная речь, музыкально-поэтическое творчество, хореография;
- народное естествознание; медицина.

Цикл календарно-трудовых обрядов и праздников в его традиционном виде: содержание и функции

Важность и необходимость праздников доказаны той ролью, которая отводилась им на протяжении всей истории человечества. Праздники сопровождали наиболее значимые, существенные моменты и периоды природных циклов и жизни коллектива, будь то государство, народ, религиозная община или семья.

Праздник — социальное и культурное явление, в котором соединены две тенденции: возврата, неподвижности и обновления, динамики. Двойственная природа праздника проявляется в одновременном его ориентире на прошлое и устремлённости в будущее. Праздник исконно связан с традицией, он всегда опирается на апробированное, устоявшееся, и более того, он стремится к возрождению и актуализации традиционного. Утверждая социальные порядки, нормы, художественные и нравственные идеалы, праздник тем самым приобщает человека к традиции. И в то же время, будучи по природе своей нацеленным на обновление, на будущее, он всегда находится в оппозиции к

той же традиции, способствуя её развитию и обогащению. Поэтому праздник в значительной степени ритуализирован, обряден, но никогда не сводится к ритуалу или обряду, оставляя место новому, непредусмотренному, свободе проявления и сознательному выбору.

Календарно-трудовые обряды и праздники представляют собой развитый полифункциональный цикл, в котором слиты воедино различные по природе мотивации того или иного обрядово-праздничного комплекса (религиозные, аграрно-трудовые, жизненные и так далее). При этом выделяются несколько принципиальных характеристик, определяющих статус и придающих особое значение традиционному народному празднику.

Смысловой основой, содержательным началом праздника выступает определённая жизненно значимая доминанта. Для праздников календарно-трудового цикла важнейшее значение имеют: биологические ритмы и обусловленные ими смены состояний живой природы (смена времён года, периоды возрастания и спада солнечной активности, лунный цикл, расцвет и увядание растительности), а также – регулярный характер трудовой деятельности, связанной с земледелием, скотоводством, бортничеством, лесным хозяйством, промыслами (подготовка к особо напряжённым трудовым этапам или благополучное завершение совместных работ также, как правило, имеют закреплённое место в годовом цикле). Правильное проведение праздника способствовало, по мнению человека традиционного общества, правильному течению времени – наступлению в нужные сроки весны, своевременным дождям и заморозкам, обилию рыб в водоёмах, ягод, грибов, орехов в лесу и так далее; ещё в XIX веке крестьяне верили в силу и судьбоносность правильно отмеченного праздника: как отпразднуешь, таков будет урожай, так будет спориться работа, таковыми будут здоровье и настроение. Строгость соблюдения праздничных правил объяснялась и сохранением представления о празднике как о моменте максимального напряжения сил природы, той точке, повороте, переломе, которые чреватые серьёзными качественными изменениями, вплоть до глобальной трансформации космоприродного универсума. Чем важнее, значительнее праздник, тем крепче сопряжены в нём все силы и существа природы – добрые и злые, светлые и тёмные, благодетельные и опасные. Потому поведение человека, включённого в стихию праздника (обрядов), было строго регламентировано; упорядочена, этикетна, пронизана правилами сама праздничная свобода.

Исстари основным занятием восточных славян, и русских в том числе, было земледелие, поэтому культура в целом и основная масса праздников и обрядов носила земледельческий характер. Жизненный уклад земледельца определялся в первую очередь сменой времён года, поворотными моментами солнечного календаря. В годовом солнцевороте особо выделялись четыре точки: зимний и летний солнцевороты, весеннее и осеннее равноденствия. В русском аграрном календаре им соответствовали зимние Святки, Иван Купала, начало-середина марта и сентября. Важность указанных четырёх

сроков подтверждается тем, что три из них в разное время служили официальной точкой отсчёта Нового года.¹¹

Вместе с тем, в результате многовекового развития система традиционных календарно-трудовых праздников и обрядов русского народа предстаёт в неразрывной связи с циклом православных праздников и, во многих случаях, ориентирована на даты церковного календаря. Соотнесённость отмечаемых событий календарно-трудового цикла с веками священного предания, историческими датами православной церкви усиливает их общественную значимость и даёт основания углублённому символическому восприятию происходящего.

Церковный календарь, по большому счёту, не только не уничтожил, не подорвал дохристианский земледельческий календарь, но оказался чрезвычайно нужен и полезен земледельцу. Святцы помогли превратить свод знаний крестьянина в стройную, удобную систему времяисчисления; они послужили канвой, в которую легко укладывался практический опыт земледельца и которая естественно вобрала в себя традиционные обряды и праздники. При этом надо понимать, что народный календарь (как и народное православие в целом) — не механическое соединение двух мировоззрений, а органичный сплав идей высокой религиозной духовности и поэтического взгляда практичного земледельца на природу, законы бытия, роль человека в мире и прочее.¹² Тема жизни и смерти, постоянный переход из одного состояния в другое, возрождение и воскресение через смерть, гибель, страдания — главенствующие темы церковной и народной культуры — нашли отражение в календарно-трудовой обрядности.

Совместное «проживание» праздничного времени, с одной стороны, предполагает осознанную сопричастность к вечным ценностям истории и культуры народа, с другой — осмысление пройденного этапа жизни с целью подготовки к предстоящим событиям. В процессе циклично организованной празднично-обрядовой деятельности каждый раз актуализируется, проверяется и кристаллизуется опыт практической жизни общества — религиозный и социальный. Это определяет высокую степень интеграции, системность связей в обществе: праздник не является досугом, а представляет

¹¹ На Руси — кроме 24 июня, Рождества Иоанна Крестителя (Иван Купала).

¹² Поскольку народная культура складывается и сохраняется в традиционных формах на протяжении тысячелетий, она в той или иной мере обнаруживает корневые дохристианские основы, но это отнюдь не означает, что все эти архаические проявления культуры неизменно опираются на языческие (антихристианские) религиозные нормы. Подчеркнём, что речь идёт не о параллельном сосуществовании христианского и языческого начал («двоеверии»), а о наложении христианства на прежде существовавшую мифологическую систему представлений о мире, о срастании этих двух основ и о постепенном формировании третьего, качественно нового, православного характера культурных традиций. Подобное сочетание, вернее, сращение аграрной (дохристианской) и церковной культур, христианской веры в самом глубоком смысле, трудовой конкретики и древних верований — важнейшая особенность, уникальность и воистину национальное достояние русского человека.

собой форму совместной деятельности — соединённое усилие во имя достижения значимого результата. Традиционная, исторически сложившаяся система празднично-обрядовой жизни предполагает актуализацию прежде всего сущностных, личностных и родовых связей между людьми. Общими усилиями воссоздаётся утрачиваемая в обычные дни гармония и мир, происходит соединение не только живых, но почти что осязаемой становится связь с ушедшими в мир иной и ещё не родившимися на этот свет. Так человек в празднике оказывается точкой пересечения будущего и прошлого, средоточием опыта и мудрости праотцов и той жизненной энергии, которая является причиной рождения потомков и прогресса в его положительном смысле.

Сам статус праздничного действия формируется как результат усилия многих и участия каждого. Праздник — это особый, сакральный отрезок времени, не столько свободный от труда, сколько запрещающий определённые виды работ, определённую деятельность и поступки, налагающий на празднующих требования особого поведения, особого этикета, обязательного участия в обрядовых актах. Действенное и осознанное коллективное участие возможно лишь при наличии установленной и устоявшейся (традиционной) структуры каждого праздника, при этом неременным условием является владение всеми участниками «языком праздника»: понимание смысловых доминант происходящего, знание специфических форм и средств выражения, нормативов поведения.

Празднично-обрядовый комплекс основывается на развитой сети сложившихся в местной традиции, полифункциональных по направленности форм и средств выражения, совместных действий (хороводные и обрядовые шествия, собственно обрядовые формы — возжигание огней, ряженьё, застолье и другие), которые рассчитаны на определённое в ролевом отношении участие всех половозрастных групп и социальных слоёв населения. Особое значение в осуществлении внутрисистемных связей имеет область фольклора, вбирающая в себя выраженные в художественно-символической форме проявления этнического сознания, имеющие общественно значимый характер и направленные на регуляцию отношений человека (человеческого общества) с окружающим миром.

Освоение и воссоздание в подлинном звучании народных песен, наигрышей, другого фольклорного материала как одной из важнейших составляющих празднично-обрядовой жизни позволяет естественным путём решить задачи углублённого постижения языка, основ мировосприятия, мироощущения, свойственных народу, и в то же время способствует раскрытию личных качеств и способностей, создаёт среду совместной творческой деятельности.

Подчеркнём, что именно фольклорный материал оказывается той естественной формой самовыражения народа, на основе которой возможно подлинное взаимопонимание различных этнических групп. Только полно-

ценное владение «языком» собственной культуры позволяет понять «язык» культуры различных народов. Уважение к собственным традициям способствует восприимчивости, открытости по отношению к другим этническим традициям. Кроме того, в глубинах культуры каждого народа обнаруживаются пласты, обладающие свойствами архетипического, универсального, присущего всем народам. Это позволяет предположить, что *именно фольклор на протяжении тысячелетий выступал в качестве универсального средства межэтнического общения, основой которого являются общечеловеческие ценности*. Таким образом, осознанное и многомерное овладение национальными традициями своего народа создаёт предпосылки не только к самоутверждению и самосохранению, но и к взаимопониманию между разными этническими группами.

Классификация системы годовых праздников, складывавшейся столетиями и поддерживаемой практически ежегодно, имеет многоуровневый характер. Выделяются праздники: общегосударственные, общенациональные и местные; строго обязательные и «полупраздники»; светские и церковные; календарные и семейные; разовые (юбилеи) и постоянные, празднуемые из года в год; преимущественно женские или мужские, детские, молодёжные, профессиональные и сословные и так далее.

Русская крестьянская традиция исконно знала праздники семейные и общинные. Последние составляют основу календарно-трудового цикла, они справлялись «всем миром» в течение довольно длительного времени (от двух дней до двух недель) и проходили по большей части на улице.

Крупные события и даты традиционного календаря праздновались русскими как бы в трёх измерениях. Собирались и отмечали праздник дома, в кругу семьи, демонстрируя сплочённость рода, подчёркивая родство по крови. Обязательно посещали храм, акцентируя родство по вере, приобщение к серьёзной и высокой духовности. Непременно выходили на улицу, «в народ», что подчёркивало единство социума, давало возможность проявления естественного, природного в человеке, в том числе и в рамках смеховой культуры. По существу, все три части были направлены на осуществление древнейшей философии праздника – объединение в общем устремлении, преображение себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям.

Любой деревенский праздник входил в систему годового цикла, демонстрируя тождество (изоморфность) календарного и человеческого кругов жизни. Годовые праздники охватывали все сферы жизни – производственную, социальную, бытовую, культурную, жизнь в её прошлом и настоящем.

Обращает на себя внимание и удивительная, веками и поколениями выработанная ритмичность народного календаря, где с прочно устоявшейся, оправданной для труженика-земледельца последовательностью и оптимальным темпо-ритмом чередуются праздники и будни, работа и отдых, посты и дни неумеренной, сытой еды; периоды воздержания, созерцательности с периодами разгула и раскрепощения плоти.

Актуальность реализации программы

В отличие от традиционной системы празднично-обрядовой жизни современные праздники, в большинстве своём, имеют искусственный (привнесённый, не имеющий естественных жизненных оснований) характер и возникают в условиях подавления либо разрушения внутренней структуры социальных связей, в результате чего легко происходит подмена сути праздника эпизодами театрализованных представлений, заимствованными из унифицированного арсенала массово-зрелищно-развлекательного искусства. Основой праздника становится формальная сторона – увеселение, развлечение, которая не может заменить собой внутреннюю работу – «труд души», что предполагает традиционный народный праздник. Совершенно недопустимым представляется тот факт, что под знаменем «народности» на такие «мероприятия», гала-концерты, массовые демонстрации (марш-шествие по центральной улице) приглашаются этнографические коллективы. До настоящего времени именно эта «хорошо отрежиссированная» система поддерживается всем организационным и финансовым аппаратом официальной культуры. Практика показала, что подобные «фольклорные фестивали» в силу их чужеродности, поверхностно-демонстрационного, «псевдо-народного» характера направлены на разрушение основ традиционной народной культуры. Основания, на которых строится традиционный праздник, не только не учитываются, но и преодолеваются «силовыми» методами.

В противоположность вышесказанному следует отметить сложившийся в последние годы опыт воссоздания праздничной среды, восстановления (хотя бы фрагментарного) основных содержательных элементов праздничной ситуации, поддержки естественных условий для деятельного соучастия каждого. Такие праздники проводятся в городах России силами Российского фольклорного союза.¹³ Возможность включения в знаково определённое событие предоставляет сам фольклорный материал, доступный различным социальным и возрастным группам населения – от детей до стариков. Воссоздаётся праздничная атмосфера силами собравшихся на фестиваль коллективов, ориентированных на освоение и воссоздание в подлинном (аутентичном) виде народных певческих традиций. Цель – инициировать на местах стремление к возрождению сущности традиционных форм народных праздников на основе знания традиций.

Общие принципы реализации программы

Для полноценной реализации заложенных в программе целей необходимо осмыслить и пытаться воссоздать (насколько это возможно в современ-

¹³ Российский фольклорный союз (РФС) – общественная организация, объединяющая любительские фольклорные коллективы России (президент РФС – А. М. Мехнецов).

ных условиях) *праздничную систему годового круга в целом* с присущей ей философией, иерархией, включённостью в контекст земледельческой культуры, продуманным распределением в течение года, специфической стилистикой и своеобразным общением празднующих.

В традиционной народной культуре отдых от физического труда, веселье никогда не понимались как безделье. Праздник всегда выполнял важные общественные функции, имел глубокий смысл. В нём человек наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществлялся контакт и свободное общение, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека. И самое главное, традиционный праздник — это проявление всех форм и видов культуры коллектива, начиная от принятых форм поведения и традиционной национальной (локальной) кулинарии и кончая демонстрацией нарядов, исполнением традиционных песен, игрой на музыкальных инструментах.

Одна из самых трудных задач — *воспитание знающего зрителя, превращение его из наблюдателя в участника*, для чего нужно вернуть ему забытое восприятие народного праздника, раскрыть возможности традиционных форм общения. То есть, необходимо придать традиционному празднику, гулянию особый статус и колорит, чтобы они воспринимались не как одно из мероприятий, а как ценнейшее прикосновение к национальным корням, к истокам, к многовековой отечественной культуре, как необходимое остро эмоциональное переживание соборности с неперенным катарсисом — духовным очищением и возвышением каждого отдельного человека и всех присутствующих. Праздник состоится только тогда, когда сами люди станут участниками праздника (семейного, сельского, городского, областного), и при условии, что программа праздника будет осмыслена *в традициях местной культуры*. Таким образом, праздник приобретёт «своеобразный лик», а не форму «культурного мероприятия», тиражированного по шаблонам «централизованной режиссуры».

Восприятие и воссоздание значимых элементов традиции требует практического освоения, устойчивых навыков в использовании форм и средств традиционного культурного слоя. В условиях общего угасания традиций народной культуры, когда из жизни уходят последние народные мастера, знатоки и исполнители, возникает необходимость *привлечения всех возможных способов сохранения и освоения культурного наследия и, в первую очередь — всестороннего комплексного изучения местной традиционной культуры*. Сбор, изучение, популяризация материала, организация повседневной работы, направленной на внедрение и освоение видов и форм культурной деятельности, основанной на национальных традициях — эти направления требуют осознанного включения учреждений культуры, средств массовой информации, творческих групп, просветительской и педагогической работы.

Успех каждого праздника зависит от кропотливой фольклористической, историко-этнографической работы. В сложившихся обстоятельствах без

предварительного этапа не обойтись, и именно этот этап требует грамотной и интенсивной организационно-финансовой поддержки.

Прогнозируемые результаты

Общегуманитарный аспект. В людях, погрузившихся в общее праздничное веселье, просыпается древнейшее ощущение праздника как общинного, «всем миром» действия, суть которого — переживание единения и растворения каждого участника в космоприродном и человеческом континууме, что является глубочайшей, изначальной потребностью человека культурного, совокупно с природой творящего из хаоса порядок, преобразующего мир и радостно переходящего сквозь тьму, небытие, внутренний и внешний разлад и смятение, превращения и метаморфозы ради закономерно наступающего за этим порядка, спокойствия, культурного бытия.

Патриотический аспект. Опора на многовековой опыт народной культуры в перспективе ведёт к изменению современного критического состояния: население осознаёт себя носителями культурных традиций своего народа, своей земли, действенной фигурой в создании праздника, который станет жизненно необходим как «труд души», деятельным участником созидательного культурного процесса. Речь идёт не о том, чтобы только освоить какой-то определённый набор обрядов, обычаев и привыкнуть неизменно воспроизводить их, как знак принадлежности к некоей общности. Речь идёт о воспитании внимательного и ответственного отношения *к родному — родной земле, родному языку, родному народу* — о воспитании умения и готовности вовремя опознавать и своим трудом и усилием восполнять неизбежные утраты в тех формах, которые органичны для уклада народной жизни.

Социальный аспект. Реализация данной программы способствует осуществлению в современных условиях преемственных связей поколений и консолидации общества на основах народной традиционной культуры. Восстановление естественных форм и сущности процесса преемственности — восприятия, усвоения и воссоздания традиций — связано с раскрепощением продуктивной силы, с реализацией жизненной основы, действенного начала различных видов и форм народной традиционной культуры, их содержательной стороны и функциональности в системе культурных ценностей современного общества.

ДОКУМЕНТЫ

Народные песни в записи А. С. Пушкина¹

Обоснование заявки и описание проекта

Выполнение проекта «Народные песни в записи А. С. Пушкина» (издание собрания народных песен в записи А. С. Пушкина) с дополнением документальных материалов фольклорных экспедиций 1980–1990-х годов) будет способствовать распространению культурных и художественных ценностей как в масштабе России, так и в международном масштабе, вводя в научный и культурный обиход материалы, связанные с деятельностью великого поэта и современные документальные свидетельства жизнестойкости и глубокой значимости традиций народной культуры одного из важнейших в российской истории регионов – Псковской земли.

В огромном творческом наследии А. С. Пушкина есть страницы, известные, в основном, специалистам. Это – записи народных песен, сделанные поэтом. Их публикации редки и мало доступны широкой публике, между тем значение фольклористической деятельности А. С. Пушкина для отечественной культуры чрезвычайно велико, что неоднократно отмечалось в ряде научных работ ведущих учёных-филологов. Заметим, что научные споры по поводу принадлежности песенных текстов в записи А. С. Пушкина к той или иной традиции (южнорусской, нижегородской, псковской) до сих пор остаются неразрешёнными. Проект ставит своей задачей на основе современных документальных данных пролить новый свет на одну из сторон творческой деятельности А. С. Пушкина.

Находясь в ссылке в селе Михайловском,² А. С. Пушкин близко познакомился с традициями народной культуры – песнями, причитаниями, сказками, легендами, загадками, пословицами, инструментальной музыкой; с народным бытом – повседневным (трудовые традиции, семейные обряды) и обрядово-праздничным (престольные праздники, ярмарки, гулянья). Знакомство это приобрело характер глубокого интереса к народным традициям, истории России, фольклору, что впоследствии нашло отражение во многих произведениях великого поэта.

¹ Обоснование проекта и отчёт о выполнении работ по гранту Президента России: Народные песни в записи А. С. Пушкина (к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Иванова Т. Г., Лобкова Г. В., Валевская Е. А., Теплова И. Б., Попова И. С.; при участии Жарниковой С. В., Поляковой А. В., Мехнецова А. А., Мехнецовой К. А., Гордеева В. А., Снитко П. Б., Корольковой И. В., Мальцевой О. В. Грант Президента России, 1998. *Документы публикуются впервые.*

² Ныне – Пушкиногорский район Псковской области.

Именно в этот период, по всей очевидности, возникли у поэта мысли о сборе и издании образцов устного народного творчества, о научном изучении этого явления. С именем А. С. Пушкина, с его тетрадью песен, переданной П. В. Киреевскому, связано начало огромной работы над сводом русского фольклора, в которой помимо П. В. Киреевского, принимали участие В. И. Даль, А. Н. Афанасьев, П. И. Якушкин, члены семьи поэта Н. М. Языкова.

Среди фольклористического наследия А. С. Пушкина выделяются записи свадебного обряда и песен, сопровождающих народный ритуал свадьбы. Это первый в отечественной фольклористике документ, объединивший в себе как собственно художественные тексты, так и сведения (хотя и очень лаконичные) об этнографическом контексте происходящего действия. Сопоставление текстов и этнографических комментариев, зафиксированных А. С. Пушкиным, с результатами экспедиционной работы 1980–1990-х годов позволяет со всей очевидностью утверждать, что эти записи сделаны поэтом именно во время псковской ссылки.

В течение 20 лет Санкт-Петербургская (Ленинградская) консерватория и Фольклорно-этнографический центр (г. Санкт-Петербург) ведут систематическую широкомасштабную работу по исследованию народной традиционной культуры Псковской области. Псковские коллекции Фольклорно-этнографического центра содержат материалы 26 фольклорных экспедиций в 21 район Псковской области, Всего обследовано более двух тысяч населённых пунктов и произведено более тридцати пяти тысяч звукозаписей, осуществлены также видео- и киносъёмки. В экспедициях участвовали музыковеды-фольклористы, филологи, этнографы, искусствоведы.

Экспедиции, предпринятые в 1980–1990-е годы в Пушкиногорский, Опочецкий, Островский районы Псковской области, позволили повторить практически весь объём записей А. С. Пушкина. Народная память сохранила дословно песенные тексты на протяжении более чем полутора столетий. Зафиксированные на аудио- и видеоплёнку музыкально-поэтические тексты, инструментальная музыка, живая народная речь, фрагменты народных обрядов позволяют ощутить преемственность художественных традиций, понять глубину генетической памяти народа, и в связи с этим — необходимость включения народного наследия в его подлинных формах в современный культурный процесс, а также дают возможность с большой степенью достоверности воссоздать атмосферу жизни псковской деревни пушкинского времени.

Особый интерес среди материалов, собранных в районах, где осуществлял свои записи А. С. Пушкин, представляют:

- развёрнутый комплекс напевов и текстов песен (свадебных, календарно-обрядовых, лирических), а также сольных и хоровых голошений, сопровождающих свадебный обряд;
- подробнейшие рассказы народных исполнителей о годовом цикле обрядов и праздников (Святки, Масленица, Пасха, престольные праздники), о

трудовых обычаях, о свадебном обряде во всей последовательности его действий;

- важнейшим научным открытием, сделанным в вышеназванных экспедициях, явилась вновь открытая (вплоть до последнего времени считавшаяся безвозвратно утраченной) традиция гусельной игры.

Все материалы представляют огромный научный интерес сами по себе, но особенно — в связи с записями А. С. Пушкина. Материалы отличаются высокими художественными достоинствами, редкой красотой напевов и поэтических текстов. Речь народных исполнителей характеризуется яркой образностью, диалектным своеобразием. Записанные поэтом песенные тексты даются в развёртке вариантов, сопровождаются напевами. Замечания о характере и содержании действий свадебного обряда, сделанные А. С. Пушкиным, находят своё подробнейшее раскрытие в публикуемых современных фольклорно-этнографических материалах.

Свадебный обряд, стоящий в центре публикации, дополняется также этнографическими сведениями о народном календаре (святочных вечёрках с гаданиями о предстоящей судьбе, молодёжными посиделками, игрищами, где молодёжь заводила знакомства; озорными проделками на масленичной неделе, завершающими «приём» только что поженившейся пары в другую социально-возрастную группу) и музыкально-поэтическими текстами песен других жанров, что в целом должно способствовать созданию наиболее полного представления о традиционной народной культуре.

Отчёт о выполненной работе

Проект «Народные песни в записи А. С. Пушкина» имеет конечной целью подготовку к изданию народных песен и сказок, записанных А. С. Пушкиным в период михайловской ссылки и дополненных документальными материалами по народной традиционной культуре Псковской области. Выполнение проекта связано с введением в научный и культурный обиход новых данных, касающихся деятельности великого поэта. Современные полевые исследования (фольклорные экспедиции 1980–1990-х годов) позволяют в полной мере раскрыть содержание многих пушкинских рукописей с записями фрагментов свадебного обряда, песен, причитаний, баллад, сказок и быличек.

В соответствии с представленной в заявке программой выполнены следующие работы:

1. Проведены дополнительные фольклорно-этнографические экспедиции в Пушкиногорский и Новоржевский районы Псковской области (февраль; июль–август 1998 года) с целью пополнения коллекций звуко-, видеозаписей, расширения фактологической базы, осуществления фото-съёмок. Обследованы 75 населённых пунктов, опрошено 186 жителей (средний возраст — 70 лет); записаны подробные сведения о традициях народ-

ной культуры, сохранившихся на территории Пушкинского заповедника и в бассейне реки Сороти: рассказы о годовом цикле обрядов и праздников, о трудовых обычаях, свадебном обряде, сказки, былички, поверья, заговоры, хороводные, свадебные песни и причитания, наигрыши на музыкальных инструментах, пляски. Общий объём произведённых звукозаписей – 88 часов звучания (2080 единиц содержания / текстов), видеозаписей – 4 часа воспроизведения. Отсняты на фотокамеру предметы материальной культуры (архитектура, костюм, образцы ткачества, вышивки, гончарного и других промыслов), выполнены фотопортреты народных исполнителей, всего – 226 фотоснимков. Материалы экспедиций прошли этап каталогизации и описания (рукопись каталога составляет 23 авторских листа, информация введена в электронную базу данных), проводится расшифровка фонограмм.

В экспедиционной работе принимали участие: А. М. Мехнецов, Е. А. Валевская, Г. В. Лобкова, И. Б. Теплова, А. А. Мехнецов, К. А. Мехнецова, А. В. Полякова, П. Б. Снитко, В. А. Гордеев, О. В. Мальцева. Обработка, систематизация экспедиционных материалов, составление каталога и введение информации в электронную базу данных выполнены Е. А. Валевской, Г. В. Лобковой, И. Б. Теплово́й, А. А. Мехнецовым, А. В. Поляковой, В. А. Гордеевым, О. В. Мальцевой.

Результаты экспедиционного исследования подтверждают, что состояние народной традиционной культуры в данном регионе критическое. Из сферы живого бытования полностью ушли ранее широко распространённые в Псковской области формы общинной праздничной и обрядовой жизни: ярмарки, беседы, посиделки, свадебное действо; в деревнях Пушкиногорского и Новоржевского районов не удалось записать песенных ансамблей. В связи с этим особую ценность приобретают те записи песен, инструментальных наигрышей, устной прозы, которые удалось осуществить в ходе экспедиций, и которые свидетельствуют о некогда развитых и самобытных традициях народной культуры. Зафиксированные на магнитную ленту воспоминания жителей пушкинских мест о праздничной и обрядовой жизни деревни 1920–1930-х годов и послевоенного времени, а также дополнительные материалы из близлежащих районов Псковской области, собранные в результате предшествующей многолетней экспедиционной работы, позволяют реконструировать содержание фольклорных традиций пушкинских мест и выявить признаки, указывающие на их непосредственную связь с корневыми пластами древнерусской культуры.

2. Проведены научно-исследовательские работы по отбору, систематизации и расшифровке звукозаписей народных песен, сказок, быличек, сведений по свадебной и календарно-земледельческой обрядности, дополняющих и раскрывающих содержание рукописей А. С. Пушкина (по материалам псковских экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра 1981–1998 годов).

Подготовлены следующие разделы:

- Собрание сказок и быличек (автографы А. С. Пушкина и варианты тех же сюжетов в записях XIX–XX веков) – 31 текст с комментариями. Подготовлено Т. Г. Ивановой.

- Сказки, былички, предания, записанные в Псковской области и соседних районах Ленинградской, Тверской областей (расшифровка экспедиционных материалов Фольклорно-этнографического центра 1981–1998 годов) – 130 текстов. Подготовлено Е. А. Валевской.

- Лирические песни центральных районов Псковской области (расшифровка экспедиционных фонограмм, содержащих варианты текстов, записанных А. С. Пушкиным; а также расшифровка других напевов и текстов лирических песен, раскрывающих содержание местных песенных традиций) – 54 образца. Подготовлено И. В. Корольковой.

- Песни и причитания в системе свадебного обряда (указатели экспедиционных записей свадебных песен и причитаний, распространённых в Псковской области, тексты которых совпадают с записями А. С. Пушкина). Подготовлено Е. А. Валевской, И. Б. Тепловой, А. В. Поляковой, Г. В. Лобковой.

- Псковская ярмарка (содержание празднично-обрядовой жизни псковской деревни). Подготовлено А. М. Мехнецовым.

- Составлены указатели и развёрнутые перечни экспедиционных материалов 1981–1998 годов по семейной обрядности, календарным обрядам и праздникам, ранее бытовавшим в обследованных районах Псковской области. Подготовлено А. В. Поляковой, Г. В. Лобковой, К. А. Мехнецовой.

3. Собраны сведения, касающиеся записей народных песен, сказок, быличек, выполненных А. С. Пушкиным (автографы хранятся в Институте русской литературы, списки – в Российской национальной библиотеке и Государственном историческом музее). Проанализированы публикации рукописей и исследования, касающиеся проблемы обращения А. С. Пушкина к фольклорным источникам. Осуществлены дополнительные исследования материалов архива А. С. Пушкина в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Работы проводились Т. Г. Ивановой, Г. В. Лобковой, А. М. Мехнецовым, А. В. Поляковой, К. А. Мехнецовой.

4. Подготовлены научные статьи по отдельным проблемам:

- Иванова Т. Г. Литературные «Сказки» А. С. Пушкина и его записи народных сказок (3 авторских листа).

- Жарникова С. В. Александр Сергеевич Пушкин и русская народная волшебная сказка (3 авторских листа).

5. Проведены научно-исследовательские работы по характеристике фольклорных традиций, сохранившихся на родине Арины Родионовны Яковлевой в деревнях Суйде, Покровке, селе Воскресенском Гатчинского

района Ленинградской области (экспедиционные коллекции Фольклорно-этнографического центра, 1979 год), и по сопоставлению местных особенностей свадебного обряда и песенного фольклора с материалами, записанными А. С. Пушкиным. Представленные в автографах А. С. Пушкина сказки и былички, запись которых от няни во время ссылки поэта в Михайловское не вызывает сомнений, дополнены вариантами из экспедиционных коллекций по другим районам Ленинградской области.

По результатам этого раздела работ подготовлен биографический материал об Арине Родионовне Яковлевой (рукопись статьи Т. Г. Ивановой); тексты сказок и комментарии к ним (подготовлены Е. А. Валевской, Т. Г. Ивановой); материалы по свадебной обрядности деревень Суйды, Покровки, села Воскресенского Гатчинского района Ленинградской области, их сопоставление с пушкинскими записями (подготовлено И. С. Поповой).

6. Проведён экспериментальный объём работ по оцифровке архивных фонограмм и их перезаписи в формате CD на примере псковских экспедиционных коллекций 1981–1982 годов (исполнитель: А. А. Мехнецов).

7. Частично осуществлён компьютерный набор текстов, предполагаемых к публикации (Т. Г. Иванова, Е. А. Валевская, И. Б. Теплова, И. С. Попова, Г. В. Лобкова, А. В. Полякова).

8. Подготовлена концертная программа Фольклорного ансамбля под руководством А. М. Мехнецова «Народные песни в записи А. С. Пушкина». В программу включены фрагменты свадебного обряда, свадебные песни и причитания, баллады и лирические песни, тексты которых были записаны А. С. Пушкиным. Напевы песен в вариантах, представляющих песенные традиции Псковской области, воспроизведены в максимально приближенной к аутентичному звучанию форме с сохранением местных диалектных особенностей, что позволяет воссоздать живую празднично-обрядовую атмосферу псковской деревни, представить мир традиционной народной культуры пушкинского времени.

9. Состоялось представление концертной программы «Народные песни в записи А. С. Пушкина» в Малом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского в рамках Второй международной конференции памяти А. В. Рудневой (март 1998 года). Концертное выступление Фольклорного ансамбля под руководством А. М. Мехнецова раскрыло перед слушателями неведомые страницы народной культуры Псковской земли, освещённые именем А. С. Пушкина. Прозвучавший уникальный песенный материал и тема, затронутая в программе, вызвали глубокий интерес специалистов и широкой публики.

Фрагмент концертной программы «Псковские свадебные песни в записи А. С. Пушкина» прозвучал также на конференции работников культуры Новоржевского района Псковской области (февраль 1998 года).

10. Состоялось выступление А. М. Мехнецова с докладом на тему «А. С. Пушкин и традиции народной культуры Псковщины» перед работни-

ками системы образования Санкт-Петербурга в рамках постоянно действующего семинара, организованного на базе Государственного Университета педагогического мастерства (ноябрь 1997 года). Доклад сопровождался показом экспедиционных материалов.

Общие результаты проведённой работы

Собранные в результате экспедиционной работы 1998 года документальные материалы обладают непреходящей ценностью, поскольку, с одной стороны, являются свидетельством глубины и самобытности народной культуры Псковской земли, с другой стороны, раскрывают содержание культурных традиций заповедных пушкинских мест, которые нашли отражение в становлении гражданских и творческих позиций А. С. Пушкина на переломном этапе его жизни.

Благодаря современному техническому оснащению обеспечен необходимый уровень проведённых звукозаписей и дальнейшей обработки экспедиционных коллекций. Введение в работу компьютерной системы позволило максимально ускорить источниковедческие работы и процесс подготовки материалов к публикации. На современном электронном оборудовании осуществлены экспериментальные работы по оцифровке архивных фонограмм. Подготовлено несколько основных разделов рукописи.

Первоначальные результаты работ по проекту были представлены перед широкой общественностью в виде концертных программ Фольклорного ансамбля и выступлений руководителя проекта.

Перспектива завершения работ по проекту³

В связи с частичным финансовым обеспечением проекта, программа осуществлена не в полном объёме: остались невыполненными дорогостоящие работы, связанные с подготовкой оригинал-макета издания, мастер-версии CD, типографские и множительные работы. Перспективы завершения проекта зависят от решения вопроса финансирования в объёме, предложенном в заявке.

Руководитель проекта А. М. Мехнецов

³ *Примеч. сост.:* Конечной целью проведённых работ предполагалось издание полученных материалов. К сожалению, из-за прекращения финансирования эти работы не были осуществлены (но в планах Фольклорно-этнографического центра задача издания данных материалов продолжает оставаться актуальной). Некоторые материалы были опубликованы в разных изданиях:

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра... (см. *Список научных трудов А. М. Мехнецова*); *Попова И. С.* Свадебная традиция верховьев Суйды // *Живая старина*. М., 1993. № 3. С. 32–35; *Лобкова Г. В.* Об одной свадебной песне в записи А. С. Пушкина // *Живая*

Гусли – русский народный музыкальный инструмент⁴

Уникальное собрание материалов из фондов Фольклорно-этнографического центра (г. Санкт-Петербург) *по истории гуслей и русской гусельной игры* составляет одну из наиболее ярких страниц народной музыкальной культуры. Целью настоящего проекта является организация широкого доступа к коллекции традиционных народных музыкальных инструментов – гуслей и публикация документальных иллюстративных материалов (фотографий, чертежей) и звукозаписей из данного собрания.

Для осуществления проекта требуется выполнение следующих работ:

1. Проектирование и создание экспозиции гуслей (этнографических инструментов и образцов в научно достоверной реконструкции).

2. Подготовка к изданию и публикация иллюстрированного каталога с аудиоприложением.

3. Цикл мероприятий на основе действующей экспозиции: открытие выставки, научный симпозиум по теме «Гусли – русский народный музыкальный инструмент», концерт народной инструментальной музыки (с приглашением ведущих фольклорных коллективов и народных музыкантов), творческие мастерские (обучающие семинары по проблемам изготовления гуслей, техники игры на гусях).

Коллекция гуслей и гусельных наигрышей собрана в процессе комплексных полевых исследований народной культуры Псковской, Новгородской, Тверской, Вологодской областей. Экспедиционные материалы, впервые представляющие традицию *русской гусельной игры* в её исконных формах, относятся к наиболее значительным, имеющим событийный характер результатам научной работы исследовательского коллектива, осуществляемой на протяжении последних 20 лет под руководством А. М. Мехнецова. Несмотря на то, что ещё в конце XIX века русские крыловидные гусли считались забытым инструментом «былинных» времён, спустя сто лет, на методологической базе современной фольклористики была заново «открыта» традиция гусельной игры, выявлены и зафиксированы особые свойства гусельных наигрышей, система исполнительских приёмов, а также исследованы принципы настройки инструмента и его конструктивные характеристики. Коллекция традиционных инструментов и многочисленные звуко- и видеозаписи гу-

старина. М., 1999. № 2. С. 40–43; *Валевская Е. А.* «Не было у попа работника...» // Живая старина. М., 1999. № 2. С. 43–44; *Жарникова С. В.* Путеводная нить. Сказки. Былины. Заговоры // *Жарникова С. В.* Золотая нить. Вологда, 2003. С. 36–83; *Лобкова Г. В.* Свадебное хоровое причитание псковской традиции в записи А. С. Пушкина // Источниковедение истории культуры: Сб. ст. / Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. СПб., 2009. Вып. 2. С. 127–163.

⁴ Обоснование заявки и отчётные документы по проекту: Выставка-симпозиум «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» / Науч. рук. проекта А. М. Мехнецов.

сельных наигрышей (записана игра народных музыкантов — гусяров) свидетельствуют об исключительном богатстве и самобытности сохранившихся до наших дней традиций народной музыкальной культуры, восходящих к древнерусским истокам.

Основу коллекции составляют этнографические образцы крыловидных гуслей (всего 33 инструмента). Коллекция дополнена новыми инструментами, изготовленными по образцу этнографических гуслей (экспериментальная реконструкция 10 инструментов). Собранные документальные материалы значительно расширяют сложившиеся в науке представления о русских гусях и гусельной игре (до сих пор были известны лишь единичные образцы этнографических инструментов из различных музейных фондов, а также немногочисленные звукозаписи русских гусельных наигрышей, имеющиеся в публикациях). Современные экспедиционные материалы, собранные по методике комплексного изучения народных традиций, и результаты научных исследований Фольклорно-этнографического центра позволяют поставить гусли в один ряд с древнейшими в мировой музыкальной культуре, известными по археологическим памятникам, начиная с IV тыс. до н. э., с исходными формами струнных (арфообразных и лирообразных) музыкальных инструментов.

Организация доступа к экспедиционным материалам, создание экспозиции этнографических инструментов и издание иллюстрированного каталога со звуковым приложением (компакт-кассета или компакт-диск) позволят привлечь научный интерес и общественное внимание к одному из ключевых явлений русской народной культуры и, в то же время, послужат делу освоения и развития культурных традиций в их регионально самобытной форме. Посетители выставки смогут не только ознакомиться с разновидностями инструмента, но и подробно изучить его конструкцию, секреты изготовления, приёмы игры. Предполагается проведение на базе постоянно действующей экспозиции открытых лекций с показом экспедиционных аудио- и видеозаписей, творческих лабораторий и мастерских, направленных на непосредственное практическое овладение гусельной традицией и связанными с ней песенно-хореографическими формами.

Создание выставки планируется на базе имеющегося в Фольклорно-этнографическом центре помещения (зала). Открытие выставки будет сопровождаться циклом мероприятий: в день открытия состоится научный симпозиум «Гусли — русский народный музыкальный инструмент» и концерт, посвящённый народной инструментальной музыке. На протяжении недели будут проходить творческие мастерские и лаборатории с участием специалистов и ведущих фольклорных коллективов.

Отчёт о выполненной работе

Международный симпозиум и выставка «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» состоялись в Фольклорно-этнографическом центре (г. Санкт-Петербург) при участии Музея музыки в Шереметевском дворце, Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. В заседаниях приняли участие более 50 человек, в том числе – представители зарубежных стран (США, Китай, Япония, Эстония, Белоруссия). Срок проведения мероприятий – с 4 по 6 ноября 2003 года.

В работе оргкомитета Международного научного симпозиума и выставки «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» принимали участие: кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник И. Б. Теплова, кандидат искусствоведения, заместитель директора Фольклорно-этнографического центра Г. В. Лобкова, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Музея музыки в Шереметевском дворце В. В. Кошелев и другие. Возглавил оргкомитет А. М. Мехнецов, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, директор Фольклорно-этнографического центра, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Цели проведения Международного научного симпозиума и выставки состояли в привлечении общественного внимания и интереса к одной из самых ярких страниц русской музыкальной культуры, связанной с гуслиями – легендарным народным инструментом; в организации широкого доступа к уникальным коллекциям традиционных гуслей; в обсуждении научных проблем истории гуслей, классификации видов этого инструмента, реконструкции гуслей по этнографическим и археологическим образцам; в представлении системы гусельных наигрышей и традиций инструментальной музыки в экспедиционных записях последних лет и в исполнении музыкантов-профессионалов и любителей (организация мастер-классов, концерта).

В процессе подготовки и проведения Международного симпозиума и выставки «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» были осуществлены следующие мероприятия:

1. Создана экспозиция гуслей из фондов Фольклорно-этнографического центра и из Коллекции музыкальных инструментов Музея музыки в Шереметевском дворце. Из фондов Фольклорно-этнографического центра экспонировались архаичные типы крыловидных гуслей, представляющих народную инструментальную культуру Псковской и Новгородской областей (коллекции гуслей собраны в ходе фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра в 1984–1990 годы) – 25 инструментов. Экспозиция из Музея музыки в Шереметевском дворце включала уникальные образцы гуслей и родственных им инструментов – находки разных лет, инструменты, бытовавшие в различных регионах России на протяжении XVIII – XX веков – 9 инструментов. На

выставке также представлены русские гусли в реконструкции по этнографическим образцам, выполненной А. Н. Тепловым. В целях организации выставки были изготовлены и смонтированы 4 выставочные витрины.

2. Изготовлен Каталог выставки «Гусли – русский народный музыкальный инструмент», составленный Г. В. Лобковой (1–2 части), В. В. Кошелевым (3 часть). Вступительная статья и научная редакция Каталога выполнены А. М. Мехнецовым. Материалы к Каталогу подготовлены К. А. Мехнецовой, Е. А. Валевской, В. В. Кошелевым. Каталог включает описания и чертежи 44 инструментов (выполненные Т. Г. Шубиной), многочисленные фотографии (В. А. Гордеев). Каталог содержит информацию о коллекциях, представленных на выставке, а также – хранящихся в фондах Фольклорно-этнографического центра и Музея музыки в Шереметевском дворце. Подобное издание предпринято впервые.⁵

3. Подготовлены и вручены участникам Международного симпозиума компакт-диск и видеокассета с копиями экспедиционных записей гусельных и других инструментальных наигрышей от лучших исполнителей, жителей новгородских и псковских деревень (из собрания Фольклорно-этнографического центра).

Международный научный симпозиум проходил в форме «круглого стола», в котором приняли участие этномузыкологи, органиологи, фольклористы, исполнители на народных инструментах, мастера по изготовлению и реконструкции древнерусских музыкальных инструментов, музейные работники, преподаватели и студенты различных учебных учреждений. В ходе Симпозиума с основными докладами выступили:

Мехнецов А. М. – кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, директор Фольклорно-этнографического центра (ФЭЦ), профессор Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова;

Кошелев В. В. – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Музея музыки в Шереметевском дворце (Санкт-Петербург);

Лобкова Г. В. – кандидат искусствоведения, заместитель директора ФЭЦ, доцент Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова;

Мехнецов А. А. – научный сотрудник Фольклорно-этнографического центра (Санкт-Петербург);

Гаджиева А. А. – главный хранитель музыкальной кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург);

Никаноров А. Б. – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Российского института искусствознания (Санкт-Петербург);

Тынурист И. – научный сотрудник Института истории Эстонии (Таллин);

⁵ Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Каталог выставки... (См. Список научных трудов А. М. Мехнецова).

Люй Цзянь-Цян – преподаватель Университета Цинь (Пекин);

Дорджиева Г. А. – кандидат искусствоведения, преподаватель Академии культуры (Санкт-Петербург);

Тёмкин И. – научный сотрудник Музея естественной истории (Нью-Йорк);

Рокитянская Т. А. – преподаватель гимназии (Москва);

Теплов А. Н. – мастер по реконструкции музыкальных инструментов, преподаватель школы народного искусства имени Императрицы Александры Фёдоровны (Санкт-Петербург).

Вели заседания А. М. Мехнецов, В. В. Кошелев, И. Б. Теплова, И. С. Попова.

На заседании симпозиума обсуждались следующие научные проблемы:

- русская гусельная традиция: конструктивные особенности различных типов гуслей, изготовление, приёмы игры, система наигрышей, включение в фольклорно-этнографический контекст;

- проблемы исторического изучения гуслей: истоки, связи, региональное своеобразие;

- современное состояние традиций народной инструментальной музыки;

- проблемы организации широкого доступа к имеющимся коллекциям музыкальных инструментов;

- конструктивные особенности, принципы функционирования, система наигрышей на инструментах, родственных гуслям.

В работе мастер-классов приняли участие следующие специалисты, музыканты, владеющие традиционным репертуаром и приёмами игры на крыловидных гуслях, кантеле, шлемовидных гуслях, а также на других этнографических инструментах: Мехнецов А. А., Мехнецова К. А. (Санкт-Петербург), Тынурист И. (Эстония), Пихлап Р. (Эстония), Каррас П. (Эстония), Келарев А. М. (Вельск), Голованов П. (Вологда), Рокитянская Т. А. (Москва), Басурманова Л. (Москва), Байкалец А. Д. В программе мастер-классов ставились задачи освоения приёмов игры на традиционных гуслях, кантеле, гармониях (кирилловской хромке, тальянке); проводилось обсуждение проблем современного бытования гуслей и использования их на современной концертной эстраде.

В ходе Симпозиума был осуществлён также показ экспедиционных видеоматериалов по народной традиционной инструментальной культуре.

Работа Международного симпозиума и выставки «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» завершилась *концертом народной традиционной инструментальной музыки* в Белом зале Музея музыки Шереметевского дворца. В концерте приняли участие: Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории (художественный руководитель – А. М. Мехнецов), эстонские инструменталисты И. Тынурист, Р. Пихлап, П. Каррас, самодеятельные исполнители: А. Д. Байкалец, Л. Басурманова. В программе концерта прозвучали традиционные инструментальные наигрыши

Участники Международного симпозиума «Гусли – русский народный музыкальный инструмент». Фольклорно-этнографический центр, 4 ноября 2003 (в центре – А. М. Мехнецов)

ши на народных инструментах (гусли, гудок, гармонь, кантеле, варган), были исполнены песни, хороводы северо-западных областей России, авторские произведения для гуслей.

Симпозиум выявил комплекс актуальных проблем, связанных с обращением к традиционным формам народной музыкальной культуры, необходимость научно-исторического подхода к исследованию фольклорно-этнографических материалов, хранящихся в различных фондах, к обеспечению разнообразных форм включения древнерусских и этнографических музыкальных инструментов в современный культурный процесс, в систему образования и воспитания. Участники Симпозиума поддержали идею организации регулярных конференций, встреч, консультаций по вопросам сохранения и освоения традиций народной инструментальной музыки, согласились с необходимостью публикации этнографически достоверных материалов и исследований по проблемам изучения народных музыкальных инструментов как одного из важнейших компонентов культурного наследия.

Директор государственного учреждения культуры «Фольклорно-этнографический центр» А. М. Мехнецов

28 ноября 2003 года

Экспедиционные исследования

А. М. Мехнецова:

личные поездки,

экспедиции Ленинградского отделения Союза композиторов,
Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
Фольклорно-этнографического центра
(Российского фольклорно-этнографического центра),
стационарные записи (с 1965 по 2008 год)

Составитель – Е. А. Валевская

А. М. Мехнецов – научный руководитель 129 фольклорных экспедиций, из них в 103 экспедициях он участвовал лично в качестве руководителя экспедиционных групп и куратора ежедневных отчётных конференций. Кроме того, он осуществил 25 стационарных записей (в Санкт-Петербурге и других городах) народных певцов и инструменталистов.

Научная подготовка всех перечисленных ниже экспедиций и их руководство осуществлены А. М. Мехнецовым. В перечень населённых пунктов включены только те, где работал сам А. М. Мехнецов. *Курсивом* выделены названия деревень, где А. М. Мехнецов проводил опрос жителей, делал записи в тетрадь, но аудио- или видеозаписи не производил. В сибирских экспедициях 1966–1968, 1972, 1974–1975 и 1977 годов, в экспедиции в Ярославскую область 1967 года, а также в поездках по Ленинградской области (1967–1973) он работал индивидуально. В экспедициях Консерватории (с 1976 года) и Фольклорно-этнографического центра А. М. Мехнецов всегда возглавлял группу, работал со многими сотрудниками и студентами, но больше всего – с Г. В. Лобковой, А. А. Мехнецовым.

Звёздочкой (*) отмечены те экспедиции, научное руководство и подготовку которых осуществлял А. М. Мехнецов, но по тем или иным причинам лично в них не участвовал (занятость в учебном процессе Консерватории, в другой поездке, болезнь). В экспедициях 2000-х годов он в записях участвовал редко, ограничиваясь руководством и проведением ежедневных отчётных конференций – эти экспедиции отмечены двумя звёздочками (**). В случаях, когда А. М. Мехнецов участвовал в экспедициях не весь срок, в скобках указаны реальные даты его работы.

Большую часть времени он работал на своей аппаратуре и на собственной плёнке, передавая копии записей или оригиналы в фонд Фольклорно-этнографического центра. С 1989 года, с появлением видеокамеры, большинство записей делалось параллельно на магнитофон и на видеокамеру.

В данной публикации не приводятся указанные в тетрадях и других документах экспедиций названия центров административно-территориальных образований (сельсоветов, районных и областных центров), где шла подготовительная организационная работа, где А. М. Мехнецов вместе с сотруд-

никами проводил первичный опрос с целью выяснения перспектив полевых исследований, наличия жителей пожилого возраста, географии местности, маршрутов транспорта.

В документах сибирских экспедиций 1960–1970-х годов отсутствуют сведения об административной принадлежности деревень. Многие из этих населённых пунктов имели собственные поселковые советы. Опубликованные в трудах А. М. Мехнецова карты содержат достаточную информацию о расположении данных населённых пунктов.⁶

Названия населённых пунктов и данные об административной принадлежности приводятся на момент проведения там полевой работы. В нескольких случаях потребовалось установить местоположение деревень, такие сведения приводятся по современному делению (это отмечено квадратными скобками). Необходимо иметь в виду, что административное деление с середины 1990-х и в последующие годы неоднократно изменялось, и само наименование «сельский совет» было изменено (причём, везде по-разному): «волость», «сельская администрация», «сельский округ», «сельское поселение» и тому подобное.

В перечень не вошли сведения о записях, которые А. М. Мехнецов вёл на этнографических концертах 1970 – 1990-х годов,⁷ а также о записях с концертов, конференций, фестивалей более позднего времени, если эти записи не имели характера целенаправленной беседы собирателя с исполнителями. Не вошли также его поездки организационного характера (с целью подготовки к этнографическим концертам), которые он предпринимал по планам Союза композиторов и ЛОИМЦ в начале 1970-х годов в районы Ленинградской области, если звукозаписи при этом не велись.

В список не включены экспедиции под руководством А. Н. Захарова в Ленинградскую область (1979, 1981 годы), которые курировала А. М. Мехнецов, а также экспедиционные поездки сотрудников Фольклорно-этнографического центра (А. А. Мехнецова, Е. А. Склярской, О. В. Шишковой (Смирновой), Г. А. Дорджиевой, Е. А. Пархомовой и других), проходившие по их собственным планам полевых исследований или по планам других организаций (1990–2000-е годы). Наставником и в ряде случаев инициатором этих поездок был также А. М. Мехнецов.

Материалы экспедиций и стационарных записей хранятся в Фольклорно-этнографическом центре имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (Архив ФЭЦ СПбГК), а также в личном архиве автора.

⁶ См. монографию: *Мехнецов А. М.* Народно-песенная культура русского старожильческого населения Западной Сибири. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012; а также его сборники сибирских песен (см.: *Список научных трудов А. М. Мехнецова*).

⁷ Организаторы концертов тех лет: Фольклорные комиссии Союза композиторов РСФСР и СССР, Московский и Ленинградский Дома композиторов, Московская и Ленинградская консерватории и другие организации.

Принятые сокращения

Названия организаций:

ВГПИ (ВГПУ) – Вологодский государственный педагогический институт (университет)

ВОНМЦ – Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

ЛОЛГК – Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова

ЛОСК – Ленинградское отделение Союза композиторов

ЛОНМЦ – Ленинградский областной научно-методический центр

МГК – Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского

СПбГК – Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова

ФЭЦ, РФЭЦ – Фольклорно-этнографический центр (Российский фольклорно-этнографический центр) – г. Санкт-Петербург

Наименования отделов фонда Фольклорно-этнографического центра:

Кол. – коллекция

ОАФ – Основной аудиофонд (оригиналы записей)

ОАФ–2 – Основной аудиофонд – 2 (копии записей)

ОВФ – Основной видеофонд (оригиналы видеозаписей)

Сокращения наименований административно-территориальных единиц:

вол. – волость

г. – город

пгт – посёлок городского типа

п/с – поселковый совет

с/а – сельская администрация

с/о – сельский округ

с/п – сельское поселение

с/с – сельский совет

1. 1965, лето. **Псковская область:**
Себежский район. Участие в экспедиции Н. Л. Котиковой (ЛОСК).

Архив Н. Л. Котиковой: Фонограммархив ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

2. 1966, 10.06–16.08. **Алтайский край;**
Томская, Тюменская области.
Личная поездка.

Алтайский край

Сорокинский район: Озёрная

Томская область

Александровский район: Александрово, Назино

Каргасокский район: Вертикос, Новоюгино, Павлова, Староюгино, Тымское

Парабельский район: Деловая Дубрава, Заводское, Заозеро, Новосельцево,

Толмачёво

Тюменская область, Ханты-

Мансийский автономный округ

Берёзовский район: Ванзетур, Ватэрнель, Игрим, Ломбовож, Потрасуй, Саранпауль, Сосьва, Хошлог; *Базариха, Берёзово, Сартынья*

Нижневартовский район: Нижневартово

Октябрьский район: Малый Атлым

Сургутский район: Сытомино; *г. Сургут*

Ханты-Мансийский район: Селяярово

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 120; ОАФ-2, кол. 001.

3. 1967, 15.02–23.02. **Ярославская область.** Личная поездка.

Даниловский район: Березники, Данилов, Раменье, Хабарово

Некоузский район: Лацкое

Некрасовский район: Вятское, Кадниково

Ростовский район: Мосейцево, Филимоново

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

4. 1967, 18.03–10.07. **Томская область.** Личная поездка.

Асиновский район: г. Асино, Воронина Пашня, Минаево, Михайловка, Новиково, Новокусово, Новониколаевка, Новотроица; *Ильинка, Митрофановка, Нижние Соколы, Тихомировка*

Зырянский район: Богословка, Гагарино, Дубровка, Зырянское, Иловка, Чердаты, Цыганово; *Михайловка, Мишутино*

Кожевниковский район: Вороново, Десятово, Елгай, Еловка, Каштаково, Кожевниково, Новосергеевка, Чилино; *Сафроновка (Новотроицкое)*

Кривошеинский район: Елизарьево, Иштан, Никольск, Новоалександровка, Першино

Молчановский район: Колбинка, Тунгусово; *Амбарцево*

Первомайский район: Крутоложное, Первомайское, Сахалинка, Сергеево, Туендат (Баюрово), Успенка; *Бурбино, Ежи, Рождественка, Тарбеево, Царицынка*

Шегарский район: Баткат, Бобарыкино, Гынгазово, Каргала, Маркелово, Монастырское, Трубачево, Федораевка; *Мура*

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 120; ОАФ-2, кол. 001, 012.

5. 1967, сентябрь. **Ленинградская область.** Личная поездка.

Гатчинский район:

Вырицкий п/с: Каушта

Личный архив.

6. 1968, 14.06–15.08. **Кемеровская, Томская области; Красноярский край.** Личная поездка.

Кемеровская область

Юргинский район: Варюхино

Яшкинский район: Сосновский Острог
Красноярский край

Енисейский район: Айдара

Томская область

Асиновский район: Больше-Жирово, Больше-Дорохово

Верхнекетский район: Максимкин Яр, Степановка

Зырянский район: Беловодовка, Богословка, Семёновка, Туендат; *Зырянское*

Колпашевский район: Мохово

Тегульдетский район: Ергоза, Тегульдет

Томский район: Бодашково (Лязгино), Большое Протопопово, Верхне-Сеченово, Губино, Коломино, Корнилово, Лаврово, Нижне-Сеченово, Подломск, Рыбалово-Петрово, Семилужки, Спаское-на-Яе; *Халдеево*

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 121; ОАФ-2, кол. 001.

7. 1969, 12.06–23.08. **Кемеровская, Томская области.** Личная поездка.

Кемеровская область

Ижморский район: Бериккуль, Большая Песчанка, Кольон, Постниково, Почетанка

Тяжинский район: Старый Тяжин; *Сарыгино*

Юргинский район: *Мальцево*

Яшкинский район: Иткара, Корчуганово, Косогорова, Соломатово, Усть-Сосновка; *Болохнино, Болтовка, Красносёлка (Романово), Пашиково*

Томская область

Бакчарский район: Высокий Яр, Кёнга, Парбиг, Плотниково; *Большая Галка*

Каргасокский район: Каргасок, Наунак, Пашня, Средний Васюган

Парабельский район: Заозеро, Мало-Пашня, Нарым, Толмачёво; *Алатаево, Камчатка, Мало-Нестерово, Нижняя Чигара, Тымское*

Томский район: Аксёново, Вершинино, Петухово; *Белуусово, Круглыхино, Сафронова (Сафроновка)*

Чаинский район: Варгатёр, Ермиловка; *Стрельниково*

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 122; ОАФ-2, кол. 001.

8. 1970, 06.07–18.08. **Кемеровская, Новосибирская, Томская, Тюменская области.** Экспедиция ЛОСК.

Кемеровская область

Кемеровский район: Подъдьяково

Топкинский район: Подонино; *Усть-Стрелино*

Юргинский район: Колмаково

Яйский район: Медведчиково (Поповичево); *Ишим-на-Яе*

Яшкинский район: Иткара, Кулаково, Мохово; *Колмогорова, Пача*

Новосибирская область

Болотнинский район: Кругликово, Луговая, Мануйлово, Таскаево; *Карáсево, Проскоково*

Томская область

Кожевниковский район: Уртам

Томский район: Аркашово, Козюлино, Кониново (Жирово), Кудрово, Лучаново, Нагорый Иштан, Плотниково; *Кузовлево, Кусково (Больше-Кусково), Мазалово, Турунтаево*

Шегарский район: Мало-Брагино

Тюменская область

Вагайский район: Бегишево, Поварнино, Сосново, Фатеево, Чечнёво; *Метляково, Полуяново*

Тобольский район: Загваздино, Кутарбитка, Худяково

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 123; ОАФ-2, кол. 001, 012.

9. 1970, 31.10. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОСК.

Волховский район:

[Хваловское с/п]: Воскресенское

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

10. 1971, 21.07–15.08. **Кемеровская, Томская, Тюменская области.** Экспедиция ЛОСК.

Кемеровская область

Ижморский район: Почетанка

Мариинский район: Большой Антибес (Корики), Подъельники, Тюменево; *Малый Антибес*

Томская область

Кожевниковский район: Екимово, Сафроново (Новотроицкое); *Аркадьево, Заречное*

Томский район: Плотниково; *Томск,*

Шишино

Шегарский район: Базанаково, Поздняково, Половинка; *Кулманы*

Тюменская область

Тобольский район: Абрамово, Бабандино, Большая Шестакова, Бронниково, Панушкова, Худяково, Экстезерь (Большое Зоркальцево)

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 124; ОАФ-2, кол. 001.

11. 1971, 02–03.11 **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОСК.

Лодейнопольский район:

[Алёховщинское с/п]: Кондуши

Подпорожский район:

Курбинский с/с: Ладва

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

12. 1971, ноябрь. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Ленинградской области.**

Подпорожский район:

Курбинский с/с: Ладва

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

13. 1972, **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОСК.

Выборгский район:

[Красносельское с/п]: Красносельское

[Первомайское с/п]: Ленинское

Личный архив.

14. 1972, 25.04. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОСК.

Гатчинский район:

Елизаветинский п/с: Елизаветино

Личный архив.

15. 1972, июнь. Запись в Ленинграде этнографических коллективов,

участников концерта «**Русский танцевальный фольклор**».

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012, 013.

16. 1972, 25.07–18.08. **Томская, Тюменская области.** Экспедиция ЛОСК.

Томская область

Томский район: Воронино, Кузовлево; *Гришино*

Тюменская область

Тобольский район: Абалак, Атаманова, Белая, Берендеева, Верхние Аремзяны, Волкова, Голошубина, Загваздина, Заольховка, Зольникова, Маслова, Мостовая (Рахвалова), Новосёлова, Овсянниково, Панова, Полуянова, Преображенка, Редикульцево, Санникова; *Короли, Кугаево, Македоново, Тренина*

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 125; ОАФ-2, кол. 001.

17. 1972, 21.11. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Ленинградской области.**

Кингисеппский район:

Большелуцкий с/с: Малый Луцк

Личный архив.

18. 1973, 26.01. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Вологодской области.**

Шекснинский район: пгт Чёбсара

Личный архив.

19. 1973, 22.04. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОИМЦ.

Сланцевский район:

Новосельский с/с: Рудно (Гусева Гора)

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

20. 1974, 07.05. Запись в Ленинграде
Ф. А. Митрофановой, уроженки
д. Нижмозеро **Онежского района**
Архангельской области.
Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ-2, кол. 013.
21. 1974, 15.07–27.08. **Томская, Тюмен-**
ская области. Экспедиция ЛОСК.
Томская область
Александровский район: *Прохоркино, Сос-*
нино
Каргасокский район: Казальцево; *Кар-*
гасок
Тюменская область
Вагайский район: Быкова, Копотилы,
Сычи, Трушниковая, Шапошниковая
Тобольский район: Кузьмина, Новосё-
лова; *Македоново*
Уватский район: Демьянское, Лебаут,
Осинник, Шилова, Юровское; *Малый*
Ярок
Тюменская область, Ханты-
Мансийский автономный округ
Сургутский район: Тундрино
Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ, кол. 125; ОАФ-2, кол. 001.
22. 1975, 02.03–03.03. **Ленинградская**
область. Экспедиция ЛОНМЦ.
Сланцевский район: г. Сланцы
Кингисеппский район:
Большелуцкий с/с: *Малый Луцк*
Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ-2, кол. 012.
23. 1975, 11.07–24.08. **Омская,**
Томская, Тюменская области.
Экспедиция ЛОСК.
Омская область
Усть-Ишимский район: Березянка, Боль-
шая Бича, Загваздино, Новая, Панова,
Суя
Томская область
Томский район: Петухово
Тюменская область
Вагайский район: Журавлёва, Мухина-
Малькова, Рахвалова; *Демнино*
Тобольский район: Паново; *Пиунова*
Тюменская область, Ханты-
Мансийский автономный округ
Ханты-Мансийский район: Елизарово,
Зенково, Нялино, Скрипунова, Шап-
ша; *Троица*
Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ, кол. 126; ОАФ-2, кол. 001.
24. 1976, 02.04–04.04. **Ленинградская**
область. Экспедиция ЛОНМЦ.
Лужский район:
[Заклинское с/п]: Колодно, Сырец
Торошковский с/с: Торошковичи
Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ-2, кол. 012.
25. 1976, 01.06. Запись в Ленинграде
Ф. А. Митрофановой, уроженки
д. Нижмозеро **Онежского района**
Архангельской области.
Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК,
ОАФ-2, кол. 013.
26. 1976, 27.06–18.07. **Вологодская**
область. Экспедиция ЛОЛГК.
Великоустюгский район:
Ломоватовский с/с: Ёрга, Илатовская,
Пихтово
Марденьгский с/с: Деревесниково, Есь-
кино, Марденьга, Одомчино, Пуш-
кариха, Рязаново, Фалёво, Шиленга;
Пермилово
Парфёновский с/с: Выставка, Горка, Де-
ревенька, Карасово, Парфёново, Под-
ворски, Пустая, Семенниково, Сло-
бодка, Старое Рожково; *Шастово*
(Экспедиция работала также в Ньюсен-

ском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 019.

27. 1976, 26.07–21.08. **Алтайский край; Тюменская область.** Экспедиция ЛОСК.

Алтайский край

Тогульский район: Антипино, Бураново, Верх-Тогул, Глазырино, Титово, Топтушка, Уксунай, Шумиха; *Малиновка (Малиновая Грива)*

Тюменская область

Тобольский район: Ушарово

Личный архив. Копии: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 126; ОАФ-2, кол. 001.

28. 1977, 24.01–07.02. **Вологодская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Верховажский район:

Верхнеколеньгский с/с: Заборье (Григоровская), Удальцовская (Губатовская)
Нижнеколеньгский с/с: Ногинская, Фоминская

Нижнекулойский с/с: Герасимовская (Новая Деревня), Другосимоновская (Дуравинская), Клюкинская (Бобриха), Ореховская, Урусовская
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 020.

29. 1977, 18.03. Запись в Ленинграде А. И. Каргальского, уроженца ст. Каргальской **Цимлянского района Ростовской области.**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 022.

30. 1977, 22.03. Запись в Ленинграде А. И. Каргальского, уроженца ст. Каргальской **Цимлянского района Ростовской области.**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 022.

31. 1977, 01.04. Запись в Ленинграде А. И. Каргальского, уроженца

ст. Каргальской **Цимлянского района Ростовской области.**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 022.

32. 1977, 21.06. Запись в Ленинграде А. И. Каргальского, уроженца ст. Каргальской **Цимлянского района Ростовской области.**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 022.

33. 1977, 27.06–17.07. **Архангельская, Вологодская области.** Экспедиция ЛОЛГК.

Архангельская область

Вельский район:

Верхне-Усть-Кулойский с/с: Варыгинская, Заозерье, Лаптевская (Пустынь), Лиходиево (Погост), Михеево, Мошково, Окатовская (Кожино), Петрово (Шестниковская), Прилук, Сельменьга, Хребтовская (Маурино)

Вологодская область

Верховажский район:

Елисеевский с/с: Анисимовская (Подволочная), Кувалдино (Матвейиха), Павловская (Харитоновская), Паровихи
Красно-Сибирский с/с: Боярская, Гнилуха, Ивановская (Елисеевская), Студенцово

Нижнекулойский с/с: Бобриха (Клюквинская), Босыгинская (Дьяконовская), Бревновская (Верещагино), Высотинская (Круглая)

Терменьгский с/с: Клыково, Коровино, Костино, Старина

(Экспедиция работала также в Великоустюгском районе Вологодской области; Подосиновском районе Кировской области)

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 021.

34. 1977, 27.07–26.08. **Алтайский край; Красноярский край.** Экспедиция ЛОСК.

Алтайский край**Залесовский район:** Думчево**Сорокинский район:** Жуланыха; *Черёмушкино***Красноярский край****Енисейский район:** Анциферово, Городище, г. Енисейск, Каменское, Колмогорово, Нижне-Шадрино, Усть-Пит
Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 001.35. 1977, 07.09. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОНМЦ.**Сланцевский район:**Новосельский с/с: *Рудно*Черновский с/с: *Монастырёк*

Личный архив. Рукописные материалы (запись текстов).

36. 1977, 11.12–12.12. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОСК, ЛОНМЦ.**Киришский район:**

[Пчевжинское с/п]: Горчаково

[Пчевское с/п]: Мотохово, Пчева

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 106.

37. 1978, 28.01–14.02. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК.**Устьянский район:**

Дмитриевский с/с: Кырканда (Кондратовская), Маньшинская, Мехреньга

Левоплоский с/с: Михеево, Окатовская

Лихачёвский с/с: Бритвино

Орловский с/с: Дубровская (Орлово)

Синицкий с/с: Васьковская

Строевской с/с: Кузнецово (Грунцовская), Кузоверская, Сабуровская.

Череновский с/с: Беклемишевская, Череновская

(Экспедиция работала также в Котласском районе Архангельской области; Верховажском районе Вологодской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 023.

38. 1978, 27.06–24.07. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК.**Вельский район:**

Попово-Наволоцкий с/с: Кулига, Поречье

Пуйский с/с: Болтихина, Верховская, Крюкова

Устьянский район:

Березницкий с/с: Бережная, Едьма

Лихачёвский с/с: Бритвино, Илатово, Михалёво

Малодорский с/с: Бор, Малодоры

Минский с/с: Обонеговская (Заворьё), Подгорная (Лукияновская)

Строевской с/с: Прилуки, Шапинская
(Экспедиция работала также в Верховажском, Тотемском, Устюженском, Чагодощенском районах Вологодской области; Пестовском районе Новгородской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 024.

39. 1978, 05.05–06.05. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.**Сланцевский район:**

Новосельский с/с: Рудно

Черновский с/с: Монастырёк

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 026.

40. 1978, 01.12–03.12. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.**Сланцевский район:**

Велетово

[Старосельское с/п]: Морди

Черновский с/с: Монастырёк

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 027.

41. 1978, 13.12. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из Вологодской области.

Верховажский район:

Нижекулойский с/с: Другосимоновская (Дуравинская)
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 105.

42. 1979, 23.01–06.02. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Шенкурский район:

Верхоледский с/с: Булавинская (Кокуй), Лопухинская (Костино), Осиевская (Верховье)

Верхопаденьгский с/с: Архангельская, Наволок

Федорогорский с/с: Кополинская (Залывье)

Щеговарский с/с: Верхняя Медлиша, Медлиша

Ямскогорский с/с: Никифоровская (Золотилово)

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 029.

43. 1979, 22.03–23.03. Запись в Ленинграде этнографических коллективов из **Архангельской области.**

Устьянский район:

Строевской с/с: Кузоверская

Шенкурский район:

Верхопаденьгский с/с: Ивановское

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 030.

44. 1979, 12.05–13.05. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Сланцевский район:

Новосельский с/с: Загривье

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 032.

45. 1979, 27.06–04.08. **Архангельская, Вологодская области.** Экспедиция ЛОЛГК.

Архангельская область

Каргопольский район:

Кречетовский с/с: Данилово, Евсино, Монастырёк

Тихманьгский с/с: Кирилловщина, Мурхово, Новинки, Часовина

Ухотский с/с: Низ, Попадьино, Прокопьево, Сергеево, Чурилово (Новинская Пустошь)

Вологодская область

Белозерский район:

Гулинский с/с: Агеево, Ангозеро, Ершово, Савино; *Глушково, Костино, Никоновская*

Сотозерский с/с: Кузнецово, Подсосенье, Тимофеевская (Голодаева); *Слобода, Царёво*

Вашкинский район:

Волоцкой с/с: Естошево, Мыс; *Гаврино, Пиньшино*

Липиноборский с/с: Липин Бор; *Митрофаново, Нижнее Хотино*

Нестеровский с/с: Занино, Филиппово; *Нестерово*

Роксомский с/с: Березник, Конёво, Тимино

(Экспедиция работала также в **Шенкурском районе Архангельской области.**)

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 033.

46. 1980, 11.01–13.01. **Карельская АССР; Ленинградская область.** Экспедиция ЛОНМЦ. (Запись в г. Кириши).

Карельская АССР

Пудожский район:

[Авдеевское с/п]: Авдеево

Ленинградская область

Всеволожский район:

Токсовский с/с: Рапполово

Киришский район:

[Пчевжинское с/п]: Белая, Горчаково

[Пчевское с/п]: Березняки

Лужский район:

Торошковский с/с: Торошковичи

Сланцевский район: г. Сланцы

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 106.

47. 1980, 18.01–02.02. **Вологодская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Вожегодский район:
пгт Вожега
Тигинский с/с: Дровдель, Пожар, Савинская; *Гридино*
Кирилловский район:
Печенгский с/с: Павшино (Рыбацкое), Солза; *Березник, Демьяново, Ефимово (Солза)*
Чарозерский с/с: Комлино, Сергеево
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 035.
48. *1980, 04.01, 10–11.05. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Бокситогорский, Тихвинский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 036.
49. *1980, 10.05–11.05. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Сланцевский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 037.
50. *1980, 24.06–22.07. **Архангельская, Вологодская области.** Экспедиция ЛОЛГК.
Архангельская область:
Коношский район.
Вологодская область:
Вожегодский, Сямженский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 040.
51. *1981, 20.01–06.02 **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ИРЛИ.
Холмогорский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 043.
52. 1981, 26.06–03.08. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ИРЛИ.
Верхнетоемский район:
Афанасьевский с/с: Осеевская, Першинская
Вершинский с/с: Бутыры (Бутырка), Горка, Чёрный Ручей; *Окулова*
Выйский с/с: Вахтинская Гора, Заозерье, Хорнема
Горковский с/с: Великая, Пахомова
Ляховский с/с: *Лукинская, Степановская*
Нижнетоемский с/с: Великий Двор (Жерыгинская), Красная Горка, Наволоцкая, Панфиловская
Сефтринский с/с: Бутырка (Монастырёк)
Федьковский с/с: Аникеевская, Федьков Починок (Ягрыш)
Красноборский район:
Черевковский с/с: Авдеевская, Верхнее Мышино, Черевково; *Стуковы*
(Экспедиция работала также в **Виноградовском районе Архангельской области**).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 044.
53. *1981, 17.09–20.09. **Тюменская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Армизанский, Гольшмановский, Ялуторовский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 113.
54. *1981, 30.06–20.07. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Печорский, Псковский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 045.
55. *1981, 13.12. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Лужский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 051.
56. 1982, 19.01–06.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Псковская область
Печорский район:
Изборский с/с: Вастцы, Куланово, Малы, Поддубье, Старый Изборск
Паниковский с/с: Емельяново

Псковский район:

Серёдкинский с/с: Боровик, Заходы, Мельницы

Теребищенский с/с: Мтеж; *Березье, Курокша*

Эстонская ССР**Пыльвасский район:**

п/о Выпусу: Любница

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 046.

57. 1982, 28.06–26.07. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ИРЛИ.

Пинежский район:

Веркольский с/с: Веркола, Летопада

Карпогорский с/с: Церкова, Шардонемь

Нюхченский с/с: Нюхча

Шотогорский с/с: Турья, Чёшегорка, Шотогорка

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 055.

58. *1982, 06.12–09.12. **Ленинградская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Подпорожский район.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 056.

59. 1983, 23.01–06.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Палкинский район:

Качановский с: Луг, Максимково, Стуколово

Родовской с/с: Голубово, Малые Дядны, Яшково

Печорский район:

Изборский с/с: Велье, Зехново, Косыгино

Пыталовский район:

Линовский с/с: Овинищи

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 058.

60. *1983, 24.01–07.02. **Вологодская область:** Экспедиция ЛОЛГК, ЛОНМЦ совместно с ВГПИ.

Бабаевский район.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 060.

61. 1983, 25.06–25.07. **Архангельская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Лешуконский район:

Чуласа (запись в Архангельске)

Пинежский район:

Труфаногорский с/с: Почезерье

Чакольский с/с: Веегора, Кусогора, Чакола, Юбра; *Высокое*

Холмогорский район:

Копачёвский с/с: Ичково, Копачёво, Орлецы

Леуновский с/с: Гбач, Кузомень, Леуново

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 061.

62. 1984, 17.01–10.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Красногородский район:

Граинский с/с: Лукино, Мехово пгт Красногородское

Покровский с/с: Бахирево, Вярмово, Золотово, Кашево, Мышково

Палкинский район:

Новоуситовский с/с: Бородино, Вандыши, Добычи, Ерилово, Наумки, Небоги, Новая Уситва, Раихино, Ручьи, Шкарино, Щёголицы

Пыталовский район:

Дубновский с/с: Емилово, Стержнево

Скадинский с/с: Дрыкушки, Кокшино, Ломаша, Сусаново, Шкарды; *Азово*

Тулинский с/с: *Колитово*

(Экспедиция работала также в Печорском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 062; часть записей – копии из личного архива.

63. 1984, 23.02. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Псковской области.**

Печорский район:

Лавровский с/с: Папушево
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 064.

64. 1984, 22.03. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Свердловской области**.

Белоярский район: Некрасово

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 112.

65. 1984, 17.06–26.07. **Псковская область**. Экспедиция ЛОЛГК.

Красногородский район:

Граинский с/с: Мехово

Ильинский с/с: Авдоши, Десяцкие, Кри-
вошляпы

Красногородский с/с: Лоскутина, Стан-
кеево, Шутово

пгт Красногородское

Партизанский с/с: Блясино, Курцево,
Кучелеево, Посинье

Опочецкий район:

Ладыгинский с/с: Власово, Лиственка

Матюшкинский с/с: Козырево, Конош-
кино (Зуица), Луцилы, Саутки, Три-
гузово

Островский район:

Калининский с/с: Июдино, Рубилово
г. Остров

Пальцевский с/с: Покаты, Пузыри

Рубиловский с/с: Апанькино; *Сиполи*

Синерецкий с/с: Бланты, Коношино,
Морозово, Перевоз, Перестрелово,
Сукманная Горюшка

Пушкиногорский район:

Велейский с/с: Бабины, Васили

Пыталовский район:

Жоговский с/с: Дубново, Поярково,
Стехны

Носовский с/с: Паньково

(Экспедиция работала также в Себежском районе Псковской области и в Лудзенском районе Латвийской ССР).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 065; часть за-
писей – копии из личного архива.

66. 1984, 16.09–25.09. **Вологодская область**. Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Междуреченский район:

Ботановский с/с: Адомцино, Гаврили-
шево, Дьяконово

Враговский с/с: Брюхово (Козланка),
Врагово, Калитино, Подкурново,
Сбродово

Ноземский с/с: Фролово

Старосельский с/с: Старое

Шейбухтинский с/с: Иванишево; *Мака-
рово, Шуйское*

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 067.

67. *1984, 15.12–17.12. **Псковская область**. Экспедиция ЛОЛГК.

Палкинский, Печорский районы.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 066.

68. 1985, 17.01–09.02. **Псковская область**. Экспедиция ЛОЛГК.

Великолукский район:

Борковский с/с: Борки, Фелистово

Букровский с/с: Кузнецово, Марипчёл-
ки, Ямно

Пореченский с/с: Борок, Екатеринбург,
Зайцы, Захарово, Никулино, Поречье,
Сыроквашино

Урицкий с/с: Рябиновка, Урицкое

Успенский с/с: Каменистик, Овсянкино,
Успенское

Черпесский с/с: Хохлово; *Губаны, Жи-
тище, Никитино*

**(Экспедиция работала также в Невель-
ском районе).**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 068; часть за-
писей – копии из личного архива.

69. 1985, 15.05. Запись в Ленинграде

Е. Т. Сапелкина, уроженца
с. Афанасьевка **Алексеевского
района Белгородской области.**
Архив ФЭЦ СПбГК, кол. 109.

70. 1985, 16.06–26.07. **Новгородская,
Псковская области.** Экспедиция
ЛОЛГК.

Новгородская область

Холмский район:

Ельнинский с/с: Большое Ельно

Морховский с/с: Болдашево, Василёво,
Морхово

Сопкинский с/с: Рабочий Посёлок

Тухомичский с/с: Богданово, Малихово,
Пурыгино; *Щавринка*

Псковская область

Великолукский район:

Горицкий с/с: Иваново, Кислово, Овси-
ще, Тулубьево

Купуйский с/с: Колюбаки, Крупышево

Успенский с/с: Антушово, Каменистик,
Медвёдково, Овсянкино, Сычёво

Фёдорковский с/с: Игнашёво; *Мухино*

Красногородский район:

Граинский с/с: Мехово

Красногородский с/с: Шутово

пгт Красногородское

Куньинский район:

Пухновский с/с: Бараново, Симакино

Локнянский район:

Подберезинский с/с: Елдышино, Лаза-
рево; *Серка, Шелаки, Язвы*

Невельский район:

Артёмовский с/с: Кошелёво

Лёховский с/с: Багуры, Волчьи Горы,
Пахлово

Опочецкий район:

г. Опочка

Островский район:

г. Остров

Пальцевский с/с: Пузыри

Рубиловский с/с: Апанькино, Борзово,

Кахново, Курцево, Сиполи
Синерецкий с/с: Бланты
(Экспедиция работала также в Андреа-
польском районе Калининской области,
Новосокольническом районе Псковской
области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 069; часть за-
писей – копии из личного архива.

71. 1985, 31.07–07.08. **Новгородская,
Псковская области.** Экспедиция
ЛОЛГК.

Новгородская область

Холмский район:

г. Холм

Псковская область

Красногородский район:

Граинский с/с: Мехово, Серебренниково

Покровский с/с: Золотово, Овсянки

Локнянский район:

Локнянский с/с: Осиновка

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 070; часть за-
писей – копии из личного архива.

72. 1985, 08.09–20.09. **Вологодская
область.** Экспедиция ЛОЛГК
совместно с ВГПИ.

Бабушкинский район:

Березниковский с/с: Борисово, Воскре-
сенское, Дмитриево, Душнёво; *Грушино*

Рослятинский с/с: Будьково, Степань-
ково

Фетининский с/с: Верёговка, Починок;
Аниково

Юркинский с/с: Петухово, Теляково

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 071.

73. *1986, 22.01–08.02. **Новгородская
область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Поддорский район.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 072.

74. 1986, 14.01–09.02. **Псковская**

область. Экспедиция ЛОЛГК.
Невельский район:
 Лобковский с/с: Высоцкие, Косёнково, Лемеша, Маслоуки, Рыжаки, Терпилово, Усово
 Ловецкий с/с: Городище, Козыри, Туркин Перевоз, Червоеды, Ятмище
 Новохованский с/с: Борисково, Руцелёво
 Трехалёвский с/с: Мыленки, Никониха, Трехалёво, Устиново
 Туричинский с/с: Гольни, Доминиково, Кресты, Кулиги, Молокоедово, Стайки
 Усть-Долысский с/с: Боёво, Замошица, Старое
 Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, кол. 073; часть записей – копии из личного архива.

75. 1986, 11.02–17.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Красногородский район:
 Граинский с/с: Мехово
 пгт Красногородское
 Покровский с/с: Вярмово
Опочецкий район:
 Матюшкинский с/с: Коношино (Зуица)
 Личный архив. Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, кол. 073, ОАФ-2.

76. 1986, 30.06–11.08. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Гдовский район:
 г. Гдов
 Юшкинский с/с: Ветвеник, Заполье, Ручьи
Красногородский район:
 Ильинский с/с: Авдоши, Ильинское; *Десяцкие*
Опочецкий район:
 Матюшкинский с/с: Попки, Тригузово; *Седуниха*
Пустошкинский район:
 Бессоновский с/с: Костьково, Лешно, Чурилово

Забельевский с/с: Логиново, Реблё, Хлупикино

Себежский район:
 Бояриновский с/с: Будани
 Глембочинский с/с: Бондари, Глембочино, Горелово, Дворище, Замошани, Морское
 Долосчанский с/с: Ашнарово, Булавчино, Веремеево, Воловники, Нища, Прошково
 Красный с/с: Лешково-Павлово, Лопатово
 Лавровский с/с: Дашково
(Экспедиция работала также в Новоскольническом районе Псковской области; Верхнедвинском районе Витебской области Белорусской ССР).

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, кол. 074; часть записей – копии из личного архива.

77. 1986, 21.11. Запись в Ленинграде исполнителей из **Новгородской и Псковской областей.**

Новгородская область

Поддорский район:
 Белебёлковский с/с: Лисьи Горки
Псковская область

Великолукский район:
 Пореченский с/с: Поречье
Печорский район:
 Лавровский с/с: Папушево
 Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, кол. 116.

78. 1987, 21.01–08.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Новоржевский район:
 Заборьевский с/с: Макарово, Самсониха
 Оршанский с/с: Большая Слобода
Опочецкий район:
 Глубоковский с/с: Авсейково, Зехново, Погорельцево
 Норкинский с/с: Быстрино, Каленидово, Каменно

Порховский район:

Дубровский с/с: Верхние Горки, Готовино, Степерино

Митрофановский с/с: Махновка, Травино, Шелешни; *Москва*

Ясенский с/с: Качурицы, Ясно

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 076; часть записей – копии из личного архива.

79. 1987, 09.07–12.08. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Красногородский район:

Ильинский с/с: Дулово, Заборовье

Опочецкий район:

Звонский с/с: Черницкое; *Щемелинки*

Лобовский с/с: Болдино, Гужово, Есеники, Катково

Островский район:

Воронцовский с/с: Воронцово, Романово, Тупицы

Горайский с/с: Иловицы, Каменка, Огурцово; *Барки*

Пушкиногорский район:

Васильевский с/с: Алуфёрово, Васильевское

Зарецкий с/с: Железово, Кашино, Поповня

Полянский с/с: Найдёново, Острие, Позолотино, Поляне

пгт Пушкинские Горы

(Экспедиция работала также в Палкинском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 077; часть записей – копии из личного архива.

80. 1987, 12.09–21.09. **Вологодская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Нюксенский район:

Городищенский с/с: Брызгалово, Великий Двор, Верхняя Горка (Околотов), Городишна, Лукино, Юшково (Порошин Двор)

Космарёвский с/с: Задний Двор, Лопатино

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 078.

81. 1988, 14.01–07.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Бежаницкий район:

Бардовский с/с: Бардово

Кудеверский с/с: Алоль, Кудеверь, Медведово, Павлово, Павлово (Дорожково), Федьково, Фильково; *Болотница*

Локнянский район:

Миритиницкий с/с: Вознесенское, Лежакино, Миритиницы, Обухово, Овинчище, Рыкайлово, Федорково

Новосокольнический район:

Вязовский с/с: Антушово, Вяз, Девичье, Кошнево (запись в Стругах), Монино, Сенютино, Струги

Раменский с/с: Астратово, Коларёво, Колобово, Раменье, Семёново, Яковцево

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 079; часть записей – копии из личного архива.

82. 1988, 25.03. Запись в Ленинграде этнографического коллектива из **Оренбургской области.**

Северный район: Черновка

Личный архив, копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

83. 1988, 23.04. Запись в Ленинграде исполнителей из **Новгородской области.**

Хвойнинский район:

Бродский с/с: Голубиха

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 080.

84. 1988, 06.06–20.06. **Калининская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Торопецкий район:

Конищевский с/с: Зайково, Малые

Изоры
Кудрявцевский с/с: Василёво
Озерецкий с/с: Семенцово
Пестряковский с/с: Дергачи, Жарихино,
Маслово, Романово
Уваровский с/с: Ивановская, Княжово,
Сосонье
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 081; часть
записей – копии из личного архива.

85. 1988, 26.06–11.08. **Новгородская,
Псковская области.** Экспедиция
ЛОЛГК.

Новгородская область

Хвойнинский район:

Боровской с/с: Боровское
Бродский с/с: Брод, Ворониха, Голубиха,
Долбеники
Остахновский с/с: Жилой Бор, Лачино

Псковская область

Бежаницкий район:

Бардовский с/с: Детково, Струпливец
Бежаницкий с/с: Сущёво
Цевельский с/с: Макарино, Синцово,
Скопиха

Великолукский район:

Букровский с/с: Куковичино, Старые
Тарасы

Куньинский район:

Каськовский с/с: Каськово, Мелюшаты,
Петухи, Шаляпы, Ямище; *Заборье*
Назимовский с/с: Голубово, Точилово
Ущицкий с/с: Быково, Лукино, Ущицы
(Экспедиция работала также в Локнян-
ском районе Псковской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 081; часть за-
писей – копии из личного архива.

86. 1988, 11.09–28.09. **Новгородская
область.** Экспедиция ЛОЛГК
совместно с ВГПИ.

Любытинский район:

Агафоновский с/с: Логиново

Бобровский с/с: Борок, Новая Боров-
щина, Сухарево Селище
Любытинский с/с: Любытино
Хировский с/с: Высочка, Хирово
Шереховичский с/с: Квасильниково,
Никандрово

Хвойнинский район:

Боровский с/с: Жирово, Заделье; *Бор,
Видомница*

Звягинский с/с: Яковлево

Кабожский с/с: Кабожа

Кушаверский с/с: Гайно, Кунцово, Ку-
шавера, Терebut, Шестерня

Миголощский с/с: Миголощи

Сосновский с/с: Юбилейный
пгт Хвойная

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 082; часть за-
писей – копии из личного архива.

87. 1989, 09.01–09.02. **Новгородская
область.** Экспедиция ЛОЛГК
совместно с ВГПИ.

Боровичский район:

Удинский с/с: Удино

Любытинский район:

Агафоновский с/с: Логиново

Артёмский с/с: Городно, Родники (Бар-
щино)

Звонецкий с/с: Анисимиha, Звонец

Любытинский с/с: Княжее Село

Неболчский с/с: Бор, Кременичи, Не-
болчи, Нижняя Лука

Сивцевский с/с: Михеево

Шереховичский с/с: Квасильниково

Мошенской район:

Барышёвский с/с: Бор, Карманово, Со-
сонье

Долговский с/с: Долгое

Кабожский с/с: Городок

Калининский с/с: Остратово

Красногорский с/с: Конищево

Меглецкий с/с: Меглецы

Мошенской с/с: Мошенское

Ореховновский с/с: Николаевское, Ореховно, Ягайлово; *Дубишки*

Осташёвский с/с: Васильево, Дерягино, Осташёво

Самуйловский с/с: Гусево, Самуйлово

Яковиченский с/с: Щитово

Пестовский район:

Абросовский с/с: Копачёво; *Абросово*

Беззубцевский с/с: Климовщина, Фёдоровщина

Богословский с/с: Закладенья

Лаптевский с/с: Жарки, Лаптево, Мелёстовка, Чёрное; *Коровино*

Погореловский с/с: Дуброво, Лукинское, Погорелово, Попово

Семьтинский с/с: Дуброво, Семьтино

Устюцкий с/с: Иваньково, Новочистка

Хвойнинский район:

Кушаверский с/с: Терebut, Шестерня пгт Хвойная

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 083; часть записей – копии из личного архива.

88. 1989, 13.04. Запись в Ленинграде

М. И. Вилисова, уроженца

Гаринского района Пермской области.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 112.

89. 1989, 08.06–13.06. **Брянская область.** Личная поездка совместно с МГК.

Красногорский район: Увелье, Яловка

Новозыбковский район: Верещаки

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 096; личный архив.

90. 1989, 15.06–05.07 (участие: 20.06–28.06). **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Локнянский район:

Локнянский с/с: Осиновка

Новосокольнический район:

Островский с/с: Сушино

Раменский с/с: Раменья

Руновский с/с: Буровец, Гришино, Курочкино, Лядино, Руново

Опочецкий район:

Глубоковский с/с: Авсейково, Глубокое, Рупосы, Шелково

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ,

кол. 084; часть записей – копии из личного архива.

91. 1989, 06.07–08.08 (участие: 15.07–08.08). **Вологодская, Новгородская области.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Вологодская область

Чагодощенский район:

Лукинский с/с: Анишино

Новгородская область

Боровичский район:

г. Боровичи

Горбинский с/с: Горбино

Кончанский с/с: Лединка, Спасское, Трёмово

Опеченский с/с: Деревя, Старое Брызгово

Перёдкинский с/с: Качалово

Починносопкинский с/с: Починная Сопка

Прогрессский с/с: Волгино

Удинский с/с: Сорокино, Удино

Мошенской район:

Бродский с/с: Броды

Городищенский с/с: Лисичиха, Петрово, Ратково, Рыкулино

Осташёвский с/с: Колупалово

Пестовский район:

Абросовский с/с: Заручевье

Хвойнинский район:

Звягинский с/с: Звягино

Кабожский с/с: Емельяновское, Кабожа, Савкино, Сухолжино

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ,

кол. 084; часть записей — копии из личного архива.

92. 1989, 12.08—20.08. **Вологодская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Бабушкинский район:

Подболотный с/с: Безгачиха, Городишево, Кокшарка, Кулига, Ляменьга, Скоково, Сосновка; *Сумино*

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ

кол. 085; часть записей — копии из личного архива.

93. 1989, 13.09—30.09. **Вологодская область.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Нюксенский район:

Бобровский с/с: Бобровское

Брусенский с/с: Брусенец, Монастыриха, Хохлово

Городищенский с/с: Верхняя Горка (Околоток), Городишна, Слобода

Дмитриевский с/с: Большая Сельменьга, Красавино, Малая Сельменьга, Озёрки

Уфтюгский с/с: Лесютино, Пожарище

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 086.

94. 1990, 14.01—08.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Красногородский район:

Граинский с/с: Мехово

Ильинский с/с: Дулово

пгт Красногородское

Партизанский с/с: Блясино

Опочецкий район:

Матюшкинский с/с: Козырёво, Тригузово

Островский район:

г. Остров

Пальцевский с/с: Пузыри

Рубиловский с/с: Апанькино

Палкинский район:

Васильевский с/с: Зубовщина, Яхново

Качановский с/с: Жуково, Луг

Новоуситовский с/с: Кононово, Раихино

Палкинский с/с: Жилино-Карпино, Краснодудово, Леонтьево, Щепец-Горушка

Родовской с/с: Голубово, Дворянкино, Трумалёво

Порховский район:

Верхнемостский с/с: Тетерино

Славковский с/с: Боровики, Лог, Славковичи, Сумско; *Авчух*

Псковский район:

Верхолинский с/с: Великое Поле, Заборовка, Завастье, Замельничье, Заорово, Сухлово

Гверздонский с/с: Задворье, Юхново

Пыталовский район:

Скадинский с/с: Ломаши

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 087; часть записей — копии из личного архива.

95. 1990, 03.06. Запись в Новгороде этнографического коллектива из **Пермской области.**

Юрлинский район: Пож

Личный архив. Копия: Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ-2, кол. 012.

96. 1990, 11.06—08.08 (участие: 11.06—27.06, 18.07—08.08). **Новгородская, Тверская области.** Экспедиция ЛОЛГК.

Новгородская область

Пестовский район:

Барсанихский с/с: Ново-Муравьёво

Тверская область

Бежецкий район:

Восновский с/с: Житище, Козлово

Морозовский с/с: Ельники

Пореченский с/с: Курганы, Расловлево

Теблешский с/с: Теблешы

Бологовский район:

Берёзорядский с/с: Алатовщина, Берёзовый Рядок, Городок, Избоищи, Тугановичи

Липенский с/с: Адамово, Фёдорково

Лесной район:

Застровский с/с: Застровье, Поповка

Михайловский с/с: Абаконово, Ручей, Старая Горка

Молоковский район:

Ахматовский с/с: Савачёво

Покровский с/с: Старовецкое

Рамешковский район:

Диевский с/с: Бурцева Гора, Топориха

Киверичский с/с: Киверичи, Плешково

Сандовский район:

Большемалинский с/с: Артёмиха

Ладожский с/с: Залужье, Караваево, Перми, Сельцы

Топалковский с/с: Пожарьё, Топалки

Удомельский район:

Котлованский с/с: Желудово, Котлован, Кузьминская, Ледины, Маслово, Пашнево, Тормасово-Комарно, Черед

Озерогорский с/с: Горка, Лепячи, Озёра, Сельцо Карельское

(Экспедиция работала также в Максатихинском районе Тверской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 090; часть записей — копии из личного архива.

97. 1990, 05.09—28.09. **Вологодская, Тверская области.** Экспедиция ЛОЛГК совместно с ВГПИ.

Вологодская область

Череповецкий район:

Большедворский с/с: Большой Двор, Козлово, Петряево

Коротовский с/с: Паршино

Николо-Раменский с/с: Бор, Харламовская

Чаевский с/с: Миндюкино; *Малая Липенка*

Ягницкий с/с: Пленишник, Ягница
Тверская область

Весьегонский район:

Барановский с/с: Крешнево

г. Весьегонск

Ёгненский с/с: Ёгна, Квасково, Тиманское

Любегощенский с/с: Аблавино, Бородино

Романовский с/с: Ильинское, Мосеевская, Топорищево

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 091; часть записей — копии из личного архива.

98. 1991, 15.01—09.02. **Псковская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Гдовский район:

Первомайский с/с: Безьва, Блянск, Выселок Жуковский, Горско-Рогово, Зубовщина, Старое Загорье

Полновский с/с: Партизанская, Полна

Ремдовский с/с: Низовицы

Самолвский с/с: Чудские Рудницы (Петряево)

Спицинский с/с: Подборовье, Островцы

Плюсский район:

Лосицкий с/с: Лосицы

Стругокрасненский район:

Марьинский с/с: Выборово, Яблонец

Ровненский с/с: Высокое (Подол), Река

Сиковицкий с/с: Давыдово, Ждани, Зовка, Остров, Радонка, Сквородка

Симанологский с/с: Сафронова Гора

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 093; часть записей — копии из личного архива.

99. 1991, 16.06—26.06. **Тверская область.** Экспедиция ЛОЛГК.

Бежецкий район:

Восновский с/с: Вербели, Восново, Городня, Игнатово, Козлово, Нивы, Новосёлка, Щадрихна

Теблешский с/с: Арефино, Власьево, Ду-

- даково, Корино, Леоново, Сидорино, Стрижово, Теблеши
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 095; часть записей – копии из личного архива.
100. 1991, 01.07–10.08 (участие: 21.07–10.08). **Новгородская область.** Экспедиция ЛОЛГК.
Боровичский район:
 Починносопкинский с/с: Починная Сопка
Валдайский район:
 Едровский с/с: Едрово
 Лутовёнский с/с: Лутовёнка
 Сухонивский с/с: Сухая Нива
Демянский район:
 Тарасовский с/с: Пеньково
Марёвский район:
 Любнинский с/с: Новый Новосёл (Голиково)
 Мамоновский с/с: Мамоновщина
 Молвогицкий с/с: Бель-2, Воскресенское, Малое Заселье, Молвогицы, Наумово, Сопки
 Новорусский с/с: Латкино, Павлово
 Озерковский с/с: Золотково
Окуловский район:
 Званский с/с: Большая Крестовая
 Каёвский с/с: Буянцево, Заречное, Каёво, Сельцо Никольское, Ярусово
 Перстёнковский с/с: Петрово
 Топорковский с/с: Великуша
 Торбинский с/с: Торбино, Узи
 (Экспедиция работала также в **Маловишерском районе Новгородской области; Бологовском районе Тверской области**).
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 095; часть записей – копии из личного архива.
101. 1992, 14.01–02.02. **Вологодская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ совместно с ВГПИ.
Бабаевский район:
 г. Бабаево
 Верхний с/с: Рогозино
 Волковский с/с: Волкова, Давыдовка
 Команевский с/с: Артёмово, Саутино
 Куйский с/с: Кендаево, Панкратово
 Новолукинский с/с: Задний Двор, Костино, Новолукино, Папино, Тереховая
 Новостаринский с/с: Акишево, Новая Деревня
 Плосковский с/с: Плёсо
 Пяозерский с/с: Красная Гора, Пяжелка
 Тимошинский с/с: Пустошка, Тимошино, Янголохта
 Чистиковский с/с: Ключово
Каду́йский район:
 Барановский с/с: Коротневая
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 098; часть записей – копии из личного архива.
102. 1992, март. Запись в Санкт-Петербурге этнографического коллектива из **Смоленской области.**
Ельнинский район:
 Леонидовский с/с: Шарапово
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 097.
103. *1992, 06.07–19.07. **Псковская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Гдовский район.
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 100.
104. 1992, 28.07–16.08 (участие: 28.07–29.07, 13.08–16.08). **Новгородская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Крестецкий район:
 Усть-Волмский с/с: Великая Нива
Парфинский район:
 Дворецкий с/с: Дворец, Козино
 Дубровский с/с: Бабки
 Кузьминский с/с: Беглово
 Налючский с/с: Васильевщина, Росино

Подберезский с/с: Старая Горка

Поддорский район:

Белебёлковский с/с: Лисьи Горки
Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, ОВФ, кол. 101;
часть записей – копии из личного архива.

105. 1992, 15.09–28.09. **Псковская область.** Экспедиция СПБГК и ФЭЦ.

Печорский район:

Крупский с/с: Вишняково, Горбатицы,
Городище, Зимний Борок, Кулиско,
Моложва

Кулейский с/с: Киршино, Медли

Новоизборский с/с: Лесицко

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, ОВФ, кол. 102.

106. 1993, 02.02–21.02. **Вологодская область.** Экспедиция СПБГК и ФЭЦ.

Вытегорский район:

Анненский с/с: Бадожский Погост

Девятинский с/с: Девятины

Кемский с/с: Прокшино

Коштугский с/с: Алексеевская, Лукин-
ская, Люговская (Милуково), Меж-
озерье, Павловская, Павловская (Ся-
гозеро)

Мегорский с/с: Верхнее Понизовье,
Нижнее Понизовье

Оштинский с/с: Низ (Ошта), Ошта

Семёновский с/с: Ивановская, Рогозино

Ундозерский с/с: *Баранова*

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, ОВФ, кол. 103;
часть записей – копии из личного архива.

107. 1993, 17.06. Запись в Санкт-Петер-
бурге этнографического коллектива
из **Смоленской области.**

Ельнинский район:

Леонидовский с/с: Шарапово

Личный архив.

108. 1993, 30.06–05.08 (участие: 30.07–
05.08). **Смоленская область.** Экспе-

диция СПБГК и ФЭЦ.

Новодугинский район:

Болшевский с/с: Болшево

Днепровский с/с: Днепровское, Коро-
бово, Панское, Печеничено

Трофимовский с/с: Мольно

(**Экспедиция работала также в Сычёвском
районе.**)

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, ОВФ, кол. 104,
личный архив.

109. 1994, 23.01–06.02. **Ленинградская,
Псковская области.** Экспедиция
СПБГК и ФЭЦ.

Ленинградская область

Лужский район:

Волошовский с/с: Большие Сабицы, Ся-
беро

Псковская область

Плюсский район:

Заянский с/с: Марьинско

Лядский с/с: Высоково

Нежадовский с/с: Заозерье

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, ОВФ, кол. 128.

110. *1994, 26.01–05.02. **Тверская об-
ласть.** Экспедиция СПБГК и ФЭЦ.

Весьегонский район.

Архив ФЭЦ СПБГК, ОАФ, кол. 129.

111. 1994, 28.06–05.08 (участие: 18.07–
05.08). **Смоленская область.**
Экспедиция СПБГК и ФЭЦ.

Духовщинский район:

Велистовский с/с: Велисто

Береснёвский с/с: Рибшево

Кулагинский с/с: Троицкое

Петрищевский с/с: Фалисы

Шиловичский с/с: Шиловичи

Сафоновский район:

Богдановщинский с/с: Сумароково

Васильевский с/с: Дроновка, Иванисово

Левковский с/с: Левково

- Прудковский с/с: Емельяново, Никулино, Перстёнки
Холм-Жирковский район:
 Агибаловский с/с: Агибалово, Ерютино
 Богдановский с/с: Боголюбово
 Канютинский с/с: Канютино
 Нахимовский с/с: Глушково
 Томский с/с: Мартыново
 Холм-Жирковский п/с: Холм-Жирковский
- Ярцевский район:**
 Зайцевский с/с: Зайцево, Колковичи
 Кротовский с/с: Лосево
 Львовский с/с: Чуркино
 Мушковичский с/с: Мушковичи
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 130; личный архив.
112. *1994, 10.08–18.08. **Тверская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Рамешковский район.
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 131.
113. *1995, 23.01–04.02. **Ленинградская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Лужский район.
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 132.
114. 1995, 22.01–06.02. **Тверская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Бельский район:
 Комаровский с/с: Булыгино, Петелино
 Макаровский с/с: Котово, Рожино
 Фелюкинский с/с: Рыжково
Жарковский район:
 Жарковский с/с: Гряда
Нелидовский район:
 Горковский с/с: Кривцово
 Заборский с/с: Верхнее Заборье
 Новоникольский с/с: Новоникольское (Экспедиция работала также в Оленинском районе).
- Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 133.
115. 1995, 18.06–18.07 (участие: 18.06–27.06). **Смоленская, Тверская области.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Смоленская область
Духовщинский район:
 Велистовская с/а: Велисто, Сесино
 Воронцовская с/а: Воронцово, Свиты
 Пречистенская с/а: Морзино, Пречистое, Рудня
 Трунаевская с/а: Шеболтаево
Тверская область
Жарковский район:
 Гороватская с/а: Берково
 (Экспедиция работала также в Западнодвинском и Торопецком районах Тверской области).
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 134.
116. 1995, 25.07–11.08. **Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ.** Экспедиция ФЭЦ.
Кондинский район:
 Алтайский с/с: Алтай, Кама
 Болчаровский с/с: Болчары
 Кондинский с/с: Ильичёвка, Никулкино, Старый Катыш
Ханты-Мансийский район:
 Базьяновский с/с: Базьяны
 Луговской с/с: Белогорье, Луговское
 Сибирский с/с: Реполово, Сибирский
 Троицкий с/с: Троица
 Тюлинский с/с: Тюли
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 135.
117. 1995, 12.07–16.07. Видеозаписи этнографических коллективов на фестивале в г. **Драма (Греция).** Личная поездка.
 Архив ФЭЦ СПбГК, ОВФ, кол. 135.
118. 1995, 07.09–16.09. **Смоленская,**

Тверская области. Экспедиция ФЭЦ.

Смоленская область

Духовщинский район:

Верешковичская с/а: Верешковичи

Пречистенская с/а: Гридино

Трунаевская с/а: Шеболтаево

Тверская область

Западнодвинский район:

Бенецкая с/а: Хватково

Севастьяновская с/а: Цикарево

Староторопская с/а: Старая Торопа

Торопецкий район:

Пятницкая с/а: Воробьи

(Экспедиция работала также в Андреапольском районе Тверской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 136; личный архив.

119. 1996, 05.02–11.02. **Тверская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Селижаровский район:

Березугский с/с: Бураково

Большешкошинский с/с: Вышегород, Соколово

Дмитровский с/с: Большое Выжлятниково, Малое Выжлятниково

Захаровский с/с: Краски

пгт Селижарово

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 137.

120. *1996, 03.02–10.02. **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Дорогобужский район.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 138.

121. 1996, 23.07–08.08. **Псковская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Гдовский район:

Вейнская вол.: Журавлёв Конец, Залесье, Зуевец, Крапивно, Новая Деревня

Гдовская вол.: Крутое

Добручинская вол.: Лобановщина, Лядины, Худыкино

Первомайская вол.: Выселок Жуковский, Гвоздно (Наумовщина), Горско-Рогово, Молоди, Новая Зубовщина, Старое Загорье, Терёб

Плесновская вол.: Брод

Ремдовская вол.: Гашково, Ореховцы

Спицинская вол.: Драгодино, Кятицы, Раскопель

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 142.

122. 1996, 15.08–05.09. **Тверская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Осташковский район:

Ждановский с/о: Жданово, Жилино

Святосельский с/о: Анушино

Щучьенский с/о: Роги, Сухая Нива

Пеновский район:

Середкинский с/о: Мизиново

Ржевский район:

Михалёвский с/о: Болотники, Бочарово

Селижаровский район:

Дрыгомский с/о: Дрыгома

Дягилевский с/о: Мясково, Перово

Малоананкинский с/о: Бабенки

Оковецкий с/о: Оковцы, Якшино

Шуваевский с/о: Бор-Волго, Колобово

Фировский район:

Дубровский с/о: Лядины, Пухтина Гора, Теляково

(Экспедиция работала также в Кувшиновском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 143.

123. 1997, 28.01–11.02. **Тверская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Тверская область

Вышневолоцкий район:

Лужниковский с/о: Лужниково, Межуиха, Хорёво

Фировский район:

Рождественский с/о: Городок, Заморино

Яблоньский с/о: Яхново

(Экспедиция работала также в Валдайском районе Новгородской области).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 148.

124. 1997, 25.06–28.07 (участие: 18.07–28.07). **Смоленская область.**

Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Демидовский район:

Пересудовская с/а: Монихи

Слободская с/а: Клин

Руднянский район:

Кляриновская с/а: Новосёлки

Кошевичская с/а: Боярщина, Понизовье

Николинская с/а: Холм

Понизовская с/а: Сафроново

Угоркинская с/а: Губники, Половино

(Экспедиция работала также в Велижском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 149.

125. **1997, 28.08–13.09. **Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ.** Экспедиция ФЭЦ.

Сургутский, Ханты-Мансийский районы.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 150.

126. 1998, 02.02–17.02. **Псковская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Новоржевский район:

Вишлёвская вол.: Свиномурово

Дубровская вол.: Кораблёво, Перхово

Зареченская вол.: Адорье, Малое Алешно г. Новоржев

Стехновская вол.: Крутцы, Ругодево, Стехново

Пушкиногорский район:

Новгородкинская вол.: Галичино

Пушкиногорская вол.: Воронич, Петровское, Селихново, Шаробыки

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 151.

127. 1998, 25.07–23.08 (участие: 04.08–

23.08). **Смоленская область.**

Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Руднянский район:

Голынковская с/а: Коптели, Тетери

Кругловская с/а: Одрино

Любавичская с/а: Блашкино, Большая

Березина, Ефремово, Любавичи,

Малая Березина, Махначи

Первомайская с/а: Дубровка

Переволочская с/а: Переволочье, Самсонцы

Привольская с/а: Ордовка

Чистиковская с/а: Заготино

Смоленский район:

Лоинская с/а: Борок, Лоино, Перегорши **(Экспедиция работала также в Краснинском районе).**

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 152.

128. *1998, 12.10–17.10. **Архангельская, Вологодская области.** Экспедиция ФЭЦ.

Архангельская область: Вельский район

Вологодская область: Верховажский район

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 153.

129. 1999, 01.02–15.02. **Псковская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Бежаницкий район:

Махновская вол.: Измалково, Липцы, Турово

Оршанская вол.: Залог, Мешток, Сторожня

Новоржевский район:

Алтунская вол.: Звягино, Карузы, Селиваново

Выборская вол.: Бабихино, Жуково, Копылово, Лужково, Стрелкино

Заборьевская вол.: Лаптево, Машатино, Федоново

Юхновская вол.: Гускино (Сухарево), Михалкино

(Экспедиция работала также в Пушкино-

горском районе).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 156.

130. 1999, 23.02. Запись в Санкт-Петербурге этнографического коллектива из **Тверской области**.

Весьегонский район:

Барановский с/о: Крешнево

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 153.

131. 1999, 21.07–26.08. **Смоленская область**. Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Ершицкий район:

Ершицкая с/а: Медведовка, Половитня
Посёлковская с/а: Высокий Борок,
Городок (Беловщина), Пустая Буда,
Сморкачи

Сеннянская с/а: Лужная, Новая Сенная,
Старая Сенная

Сукромлянская с/а: Петраково, Сукромля,
Тросна-Ивакино

Шумяцкий район:

Балахоновская с/а: Малеевка, Новое Заселье,
Старое Заселье

Гневковская с/а: Буда, Погорелово, Рязаново-Ворошилово

Надейковская с/а: Галеевка, Надейковичи

Первомайская с/а: Первомайский (Липовка)

(Экспедиция работала также в **Клетнянском районе Брянской области**).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 157.

132. 2000, 12.04–14.04. Запись в Санкт-Петербурге народных исполнителей из **Ставропольского края**
С. И. Милушкина, Е. К. Бандеровского.

Левокумский район: Кумская Долина

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 161.

133. 2000, 28.06–25.08 (участие: 01.08–

25.08). **Смоленская область**.

Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Хиславичский район:

Городищенская с/а: Городище, Новые Сиваи, Старые Сиваи, Суздалевка, Юрковщина

Кожуковичская с/а: Александровка, Базылёвка

Корзовская с/а: Большие Лызки

Мазыкинская с/а: Городок, Клюкино, Поплятино

Микшинская с/а: Гороватка, Медвёдовка

Соинская с/а: Жигалки, Соино, Старый Стан

Утинская с/а: Селезеньки, Слобода

(Экспедиция работала также в **Монастырщинском районе**).

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 162.

134. 2000, 25.09–08.10. **Вологодская область**. Экспедиция ФЭЦ совместно с ВОНМЦ.

Кирилловский район:

Коротецкий с/с: Бараково, Коротецкая, Скребино, Спелово

Липовский с/с: Бабичёво

Печенгский с/с: Воронино, Помелище

Ферапонтовская с/с: Глебовское, Теряево

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 163.

135. **2001, 14.06–20.06. **Тюменская область**. Экспедиция ФЭЦ.

Уватский район.

Ханты-Мансийский автономный округ: Сургутский, Ханты-Мансийский районы.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 165.

136. 2001, 04.07–17.08 (участие: 04.08–17.08). **Смоленская область**.

Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.

Ельнинский район:

Андреевский с/о: Ушаково

- Высоковский с/о: Барсуки
Коробецкий с/о: Усть-Дёмино
Мазовский с/о: Мазово
Малышевский с/о: Малое Павлово
Мутищенский с/о: Старое Мутище
Пронинский с/о: Голубев Мох, Пронино
Рождественский с/о: Хлысты
Теренинский с/о: Бывалка
Уваровский с/о: Уварово
(Экспедиция работала также в Глинковском районе).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 166.
137. 2002, 27.01–10.02. **Псковская область.** Экспедиция ФЭЦ.
Дедовичский район:
пгт Дедовичи
Станковская вол.: Боковень, Чернёво
(Экспедиция работала также в Бежаницком районе).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 167.
138. 2002, 16.03. Запись в Санкт-Петербурге исполнителей на гармониках, жителей **Ржевского района Тверской области.**
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 169.
139. **2002, 07.07–20.08 (участие: 01.08–20.08). **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Глинковский, Ельнинский, Починковский, Смоленский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 174.
140. *2002, 01.12–10.12. **Вологодская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ совместно с ВОИМЦ.
Сямженский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 177.
141. 2003, 02.06–23.08 (участие: 01.08–23.08). **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ
Рославльский район:
Лесниковская с/а: Рогово-2
(Экспедиция работала также в Починковском, Смоленском районах Смоленской области; Куйбышевском районе Калужской области).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 179.
142. *2004, 02.02–14.02. **Псковская область.** Экспедиция ФЭЦ.
Дновский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 186.
143. 2004, 27.06–23.08 (участие: 01.08–23.08). **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и ФЭЦ.
Кардымовский район:
пгт Кардымово
(Экспедиция работала также в Вяземском, Дорогобужском, Ельнинском, Починковском, Смоленском, Ярцевском районах).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 190.
144. 2005, 28.06–23.08 (участие: 01.08–23.08): **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и РФЭЦ.
Угранский район:
Всходский с/о: Всходы
(Экспедиция работала также в Вяземском, Дорогобужском, Новодугинском, Сафоновском районах).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 198.
145. *2005, 10.10–21.10. **Краснодарский край.** Экспедиция РФЭЦ.
Каневской район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 209.
146. *2006, 29.01–14.02. **Псковская область.** Экспедиция РФЭЦ.
Порховский, Псковский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 204.

147. *2006, 28.06–09.08. **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК и РФЭЦ.
Краснинский, Смоленский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 206.
148. 2006, 01.08–10.08. **Краснодарский край.** Экспедиция РФЭЦ.
Белореченский район:
Белореченск, Кубанский, Первомайский (Экспедиция работала также в Ейском, Каневском, Приморско-Ахтарском районах).
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 209.
149. *2006, 08.11–15.11. **Ставропольский край.** Экспедиция РФЭЦ.
Левокумский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 214.
150. 2006, 23.11. Запись в Санкт-Петербурге этнографического коллектива из **Челябинской области.**
Нагайбакский район: Париж
Архив ФЭЦ СПбГК, ОВФ, кол. 215.
151. *2007, 20.06–30.06. **Краснодарский край.** Экспедиция СПбГК.
Ейский, Каневской, Приморско-Ахтарский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 218.
152. *2007, 28.06–09.08. **Смоленская область.** Экспедиция СПбГК.
Краснинский, Починковский, Смоленский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, кол. 220.
153. *2008, 04.07–29.07. **Костромская, Ярославская области.** Экспедиция СПбГК.
Костромская область: Нерехтский район. Ярославская область: Некрасовский район.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 234.
154. *2008, 28.07–12.08. **Краснодарский край.** Экспедиция СПбГК.
Белоглинский, Ейский, Каневской, Приморско-Ахтарский районы.
Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ, ОВФ, кол. 238.

Список научных трудов А. М. Мехнецова

Монографии

Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильческого населения Западной Сибири. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. иск. / Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Л., 1983. — 32 с.

Мехнецов А. М. Русские гусли и гусельная игра: Исследование и материалы / Ред.-сост. Г. В. Лобкова. СПб.: ФГУК «Российский фольклорно-этнографический центр», 2006. Ч. 1. — 88 с.: нот., илл.

Мехнецов А. М. Русские традиционные наигрыши на гусях (в записях из Новгородской и Псковской областей) / Ред. Г. В. Лобкова, сост., авт. нотаций и примеч. К. А. Мехнецова. СПб.: Сатись, 2009. Ч. 2. — 100 с.: нот., видео-приложение.

Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильческого населения Западной Сибири. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — 208 с.: нот., илл., портр.

Коллективные труды, выполненные под руководством А. М. Мехнецова

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. / Автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Авт. коллектив: Е. А. Валевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова, А. М. Мехнецов, К. А. Мехнецова, А. Ф. Некрылова, А. В. Полякова, И. С. Попова, И. Б. Теплова. Отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская. СПб.; Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. — 688 с., Т. 2. — 816 с.: нот., илл.

Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов. Авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Релькова, И. С. Попова. Отв. ред. Г. В. Лобкова. Лит. ред. Е. А. Валевская. СПб.; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2005. — 488 с.: нот., илл.

Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / Сост., науч. ред. Г. В. Лобкова; Авт. коллектив: А. М. Мехнецов (руководитель авт. коллектива), Е. А. Валевская, Т. Г. Иванова, О. А. Федотовская, С. В. Подрезова, Е. А. Пархомова / Сост., науч. ред. Г. В. Лобкова. Отв. ред. К. А. Мехнецова. Лит. ред. А. Ф. Некрылова.

СПб.; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2009. — 286 с.: нот., илл.

Сборники народных песен (публикация экспедиционных материалов – запись, расшифровка, составление)

Хороводные песни, записанные в Томской области (Песни Томского Приобья) / Зап., нотация, сост., предисл. и примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. — 78 с.: нот.

Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Зап., [нотация], сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1977. — 64 с.: нот.

Песни донских казаков, напевы А. И. Каргальским / Зап. и сост. А. М. Мехнецов и В. С. Бахтин. Л.: Сов. композитор, 1979. — 72 с.: нот.

Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни Средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1981. — 135 с.: нот.

Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1983. Вып. 1. — 80 с.: нот.; 1984. Вып. 2. — 136 с.: нот.

Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1985. — 123 с.: нот.

Подблюдные песни Белозерья (публикация А. М. Мехнецова) // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция: Сб. науч. ст. Л.: Изд-во Ленинградской гос. консерватории, 1985. С. 101–135.

Лирические песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области / Запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.: Сов. композитор, 1986. — 96 с.: нот.

Народные песни Псковской области / Сост. А. М. Мехнецов. Псков: Псковский ОНМЦ, 1987 (ротапринт).

Песни Псковской земли: По материалам фольклорных экспедиций / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. — 296 с.: нот.

Илья Муромец на Соколе-корабле [публикация записи А. М. Мехнецова] // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. С. 118–119. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Традиционные зимние увеселения взрослой молодёжи в районах Среднего Приобья: переиздание материалов очерка И. Я. Неклепаева «Поверья и обычаи Сургутского края», 1903 г. с приложением напевов из сибирских коллекций А. М. Мехнецова (экспедиционные записи 1967–1975 годов) / Сост. Г. В. Лобкова // Русская традиционная культура. Альманах. М.: Родникъ, 1996. № 1–2. — 155 с.: нот.

Мехнецов А. М. Песни русских старожилов Западной Сибири. Вып. 1: Народные песни Томского Приобья / Зап., нотация, сост., предисл. и примеч. А. М. Мехнецова. М.: Родник, 2000. — 256 с.: нот., фото, аудиоприложение (CD). (Переиздание сборников хороводных, свадебных и лирических песен Томского Приобья).

Научная редакция публикаций полевых материалов

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Муз. ред.-сост. А. М. Мехнецов. М.: Современник, 1985. — 390 с.: нот., илл., пластинка.

По заветам старины: Материалы традиционной народной культуры Вожегодского края / Сост. И. С. Попова, О. В. Смирнова. Под ред. А. М. Мехнецова // Русская традиционная культура. Альманах. М.: Родник, 1997. Вып. 2. — 188 с.: нот.

Составление сборника научных статей

Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. М. Мехнецов. Л.: Изд-во Ленинградской гос. консерватории, 1985. — 136 с.: нот.

Научные статьи, предисловия к изданиям, разделы в коллективных трудах, тезисы

Мехнецов А. М. Предисловие // Хороводные песни, записанные в Томской области (Песни Томского Приобья) / Зап., нотация, сост., предисл. и примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. С. 3–10.

Мехнецов А. М. Предисловие // Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Зап., [нотация], сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1977. С. 3–12.

Мехнецов А. М. Об особенностях песенного стиля старожилов Томского Приобья // Музыкальная фольклористика. Вып. 2. М.: Сов. композитор, 1978. С. 158–179.

Мехнецов А. М. Замечания к напевам // Песни донских казаков, напеты А. И. Каргальским / запись и составление А. М. Мехнецова и В. С. Бахтина. Л., 1979. С. 66–68.

Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры (тезисы доклада на Всероссийской науч. конф. «Прошлое и настоящее русской хоровой культуры») // Всероссийский фестиваль «Невские хоровые ассамблеи». М., 1984. С. 32–34.

Мехнецов А. М. Песни Средней Сухоны. Первоначальный вариант предисловия к изданию: Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны (по материалам студенческих фольклорных экспедиций) / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1981. *Публикуется впервые.*

Мехнецов А. М. Предисловие // Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1983. Вып. 1. С. 3–7.

Мехнецов А. М. Предисловие // Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1984. Вып. 2. С. 3–9.

Марченко Ю. И., Мехнецов А. М. Календарно-обрядовые песни в системе местных традиций (опыт сравнительного анализа) // Музыка народного календаря: Тезисы докладов науч.-практ. конф. (14–17 ноября 1985 года в Куйбышеве). М., 1985. С. 27–29.

Мехнецов А. М. Предисловие // Народные песни Ленинградской области. Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л.: Сов. композитор, 1985. С. 3–11.

Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция: Сб. науч. ст. Л.: Изд-во Ленинградской гос. консерватории, 1985. С. 5–19.

Мехнецов А. М. О сибирских лирических песнях [Предисловие к изданию]: Лирические песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области / Запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.: Сов. композитор, 1986. С. 3–15.

Мехнецов А. М. Предисловие // Песни Псковской земли: По материалам фольклорных экспедиций / Сост. А. М. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. С. 3–10.

Мехнецов А. М. «Какова нива, такова и жнива». Живные песни псковских крестьян // Народное творчество. М.: Профиздат, 1991. № 7 (31). С. 9–11.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Особенности обрядовой системы и фольклора северо-западного района Вологодской области // Тезисы науч.-практ. конф. «Проблемы традиционной культуры Северо-Западного региона России». Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 1993. С. 19–31.

Мехнецов А. М. Экспедиционные исследования и фонды Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории // Информационно-практ. конф. по проблемам традиционной народной культуры Северо-Западного региона России. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 20–22 октября 1993 г. Вологда, 1993. С. 3–5.

Мехнецов А. М. Краткая характеристика фольклора Средневеликоречского региона (зоны) // Кадастр: Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: Псковский государственный пединститут им. С. М. Кирова, 1997. С. 454–459.

Мехнецов А. М. Собрание фольклорно-этнографических материалов Санкт-Петербургской консерватории // Там же. С. 711–714.

Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Музыка устной традиции: Материалы Международной конф. памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 178–183. (Науч. тр. Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 27).

Мехнецов А. М. Похоронно-поминальная обрядность на Северо-Западе России // Православие и культура этноса: Международный науч. симпозиум (9–13 октября 2000 г., г. Москва): тезисы докл. М.: Старый сад, 2000. С. 114.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Традиции народной культуры Вологодской области: итоги и перспективы комплексного изучения (по результатам экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра) // На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2001. С. 9–17.

Мехнецов А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России // Исторический вестник: Науч. журнал: Спец. вып.: Материалы Международного науч. симпозиума «Православие и культура этноса» (Москва, 9–13 октября 2000 г.). М.; Воронеж, 2001. С. 341–345.

Мехнецов А. М. Введение // Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. / Автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Авт. коллектив: Е. А. Валевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова, А. М. Мехнецов, К. А. Мехнецова, А. Ф. Некрылова, А. В. Полякова, И. С. Попова, И. Б. Теплова. Отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская. СПб.; Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. С. 9–29.

Мехнецов А. М., Мехнецова К. А. Указатель: Основные темы, образы, сюжетные мотивы календарно-обрядовых песен // Там же. Т. 2. С. 641–663.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Указатель: Основные темы, образы, сюжетные мотивы свадебно-обрядовых песен // Там же. Т. 2. С. 664–701.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецова К. А., Махова Л. П. Указатель: Основные темы, образы, сюжетные мотивы лирических и балладных песен // Там же. Т. 2. С. 702–715.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В. (при участии Ивашиной О. В., Поляковой А. В., Попок Е. Л., Теплово И. Б., Мехнецовой К. А.). Каталог хоропроводных и плясовых песен. Содержание поэтических текстов: темы, образы, сюжетные мотивы. Перечень записей // Там же. Т. 2. С. 716–750.

Мехнецов А. М. Е. Э. Линёва и современные экспедиционные исследования фольклорных традиций Белозерья // По следам Е. Э. Линёвой: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 54–58.

Мехнецов А. М. Некоторые итоги фольклорно-этнографических исследований Псковской области (Псково-Печорское Обозерье) // Изборск и его округа: Материалы научно-практической конференции, посвященной

30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.) / Под ред. В. В. Седова. Псков, 2002. С. 113–119.

Мехнецов А. М. Основные направления фольклористической деятельности Петербургской консерватории // Петербургская консерватория в мировом музыкальном процессе 1862–2002 гг.: Материалы Международной науч. сессии, посвященной 140-летию Консерватории (17–19 сентября 2002 г.) / Отв. ред. и сост. Л. Г. Данько. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской гос. консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, 2002. С. 39–40.

Мехнецов А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности Северо-Запада России (поминальные, «урочные дни») // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 198–203.

Мехнецов А. М. Стиль в музыкальном фольклоре (замечания к постановке проблемы) // Фольклор: современность и традиция. Материалы Третьей Международной конф. памяти А. В. Рудневой / Ред. Н. Н. Гилярова. М.: Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2004. С. 40–43. (Науч. тр. Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 48).

Мехнецов А. М. Типическое в природе и формах фольклора // Звук в традиционной народной культуре: Сб. науч. ст. / Сост. Н. Н. Гилярова. М.: Научтехлитиздат, 2004. С. 22–54.

Мехнецов А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные дни») – по результатам экспедиций 1990–2000-х годов в Вологодскую и Смоленскую области // Традиционная народная культура и современность. Материалы науч.-практ. конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.) / Ред.-сост. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 96–106.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А. Введение // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов. Авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Редькова, И. С. Попова. Отв. ред. Г. В. Лобкова. Лит. ред. Е. А. Валевская. СПб.; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2005. 13–20.

Мехнецов А. М. О задачах комплексного исследования фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М.: Госуд. республиканский центр русского фольклора, 2005. Т. 1. С. 360–371.

Мехнецов А. М. Русские гусли // Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Каталог выставки / Министерство культуры РФ, Фольклорно-этнографический центр, Коллекция муз. INSTR. Музея музыки в Шереметевском дворце. Науч. ред. А. М. Мехнецов. Авт.-сост. 1–2 частей Г. В. Лобкова. Авт.-сост. 3 части В. В. Кошелев. Материалы к Каталогу ин-

струментов подготовлены К. А. Мехнецовой при участии Е. А. Валевской (1–2 части), В. В. Кошелевым (3 часть). Консультант А. Н. Теплов. Графические работы – Т. Г. Шубина (чертежи инструментов), А. С. Вересов, С. В. Булкин (компьютерная обработка изобразительных материалов). Фотографии гуслей – В. А. Гордеев. СПб., 2006. С. 3–16.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А. Результаты экспедиционной деятельности Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и Фольклорно-этнографического центра на территории Смоленской земли (1964–2004 гг.) // М. И. Глинка. К 200-летию со дня рождения: Материалы Международной науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Н. И. Дегтярёва, Е. Г. Сорокина. М.: Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2006. Т. 2. С. 345–355.

Мехнецов А. М. Система опознавательных признаков местных фольклорных традиций и задачи картографирования // Рябининские чтения-2007. Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 359–361.

Мехнецов А. М. Заметки о репортажах. 2008. Публикуется впервые.

Мехнецов А. М. Гусли // Энциклопедия «Музыкальные инструменты». М.: Дека-ВС, 2008. С. 178–181.

Мехнецов А. М. Русская гусельная традиция // Славянская правда. Научно-популярный и историко-литературный журнал. СПб.: Петровская академия наук и искусств, 2008. № 1. С. 44–50.

Мехнецов А. М. Русские гусли в собрании Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова // Музеи театра и музыки в международном пространстве: опыт, традиции, сотрудничество: Материалы науч.-практ. конф. СПб.: Чистый лист, 2008. С. 250–259.

Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 132–135.

Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре форм народной традиционной культуры // Musicus. Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. 2008. № 4 (13). С. 71–73.

Мехнецов А. М. Архаические формы русской хореографии (тезисы доклада на 7-й Международной конф. по изучению танца 12–16 июля 1995 года. Греция, г. Драма) // Живая старина. М., 2009. № 3 (63). С. 46–47.

Мехнецов А. М. Проблемы системного изучения явлений фольклора. Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузикологии: Материалы науч. конф. / Ред.-сост. Е. В. Битерякова. М., 2009. С. 77–89.

Мехнецов А. М. Программные цели и задачи в деле сохранения основ народной традиционной культуры // Вестник Петровской академии наук и искусств. СПб., 2009. № 2 (13). С. 112–113.

Каталог

Гусли – русский народный музыкальный инструмент: Каталог выставки / Мин. Культуры РФ, Фольклорно-этнографический центр, Коллекция муз. инстр. Музея музыки в Шереметевском дворце. Науч. ред. А. М. Мехнецов. Авт.-сост. 1–2 частей Г. В. Лобкова. Авт.-сост. 3 части В. В. Кошелев. Материалы к Каталогу инструментов подготовлены К. А. Мехнецовой при участии Е. А. Валевской (1–2 части), В. В. Кошелевым (3 часть). Консультант А. Н. Теплов. Графические работы – Т. Г. Шубина (чертежи инструментов), А. С. Вересов, С. В. Булкин (компьютерная обработка изобразительных материалов). Фотографии гуслей – В. А. Гордеев. СПб., 2006. – 112 с.: илл.

Научное руководство работами по грантам Президента России, Министерства культуры РФ, РГНФ

Народные песни в записи А. С. Пушкина (к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Иванова Т. Г., Лобкова Г. В., Валевская Е. А., Теплова И. Б., Попова И. С.; при участии Жарниковой С. В., Поляковой А. В., Мехнецовой К. А., Мехнецова А. А., Гордеева В. А., Снитко П. Б., Корольковой И. В., Мальцевой О. В. Грант Президента России. 1998. *Документы публикуются впервые.*

Реставрация документальных звукозаписей русского музыкального фольклора на основе современных компьютерных технологий. Науч. рук. проекта: Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецов А. А., Гордеев В. А., Полякова А. В. Грант Президента России. 1999.

Электронный каталог фольклорно-этнографических материалов «Народная традиционная культура Псковской области». Мультимедиа. Науч. рук. проекта, сост. Мехнецов А. М., коллектив авторов: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецов А. А., Смирнова О. В., Теплова И. Б., Попова И. С., Королькова И. В., Полякова А. В., Мехнецова К. А. Проект РГНФ № 96-04-12026В. 1999.

Полевые исследования музыкального фольклора юго-западных районов Смоленской области. Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Попова И. С., Мехнецов А. А., Королькова И. В. Проект РГНФ № 00-04-18018е. 2000.

Полевые исследования народной традиционной культуры и фольклора родины М. И. Глинки (к 200-летию со дня рождения композитора). Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Попова И. С., Мехнецов А. А., Королькова И. В. Проект РГНФ № 01-04-18023е. 2001.

Государственный институт русского фольклора: концепция; программа деятельности; пути реализации проекта. Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Гордеев В. А. Грант Министерства культуры РФ в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 годы)». 2002. *Документы публикуются впервые.*

Экспедиционные исследования народной традиционной культуры и фольклора центральных районов Смоленской области. Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Попова И. С., Мехнецов А. А. Проект РГНФ № 02-04-18021е. 2002.

Выставка-симпозиум «Гусли – русский народный музыкальный инструмент». Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Мехнецов А. М., Кошелев В. В., Лобкова Г. В., Мехнецов А. А. и др. Грант Министерства культуры РФ. 2003. *Документы публикуются впервые.*

Народная традиционная художественная культура русских старожилов Западной Сибири. Науч. рук. проекта Мехнецов А. М. Исп. проекта: Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Петров А. Ю., Мехнецов А. А., Махова Л. П., Редькова Е. С. Проект РГНФ № 03-04-12043в. 2003–2004.

Программы возрождения традиций народной культуры

Мехнецов А. М. Традиционная народная культура: программа сохранения, защиты и возрождения // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр.: В 2 ч. / Сост. А. Н. Иванов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 142–146.

Мехнецов А. М. Русская фольклорно-этнографическая экспедиция. Программа создания фундаментального научного собрания фольклорно-этнографических материалов по русской народной традиционной культуре как источниковедческой базы возрождения народных культурных традиций. Проект. [Середина 1990-х годов]. *Публикуется впервые.*

Мехнецов А. М. Российский Фольклорный Союз – десять лет спустя // Фольклор и молодёжь: От истоков к современности / Ред.-сост. Н. Н. Гилярова. М.: Российский фольклорный союз, 2000. С. 30–37.

Мехнецов А. М. Фольклор и этнография: Программа возрождения традиций народной духовной и материальной культуры Вологодской области / Ред. А. В. Кулёв. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000. – 18 с. («Народные традиции Вологодской области: Традиции и современность»).

Областная целевая программа «Сохранение и восстановление традиционной народной культуры как основы развития культуры села на 2001–2005 годы». Утверждена Постановлением Законодательного Собрания Вологодской области № 484 от 04.10.2000. Вологда, 2000. – 20 с. (*Участие в составе коллектива авторов-разработчиков.*)

«Культура Русского Севера» – Федеральная целевая подпрограмма (*участие в разработке концептуальных положений*). 2003.

Программа восстановления цикла русских национальных праздников, связанных со сменой времён года «Солнцеворот». Подготовлена коллективом авторов в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» по заказу Вологодского областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации. Науч. рук. проекта, автор 1 раздела Программы А. М. Мехнецов (совместно с А. Ф. Некрыловой, Г. В. Лобковой). 2003. *Раздел Программы публикуется впервые*.

Мехнецов А. М. Значение традиционной народной культуры в формировании культурно-экологического сознания // Межрегиональный фестиваль «Здоровая жизнь». Материалы науч.-практ. конф. и семинаров 24 сентября – 4 октября 2004 г. Вологда, 2003. С. 65–67.

Мехнецов А. М. Программа полевых исследований культурных традиций Краснодарского края. 2006.

Образовательные программы, учебно-методические пособия

Мехнецов А. М. Музыкально-этнографическая практика: Программа для музыкальных вузов по специальностям № 2207 «Композиция», № 2208 «Музыковедение». Проект / Всесоюзный метод. кабинет по учеб. заведениям искусства и культуры; сост. А. М. Мехнецов. М., 1982. – 13 с.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А. Музыкально-этнографическое отделение консерватории: Программа подготовки фольклористов // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Банин. М., 1990. Вып. 1. С. 105–134.

Мехнецов А. М. Программа специальных классов Фольклорно-этнографического центра. [Начало 1990-х годов]. *Публикуется впервые*.

Образовательная программа Музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова / Сост. А. М. Мехнецов, Е. А. Валевская, Г. В. Лобкова. СПб.: СПбГК, 1997. – 35 с.

Мехнецов А. М. Предпосылки обращения к народной традиционной культуре в образовательном процессе // Традиции и новаторство в современной школе: Тезисы докладов науч.-практ. конф. (2–3 декабря 1997 г.) / Под ред. Б. З. Вульфова, Т. В. Лодкиной, В. И. Шихова. Вологда; М., Русь, 1998. Ч. 1. С. 136–138.

Мехнецов А. М. Русские гусли. Научно-методическое пособие с видео-приложением // Русская традиционная культура. Альманах. М.: Родник, 1998. – 24 с., видеокассета с этнографическими материалами.

Образовательная программа Музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова / Санкт-Петербургская государственная консерватория

имени Н. А. Римского-Корсакова, Фольклорно-этнографический центр; сост. А. М. Мехнецов. СПб., 1999. — 34 с.

Образовательная программа Музыкально-этнографического отделения Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 2000.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства. Специальность 054000 «Этномузыкология». Утвержден заместителем Министра образования Российской Федерации Л. С. Гребневым 05 марта 2003 г., номер государственной регистрации № 570. — 44 с. (*Участие в разработке*).

Этномузыкология. Специальность 070112 (054000). Примерные программы дисциплин. Государственный образовательный стандарт. Примерный учебный план. Требования к материально-техническому обеспечению / Министерство образования и науки Российской Федерации и др.; науч. ред. А. М. Мехнецов. СПб.: Шатон, 2005. — 668 с.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Основы этномузыкологии // Этномузыкология. Специальность 070112 (054000). Примерные программы дисциплин. Государственный образовательный стандарт. Примерный учебный план. Требования к материально-техническому обеспечению. СПб.: Шатон, 2005. С. 23–46.

Мехнецов А. М., Иванова Т. Г., Лобкова Г. В. История фольклористики и этномузыкологии // Там же. С. 315–348.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Теория музыкального фольклора // Там же. С. 349–386.

Мехнецов А. М., Мехнецова К. А., Пархомова Е. А. Народная хореография // Там же. С. 435–450.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Народные музыкальные инструменты // Там же. С. 451–466.

Мехнецов А. М., Мехнецова К. А. Фольклорный ансамбль // Там же. С. 467–486.

Мехнецов А. М., Редькова Е. С. Методика работы с фольклорным ансамблем // Там же. С. 505–524.

Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Программа подготовки специалистов в области этномузыкологии // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Сб. науч. тр. Вып. 3. Вологда: Русь, 2007. С. 268–275.

Проекты в системе мультимедиа

Мехнецов А. М., Шенников А. А., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Гордеев В. А. Фольклор и этнография Западной Сибири (традиционные формы материальной культуры, традиции обрядово-праздничной жизни и фольклора сибиряков-старожилов). Справочно-информационная система / Науч. рук. А. М. Мехнецов. СПб., 1996.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Мехнецов А. А., Смирнова О. В., Теплова И. Б., Попова И. С., Королькова И. В., Полякова А. В., Мехнецова К. А. Народная традиционная культура Псковской области. Электронный каталог фольклорно-этнографических материалов / Науч. рук., сост. А. М. Мехнецов. СПб., 1999.

Мехнецов А. М., Валевская Е. А., Лобкова Г. В., Петров А.; при участии Мехнецова А. А., Маховой Л. П., Редьковой Е. С. Народная традиционная художественная культура русских старожилов Западной Сибири. По материалам личных коллекций А. М. Мехнецова и фондов Российского фольклорно-этнографического центра (Санкт-Петербург). СПб., 2005.

Грампластинки (студийные и экспедиционные записи народных исполнителей, составление программ – А. М. Мехнецов)

«Родные напевы»: Народный хор села Ладва / [Сост. А. М. Мехнецов]. Мелодия, 1977. СМ 03751 2.

Русские народные песни Вологодской области. [Верховажский район] / [Сост. А. М. Мехнецов]. Аннотация Н. М. Светличной. Мелодия, 1978. С 2010825 26.

Фольклор Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Монастырёк Сланцевского района, Бетково, Сырец Лужского района] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1979. С 20 11781 82.

Фольклорный ансамбль деревень Ворошино и Мякинницыно Вологодской области / [Сост. А. М. Мехнецов]. Аннотация Е. И. Мельник. Мелодия, 1979. С 22 11789 90.

Песни Архангельской области: Фольклорный ансамбль Ленинградской консерватории [художественный руководитель – А. М. Мехнецов] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1981. С 20 15899 900.

Старинные обрядовые песни: Ансамбль с. Николаевское Лужского района Ленинградской области / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1981. С 22 15653 4.

«У нас Оленька да цветочек»: Свадебные песни Ленинградской области [фольклорные ансамбли деревень Рудно и Загривье Сланцевского района] / [Сост.] А. М. Мехнецов. Мелодия, 1981. С 20 16721 2.

«Отлетала лебёдушка»: Свадебные и лирические песни [Поют участники III Киришского фестиваля – фольклорные ансамбли деревень Горчаково, Березники, Пчева Киришского района Ленинградской области, деревни Авдеево Пудожского района Карельской АССР] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1983. С 20 19041 2.

«Из-за лесу, лесу тёмного»: Лирические, плясовые и свадебные песни Архангельской области [фольклорные ансамбли деревень Верхопаденьга, Кашеевская, Уйта] / [Сост. А. М. Мехнецов]. Аннотация И. Б. Толстиковой. Мелодия, 1984. С 20 21557 006.

«Ох, эко сердце»: Лирические песни Устьянского района Архангельской области [ансамбли деревень Михалёво и Кузоверской] / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1984. С 20 20815 008.

Псковские гусли. Народные наигрыши. Исполняет Иван Михайлов / [Сост.], аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1985. М 22 46261 008.

Песни Дона и Кубани: [Исполнители – А. И. Каргальский, этнографический ансамбль села Белая Глина Краснодарского края / [Сост. А. М. Мехнецов, Т. Павлова]. Мелодия, 1986. С 20 23399 004.

«Гуди гораздо»: Народные музыкальные инструменты Псковской области. Плясовые наигрыши. [Экспедиционные записи Ленинградской консерватории 1984–1987 гг.] / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1987. С 20 26013 007.

«Гуди гораздо»: Народные музыкальные инструменты Псковской области. Ярмарочная игра [Экспедиционные записи Ленинградской консерватории 1984–1987 гг.] / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация А. М. Мехнецова. Мелодия, 1987. С 20 26011 002.

Напевы родины М. П. Мусоргского. Исполняют этнографические коллективы Псковской области и Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории под руководством А. М. Мехнецова / Сост. А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова. Аннотация Е. А. Вальной. Мелодия, 1989. С 20 28761 001.

Русская народная музыка западных, центральных областей и Поволжья: Антология. Мелодия, 1990 (альбом из 2 пластинок). М 20 49275 001, С 20 29957 004.

Русская народная музыка Севера и Сибири: Антология / Аннотации В. В. Коргузалова, А. М. Мехнецова. Мелодия, 1990 (альбом из 2 пластинок). М 20 49433 002.

Издание материалов по народной традиционной культуре на CD/DVD

Народная традиционная культура Вологодской области: [Аудиоприложение к изданию: Народная традиционная культура Вологодской области Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов. СПб.; Вологда, 2005]: В 2 CD / Сост. изд. на DVD Г. В. Лобкова, И. Б. Теплова, Г. Н. Щупак; оцифровка фонограмм: А. А. Мехнецов; монтаж: Г. Н. Щупак. СПб.: ООО «Долина Бортонага», 2008.

Песни Кубани в современных записях. Вып. 1: Материалы экспедиций в Белореченский и Каневской районы Краснодарского края. Зап.: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова и др.; видеосъёмка и монтаж Г. В. Лобковой; сост. Г. В. Лобкова. М.: Российский фольклорный союз, 2008. – 1 DVD.

Мехнецов А. М. Русские гусли и гусельная игра: [Электронная версия книжных изданий: *Мехнецов А. М.* Русские гусли и гусельная игра: Исследование и

материалы. СПб., 2006. Ч. 1; *Мехнецов А. М.* Русские традиционные наигрыши на гуслях (в записях из Новгородской и Псковской областей). СПб., 2009. Ч. 2 и видеоприложение ко второй части]: [В 2 DVD]. СПб.: ООО «Гиперборея», 2009.

Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. [Электронная версия книжного издания; Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л., 1985. С аудиоприложением]: [1 DVD]. Оцифровка фонограмм: А. А. Мехнецов; изд. подг. К. А. Мехнецова, Е. Л. Попок. СПб.: Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, 2011.

Народные песни Томского Приобья / Авт. зап.: А. М. Мехнецов [Электронная версия книжных изданий: Хороводные песни, записанные в Томской области (Песни Томского Приобья) / Зап., нотация, сост., предисл. и примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. – 78 с.: нот.; Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Зап., [нотация], сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.; М.: Сов. композитор, 1977. – 64 с.: нот.; Лирические песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области / Запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л.: Сов. композитор, 1986. – 96 с.: нот. С аудиоприложением]. Оцифровка фонограмм: Г. П. Любимов, А. А. Мехнецов; сост. К. А. Мехнецова. СПб.: Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, 2011.

Песни Псковской земли: Календарно-обрядовые песни / Сост. А. М. Мехнецов. [Электронная версия книжного издания: Песни Псковской земли: По материалам фольклорных экспедиций / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1989. С аудиоприложением]: [В 2 DVD] Оцифровка фонограмм: А. А. Мехнецов; изд. подг. Г. Н. Щупак, ред. И. Б. Теплова. СПб.: Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, 2011.

**Телевизионные музыкальные фильмы
с участием Фольклорного ансамбля
Санкт-Петербургской государственной консерватории
(художественный руководитель,
соавтор сценариев – А. М. Мехнецов)**

«Снега» (о святочных обрядах). Сценарий: А. Н. Розов, С. В. Фролов. Режиссёр М. М. Михеев. Ленелефильм, 1981.

«Поклонилась весна кузнецу» (песни и обряды масленичного периода). Сценарий: А. М. Мехнецов. Режиссёр М. М. Михеев. Ленелефильм, 1982.

«И хлеб, и песня» (свадебный обряд и песни. Жатвенные трудовые традиции). Сценарий: А. М. Мехнецов, Е. А. Валевская, Б. Петрушанский. Режиссёр М. М. Михеев. Лентелефильм, 1983.

«Живые струны» (русский эпос, гусли). Сценарий: А. М. Мехнецов. Режиссёр М. М. Михеев. Лентелефильм, 1986.

«Тотуголок земли...» (народные песни в записи А. С. Пушкина). Сценарий: А. М. Мехнецов, Е. А. Валевская, С. Ильина. С участием С. С. Гейченко. Режиссёр Н. Тихонов. Текст читает И. М. Смоктуновский. М.: Центральное телевидение, студия «Народное творчество», 1987.

Публицистика

Мехнецов А. М. Наши цели и задачи // Живая традиция. Вестник Российского фольклорного союза. 2008. № 3–4. С. 7–8.

Мехнецов А. М. Взгляд руководителя // Музыка и время. 2006. №. 6. С. 34.

Народные песни, записанные А. М. Мехнецовым, в обработках композиторов

«Встань-ка, Машенька, поране». Обработка Л. А. Пригожина // Русские народные песни в обработке советских композиторов для смешанного хора без сопровождения / Сост. Н. Л. Котикова. Л.: Музыка, 1970. С. 58–61.

«Я пойду-то с горя». Обработка В. Н. Салманова // Русские народные песни в обработке советских композиторов для смешанного хора без сопровождения / Сост. Н. Л. Котикова. Л.: Музыка, 1970. С. 36–40.

Литература о А. М. Мехнецове

Смирнова М. М., Выгон С. Л. Собиратель // «Молодой ленинец» (газета Томского обкома ВЛКСМ). 3, 5, 10 февраля 1976. № 14–16.

Государственное учреждение культуры «Фольклорно-этнографический центр» // Золотая книга Санкт-Петербурга (к 300-летию Санкт-Петербурга). СПб., 2003. Т. 2. С. 974–975.

Государственное учреждение культуры «Фольклорно-этнографический центр» // Золотая летопись славных дел к 1100-летию Пскова. Псков, 2003. С. 371.

А. М. Мехнецов – человек номера // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (7). С. 2.

Валевская Е. А. Биография [А. М. Мехнецова] // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (7). С. 3–10.

А. М. Мехнецов в своих высказываниях, замечаниях, размышлениях и иных проявлениях собственной устной традиции // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (7). С. 3–15.

Ученики А. М. Мехнецова // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (7). С. 11–19.

Никулина Ж. Г., Захарова С. Ю., Гладкова (Мальцева) О. В., Соколова (Кузьмина) Л. С., Кузьмина А. С. Наука побеждать от А. М. Мехнецова (слово

пермских учеников) // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (7). С. 16–19.

Королькова И. В. К 70-летию А. М. Мехнецова // Музыкаведение. 2006. № 3. С. 39–42.

[Коллеги и ученики А. М. Мехнецова]. «Фольклорист должен уметь всё» // Музыка и время. 2006. №. 6. С. 30–33.

Якубовская Е. И. О счастливой юности // Музыка и время. 2006. №. 6. С. 35.

Основные научные труды А. М. Мехнецова // Музыка и время. 2006. №. 6. С. 36–38.

Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории. Страницы истории [Буклет, подготовленный к концерту в рамках Всероссийской науч.-практ. конференции «Традиционная народная культура как основа национального самосознания. Праздничный концерт «По заветам старины» – к 30-летию Фольклорного ансамбля Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Малый зал имени А. К. Глазунова. 18 октября 2006 года] / Сост. Е. С. Редькова, С. В. Подрезова, Е. А. Пархомова, О. В. Сюткина, Е. А. Юрова (Панова). Ред. А. М. Мехнецов. СПб., 2006. – 11 с.: илл.

Памяти Учителя – Анатолия Михайловича Мехнецова // Musicus. 2008. № 4 (13). С. 70–71.

Попова И. С. Любим, верим, помним... // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 131–132.

Валевская Е. А. Научные труды А. М. Мехнецова. Избранная библиография // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 132–134.

Учитель // Живая традиция. Вестник Российского фольклорного союза. 2008. № 3–4. С. 6.

Некролог // Вестник Петровской академии наук и искусств. 2009. № 2 (13). С. 114–115. (Автор В. П. Чистяков).

Основные научные труды А. М. Мехнецова // Вестник Петровской академии наук и искусств. 2009. № 2 (13). С. 116–120.

Призвание: Памяти Анатолия Михайловича Мехнецова [Видеофильм – DVD] / Сост. Г. В. Лобкова, А. А. Мехнецов, С. В. Булкин, Д. В. Жукова. СПб.: ООО «Гиперборея», 2009.

Валевская Е. А. О моём отце, муже и времени, в котором мы жили // «Эта пристань есть...» [сб.] Портреты. Размышления. Воспоминания о людях в Писательском доме / Идея книги, сбор материалов, сост. Т. В. Акуловой. СПб., 2012. С. 327–336.

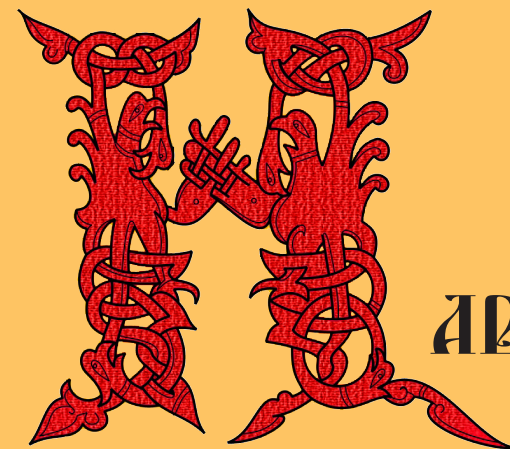
Анатолий Михайлович МЕХНЕЦОВ (1936–2008) — русский учёный-этномузыколог, собиратель фольклора, педагог, общественный деятель. Настоящее собрание статей, материалов и документов впервые объединяет работы А. М. Мехнецова, ранее публиковавшиеся в различных научных изданиях.

В сборник вошли теоретические статьи, касающиеся основных вопросов и проблем этномузыкологии, определения ключевых понятий науки, а также методические разработки и другие документы, свидетельствующие о многогранной профессиональной деятельности А. М. Мехнецова. Ряд материалов публикуется впервые.

Издание адресовано специалистам в области этномузыкологии, работникам сфер культуры, науки и образования, студентам, а также всем, кто видит своё призвание в сохранении, познании и достоверной передаче новым поколениям сокровищ народной памяти.

А. М. Мехнецов • НАРОДНАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

А. М. Мехнецов

НАРОДНАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ